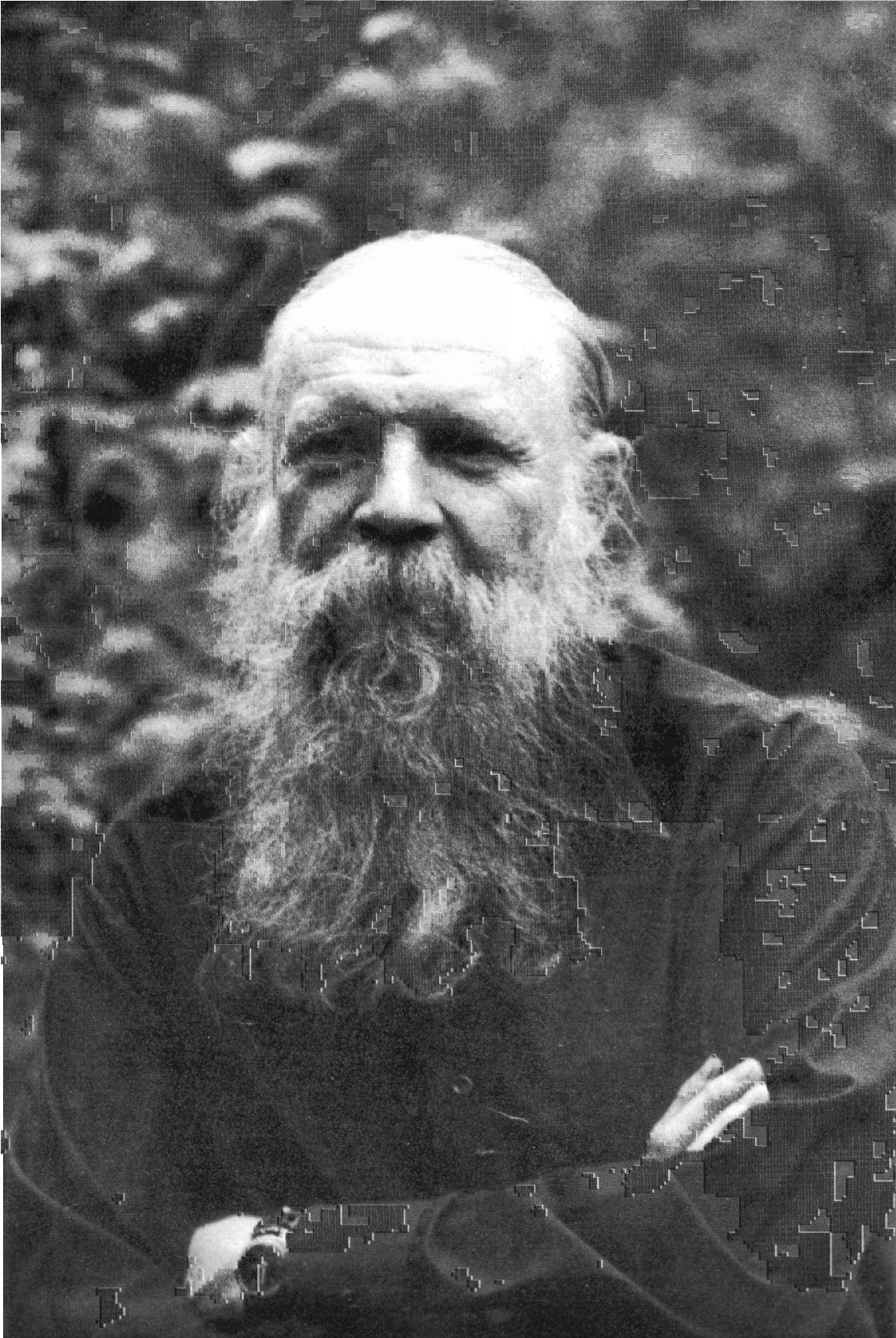

Н. И. ТОЛСТОЙ

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ
Том I

СЛАВЯНСКАЯ
ЛЕКСИКОЛОГИЯ
И
СЕМАСИОЛОГИЯ

ЯЗЫК . СЕМИОТИКА . КУЛЬТУРА

Н. И. Толстой

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

Том 1

СЛАВЯНСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ И СЕМАСИОЛОГИЯ

«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»

Москва 1997

ББК 81.2Р
Т 53

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 97-04-16427

Толстой Н. И.

Т 53 Избранные труды, том I. Славянская лексикология и семасиология. — М.: «Языки русской культуры», 1997. — 520 с.

ISBN 5-7859-0017-3

Книга посвящена проблемам сравнительного изучения лексики славянских языков; в ней объединены работы акад. Н. И. Толстого, создававшиеся и публиковавшиеся с начала 60-х гг. В статьях первого раздела обсуждаются возможности типологического анализа славянской лексики методом семантического микрополя и лексико-семантической реконструкции. Второй раздел посвящен географии слов и проверке гипотезы об инновационном характере центральных лексических ареалов и архаическом характере периферийных (латеральных) ареалов (преимущественно на славяно-балканском материале). Подробно анализируются география и семантика лексем *дождь* и *киша*, *правый* — *левый*, *сажа* — *чад*, названий радуги в славянских языках и диалектах и др. В третьем разделе рассматриваются лексические и семантические параллели между разными славянскими языками и диалектными зонами: полесско-южнославянские, сербскохорватско-инославянские, болгарско-македонско-русские, белорусско-украинские, белорусско-русские изолексы, лексические балтизмы в восточнославянских языках; исследуются отдельные тематические группы лексики — географические термины, мифологическая и обрядовая лексика. Завершается том работами, посвященными проблемам сравнительной славянской ономастики, семантике имени собственного, номинационным моделям в гидронимии и специально — гидрониму *Десна*.

Книга адресована как специалистам по славянской лексикологии, семантике и лингвистической географии, так и всем, интересующимся словарным богатством славянских языков.

ББК 81.2Р

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su) the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavik@gad.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-7859-0017-3

© Н. И. Толстой, 1997
© А. Д. Кошелев. Серия «Язык. Семиотика. Культура», 1995
© В. П. Коршунов. Оформление серии, 1995

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	7
-----------------	---

Часть I

В ПОИСКАХ МЕТОДОВ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКИ

Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии..	12
Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. I	44
Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. II	70
Суффиксальное словообразование сквозь призму семантиче- ского микрополя (названия леса по породе деревьев)	101
О некоторых возможностях лексико-семантической реконструкции праславянских диалектов	111
К проблеме значения слова в славянской исторической лексикологии и лексикографии	114
Какой тип диалектного словаря нам нужен?	119

Часть II

СЛАВЯНСКАЯ ЛЕКСИКА В АРЕАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Из географии славянских слов	122
1. 'Дождь'	124
2. 'Саламандра'	133
3. Правый—левый	144
4. Хорохориться	152
5. Класть	155
6. Сажать—чад	159
7. Пот—зной	164
8. 'Радуга'	168
9. Полено	217
Некоторые вопросы соотношения лингво- и этногеогра- фических исследований	223

Часть III

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Об изучении полесской лексики	244
Сербскохорватская лексика на общеславянском фоне	261
Южнослав. <i>црна земља, црна земя и бели бог, бял бог</i> в символично-мифологической перспективе	271
О болгарско- и македонско-русских изолексах. I	280
О болгарско- и македонско-русских изолексах. II	285
Лексические балтизмы в белорусском языке	289
Белорусско-украинские изолексы	294
Белорусско-русские изолексы	300
Об одном балтизме в восточнославянских диалектах — <i>пелька</i>	306
Из великорусской диалектной семантики	321
Этюды по семантике славянских географических терминов (<i>дразга, рудина, раменье</i>)	329
О славянских названиях деревьев: <i>сосна — хвоя — бор</i>	357
Из славянской погребальной лексики	372

Часть IV

К СРАВНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ СЛАВЯНСКОЙ ОНОМАСТИКИ

Заметки о славянских именах собственных	378
Еще раз о семантике имени собственного	395
Из наблюдений над способом номинации в гидронимии	397
<i>Десна</i> — 'dextra'?	407
<i>Литература</i>	439
<i>Сокращения</i>	479
<i>Указатель слов и морфем</i>	480
<i>Первые издания публикуемых работ</i>	517

От автора

Б. Г. Унбегаун, прислав мне в 1970 г. свои «Selected papers» с любезным посвящением, назвал их «смесью разной давности». Я не нахожу более удачного определения и для моих книг по языкознанию, издаваемых в серии А. Д. Копчелева «Язык. Семиотика. Культура». Большинство работ, вошедших в первый том под общим названием «Славянская лексикология и семасиология», относится к тому периоду развития славянской лингвистики, когда задумывались капитальные, впоследствии увидевшие свет, славянские атласы и крупные работы по лексикологии и семантике. Это всем известные, ставшие уже классическими «Общеславянский лингвистический атлас», национальные атласы — болгарский, белорусский, словацкий, чешский, украинский, так называемый (отнюдь не малый) «Малый атлас польских говоров». Становилось ясным, что лексика — неисчерпаемый источник изучения истории славянских языков, позднего и раннего этногенеза и всех тех проблем, которые мы обычно объединяем в нескольких словах: «история языка — история этноса». Одновременно становилось ясным, что непродуманное и неупорядоченное картографирование лексики может привести к такому хаосу изоглосс (изолекс), в котором будет трудно разобраться. Это требовало прежде всего сознательного отбора лексики, который был бы подчинен задачам не только лингвистическим, но и этногенетическим. Еще в канун Второй мировой войны (об этом я пишу подробнее) была выдвинута знаменитым хорватским этнографом Милованом Гавацци и его талантливым учеником Бранимиром Братаничем идея двух потоков славянской миграции на Балканах, создавших в результате две славяно-балканские зоны — центральную, инновационную, и латеральную, более архаическую. Эта идея была убедительно подтверждена изучением типов старинных праславянских пахотных орудий и их терминологии. Естественно, славяно-балканская проблема не решалась в отрыве от общеславянской ситуации. Проверке этой гипотезы посвящена серия

моих статей «Из географии славянских слов», публикация которой в ее цельности прежде была невозможна.

В то же время интерес к лингвистическому, лексическому в первую очередь, ландшафту такой относительно малоизученной «праславянской» зоны, как Полесье, побудил обратить внимание на лексические связи этой зоны с другими славянскими областями, тем более, что еще до войны польский диалектолог Юзеф Тарнацкий, впоследствии трагически погибший, выпустил поучительную книгу-атлас, освещающую полесско-малопольские лексические соответствия.

Проведенный в Минске в 70-е годы ряд совещаний, посвященных белорусско-балтийским, белорусско-украинским, белорусско-польским и белорусско-русским лексическим параллелям, еще раз подчеркнул важность систематического изучения лексических соответствий между разными славянскими языковыми и диалектными зонами.

Полевая работа конца 40-х и середины 50-х годов по сбору материалов для атласа бессарабских болгарских говоров и диалектного атласа юго-восточной Болгарии показала, что применение к диалектному словарному составу моделей литературной лексики искажает истинное положение вещей, что диалектная лексика различается не только по составу слов (лексем), но и по их соотношению друг с другом в конкретном семантическом пространстве. Возникло представление о наличии разных диалектных микрополей и желание не чисто логическим, а лингвистическим путем определить границы этих полей. Таким образом появились опыты типологического исследования славянского словарного состава, которые позже были распространены и на сферу словообразования. В качестве опытного материала сознательно были избраны не глагольные лексемы, во многом зависящие от синтаксической позиции (окружения), а лексика предметного характера, т. е. было отдано предпочтение парадигматическому подходу перед синтагматическим, более сложным по своей сущности и задачам.

В 60-е годы, в первый период многолюдных научных экспедиций в Полесье, мое внимание было сосредоточено на народных географических терминах, сохранивших в болотном и лесном, праславянски колоритном крае архаическую семантику. Результатом моих наблюдений была книга «Славянская географическая терминология» (М., 1969), не охватившая, однако, всего собранного материала — полесского и

инославянского. Этюды по семантике слов *брязга*, *рудина*, *рамень* примыкают к названной работе, а статьи по гидронимии, включенные в этот том, — дань моему слабо проявившемуся интересу к водным именам припятско-днепровского бассейна. Заметки по диалектной семантике положили начало моему трепетному и долгому вхождению через лингвистику в богатейший мир древней славянской духовной культуры, приоткрывшийся мне в те же 60-е годы не столько в книгах, сколько в деревнях и весях полесской глуши.

Меня не покидает мысль, что многое из написанного мною, в частности, и то, что вошло в эту книгу, уже перекрыто новыми наблюдениями и новым материалом. Мне и самому видно, что следовало бы добавить к ранее опубликованному, а что можно было бы подкрепить дополнительной аргументацией, от чего, наконец, не грех отказаться. Но вмешательство в уже «очерствевший» текст привело бы, вероятно, не только к его «распуханию», но и к нежелательному «омоложению» с неизбежной потерей стиля и структуры статьи. Поэтому я все нижерасположенное и вновь «оттиснутое» отдаю на вторичный строгий суд читателя в том виде, в каком это было написано в свое, уже ушедшее время, исправив лишь обнаруженные опечатки и приведя к единообразию библиографические ссылки.

I

В поисках методов сравнительного изучения славянской лексики

Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии

Следует ожидать, что само заглавие вызовет полемику и возражения. Правомерно ли говорить о «славянской», или «русской», «сербской», «болгарской» семасиологии на таком же основании, как мы говорим о славянской, соответственно русской, сербской и т. д. фонетике, морфологии, синтаксисе? Существует ли в отдельных славянских языках семантическая специфика, каким образом она выявляется и на каких основах возможно ее изучение в сравнительном плане? Не являются ли семантические категории универсальными, как универсально и человеческое мышление, и можно ли говорить о различиях в плане содержания так же, как мы говорим о различиях в плане выражения — на уровнях фонетическом, морфологическом и синтаксическом?

В фонетике (resp. фонологии), как известно, план содержания в классическом смысле этого слова отсутствует. В морфологии и синтаксисе наблюдаются оба плана: и выражения и содержания, причем чаще всего принято исходить из первого, на основании которого определяется второй. Словарный состав языка следует также рассматривать в двух планах — выражения (лексикология) и содержания (семасиология)¹, однако их тесная взаимосвязь приводила исследователей обычно к тому, что так называемая лексикология занималась одновременно как формальной, так и внутренней стороной слова, а на долю семасиологии долгое время оставалось лишь рассмотрение «изменения значений слов», т. е. определенная часть ее диахронического аспекта. Между тем семасиология как автономная научная дисциплина

¹ Разграничение дисциплин — лексикологии, рассматривающей словарный состав в аспекте лексем, и семасиологии, рассматривающей словарный состав в аспекте семем, требует специального обоснования. Отметим только, что в последнее время развитие лексикологии дает все больше основания говорить о «чистой» лексикологии — лексикологии, обращенной исключительно к лексемной стороне словаря. Ср. возникновение частотных словарей, обратных словарей и т. п.

лина, занимающаяся планом содержания словарного состава языка (однако не в отрыве от плана выражения), может существовать лишь в том случае, когда определен ее предмет в синхронном плане, когда решается вопрос о семантической структуре языка. Такую проблему достаточно четко поставил Л. Ельмслев в своем докладе на VIII конгрессе лингвистов в Осло (Hjelmslev, 1958; русск. пер.: Ельмслев, 1962). С тех пор в этом направлении было сделано многое. Тем не менее остается неясным вопрос, в какой мере можно говорить об особенностях семантических структур отдельных языков и диалектов, об их различии (resp. общности), несмотря на серию работ Б. Уорфа, Л. Вейсгербера и др.

Сравнительный анализ отдельных семантических систем или их фрагментов как в синхронном, так и в диахроническом аспекте требует типологического подхода, т. е. сопоставительного анализа на едином основании, результатом которого оказывается установление соотношений отдельных языковых (диалектных) систем с единой метаязыковой (надязыковой, наддиалектной) сеткой-моделью, включающей максимальное число признаков.

Если рассматривать типологию исключительно сквозь призму универсалий, то придется признать резонность рассуждений В. Скалички (Скаличка, 1966, с. 23) о том, что «в отношении лексики все языки очень похожи друг на друга», и потому применительно к этому уровню языка следует говорить лишь о «микротипологии», а также о том, что конфронтация близкородственных, в частности славянских языков, тоже не выходит за рамки «микротипологии» (в таком случае типология славянского словарного состава окажется «микромикротипологией»). Но если понимать типологию (типологический подход) как определенный инструмент — метод анализа, то нет нужды операции на одном материале считать более, а на другом менее типологическими.

Дело заключается, естественно, не в спорах о терминологии; для конфронтации систем близкородственных языков на едином основании можно было бы принять любой другой термин, если бы он достаточно хорошо отражал суть операций и создаваемых на их основании построений. Для типологии близкородственных языков, как и для типологии вообще, существенны не только формальные различия, но и общность, которую можно характеризовать как общность «типа», или «типовой структуры». Славянский семасиоло-

гический «тип» в широком смысле этого слова (если вообще можно говорить о таковом как о едином явлении) определяется во многом славянским морфологическим и лексическим (лексемным, включая сюда и словообразовательный) типом. При этом типология близкородственных, например, славянских языков, особенно их лексико-семантическая типология («микромикротипология»), может иметь также достаточно специфический аспект исследования — в отличие от «классической» общей типологии, устанавливающей, в основном, как одни и те же категории, одно и то же содержание выражаются различными средствами, она способна продемонстрировать, как одними и теми же или весьма близкими формальными средствами языка выражается разное содержание.

Именно этот аспект вызывает особый теоретико-лингвистический и специально славистический интерес. Сам по себе он не нов, так как вся «классическая» семасиология обращена к рассмотрению изменения значений отдельных слов (или группы слов), смены семем, соотнесенных с одной и той же лексемой. Более новым моментом можно считать обращение к теории поля, т. е. требование системно-группового рассмотрения слов (лексем и семем), а также попытку определять конечное число группы слов, т. е. границы семантического поля на основе амплитуды колебания одной лексемы. Последний вопрос был затронут нами в других статьях², и поэтому здесь он будет изложен фрагментарно.

Возвращаясь к поднятому В. Скаличкой вопросу о том, насколько результаты типологических исследований предопределяются материалом, и соглашаясь с ним, что «универсалии славянских языков (или других близкородственных языков) принципиально отличаются от универсалий языка вообще» (Скаличка, 1966, с. 23), отметим, что и в пределах самих славянских языков выводы, касающиеся различий и общности в семантической структуре отдельных конкретных систем, будут неодинаковы в зависимости от того, обратимся мы к славянским диалектам или к литературным языкам. Длительное взаимодействие славянских литературных языков, их сближение и отталкивание, наконец, их связь с другими европейскими литературными языками привели к тому, что в сфере семантической славянские ли-

² См. Толстой, 1963; Толстой, 1966; наст. изд., с. 44–100.

тературные языки оказались очень близки друг к другу³. Больше разнообразие и сложность соотношений типов наблюдается в диалектах, что делает диалектный материал более эффектным и результативным для семасиологических исследований типологического плана. Если же речь пойдет о необходимости дальнейшего перехода от синхронно-современных типологических исследований к исследованиям сравнительно-историческим (не исключающим также типологического подхода), направленным на реконструкцию праславянского состояния, то преимущество диалектного материала будет бесспорным.

Нынешний славянский диалектный ландшафт в отношении многих явлений представляет собой нечто вроде развернутой в пространстве диахронии, в которой временная последовательность развития систем или их фрагментов манифестируется в территориальной проекции. Это положение осознавали еще в начале нашего века А. А. Шахматов и другие диалектологи, говорившие о значении диалектологии для истории языка. В самом деле, если обратиться, например, к такой проблеме, как историческая фонетика (фонология) словенского языка, то станет ясно, что именно наличие многочисленных рефлексов звуков, образовавших прасловенскую звуковую систему, в современных диалектах и их организованность в виде отдельных локальных диалектных систем дают возможность полнее восстановить последовательность явлений и процессов, учитывая ряд этапов и про-

³ Если обратиться, например, к современному русскому литературному языку, то можно отметить, что церковнославянское влияние сказалось на нем не только в появлении целого ряда форм, не свойственных русской народной речи (неполногласие, приставка *из-*, причастие на *-щ-* и т. д., и т. п.; см. Шахматов, 1941, с. 70—89; Šachmatov—Shevelov, 1960), но и в выборе идентичных или близких к церковнославянским слов (лексем) из диалектного запаса и особенно в закреплении за ними общих с церковнославянскими значений (семем). Следует учитывать также тот факт, что не все славянские литературные языки одинаково нормированы и в равной степени «абстрагированы», удалены от диалектной основы. Так, например, значительная лексическая «свобода нормы» наблюдается в сербскохорватском языке, где принято немало «региональных» (диалектных) слов; близки к диалектной лексике нижнелужицкий и македонский и т. д. Что касается русского, польского или словенского, то они, наоборот, достаточно удалены от диалектной базы. Следует учитывать также различия в степени влияния литературного языка на диалекты, которое может быть очень интенсивным, как в Чехии.

межуточных звеньев. Не будь этого диалектного разнообразия рефлексов и конкретных диалектных фонологических систем, многие процессы оказались бы неучтенными, а весь путь развития словенского вокализма и консонантизма представлялся бы нам упрощенно, а может быть, даже и ошибочно (см. Rigler, 1963). То же самое можно сказать применительно к отдельным семантическим микросистемам, демонстрирующим различные семантические сдвиги и трансформации, учет которых необходим для исторической семасиологии (это положение интересно иллюстрировал В. Бланар: Blánár, 1958). Именно поэтому желательно, чтобы лексико-семантические исследования славянских диалектов, в которых, наряду с типологическим, был бы достаточно последовательно соблюден и лингвогеографический аспект, предваряли сравнительно-исторические штудии, направленные на праязыковую реконструкцию. При этом, надо полагать, реконструкция семантики слова (или группы слов), а в какой-то мере и его словообразовательной модели, окажется во многих случаях построенной на вероятностной основе в виде набора более или менее возможных единиц значения (resp. аффиксов и т. п.), в отличие от корневых и отдельных лексемных реконструкций, которые могут быть представлены одной формой.

Трудность построения лексико-семантической типологии современных славянских диалектов заключается не только в том, что нынешнее состояние славянской диалектной лексикографии, оснащенной, и то довольно неполно, в основном, дифференциальными словарями, во многих случаях затрудняет, а то и вовсе делает невозможным системное исследование отдельных лексических групп, но также, а может быть, прежде всего, в том, что до сих пор лингвистика не выработала достаточно точных и надежных способов характеристики лексико-семантической системы языка в целом. Более того, даже для фрагментов этой системы — лексико-семантических микрополей — не установлены четкие лингвистические, а не предметно-логические и другие критерии выделения. Иначе говоря, помимо препятствий практического свойства, немало чисто теоретических затруднений. В общем, между более или менее умозрительными требованиями типологического рассмотрения семантической системы языка и возможностями анализа конкретного материала остается дистанция довольно внушительного размера.

Фрагментарное рассмотрение семантической системы языка проводилось в последние десятилетия на основе так называемого «семантического поля» («словесное поле», по Й. Триру, «языковое поле», по Л. Вейсгерберу, «понятийное поле», по Э. Духачку, и т. д., и т. п.)⁴. В большинстве случаев такое поле выделялось на базе общности понятий, т. е. на чисто логической основе, что создавало, помимо сложности установления границ, определявшихся иногда чисто интуитивно, прежде всего трудности лингвистического его обоснования. Именно этот момент, надо полагать, и побудил М. Конрадт-Хикинг и П. Гиро обращаться при построении поля не столько к значимой стороне, сколько к стороне формальной (лексемной, корневой и т. п.). М. Конрадт-Хикинг строит «словесное поле» на основе омонимов *Eule* ('птица', 'щетка', 'горшок') в составе сложных слов, а П. Гиро «морфосемантическим полем» называет «комплекс отношений форм и значений, сформировавшийся в рамках одной группы слов» (см. Guiraud, 1964, p. 89; 1956, p. 269—274; Melvinger, 1966; Konradt-Hicking, 1956), т. е. выделяемых по гнездовому принципу. Оба исследователя строят семантическое поле на материале одного языка: М. Конрадт-Хикинг — немецкого литературного, а П. Гиро — французского, и оба исходят из этимологического принципа. В поле П. Гиро обычно входят слова одного корня, а в поле М. Конрадт-Хикинг — сложные слова, один из компонентов которых — одинаковая лексема. Такой, безусловно имеющий право на существование, подход все же оставляет вне наблюдения значительную часть слов одного семантического ряда, неполных синонимов, антонимов и т. п. А между тем постулат Й. Трира и его последователей о том, что значение и положение отдельного слова внутри группы определяется через его окружение, нужно признать исходным не только для семантической системы языка, но и для системы или ее фрагментов любого языкового уровня (если слово соответственно заменить *фонемой*, *морфемой* и т. п.).

Задача семасиолога, очевидно, должна состоять в том, чтобы найти способ выделения микрополя, которое заключало бы в себе не только однокоренные слова (гнезда слов и т. п.), но и было бы в то же время построено на формально-лингвистических, а не логических основаниях. Кроме того, для семасиолога-компаративиста важно, чтобы это поле могло слу-

⁴ См. обстоятельный обзор работ по различным методам выделения семантических полей в кн.: Кузнецова, 1963.

жить основой для сравнения фрагментов лексико-семантических систем близкородственных языков и диалектов. Второе требование означает, что такое «поле» следует конструировать на надъязыковом (метаязыковом) уровне так, чтобы дедуктивным путем с его помощью в каждой конкретной языковой (диалектной) лексико-семантической системе можно было выделять аналогичные по объему поля (ограниченные семантические пространства). Что же касается распределения внутри этого пространства (поля) отдельных лексем в каждом отдельном языке (диалекте), то их конфигурация (а в каком-то отношении и состав лексем) и будет определять конкретный семантический (resp. лексико-семантический) «микротип», служащий исходным показателем для дальнейших типологических штудий.

Лингвистический индуктивный способ построения подобного эталона-модели для микрополя мы находим в установлении междиалектной (межъязыковой) амплитуды колебания «опорной» лексемы, которая представляет собой сумму возможных семантических переходов (сдвигов) слова или слов, выраженных одной лексемой, в группе близкородственных языков (диалектов). Естественно, что чем меньше группа близкородственных языков, тем короче «амплитуда колебания», т. е. тем меньше сумма семантических сдвигов.

В двух ранее опубликованных наших работах предлагалось рассмотрение полей «дождь — погода — время — год — час» и «дерево — лес — древесный материал — ствол дерева — ветки», конструированных на основе «опорных» лексем ⁺*godina* и ⁺*berzina*⁵. В них демонстрировалось различное распределение лексем на семантической сетке (на микрополе), но не говорилось о правилах выбора «опорной» лексемы.

В принципе «опорной» лексемой может быть любая лексема, выражающая междиалектную омонимию. Из числа лексем, входящих, кроме «опорной», в каждое конкретное поле (поле конкретного диалекта), многие могут стать, в

⁵ См.: «Из опытов», I и II (Толстой, 1963; 1966; наст. изд., с. 44–100).

⁺ перед лексемой означает, что она принадлежит не какому-либо конкретному языку, а условному языку-эталону, наддиалектному языку, применяемому при сравнительных (сравнительно-исторических и сравнительно-типологических) исследованиях ряда родственных языков (или диалектов). При этом принято пользоваться праславянской формой даже в тех случаях, когда лексема явно не могла существовать в праславянском языке.

свою очередь, опорными и образовать другие поля. Таким образом, может быть установлена связь разных полей, которые в общем не примыкают, а перекрещиваются и входят друг в друга, что придает лексико-семантической системе языка не только прочную внутреннюю спаянность, но и известную мобильность и гибкость. Однако допустимость выбора любой из лексем, имеющих некоторую, пусть даже небольшую междialeктную (межъязыковую) амплитуду колебания, может привести практически к такому значительному количеству микрополей, которое окажется приближенным к численности словарного состава конкретного языка (диалекта). Поэтому в первую очередь следует строить микрополя, в которых бы амплитуда колебания «опорной» лексемы (или ее значительный отрезок, большая часть «семантических звеньев») повторялась другой или, что еще важнее, другими лексемами⁶.

Так, в поле «дождь — погода — время — год — час»⁷ опорная лексема ⁺*godina* образует на материале всех славянских диалектов звенья 'благодатный дождь', 'дождь', 'хорошая погода', 'погода', 'плохая погода', 'год', 'час'; однокоренная лексема ⁺*pogoda* только на великорусском диалектном материале, по данным О. Н. Мораховской, отмечается в звеньях 'осадки (дождь со снегом, снег)', 'хорошая погода', 'погода', 'плохая погода'; лексема ⁺*verme* на материале всех славянских диалектов — в звеньях 'плохой дождь', 'хорошая погода', 'погода', 'плохая погода', 'время'⁸; лексема ⁺*čas* на том же материале — в звеньях 'погода', 'время', 'час', 'мгновенье' и т. п. (ср. укр. диал. *xvília* 'погода', 'хорошая погода', 'буря', 'время', 'минута' и т. д.).

С формально-логической точки зрения отрезок поля 'дождь (осадки)' — 'погода' не связан с отрезком 'время' — 'год' — 'час'; они окажутся отнесенными к разным понятийным полям. Однако при предлагаемом нами лингвистиче-

⁶ Чем больше число лексем, повторяющих в разных языках (диалектах) те же семантические сдвиги, тем большую силу закономерности («закона») эти сдвиги имеют.

⁷ В целях экономии места нами не вводится новый, а используется, в основном, тот материал, который приводился в статьях «Из опытов».

⁸ В поле «дождь — погода — время — год — час» звено 'время' устанавливается на основе амплитуды колебания лексемы ⁺*verme*, частично повторяющей амплитуду лексемы ⁺*godina*.

ском подходе они будут составлять одно поле, так же, как они окажутся в одном поле и при психолингвистическом эксперименте⁹.

Определением границ семантического поля на основе амплитуды колебания «опорной» лексемы, или, что то же, наддиалектной «семантической цепи»¹⁰, не ограничиваются операции надъязыкового (метаязыкового) порядка. Одновременно устанавливается семантическая сетка внутри поля, состоящая из конечного множества клеток (в ряде случаев совпадающих с «семантическими звеньями»). Каждой семантической клетке должна соответствовать отдельная лексема (т. е. не занимающая отдельных клеток), обнаруживаемая хотя бы в одном из диалектов (языков) исследуемого континуума. Таким образом достигается максимальная дробность (частота) и полнота сетки.

Естественно, что при обращении к конкретному материалу (т. е. уже не на метаязыковом уровне) во многих диалектах (языках) обнаружатся случаи, когда одна лексема будет покрывать две и более клетки. Так может быть определен семантический объем («значение») слова, выраженный конкретной лексемой и обусловленный в каждой конкретной системе противопоставлением другим словам — лексемам, занимающим соседние клетки семантического микрополя.

Подобная процедура исследования позволяет с достаточной наглядностью подтвердить в принципе известное положение: семантический объем слов тем шире, чем меньше число лексем приходится на замкнутое семантическое пространство (поле), в которое они входят, и тем уже, специальное, чем большее число лексем приходится на это пространство.

С другой стороны, широта семантического объема ведет, как правило, к уменьшению числа семантических дифференциальных признаков (СДП, или сем), а узость объема — к их увеличению¹¹. Последнее утверждение не распростра-

⁹ Такой эксперимент на материале современного русского литературного языка провела А. П. Клименко (Клименко, 1964).

¹⁰ «Семантическая цепь» (resp. «звено») — понятие, более применимое к диахроническому аспекту, «амплитуда колебания лексем на семантической сетке» — к метаязыковому.

¹¹ Эти носящие предварительный характер утверждения можно сопоставить с выводами, сделанными относительно зависимости между составом дифференциальных признаков (ДП) фоном (парадигматической харак-

няется, однако, на очень значительное число неразложимых семем (типа 'береза', 'ольха', 'мак', 'полынь' и т. п.), которые мы вынуждены пока трактовать как состоящие из одной семы (т. е. имеющие один СДП, равный семеме).

Практика перевода давно вскрыла неодинаковость семантического объема ряда «эквивалентных» слов в разных языках, в том числе и в родственных, где эти слова часто выражаются одной и той же лексемой.

Проблема разности семантического объема достаточно остро встает при создании дифференциальных (по отношению к литературному) диалектных словарей, двуязычных словарей, автоматического перевода и т. п. Она возникает при любом сопоставительном анализе лексико-семантических единиц или систем разных языков и диалектов¹².

Выявление семантической разности слов конкретных диалектов (языков) может быть успешно проведено при обращении к семантической сетке с достаточной дробностью клеток (микрополя). Путем вычитания объема одной семемы из другой могут быть установлены разности, равные отдельным семантическим дифференциальным признакам (СДП, или семам). При этом целесообразно и важно выполнять условие, согласно которому такая разность сначала определяется на семемах, выраженных одной и той же лексемой, а затем отыскивается на тех же семемах, выраженных разными лексемами¹³. При графическом изображении

теристикой фонемы) и их дистрибутивными свойствами (синтагматической характеристикой фонемы), выражающейся, в частности, в том, что фонемы, имеющие большее число положительных показателей ДП, более «индивидуализированы», отличаясь при этом ограниченной сочетаемостью.

¹² Значительный семантический объем слова, определяемый обычно как «полисемантность», выдается часто, при подходе к нему с мерилем другого языка, за омонимичность, что в принципе неверно, так как омонимичность означает исключительно полную несовместимость признаков разных семем, выраженных одной лексемой. Омонимы следует рассматривать лишь в пределах одной системы (диалекта, языка и т. п.). Что касается выражения «междиалектная омонимия», то его следует воспринимать как обиходный термин, применяемый на наддиалектном уровне.

¹³ Так, в поле «дождь — погода — время — год — час» в кайкавском диалекте с. Чрнковец (р-н Загреба) *godina* занимает клетки 'благоприятный дождь' (ниже на табличках знак +) и просто 'дождь' (знак x), а *dešč* — клетку 'вредоносный дождь' (знак -); в чакавском диалекте с. Жеяне (р-н Риеки) *godina* отмечается лишь в клетке 'дождь',

поля в виде сетки такая разность будет отображаться одной или несколькими клетками.

В качестве примера предлагается анализ известных нам значений географического термина ⁺*gaľ* во всех славянских диалектах¹⁴.

Эти значения таковы: 1. 'лиственная роща' (оч. часто ДАБМ, АУМ)¹⁵; 2. 'небольшой лес среди поля, отдельный лес' (оч. часто

а в штокавском икавском диалекте с. Водице (р-н Риєки) *godina* занимает только клетку 'благодатный дождь', а *dažd* — клетку 'дождь':

Чрнковец		Жеяне		Водице	
+	godina	+		+	godina
×	godina	×	godina	×	dažd
—	dešč	—		—	

(подробнее см. мою статью «Из опытов», I, с. 50 наст. изд.).

Разность объема сначала может быть определена на семемах, выраженных только лексемой *godina* в первых двух случаях (диалектах), где в одном она покрывает клетки 'дождь' и 'благодатный дождь', а во втором только 'дождь'. Эта разность в третьем случае (диалект Водице) выражается только лексемой *godina*, так как в ней клетка 'дождь' покрывается лексемой *dažd*. В принципе мог бы быть обнаружен и четвертый диалект, где бы 'благодатный дождь' выражался особой лексемой, отличной от лексем *godina* и *dažd* (ср., напр., великорусск. диал. *ситуха*, *грибник* и т. п.); но и приведенных примеров достаточно, чтобы показать, как выделенный из сопоставления первых двух случаев релевантный признак («благодатность», «положительность») может образовывать отдельную семему (ср. третий случай).

- ¹⁴ В целях экономии места, а также потому, что не во всех случаях нам известно, какими лексемами следует заполнять соответствующие клетки микрополя каждого диалекта, проводим анализ слова ⁺*gaľ*, взятого вне окружения, т. е. без противопоставленных ему слов. Подобное ограничение в данном случае возможно, так как наше основное внимание будет направлено лишь на разность семантических объемов термина ⁺*gaľ* и различия в его значениях, а не на причины этой разности и различия структурного (внутриязыкового) порядка.
- ¹⁵ Значения даются преимущественно из белорусской, украинской и южнорусской зон. В других славянских зонах зафиксировано меньшее число значений, в основном совпадающих с отмеченными в восточнославянских диалектах. Подробнее об этом см. Толстой, 1969, с. 48—56.

ДАБМ, АУМ); 3. 'лесок, молодой лиственный лес' (часто ДАБМ, АУМ); 4. 'небольшой сосновый лесок' (редко ДАБМ 539, 778, 839, 931, 989); 'участок леса' (редко ДАБМ в 16 пунктах, БОС, Кардашевский, 1956); 6. 'глухой лесной участок' (редко БОС); 7. 'опушка, край леса' (редко Вост. Полесье — собств. наблюдения); 8. 'лиственный лес' (редко ДАБМ 742, 744); 9. 'лес' (ДАБМ в 42 пунктах, БОС); 10. 'густой (дремучий), большой лес' (редко ДАБМ в 9 пунктах, АУМ 775, БОС); 11. 'сосновый лес' (ДАБМ в 27 пунктах); 12. 'молодой сосновый лес' (ДАБМ 131, 152, 176, 354, 418, 499, 778); 13. 'березовая роща' (ДАБМ в 25 пунктах); 14. 'молодой березовый лес' (ДАБМ в 12 пунктах); 15. 'дубовая роща' (ДАБМ 734, 739, 911); 16. 'дубовый лес' (ДАБМ 416, 1003); 17. 'липовая роща' (ДАБМ 619); 18. 'красивый лес' (ДАБМ 49, 75, 568, 980); 19. 'отдельное, одиноко стоящее дерево' (Kusała, 1957); 20. 'лесок в долине' (АУМ 903); 21. 'долина' (АУМ 574); 22. 'небольшой топкий участок на болоте, поросший редкими деревьями' (ДАБМ 658, 962, 974); 23. 'болото' (ДАБМ 128, 401); 24. 'лес на кладбище' (ДАБМ 593); 25. 'кладбище' (ДАБМ 273, 279, 291, 314, 317); 26. 'небольшой лес над рекой' (АУМ 911, 913); 27. 'небольшой лес, роща у деревни' (ДАБМ 661, 663, 665; АУМ 870); 28. 'поляна' (АУМ 706); 29. 'участок поля' (ДАБМ 53, 146, 517, 781, 990, Кардашевский, 1956, ССУ); 30. 'кустарник' (ДАБМ в 26 пунктах, АУМ 512, 714, 866); 31. 'луг, заросший лозой' (ДАБМ 952, 962, 974, АУМ 866); 32. 'луг' (ДАБМ 615, 657, АУМ 36, 573, БОС, Кардашевский, 1956); 33. 'топкий участок на лугу' (ДАБМ 518); 34. 'луг возле леса' (ДАБМ 658); 35. 'заросли кустов у реки' (ДАБМ 429, АУМ 853); 36. 'береза' (АУМ 794); 37. 'куча хворосту', 'хворост, ломаные ветки' (ПОС); 38. 'мусор, отбросы при сортировке соломы или обработке льна', 'мусор на гумне' (ПОС, БОС); 39. 'солома, идущая на подстилку свиньям' (ДАБМ 134); 40. 'место, где спят свиньи' (ДАБМ 133, 135, 238, 241, 243, 248); 41. 'высокая густая трава' (ДАБМ 904).

Материал ДАБМ, АУМ, брянского (БОС) и псковского (ПОС) словарей приводится по картотекам. См. Карт. ДАБМ, Карт. АУМ, Карт. БОС, Карт. ПОС. Цифры после сокращений означают номер населенного пункта.

Приношу глубокую благодарность зав. сектором диалектологии Ин-та языкознания АН БССР Ю. Ф. Мацкевич, зав. сектором диалектологии Ин-та языкознания АН УССР Ф. Т. Жилко, доц. Ленинградского пед. ин-та им. А. И. Герцена В. И. Чагишевой и доц. Ленинградского ун-та О. С. Мжельской за разрешение пользоваться картотеками белорусского и украинского диалектологических атласов и картотекой Брянского и Псковского областных словарей. Благодарю также моих коллег А. С. Соколовскую, Г. Ф. Вешторт и Л. Т. Выгонную за помощь в обработке белорусского материала.

Из общего числа перечисленных значений первые 38 можно представить в виде таблицы, в которой предлагается опыт разложения семем на семы (СДП). В конце каждого ряда приводится отдельная лексема, соответствующая указанной семеме. Эти соответствия взяты в основном из переходных белорусско-украинских полесских говоров¹⁶.

Для условных знаков предлагаются следующие объяснения:

+	наличие признака;	с	— сосна;
—	отсутствие признака;	б	— береза;
×	индифферентность признака («скрытость»?);	д	— дуб;
()	признак, претерпевший некоторые изменения;	Б	— болото;
[]	признак, ставший нерелевантным;	Д	— долина;
//	признак «полурелевантный»; этот же знак предлагается для тех случаев, когда признак не выявлен эксплоратором;	Кл	— кладбище;
		Сл	— селение;
		Л	— луг;
		П	— поле;
		Р	— река;
		у (в нижнем углу)	— у, близ чего-либо; рядом с чем-либо;
k	— конкретизация признака;		
h	— гиперболизация признака;		
t	— транспозиция признака (переход признака в другой регистр).		

Кроме того, в тексте статьи:

' '	(лапки) означают семему;
" "	(двойные лапки, кавычки вверх) означают семантический дифференциальный признак, сему (семантический ДП);
< >	(угловые скобки) означают предмет;
<< >>	(двойные угловые скобки) означают свойство предмета.

¹⁶ Этот материал более подробно изложен в моих работах «Славянская географическая терминология» (Толстой, 1969) и «Из опытов», II (см. с. 70–100 наст. изд.).

Таблица 1

N п/п	Семемы	Семы	Лес	Мал. в.	Отд.	Листв.	Час- тич.	Бол. в.	Дре- муч.	Мо- лод.	По- рода	Кра- сив.	Ед. дер.	Другая лексема
1	'лиственный роща'		+	+	+	+								круг
2	'отдельный небольшой лес' ¹		+	+	+	×				+				поросля
3	'лесок, молодой лиственный лес'		+	+	+	+					+			хвойник
4	'небольшой сосновый лес'		+	+	+	—								остров
5	'участок леса'		+	+	—	×	+		+					дебря
6	'глухой лесной участок'		+	+	—	×	+							край
7	'опушка, край леса'		+	+	—	×	+							чернолесье
8	'лиственный лес'		+	—	—	+	+							лес
9	'лес'		+	—	—	—			+					гуща
10	'большой, густой лес' ³		+	—	—	—					+			хвойна
11	'сосновый лес'		+	—	—	—				+	+			хвойничок
12	'молодой сосновый лес'		+	+	+	+					+			березина
13	'березовая роща'		+	—	—	+				+	+			березничок
14	'молодой березовый лес'		+	—	—	+					+			дубник
15	'дубовая роща'		+	—	—	+					+			дуброва
16	'дубовый лес'		+	—	—	+					+			липник
17	'липовая роща'		+	+	+	+					+			
18	'красивый лес'		+	(+) ^t	(+) ^t	(+) ^t						+		
19	'отдельное одинокое дерево'		— ⁴	(+) ^h	(+) ^t	×							+	деревина

¹ То же — 'небольшой лес среди поля'.

² С дальнейшей детализацией — 'участок с краю'.

³ Сюда же относится 'высокий большой лес'.

⁴ 'Лес' может рассматриваться как множество деревьев; 'одинокое дерево' — множество, доведенное до предела, до единицы.

Таблица 2

N п/п	Семемы	Семы	Лес	Мал. в.	Отд.	Листв.	Час- тич.	Геогр. объект	Геоботан. объект	Социал. объект	Землед. объект	Откр. место	Другая лексема
20	'лесок в долине'		+	+	+	×		+ Д ↓					байрак
21	'долина'		×					+ Д	+ В ↓				низ
22	'топкий участок на болоте'		+	+	+	/+ /			+ В				твань
23	'болото'		×							+ Кл ↓			болото
24	'лес на кладбище'		+	[+]	[+]					+ Кл + Кл + Сл + у			могилы
25	'кладбище'		×					+ Р + у					
26	'небольшой лес над рекой'		+	+	+	/+ /							
27	'небольшой лес у селенья'		+	+	+	/+ /							
28	'поляна'		-5	+	+		+				+ П	+	поляна
29	'участок поля'		-	(+)	+								нива

5 Признак "лес" не исключен полностью и выступает как определяющий величину и отдельность референта.

Таблица 3

N п/п	Семей- ны	Семь	Кустар- ник	Мал. в.	Отд.	Листв.	Час- тич.	Геогр. объект	Топь	Берег	Хво- рост	Плох. солома	Другая лексема
30	'кустарник'	⁶	+	/+/ [+]	/+/ [+]	[+] [+]		+ ↓					корчи
31	'луг, заросший лозой'		+										
32	'луг'						(+)	+ Л					луг озеро
33	'топкий участок на лугу'			+	+			+ Л	+				
34	'луг возле леса'		- ⁷	[+] [+]	[+] [+]	[+] [+]		+ Л					
35	'заросли кустов у реки'		+	[+] [+]	+			+ ↓ у					
36	'берег'							+ у		+			берег
37	'куча хворосту'		[+]	+	+	[+]					+		ломачье
38	'мусор на гумне'		-	+	+						→	+	шума

⁶ 'Кустарник' — в данном случае как 'ограниченная площадь, поросшая кустарником'; это может быть истолковано как гиперболизация и конкретизация признака "молодой" в слове 'молодой лес'.

⁷ Признак "лес" не исключен полностью и выступает как определяющий местоположение референта.

Прежде чем приступать к комментированию приведенного примера, изложенного в таблицах, остановимся кратко на некоторых общих терминологических вопросах, связанных с характером языкового знака. К этому нас побуждает в значительной мере разноречивость в терминах и даже в понимании языкового знака, встречающийся в литературе. Естественно, что и систему избранной нами терминологии мы не считаем окончательной и в полной мере непротиворечивой.

Слово в семасиологическом аспекте — единство лексем (звукоряда) и семемы (значения). В знаковых терминах это — единство десигнатора и десигната, которое по отношению к внеязыковым сущностям определяется как денотатор. «Внеязыковые сущности (явления или отношения объективной реальности) являются денотатами и языковых знаков» (Исаченко, 1961, с. 32).

Таким образом, при подходе от знака к предмету возникает следующее соотношение:

референт	— денотат ¹⁷	— денотатор	{ десигнатор десигнат
предмет ¹⁸	— предметная соотнесен- ность	— слово	{ лексема семема
предмет (реалема)	— понятие (объем понятия)	— слово	{ звуковая оболочка значение

При подходе от предмета к знаку, вероятно, окажется целесообразной следующая терминология:

¹⁷ В некоторых работах по семантике термины референт и денотат употребляются как синонимичные. Нами они поставлены в различные отсеки горизонтального ряда (т. е. представлены как не синонимы) по той причине, что под референтом понимается предмет реальной действительности (хотя и обобщенно) вне зависимости от знаковой (языковой) системы, а под денотатом — тот же предмет, но выделенный языковым знаком, имеющий знаковое обозначение.

¹⁸ Во второй и последующих строках даются параллельные, с нашей точки зрения, термины. Их употребление может быть связано с различиями в концепциях слова как языкового знака (например, предметная соотнесенность, понятие, объем понятия, смысл и т. п.), а не просто с терминологической синонимией. Для нас сейчас наиболее существенно их отнесение в определенный отсек горизонтального ряда.

предмет	—	сигнификат	—	сигнификатор	{ лексема семема
референт (реалема)	—	знаковая соотнесенность (понятие; объем понятия)	—	слово	{ лексема семема

В принципе лингвисты почти во всех случаях могут довольствоваться первой терминологией (от знака к предмету) или несколько упрощенной системой терминов: предмет (реалема) — предметная соотнесенность — слово (распадающееся на лексему и семему).

Для понимания характера ряда семантических процессов существен тот факт, что два предмета могут иметь одну знаковую соотнесенность (одно понятие) и обозначаться одним денотатором (словом) и, наоборот, один и тот же предмет внешнего мира (реалема) может иметь две знаковых соотнесенности (два сигнификата) и обозначаться двумя сигнификаторами (словами).

Иначе говоря, один денотатор может относиться к двум и более референтам и в то же время два денотатора могут быть соотнесены с одним референтом.

Так, например, <иней на деревьях> и <иней на траве, земле> обозначается в русском языке одним словом *иней*, в то время как в болгарском это соответственно — *скреж* и *слана*. С другой стороны, <болото> или <пойма> могут восприниматься как географические объекты (*болото* и *пойма*), но могут быть восприняты как объекты геоботанические и даже сельскохозяйственные (*луг*, *сеножать* и т. п.). Так же как одно и то же <бревно> (по-полесски *деревина*) в зависимости от функции, которую оно будет выполнять или выполняло, может называться *столбом* (полесск. *стоўп*), *кладкой* (полес. *берва* и *кладка*), *балкой* (полесск. *балька* и *трам*) и т. п.

То звено соотношений, которое многие определяют как понятие, иные — как предметную соотнесенность или как денотат (наконец, при ином подходе — и как сигнификат), следует, вероятно, воспринимать как некий ключ или регистратор¹⁹, связующий знак с той или иной внеязыко-

¹⁹ Наше понимание в данном случае приближается в известной мере к концепции Г. Стерна, видевшего между значением и референтом

вой (т. е. относящейся к реальной действительности) функциональной сферой, подобно тому, как коннотат можно трактовать в виде ключа к стилистической (экспрессивной и т. п.) сфере. Ключ этот необходим при наличии двух и более возможных регистров, для остальных же случаев, как, например, для части номенклатурной лексики, имеющей довольно строго терминологический характер, целесообразно, очевидно, говорить об его отсутствии и оперировать непосредственно одним звеном соотношения — связью предмета (реалемы, референта) и знака (слова).

Во всех случаях, тем не менее, следует различать понятие признака, относящееся к знаковой стороне соотношений, к десигнату (семеме), и понятие свойства, присущего предмету (референту, реалеме) как таковому, как объекту реального мира, вне отражающей его знаковой (языковой) системы. Совокупность семантических дифференциальных признаков (СДП) отражает свойства предмета (референта). Однако число свойств референта, соответствующих признакам десигната (семемы), меньше общего числа свойств предмета. Здесь можно вновь провести параллель с фонетикой и фонологией.

Число физических (артикуляторных, resp. акустических) свойств звука речи, соответствующих ДП фонемы, во всех случаях меньше их общего числа, которое не всегда можно определить как конечное. Дифференциальный признак может перестать быть таковым, оказаться нерелевантным и сохраниться лишь на фонетическом уровне (стать *интегральным*, по терминологии А. А. Реформатского), и, наоборот, определенное свойство звука речи («интегральный признак») может стать смыслоразличительным, релевантным, превратиться в ДП. Эти явления, известные в фонологии под названием дефонологизации²⁰ и фонологизации, комбинарованным результатом которых оказывается в ряде случаев трансфонологизация (смена одного признака другим), находят свою аналогию в семасиологии.

(предметом) промежуточное отношение (связь), являющееся «субъективным пониманием» (см.: Stern, 1931), если термин «субъективный», однако, понимать не в буквальном смысле.

²⁰ Термины дефонологизация и трансфонологизация введены Н. Ван-Вейком (см. Ван-Вейк, 1950, с. 295).

Существуют, между тем, и различия, которые, как уже неоднократно отмечалось, затрудняют построение семасиологии на столь же строгих и универсальных основах, как это наблюдается в фонологии. Если фонология и фонетика установили нечто вроде универсального набора ДП и универсального набора признаков и свойств звуков речи вообще, отраженных хотя бы в международной фонетической транскрипции и других опытах, то семасиология этого еще не сделала, и неизвестно, будет ли в состоянии сделать вообще, по той простой причине, что число семантических признаков и особенно число свойств предметов реального мира практически неисчислимо.

Если в фонологии и фонетике универсальный набор дифференциальных признаков и набор свойств звуков речи (геср. интегральных признаков) не только в принципе (во многом и на практике) исчислим, но и устойчив, что объясняется одним устройством человеческого речевого и слухового аппарата и центральной нервной системы, то семасиология сталкивается и с очень значительным числом семантических признаков и свойств предметов, и с влиятельным экстралингвистическим фактором — изменением свойств предметов, которое может не вести к изменению значения слова (семеме), но может и стимулировать таковое.

Как возникают эти стимулы и как они реализуются, мы знаем из многочисленных работ по истории слов (ср. исследования школы Wörter und Sachen и др.). Известно, что мутация свойств предмета не всегда или далеко не сразу ведет к перестройке значения слова (семеме). Процесс этот не обязательный и тем более не автоматический. Неоднократно высказывавшееся требование ряда лингвистов о недопустимости смешения предметной соотнесенности и значения слова может быть модифицировано следующим образом: нельзя отождествлять свойство предмета и признаки семеме слова, соотнесенного с этим предметом²¹,

²¹ В словарях литературных языков (толковых, двуязычных и т. п.) и особенно диалектных, нередки случаи, когда значению слова (семеме) приписываются признаки, ему не присущие и являющиеся лишь свойствами предметов, т. е. в каком-то смысле «потенциальные», интегральные признаки. Но еще более недопустимы случаи, когда в качестве «признаков» приводятся окказиональные свойства предмета (часто отдельно взятого предмета, а не предмета вообще), или даже явления, вовсе не относящиеся к предмету. Таких, часто

поскольку ни одно свойство предмета, так же, как ни один предмет (явление) сам по себе, не является знаком, в то время как семема выступает в качестве содержательной стороны знака, а признак — в виде ее компонента.

Обратимся к примеру, который не раз интересовал исследователей в связи с древней миграцией славян, — **polnъ*, **polnina*. Полесское *полонъ* означает 'луг', 'пастбище'. Соответствующее ему карпатско-украинское *полонина* имеет то же значение, и, видимо, встречающийся часто в толкованиях эпитет *горный* ('горный луг', 'горное пастбище') нельзя воспринимать как признак семемы, а следует рассматривать как особенность, свойство референта (реалемы). Высота над уровнем моря не стала семантическим признаком и для ряда южнославянских диалектов, где термин *планина* 'луг, пастбище' относится и к горным, и к низменным пастбищам, как, например, зафиксировано в Черногории на берегу Скадарского озера. Однако в тех же южнославянских диалектах лексема *планина* относится и к семеме 'горное пастбище' (при противопоставлении термину *рудина* и т. п.²²), уже включающей сему-признак "горный", "гора",

полуанекдотических, примеров немало. Достаточно привести хотя бы два из большого Варшавского словаря: *jaruga* 'низменная часть леса, густо поросшая деревьями, где волчица вскармливает волчат'; *grzędy* 'редкий строевой хвойный лес, где водятся косули' (см.: SW, t. I, II). С другой стороны, очень часты случаи, когда в словарях не фиксируются релевантные признаки и по сути дела несинонимичные слова отмечаются как синонимы. Так, например, Б. Д. Гринченко слова *скиба* и *луста* толкует следующим образом: *ски́ба*, ум. *ски́бка* 1. 'ломоть'; 2. 'пласт земли при пахании'; *лу́ста*, ум. *лу́стка* 'ломоть, кусок' (см. Гринченко, т. II, IV). Аналогичное толкование дает И. И. Носович: *ски́ба* 'большой отрезанный ломоть хлеба, или подобного'; *ски́бка*, ум. *ски́бочка* 'отрезанный кусок, кусочек хлеба'; *лу́ста* 'ломоть хлеба' (см. Носович, 1870), в то время как в Полесье, где почти повсюду употребляются оба слова одновременно, они различаются в результате комбинации двух пар сопутствующих признаков "большой" — "небольшой" и "отрезанный прямо" — "отрезанный косо". В итоге возникают разные возможности, из коих четыре представлены в полесских говорах: I. *ски́ба* 'большой, отрезанный прямо кусок хлеба', *лу́ста* 'небольшой кусок'; II. *ски́ба* 'небольшой кусок хлеба', *лу́ста* 'большой, отрезанный прямо кусок'; III. *ски́ба* 'небольшой, отрезанный прямо кусок хлеба', *лу́ста* 'большой кусок'; IV. *ски́ба* 'отрезанный прямо кусок хлеба', *лу́ста* 'отрезанный косо кусок'. Этот пример, наряду с целым рядом других, не менее интересных, приведен в статье Г. Ф. Вешторт (Вештарт, 1966, с. 118).

²² Подробнее см. Толстой, 1969, с. 79—87.

и, наконец, эта же сема "гора" становится семемой 'гора' без признака "пастбище". Планина 'гора' — наиболее распространенный термин на славянском Юге. Процесс семантической мутации в общем протекал так: 'пастбище, луг' → 'горное пастбище, луг' → 'пастбище, луг на горе' → 'часть горы с пастбищем, лугом' → 'гора'. Свойство референта <<горный>>, которое можно толковать как потенциальный, интегральный признак в одних диалектах, превратилось в дифференциальный, различительный признак-сему в других диалектах.

Здесь сначала произошел процесс, который по аналогии с явлением фонологизации в фонологии можно назвать семантизацией. Затем утратилась сема "пастбище", т. е. произошла десемантизация, а в целом можно отметить явление транссемантизации, т. е. перехода одной семемы в другую путем изменения признаков (resp. признака). В результате этого десигнатор (лексема) сохранился, а сменились десигнат (семема) и денотат (предметная соотнесенность).

После этих кратких вводных положений и замечаний обратимся к рассмотрению примера, изложенного в таблицах. Отметим, что значения географического термина **gaľ* даются в том виде, в каком они записаны разными эксплораторами, и не исключена возможность, что смешение свойства предмета и признака семемы отразилось в определении значения слова в результате введения в семему лишнего, не присущего ей признака. Нередки в диалектологической практике и обратные случаи, когда релевантный признак оказывается опущенным, не отмеченным²³. Некоторой гарантией достоверности фиксации значения может служить массовость материала, широкое распространение семемы, в то время как единичность отдельных значений требует осторожного к ним отношения и проверки. Этот же критерий широкой распространенности и представленности во всех славянских языках может быть использован в данном случае для установления «исходной» семемы («исходного» значения), по отношению к которой все другие рассматриваются как семемы, возникшие в результате семантической мутации.

²³ См. пример в сноске 21.

В табл. 1, трактующей 19 значений термина **gaļj*, приводятся в качестве сем (признаков) следующие: “лес”, “малая величина” (= мал. в.), “отдельность” (= отд.), “лиственность” (= листв.), “частичность” (= частич.), “большая величина” (= бол. в.), “дремучесть” (= дремуч.), “молодость” (= молод.), “порода деревьев (с конкретным указанием)” (= порода), “красивость” (= красив.), “отдельность дерева” (= ед. дер.) (ср. сокращенные наименования в таблице). Первые четыре принимаются за исходные. Их сумма — “лес” + “малая величина” + “отдельность” + “лиственность” образуют семему, значащуюся под номером [1] ‘лиственная роща’. Из семем, которые бы включали те же признаки плюс какой-либо дополнительный (сопутствующий), известна только одна — [3] ‘молодой лиственный лес, лесок’ с добавочным признаком “молодой”²⁴. В семеме [2] ‘отдельный небольшой лес’ признак “лиственности” уже стирается или становится индифферентным, что вызывает, в свою очередь, возможность появления признака “сосновый”, “дубовый”, “липовый”, “березовый” (семемы [4], [15], [17], [13])²⁵. Семема [5] ‘участок леса’ возникла, надо полагать, в результате модификации признака “отдельность” → “частичность”, а семема [6] ‘глухой участок леса’ отражает дополнительную признаковую конкретизацию семы “участок” (“частичность”). Того же характера детализация “с краю” по отношению к признаку “частичности” в семеме [7] ‘опушка, край леса’.

Если семема [4] ‘отдельный небольшой лес’ отражает десемантизацию признака “лиственный”, то семема [8] ‘лиственный лес’ демонстрирует десемантизацию двух признаков — “малая величина” и “отдельность”, а семема [9] ‘лес’ — всех трех перечисленных признаков.

Семема [10] ‘густой большой лес’ отражает уже явление семантизации — появление новых признаков по отношению к трем исходным сопутствующим (четвертый — исходный и основной признак-сема “лес” сохраняется). Семемы [11] ‘сосновый лес’ и [16] ‘дубовый лес’ могут быть использованы

²⁴ Здесь, однако, не выяснено, сколь релевантен признак “молодой”, так как не зафиксирован противопоставляющийся немаркированный термин, равный семеме [1], но выраженный другой лексемой. Кроме того, может быть ослаблен (индифферентен) признак “отдельности”.

²⁵ Этот процесс можно толковать как конкретизацию признака.

как результат семантизации свойств «сосновый», «дубовый» и прибавления этих признаков к семеме [9] 'лес'. Семема [16] 'дубовый лес' могла возникнуть, однако, и при конкретизации признака "лиственный" (ср. семему [8] 'лиственный лес'). Подобное положение наблюдается в семемах [3] 'лесок, молодой лиственный лес', [12] 'молодой сосновый лес' и [14] 'молодой березовый лес'. Здесь также можно отметить десемантизацию нескольких признаков «исходной» семемы и семантизацию нескольких свойств референта, т. е. наблюдать процесс транссемантизации признаков.

Семемы [18] 'красивый лес' и [19] 'отдельное, одинокое дерево' требуют специального объяснения. Толкование *гай* как «красивого» леса характерно для многих информаторов²⁶. Такое толкование, вероятно, нельзя считать правильным или неточным, а нужно воспринимать как трансформированное на эстетической основе. Признаки "малой величины", "отдельности" и "лиственности", вкуче взятые, воспринимаются как синкретический признак "красоты". Не случайно, что этот признак в качестве неустойчивого, вторичного и в общем нерелевантного как такового (так как он не противопоставляется некрасивому лесу) не послужил для создания отдельного термина (т. е. *гай* в значении 'красивый лес' не имеет междialeктного синонима в отличие от многих других случаев, приведенных в таблице). Что же касается семемы [19] 'отдельное, одинокое дерево', то в ее возникновении отразилась иная тенденция, а именно тенденция гиперболизации признаков "малой величины" и "отдельности", доведенная до крайних пределов.

Таковы комментарии к табл. 1, где основная сема "лес" присутствует во всех семемах.

В табл. 2 эта сема удерживается в семемах [20], [22], [24], [26] и [27]. В первых трех случаях признаки "лес", "малая величина" и "отдельность" сохраняются при наличии еще одного конкретизирующего или, вернее, локализирующего признака "в долине" [20], "на болоте" [22],

²⁶ Ср. объяснение термина *гай*, предложенное Ф. Д. Климчуком, учителем из западнoполесской деревни Симоновичи (Дрогичинского р-на Брестской обл.): «*гай* — небольшой участок древесной растительности, имеющий красивый, веселый вид; деревья там стройные, высокие».

“на кладбище” [24]. Та же локализация с отнесением *подле, возле* наблюдается в семемах [26] ‘небольшой лес над рекой’ и [27] ‘небольшой лес у селения’. Семемы [21] ‘долина’, [23] ‘болото’, [25] ‘кладбище’ отражают процесс перераспределения иерархии признаков и последовавшей за ним десемантизации: признак “лес” перестал быть основным и затем десемантизировался, а сема-признак “долина” стала основной и единственной (так же семы “болото”, “кладбище”).

Любопытен случай с семемой [28] ‘поляна’. Здесь произошел семантический процесс по принципу зеркального отражения: признаки “отдельности” и “малой величины” сохранились, сохранился в каком-то отношении и признак “лес”, но если *гай* [2] — это ‘лес небольшой величины, окруженный безлесным пространством’, то *гай* [28] — это ‘безлесное пространство небольшой величины, окруженное лесом’. Произошла своеобразная поляризация основной семы “лес” ↔ “безлесное пространство”²⁷. В семемах ‘лес’ [3] и [10], а также [8] и [11] отражается поляризация неосновных (сопутствующих) признаков-сем “небольшой” ↔ “большой”, “лиственный” ↔ “сосновый”.

Довольно распространенная семема [29] ‘участок поля’ включает в себя также признак безлесного пространства (“поле”) и признак “частичность” (как модификацию признака “отдельности”), и, вероятно, также признак “малой величины”. В принципе *гай* [2] ‘отдельный небольшой лесок среди поля’ и *гай* [1] ‘лиственная роща’ при вычитании основной семы-признака “лес” будут представлять собой ‘участок поля’. Подобным образом часто возникают топонимы — *Гай* ‘участок поля, где когда-то была лиственная роща’ и т. п. Однако топонимизация — процесс иного порядка, и его не следует смешивать с транссемантизацией.

Наконец, в табл. 3 представлены семемы, где основная сема “лес” заменена семой “кустарник” или исключена вообще. Таковы семемы [30] ‘кустарник’, ‘заросли кустов’, [31] ‘луг, заросший лозой’ (т. е. ‘заросли лозы на лугу’ — с конкретизацией вида кустарника), [35] ‘заросли кустов у реки’ (ср. семему [26]). По тому же принципу, что и в переходах в семемы [21], [23], [25] — ‘долина’, ‘болото’, ‘кладбище’,

²⁷ Ср. аналогичную поляризацию в терминах *+lōka*, *+lēdo* и др., а также поляризацию по линии ‘верх’ ↔ ‘низ’. Примеры см. Толстой, 1969, с. 114—116, 138—140, 98—103.

произошел переход из семемы [31] 'луг, заросший лозой' в семему [32] 'луг'. Интересен случай, когда "лес", хотя и не в полной мере, как в примере с семемой [28] 'поляна', определяет часть внешней границы участка безлесного пространства, луга: семема [34] 'луг возле леса'. Признаки "малая величина" и "отдельность" в сочетании с новым признаком "топкость" выступают в семеме [33] 'топкий участок на лугу', являющейся своеобразной модификацией семемы [32] 'луг' и [29] 'участок поля'. Что касается семемы [36] 'берег', то здесь предшествующим звеном мутации могли быть семемы [26] 'небольшой лес над рекой' и [35] 'заросли кустов у реки' (ср. конечный результат мутации в семемах [21], [23], [25], [32]).

Относительно семем [37] 'куча хворосту' и [38] 'мусор на гумне'²⁸ можно высказать предположение, что они семантически (и этимологически) связаны непосредственно с глаголом **gajiti* 'шуметь', от которого возник и интересующий нас географический термин **gajъ*, несмотря на то, что обе семемы [36] и [38] демонстрируют наличие признаков "малая величина" и "отдельность". На возможность происхождения **gajъ* от **gajiti* 'шуметь', 'громко говорить, кричать и т. п.' указывает семантическая параллель с термином **šuma* 'лес' (от **šuměti* 'шуметь'), имеющим близкие семантические звенья — 'лес', 'лиственный лес', 'низкий корявый лес', 'кустарник', 'хворост', 'остатки соломы, мякина', 'сор на гумне'.

Вопрос об этимологии слова **gajъ* требует специального и более подробного рассмотрения. Здесь не приводилась вся аргументация в пользу высказанного предположения по той причине, что наше основное внимание было направлено на другой момент, на семантические изменения, отраженные в первых 36 словах (семемах), для которых этимологическая общность едва ли может быть подвергнута сомнению. Но и в отношении этих 36 семем важно сделать оговорку следующего характера: не для каждой семемы приводимые нами вслед за разными рукописными и печатными источниками

²⁸ Отсюда же и значения 'мелкая, негодная солома', затем 'солома, идущая на подстилку свиньям', 'место, где спят свиньи'. Что касается семемы 'высокая густая трава', то она возникла либо метонимически от 'отдельный лиственный лес, лесок', либо, на том же основании, что и *дуброва* 'трава', *груд* 'трава', 'сено' и т. п., по месту, где растет трава. См. подобные примеры в: Толстой, 1969, с. 44—45.

отдельные признаки можно с полной уверенностью считать таковыми, — не исключена возможность, что некоторые из них указывают лишь на свойство референта и притом даже окказиональное. Эти сомнения относятся преимущественно к семемам из табл. 2 и 3 и в первую очередь к тем, которые в других диалектах не выделены специальной лексемой, например [26] 'небольшой лес над рекой', [27] 'небольшой лес у селения'. Весьма возможно, что признаки "над рекой", "у селения" не являются таковыми. Для того, чтобы их можно было считать релевантными и относящимися к семеме, необходимо выяснение следующего момента: выражается ли в системе конкретного диалекта, где зафиксирован термин *гай* в отмеченном значении, семема 'отдельный лес не у реки' или семема 'отдельный лес не у селения' какой-либо другой лексемой. Т. е. выделяется ли та или иная сема (признак) формально или нет? Выяснить это можно в результате определения коррелятивных отношений внутри семантического поля, о котором речь шла выше.

Отметим также, что возможное отпадение нескольких примеров (семем) из нашего перечня как не удовлетворяющих изложенным требованиям не поколеблет, а, вероятно, только укрепит общие выводы и рассуждения в связи с установлением семантических дифференциальных признаков (сем) и наблюдением над характером их мутации, так как уменьшит число случаев с менее регулярными изменениями и редкой встречаемостью²⁹.

Кроме того следует отметить, что как в таблицах (прежде всего в табл. 2 и 3), так и в комментариях к ним нами недостаточно четко проводилась грань между семемами и семами, в результате чего в число семантических ДП — сем зачислялись иногда и такие, которые, в свою очередь, могут быть разложимы на семы (т. е. рассматриваться как семемы), например, "луг" и другие географические объекты, "плохая солома" (хотя бы = 'солома' + признак "отрица-

²⁹ Следует учитывать также, что в фиксации значений 'берег', 'долина', 'кладбище' и т. п. мог отразиться процесс топонимизации. В большинстве случаев при сборе материалов для атласа вопрос ставился так, как он сформулирован в программе: «Что значит слово *гай*? Что такое *гай*?». Здесь, как указывалось выше, критерием надежности ответа может в какой-то мере служить число зафиксированных примеров на одно и то же значение. Чем единичнее такие примеры, тем тщательнее следует их проверять.

тельность») и т. п. Этот вопрос требует не только дополнительной проверки полевого материала, но и специального рассмотрения в связи с проблемой перехода лексемы из одной семантической сферы в другую, иерархии ДП внутри семемы (например, вероятно, целесообразно принимать в качестве семы и разложимый компонент в тех случаях, когда он «сопутствующий») и другими проблемами.

Наши предварительные выводы сводятся к следующему:

1. Семемы делятся на разложимые на семы (на ряд семантических ДП) и неразложимые (или уникальные). Разложимые семемы состоят из двух или более сем, неразложимые — из одной семы.

Неразложимыми являются, например, такие семемы, как 'береза', 'дуб', 'ольха', 'липа' и т. п. Такие же семемы, как 'березка', или 'березничек', разложимы на семы: 'березка' = "береза" + "малая величина"; 'березничек' = "береза" + "лес" + "молодость" + "малая величина" и т. п. (см., однако, сноску 31).

2. Сема или дифференциальный семантический признак устанавливается обычно путем вычитания одной семемы из другой. Например, при последовательном вычитании семем (второй из первой, третьей из второй) 'молодой сосновый лес', 'сосновый лес', 'лес' могут быть выделены семы "молодой", "сосновый"³⁰. При этом важно выполнять условие, чтобы в одном из диалектов (языков) исследуемого континуума семема с лишним (выделяемым) признаком и семема

³⁰ Аналогичный способ «анализа по остатку» был предложен А. Б. Долгопольским (Долгопольский, 1962). Его схема координат для «семантической зоны» 'дерево' — 'лес' — 'дрова' строится в отношении деления на семы по тому же принципу, что и, например, наша модель поля «дождь — погода — время — год — час». Весьма важен следующий сформулированный А. Б. Долгопольским принцип: «план содержания дробится на единицы таким образом, что учитываются все те семантические различия, которые релевантны в языках мира (хотя бы в одном языке)» (там же, с. 73). Этот принцип был принят нами независимо от А. Б. Долгопольского в работе «Из опытов», I со следующим существенным, на наш взгляд, различием: предлагалось определять релевантность не в языках мира, а в языках (диалектах) исследуемого континуума (славянского, восточнославянского и т. п.). К сравнению различий во всех языках мира целесообразно, вероятно, переходить лишь после сравнения по группам (семьям) языков с учетом более ярких типологических различий, относящихся к структуре языка в целом и к структуре слова.

без такового различались и формально, т. е. манифестировались разными лексемами.

Таков способ установления наличия признака для определенного диалектного континуума, который фиксируется в метаязыке (в виде отдельной клетки на сетке-модели), но может отсутствовать в ряде конкретных диалектов. Это отсутствие создает ситуацию неразличения семем. Различение и неразличение — факты парадигматического плана. Неразличение не следует путать с нейтрализацией, которая является фактом синтагматического плана («свободной» сочетаемости семем) и невозможна без различения, без наличия привативно коррелирующей пары в системе (в конкретном поле). См. об этом подробнее «Из опытов», II (Толстой, 1966, с. 25–26; наст. изд., с. 82–83).

3. В семемах, разложимых на несколько сем, наблюдается иерархия сем (семантических ДП), которую можно предварительно формулировать как наличие основной семы и ряда (одной или более) дополнительных — сопутствующих.

Основная сема чаще всего конкретна и терминологична, она обычно совпадает с семемами, состоящими из одной семы (с неразложимыми семемами), сопутствующие — в большинстве случаев более абстрактны и более универсальны. Например, в семеме 'березнячок' основной семой можно считать сему "береза", а дополнительными "лес", "малая величина", "молодость"³¹. В числе наиболее универсальных сем (семантических ДП) можно отметить "малую величину" — "большую величину", "положительность (качества и т. п.)" — "отрицательность", "интенсивность" — "неинтенсивность" и т. п.

Таким образом, ориентация на разные и одинаковые (как в примере с *гаем*) лексемы облегчает поиск формальных (т. е. выраженных формой — лексемой) критериев для выделения сем — компонентов семемы. В этом заключается основное отличие изложенного способа от метода изучения значений путем «семантических множителей», выделяемых интуитивно или абстрактно-логическими построениями.

4. Основная сема может стать сопутствующей, а затем и исчезнуть вовсе, в то время как сопутствующая нередко становится основной (см. приведенный выше пример с

³¹ Если строить поле на иных соотношениях, чем в указанной статье «Из опытов», II (см. с. 80–86 наст. изд.), можно принять сему "лес" за основную, а семы "малая величина", "молодость", "береза" (или "березовость") — за дополнительные.

**polnina*, с **gaĵ* и др.). Этот процесс можно назвать изменением иерархии сем внутри семемы. Как правило, он ведет к изменению состава сем внутри семемы.

5. Изменение состава сем (семантических ДП) происходит обычно в результате десемантизации одной из сопутствующих сем (исчезновения семы) или появления новой сопутствующей семы (семантизация), наконец, в результате замены одной сопутствующей семы другой (транссемантизация). Процесс семантических изменений можно рассматривать, подобно фонологическим, дискретно, по фазам. При этом каждую фазу можно толковать как сдвиг на один шаг. Сдвигом на один шаг следует признать мутацию признака (семы), воспринимая вслед за А. Мартине различительный признак как единицу изменения³². Такая трактовка семантического ДП (семы) допускает возможность определения расстояний между семами в соответствии с числом шагов. Это означает, что различительный признак можно признать также единицей измерения. Трудность такого измерительного анализа, однако, заключается не только в необходимости установления исходной семемы (исходного значения), требующего обращения к исторической семасиологии и этимологии³³, но и в неизбежности приписывания отдельным шагам разных «весов» (для десемантизации, се-

³² А. Мартине говорит о «различительном признаке как единице изменения» в фонологии. Надо полагать, что такое понимание различительного признака применимо в полной мере к семасиологии. При этом А. Мартине указывает, что чаще всего изменения места артикуляции происходят во всем ряду, а не только в одной фонеме, т. е. «если /d/ оглушается, обычно оглушается также /b/ и /g/». Но далее А. Мартине обращает внимание на возможность «индивидуальных» изменений отдельных членов ряда: «по-видимому, следовало бы изучить как раз те случаи, когда одна из фонем данной серии изменяется по глухости — звонкости не так, как остальные, или когда одна из фонем данного ряда меняет место артикуляции, в то время как остальные фонемы этого ряда остаются без изменения» (Мартине, 1960, с. 106—107). Для семантических изменений, наоборот, наиболее характерны «индивидуальные» случаи, но наибольший интерес представляют именно те мутации признака, которые захватывают целый ряд или большую часть ряда. Впрочем, и само понятие семантического ряда еще не определено.

³³ В этих случаях часто решается проблема, напоминающая уравнение с двумя неизвестными. «Исходное» значение устанавливается по конечным, происхождение конечных объясняется и выводится из «исходного».

мантизации, транссемантизации, изменения иерархии признаков и т. п.), что придает в конечном итоге субъективный характер результатам исследования³⁴.

6. Разложимая семема имеет ограниченное число сем, из коих одна является основной, а остальные сопутствующими. Обычно число сопутствующих сем не превышает четырех—пяти. В рассмотренном нами примере максимальное число сопутствующих сем — четыре (см. семему [3]), чаще же три, две или даже одна. Наличие одной основной и трех дополнительных сем означает, что семема выступает как маркированный член корреляции по отношению к трем другим семемам, т. е. может образовать три минимальные семантические пары (в противном случае наблюдалось бы неразличение)³⁵. Естественно, что и эти три немаркированные семемы могут выступать в качестве маркированных по отношению к другим семемам.

Неразложимую семему следует считать всегда немаркированной, т. е. не способной входить в привативные оппозиции.

7. Проблема максимально возможного числа сем и их соотношений в пределах семемы, resp. семем, относящихся к разным семантическим группам и разрядам, не только не решена, но и не поставлена с должной четкостью. А между тем она, вероятно, связана с проблемой устойчивости семемы (устойчивости значения) и потенциальных возможностей ее изменения. Из самых предварительных наблюдений можно отметить только одно: неразложимые (уникальные) семемы более устойчивы, чем разложимые.

* * *

Наши наблюдения проводились в основном над ограниченным кругом номенклатурной лексики. Еще более резкое ограничение накладывает избранный нами пример — географический термин ⁺*gajь*. Более широкие и, вероятно, более благодатные для разработки проблем семантических дифференциальных признаков возможности даст обращение

³⁴ См., однако, заслуживающие внимания эксперименты А. С. Соколовской (Соколовская, 1968).

³⁵ В. В. Мартынов называет минимальную семантическую пару (МСП) — *микроструктурой* (Мартынов, 1965, с. 77—79). Нам представляется, что этот термин можно сохранить для структур с большим числом компонентов.

к абстрактной лексике. Целесообразно проводить семантические исследования и по группам лексики, относящимся к определенным частям речи — прилагательным, глаголам, наречиям, хотя бы потому, что в основе классификации самих частей речи, помимо морфологического (и синтаксического), лежит также семантический принцип. В сфере семантики глагола с достаточной яркостью выступит аспект синтаксический, а именно проблема сочетаемости лексем и седем.

Отметим еще раз, что изложенные выше наблюдения и выводы носят предварительный характер — они далеки от претензий на универсальность даже в пределах материала славянских языков.

Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. I

Вместо введения. Типологическое изучение языков, возникшее и развившееся в основном на материале языков неродственных и разносистемных, привело к созданию ряда методов, применение которых оказалось весьма плодотворным и при исследовании близкородственных языков. Установление единых систем соответствий и опыты моделирования языковых систем или отдельных их частей (т. е. микросистем) находят все более широкое применение и в области современной и исторической диалектологии, т. е. в границах одного языка, и в области истории группы или семьи языков, т. е. в сфере сравнительно-грамматической. Сравнительная грамматика, пафосом которой всегда была и остается реконструкция, не обходится теперь без приемов типологической и ареальной лингвистики. Она превращается все более в историческую типологию родственных языков, в дисциплину, которая ставит своей задачей не только реконструкцию морфем, лексем, их парадигм и отдельных синтаксических конструкций и связей, но и реконструкцию фонологических, морфологических и синтаксических систем и их отношений к другим родственным системам, естественно, с попытками их территориальной и хронологической приуроченности. В том же плане может быть поставлена и одна из основных задач сравнительной лексикологии — задача реконструкции семантической структуры праязыка. Для ее успешного выполнения, однако, должна быть предварительно проделана работа по определению типов семантических систем (в первую очередь микросистем) в современных языках и диалектах и по выработке приемов их приведения к общему знаменателю, т. е. установления единой системы соответствий.

Семантическая система языка, которую часто по традиции называют «лексической», остается и поныне малоизученной областью общей лингвистики, несмотря на ряд инте-

ресных исследовательских опытов, теорий и предложений. Причина этого кроется, вероятно, прежде всего в практически трудно исчислимом количестве единиц этой системы (лексем), в ее максимальной открытости и зависимости от внеязыковой ситуации — от «системы» или просто конкретного набора реалем, если понимать под реалемой некий инвариант референтов, инвариант реалий.

Некоторые предпосылки. Методика конструирования абстрактных моделей для типологических исследований неодинаково разработана по отношению к разным уровням языка. Типологические сравнения до сих пор ведутся в основном на фрагментах языковых систем. Наиболее полно и с равной степенью точности отражения языкового материала производятся опыты по фонологическому описанию языка. Успеху фонологического описания способствует сам характер звуковой структуры: весьма ограниченный набор единиц (фонем), отсюда и сравнительно ограниченное число возможных комбинаций, и функционирование этих единиц (фонем) как компонента знака; отсюда также полная независимость набора единиц и их структурных соотношений от внеязыковой действительности, от «системы реалем».

Типологические операции в области фонологии и грамматики имеют дело прежде всего с «формой» в соскоровском понимании этого слова. В семасиологии «субстанция» дает о себе знать постоянно, и изучение целого ряда лексических пластов приводит прежде всего к моделированию «культуры» — различных понятий или просто реалий, функционирующих среди носителей того или иного языка. Однако если бы между реалемой и лексемой существовала непосредственная мотивированная связь, то семантическая типология была бы невозможна. Дело в том, что внеязыковая действительность («система реалем») сегментируется в разных языках по-разному при помощи формальных средств. Это справедливо и в отношении лексики, и об этом ниже будет сказано более подробно. Сейчас важно отметить, что, учитывая принципиальную разницу между фонологической и грамматической системами языка и «системой» семантической (которой из-за ее максимальной открытости и практической невозможности полного охвата некоторые ученые даже отказывают в системности), при описании последней возможно использование целого ряда методов, ана-

логичных тем, которые уже применяются в фонологии. С этой целью на первых этапах исследования надо предложить предварительную препарацию — членение семантической системы на ряд микросистем или микрополей. Изоморфный характер описаний различных уровней языка чрезвычайно важен и принципиально, и для целей лингво-географических, так как он дает возможность установления территориального соответствия между системами или микросистемами разных уровней языка, т. е. позволяет их картографировать и проводить сравнение изоглосс или их пучков.

Некоторые вопросы терминологии. Слово в аспекте лексикологическом, или, вернее, семасиологическом, является единством лексемы и семемы. В плане выражения слово — лексема, в плане содержания — семема. Под лексемой, таким образом, нужно понимать лишь звуковую оболочку слова, под семемой — его содержание. В этом отношении омонимы — одна лексема с двумя семемами (условие: они не сводимы к инварианту, т. е. не две «аллосемы»), синонимы — одна семема с двумя лексемами (условие: они — не две «аллосемы» с каким-либо релевантным в конкретном микрополе дифференциальным признаком)¹. Такие щербовские «слова», как *глокая*, *куздра*, *штеко*, *булданула* и т. п., являются лишь лексемами. Семемы же (семантемы, семы) — абстрактные понятия, которые манифестируются лексемами [условие: под семемой не понимается, как сказано в «Словаре лингвистических терминов» Марузо, некое инвариантизированное понятие, например, индоевропейский корень, а часто принимается понятие (гносема, реалема) весьма детализированное; однако эта детализация должна быть релевантной при дистрибуции на микрополе].

¹ Как будет видно из дальнейшего изложения, следует различать общую семантику, являющуюся скорей логической дисциплиной, и семантику конкретных языков, служащих материалом для типологических штудий. «Аллосема», понимаемая здесь с точки зрения общей семантики, в составе микрополя при определении дистрибуции, т. е. рассмотрении семантических связей конкретного языка или диалекта, может оказаться уже самостоятельной семемой, если она будет выражена отдельной лексемой, т. е. если ее значимость (*valeur*) окажется релевантным дифференциальным признаком (см. ниже правило IV).

Такое понимание позволяет установить в плане внешнем (выражение) и внутреннем (содержание) некую аналогию отношений «звук речи : фонема и лексема : семема» даже при том положении, что природа их содержания различна: у фонемы чисто функциональная, у семемы — денотативная и сигнификативная. При этом так же, как в языке не отмечается фонетическая система структурно-функционального порядка, а отмечается только фонологическая, так же, вероятно, нужно будет признать, что нет лексической системы (при нашем определении терминов), а есть лишь семантическая.

Каждый конкретный язык, его семантическую систему можно сравнивать и с абстрактной (общей, «внеязыковой») семантической моделью, и с семантической моделью другого конкретного языка или диалекта, и с общей семантической моделью, созданной индуктивным путем из ряда моделей конкретных языков или диалектов. Язык (диалект)-эталон или модель-эталон второго типа более пригодны для типологических исследований, так как они дают больше вероятности полноты учета конкретного языкового материала и могут быть использованы при операциях другого порядка — при картографировании и реконструкции. Поэтому наши дальнейшие рассуждения будут вестись на уровне «лексема : семема».

Моделирование микрополей. Моделирование фонологических систем или их фрагментов (вокализма, консонантизма) может производиться путем выявления релевантных дифференциальных признаков (ДП), которые потом, при типологических операциях, используются не только для описания различий в наборе фонем (инвентарные различия), но и в их дистрибуции (дистрибуционные различия). Эти различия — инвентарное и обычно связанное с ним дистрибуционное — приводят к трем видам дифференциации при сопоставлении двух и более диалектов (или языков): к чисто инвентарным, к чисто дистрибуционным и, наконец, к наиболее распространенному виду — инвентарно-дистрибуционному. Отметим также (это будет важно в дальнейшем и для рассуждений чисто семасиологического характера), что фонема определяется как набор дифференциальных признаков, а дифференциальный признак принимается в качестве основного фонологического (resp. семасиологического) понятия.

При сравнении диалектных (языковых) фонологических систем между собой одна из систем может быть взята в качестве модели-эталона. Обычно практически удобнее использовать модель с максимальным набором, однако иногда различие в дистрибуции всех фонем (т. е. их конфигурационный рисунок) одного диалекта трудно соотносимо с конфигурационными рисунками других диалектов. В таких случаях в качестве эталона может быть использована искусственная, внутренне непротиворечивая модель-сетка с максимальным набором релевантных для различных диалектов дифференциальных признаков. Конструируется она обычно индуктивным путем в результате добавления к одной из реально существующих систем дополнительных альтернант из других систем, входящих в ареал типологических штудий.

На такую конструированную сетку налагаются конкретные, зафиксированные в отдельных диалектах системы. Различная конфигурация этих систем, выявляемая по отношению к конструированной сетке, даст искомый показатель, который можно проецировать в географическом плане, т. е. картографировать. Возможны также случаи несводимости всех типов конкретных конфигураций к одной искусственной сетке, т. е. их «неналагаемости». В таких случаях возникает необходимость в конструировании нескольких сеток и в установлении принципов их соотнесения. Типологические операции, как известно, могут быть представлены в виде определенной последовательности моделей с указанием их места в «признаковом пространстве».

Выделение отдельных типов фонологических систем или их фрагментов и картографирование этих систем может быть произведено и без помощи общей модели-сетки с максимальным набором дифференциальных признаков. Зачастую достаточно обычного фонологического описания, какое, например, сделано для сербскохорватского языка П. Ивичем (Ивич, 1958; Ивић, 1957а). Вокализм, например, может быть описан и проецирован лингвогеографически при использовании таких показателей, как количество фонем — инвентарь системы и конфигурация этой системы: 5-членный треугольник, 6-членный прямоугольник, асимметричный 6-членный треугольник и т. п.

Совершенно очевидно, что обращение к разным типам описаний — к простому моделированию фонологической системы диалектов на основе их инвентаря и дистрибуции, к

использованию искусственной модели-сетки или даже нескольких моделей-сеток — во многом зависит от количества и характера охваченных типологическим описанием диалектов, т. е. от границ диалектного континуума. При этом нами постулируется возможность представления территориальных диалектов в дискретном плане.

Схематично изложенные выше положения о моделировании фонологических систем уже известны в лингвистике. Нами преследовалась лишь цель повторения тех основных моментов, которые характеризуют некую аналогичную типологических операций в области фонологии и семасиологии.

При вычленении из семантической сферы языка отдельного микрополя, особенно при проведении этой операции на материале языков или диалектов со значительной степенью сходства (диалектов одного языка, языков и диалектов одной семьи или одного языкового союза), можно с успехом оперировать следующими основными показателями: а) инвентарь, т. е. набор семем, определяющийся количеством соответствующих лексем; б) дистрибуция лексем на семантической сетке-модели; в) конфигурация лексем, т. е. результат их дистрибуции.

При этом будет соблюдаться один из основных принципов структурной лингвистики — определение единицы из целого, хотя он будет применен и не полностью, так как само «целое» окажется достаточно ограниченным по сравнению со всей семантической системой языка. Все же при подобных операциях подход к материалу будет менее атомистичен, чем в традиционной лексикологии, индексирующей отдельные единицы.

Конкретный пример. Предварительный опыт моделирования семантического микрополя «дождь — погода» на материале сербскохорватских диалектов был нами сделан в связи с попыткой установить изоглоссу *дажд — киша*, выполненной в традиционном плане². Здесь он будет повторен в расширенном объеме, как опыт моделирования семантического поля «дождь — погода — время — год — час», способного быть интерпретированным на материале любого славянского диалекта. Графически микрополе может быть представлено следующим образом:

² См. Толстой, 1962; наст. изд., с. 122–143.

	‘дождь’	‘погода’	‘время’	‘год’	‘час’
+					
×					
-					

Условные обозначения: + (плюс) — положительное качество, × — нейтральное качество, - (минус) — отрицательное качество.

Распределение лексем в отдельных славянских говорах выражается следующим образом:

(1)	godina	
	godina	vriĕme
	dešč	

vriĕme	liĕto	ura (?)
--------	-------	---------

Сербскохорватский, кайкавский — село Чрнковец, срез Загреб (Хорватия). См. Junković, 1956, s. 395.

Примечание: Знак вопроса (?) после лексемы означает, что слово не зафиксировано в цитируемом печатном источнике, а указывается по нашему предположению, возникшему на основании косвенных данных.

(2)

<i>godina</i>	
<i>godina</i>	<i>vrime</i>
<i>vrime</i>	

<i>vrime</i>	<i>leto</i>	<i>ura (?)</i>
--------------	-------------	----------------

Сербскохорватский, чакавский — Шушнево село и Чаковац, срез Огулин (Хорватия). См. ZNŽO, 1900, sv. V, pol. 2, s. 169—170).

(3)	<i>gòdina</i>	<i>vrìme</i>	<i>vrìme</i>	<i>lĭto</i>
				<i>ura (?)</i>

Сербскохорватский, чакавский — село Жеяне, срез Риека (северная Истрия). См. Ribarić, 1940.

(4)	<i>gòdina</i>	
	<i>dâžd</i>	<i>vrîme</i>

<i>vrîme</i>	<i>lĭto</i>	<i>ura (?)</i>
--------------	-------------	----------------

Сербскохорватский, штокавский, икавский — село Воdice, срез Риека. См. Ribarić, 1940.

(5)					
	<i>děš</i>	<i>vr̥jème</i>			

	<i>vr̥jème</i>	<i>gòdina</i>	<i>ura (?)</i>
--	----------------	---------------	----------------

Сербскохорватский, штокавский, екавский (зетский) — село Перой, срез Пула (Истрия); см. Ribarić, 1940.

(6)					
	<i>dăžd</i>	<i>gòdina</i>			
		<i>gòdina</i>			

	<i>vrijème</i>	<i>gòdište</i>	<i>ùra (?)</i>
--	----------------	----------------	----------------

Сербскохорватский, штокавский, екавский — г. Дубровник и окрестности. По материалам В. Караджича и М. Решетара.

(7)					
	<i>кѣша</i>	<i>врѣме</i>			

	<i>врѣме</i>	<i>гòдина</i>	<i>час (cât)</i>
--	--------------	---------------	------------------

Сербскохорватский, штокавский, экавский — г. Белград и его окрестности, село Вранео (Банат) [собств. наблюд.]. То же — литературный язык и большинство штокавских говоров.

(8)					
	<i>дош</i>	<i>врѣме</i>			

	<i>врѣме</i>	<i>годѣна</i>	<i>сат</i>
--	--------------	---------------	------------

Македонский — село Трсье Леринского края (Эгейская Македония) [собств. наблюд.]. То же — основная масса македонских говоров.

(9)					
	<i>дъш</i>	<i>вр'ам'а</i>			

	<i>вр'ам'а</i>	<i>годѣна</i>	<i>час</i>
--	----------------	---------------	------------

Болгарский — село Былгари, район Малко-Тырново (Странджа), обл. Бургас [собств. наблюд.]. То же — основная масса болгарских говоров.

(10)					
	<i>дôш'</i>	<i>хвѣл'а</i>			

	<i>час</i>	<i>рук</i>	<i>годѣна</i>
--	------------	------------	---------------

Украинский — село Бараницы Ужгородского района Закарпатской обл. Сообщил П. П. Чучка.

Примечание: В украинских и украинско-белорусских говорах *г* — фрикативное, не отмечаемое здесь особым знаком.

(11)		<i>вѣремн'а</i>		<i>час</i>	<i>гiд</i>	<i>час</i>
	<i>дождж</i>	<i>годiна</i>				

Украинский — село Росишка Раховского района Закарпатской обл. Сообщил Н. А. Грицак.

По материалам готовящегося во Львове западноукраинского атласа (см. АУМ, II), любезно сообщенным М. М. Онышкевичем, в некоторых гуцульских и покутских говорах зафиксированы следующие значения интересующих нас слов: *вѣремн'а* 'хорошая погода', *годiна* 'погода вообще', *сѳтниц'а* 'плохая погода' (село Грушево Тячевского района Закарпатской обл.); *годiна* 'хорошая погода', *фл'окайка* 'плохая погода' (село Великий Бычков Раховского района); *вѣремн'а* 'хорошая погода', *годiна* 'плохая погода' (села Квоки и Богдан Раховского района); *вѣремн'i* 'плохая погода' (село Дора Яремчанского района Станиславской обл.); *вѣремн'i* 'хорошая погода', *годiна* 'плохая погода' (село Виженки Вижницкого района Черновицкой обл.); *вѣримн'i* 'погода вообще', *годiна* 'плохая погода' (село Шетт Путильского района Черновицкой обл.). В. Шухевич для лексемы *година* у гуцулов отмечает значение 'дождь': *година иде* (Шухевич, 1899, с. 81), однако такого материала в ответах по украинской программе не имеется, так как вопрос ставился только «от значения к слову» и только о хорошей и о плохой погоде (см. об этом ниже на с. 60–61). Приведенный материал не было возможности представить на микрополе, так как отсутствует необходимый набор лексем и не совсем ясна их дистрибуция.

(12)				<i>ч'ес</i>	<i>рик</i>	<i>годiна</i>
	<i>дошч'</i>	<i>пугѳда</i>				

Украинский — село Белз Сокольского повета Грубишевского района Люблинского воеводства (Польша). Сообщил П. И. Приступа.

(13)		<i>погѳда</i>		<i>вѣремн'е</i>	<i>рик</i>	<i>чес</i>
	<i>дошч'</i>	<i>погѳда</i>				
		<i>негѳда</i>				

Белорусско-украинские, полесские говоры — деревня Орехово Малоритского района Брестской обл. (Западное По-

лесье) [собствен. наблюд.]. То же приблизительно соотношение наблюдается в Центральном Полесье: *дош'*, *тўча* 'сильный, вредный дождь'; *погóда*, *погóда*, *негóда*, *в'рёмн'е*, *рiк*, *час* — деревня Боричевичи Пинского района Брестской обл. — и в Восточном Полесье: *дож'д'*, *погóда*, *погóда*, *негóда*, *в'рёмје*, *гуд*, *час* — деревня Шестовичи Петриковского района Гомельской обл. [собств. наблюд.].

(14)		<i>pogoda</i>			
	<i>desc</i>	<i>cas</i>	<i>cas</i>	<i>rok</i>	<i>gožina (?)</i>

Польский — село Старые Селковицы Опольского повета (Силезия). См. Zaręba, 1960.

(15)		<i>płogoda</i>	<i>cas</i>	<i>rłok</i>	<i>głoźina</i>
	<i>dysc</i>	<i>płogoda</i> <i>cas</i>			
		<i>ńepłogoda</i>			

Польский — село Сидзина (Верхняя и Нижняя) повета Суха и село Фацимех Краковского повета. См. Kusała, 1957.

(16)		<i>pogoda</i>	<i>czas</i>	<i>rok</i>	<i>godzina</i>
	<i>deszcz</i>	<i>pogoda</i>			
		<i>nlepogoda</i>			

Польский — село Шиманы Шчиденского повета (Мазуры). См. Kupiszewski, Węgielek-Januszewska, 1959.

Примечание: Материал, почерпнутый нами из указанной монографии, возможно, интерпретирован не совсем точно.

Некоторые правила построения микрополей. Для построения семантических микрополей целесообразно установить ряд правил. Некоторые из них могут быть при дальнейших наблюдениях конкретизированы, для некоторых допустимы отдельные отклонения. Правила эти применимы при построении общих семантических полей диалектов и языков одной семьи, т. е. для систем со значительной степенью сходства и генетического родства.

Правило I. Одна семема, занимающая одну из клеток (квадратов) общего микрополя, должна манифестироваться одной «простой» лексемой (т. е. одним словом, а не сочетанием слов).

Примечания: а) в случае, если семема, манифестирующаяся в одном диалекте «простой» лексемой, в другом диалекте манифестируется сложной лексемой (например, «прилагательное + существительное»), то при описании материала другого диалекта соответственная клетка микрополя остается пустой; б) для устойчивых сочетаний типа *белый гриб*, *черная смородина* может быть сделано исключение, но необходима операция проверки устойчивости таких сочетаний на подстановку, т. е. выяснение невозможности какого-либо другого сочетания «прилагательное + данное существительное» с сохранением того же значения, и наличие «простой» лексемы в одном из диалектов исследуемого континуума; в) к примечанию «а» может быть допущено отклонение, т. е. возможно использование «сложных» лексем, например сочетания «прилагательное + существительное», но при этом важно иметь набор прилагательных, сочетающихся с существительным, и определить их отношение к ДП моделированного микрополя. Это отношение можно отмечать на сетке особым знаком.

Например, если в говоре возможны сочетания типа (I) *хорошая погода*, *пригожая погода*, *ясная погода* наряду с типом (II) *плохая погода*, *дурная погода*, *скверная погода*, то ДП «плюс» (+) и «минус» (-), приведенные на нашей схеме, нейтрализуются, или, по терминологии Ельмслева, произойдет субституция. Если возможны только сочетания типа (I), т. е. исключительно *хорошая погода* и т. п., или только типа (II), т. е. *дурная погода* и т. п., то это указывает на наличие дифференциации и закрепления за лексемой *погода* определенных «дополнительных» ДП, т. е. так называемой дополнительной дистрибуции. Полезен и учет в типологическом плане возможности или невозможности сочетания данной лексемы с прилагательными, характеризующими дополнительно ДП, отмеченные в сетке-модели. Например, учет невозможности сочетания *плохая непогода* и тем более *хорошая непогода*, *ясная непогода* и т. п.

Для чисто понятийно-типологических и ареально-типологических (Sprachbunds) разысканий отклонения «б» и «в», по нашему мнению, некорректны.

Правило II. Границы микрополя определяются величиной семантической «амплитуды колебания» одной лексемы, которая называется опорной. Амплитуда колебания устанавливается в результате диасемного обследо-

вания, т. е. выяснения, что значит данная лексема во всех привлекаемых для рассмотрения в синхронном плане диалектов или языков. В конструированном микрополе большинство лексем будут иметь определенную (большую или меньшую) амплитуду колебания. Опорной лексемой будет лексема с максимальной амплитудой.

Правило III. Дифференциальные признаки, т. е. наличие клеток (квадратов) микрополя, их количество и расположение выявляются в результате установления альтернатив во всех исследуемых диалектах, т. е. в итоге рассмотрения всего диалектного и диасемного инвентаря (при учете соотношения «лексема : семема»). Опорной моделью обычно, как и в фонологии, служит конкретная диалектная модель с максимальным набором ДП, к которой в случае необходимости могут быть добавлены ДП из других диалектов.

Например, в микрополе «дождь — погода — время — год — час» опорной лексемой явилась лексема *година*, а семантической моделью-эталонном с конкретным набором ДП — модель диалекта села Водице (тип 4), к которой были добавлены некоторые ДП (отрицательный признак к 'дождю') модели села Чрнковец (тип 1) и модели говора Дубровника (тип 6) (отрицательный признак к 'погоде').

Правило IV. Семантический дифференциальный признак считается релевантным для данного диалекта (языка), если при его выражении выступает отдельная лексема.

Правило V. Одна простая лексема может занимать одну и более клеток (квадратов) микрополя.

Правило VI. Простые лексемы должны иметь идентичные корневые, морфологические и словообразовательные показатели (в этимологическом смысле).

Примечание. В некоторых случаях разные суффиксы могут рассматриваться как показатели разных аллосем в зависимости от общей суффиксальной системы конкретного диалекта. Такое допущение следует специально оговорить (например, суффиксы *-ьцз* и *-ькз* и т. п.). Это же при известных условиях (отсутствие семантической дифференциации и т. п.) может относиться и к морфологическим показателям.

Правило VII. Амплитуда колебаний отдельной лексемы — не опорной — может не укладываться полностью в конструированное микрополе. В таком случае следует кон-

струировать автономное микрополе на основе амплитуды данной лексемы. Подобные операции приведут к образованию цепи взаимосвязанных микрополей.

Например, лексема *рок*, став опорной, может образовать свое микрополе с иными, чем в поле «дождь — погода — время — год — час», дифференциальными признаками.

Нетрудно заметить, что амплитуда колебания лексемы, а тем самым и границы микрополя будут различны в зависимости от границ исследуемого диалектного континуума. Если в нашем конкретном примере ограничиться материалом южнославянских языков, то в микрополе не должна входить клетка 'час'; она вводится на основании западнославянского материала. С другой стороны, в наше микрополе не введена клетка 'месяц' или 'минута', так как она не входит в амплитуду опорной лексемы *година* в ареале славянских диалектов.

Архитектоника микрополя будет существенно различаться в зависимости от того, к какой части речи принадлежат члены поля (возможности комбинаций с различными частями речи в одном поле пока нами не предусмотрены), от того, рассматриваются ли соотношения субстантивных, атрибутивных или вербальных единиц. Наконец, в зависимости от целей исследования также могут измениться границы конкретного микрополя, набор и расположение ДП. Опыт фонологических исследований привел к выводу, что одной и той же совокупности языковых единиц может соответствовать ряд разных моделей.

Различные способы описания фонологической системы могут привести даже к различным показателям в отношении набора единиц. Это тем более справедливо в применении к семантике, где количество возможных ДП не ограничивается рамками акустических или артикуляционных потенциалов, а зависит от почти необозримого набора объектов реального мира и различных типов их языковой сегментации.

Предложенный метод конструирования микрополей основывается на формально-генетическом тождестве лексем (включая и тождество составляющих их морфем), что может дать ряд преимуществ при операциях по реконструкции древнего состояния. Устанавливаемые таким образом смысловые связи членов поля могут быть достаточно древними

и устойчивыми. Основным показателем этих связей служат амплитуды колебания (в первую очередь их величина) различных лексем. Отказываясь сейчас от изложения методики реконструирования древнейших микрополей (например, для эпохи праславянского языка), которое должно быть предметом отдельного опыта, отметим лишь, что предлагаемый способ конструирования микрополей не позволяет игнорировать ряд релевантных и весьма прочных семантических связей, остающихся часто вне наблюдений исследователя при подходе к семантическому полю с точки зрения сферы чистых понятий или предметных и семантических групп. Обращение к методике типа трировских семантических полей вынудило бы нас семемы 'дождь' и 'час' отнести к различным понятийным сферам, разным кругам понятий. В различных предметных и семантических группах оказались бы наши семемы и при классификационных опытах типа опытов Дорнзайфа и Вартбурга. Аппелируя к логическим схемам и базируясь на сфере чистых понятий (такой подход может быть правомерен при решении задач общей семантики), мы отнесем в разные семантические поля семемы или группу семем, связанных с понятиями 'гора' — 'лес' — 'пастбище' или 'быстрый' — 'чистый' — 'хитрый' и т. п.

Материал славянских языков указывает на древнюю, сохранившуюся отчасти и поныне связь семем 'гора' и 'лес'. Дистрибуция лексем на семантической сетке микрополя «гора — лес — пастбище» чрезвычайно любопытна и последовательно своеобразна. Оставляя для отдельной статьи изложение опыта моделирования этого микрополя, отметим лишь некоторые изолированно взятые опорные показатели (без указания дистрибуции и диалектной соотношенности):

**gora* 'лес', 'гора'; **polnina* 'гора', 'гора, покрытая лесом', 'горное пастбище'; **balkanъ* 'гора', 'холм', 'лес'; **byrdo* 'гора', 'холм', 'пастбище'; **borъ* 'лес', 'бор', 'холм', 'гора'; **gorъka* 'холм', 'гора', 'кочка', 'низкое болотистое место, заболоченный луг'³.

Основная часть указанных значений известна по публикациям. Из нового материала отметим:

³ Пользуемся праславянскими лексемами как лексемами-посредниками для современного синхронного состояния славянских диалектов.

бор: бор 'холм', 'гора' (ліс растэ на бору́; ліс же растэ на бору́, ліс мо́же і на бору́ мо́же і не на бору́; бору́—го́ры такі́е висло́ке); буро́к, боро́к 'холмик', 'горка' (дер. Орехово Малоритского р-на Брестской обл. — Западное Полесье; собствен. наблюд. 1962 г.); *бѳр*, *бѳр* 'сосновый лес', 'бор'; *боровѳна*, *смоѳна* 'сосна, отдельное сосновое дерево' (дер. Боричевичи Пинского р-на Брестской обл. — Центральное Полесье; собствен. наблюд. 1962 г.); бор 'смешанный лес', 'чернолесье' (*бо́р — та́м чорнол'ес́е і ве́рес і тіпе́ц там јос́*; *бо́р — та́м разм'ешана: і ду́п, і ал'ха́, і асі́на, фс'акі́е л'ес́а, см'ес́ расц'е́*; *бо́р на падо́л'е, в обо́ш'ем — падо́л, на падо́л'е*) (дер. Шестовичи Петриковского р-на Гомельской обл. — Восточное Полесье, собствен. наблюд. 1962 г.).

балкан: балка́н 'лес' (*ис'акаа то́о балка́н; мо́о балка́н дзрв́е ѳма мно́го*) [село Старцево (Елехча) Златоградского р-на — Восточные Родопы; собствен. наблюд. 1959 г.].

планина: пла́нина 'горное пастбище', 'плодородный участок земли в горах' (пла́нина — та́ма са л'ува́ди; пла́нина — висло́ко м'есто́ жи́то се ра́да, туту́н' не мо́же да ста́не там на пла́ннина; да нас'е́жете плани́ните, тзрлі́те!; пла́нина се ка́зва висо́кото м'есто́ и го́лу по взрх́т; по пла́ннита пасѳ́т офце́те, ка́мзк н'е́ма, тр'е́ва ста́ва; офце́те ше ги ка́раме на про́лет на пла́ннѳта [село Старцево; собствен. наблюд. 1959 г.]; пла́нина — го́ре взрх́т де́то без го́ра пак ѳ́мето му Кара́-бузѳр [село Буково Златоградского р-на; собствен. наблюд. 1959 г.]).

бѳрдо: б'ордо 'выпасной луг', 'мель' (район озера Селигер; по наблюдениям А. В. Никитина).

сопка: со́пка 'низкие заболоченные или луговые места' (в Печерском крае на границе Эстонской ССР; по наблюдениям А. В. Никитина).

Зависимость семантической системы языка от «системы» реального мира («культуры») неодинакова в ее различных сферах. Она особенно сильна там, где его отдельные элементы («реалемы») достаточно четко расчленены, атомизированы, — в области, связанной с материальной культурой, во всех моментах, отражающих так называемое «терминологизирование» (т. е. стремление иметь одно-однозначное соответствие между «реалемой» и семемой), в области этнографической и т. п., но она ослаблена там, где наблюдается меньшая дискретность и бо́льшая диффузность понятий и предметов — в области общих для большинства народов и

территорий реалий и представлений, в сфере так называемых «универсальных реалем».

Если бы язык не манифестировал сегментацию внеязыковой действительности или если бы все языки манифестировали эту сегментацию одинаково, то семантическая система была бы только отображением «системы» реального мира, «культуры» народа. В разных языках и в разных диалектах, однако, внеязыковая действительность сегментируется различно, и именно благодаря этому различию и возможны опыты структурной типологии. Занимаясь такой сферой словарного состава, как названия обуви, частей телеги, утвари, орудий производства и т. п., мы будем иметь дело с реалемами «индивидуальными» для ряда этнических групп, и «система семем» будет более соотносима с «системой реалем». Если же мы обратимся к такой сфере, как цветообозначения, обозначения качества, нетерминологическая лексика и т. п., т. е. к сфере «универсальных реалем», то мы увидим, что «система семем» более автономна по отношению к «системе реалем», а способы ее языковой сегментации более разнообразны. Это разнообразие наблюдается даже на материале языков со значительной степенью сходства (близкородственных, контактирующих и т. п.).

Предложенный способ конструирования микрополей, основанный на формально-генетическом тождестве лексем, не применим в сфере языковых союзов, объединяющих языки различных семей (например, в сфере балканского союза). Однако это справедливо по отношению к самому конструированию, а не к использованию готовой модели для типологических сравнений языков, объединенных союзом. При помощи такой модели важно было бы установить возможную тождественность семантических связей, тождественность набора ДП, их соотношений, а также, вероятно, и амплитуды колебания лексем. Принимая соотношение «лексема : семема», предложенное выше, можно отвлечься от материальной манифестации семем, учитывать лишь конфигурации наборов семантических единиц, которые послужат материалом для типологических сравнений.

Некоторые практические выводы для лингвогеографии. Славянская лингвогеография исследовала до сих пор словарный состав диалектов исключительно в двух традиционных планах: «от значения к слову» и «от слова к значению». Это

выражалось в том, что в программах-анкетах ставился вопрос: либо «как у вас называется петух?» (или сжатое поле, или хорошая погода и т. п.), т. е. какой лексемой манифестируется данная семема, либо «что означает слово *погода*?» (или *пахать*, или *баско*), т. е. какую семему манифестирует данная лексема. По такому принципу построены программы русского, белорусского, украинского, болгарского, закарпатского и других национальных атласов. Этот же принцип положен в основу предварительных программ для общеславянского атласа.

Следует сразу же признать, что такой атомарный подход возможен, и его с известными ограничениями нужно сохранить в практике лингвогеографических исследований. Однако нельзя не заметить, что он недостаточен и, при решении некоторых более широких задач, может вызвать ряд непреодолимых затруднений. К ним относится в первую очередь частая семантическая несоотнесенность атомарно взятых лексем, различная широта семантического спектра или объема одной и той же лексемы в разных диалектах, зависящая от различия в связях и противопоставления другим семемам, манифестируемых лексемами, т. е. прежде всего от различия в дистрибуции лексем на семантической сетке. Атомарный подход приводит обычно к выделению одного из дифференциальных признаков: признака, релевантного для одной группы диалектов, но не всегда такового для другой, где этот признак может нейтрализоваться или может возникнуть альтернатива на иной основе. Поэтому на практике нередко случаи некоей инвариантизации значения по различным, довольно произвольно и субъективно устанавливаемым принципам, которая может привести к игнорированию важных типологических показателей и даже к неправильному установлению изоглосс.

Чтобы избежать этих затруднений, составители программ прибегают иногда к более «терминологической» лексике, к лексике, связанной с материальной культурой и т. п., где наблюдается большая дискретность и меньшая диффузность семем. Атомарный подход к материалу требует и выбора материала, более атомарного по своему характеру, выбора слов (лексем : семем), сигнализирующих о достаточно изолированных и отдельных реалиях внешнего мира, т. е. таких членов ситуаций, когда внеязыковая действительность сама достаточно ярко сегментирована и стабильна и

языковая сегментация максимально приближается к ней. Вот почему в программах часты вопросы такого характера: «В чем растворяют тесто?» (вопрос 153), «Чем черпают воду для питья?» (вопрос 154), «На чем носят ведра?» (вопрос 155), «Посуда для молока... Необходимо указать назначение (для кипячения, для отстоя, для хранения) и дать рисунки видов этой посуды» (вопрос 156), «Чем вынимают горшки из печи?» (вопрос 157), «Чем вынимают сковородку?» (вопрос 158), «Берестяной сосуд цилиндрической формы» (вопрос 159), «Орудие для выколачивания белья при стирке» (вопрос 160), «Мешок, навешиваемый для кормежки на голову лошади» (вопрос 161), «Приспособление для переноски на спине разной поклажи» (вопрос 162) и т. п. (Программа ДАРЯ, 1947, с. 132—133). В этих случаях, однако, возможны также факты альтернации и различной дистрибуции лексем на семантической микросетке (ср. пример с названием полотенца в молдавских диалектах — Пиотровский, 1957) и, наконец, что не менее важно, возможны трудности внелингвистического порядка, а именно: неоднородность и несоотносимость отдельных реалий. С такими осложнениями неоднократно сталкивалась практика лингвогеографии.

Отказываясь от подробного критического анализа лексических разделов славянских диалектологических программ (что может быть предметом отдельной статьи), приведем лишь несколько характерных примеров, в основном из уже затронутой нами области названий погоды.

Программа русского лингвистического атласа (Программа ДАРЯ, 1947) в разделе «от слова к значению» ставит два вопроса: «*Вёдро* — ясная погода?» (вопрос 288), «*Погода* — хорошая или дурная погода, ненастье? *Погодный, погодливый, погожий?*» (вопрос 289); программа белорусского атласа (Программа ДАБМ, 1950) в том же разделе ставит вопрос: «Что означает *паго́да*?» (вопрос 296); программа украинского атласа (Программа ДАУМ, 1949) обращается к той же тематике в разделе «от значения к слову», ставя задачу выяснить, как называется «погана погода» (вопрос 43) и «добра погода» (вопрос 44).

Отсутствие структурного подхода в вопросе об альтернации положительного качества и отрицательного качества, сказавшееся в опущении вопроса о нейтрализации этих ДП, т. е. о лексеме (или семеме), обозначающей 'погоду вообще', делает собранный материал не всегда пригодным для картографирования. Поэтому, вероятно, в первом томе

русского атласа (АРНГ) эти карты не выполнены (хотя возможна и другая причина, так как упомянутые вопросы были факультативными и ответ необязательным); на том же основании, надо полагать, не удалась карта в белорусском атласе (ДАБМ) (результаты картографирования украинского материала нам неизвестны).

Нельзя считать вполне достоверной и карту № 2 закарпатского лингвистического атласа (Дзендзелівський, I) «Назви для гарної сонячної літньої погоди». Выбор только одной семемы с положительным ДП и отказ от выяснения альтернатив привел к неточному определению семантического объема (семантического спектра) анализируемых лексем. В качестве лексем, «обозначающих хорошую солнечную погоду, когда можно выполнять все важнейшие сельскохозяйственные работы» (этот дополнительный признак не всегда релевантен, так же как нерелевантен и признак продолжительности хорошей погоды), отмечены на карте *vére^umn'a* (*vére^umn'э*), *godína*, *хвіл'а*. Но из приводимых рядом с картой примеров из печатных источников становится ясно, что эти же лексемы могут обозначать погоду вообще: «За добров хвілов злу ждай» (М. Лучкай. *Grammatica Slavo-Ruthena*, 160); «За зловъ годиниовъ добру жди» (Недзельський. *З уст народу*, 76).

Можно предположить, что упущением в приведенных выше случаях являлось лишь недостаточное количество отдельных перекрестных вопросов в разделах «от слова к значению» и «от значения к слову», что следовало только увеличить их число в отношении интересующего нас семантического поля, и материал можно было бы картографировать даже с указанием основных альтернатив. Однако дело обстоит не совсем так. В двух предварительных лексических программах-проектах для общеславянского атласа — в русской части «от слова к значению» (ВОЛАЛ, раздел «от слова к значению») и в польско-югославской части «от значения к слову» (KOBSEG I и II) для интересующей нас проблемы отведено десять вопросов: «Существительное *godina* (р. година, укр. година, бел. гадзіна, н. godzina, л. hodžina, ч. hodina, слц. hodina, с. го́дина, слв. godina, б. година). Напр.: 'время, пора', '1 час, 60 минут'; 'погода'; 'непогода, дождь'; '1 год, 12 месяцев' и т. д.» (ВОЛАЛ, вопрос 60); «Существительное *godъ* (р. год, укр. год, бел. год, н. godu, л. godu, ч. hod, слц. hod, с. год, слв. god, б. годе). Напр.: '1 год, 12 месяцев'; 'праздник: рождество, свадьба, именины, причастие'; 'бросок, метание'; частица '-нибудь, -либо' и т. д.» (ВОЛАЛ, вопрос 63); «Jak

się nazywa to, co spada latem z chmur? 1.⁴ deszcz; 7. дождь; 10. киша, дажд» (KOBSG, вопрос 1434/XXVII—11. F); «Jak się nazywa “60 minut”? 1. godzina; 7. час; 10. сат, час» (KOBSG, вопрос 1482.L); «Czy znany jest kont. ps. *godina? (forma i znaczenie); Znacz. znane: 1/24 doby, pora roku, niepogoda, ładna pogoda. Inneznacz.» (KOBSG, вопрос 1483. Sm.); «Co znaczy “godzina”? 1. 60 minut; 10. час, сат, ура» (KOBSG, вопрос 1484. Sm.); «Jak się nazywa 12 miesięczny okres czasu? (N.sg. i pl.) 1. rok, lata; 7. год; 10. година» (KOBSG, вопрос 1488/XXVII—74. L. Sl); «Czy znany jest kont. ps. *godъ? (forma i znaczenie) 1. gody; 7. год, 10. год: Znacz. znane: gody, święto Boże Narodzenie, czas, rok. Inneznacz.» (KOBSG, вопрос 1490. Sm.). Некоторые вопросы в двух проектах повторяются (БОЛАЛ, вопрос 60 и KOBSG, вопрос 1484, а также БОЛАЛ, вопрос 63 и KOBSG, вопрос 1490); в тех же проектах есть еще вопросы на лексемы ⁺časъ (БОЛАЛ, вопрос 21, KOBSG, вопрос 1459), ⁺rokъ (БОЛАЛ, вопрос 178, KOBSG, вопрос 1489), но отсутствуют вопросы для лексем ⁺verme, ⁺lěto (от слова к значению), ⁺xvil'a и др.

Казалось бы, количество вопросов достаточное. Однако отсутствие заранее программированной семантической сетки с максимальным набором ДП может привести к опущению важного материала, например, фиксации лексем для семем 'благодатный дождь'; 'вредный, плохой дождь', 'плохая погода' и т. п.; к появлению на картах значительного числа белых пятен, не говоря уже о невозможности установления некоторых альтернативных отношений.

Традиционный атомарный подход к семантическим фактам («от слова к значению»), игнорирующий структурные семантические связи, выработал в лингвогеографии один тип вопроса «Что означает слово x?». Это привело на практике к многочисленным трудностям и неудачам, сказавшимся в том, что в русском атласе в первом томе из 52 семантических вопросов программы картографированы только три: *кербъ*, *тенето* и *шабёр*. Для карты *кербъ* в комментариях читаем следующее: «Картографируется только наличие или отсутствие слова *кербъ*, потому что его значение во всех говорах одинаково — мера льняного волокна» (АРНГ. Вступ. статьи, справочные материалы и комментарии к картам, с. 1081). А в комментариях к карте *шабёр* указано: «Картографируются два значения слова *шабёр*: “сосед” и “пайщик”. Другие значения, как единич-

⁴ Цифры 1, 7 и 10 означают соответственно материал из языков: 1 — польского, 7 — русского, 10 — сербскохорватского.

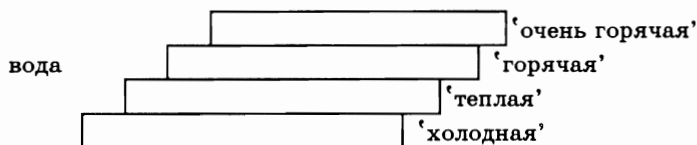
ные и малодостоверные, не представлены на карте самостоятельными знаками; они или обозначены отсылочными знаками, если эти значения являются единственными, или совсем не отмечены на карте, если они приведены наряду с картографируемыми значениями: “сосед” или “пайщик”, т. к. в этом случае они рассматриваются как оттенки основных значений» (там же, с. 1085).

Более сложные семантические вопросы в первом томе русского атласа опущены. В белорусском атласе из 33 семантических вопросов программы выполнен на карте только один вопрос (*л’ада*). В закарпатском атласе в первых двух томах на 264 ономаσιологических («лексических») вопроса приходится только два семантических [карта 53 — *люди (люде)* и карта 149 — *челядь*]. В болгарской программе (Стойков, 1959) фактически было лишь три семантических вопроса, из которых два отражены на картах подготовленного к печати «Атласа болгарских говоров Юго-Восточной Болгарии» (вопрос 208 — *мръсен* и вопрос 209 — *лют*). Это следует учитывать и при разработке программы общеславянского атласа (семантический вопросник, созданный в Институте русского языка под руководством Р. И. Аванесова, насчитывает 267 вопросов). Вероятно, для общеславянского атласа наилучшей формой сбора материала может оказаться комбинация ономаσιологических и семантических вопросов при моделировании ряда семантических сеток.

Необходимость моделирования семантических сеток можно показать еще на одном достаточно простом примере. В «Программе для сбора материала для болгарского диалектного атласа» в разделе «Как говорят в говоре» есть вопрос 195 — «*горéща* вода или *жéшка* вода», преследующий цель выяснить, какой эпитет дают в говоре воде, когда она горячая. Получен материал приблизительно из 500 пунктов, но его представили неоднородно собранным, и карта не получилась. Материал не картографировался потому, что, хотя вопрос был значительно сужен [нужно было выяснить лишь определенное словосочетание, а не вообще узнать, каким словом (лексемой) в говоре обозначается понятие ‘горячий’], он не был правильно поставлен. Оказалось, что в одном говоре одной и той же лексемой обозначались понятия ‘горячий’ и ‘теплый’, в другом — семема ‘горячий’ разделялась на две семемы ‘очень горячий’ и ‘просто горячий’. Внеязыковая действительность сегментировалась различно: для

шкалы от обыкновенной нормальной и низкой температуры воды до самой высокой температуры в разных говорах фиксировалось разное количество семем — соответственно лексем и отмечалась их различная дистрибуция.

Следовало моделировать максимально дифференцированную семантическую сетку, или «лестницу», подобного типа:

Если бы исследуемый материал классифицировался в соотношении с «лестницей», то выяснилось бы, что есть говоры, где фиксируются, например, следующие лексемы: *студена, топла, гореща, възвряла*; есть говоры, где фиксируется *студена, топла, жешка* или только *студена, гореща* и т. п. Таким образом, можно было бы расклассифицировать говоры с четырехчленным, трехчленным и двухчленным отношением, определяя одновременно соотношение конкретных лексем в этих пределах, подобно тому, как это было предложено на примере поля «дождь — погода».

Необходимость выяснения полного набора и последовательного соотношения лексем в таких случаях осознавал еще И. А. Бодуэн де Куртенэ, который в резьянском диалекте села Раванца (Бодуэн де Куртенэ, ркп.) зафиксировал, помимо ступени 'холодная вода', еще три ступени:

ta mláčna wodá — letnia
ta yòrka wodá — gorąca
ta zowréta wodá — wrząca

Подобным же образом следует собирать сведения, например, о лексемах, выражающих степень интенсивности дождя: дождь *накрапывает, моросит, идет, льет, хлещет* и т.п. Некоторые наши наблюдения над отдельными южнославянскими диалектами показывают, что в них имеются значительные различия структурного порядка: далеко не во всех говорах фиксируется четырехчленное, трехчленное и даже двухчленное соотношение. В них часто обнаруживаются «нулевые» показатели — пустые ступени на семантической «лестнице», которые у многих диалектологов оставались без внимания, хотя они дают ценный материал для типологии. Так, например, если в болгарском говоре села

Ерма-река (Хермет) Златоградского района (Восточные Родопы) фиксируется «лестница» — *роничка* 'накрапывает', *роси́* 'моросит', *лѣти* 'идет' (о дожде) (собствен. наблюд.), а в чакавском говоре Шушнева Села среза Огулин (Хорватия) «лестница» — *šprijeva* 'накрапывает', *škrapa* 'моросит', *pada* 'идет', *lije* 'льет' (см. ZNŽO, V, s. 169, 170), то в македонском говоре села Ловраде Костурского края (Эгейская Македония) зафиксирована лишь одна нейтральная ступень 'идет' — *па́да*, *пади́нва*; интенсивность передается наречием *мно́го* и т. п. (собствен. наблюд.).

Помимо картографирования отдельных лексем или семем, возможно картографирование их соотношений⁵, картографирование различных типов микрополей, которые могут быть определенным образом классифицированы в «признаковом пространстве». При этом можно добиться различной степени отвлеченности от протокольной базы путем установления инвентарных, инвентарно-дистрибуционных и чисто дистрибуционных различий. В лингвогеографической проекции можно демонстрировать не только материальную манифестацию явлений, но и их отношения и даже только их отношения.

Некоторые практические выводы для исторической семасиологии и этимологии. Историческая семасиология и как таковая, и как составная часть этимологии чаще всего оперирует отдельными лексемами, вернее — соотношением отдельной лексемы с разными семемами. Таким путем чаще всего изучается история слов. Разные семемы, относящиеся к одной лексеме, в диахроническом плане нередко строятся по ранжиру общелогических, общесемантических понятийных цепей, линейно, как некий спектр с переходными тонами и оттенками, напоминающий цветовую шкалу или весовую таблицу.

Если взять интересующую нас лексему *година* и соответствующие ей в разных славянских диалектах семемы 'час', 'год', 'пора', 'время', 'погода', 'ненастье', 'дождь', 'благодатный дождь' и т. д. и рассматривать их вне учета других лексем и их дистрибуции на семантической сетке, то может возникнуть представление, что от значения 'благодатный

⁵ Сведение сербскохорватских говоров к пяти основным типам на основании микросетки «дождь — погода» произведено нами в статье «Из географии славянских слов...», с. 130–131 наст. изд.

дождь' до значения 'ненастье', а тем более 'год' и 'час' протекал хронологически длительный путь развития. Часто при анализе различных семем одной лексемы эксплицитно или имплицитно выражается представление о том, что все эти семемы являются звеньями одного и того же эволюционного процесса. Между отдельными звеньями, достаточно далеко отстоящими друг от друга по значению, обычно предполагается или отыскивается ряд переходных звеньев, трактуемых чаще всего в плане хронологическом, а разные семемы в отдельных диалектах рассматриваются при этом почти исключительно как фиксация (семантические реликты и т. п.) различных периодов единого семантического развития.

Лингвогеографический аспект убеждает нас часто в том, что далекие друг от друга значения (семемы) одного и того же слова (лексемы) встречаются территориально очень близко в говорах одного и того же языка или в одной и той же группе говоров этого языка (ср. *година*, *време*, *балкан*, *бор*, *гора* и т. п.). Это вынуждает нас отказаться от представления о развитии значения как о некоей линейной цепной реакции и уделить серьезное внимание факту соотношения лексем, проблеме их дистрибуции на семантической сетке⁶, учитывая, что разная дистрибуция в отдельных говорах могла происходить хронологически одновременно. Часто встречающееся в этимологических исследованиях стремление к инвариантизации значения является естественным «средством защиты» при атомарном рассмотрении фактов. Почти каждая этимологическая статья (если она не ограничивается так называемой «ближней» этимологией) в принципе демонстрирует семантическое развитие от общего к конкретному, частному, в то время как в большинстве случаев и прежде всего при образовании отвлеченных понятий процесс шел в обратном направлении.

Это вынужденное инвариантизирование этимология смогла бы в известной мере преодолеть, если бы она отказалась

⁶ Так называемая поляризация значения (энантиосемия) для многих традиционных лексикологов казалась довольно загадочным явлением (см., например, Прохорова, 1961, с. 127), однако в свете сказанного становится ясным, что энантиосемия в чистом виде (типа русск. *погода*: 'хорошая погода', 'плохая погода') никогда не может встретиться в одном говоре, в одной семантической системе, так как в случае появления двух энантиосемичных лексем (как результат заимствования, скрещения и т. п.) произошла бы нейтрализация.

от рассмотрения отдельных лексем и перешла к рассмотрению лексемных групп, объединенных семантическим микрополем. Выяснение дистрибуции, а также, что весьма важно, амплитуды колебания лексем и некоторых устойчивых семантических связей (типа 'гора' — 'лес') в современных диалектах позволит для более древнего состояния реконструировать ряд моделей семантического поля со значительной степенью вероятности. И подобно тому как фонема, характеризуемая определенным набором дифференциальных признаков, входя в общую систему дистрибуции фонем, не может иметь в ряде случаев большее число дифференциальных признаков или их иной набор, подобно тому как одна серия наборов дифференциальных признаков исключает возможность некоторых других наборов, — дистрибуционная позиция лексемы на семантической сетке, т. е. выражение ею определенной семемы (или определенных семем), исключает возможность выражения других семантем. В этой области еще предстоит серьезная работа по выработке методики предсказуемости (*predictability*).

Следует отметить также, что серию моделей с максимальной степенью предсказуемости можно анализировать с комбинированным применением лингвистических и географических методов. При этом серия моделей (или ее часть) может быть дифференцирована и представлена как результат диалектного членения праязыка.

Однако структурное изучение славянского словарного состава находится, к сожалению, еще на столь несовершенной стадии, что даже не определен для большинства славянских диалектов инвентарный набор лексем по отдельным группам лексики⁷, не говоря уже о их структурно-дистрибутивном анализе.

Некоторые наблюдения над географической и метеорологической терминологией в ряде южнославянских, украинских и белорусских говоров приводят к заключению, что в каждом отдельном диалекте конкретный инвентарь лексем довольно ограничен и далеко не отражает всего богатства «реалий», представленных на территории говора. В Родопах, например, в каждом диалекте фиксируется в

⁷ Здесь следует особо оговорить полезные усилия польских диалектологов и отметить в первую очередь ценную серию «*Slownictwo Warmii i Mazur*» (SWM).

принципе свой набор лексем, и многие географические термины, известные в литературном языке или из материалов по южнославянской диалектологии, оказываются неизвестными информаторам. Это же можно сказать в отношении южномакедонских говоров. Наконец, та же кажущаяся «бедность» терминологии, связанной с болотами и лесами, наблюдается в диалектах Полесья. В каждом конкретном говоре находится в общем меньшее количество географических терминов, чем это зафиксировано, например, в небольшой работе К. Мошинского по полесской топонимической терминологии (Moszyński, 1921). Однако совсем иное положение возникает при анализе их значения, т. е. соотношения и дистрибуции.

Исследования такого типа, как работа по сербскохорватской географической терминологии Й. Шютца (Schütz, 1957), представляют собой инвентарь разрозненных лексем вне какой-либо системы, взаимного соотношения и более или менее точного территориального отнесения, инвентарь, реально не существующий ни в одном из сербскохорватских диалектов. Пользуясь несколько грубым сравнением, скажем, что в принципе подобное описание лексики оказалось аналогичным такому изложению диалектной морфологии, при котором были бы перечислены подряд все морфемы, встречающиеся на территории распространения сербскохорватских говоров, без их группировки по соответствующим парадигмам.

Этот же упрек в известной мере можно отнести и в адрес некоторых областных словарей, охватывающих значительные территории. Еще более трудное положение возникает при обращении к дифференциальным диалектным словарям. Они фиксируют только лексику, не являющуюся литературной (в лексическом и семантическом плане), и не дают никакой информации об общем реальном наличии слов, что делает почти невозможным их использование для структурных сравнительно-исторических и сравнительно-типологических штудий⁸.

⁸ Автор приносит искреннюю благодарность А. А. Реформатскому, И. И. Ревзину, И. А. Мельчуку и В. А. Московичу, прочитавшим статью в рукописи и сделавшим ряд ценных замечаний.

Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. II

Предварительные замечания. Если исходить из того положения, что слово в лексикологическом (resp. семасиологическом) аспекте является единством лексемы и семемы, при котором лексема — звуковая оболочка слова, а семема — его содержание¹, то различие между лексикологией и семасиологией можно определить следующим образом: лексикология — дисциплина, рассматривающая словарный состав языка с его формальной стороны, т. е. лексемный инвентарь конкретного языка и структуру лексем (включая морфологический, словообразовательный аспект), семасиология же — дисциплина, рассматривающая словарный состав языка с его внутренней стороны, т. е. значение лексем (их предметную соотнесенность) и их взаимное соотношение.

В первой статье мы сознательно стремились к распространению ряда методов и более общих и частных положений и понятий, апробированных в фонологии, на семасиологию, считая, что на данном этапе развития семасиология нуждается в подобном опыте. И здесь дело не только в принципиально важной тенденции установления изоморфизма разных уровней языка (фонологического, морфологического, семантического, словообразовательного) или изоморфности некоторых внутренних структурных отношений разных уровней, — задача прежде всего состоит в том, чтобы в семасиологии использовать до возможного предела более разработанную и более точную методику фонологических исследований, определяя тем самым ее универсальность (resp. неуниверсальность) для всех (разных) уровней языка. Соотношение между лексикологией в предложенном нами смысле этого слова и семасиологией можно в общем считать аналогичным соотношению фонетики и фонологии даже при целом ряде существенных и принципиальных различий.

¹ См.: Толстой, 1963; с. 44–69 наст. изд.

При решении задач, относящихся к современному, а не историческому синхронному срезу, мы можем достаточно четко разграничить аспект фонетического (экспериментально-фонетического) и аспект фонологического анализа. Но и при исследовании современного синхронного среза такое разграничение не только не отрицает, а наоборот одновременно предусматривает взаимосвязь и внутреннее единство этих двух аспектов. Эта взаимосвязь возрастает тем более при анализе какого-либо исторического (или «доисторического») этапа, когда мы лишены возможности опираться на экспериментальную базу. Едва ли даже можно предположить раздельное параллельное существование двух разных дисциплин — исторической фонетики и исторической фонологии², хотя, как отмечалось выше, на современно-синхронном уровне обособленное существование фонетики и фонологии оправдано и не вызывает никаких сомнений.

Словарный состав конкретного современного языка (или диалекта) можно исследовать в чисто семантическом аспекте (значение слов, их взаимосвязь, семантические поля), можно рассматривать в чисто лексическом аспекте (вопросы словообразования, «своя» и заимствованная лексика, идиоматика и т. п.). Семасиология и лексикология могут иметь и сравнительный план. Уже существует сравнительная семасиология и лексикология родственных языков, а для неродственных, помимо сравнительной семасиологии, которую, вероятно, лучше называть сопоставительной семасиологией, может существовать и сравнительная семасиология на словообразовательном и синтаксическом уровне. При этом, обращаясь к материалу родственных языков, мы можем в зависимости от нужд анализа рассматривать только план выражения или только план содержания, при сопоставлении неродственных языков конфронтируется чаще всего лишь план содержания. Если же считать конечной задачей сравнительной лексикологии и семасиологии по аналогии с конечной задачей сравнительной грамматики реконструкцию лексического состава и семантической структуры праязыка, то постоянный учет двух аспектов — чисто лексикологического и чисто семасиологического — окажется обязательным. Выявится необходимость последовательного

² До сих пор наблюдается лишь одна, чрезвычайно положительная тенденция «фонологизации» исторической фонетики.

включения (resp. исключения) одного из аспектов, а при операциях реконструкции часто установления одного из них на основе другого. В этих операциях нередко типологические показатели и критерии, выработанные на современном материале, будут определяющими.

Типология и реконструкция. Лексико-семантическая типология языков как универсальная дисциплина еще далека от определения своих основных задач и установления четких методов исследования. Сравнение с общей фонологией, выработавшей универсальный набор дифференциальных признаков для описания всего многообразия конкретных фонологических систем, окажется не в пользу семасиологии. Вопрос будет вновь упираться в несоизмеримо большее по сравнению с фонологическими единицами число семантических единиц, в их установление и принципы выделения, в принципы определения семантических дифференциальных признаков, в несводимость подавляющего числа семем к пучку дифференциальных признаков³, в проблему — в какой мере семема (resp. понятие) определяется лингвистическими (resp. психолингвистическими) или экстралингвистическими факторами (проблема слова и вещи).

Для лексико-семантической типологии отнюдь не безразлично, как, какими языковыми средствами выражается тот или иной набор реалий, та или иная система понятий. Лингвистический анализ семантической стороны языка (так же как и других его сторон), должен опираться в первую очередь на формальные признаки, формальные показатели, ибо такой подход полнее гарантирует точность анализа (описательного и сравнительного) и последовательность его шагов⁴. Поэтому плодотворна попытка А. В. Исаченко подойти

³ Понятие «дифференциальный признак» (ДП) в применении к семантике еще не уточнено. В принципе оно могло бы быть приравнено к понятию «предикат», применяемому в математической логике, или к понятию «первичный семантический элемент для образования смысла», предложенному Т. П. Ломтевым. Далеко не каждое семантическое поле состоит из группы слов, значение которых может быть определено путем пучка ДП (или «предикатов»), образующих смысл (значение) без какого-либо специфического семантического «остатка».

⁴ В этом плане при сравнительно-типологических штудиях крайне важно установление определенных достаточно строгих условий исследования, как, например, условия, что одна семема должна манифестироваться одной простой лексемой и т. п. См. предыдущую статью

к типологии славянского словарного состава со словообразовательной, в широком смысле этого слова, стороны (Исаченко, 1958). В этом отношении на чисто лексемном уровне (если его воспринимать независимо от уровня семемного) славянские языки, безусловно, демонстрируют некоторое разнообразие. Но оно покажется в общем малозначительным на фоне разных индоевропейских словообразовательных моделей и типов, а тем более на фоне различных морфологических структур языков других семей. Для «чистой» семасиологии несомненный интерес представляют исследования, в которых выясняется, как на основе одних и тех же формальных средств, одних и тех же лексических (лексемных) и словообразовательных возможностей по-разному выделяются семемы и строятся различные семантические микроструктуры и семантические поля. Иными словами, как одними и теми же языковыми средствами достигается различная сегментация внеязыковой действительности⁵, сколь значительны эти различия и сколь они лимитированы, наконец, в какой зависимости находятся эти относительные различия и их лимитированность от формальных средств языка (численности их набора, их типов и т. п.) и самой внеязыковой действительности. В этом можно усмотреть известное преимущество материала близкородственных языков перед материалом языков с меньшей степенью родства и языков разноструктурных, хотя при иных, более широких задачах исследования (проблемы общей семасиологии, проблемы языковых союзов, языковых контактов и т. п.) положение окажется обратным. Следует тут же отметить еще одно ограничение: у нас нет достаточно экономных и надежных методов для изучения семантической системы языка в целом и мы вынуждены пока довольствоваться рассмотрением отдельных групп лексики («семантических полей»).

(наст. изд., с. 44–69), где дан лишь предварительный и далеко не полный перечень таких условий: Дальнейшая разработка ряда подобных непротиворечивых условий — насущная задача компаративной лексикологии.

⁵ Не менее существенны, однако, для общей типологии семантики и ареальной лингвистики наблюдения над тем, как производится одинаковая сегментация внеязыковой действительности различными формальными средствами (средствами языков разных групп, семей и систем).

Подобно тому, как фонологическая типология дает ценные сведения для реконструкции отдельных фонологических систем, налагая запрещения на отдельные элементы и показатели при наличии других показателей, на некоторые сочетания элементов и их дистрибуцию, типологическое изучение лексики может нам предложить ряд ограничений в отношении набора или просто — численности лексем, их корреляции и семантического наполнения, равно как и типология семантики может определить характер конфигураций семантических сеток, также с рядом запрещений и взаимоисключающих семем. Наконец, как и в фонологии, в лексикологии и семасиологии отдельная зафиксированная в каком-либо диалекте или ряде диалектов система может послужить исходной моделью (или основой для такой модели) при реконструкции прасостояния.

Употребляя слово «реконструкция», мы сознаем относительный характер этой операции и учитываем прежде всего различную степень «реконструированности» и «реконструируемости», т. е. различную меру достигнутого или возможного приближения к реальному прошлому языковому состоянию. При этом различается реконструкция: 1) на уровне инвентаря; 2) на уровне соотношений инвентарных единиц (системы), что в свою очередь требует еще различия: а) территориального и б) хронологического аспекта, т.е. учета вероятной диалектной дифференцированности реконструируемого праязыка (одновременность ряда систем), а также процессов его дифференциации или интеграции (изменяемости, последовательности ряда систем во времени). При реконструкции, так же как и при рассмотрении современного состояния, следует различать план выражения и план содержания (в принципе возможна реконструкция и только одного из этих планов)⁶.

⁶ В последнее время ставится задача реконструкции праславянского языка позднего периода на уровне инвентаря лексем, а не корней, с учетом их географического распространения и семантики. Тем самым первостепенное значение приобретают вопросы словообразования, — прежде всего структуры суффиксальных и префиксальных моделей, их прадиалектного распределения и семантической нагрузки. Исследование этих проблем будет, несомненно, означать новый этап в реконструкции праславянского языка, и потому нельзя не приветствовать такие серьезные начинания, как создание «Праславянского словаря» под руководством Ф. Славского в Кракове (SP)

Типология и экстралингвистическая ситуация. Влияние экстралингвистических факторов на словарный состав языка никогда не подвергалось сомнению. Поэтому едва ли нужно упоминать работы, посвященные этому вопросу, и приводить иллюстративный материал вроде кочующего из одного начального руководства по общему языкознанию в другое примера с тремя десятками названий снега у эскимосов и ему подобный. Естественно, что у жителей Сахары терминология, связанная с понятием снега, будет сведена к нулю, а в полярной зоне окажутся неизвестными термины, связанные с безводными пустынями и горячими песками. Между набором реалем (материальных предметов внешнего мира) и набором лексем конкретного языка (или диалекта) существует связь, но отнюдь не столь прямая и непосредственная, как может показаться на первый взгляд, без достаточно внимательного рассмотрения этого факта. Лингвистическое явление, которое мы называем «различной сегментацией» внеязыковой действительности, наблюдается не только в отношении абстрактных понятий (гносем), но и в отношении реалем, что особенно знаменательно. Для иллюстрации этого положения удобнее всего обратиться к материалу языков (предпочтительно даже диалектов одного языка), распространенных на территории, однородной в экстралингвистическом смысле (т. е. обладающей одинаковым набором реалем и их соотношений во внешнем мире). Как будет видно далее из конкретного примера, нами был избран определенный ареал — Припятское Полесье — в качестве территории с весьма однородным географическим ландшафтом, однородной флорой и хозяйственно-экономическим укладом жизни. «Полесье, — писал В. В. Пашкевич, — издавна получило классическую известность. Леса, болота, вот его характеристика в двух словах» (Михайловская, 1953 [с указанием литературы], с. 21; о Полесье см. также: О лесах Полесья, 1951). При этом следует подчеркнуть одно обстоятельство: выбор Полесья как некоего лингвистического полигона, на котором проводился ряд экспериментальных исследований и наблюдений, не был связан с известным предположением, согласно которому Полесье входило в состав славянской прародины (средней или поздней поры) или

и «Этимологического словаря славянских языков» под руководством О. Н. Трубачева в Москве (ЭССЯ).

непосредственно к ней примыкало⁷. Точно так же не воспринимался как принципиально важный вопрос об автохтонности (resp. неавтохтонности) полесского населения. Для экспериментально-типологических исследований отдельного достаточно замкнутого диалектного континуума можно было, вероятно, с равным успехом избрать другую территорию, например Закарпатье и Прикарпатье, Псковскую землю или, наконец, область распространения словенских, македонских или родопских диалектов (т. е. территории, заведомо не связанные со славянской прародиной). Надо полагать, что результаты общетеоретического порядка оказались бы в общем идентичными.

Обращение к определенному территориально-ограниченному диалектному континууму — к сплошному диалектному ландшафту, а не к отдельным диалектам из разных языковых зон — объясняется стремлением использовать такой ландшафт как некий типологический аналог праславянского языкового существования. Это существование, как отмечал Н. С. Трубецкой и многие другие исследователи праславянского языка, представляется нам также в виде определенного диалектного континуума, в рамках которого происходили как дивергентные, так и конвергентные процессы. При реконструкции внутреннего механизма праславянского языка (его системы) нередко используют типологические критерии и показатели, почерпнутые из современных языков и диалектов. Не менее, однако, важным при восстановлении праславянского состояния («существования») может оказаться учет типологически сходных экстралингвистических факторов, структур и ситуаций.

Лимит места не позволяет даже кратко упомянуть проблемы, связанные с археологией и этнографией, — проблемы первостепенной важности для реконструкции прасостояния (прасуществования). Комбинированное использование данных, полученных методами археологии, этнографии и лингвистики (при почти определяющей роли последней дисциплины), позволило К. Мошинскому добиться значительных результатов (Moszyński, 1962). Оставаясь в пределах исключительно лингвистических методов и матери-

⁷ См. карты К. Яжджевского (Jazdzewski, 1949), а также: Moszyński, 1957; см. рецензию на эту книгу В. Н. Топорова (ВЯ, 1958, 4) с литературой вопроса. См. также: Мартынов, 1965; Кухаренко, 1965.

ала, отметим, что данные литературных языков — прежде всего их внешняя функциональная сторона, сфера социального распространения, их взаимное соотношение и, наконец, связанная с этими факторами внутренняя структура (особенно план содержания) — типологически не адекватны или менее адекватны праславянскому состоянию, чем данные диалектов. Надо полагать, что для праславянского языка остается справедливым утверждение А. Мейе, согласно которому в лексическом отношении «каждый из индоевропейских говоров следует представлять себе вроде какого-нибудь современного литовского говора» (Мейе, 1938, с. 385).

Конкретный пример. Изложенные выше положения не могут быть с полнотой доказаны на одном примере. Вместе с тем рамки статьи препятствуют изложению более широкого материала⁸. Если в нашей первой статье пример иллюстрировал различную дистрибуцию лексем на семантической сетке, то в настоящем «Опыте» мы обращаемся к случаю различной дистрибуции суффиксов в заданном семантическом пространстве.

В «Программе для собирания диалектной лексики Полесья (Рельеф местности, лес, погода)» был предложен следующий ограниченный (и тем самым не претендующий на полноту охвата реалий) список деревьев и кустарников: сосна, береза, ель, ольха, осина, верба, липа, ива, дуб, граб, вяз, клен, тополь, ясень, берест, орешник, рябина, ракита, крушина, черемуха, лоза. По этому списку в исследованных полесской экспедицией⁹ пунктах был собран материал, полное изложение которого потребовало бы много места. Поэтому мы ограничиваемся приведением лишь той его части, которая связана с семемой 'береза' и ее дериватами.

⁸ Некоторые из положений, выдвинутых в этой статье, возникли в результате моих наблюдений над славянской топографической и дендрологической диалектной терминологией, которые полностью изложены в монографии «Славянская географическая терминология (семасиологические этюды)» (Толстой, 1969).

⁹ Полесская лингвистическая экспедиция, в состав которой входили сотрудники Института славяноведения АН СССР, Института языкознания АН БССР, МГУ и Житомирского педагогического института, работала летом 1962 г. и 1963 г., зимой и летом 1964 г. и летом 1965 г. на территории Белорусской ССР южнее и севернее линии Брест — Мозырь. Подробнее о работе экспедиции сообщено в сб. «Полесье» (М., 1968).

Если обратиться к материалу славянских литературных языков¹⁰, то он не будет отличаться большим многообразием в отношении различных словообразовательных моделей, их противопоставлений и деривационных потенций отмеченных лексем. В основном он будет сводиться к следующему¹¹:

русский язык: *берёза*, *берёзка* (уменьш.), *берёзник* 'березовый лес', *березняк* 'молодой березовый лес';

белорусский язык: *бяро́за*, *бяро́зка* (уменьш.) 'береза', *бярэ́зіна* 'береза', *бярэ́знік* 1. 'березник, березняк'; 2. 'березняк (хворост)';

украинский язык: *берёза*, *бері́зка*, *бері́зонька* (уменьш.) 'береза', *берёзіна* 1. 'берёзина'; 2. 'березник, березняк', *березня́к* 'березняк', *березнячо́к* 'березнячок';

польский язык: *brzoza*, *brzózka* (уменьш.) 'береза', *brzezina* 1. 'березник', березовый лес'; 2. 'древесина березы, срубленные ветки березы'; 3. (устар.) 'береза', *brzezinka* 'березнячок', *brzeźniak* 1. 'березняк, молодой березовый лес'; 2. 'древесина, ветки молодых берез';

чешский язык: *bříza*, *břízka* и *břízečka* (уменьш.) 'береза', *březina* (устар. *březovina*) 'березник, березовый лес', *březi*, *březoví* 'березняк, молодой березовый лес, березовые ветки';

словацкий язык: *breza*, *briezka* и *brezička* (уменьш.) 'береза', *brezina*, *brezie* 'березник, березовый лес';

верхнелужицкий язык: *brěza*, *brězycu* и *brězyčka* (уменьш.) 'береза', *brězyna* 'березняк, молодой березовый лес';

¹⁰ По славянским литературным языкам предварительная работа по интересующей нас теме произведена Л. М. Васильевым (Васильев, 1962).

¹¹ Слова «в основном» нужно принимать как некоторую оговорку, относящуюся к тому факту, что славянские литературные языки (особенно в рассматриваемой сфере лексики) по-разному «нормированы»; в разных славянских литературных языках по-разному и с различной степенью строгости соблюдается размежевание литературной и диалектной лексики. Одни литературные языки более «открыты» для диалектной лексики, другие более «закрыты». Ниже материал приводится по тем словарям славянских литературных языков, которые, по нашему мнению, максимально приближаются к литературной норме: русский язык — Ожегов, 1953; белорусский язык — БРС; украинский язык — УРС; польский язык — SJP; чешский язык — SSJČ; словацкий язык — SSJ; верхнелужицкий язык — Jakubaš, 1954; нижнелужицкий язык — Muka, I; болгарский язык — БТР; македонский язык — РМЈ; сербскохорватский язык — Бакотић, 1936; словенский язык — SSHS.

нижнелужицкий язык: *břaza*, *břazka* и *břazusa* (уменьш.) 'береза', *břazupa*, *břazupka* (уменьш.) 'березовые дрова, березняк', *břazŋ* 'прутья от молодой березы';

болгарский язык: *бреза* 'береза', *брезак* 'густой березовый лес';

македонский язык: *бреза* 'береза';

сербскохорватский язык: *бреза* 'береза', *брезик* 'березник, березовый лес', *брезовина* 'березовые дрова';

словенский язык: *bréza* 'береза', *brézje* 'березник, березовый лес'.

Диалектный материал (даже собранный на ограниченной территории) дает большее разнообразие типов и на инвентарном, и на соотносительном уровне. Для его описания предлагается следующее микрополе-модель (сетка-модель):

	мл.	кр.	ср.	мат.	ств.	вет.
ед.						
вид						
мн.						
лес						

Условные обозначения: мл. — мелкий (молодой); кр. — крупный (старый); ср. — средний; ед. — единичность; вид — вид (общее название); мн. — множество, совокупность; лес — лес, сплошной массив; мат. — материал; ств. — ствол; вет. — ветки.

Внутри клеток микрополя, помимо суффиксов, даются еще обозначения $\emptyset$ — нулевой суффикс; *S* — синтагма, сочетание «прилагательное + существительное».

Распределение суффиксов в отдельных полесских говорах можно представить следующим образом¹²:

	мл.	кр.	ср.	мат.	ств.	вет.
ед.	-ка		$\emptyset$			
(1) вид	-ка		$\emptyset$	$\emptyset$		
мн.	-инка		-ина			
лес			<i>S</i>			

дер. Олтуш, Малоритский р-н (Западное Полесье).

¹² Последовательность полесских пунктов (1—9) соответствует их расположению с запада на восток.

	мл.	кр.	ср.	мат.	ств.	вет.
ед.	-инка		<u>-ина</u> Ø	-ина	-ина	
(2) вид			Ø			
мн.			Ø -ина́			
лес		-ина́	-ина́			

дер. Сварынь, Дрогичинский р-н (Западное Полесье).

	мл.	кр.	ср.	мат.	ств.	вет.
ед.		-инина	<u>-инина</u> -ина			
(3) вид			-ина	-ина		
мн.	-инка́		-ина́ (-инн'е)	-ина́ (-инн'е)		
лес	<u>-нячок</u> -няк		<u>-ина́</u> -няк			

дер. Симоновичи, Дрогичинский р-н (Западное Полесье). Сообщил
Ф. Д. Климчук.

	мл.	кр.	ср.	мат.	ств.	вет.
ед.	-инка	-ина	-ина	-ина	-ина	
(4) вид			-ина			
мн.			-ина́	-ина́		
лес	-няк	-ина́	-ина́			

дер. Спорово, Березовский р-н (Западное Полесье).

	мл.	кр.	ср.	мат.	ств.	вет.
ед.	-ка		Ø			
(5) вид	-ка		Ø	Ø		
мн.	-ничок	-ина́	-ник			
лес	-ничок	-ина́	-ник			

дер. Городное, Столинский р-н (Центральное Полесье).

	мл.	кр.	ср.	мат.	ств.	вет.
ед.	-и́нка ¹³		-и́на		-и́на	
(6) вид			∅	∅ ¹⁴		
мн.	-ни́чок		-ни́к			
лес	-ни́чок		-ни́к			

дер. Хоромск, Столинский р-н (Центральное Полесье).

	мл.	кр.	ср.	мат.	ств.	вет.
ед.	-ка		-и́на		-и́на	
(7) вид	-ка		∅	∅		
мн.	-ни́чок		-ни́к			
лес	-ни́чок		-ни́к			

дер. Дяковичи, Житковичский р-н (Восточное Полесье).

	мл.	кр.	ср.	мат.	ств.	вет.
ед.	-и́нка	-и́ще	-и́на	-и́на		
(8) вид	-ка		∅	<u>-и́на</u> ∅		
мн.	<u>-ка</u> -ни́чок	-и́на́	<u>∅</u> -ни́к	<u>∅</u> -ни́к		
лес	-ни́чок	-и́на́	-ни́к			

дер. Зосинцы, Ельский р-н (Восточное Полесье).

	мл.	кр.	ср.	мат.	ств.	вет.
ед.	-ка		∅	∅		
(9) вид	-ка		∅	∅		
мн.	-ни́чок		-ни́к	∅		S
лес	-ни́чок		-ни́к			

дер. Лукоеды (Киров), Брагинский р-н (Восточное Полесье). Сообщила Т. В. Назарова.

	мл.	кр.	ср.	мат.	ств.	вет.
ед.	-ка	-и́ско -и́ще	∅			
(10) вид	-ка		∅	∅		
мн.	-и́на́		-и́на́	-и́на́	-и́на́	-у́л'а
лес			-ня́к			

дер. Баранинцы, Ужгородский р-н (Закарпатье). Сообщил П. П. Чучка.

¹³ Существительные муж. рода — *дуб*, *граб*, *в'яз* приобретают суффиксы *-ок*, *-очок*.

¹⁴ 'сосновое дерево' (материал) выражается лексемой *сосни́на*.

Таблицы 8, 9 и 10 даются для сравнения с полесским материалом.

	мл.	кр.	ср.	мат.	ств.	вет.
ед.	-ка		∅			
(11) вид	-ка		∅	-ина		-ина
мн.					-ина	-ина
лес			S			

дер. Быстрица, Богородчанский р-н (Восточное Прикарпатье). Сособчила В. В. Усачева.

	мл.	кр.	ср.	мат.	ств.	вет.
ед.	-ка					
(12) вид	-inka		-ina	-ina		
мн.	-inka -ina		-ina			
лес	-ina		-ina			

дер. Доманевек, Ленчицкий повет (Северо-западная Малопольша). По книге: Szymczak, I.

Построение микрополя и конфронтация материала. Принципы конструирования поля изложены в первой статье в разделе «Некоторые правила построения микрополей». Так как при графическом изображении поля мы пользуемся двухмерным пространством, порядок вертикальных рубрик несколько условен: к рубрике, отведенной для «беспризнакового» вида, должны были на равных основаниях примыкать как рубрика с ДП 'молодой (мелкий)', так и рубрика с ДП 'старый (крупный)'. В принципе семантическое поле следует воспринимать как пространство многомерное.

Расположение вертикальных и горизонтальных рубрик производится таким образом, чтобы возможно большее число признаков, не различающихся (т. е. не противопоставленных ни в одной из «семантических позиций») в большинстве отдельных систем (говоров), находилось рядом. В противном случае можно было бы отказаться от построения микрополя и ограничиться составлением матрицы идентификации. Нами используется термин «неразличение», «неразличающийся» вместо встречающегося уже в научной литературе применительно к подобным случаям термина «нейт-

рализация», «нейтрализующийся» (Гринко, 1962), потому, что под нейтрализацией мы понимаем нерелевантность какого-либо дифференциального признака в определенной «семантической позиции» при обязательной его релевантности в других позициях, в другом смысловом контексте. В этом же плане определяется нейтрализация и в фонологии. «Неразличение» же можно сопоставить с известным в сравнительной фонологии фактом, когда в одной системе два звука, например *e* открытое и *e* закрытое, являются двумя фонемами (французский язык), а в другой системе одной фонемой (русский язык). В этом случае мы говорим не о нейтрализации (например, о нейтрализации *e* открытого и *e* закрытого в русском языке), а лишь о широте звукового диапазона фонемы. Точно так же в семантике о неразличении мы можем судить, исходя не из данной семантической системы, а лишь по другой, наложенной на нее системе (по системе-эталону), где такое различие реализовано. Другими словами, в синхронном плане (и в сопоставительном также) неразличение ряда семантических ДП есть проблема объема — емкости семемы, выраженной одной лексемой.

Некоторые исследователи допускают, что план содержания может быть иногда определен на основании внеязыковых физических параметров, дискретно сегментирующих внеязыковую действительность (выделяющих объекты). Исходя из этого положения, они утверждают, что «противопоставление объектов может быть нейтрализовано в плане выражения: двум и более объектам может соответствовать один термин» (Гринко, 1962, с. 7). Вероятно, в ряде случаев, как, например, при описании поля цветообозначений (Москович, 1965), семантическое пространство, вернее его объем, может быть успешно задано внеязыковыми физическими параметрами (длины волн цветового спектра и т. п.). Аналогично положение при изучении народных названий растений, когда в основу плана содержания кладется ботаническая классификация. Однако, во-первых, возникает вопрос, адекватна ли такая классификация физических объектов плану содержания конкретного языка и, во-вторых, очевидным оказывается тот факт, что в большинстве других случаев (например, случаи с абстрактными понятиями и т. п.) определение плана содержания без обращения к плану выражения (т. е. без использования конкретного языка) невозможно.

Термин «нейтрализация» в лексике может быть применен, вероятно, для тех случаев, когда одна и та же семемная клетка покрывается двумя разными лексемами (например, в табл. 8, дер. Зосинцы в клетке квадрата с ДП *мн.* и *ср.*, в квадрате с ДП *мат.* и *вид* и в квадрате с ДП *мл.* и *мн.*, но не в квадрате с ДП *ед.* и *кр.*, в табл. 10, дер. Баранинцы, где просто одна семема будет выражена двумя лексемами: *березиско* и *березище*). Другими словами, нейтрализация возможна тогда, когда помимо контекстов («семантических позиций»), в которых допустимо употребление только одной из двух названных лексем, будут контексты, в которых обе лексемы могут употребляться с равным значением. Такой случай в иных терминах можно определить как частичную синонимию. Употребление обеих лексем во всех контекстах с равным значением можно определить как полную синонимию (например, в той же табл. 10 в квадрате с ДП *ед.* и *кр.* — *березиско* и *березище*). Наконец, следует дать еще одно пояснение к графическому представлению поля. Если клетка-квадрат поля разделена на два отсека, в которых отмечены две разные лексемы (суффикса), это означает, что квадрату поля (данному минимальному отрезку семантического пространства) одинаково присущи и та, и другая лексема (и тот, и другой суффикс).

Семантическое поле строится на основе амплитуды колебания опорной лексемы, например, лексемы *березина*, затем после заполнения клеток поля конкретным материалом корень-основа может быть исключен, если ряд других лексем (*хвоина*, *осина*, *ольшина*, *дубина* и т. п.) будет обладать аналогичными деривационными потенциями и аналогичным распределением на сетке микрополя (т. е. той же конфигурацией). Таким образом, для определенного семантического класса слов каждой конкретной лексической системы (говора), устанавливается общий (одинаковый) словообразовательный инвентарно-дистрибутивный суммарный показатель. Расположение составляющих этого показателя на заданном семантическом пространстве (сетке микрополя) мы называем конфигурацией составляющих. Конфигурация может быть разной при одинаковом инвентаре и одинаковой при разном инвентаре. Такие случаи, однако, редки. Чаще всего, как видно из примеров, встречаются различия одновременно на инвентарном и на дистрибутивном уровнях. Таким образом, учитываются: а) инвентарные различия;

б) дистрибуционные различия; в) инвентарно-дистрибуционные различия. Эти различия и дают нам искомые типологические показатели. Однако мы можем для каждой конкретной системы (конкретного говора) установить еще один показатель, который следовало бы определить как лексическую емкость (число исходных лексем¹⁵ с одинаковым деривационным рядом) того или иного словообразовательного набора (с одинаковой конфигурацией или с различной конфигурацией).

Если обратиться к предложенному выше списку деревьев и кустарников, состоящему из 21 исходной лексемы, и установить по этому списку и показателям заданного семантического пространства (конструированного микрополя) словообразовательные потенции каждой отдельной лексемы¹⁶, то выяснится, что они различны для разных лексем. По этим различным деривационным показателям (вернее по их числу) лексемы разобьются на несколько групп — классов.

	Ø	-іна	-інка	-нік	-нічок	-ок	-очок
сосна	<i>сósна</i>	<i>сосніна</i>	<i>соснінка</i>	<i>сосón- нік</i>	<i>сосónнічок</i>	—	—
береза	<i>бэрэ́за</i>	<i>бэрэ́зіна</i>	<i>бэрэ́зінка</i>	<i>бэрэ́з- нік</i>	<i>бэрэ́знічок</i>	—	—
ель	<i>јóлка</i>	—	—	—	—	—	—
ольха	<i>ол'ха</i>	<i>ол'шіна</i>	<i>ол'ші́нка</i>	<i>ол'ш- нік</i>	<i>ол'шнічок</i>	—	—
осина	<i>осі́на</i>	<i>осі́ніна</i>	<i>осі́нінка</i>	<i>осні́к</i>	<i>оснічо́к</i>	—	—
верба	<i>вэрба́</i>	<i>вербі́на</i>	<i>вербі́нка</i>	<i>вербні́к</i>	<i>вербнічо́к</i>	—	—
липа	<i>лі́па</i>	—	—	—	—	—	—

¹⁵ Термином «исходная лексема» предлагается обозначать лексему с «нулевым» суффиксом (*береза*, *дуб* и т. п.) или, при отсутствии «нулевого» суффикса, с суффиксом, не обладающим дополнительными семантическими признаками (т. е. обозначающим «беспризнаковый» вид).

¹⁶ При полевой работе материал собирается по определенной программе, в которой вопросы распределены так, чтобы можно было получить ответ для каждой клетки микрополя и установить релевантные и нерелевантные ДП (см. наст. изд., с. 55, Правило IV). Для этой цели, помимо вопросника, предлагается еще список заданных контекстов (например, контексты: «сплошная береза (в лесу)», «обрубок (кусок) березы», «лавка из березы», «одна (одинокая) береза» и т. п.

ива	<i>íva</i>	<i>ívína</i>	<i>ívínka</i>	<i>ívník</i>	<i>ívníчок</i>	—	—
дуб	<i>duḇ</i>	<i>duḇína</i>	<i>duḇínka</i>	<i>duḇník</i>	<i>duḇníчок</i>	<i>du- bók</i>	<i>duḇó- чок</i>
граб	<i>ḡrab</i>	—	—	<i>ḡrabník</i>	<i>ḡrabníчок</i>	<i>ḡra- bók</i>	<i>ḡrabó- чок</i>
вяз	<i>vjaz</i>	<i>vjazína</i>	<i>vjazínka</i>	—	—	<i>vjazók</i>	<i>vjazó- чок</i>
клен	<i>kl'on</i>	<i>kl'onína</i>	<i>kl'onínka</i>	—	—	—	—
тополь	<i>tol'ó- pol'</i>	—	—	—	—	—	—
ясень	<i>jasen'</i>	—	—	—	—	—	—
берест	—	—	—	—	—	—	—
орешник	—	<i>oréshína</i>	<i>oréshínka</i>	<i>or'ésh- ník</i>	<i>or'éshníчок</i>	—	—
рябина	—	<i>rabína</i>	<i>rabínka</i>	<i>rabník</i>	<i>rabníчок</i>	—	—
ракита	<i>rokíta</i>	<i>rokítína</i>	<i>rokítínka</i>	<i>rokít- ník</i>	<i>rokítníчок</i>	—	—
кру- шина	—	<i>krushína</i>	<i>krushínka</i>	<i>krush- ník</i>	<i>krushníчок</i>	—	—
чере- муха	<i>t'erém- xa</i>	<i>t'erém- shína</i>	<i>t'erém- shínka</i>	<i>t'erém- shník</i>	<i>t'erémsh- níчок</i>	—	—
лоза	<i>lozá</i>	<i>lozína</i>	<i>lozíinka</i>	<i>lozník</i>	<i>lozníчок</i>	—	—

Дер. Хоромск (ср. табл. 6).

Таблица дериватов дает возможность выделить классы лексем. Например, класс А — *сósна, бэрэза, óл'ха, осíна, вэрбá, íва, рокíта, т'ерэмха, лозá*; класс Б — *дуḇ, ḡrab, vjaz* (с подклассами); класс В — *орéshína, rabína, кру-
shína*; класс Г — *кл'он*; класс Д — *jóлка, líпа, тол'óпол'*. Приведенный пример отличается довольно дробным разбиением на классы, что в общем не столь характерно для многих других диалектов.

Естественно, что состав классов (соответственно и лексическая емкость их словообразовательных наборов), так же, как и их число, может быть различным в разных диалектах¹⁷, при этом каждый класс будет обладать своей конфи-

¹⁷ Более подробное описание явления оставляем для другой статьи. Отметим лишь, что возможны и случаи «выпадения» лексем из общего ряда деривационно однородных лексем (из класса), случаи «индивидуальной» конфигурации, или присутствия у одного из дериватов та-

гурацией дериватов. Однако чаще всего, как и в приведенной таблице, конфигурации отдельных классов конкретного микрополя окажутся не принципиально иными, а лишь «усеченными» (или «неполными») по отношению к конфигурации класса лексем с максимальной деривационной потенцией (к «полной» конфигурации). Другими словами, конфигурация любого класса может быть получена из полной путем последовательного исключения из микрополя отдельных суффиксальных моделей.

Понятия словообразовательной потенции и словообразовательной продуктивности (распространенности) характеризуют сочетаемость словообразовательных элементов и применяются к разным компонентам словообразовательной модели. Так, определяя продуктивность (распространенность) конкретного аффикса, выясняют, с какими лексемами (основами) он сочетается¹⁸. Наоборот, выявляя деривационную потенцию исходной лексемы (основы), устанавливают, с какими аффиксами она сочетается (Ковалик, 1961).

При определении лексической емкости обращаются сначала к деривационной потенции одной из лексем, составляющих класс, т. е. выявляют, с какими суффиксами сочетается исходная лексема, а затем на основании этого показателя устанавливается распространенность («продуктивность») определенного деривационного ряда, т. е. определяется, какие еще лексемы сочетаются с теми же суффиксами. Следует, однако, учитывать, что такая операция производится нами в рамках заданного (т. е. ограниченного) семантического пространства (конкретного микрополя).

Показатели лексической емкости могут быть использованы при сравнительно-типологических исследованиях. В каждой отдельной системе (говоре) лексическая емкость каждого словообразовательного набора может быть вычислена абсолютно или относительно к общему числу лексем за-

кого семантического признака, который неизвестен всему ряду (классу). В этих случаях мы должны признать наличие класса, состоящего из одного члена. Например, в прикарпатском селе Рудники (Дрогобычский р-н) дериваты с суффиксом *-ина* означают 'рубленные ветки' или 'куст' (*берёзена*, *л'ішчєна*, *крушєна* и т. д.) и лишь *бўчєна* (дериват от *бук*) значит 'буковые орешки' (сообщила В. В. Усачева).

¹⁸ Ср., например, предложенный для полевой работы метод А. С. Герда (ВЯ, 1964, № 3, с. 78–83).

данного списка; затем емкости отдельных систем (говоров), расположенные в убывающей (resp. возрастающей) последовательности, могут быть сравнены между собой.

Конкретный языковой материал, организованный и ограниченный микрополем-моделью, может конфронтироваться в трех планах: а) чисто семемном; б) семемно-лексемном; в) семемно-лексемно-словообразовательном.

Как видно из названий, каждый последующий план содержит в себе и предшествующие планы. Для первого, чисто семемного плана безразлично, какой лексемой выражается семема, — важно лишь выполнение одного условия: лексема должна быть «простой»¹⁹. Конфронтируются исключительно конфигурации лексем каждого конкретного поля; релевантным оказывается только соотношение пустых и полных клеток. Однако возможна и следующая детализация, приближающая конфронтацию ко второму плану — семемно-лексемному: учет того, одной (одинаковой) или разными лексемами (в остальном опять безразлично какими) заполняется та или иная группа клеток микрополя, иными словами, учет так называемого «неразличения» и различения. Такая конфронтация может производиться как на материале родственных, так и на материале неродственных языков²⁰, хотя само конструирование микрополя, как уже отмечалось, возможно лишь на материале родственных языков, так как оно базируется на формально-генетическом тождестве лексем.

Следует четко разграничивать две принципиально отличные операции: 1) конструирование микрополя-модели и 2) конфронтацию и интерпретацию материала. Конструирование общего эталона (микрополя-модели), на основе кото-

¹⁹ См. наст. изд., с. 53–54, Правило I.

²⁰ Интересная картина выявится, вероятно, в результате конфронтирования диалектов неблизкородственных языков в зонах языковых контактов и языковых союзов (например, балканского языкового союза, в альпийской, средиземноморской, карпатской зоне, в зоне славяно-финских и славяно-тюркских контактов на русском Севере, в Поволжье и т. п.). При билингвизме следует ожидать наличия одного плана содержания при двух планах выражения или приближения к этому состоянию (ср. некоторые наши соображения в Толстой, 1963а), при контактировании — большую расчлененность (дробность) семантического пространства (семантической сетки) и тем самым и большую на него лексемную нагрузку.

рого производится сравнение, может быть осуществлено различными способами. Можно, как отмечалось, взять в основу эталон с внеязыковыми — физическими параметрами (например, шкалу цветовой гаммы), можно в качестве эталона взять одну из реально существующих языковых систем, можно сконструировать модель на основе статистических параметров, можно, наконец, сконструировать эталон при помощи опорной лексемы. Все это лишь создание инструмента для сравнения, но не само сравнение. Сравнение (конфронтация) материала — операция автономная по отношению к построению микрополя-модели (сетки-эталона).

В предлагаемом нами способе создания микрополя на основе опорной лексемы (т. е. лексемы с максимальной амплитудой колебания) часто возникает необходимость использования большого материала, почти равного по объему и по содержанию тому, который потом привлекается для сравнения. Это объясняется тем, что микрополе-модель выводится индуктивно из языкового (диалектного) материала и лишь после того, как оно выведено, дедуктивно накладывается на тот же материал в целях конфронтации на одном основании. Естественно, что не следует путать операции индуктивного и дедуктивного характера и цели, с ними связанные.

Для второго, семемно-лексемного плана важно также, какой лексемой выражается семема. Помимо релевантной для чисто семемного плана общей конфигурации лексем на сетке-эталоне, релевантными можно считать и конфигурации отдельных лексем. Конфронтируется материал только близкородственных языков, так как необходимо генетическое тождество лексем, прежде всего — опорной лексемы. Неопорные лексемы одного поля могут быть приняты в виде опорных для ряда других полей: таким образом, возможно установление семантических связей ряда полей и представление известной иерархии признаков семантического пространства.

Для третьего, семемно-лексемно-словообразовательного плана важно не только, какой лексемой выражена семема, но и необходимо условие, чтобы все лексемы были дериватами от одного корня-основы. Так, лексемный ряд *сбсна*, *хвбја*, *хвбјка*, *бор*, *смоліна* и т. п. может быть рассмотрен только во втором, семемно-лексемном плане, а ряд *хвбја*,

хвојка, хвојна, хвојник и т. п. — в третьем, семемно-лексемно-словообразовательном.

Третий план обращен на изучение плана содержания словообразования, на установление дистрибуции аффиксов на семантической сетке, на рассмотрение словообразовательной системы сквозь призму заранее заданного, ограниченного семантического пространства. При этом для суффиксальной дистрибуции можно сделать тот же вывод, что был уже сделан нами для лексической дистрибуции: значение суффикса зависимо от характера его альтернации с другими суффиксами — изменение альтернаций ведет к изменению значения.

Наконец, представим сводную таблицу дистрибуции суффиксов, составленную на основе приведенных выше микрополей (микрополей разных диалектов):

	мл.	кр.	ср.	мат.	ств.	вет.
ед.	-ка -инка	-ина -инина -ище -иско	-ина ∅	-ина ∅	-ина	
вид	-ка -инка		-ина ∅	-ина ∅		-ина
мн.	-ина -инá -инка -инкá -ничок -ка	-инá	-ина -инá -инн'е -ник ∅	-инá -ник ∅ -инн'е	-ина -инá -инн'е	-ина -уля
лес	-няк -ничок	-инá	-ина -инá -ник -няк			

Данные этой таблицы позволяют установить амплитуду колебания отдельных суффиксов и их междиалектную синонимичность.

Некоторые практические выводы для лингвостранграфии. В программах, предназначенных для сбора материала по отдельным славянским атласам (национальным, региональным, зон межъязыковых контактов), вопросам словообразования отводится очень скромное место или они вовсе остаются не включенными в программу. Обычно же в пределах

лексической (или общей) части вопросника предлагается выявить отдельные лексемы, которые могут иметь различные аффиксы (при этом словообразовательная дифференциация рассматривается в одном ряду с лексемной, а иногда и с фонетической дифференциацией)²¹. Недостатки большинства карт, трактующих словообразовательные явления, — того же характера, что и недостатки многих лексических карт, отмеченные нами в первой статье²². При заранее вопросником заданном значении, часто предельно конкретизированном (при подходе от «значения» к слову), могут возникнуть случаи неполной или неточной интерпретации семантического объема слова, выраженного конкретной лексемой: в таких случаях лексемам как бы приписываются семантические ДП, предусмотренные программой, но на самом деле им не присущие, ибо их семантический объем шире и в его пределах заданные вопросником ДП не различаются.

Подобной неполноты (или неточности) интерпретации семантического объема слова можно избежать при картографировании ряда слов одного семантического поля или картографировании всего поля (в принципе из карт ряда слов одного семантического поля можно создать одну сводную — карту поля).

Так, например, в диалектологическом атласе белорусского языка (ДАБМ) даны три карты — карта № 269 «общее название сжатого поля», в которой приводятся лексемы *ржышча*, *ржэўнік*, *пóжня*, *жніўнік*, *сцёран* и др., карта № 270 «общие названия сжатого поля, образованные от корня -рж-» (в ней ставится задача выявить изоглоссы разных словообразовательных моделей — *ржышча*, *ржэўнік*, *ржыска*, *ржынне* и др.), карта № 271 «названия сжатого поля, на котором росла рожь», в которой снова выступают лексемы *ржышча*, *ржэўнік*, *ржонне*, *ржыска*, *жніўнік*,

²¹ К такому типу относится лемковский атлас З. Штибера (Stieber, I—VIII). См., например, карту на слово *brzoza* 'береза' (IV, карта № 171), где отражены лексемы I *bereza*, II *byreza*: (-y^{er}-), III *b'ereza*, IV *berest*, V *berest* || *bereza*, VI *by^{er}ry^ezyna*, VII *ber(е)zyn'a*. Такого же типа карты № 172 (*jawor*), № 175 (*klon*), № 177 (*czere^mcha*), № 179 (*wierzba*), № 180 (*kalina*) и др. Аналогичным образом даются словообразовательные карты в келецком атласе К. Дейны (Dejna, I—VI). См., например, карты № 393 (*jarzębina*), № 394 (*olcha*), № 395 (*osika*) и др.

²² См. наст. изд., с. 59–60.

пóжня, сцёран и др. В результате сравнения этих карт выявляется, что во многих белорусских диалектах существует неразличение клеток «сжатое поле вообще» и «сжатое ржаное поле» (аналогично в ряде диалектов и для «сжатых полей других культур»). Карта с фиксацией этого явления в атласе отсутствует²³, но ее со значительной долей достоверности можно вывести из карт №№ 269, 271, 272 (по комментариям) и 273 (по комментариям). Если бы в атласе была дана лишь карта № 271, мы могли бы посчитать, что слова *ржы́шча, ржэ́ўник, ржонне* и др. означают, как указывается в заголовке карты, только «сжатое поле, на котором росла рожь». К сожалению, во многих атласах (и программах) изолированные вопросы дают повод для подобного превратного толкования материала, т. е. для ошибочного отождествления заданного программой значения слова с его истинным значением.

Целесообразнее всего, вероятно, было бы построить программу с полным списком-рядом культур, засеваемых (или сажаемых) и убираемых на одном поле. Такой список был бы не многим обширнее того, который приведен в белорусской программе (Программа ДАБМ, 1950, с. 92), но он бы дал возможность, подобно рассматриваемому нами списку деревьев, выявить разные структурные типы микрополя не только в лексическом и семантическом, но и в словообразовательном плане. Как явствует из комментариев к другим картам белорусского атласа (к карте № 272 «название сжатого поля, на котором рос ячмень» и карте № 273 «название сжатого поля, на котором рос овес»), явление неразличения распространяется на названия не только поля, на котором росла рожь, но и ячменного поля (*ржы́шча, жн'э́ўн'ік, пóжн'а, сц'óран'* и др. — ДАБМ, том комментариев, с. 854), овсяного поля (*ржэ́ўнік, жн'е́ўн'ік, пóжн'а* и др.), и, как можно предполагать, полей, с которых убраны другие культуры. Судя по данным белорусского атласа и по материалу, собранному участницей полеской экспедиции Л. Т. Выгонной-Силкиной, явление неразличения охватывает в разных диалектах различные семантические клетки данного микрополя. Поэтому ситуация структурных различий в восточнославянских диалектах несколько сложнее, чем ее отмечает Л. П. Жуковская, говоря только о случаях «отсутствия единого термина для обозначения сжатого поля независимо от произраставших

²³ Лингвогеографические исследования подобного рода уже проводятся. Среди них можно отметить хотя бы упоминавшуюся работу Г. В. Гринко.

на нем ранее культур в одних говорах (в них имеются только частные названия, например: *ржѣище*, или *ржѣвник* — *ржанѣк* — *ржань* — жнивье после ржи, *пшенище* — жнивье после пшеницы, *овсянѣище* — после овса, *яровѣище* — после яровой пшеницы и других яровых культур, *клеверѣище* — после клевера и т. д.) и наличие такого общего названия в других говорах (*жнѣвѣ*, *жнѣвьѣ*, *ржище*) и др.» (Жуковская, 1957, с. 109—110).

Неразличению, или явлению «перестановки лексем» в первую очередь и в большей степени подвергаются общее, родовое название и видовое название, стоящее первым в ряду подобных (ср. *стерня* и *ржище*), а затем, уже в меньшей мере, неразличение распространяется на видовые названия, занимающие второе, третье и т. д. место. Первенство в ряду определяется, в общем, чисто экстралингвистическими, хозяйственными и т. п. факторами (наибольшая полезность, максимальная распространенность и т. п.). Того же характера явление, по которому в западном Полесье черника называется и *черница*, и *јагода*, при наличии родового названия *јагода*; во многих местах Белоруссии белый гриб (боровик) называется просто *гриб* (*grin*) и т. д.²⁴.

Такие неточности оказываются иногда отнюдь не безобидной данью атомистическому принципу, довольно прочно укоренившемуся в лингвогеографической практике. Эта практика в ряде случаев ведет к появлению произвольных, в каком-то смысле «ложных» изоглосс, ибо, если бы учитывался полный семантический объем лексемы, изоглосса бы приняла иное направление, иную форму²⁵.

²⁴ Подробно такие случаи будут рассмотрены в моей статье «О лексико-семантических явлениях при корреляции рода и видового ряда в славянских языках».

²⁵ Экспериментальное картографирование по разным принципам проведено в работе Г. П. Клепиковой «Из опытов картографирования славянской лексики», выполненной на материале «Карпатского диалектологического атласа» (число населенных пунктов — 70). Г. П. Клепикова обратилась к лексеме *řizati* и к конкурирующим с ней на заданном семантическом пространстве лексемам. Заданное семантическое пространство, выражающее в целом понятие 'резать, сечь, пилить', распалось в результате применения процедуры, предложенной нами в первой статье, на восемь клеток-отсеков: 1. 'резать вообще (ножом и т. п.)'; 2. 'резать (хлеб)'; 3. 'резать (мясо, сало)'; 4. 'резать (скот)'; 5. 'пилить вообще'; 6. 'пилить поперек (дрова, дерево)'; 7. 'пилить вдоль (дрова, дерево)'; 8. 'рубить топором (ветки, сучья)'. При картографировании каждой клетки отдельно (по прин-

В программах для русского, украинского и белорусского атласов разделы «Словообразование» отсутствуют. Из известных нам восточнославянских вопросников такой раздел существует только в двух изданиях — «Програма для збирання матеріалів до діалектологічного атласа українських говорів в Закарпатській області УРСР» (Ужгород, 1960) и «Програма збирання матеріалів для "Карпатського діалектологічного атласа"» (Ин-т славяноведения АН СССР, М., 1964, ротапринт). В закарпатской программе содержатся, в основном, вопросы, связанные с суффиксацией отдельных лексем, часто без указания их значения (вероятно, предполагается, что искомые лексемы с разными суффиксами должны выражать одну и ту же семему²⁶). Карпатская программа в разделе «Словообразование» стремится исходить из отдельного словообразовательного форманта (суффикса, префикса), однако она при этом не может обойти проблемы значения отдельных лексем²⁷. Обе программы не ставят себе задачи

ципу — употребляется лексема *різати* или другая лексема?) получалась определенная изоглосса, не совпадающая с изоглоссой другой клетки. Наконец, иная изоглосса с замкнутой конфигурацией, выделяющей отдельные диалектные группы, определилась при учете полного семантического объема лексемы *різати* в каждом говоре. См. Клепикова, 1968.

- ²⁶ В соответствии с этим подобраны и сформулированы вопросы. Например: «913. Цвіркун чи цвіркач, цвирчок, свирчок, свирдан, дзвір'?; 914. Мурашка чи мур'ашка, мурйашка, мурашчок, мор'анка, мурангл'а, мурінгіл'?; 915. Йадро чи мн'аздро, мн'ездро, мн'азгро, мн'акына, мн'акотина, мн'асо?; 916. Вечірниці, вечурниці, вечірниц'і чи вечірки, вечурки, вечирьки?» (с. 65).

- ²⁷ Это видно хотя бы из следующего примера: Вопрос № 472 — «Употребляются ли существительные м. р. (? — Н. Т.) с суффиксом -ин(а): березина, [бервина] 'бревно', [бруслина] 'бересклет', [буковина] 'буковый лес', [верхнина] || [поверхнина] 'сметана; верхний слой чего-либо', [вечина] 'большинство', височина, ворина || [вирлина] 'жердь', [вуйчина] 'тетка', гадина, година, глибочина, [гложина] 'вид растения', городина || [городнина] 'огородные культуры', гушавина, далечина, дичина || [дивачина] 'дичь', [джорина] 'шкварки', долина, домовина, драговина, [драчина] 'шиповник', зеленина, [кирвавина] 'кровь', [киртина] 'крот; кучка земли над норой крота', [кирточина] 'нора крота', купина 'растение; куча', ліщина, [луговина] 'кусты в пойме реки; ива', лупина 'кожура', миришина 'падаль', морквина 'ботва моркови', низина 'род вышивки', новина, оборожина, озимина, оскомина, [паузина] || [пузина] 'жердь', [парина] || [паренина] 'зябь', паутина, [переслопина] 'седловина (горы)', підгорлина, подина, полонина, похребтина, [пукленина] 'расселина', [пухле-

охватить словообразовательную систему сравниваемых говоров в целом или в основных ее чертах и сосредоточены на наиболее релевантных единичных показателях (различия в рамках закарпатского диалектного континуума — Закарпатская программа, или схождения в рамках южнославянско-карпатского ареала — Карпатская программа).

Интерес к проблемам словообразовательной дифференциации славянского языкового мира и к возможностям ее отображения на картах оживился в связи с началом работы над «Общеславянским лингвистическим атласом». В отличие от большинства национальных славянских программ-вопросников, «Вопросник общеславянского атласа» (ВОЛА, 1963) имеет специальный раздел, посвященный словообразованию, и этим знаменует несомненно некоторый прогресс славянской лингвогеографии.

Составлению вопросника предшествовала небольшая дискуссия об объеме и способах подачи словообразовательных явлений в «Общеславянском лингвистическом атласе» (ОЛА), в которой приняли участие Ф. Буффа, Я. Горецкий, Р. Гжегорчикова и Я. Пузынина, С. Шлиферштейн и Г. Курковская, М. Карась, Чехословацкая диалектологическая комиссия и др.²⁸ Ф. Буффа и Чехословацкая диалектологическая комиссия предлагали в разделе вопросника, посвященном словообразованию, «исходить из словообразовательных типов, т. е. из объединения определенного значения и определенного формального средства выражения» (ВЯ, 1961, № 4, с. 91). Такой подход по сути дела мало чем отличается от традиционного лексического картографирования отдельного слова. Р. Гжегорчикова и Я. Пузынина рекомендовали «не растворять» словообразовательный вопросник в лексическом и построить его в одних случаях по отдельным категориям (понимая под категорией словообразо-

нина] || [пухлина] 'опухоль', родина, [роковина] 'дары священнику', сивина, [скорушина] 'рябина', стернина, [стотина] 'одна сотая часть' (также: восьмина, десятина), [стрина] 'тетка', судина, теплина, торбина, тростина, трясовина, хатчина, царина, цілина, четина, широчина, [язвина] 'язва', ялина, ярина». Вероятно, картографирование собранного по этому вопросу материала без учета лексической представленности суффикса (употребление суффикса в разных группах лексики) будет затруднительным или вовсе невозможным.

²⁸ См. библиографию статей, посвященных ОЛА, в брошюре «Работа по подготовке Общеславянского лингвистического атласа». Прага, 1963.

вательно-семантический тип, например *nomina agentis*, *nomina loci* и т. п.), в других — по отдельным суффиксам с определенным, заранее за ним закрепленным значением. Так, например, для интересующего нас суффикса *-ina* предлагается выделить четыре значения («функции»): а) абстрактность (*тишина*); б) собирательность и сингулятивность (*горошина*); в) материал (*баранина*); г) ономастичность (*Киевщина*) (Grzegorzczukowa, Puzynina, 1961, s. 16). Ясно, что здесь отражены не все значения («функции») суффикса *-ina* (отсутствует, например, аугментативное *носина* и другие более «дробные», но важные для славянской языковой дифференциации значения), очевидно, что собирательность и сингулятивность следовало бы разделить и т. п. — такая детализация выполнима довольно легко. Труднее преодолеть другое препятствие — конфронтировать разную распределенность и синхронную продуктивность суффиксов в лексической сфере в разных славянских языках (к этому могут быть добавлены также и различия в семантике). Поэтому в лингвогеографии трудно отказаться от рассмотрения словообразования сквозь призму заданного семантического пространства и от учета деривационных потенций отдельных лексем. Это обстоятельство верно заметил М. Карась, полагающий, что «все же вопросник по формантам представляется более практичным». «Конечно, и здесь, — поясняет М. Карась, — надо выделить постоянное, обязательное для исследователя количество слов-соответствий, что позволит избежать неясных и двусмысленных ответов. В этом проявляется своего рода “лексичность” словообразовательного вопросника» (ВЯ, 1962, № 6, с. 75–78). По нашему представлению, наиболее продуктивен способ выявления словообразовательных связей сквозь призму заданного семантического пространства — при его применении характеризуется не какой-либо отдельно взятый формант при отдельно взятом значении, а ряд словообразовательных формантов, распределенных на семантической сетке.

Принципы построения словообразовательной части «Вопросника общеславянского атласа» нуждаются в более четком определении и требуют более упорядоченного выбора славянского диалектного материала (списка диалектных черт и явлений).

Часть вопросника под рубрикой «Словообразовательные явления» делится на разделы: *Substantiva*, *Adjectiva*, *Ad-*

verbia и Verba. Самый обширный раздел — Substantiva распадается на 12 рубрик, долженствующих отразить ряд основных «категорий» (согласно польской терминологии): «1. названия производителей действия; 2. экспрессивные названия; 3. уменьшительные названия; 4. названия сына и жены...; 5. названия жителей по местности; 6. названия мест разного рода; 7. собирательные названия; 8. единичные названия; 9. названия материалов; 10. названия частей орудий; 11. отвлеченные (абстрактные) названия; 12. словообразование отдельных слов». На практике же все дело сводится к ряду лексических и семантических вопросов, построенных по известным принципам «от слова к значению» и «от значения к слову» и связанных с определенным набором конкретных лексем. Рубрика «Собирательные названия» содержит 17 вопросов²⁹: «березняк, березник 412, буковый лес 402, дубовый лес, дубняк 397, еловый лес, ельник 387, пихтовый лес 391, сосновый лес, сосняк 382, колосья 618, диал. колосье 619, кусты 372, диал. кустье 373, листья 366, листва 367, перья 308, перо 309, цветы 458, цвет 459; собирательные названия молодых животных 316». Рубрика «Единичные названия» требует уже выявления других лексем. Она выглядит следующим образом: «брусника 442, груша (плод) 480, груша (дерево) 481, ежевика 436, земляника 440, зерно 669, малина 434, слива (плод) 485, слива (дерево) 486, соломина 666, терн (плод) 430, травинка 681, черника 438, яблоко 476» (ВОЛА, 1965, с. 41–42). Наконец, начало рубрики «Названия материалов» представлено в таком виде: «а) древесина деревьев: береза 413, бук 403, дуб 398, ель 388, пихта 392, сосна 383»³⁰. Если к этим перечням прибавить включенные в раздел фонетики и лексики общие (видовые) названия деревьев — березы (411), сосны (381), ели (386), пихты (389), дуба (395), бука (401), граба (404), ясеня (405), клена (406),

²⁹ В вопроснике ОЛА вопросы от 1 до 3454 расположены для удобства беседы с информатором по большим тематическим группам, внутри которых есть вопросы фонетические, морфологические, словообразовательные и др.

³⁰ ВОЛА, 1963, с. 56. К сожалению, в последнем, московском варианте вопросника оказались исключенными вопросы с важным ДП «ветки», имевшиеся в предыдущем, варшавском варианте: «ветви пихты 428, ель (еловое дерево) 423, ельник (еловые ветки) 424, пихта (пихтовое дерево) 427» (ВОЛА, 1963, I, с. 54).

липы (407), тополя (415), ольхи (418), и др., то в вопроснике ОЛА окажется почти весь перечень вопросов, необходимых для заполнения клеток предложенного нами микрополя. Почти весь перечень, но не весь. Нет, например, крайне важного для дифференциации славянского диалектного континуума вопроса о единичности (этот ДП выявляется на другом материале), существенного вопроса о пейоративности и аугментативности (он тоже поставлен на другом материале). Отсутствие нескольких звеньев микросистемы не дает возможности представить ее сполна. В результате в «Вопроснике общеславянского атласа» сохраняется традиционный атомарно-лексический подход к материалу, не позволяющий рассматривать словообразовательные явления несколько шире и автономнее.

Некоторые практические выводы для исторической семасиологии и этимологии. Если разграничивать две дисциплины — историю литературного языка и историю языка как такового (т. е., по сути дела, историческую диалектологию), то во втором случае при лексико-семантических исследованиях наряду с экзегетической препарацией диалектно окрашенных текстов приходится в большей или меньшей мере заниматься реконструкцией микросистемы (обычно с учетом состояния в современных диалектах). При этимологических исследованиях, обращенных к дописьменному периоду, реконструкция становится основным способом установления лингвистических фактов. О значении изучения современного, преимущественно диалектного, состояния для реконструкции уже говорилось в разделе «Типология и реконструкция», поэтому ограничимся здесь лишь некоторыми общими положениями и иллюстрациями из приведенного выше конкретного примера.

Положение I. Для каждого микрополя можно отметить ограниченность набора лексем — типологический лексемный максимум и минимум, подобно тому как в универсальной фонологии установлен возможный максимум и минимум фонем.

Положение II. Для каждого микрополя можно отметить ограниченность охвата семем (семемных клеток) одной и той же лексемой, т. е. можно определить максимальный и минимальный лимит семемной нагрузки каждой конкретной лексемы.

Положение III (вытекающее из положения II). В рамках конкретного поля (поля отдельного диалекта) невозможна манифестация одной и той же лексемой двух или более семем, чьи ДП взаимоисключаются³¹.

Положение IV. Для каждого микрополя можно отметить разные амплитуды (максимальные и минимальные) колебания различных лексем на семантической сетке.

В говорах Полесья лексемный минимум дериватов от *береза* (соответственно *хвоя*, *ольха* и т. д.) представлен в типах дер. Олтуш [1] (*берѳза*, *берѳзка*, *берѳзіна*, *берѳзінка*) и дер. Лукоеды [9] (*берѳза*, *баруѳзка*, *берѳзн'ік*, *берѳзн'ічок*), а максимум — в дер. Зосинцы [8] (*берѳза*, *берѳзка*, *берѳз'інка*, *берез'іш'е*, *берѳз'іна*, *берез'іна*, *березн'ік*, *берѳзн'ічок*). В тех же говорах минимум семемной нагрузки ложится на лексемы (суффиксы) *берѳзіще* и *берѳзіско*, довольно устойчива лексема *берѳзка*, не выходящая за пределы крайних левых, в основном верхних, вертикальных клеток, а лексема *берѳз'іна* обладает максимальной семемной нагрузкой и максимальной амплитудой колебания³², однако она ни в одном случае не занимает более трех клеток подряд по горизонтали и более трех клеток подряд по вертикали (чаще всего соотношения по горизонтали и вертикали — 2 : 2, 3 : 1, 2 : 3 и т. п.), т. е. семантика лексем в каждом конкретном случае достаточно компактна. С этим связано и третье положение: невозможность энантиосемии в пределах одного диалекта, одной системы. В тех диалектах, где суффикс *-ина* означает единичность, он нигде не распространяется на клетки, идущие ниже второй горизонтали, т. е. не приобретает ДП множественности (ср. диалект дер. Сварынь [2] и дер. Дяковичи [7]) и, наоборот, означая множество, отсутствует в ряде единичности (ср. диалект дер. Олтуш [1], диалект дер. Баранинцы [10]). Наконец, если клетки с суффиксом *-ина* сконцентрированы в правой части сетки (диалект дер. Быстрица [11]), то в левой части сетки мы их не обнаруживаем. Интересно микрополе диалекта дер. Симоновичи, где суффикс

³¹ К взаимоисключающим признакам в фонологии можно отнести «глухость» и «звонкость», «компактность» и «диффузность» и т. п., не совместимые в одной фонеме; в семантике — «единичность» и «множество», «положительное качество», «отрицательное качество» и т. п.

³² Отметим, что понятие «семемная нагрузка» относится к языку (конкретному диалекту), а «амплитуда колебания» к языку описания ряда диалектов, т. е. к метаязыку.

-ина выступает при обозначении вида — *berézina* (ср. русск. литерат. *осина* и западнополюсское *osá* — *osína*), а единичность обозначается редупликацией суффикса: -инина.

В принципе для праславянского языка трудно предположить развитие такой богатой синонимии, какой в сущности не обладает ни один из современных славянских литературных языков или диалектов, но которая имплицитно выводится при сведении значений отдельных праславянских лексем к инвариантным. Амплитуда колебания лексемы дает сведения об их вероятной семантической устойчивости или неустойчивости. При значительной амплитуде колебания часто невозможно (и не нужно!) сводить различные значения к инвариантному (как в случае с -ина, имеющим однокоренное, и -ина, имеющим множественное значение) — их следует относить к разным типам полей, для которых в общем можно наметить и определенные географические зоны.

Таким образом, определяя праязыковое состояние, мы должны считаться с несколькими факторами, из коих особенно важными окажутся: допустимость различной дистрибуции на семантической сетке одних и тех же лексем (суффиксов) в связи с диалектным членением (или на чисто вероятностной основе), учет типологических возможностей и показателей (максимальная нагрузка лексем на семантической сетке, максимальная семемная нагрузка для каждой конкретной лексемы, амплитуда колебания лексемы, т. е. ее семантическая устойчивость или подвижность), равно как и учет морфологических (словообразовательных и др.) особенностей и изменений в хронологическом плане, наряду с проблемой «своей», исконной, и заимствованной лексики, не говоря уже о столь «классических» этимологических задачах, как сравнение с материалом других родственных, а иногда и неродственных языков (для славянских — с другими индоевропейскими, а также угро-финскими и тюркскими). Но и при решении таких задач важно видеть определенное преимущество в конфронтации отдельных микросистем, а не изолированных единиц. Это положение в наше время можно уже считать тривиальным.

Суффиксальное словообразование

сквозь призму

семантического микрополя

(Названия леса по породе деревьев в славянских языках)

Связь словообразования с семантикой и их прямая взаимозависимость ощущалась и обнаруживалась еще в ранних исследованиях по сравнительному славянскому словообразованию — в работах Ф. Миклошича, А. Белича, А. Мейе, В. Вондрака и др. Почти с первых этапов сравнительного исследования наряду с установлением словообразовательного инвентаря славянской семьи языков, групп языков и отдельных языков, инвентаря, отражающего весьма значительное единообразие славянского мира в отношении форм и средств деривации, предлагались описания словообразовательных типов по крупным тематическим классам: деминутивы, аугментативы, *nomina actionis*, *nomina loci*, этнонимы, *nomina instrumenti*, *nomina communis* и т. д., если ограничиваться проблемами суффиксального словообразования существительных. Таким образом, производилось описание от формы к значению и от очень широкого и обобщенного значения к форме. Однако давно было замечено, что отдельные суффиксы привязаны в конкретных славянских языках не (или не только) к обобщенным, широким семантическим сферам, а к конкретным словам с довольно узкой и специфической семантикой. Затем было обращено внимание на то, что в пределах какого-либо отдельного и достаточно ограниченного семантического пространства могут быть в разных языках не только разные наборы суффиксов, что естественно и что может служить хорошим отличительным признаком, но и одинаковые наборы с разным семантическим противопоставлением их компонентов. Такую ситуацию ярко отражает славянский диалектный материал.

Обращаясь к проблеме типологии и картографирования славянского диалектного словообразования и выявления локальных, общезыковых и общеславянских изоглосс, отметим, что до сих пор в программах и на картах атласов фигу-

ируют, как правило, отдельные слова с различными суффиксами и одинаковым значением типа польск. мазовецк., подляск. 'пчеловод': *pszczelarz*, *pszczolarz*, *pszczelnik*, *pszczolnik*, *pszczolun*, *bartnik*, *pasiecznik* (Kowalska, II, карта № 106), что показывает обычно не чисто словообразовательное, а лексико-словообразовательное территориальное соотношение или противопоставление. Такого типа карты имеются почти во всех национальных атласах, в общеславянском атласе, в польских региональных атласах и исследованиях Г. Городыской-Гадковской (Horodyska-Gadkowska, 1967), А. Ковальской (Kowalska, I—II), В. Помяновской (Pomianowska, 1970) и др. В. Помяновская, например, лингвогеографическим путем обнаружила особенности словообразовательных средств южнославянских языков в ограниченных рамках названий животных, взятых, однако, выборочно (60 карт).

К сожалению, во всех этих случаях не обосновывается методика отбора лексем (ибо дается всегда неполный перечень лексем/семем из конкретной семантической сферы) и не выясняются деривационные ряды (возможности) конкретных лексем, что существенно и для словообразовательной типологии, и для лингвогеографии. К примеру, названия животных в южнославянских языках, как показывает хотя бы на сербском материале работа С. В. Зайцевой (Зайцева, 1977), изобилуют пейоративами и дериватами другого типа. Дериваты, правда, нередко выводят слова за пределы лексико-семантического поля, построенного на предметно-понятийной основе, поэтому такие слова при определенных условиях могут исключаться или выноситься за скобки. Однако они обычно указывают на внутренние смысловые связи между отдельными полями и на способы номинации.

В 60-е годы мною был предложен опыт конструирования семемно-лексемно-словообразовательного поля или сетки-модели для сравнительных диалектных и лингвогеографических исследований. Обращение к семантической сфере названий деревьев и производных от них слов позволило сконструировать поле со следующими типами семем: 'дерево', 'молодое дерево', 'крупное дерево', 'множество деревьев', 'лес определенной породы деревьев', 'единичное дерево', 'ствол дерева', 'ветка дерева'. Пользуясь этим полем как инструментом исследования, я проанализировал материал девяти полесских, двух карпатских и одного польского говора (см.

Толстой, 1966; наст. изд., с. 12–44). Впоследствии был обработан материал около полутора сотен славянских диалектных (и языковых) систем и выявлены основные типы словообразовательных отношений внутри поля и ряд изоглосс, выявляющихся на основе словообразовательного инвентаря и дистрибуции суффиксов в пределах поля.

В зависимости от дистрибуции суффиксов в микрополе-эталоне выявляются разные типы конкретных микрополей. Для определения типа важно различение существенных классификационных признаков (суффиксов, дающих основу для классификации типа микрополя) и малосущественных классификационных признаков (суффиксов, не играющих решающей роли в классификации и выделяющих в отдельных случаях лишь подтипы).

При типологической классификации лексико-словообразовательных микрополей «дерево — лес определенной породы» в качестве существенного классификационного признака (суффикса) принимается суффикс, имеющий максимальную амплитуду семантического колебания на сетке микрополя. Его место в микрополе и определяет тип конкретного поля. Для изучаемого микрополя в Полесье и во всем славянском языковом мире классификационно наиболее существенным оказывается суффикс *-ina*. Выступая то в сингулятивном, то в плюральном, то в собирательном значении, то в зависимости от ударения в сингулятивном и плюральном, суф. *-ina*, согласно занимаемой им семантической позиции, так или иначе устанавливает или перестраивает всю систему соотношений суффиксов внутри поля. Естественно, можно утверждать также, что сама система во многом обуславливает, вычленяет «доминантное» и типологически признаковое значение суф. *-ina*. На основе его корреляции с бессуффиксными формами и другими суффиксами можно выделить четыре типа полей:

А. Тип, где $\emptyset$ (ноль суффикса) — 'дерево вообще', 'единичное дерево', а *-ina* — 'лес', 'множество деревьев' (имеются в виду дерево и лес определенной породы, напр., *березина*).

Б. Тип, где *-ina* — 'единичное дерево', а $\emptyset$ — 'дерево вообще'.

В. Тип, где *-iná* — 'лес', 'множество деревьев', а 'единичное дерево' или 'дерево вообще' передается через *-ina* (*-ína*) или $\emptyset$.

Наконец, четвертым типом (Г) можно считать тип без суффикса *-ina*.

Эти типы выделены на основе полесских данных, но они применимы и к славянскому материалу, взятому в целом.

Что же касается географического распространения типов, то тип А известен в Полесье, на Украине, в Польше, в Кашубии, в Лужице (Верхней и Нижней), в Чехии, в Словакии, в Словении, тип Б — в Полесье, на Украине, в Белоруссии, в России, в Польше, в Чехии (только в ходском говоре), тип В — в Полесье, в Белоруссии, на Украине, тип Г — в Полесье, в Белоруссии, на Украине, в России, в Словении, в Сербии и Хорватии (с Боснией и Герцеговиной и Черногорией), в Македонии и Болгарии.

Если же обратить внимание на отдельные суффиксы, связанные с семами "лес", "материал", "отдельное дерево" и т. д., а также с семами уменьшительности и увеличительности, то в отношении их географического распространения можно отметить следующее.

Суффикс *-ina* характерен для восточно- и западнославянских языков, где он может означать "лес", "материал" и, в зависимости от поля, и "единичное дерево". В великорусских, украинских и белорусских диалектах представлены оба типа полей с *-ina*; в польском преобладает тип, где *-ina* означает "лес", но в диалектах изредка встречается тип со значением "единичное дерево". Аналогичное положение наблюдается в чешском языке, где лишь на крайнем западе в ходском говоре, как отмечалось выше, известно употребление *-ina* в значении "единичное дерево". В словацком и лужицких языках отмечено лишь *-ina* "лес". У южных славян только у словенцев для выражения семы "лес", а также "материал", "ветки" наблюдается довольно ограниченное употребление суффикса *-ina*. В сербскохорватском случаи употребления *-ina* "лес" единичны (черногорск. и, вероятно, кайкавск.), а в болгарском этот суффикс (правда, если он не входит в состав сложного суффикса) сочетается только с несколькими лексемами, которые при этом имеют либо аугментативное, либо сугубо специальное значение ("лучина", "верх", "вершина"). Для сербскохорватского, словенского и болгарского языка типично употребление сложного суффикса *-ovina*, выражающего сему "материал, древесина", реже "лес" (последнее только в сербскохорватском и словенском). Нет сомнения, что семантическая изо-

гlossa *-ina* "лес" и *-ina* "единичное дерево" отражает достаточно древнее праславянское диалектное соотношение.

Хронологически, вероятно, более поздней и менее релевантной в общеславянском масштабе изоглоссой оказывается изогlossa, выделяющая ареал семы "ветки" (обычно срезаемые и определенной породы дерева), выраженной конкретным суффиксом. В семантический ареал, условно называемый "ветки", входит часть великорусских (южнополюских) говоров, часть карпато-украинских, прикарпатско-польских говоров, чешско-моравские, словацкие и словенские говоры, отдельные нижнелужицкие и кашубские диалекты. Это одна из достаточно характерных для общеславянского языкового мира изоглоссных областей, в границы которой, при привлечении другого материала, обычно входит Полесье. Суффиксы, связанные с семой "ветки", следующие: *-ina* (укр.-карпатск., польск.-карпатск., кашуб., словац., моравск. — редко, словен. — редко); *-ovina* (словен. — очень редко, болгар. — редко); *-je, -i* (из **-ъje*) (в.-рус. — редко, диал., чеш.-моравск., словен. — редко, н.-луж.); *-ovje* (словен. — редко), *-oviče* (кашуб.), *-yn'a* (укр.-карпатск.), *-ul'a* (укр.-карпатск.).

Ряд сложных суффиксов с основным компонентом *-ina* ограничен в своем распространении восточнославянской территорией. Таковы — суффикс с редупликацией *-inina*, зафиксированный в белорусских и великорусских диалектах, уменьшительный *-inoška*, известный в украинском, суффикс *-innik*, отмеченный также только в украинском, равно как и суффикс *-in'a* и *-nica*. Уменьшительный *-inka* занимает компактный ареал белорусского, украинского, словацкого и чешского языков.

Ареал суффикса *-ovina* — значительный, хотя и не сплошной. Внутри его границ можно выделить еще отдельные зоны по семантическому принципу. Так, в великорусских диалектах в Псковской зоне зафиксирован пример *березовина* со значением 'береза', в белорусском и украинском форма на *-ovina* не представлена (если не считать диал. укр. *буковина* 'буковый лес'), в польском форма *-ovina* отмечается в диалектах редко (ср. силезск. *bżozovina* 'место, где растет вереск' или *osikowina* 'осиновый лес'); в кашубском она тоже зарегистрирована лишь с двумя лексемами: *grab* и *buk* — *grabovina* 'грабовое дерево, древесина', *bukovina* 'буковый лес'; в чешском формы с *-ovina* уже нередки

и достаточно последовательно означают "лес". В словацком, верхне- и нижнелужицком наблюдается то же положение, что и в чешском. При этом в обоих лужицких языках известно также и значение "материал, древесина", которое типично для южнославянских языков — словенского, сербскохорватского и болгарского. Словенский и в этом случае демонстрирует свою связь с западнославянскими языками, так как в нем суффиксом *-ovina* выражается не только сема "древесина, дерево как материал", но и сема "лес". Правда, эта особенность характерна и для сербскохорватского языка, но не характерна для болгарского, которому свойственны диалектные образования с *-ovina*, манифестирующие семы "материал, древесина" и "отрубленная ветка".

В северо-западной Болгарии, около Видина, суффикс *-ovina* десемантизован, т. е. такие слова, как *липовина*, *гáбровина*, семантически равны словам *липá*, *гáбър*. Это положение соответствует великорусскому диалект. псковск. (новоржевск.) — *березовина*. Что касается уменьшительного суффикса *-ovinka*, то он характерен только для чешского языка.

Другую любопытную изоглоссу, объединяющую часть великорусской, белорусской и словенскую зону, образует суффикс *-inje*. Он выступает всегда со значением "множество деревьев", "лес". В великорусских диалектах этот суффикс отмечен в Псковской зоне — *березинье*, в белорусских в западном Полесье — *березиннэ*, в украинских гуцульских — *березиня*. Им соответствует словенск. *brezinje*. Суффикс *-ines* образует кашубско-македонскую изоглоссу, а суффиксы *-innik* (укр.), *-ičina* (словац.), *-inisko* (в.-луж.) не образуют межъязыковых изоглосс в пределах рассматриваемого поля.

Типично кашубской особенностью оказывается употребление суффиксов *-izna*, *-ovizna* и *-oustvo* (словинский диалект). Притом *-ovizna* может означать не только "лес", как это свойственно для всех перечисленных суффиксов, но и "срубленные ветки".

Суффикс *-ak*, выражающий сему "лес", дает изоглоссу кашубско-южнославянскую. Он представлен во всех южнославянских языках, кроме словенского.

Суффикс *-oves/-eves*, выражающий сему "лес", также известен в кашубском, а из южнославянских в словенском. Кроме того, он зафиксирован в украинских бойковских и надднестрянских говорах (редко).

Из других суффиксов с компонентом *-k-* характерные изоглоссы образуют суффиксы *-nik*, *-n'ak*, *-ik*, *-ica*, *-ovica*. Суффикс *-nik*, выражающий сему "лес", распространен во всех восточно- и западнославянских языках, кроме словацкого, и в словенском языке (редко, в диалектах). Суффикс *-n'ak*, выражающий сему "лес", распространен во всех восточнославянских языках, в польском и в очень ограниченном виде в болгарском (в диалектах). Суффикс *-ik*, выражающий сему "лес", ограничивается сербскохорватским и словенским языком. В последнем, правда, он встречается редко в диалектах.

Суффикс *-ica*, выражающий сему "лес, роща", представлен единичными случаями в великорусских диалектах (великолукск.), в отдельных украинских, западнополесских говорах (с. Забужье) и в нижнелужицком языке. В западнополесских говорах он может быть десемантизован, т. е. означать "дерево вообще". В старопольском была известна форма *dębica* 'дубовая роща, лесок'. В южнославянских и в чешском этот суффикс широко представлен как уменьшительный. Суффикс *-ovica*, выражающий сему "лес, роща", отмечен в сербскохорватском (диалектн. черногорск.) и украинском (диалектн. западнополесск., с. Забужье). Примеры этого соответствия единичны и уникальны — они относятся к микродиалектным системам и к очень ограниченному числу лексем.

Из суффиксов с элементом *-n-*, помимо приведенных выше, интересно отметить суффикс *-n'a*, объединяющий украинскую и словацкую зоны. Остальные суффиксы с элементом *-n-* и элементом *-k-* ограничены локально либо одним языком, либо пределами одной группы славянских языков: *-ovn'a* (в.-луж. редко), *-nica* (укр.), *-ovnik* (н.-луж.), *-ičnik* (чеш.), *-niček* (в.-рус., белорус.), *-n'aček* (в.-рус., белорус., укр.), *-ika* (болг.), *-ovak* (болг.).

Изогlossой, существенной в общеславянском плане, является изогlossa суффикса *-je* (из **-ьje*), объединяющая ряд восточно-, западно- и южнославянских языков. Суффикс *-je*, выражающий сему "лес", "множество деревьев", распространен в великорусских новгородских и псковских диалектах (где возможно также и значение "ветки"), в украинских бойковских диалектах, в чешском и словацком (где эти формы очень продуктивны во всех диалектах и приняты в литературном языке), наконец, в южнославянских языках —

сербскохорватском и словенском. В последнем этот суффикс может выражать семы "древесина" и "хворост". Суффикс *-je*, осложненный суффиксом *-ov* и выражающий сему "лес, молодая поросль", распространен в чешском, словацком, словенском и сербскохорватском. Сложный суффикс *-ovje* означает в отдельных редких случаях сему "ветки" только в словацком и словенском.

Достаточно четкую чешско-словенскую изоглоссу образует сложный суффикс *-ičje*, выражающий семы "мелкий, молодой, малый" и "лес". Только в словенском зафиксирован трехчленный суффикс *-ičevje* с той же семантикой, что и *-ičje*. В чешских и кашубских диалектах отмечен тот же в принципе суффикс с тем же значением, но с иным порядком компонентов — *-ovčí*, *-oviče*: *vrbovčí* (чешск. диалект), *břozoviče* (кашуб. словинск. диалект). В чешском употребление этого суффикса редко и известно лишь с лексемой *vrba*, в кашубском оно ограничено территорией распространения словинского диалекта, где суффикс *-oviče* может означать не только "лес", но и "ветки" и даже "палка".

К числу словенско-чешских изоглосс следует отнести еще изоглоссу, образуемую суффиксом *-ovište* (*-ovišče*), выражающим сему "лес". В чешском этот суффикс в пределах исследуемого поля встречается редко (он может означать и "место, где растет лес"), а в словенском еще реже — там зафиксирован лишь один пример — *hrastovišče* 'дубовый кустарник'. Тем не менее интересно, что и в кашубской зоне этот суффикс сочетается с лексемами рассматриваемого поля. Его значение в кашубских говорах — "место, где произрастает лес определенной породы". Без компонента *-ov* суффикс *-ište* в отмеченном значении (и в значении "где произрастал") известен очень широко.

Остальные суффиксы в своем распространении ограничиваются одним языком либо двумя соседними языками в пределах одной группы языков: *-isko* (чеш.), *-ovisko* (чеш., словац.), *-ište* (словац.), *-ovstvo* (кашуб.), *-ovka* (в.-луж.), *-ička* (в.-луж., н.-луж.). Столь же ограничены и заимствованные суффиксы: *-ar* (с.-хорв. диал.), *-aš* (болг. диал.), *-lak* (болг. диал., макед.).

Естественно, что во всех упомянутых случаях речь идет об употреблении рассматриваемых суффиксов только в пределах изучаемого поля. Безусловно, список приведенных суффиксов не полон. Новые диалектные исследования вскры-

ют новый материал. Однако, по нашему мнению, и имеющихся фактов достаточно, чтобы сделать довольно достоверные и существенные выводы.

Изложенный выше перечень изоглосс уже можно считать первым выводом. В этом перечне, помимо такой типичной изоглоссы, как псковско-полесско-карпатско-(восточно- и западнославянские диалекты)-словацко-чешско-моравско-словенский пояс или тот же пояс с некоторыми модификациями (с участием сербскохорватской, кашубской, либо лужицкой зоны и т. п.), помимо соответствий великорусско-белорусско-словенских или соответствий белорусско-украинско-словацко-чешских, обращают на себя внимание словенско-чешские соответствия, к которым примыкают и отдельные явления в кашубских говорах. В некоторых случаях выделяются чешско-словенско-сербскохорватские параллели (например, суффикс *-ovje*).

Близость словенского и западнославянских языков, в частности чешского, обнаруживалась и ранее в результате словообразовательного, лексического и даже фонетического анализа (см. Winkler-Leszczyńska, 1964; Budziszewska, 1965; Stieber, 1974). Правда, проблема словенских соответствий не ограничивается словенско-западнославянскими и, естественно, словенско-южнославянскими связями. Ф. Безлай и ряд других ученых выявили в последнее время значительный пласт словенско-восточнославянских лексических параллелей (Bezlej, 1974a). Важно для дальнейших исследований, связанных с проблемой диалектного членения праславянского языка, славянской прародины и с рядом других вопросов, устанавливать не просто словенско-западнославянские или словенско-восточнославянские соответствия, а соответствия с конкретными не очень обширными зонами в пределах западно- и восточнославянского мира, как это делал, например, М. Тентор в отношении словенско-чакавских соответствий, отсутствующих в штокавском сербскохорватском (Tentor, 1950). Надо полагать, что выводы, близкие к сделанным для словенского языка, возникнут и в некоторых иных случаях, когда в фокус будет поставлен тот или иной славянский язык или его несколько обособленное наречие (особливо, если ему свойственна некоторая архаика).

Другим существенным выводом из анализа суффиксальных инвентарей и их дистрибуции в конкретных языках и диалектах (около 160) на микросетке-модели, выводом,

вытекающим из характеристики типов, основанной на этой дистрибуции, будет вывод о том, что дистрибуционные различия оказываются для типологии и классификации славянских языков и диалектов со словообразовательной точки зрения гораздо более существенными, глубокими и показательными, чем различия инвентарные. В общем довольно незначительные для славянского мира инвентарные различия значительно дополняются дистрибуционными. То, что называется дистрибуционными различиями внутри лексико-словообразовательного поля, выявляется на основе достаточно жесткого семантического ограничения. Ограничение это выражено двояко: во-первых, рамками микрополя «деревья — лес определенной породы», во-вторых, сеткой-моделью внутри этого поля.

Если снять оба ограничения и говорить лишь о наличии или отсутствии того или иного суффикса в конкретном языке или диалекте, то обнаружится очень ощутительная близость, почти тождественность суффиксальных наборов (в целом) славянских языков вообще и групп славянских языков (восточной, западной и южной) в особенности, и вся наметенная выше картина диалектной дифференциации и изоглоссной соотнесенности отдельных зон славянского языкового мира окажется совершенно стертой.

О некоторых возможностях лексико-семантической реконструкции праславянских диалектов

Проблема реконструкции праславянского лексического фонда, поставленная рядом этимологов и специалистами широкого лингво-этнографического профиля, трудно разрешима без комплексного применения целого ряда рабочих методов, в первую очередь без применения типологического критерия и лингвогеографического аспекта.

Наши представления о диалектном членении праславянского языка поздней поры базируются почти исключительно на фактах фонетических и морфологических и лишь в незначительной мере и весьма неопределенно на фактах словообразовательных и лексико-семантических. Многие исследователи праславянского лексического фонда обращали основное внимание на германо-славянские, славяно-иранские и т. п. параллели, оставляя открытым вопрос о древней лексической дифференциации внутри собственно славянского. Праславянский лексический состав зачастую воспринимался недифференцированным — сознательно или в силу вынужденной необходимости из-за отсутствия достоверных материалов и исследований по древним лексическим изоглоссам. При этом обычно считалось, что достаточно фиксации какой-либо лексемы в двух из трех ныне существующих групп славянских языков (западной, южной или восточной), чтобы, при отсутствии показателей поздней инновации, отнести ее к общему праславянскому лексическому фонду. Таким образом создавалась «словарная коллекция», численное богатство которой по различным лексическим группам («полям») во многом превосходило набор лексем в отдельных современных славянских литературных языках. При подобном подходе для праславянского языка в общем (а не территориально расчлененно — для его диалектов) пришлось бы признать наличие столь богатой синонимии, какой не обладает ни один из известных нам современных литературных славянских языков, не говоря уже о

конкретных диалектах (говорах), словарный запас которых численно значительно уступает словарному запасу литературных языков. Такое положение, однако, мало вероятно. Ряд серьезных затруднений при восстановлении праславянского словарного состава возникает в тех случаях, когда при его реконструкции пользуются почти исключительно фактами литературных языков: возникают неточные представления и в отношении набора лексем, и в отношении семантического плана. Типология семантического пространства («полей», их взаимосвязей и «взаимопокрываемости») литературных языков в отношении различных комбинаторных показателей и просто максимального надъязыкового (resp. наддиалектного) набора дифференциальных признаков значительно однообразнее, чем типология диалектов. Словарный состав литературных языков по своему характеру (структуре, стилистической разноплановости, статистической соотнесенности и т. п.) существенно отличается от словарного состава диалекта (говора). Именно поэтому при реконструкции праславянского словника следует обращаться в первую очередь к диалектному материалу, соглашаясь с представлениями А. Мейе, что словарный состав праславянского был подобен составу литовского диалекта конца XIX в. — начала XX в.

Такое подобие нужно признать прежде всего в типологическом смысле. Типологические же модели следует строить, базируясь прежде всего на плане содержания (семантическом), обращаясь к материалу современных диалектов и устанавливая для отдельных «полей» (семантических групп) различные типы.

При этом несколько схоластический спор о преимуществе предметно-семантического или словообразовательно-генетического подхода целесообразно разрешить их комбинированным использованием, как уже предлагал О. Н. Трубачев. В рамках достаточно широкого предметно-семантического поля важно установить для всех современных славянских диалектов словообразовательно-селективные признаки корней, включающихся в поле. При этом и праславянское состояние можно будет представить, вероятно, лишь как ряд диалектно дифференцированных семантических полей («сеток») с набором (при идеальном положении и с дистрибуцией) конкретных корней и их потенциально возможных словообразовательных моделей. Нам представляется, что та-

кой подход крайне важен, так как все попытки реконструкции формального плана — плана выражения без обращения к плану содержания будут обречены в конечном итоге на неудачу. Практически для лексико-семантической типологии славянских диалектов следует установить индуктивным путем для отдельных «полей» (семантических групп) макро-сетку, на которую могут накладываться лексемы из отдельных диалектов. При этом будут выяснены максимальные и минимальные наборно-дистрибутивные возможности (всегда меньшие, чем показатели макро-сетки), а также взаимоисключающиеся и взаимообуславливающиеся семантические и словообразовательные отношения. Это даст также возможность предсказуемости некоторых отношений при реконструкции (ср. опыт использования современных и исторически зафиксированных фонологических систем при реконструкции дописьменного праславянского).

При этом следует допустить наличие ряда различных в отношении плана содержания и плана выражения территориально очерченных систем (отношений), отказавшись от очень устойчивого и несколько схоластического представления о единстве места (сколь бы оно ни было пространным) и значения (естественно, при единстве времени) отдельных праславянских лексем.

Опыт реконструкции лексико-семантической структуры праславянских диалектов поздней поры невозможен без применения лингвогеографических методов, направленных на изучение современного славянского диалектного континуума. Однако сами эти методы должны быть усовершенствованы: применяемый до сих пор способ картографирования одиночных лексем и семем («от слова к значению» и «от значения к слову») недостаточен и малоперспективен. Необходимо картографирование типов хотя бы небольших семантических полей с определением дистрибуции лексем и их словообразовательно-деривационных возможностей.

К проблеме значения слова в славянской исторической лексикологии и лексикографии

Проблема, указанная в заглавии, — весьма сложная в теоретическом и практическом аспекте. При всех условиях она остается стержневой в работе над историческими словарями, над древними текстами и над историей слов, ими зафиксированных.

Дефиниция исторического значения слова, как известно, принципиально отлична от семантической дефиниции современного литературного слова, современного диалектного слова, от этимологического определения тех же слов. При определении значения современного литературного слова исключается или сводится к минимуму фактор времени и пространства, при определении значения современного диалектного слова — только фактор времени, а при этимологическом анализе, если слово относится к праславянскому (или даже индоевропейскому) фонду, — фактор пространства редко учитывается или учитывается в обобщенном, а не конкретном плане, и в том же плане выступает и фактор времени. При определении исторического значения слова, т. е. значения слова, зафиксированного в памятниках, фактор времени присутствует в рамках, устанавливаемых хронологическими границами памятника, исследования или словаря. В древних языках греко-славянского (православного) ареала наблюдалось постоянное взаимодействие церковнославянской стихии со стихией нецерковнославянской, которую, однако, в большинстве случаев трудно назвать диалектной, хотя она более, чем церковнославянская, может носить локальный (народный, этнически окрашенный) характер. Диалектологичность текстов (в особенности в период до XVI—XVII вв.) в этом ареале носит также несколько условный, не очень ярко выраженный характер, и поэтому часто тексты четче дифференцируются по жанрам, чем по локальным («диалектным») особенностям. Однако это положение отчасти связано с тем, что проникновение не-

книжного языка в разные жанры письменности (письменных текстов) осуществлялось с разной интенсивностью в зависимости от жанра.

Принципиально наиболее строгим, последовательным и приемлемым с научной точки зрения анализом исторической лексики можно признать анализ словарного состава одного памятника или группы родственных¹ памятников (типа группы старославянских памятников одной школы — охридской или преславской и т. п.) и составление при этом полного словаря одного памятника или группы памятников. В региональной лексикографии этому соответствует полный словарь одного говора или группы однородных говоров. Всякий другой подход, требующий вовлечения большей группы памятников (различных в хронологическом и в локальном отношении), оказывается уже подходом в той или иной мере сравнительно-историческим, хотя и не направленным на реконструкцию слов. Так, больший объем и большее разнообразие материала (эксерпций), с одной стороны, облегчает определение значения слова, с другой — несколько обобщает его и может ступевать или затуманить специфическую (локальную, окказиональную, архаическую и т. п.) семантику слова.

Если не считать неизбежного, хотя бы интуитивного, соотношения исторической семантики слова с современной и связанного с ним этимологизирования, то основным источником значения слова в случаях, когда мы имеем дело не с переводными, а с оригинальными древними текстами, является контекст. В последнее время, благодаря ряду значительных работ по семасиологии (Ю. Д. Апресяна и др.), довольно детально разработана методика исследования синтагматики слова и определения на этой основе его семантики. Подобная методика оказалась плодотворной при изучении семантики глагола, но менее результативной при исследовании других частей речи, особенно при рассмотрении существительных предметного значения. Стало очевидным, что отдельные семантические ДП (семы) могут быть выяснены лишь при парадигматическом анализе группы слов, а не в

¹ Родственность может определяться на основе разных параметров — близости языка, палеографических особенностей, текста, хронологии, локальной приуроченности (единого скриптория и т. п.) и др. моментов, а также на основе суммы («пучка») этих параметров.

результате изучения сочетаемости слова, т. е. его синтагматических связей. Напр., слова *лѣсъ*, *боръ*, *роща*, *гай*, *островъ*, *рамень*² и т. п., как правило, имеют одинаковые синтагматические параметры, т. е. равную сочетаемость с другими словами, но в парадигматическом плане они будут отличаться разными наборами семантических ДП — сем, при одной общей основной семе "лес, множество деревьев". При определении значения современного литературного или диалектного слова исследователь, в общем, может создавать или наблюдать неограниченное число контекстов, существенных для выявления разных ДП слова, управления, сочетаемости слова и т. п., важных для синтагматического рассмотрения, и, наконец, всегда может установить предметную соотношенность слова, если таковая имеется, для анализа парадигматического. При выявлении значения «исторического» слова славист-лексиколог сталкивается с очень ограниченными возможностями в этом отношении (ср., например, такие гапаксы в ст.-сл. языке, как *работьникъ*, *инокъ*, *чѣладь* и др. — наблюдения Р. М. Цейтлин). Это вынуждает его обращаться к другим источникам и способам смыслового определения слова.

Важным методологическим принципом исследования остается принцип семантического поля (как известно, Й. Трир его впервые применил именно на историческом материале), моделирование которого может производиться разными путями. В случае переводных текстов (таковы почти все старославянские и многочисленные древнерусские, древнесербские, древнехорватские и древние македоно-болгарские) иноязычный эквивалент становился основой для толкования слова; в текстах же правового, дипломатического, хозяйственного и подобного характера специальная терминология подвергалась особому анализу с исторической, социальной, экономической и юридической стороны представителями соответствующих дисциплин (ср. работы В. И. Сергеевича, П. Мрочек-Дроздовского, Г. Е. Кочина, А. Поппе и др.). В отдельных случаях следует учитывать возможность влияния

² При этом, когда слово оказывается праславянского происхождения, малое значение имеет вопрос времени его фиксации в памятниках (ср., например, вост.-слав. *болото*, обнаруженное лишь в списках XIV в.), и потому дискуссии типа той, которая была связана с определением значения польских слов *bór* и *las* (Język polski, IV, 1919), по сути дела, бесплодны.

(или даже переноса) значения современного диалектного³ или литературного слова, или значения слова в родственных славянских языках — древних и новых и т. д.

К знанию древнерусской культуры, богословия, идеологических воззрений, научно-общественных течений, быта, состояния техники, профессионального труда на Руси, наряду с начитанностью в текстах и знакомством с южнославянской и отчасти — с XV в. — с западнославянской письменностью и литературой, призывал исторических лексикологов в одной из своих последних статей В. В. Виноградов. Он предостерегал от «приспособления значения слова... к современным понятиям», т. е. от «наивно-каламбурного его истолкования» (Виноградов, 1968). Однако известны случаи, когда подобное «наивно-каламбурное» толкование происходило в прошлом, в Древней Руси, и тем самым уже становилось фактом знаменательным, существенным для исторической лексикологии. Таково было восприятие слова *безстрастный* как 'безбоязненный, бесстрашный' (в Москве в XVI—XVII вв.) вместо исконного и «правильного», известного в древнеславянском каноне, 'не побежденный страстями', возможно, и 'лишенный страстей', 'лишенный похоти' (см. в связи с этим любопытную полемику Лаврентия Зизания со справщиком Григорием и игуменом Илиею в Москве в Книжной Палате 18.II.1627 г. — Прение Зизания, 1859).

Правильное определение значения «исторических» слов — основная задача исторической семантики, которую, по меткому определению А. Дюпрона, можно считать и «вспомогательной исторической дисциплиной (наукой)», требующей от историка знакомства с языком «как со средством выражения определенного мыслящего коллектива». Задачи историка и лингвиста в данном случае одинаковы: познать и определить семантику языка как форму мышления и представлений (прямых и образных — символических) об окружающем мире и вселенной. В связи с этой задачей исключительную ценность имеют свидетельства древних книжни-

³ Так, например, в одном и том же отрывке текста «... скакал по темным по лесам и по раменью» слово *рамень* толкуется разными комментаторами различно. В сб. П. Н. Рыбникова как 'место, где растет большой строевой лес' (Рыбников, III), а в сб. Кириши Данилова как 'густой лес, соседний с полями' (Кириша Данилов, 1958, коммент. А. П. Евгеньевой), в то время как не исключено (из-за наличия союза *и*) и значение 'опушка леса'.

ков о самих словах (см. азбуковники, сочинения Зиновия Отенского [Зиновий Отенский, 1863], Максима Грека, спор Лаврентия Зизания с игуменом Ильею (Прение Зизания, 1859), рассуждения старообрядцев — Никиты Пустосвята и др.), их семантической нагрузке и стилистической окраске. Следовало бы собрать эти свидетельства воедино подобно тому, как это сумели сделать польские ученые для лексики периода Просвещения XVIII в. (*Ludzie Oświecenia o języku i stylu*, t. 1—3, Warszawa, 1958).

Не меньшую роль может сыграть материал древних славянских словарей, в первую очередь словарей, связанных с древнеславянской (церковнославянской) традицией (Зизания, Берынды, Славинецкого, Мариана из Яслиск, Поликарпова и др.). Многие из этих словарей в последнее время изданы, однако было бы важно создать на их основе сводный словарь с указанием всех возможных разнотолкований. Третьим полезным трудом по исторической семантике был бы словарь параллельных, двуязычных древнеславянско-русских (преимущественно «западнорусских») текстов. Такой словарь внес бы ряд уточнений в характер гомогенного литературного двуязычия Древней Руси. В качестве четвертого труда подобного рода можно назвать словарь книжной справки Московской Руси XVII в. Источниками для него послужили бы корректурные экземпляры книг московского Печатного двора, хранящиеся в ЦГАДА.

Перечисленные проекты никак не исчерпывают возможностей дальнейшего развития славянской исторической семиологии.

Какой тип диалектного словаря нам нужен?

Полевая работа постоянно сталкивает диалектолога с проблемой соотношения идиолекта и диалекта отдельного села. Эту актуальную еще в младограмматические времена проблему диалектолог чаще всего решает практически, устанавливая на основе своего лингвистического опыта норму, обычно архаизированную и несколько инвариантизированную. Так поступают при описании фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики. При этом на факты идиолектности в лексике (особенно семантике) часто вообще почти не обращают внимания. При одновременном описании группы населенных пунктов, лингвистически однородных или почти идентичных, возникает в принципе та же проблема соотношения, как и в случае «идиолект — диалект». Если при чисто лексико-семантическом описании отвлечься от некоторых фонетических корреспонденций и грамматических показателей (что вполне естественно!), то граница между отдельными диалектными единицами (говор индивидуума, говор одного населенного пункта, говор ряда пунктов, говор другого ряда пунктов и т. д.) покажется еще более иллюзорной. Это происходит потому, что принципы описания диалектной лексики с расчетом на достаточную полноту (как в инвентарном, так и в территориальном аспекте) и одновременно — экономность еще мало разработаны.

В нашей диалектной лексикографии спор ведется почти исключительно между представителями двух направлений — между сторонниками полного диалектного словаря и сторонниками дифференциального (по отношению к литературному) словаря. Составление «полного» диалектного словаря отдельного пункта — идеальное решение вопроса, однако очень неэкономное и не снимающее проблемы более широкого территориального охвата диалектов. «Полные» областные словари, фиксирующие материал какого-либо ареала, т. е. континуума диалектов, дают в лучшем случае представление о совокупном лексемном максимуме, но не о наборе лексем в каждом конкретном диалекте, а тем более о их дистрибуции в семантическом пространстве, т. е. не отражают системность

лексико-семантического уровня отдельных диалектов. Эта системность тем более необозрима в дифференциальных (по отношению к литературному языку) словарях, т. к. в них фиксируются только лексемы (значительно реже и семемы), отличные от литературных, и, таким образом, не выполняются требования описания и на чисто инвентарном уровне. При этом, естественно, нельзя предположить, что в описываемом диалекте будут наличествовать все лексемы (и соответствующие им семемы), присущие литературному языку, плюс «дифференциальные», но можно предположить отсутствие многих из них. Такие «отрицательные» показатели не менее важны и релевантны, чем «положительные», т. е. чем фиксация тех или иных лексем. Эталоном для сравнения, однако, должен служить не литературный язык (обремененный часто рядом книжных наслоений), а один из опорных диалектов или наддиалектная индуктивно созданная модель.

Целесообразно строить областные словари по принципу полного лексикографического описания одного диалекта (или двух-трех) и подачи материала из других диалектов дифференциально по отношению к нему. При подобном дифференциальном подходе важна фиксация как наличия, так и отсутствия конкретных лексем.

Областной словарь нового типа состоял бы из трех частей: а) словника с толкованием (resp. переводом) слов; б) инвентарно-дистрибутивного описания семантических микрополей; в) атласа изоглосс микрополей и отдельных лексем (на сетке пунктов). В такой словарь можно было бы включать не весь словарный состав в целом, а все основные предметно-семантические группы и ряды, характерные для диалектной речи. Составлению такого словаря должна предшествовать разработка подробной специальной программы с учетом максимального набора семантических ДП.

Серия словарей подобного типа была бы, по нашему мнению, довольно надежным и полным источником для сравнительных штудий по славянской лексикологии, семасиологии, лингво- и этногеографии.

Практика польских диалектологов (одного из самых продуктивных и передовых отрядов славистов) показывает, что польская диалектная лексикология приближается к подобному решению вопроса (ср. сравнительный словарь трех малопольских диалектов М. Куцалы [Kusała, 1957], серию «Словарный состав Вармии и Мазур» [SWM], областные диалектные атласы [см. АЖК, Dejna, 1951–1953, Dejna, I–VI] и т. п.).

II

Славянская лексика в ареальном аспекте

Из географии славянских слов

[1. 'Дождь'. 2. 'Саламандра']

*Светлой памяти
И. Поповича*

Широкая постановка проблем славянской лингвистической географии в связи с задачей создания общеславянского атласа привлекла внимание славистов к ряду новых, пока еще спорных, вопросов сравнительной славянской грамматики и лексикологии, требующих тщательной разработки структуры атласа и отбора материала. Ведущаяся на страницах лингвистических журналов на эту тему дискуссия во многом способствует разрешению общих, принципиальных вопросов, однако — наряду с задачей построения единого вопросника по фонетике, морфологии, синтаксису и лексике, характер которого и предопределяет тип и структуру атласа, — следует производить и пробное, по имеющимся печатным материалам, картографирование отдельных явлений с более частными научными задачами для определения новых изоглоссных областей и их соотношений, не известных ранее по основным материалам и исследованиям сравнительной славянской грамматики и лексикологии. В самом деле, если изоглоссы, отмечающие рефлекс праславянских **tj*, **dj* или сочетаний **tl*, **dl*, в результате сбора нового материала окажутся лишь более уточненными, то в ряде случаев, и прежде всего в лексике, мы столкнемся с новыми, доселе нам не известными или известными в самых общих чертах, изоглоссами, требующими своего исторического объяснения.

Работу над национальными атласами (русским, украинским, белорусским, польским, чешским, словацким, болгарским и словенским) можно в значительной мере использовать как подготовительную, однако различие задач национальных атласов и разница в их теоретических установках затрудняет синхронное изучение многих явлений, оставляя свободными стыки и фланги. Вот почему необходима предварительная работа по региональному исследованию отдель-

ных крупных языковых массивов, в первую очередь области распространения южнославянских языков, так как на территории распространения сербскохорватского и македонского языков сбор материала еще не производился, а материал, собранный на словенской и части болгарской территории, еще не известен научной общественности. Кроме того, региональные изоглоссы (т. е. характерные и наблюдающиеся только в одной из областей распространения славянских языков — южной, западной, восточной — или на стыке между ними) могут выявить немало специфических проблем, отнюдь не безынтересных для общеславянской проблематики в целом.

Ряд важных проблем, касающихся всей южнославянской языковой территории, или несколько уже — сербскохорватской и несколько шире — балканской, был поднят в конструктивных статьях проф. М. Павловича и проф. П. Ивича (см.: Ивић, 1957—1958; Павловић, 1957—1958; Павловић, 1959), однако мы их сейчас не будем касаться и попытаемся обратить внимание только на один вопрос, поставленный проф. Б. Братаничем. Исследуя названия частей рала и их типы и определяя географическое распространение этих типов и слов-терминов, Б. Братанич установил для славянской территории Балканского полуострова два основных ареала: центральный и латеральный (Bratanić, 1951; см. также рецензию И. Поповича на эту работу: Поповић, 1951—1952). Латеральный ареал охватывает западных хорватов, главным образом чакавцев, большую часть македонцев и восточных болгар, центральный — остальных хорватов, в основном штокавцев-икавцев, сербов, часть македонцев (северных) и западных болгар.

Лингвистический и этнографический материал Б. Братанича не вызывает никаких сомнений, однако его далеко идущие исторические выводы, возрождающие отчасти идеи Копитара и Миклошича о двух волнах миграции южных славян на Балканский полуостров, требуют дополнительной и более веской аргументации. Гипотеза о двухфазовом заселении Балкан славянами — первоначальном, охватившем почти весь полуостров, и втором, позднейшем, врезавшем центральный клин и оттеснившем затем постепенно раннее славянское население на фланги, — не представляется нам невероятной, однако она должна быть подтверждена большим числом фактов, прежде всего лингвистических. Современ-

менные изоглоссы и «изопрагмы» не отражают, как отмечает и сам Б. Братанич, достаточно точно древние границы употребления слов и вещей: более поздние исторические события и особенно эпоха турецкого владычества привели к экспансии населения «центрального клина» на запад и даже на восток. В лингвистическом аспекте эта экспансия известна под именем «штокавских инноваций», и им И. Попович посвятил несколько интересных этюдов (Попович, 1959; 1962). Тем не менее до сих пор и в чисто лексической сфере (а теория центрального клина опирается пока исключительно на лексику) не выявлены еще даже «тонкие» пучки изоглосс, не сделаны серьезные попытки определения границ этого клина в более ранние эпохи, не установлен эпицентр (resp. эпицентры) «инноваций». Именно поэтому дальнейший сбор материала в этом направлении следует считать полезным, а нижеследующие этюды принимать только как попытку выяснения двух южнославянских изолекс.

1. 'Дождь'

Исследователю сербскохорватских диалектов трудно не заметить интересную изолексу *дажд* — *киша*¹. Важность ее недавно подчеркнули З. Юнкович (Junković, 1956, s. 395) и П. Ивич (Ивић, 1957, с. 417), а И. Попович в своем немецком издании «Истории сербскохорватского языка» дал приблизительную (и потому, к сожалению, несколько неточную) карту распространения этих двух лексем (Popović, 1960, S. 441). Ареал лексемы *киша* («К») занимает почти всю область распространения сербскохорватского штокавского диалекта, исключая некоторые окраинные районы (говоры Истрии, зетские говоры, ряд говоров далматинского побережья, крайняя восточная часть торлакских говоров); на всей остальной славянской территории фиксируется лексема «Д». Лексема «Д» употребляется без исключения во всех словенских, македонских и болгарских говорах. В западной Болгарии, правда, известна и лексема «К», но в

¹ В дальнейшем в целях краткости, а также во избежание приведения различных фонетических вариантов слова, не существенных для данного этюда (*дажд*, *даш*, *дош*, *деш* и т. п.), лексема *дажд* обозначается знаком «Д», *киша* — «К», *година* — «Г», *време* — «В».

ином значении: не 'дождь', а 'дождливая, мокрая погода', 'слякоть'. Кроме того, интересный и единственный во всем славянском мире островок представляет лексема «Г» на территории кайкавского диалекта южнее Загреба (спорадически и в соседних чакавских районах). Во всех западно- и восточнославянских языках в значении 'дождь' фиксируется лексема «Д», за исключением почти единичного гучульского примера *godína idé*.

В результате знакомства с доступными нам печатными материалами отмечаем наличие лексемы «Д» в следующих пунктах²: 1. *dāžja* (Małeckí, 1930, 117); 2. *dāžd, dāžda* (Małeckí, 1930, 105); 3. *děžda* (Małeckí, 1930, 113); 4. *dazjā* (Małeckí, 1930, 28); 5. *dāžd, dāžda* (Małeckí, 1930, 105); 6. *dāš, dāžjā* (Małeckí, 1930, 96); 7. *dāžd* (Małeckí, 1930, 104), наряду с ним *gōdina* в значении 'мелкий дождь' (СДЗб. IX, 148); 8. *daž, dazjā* (Małeckí, 1930, 65, Małeckí, 1929, 42); 10. *daž* (ZNŽO XXXIX, 314); 11. *děž* или *děž* (Rad CLIII, 133); 12. *děž* (Rad CXCVI, 67); 13. *dōž* (Rad CLXII, 44); 14. *děž, dežjā* (Razprave I, 72); 15. *děž, dežjā* (Razprave I, 72); *děž, dežjón* (Małeckí, 1929, 35); 16. *dāš, dāžjā* (HDZ I, 156); 17. *daž'ja* (Małeckí, 1929, 17); 18. *daž, dažja* (Razprave I, 72), *dāž* (Rad CXVIII, 50); 19. *daž* (ZNŽO XXXI/2, 52); 20. *děž* (HDZ I, 326); 21. *děšć, dežd'a* (AfSPh XXIX, 320); 22. *děšć* (AfSPh XXIX, 320, 331); *dežd* (ZNŽO XXIX/2, 153); 28. *dešč* — только в значении 'вредный, проливной дождь', наряду с ним в обычном значении 'полезный дождь' — *gōdina* (Ljetopis LXI, 395); 30. *děšč* (Ljetopis LXI, 395); 31. *děšč* (Ljetopis LXI, 395); 37. *daž, dažja* (Razprave I, 72); 59. *dāж* и *dāж, dāжja* (СДЗб. XI, 179); 60. *dāž, dāžda* (Rad CLXIII, 70, Razprave I, 72); 64. *dāžd, dāžda* (Rešetar, 1900, 46); 65. *daždi* — мн. ч. (ZNŽO XXXII/1, 215); 66. *dāžd, dāždā* (Rešetar, 1900, 46); 67. *dāžd, dāžda* (Rešetar, 1900, 46); 68. *dāжд, dāжда* (СДЗб. IX, 227); 69. *дѣ^аж* (JФ XIII, 57); 70. *дѣ^аж* (JФ XIII, 57); 71. *дожд* (?) (СЕЗб. XLVIII, 332); 72. *дѣ^аж* (JФ XIII,

² В статьях этой серии при документации материала в целях экономии места во многих случаях дается ссылка только на серийные и периодические издания, из которых почерпнут материал, и не указываются авторы и названия трудов, помещенных в этих изданиях. Римская цифра означает номер тома, арабская — страницу.

Список пунктов с соответствующей нумерацией для карты 'Дождь' см. ниже, в приложении 1 (с. 139–140).

57); 77. дош (Селищев, 1929, 408) — единственный пример с македонской территории для более ясного определения границы изоглоссы (см. пункт 75); 85. дъеж (СДЗб. I, 242); 87. дъжд, дъаж (СДЗб. I, 50); 88. дъож (СДЗб. I, 76); 89. дъеж (СДЗб. I, 68); 90. дъеж (СДЗб. I, 68)³.

Наличие лексемы «К» обнаружено нами в следующих пунктах по следующим источникам⁴: 25. ZNŽO XVI/1, 31; 33. ZNŽO XVI/1, 153; 34. ZNŽO XVI/1, 157; 35. ZNŽO XXVI/1, 190; 36. ZNŽO VI, 55; 38. HNP VII, 110; 39. HNP VII, 21; 40. ZNŽO XXI/1, 146; 41. Kuhač, 1941, V, 301; 42. HNP VII, 154; 43. HNP VII, 78; 44. Kuhač, 1941, V, 349; 45. Kuhač, 1941, V, 300; 45. HNP VII, 230; 46. HNP VII, 230; 47. Kuhač, 1941, V, 305; 48. Kuhač, 1941, V, 304; 49. ZNŽO XXVI/2, 378; 50. HNP VII, 308; 51. HNP VII, 33; 52. HNP VII, 66; 53. ZNŽO XXVIII/2, 220; 54. ZNŽO VIII/1, 82; 55. HNP VII, 48; 56. ГЕМБ XV, 39; 57. Uvodić, 1957, 15; 58. ZNŽO IX/1, 125; ZNŽO VIII/2, 295; 61. ZNŽO XXXII/1, 231; 62. Djela VI, 218; 63. CEЗб. LXV, 349; 66. Rešetar, 1907, 241; 70. Rešetar, 1907, 241; 73. CEЗб. LXXIII, 118; 74. CEЗб. LVIII, 449; 75. ГЕМБ XI, 53; 76. ГЕМБ V, 135; 78. СДЗб. I, 315; 79. СДЗб. I, 194, 315; 80. СДЗб. I, 194, 348; 81. СДЗб. I, 194, 315, 348; 82. СДЗб. I, 194, 348; 83. СДЗб. I, 194, 348, 373; 84. СДЗб. I, 194, 315; 86. СДЗб. I, 194, 348; 87. СДЗб. I, 194, 348; СДЗб. II, 103; I. СДЗб. XII, 415 и собств. набл.; II. собств. набл.; III. CEЗб. VII, 158; IV. CEЗб. VII, 305, XII, 415; V. CEЗб. LXX, 558; VI. CEЗб. VII, 451.

Лексема «Г» по известным нам печатным источникам отмечается в следующих пунктах: 7. gòdina в значении 'мелкий дождь' наряду с *dâžd* — с основным общим значением 'дождь' (СЗДб. IX, 148); 9. gòdina (СДЗб. IX, 148); 24. gèdina (ZNŽO XII, 193); 26. gòdina (Ljetopis LXI, 395);

³ Транскрипция во всех случаях сохраняется такой, какая дана в использованном источнике; в некоторых случаях авторы, видимо, не придерживались строгой фонетической транскрипции (это относится, прежде всего, к этнографическим работам, но мы ими пользовались только в крайних случаях).

⁴ Ограничиваемся лишь указанием на письменный источник, так как в слове *киша* не отражаются какие-либо существенные фонетические и акцентологические процессы и собранный нами материал едва ли может быть использован в других целях, как, например, в случае со словом *дажд*.

27. *gòdina* (Ljetopis LXI, 395); 28. *gòdina* (Ljetopis LXI, 395) наряду с *dešč* — в значении 'вредный проливной дождь'; 29. *gòdina* (Ljetopis LXI, 395); 32. *godina* наряду с *vreme* в значении 'проливной дождь'.

На территории к югу от Загреба, по свидетельству З. Юнковича, употребляется и «новое заимствование из штокавского диалекта» *kiša*, которое слышится чаще, чем исконное слово *gòdina*, известное главным образом старикам (Ljetopis LXI, 395). То же самое положение должно быть, вероятно, и в Шушневом Селе и Чаковце (пункт 32), где к началу нашего века, по свидетельству Ю. Божичевича, употреблялось слово *godina*, но было известно и «господское» слово *kiša* («U proliću, a najviše u jeseni pada godina, ili ča se po gospodski veli, pada kiša» — ZNŽO V, 169), и в некоторых других западных районах. Лексема «Г» в значении 'дождь' в прошлом была, видимо, значительно шире распространена на территории кайкавского и чакавского диалектов и в Истрии (см. также: HNP, 1879, 20), и на северном далматинском побережье (ср. свидетельство Вука Караджича о том, что около Риеки Сеньской слово *година* означало 'благодатный, хороший дождь', см. Караџић, 1896, с. 19). В центральной и южной Далмации слово *година* означает погоду с довольно широким семантическим спектром — как хорошую, так и плохую. В Дубровнике, по свидетельству Вука, оно означает погоду вообще ('das Wetter', например: *данас је ружна година, јуче је била лијена година* — там же, с. 19). В значении 'погода' в Далмации, вероятно, лексема «Г» распространена в том же приблизительно ареале, что и лексема «Д». Довольно обычно ее употребление с эпитетом-прилагательным, дающим положительную или отрицательную качественную характеристику. Без эпитета, по свидетельству загребского академического словаря, где дана богатая коллекция примеров преимущественно из далматинских писателей (см.: RHSJ III, 236—237), лексема «Г» чаще всего означает ненастную погоду, иногда и бурю с дождем⁵. В тех же ме-

⁵ В обширной словарной статье *gòdina*, занимающей более двух страниц, RHSJ дает следующие значения: «а. annus, vrijeme preko kojega se zemlja jedan put okrene oko sunca; б. hora, sahat ура (с пометой, что встречается только в книгах на церковном или смешанном языке); с. tempestas, stanje atmosfere (vidi vrijeme)». Третье значение, в свою очередь, подразделяется на три «подзначения» (при этом дается по-

стах, где лексема «Г» употребляется в значении 'pluvia', она означает обычно 'тихий, благодатный дождь', а в значении 'ненастный дождь' параллельно употребляется или лексема «Д» (см. пункт 28), или лексема «В» (см. пункты 25 и 32). В собственно Хорватии (в районе Загреба и юго-западнее, почти до побережья, а может быть, и значительно шире) лексема «В» имеет почти ту же семантику, т. е. тот же круг значений, что и лексема «Г» в том ареале, где она не означает дождя ('pluvia'): это та же 'погода' в широком смысле, с эпитетом — 'хорошая погода', без эпитета чаще всего — 'ненастье, буря, буря с дождем', редко — 'ненастный дождь'⁶.

Чисто лексико-географическая (не семасиологическая) задача настоящей заметки не позволяет нам сейчас исследовать интересные параллели с другими славянскими языками и в первую очередь с семантикой русского слова *погода* (одного корня с *година*), имеющего в диалектах весьма сходные значения и семантические корреляции.

мета «po zapadnijem krajevima»): «a) uopće, o oluji, žestokoj kiši, grādu, jakom vjetru kaže se zla (rdava, crna itd) godina; nasuprot dobra (lijepa, tiha itd) godina; — b) kad nema pridjeva, obično je značenje: zla godina; — c) kiša, dažd, osobito tihi — po sjevernijem krajevima (vidi u Bjelostjenčevu, Jambrešićevu, Vukovu rječniku)». Кроме того, RHSJ дает словарную статью *gōdīnica*, уменьшит. от *gōdina*, где отмечаются вышеприведенные значения «a» и «с».

Для приблизительного определения ареалов различных значений лексемы «Г» интересно также свидетельство В. Богишича (см. его словарики к сборнику «Народне пјесме из старијих највише приморских записа», кн. I. Биоград, 1878, с. 356): *година* «С њима ти бијаше зла година устанула» (75.7) *tempestas*, зло вријеме. Сад се у доњем приморју чешће чује у смислу *intemperies*, зла времена. Значење *annus* уопће је познато, али се у Дубровнику и у Боци покрај мора каже: *годиште*; «Годиница в. година». Ср. также приведенные выше высказывания о значении лексемы «Г» в Дубровнике и Риеке Сеньской, сопровождаемые его замечанием: «а што код нас значи година, то се онамо свуда зове *годиште*» (там же, с. 19).

- ⁶ Ср. несколько примеров: Velidu: «Nočas je cilu bogovitu noć tuklo *vrime*, pucalo je, grmilo je, liskalo se i sivalo sa svi' stran, puvala je bura, a godina je lala, ko da se nebo otvorilo! Lala je godina, kot iz kabla» (ZNŽO V, 170, пункт 32); kad se nebo *zaskuri* ili *zacrni* iza Male Viničice od Trušmarije onda bi užalo bit dosta *vrmena* i *godine*. Veli se: *gusti oblaki*, *crni oblaki*, podigal se *crn*, *gust oblak*, *pun godine*, ka će se sad na *izlat* (там же, с. 169); *plako vrime* je onda, kad se iz crnega oblaka *izlije veliko vrime* (там же, с. 169); kad jejina po noći uče, bit će veliko vrijeme (ZNŽO XVI, 153, пункт 33); ... dok drugi do toga baš ništa ne drže veleći: «Krajnc dela kolendare, a Bog *vreme* (kišu)» (ZNŽO XVI, 21).

Ср.: а) «*погода* — буря, мятель, ненастье. Отсюда: погожливо — ненастно, а на море — бурно. Повсем. В Пин. у. говорят: погода»; *погóбде* — погода. *Погодые тепере теплее стоит*. Шенк. (Подвысоцкий, 1885, 124, 125); *погóбде*, я, с. ср. — *погóда*. *Худое, доброе, теплое погодые*. Арханг. Шенк. (Опыт, 1852, 162); *погоды*: погода. *По погоды* — в зависимости от погоды Пт. (Шах.) (Куликовский, 1898, 84); б) *погóда* — буря, ненастье; *погóдной* — бурный. *На реке шибко погодно* (Богораз, 1901, 109); в) *погóда*, ы. с. ж. — время дождливое или снежное. Нижегород., Новгор. Тихв. (Опыт, 1852, 162); г) *погóда* — зимнее ненастье, мятель. *Всего погодой (снегом) занесло* (здесь уже в значении самих атмосферных осадков. — Н. Т.) *Вчера погода была, дорога тяжела будет* — Ростовск. гов. Яросл. обл. (Сб. ОРЯС LXXII, № 3, 63); *Погода*: 1 снегопад. 2 буря, град (Мельниченко, 1961, 148); д) *погóда*, -ы, ж. = а) ясная, тихая погода, б) ненастная погода; а) *Посиди́ у моря, пожди́ погóбы...*, б) *Погóда (вьюга) велика́: заметет старика́* (К. И.) — Кашинск. (Сб. ОРЯС LXX, 5); е) *погóдушка* — ветер, буря, мятель. *Паду́й, паду́й пагодушка, нибольшенькая; погодли́вый* — ясный. *День бы́й ясный, пагодливый*. — Смоленск. (Добровольский, 1914); ж) *погóдиться* гл. об. — становиться худой погоде. Псков. Твер. Осташ. (Дополнение, 1858); *погóдица*, ы. с. ж. — вьюга, метель. Псков. Твер. Осташ. (там же); *погóдище*, а. с. ср. Время погоды. Псков. Твер. Осташ. (там же) [ср. любопытный словообразовательный параллелизм: в Истрии и Далмации, где употребляется лексема «Г» в значении непогоды или атмосферных осадков, в значении 'год' как мера времени употребляется тот же темпоральный суффикс — *godīšte* (пункт 7 — СДЗб. IX, 148), *ȳodišće* (пункт 16 — HDZ I, 159), хотя чаще, видимо, употребляется лексема *lito*]. Этот русский материал в общих чертах был известен еще В. И. Далю, отмечавшему, что «на юге, западе *погода* нередко значит ведро, хорошее, ясное, сухое время, в прочей же Руси *погода* значит непогода, ненастье; дождь, снег, метель, буря; *погода идет*, (ниж.) снег идет, метель» (Даль, III, стлб. 395).

Крайне любопытный семантический русско-чакавский параллелизм наблюдается и в ином, довольно отдаленном от рассматриваемых нами значении слова *година* и *погода*: *погóда*, ы. с. ж. собир. Молодые мужчины, приходящие на вечеринку для танцев (точно ли толкование? не сверстники ли? холостые парни в деревне были в середине XIX в. почти одного возраста. — Н. Т.) *Погода пришла. Было весело: погоды было много*. Кур. Обоян. (Дополнение, 1858, 186); *ȳōdina f. vršnjak, vršnjakinja*. О *ȳōdino, kāmo res?* (HDZ I, 159, пункт 16).

* * *

Приведенный материал сербскохорватского языка и некоторые русские параллели наводят снова на мысль, уже неоднократно высказывавшуюся некоторыми исследователями, о том, что зачастую недостаточно картографирования отдельных слов и реалий, но важно и отражение на карте их соотношений (см., например, Пиотровский, 1957, с. 34). В области фонетики такое картографирование отношений ведет к выявлению структурной типологии диалектов; в области лексики из-за большого числа единиц-лексем выявление коррелятивных отношений в пределах небольшой группы слов нельзя считать типологически показательным для всего языка, но в методологическом плане оно адекватно. Вот почему, если взять, например, исследуемые слова, недостаточно рассмотрения материала в чисто лексикографическом плане (постановка вопроса: «Как называется в говоре дождь: *киша*, *дажд*, *година*...?») или в плане чисто семасиологическом (постановка вопроса: «Что означает слово *година*: 'год', 'погода', 'неладье', 'дождь', 'ровесник'...?»). Часто важно сочетание этих двух планов и не только их сочетание, а структурные соотношения внутри узко ограниченного семантического микрополя.

Наш материал, например, в разных пунктах мог бы выступить в следующих соотношениях:

I (п. 73)	+	•	•
	×	к	в
	—	•	•

II (п. 10)	+	•	•
	×	д	в
	—	•	•

III (п. 64)	+	•	•
	×	д	г ↘
	—	•	

IV (п. 32)	+	•	•
	×	г ↗	в ↘
	—	в	

V (п. 28)	+	•	•
	×	г ↗	в
	—	д	•

VI (п. 7)	+	г	•
	×	д	в
	—	•	•

Типы III, IV и V можно было бы последовательно изобразить как:

(III) • • д г • г	(IV) Г • г в в в	(V) Г • г в д •
-------------------------------------	------------------------------------	-----------------------------------

Условные обозначения: левый квадрат — семантема 'дождь', правый — 'погода'; × — нейтральное качество, + (знак «плюс») — положительное качество, — (знак «минус») — отрицательное качество, • (точка) — степень качества манифестируется в говоре прилагательным-определением.

Отметим, что подобным образом могут фиксироваться и дальнейшие связи. Например, для VI типа (и ряда других) *vr̃ime* не только 'погода' (*tempestatas*), но и 'время' (*tempus*) (СДЗб. IX, 204); для III типа *gòdina* — 'погода' (*tempestatas*), а *vr̃ijème* — 'время' (*tempus*) и т. п. В этих случаях важен выбор той или иной семантемы (абстрактного понятия явления или предмета) для постановки в центр (в основу) соотношений.

Путем построения подобных семантических схем (при этом схема-модель должна быть единой для всех пунктов) могут определяться на карте основные и переходные типы (см., например, тип V). С точки зрения чисто типологической тип I равен типу II, а при установлении определенной степени инвариантности к ним можно приравнять и тип III, хотя с точки зрения традиционно-лексикологической в одном случае ('дождь') совпадут II и III, а в другом ('погода') — I и II. Семантическая схема-модель, применяемая к какому-нибудь микрополю, должна иметь максимальный спектр, т. е. быть с максимальным количеством структурно возможных, но обычно в таком объеме реально не существующих лексических манифестаций. Такой абстрактный максимальный спектр в сущности программируется по тому же принципу, что и фонологические модели для отдельных групп диалектов с максимальным набором дифференциальных признаков⁷. При соответственном наложении реально

⁷ Напомним, что подобный метод моделирования, как и ряд других рабочих методов, привнесен в языкознание из области точных наук. Ср. интересное рассуждение У. Росса Эшби о традиционной и современной геометрии: «Формы, существовавшие на Земле у животных, растений, минералов, были многочисленнее и богаче свойствами, чем формы, существовавшие в элементарной геометрии. В те дни форма, подсказанная геометрией, но не допускавшая наглядного представления в обычном пространстве, была сомнительной или неприемлемой. Обычное пространство господствовало над геометрией. Сейчас

существующих схем в конкретной группе диалектов на единую максимальную модель выясняются типологические соотношения диалектов. При этом сразу же обнаруживается такой важный показатель, как отсутствие в говоре тех или иных лексем и семантем. Традиционная диалектология почти не обращала внимания на нулевые показатели подобного рода. Они не фиксировались ни в областных словарях, ни в других работах по исследованию народных говоров (вплоть до атласов). А между тем диалект характеризуется ими не менее ярко, чем некоторыми основными положительными лексическими и семантическими показателями. Нулевые показатели дают ценный материал для определения в отдельных диалектах разных «мировоззрений», согласно пониманию Б. Уорфа, и связанных с ними различий в системе значений. В изучаемом нами материале, например, интересно отметить для значительного числа македонских и болгарских говоров, где зафиксирована лексема «Д», отсутствие параллельного употребления безличного глагола *дъждѹ* (pluit), неизвестного также во всем ареале лексемы «К». Но более любопытны такие примеры, как отсутствие в ряде родопских говоров лексемы *стоя* 'стоять' и наличие только лексемы *седя* 'сидеть'⁸, или отсутствие в одном из родопских говоров лексемы *небе* 'небо' и объединение двух семантем 'небо' и 'облако' в одной лексеме *облак*⁹, или, на-

положение совершенно другое... Геометрия теперь служит остовам, на котором все земные формы могут найти свое естественное место, благодаря чему становятся прозрачными отношения между различными формами» (Росс Эшби, 1959, с. 14—15).

⁸ Приведу лишь несколько примеров из собственных записей в селах Неделино (Узун-Дере) и Жълтуша (Саръкъс): *Седат прѣви. Оти седите прѣви?! Сенни! Сѣните!* [Стоят. Почему вы стоите?! Сядь! Сядьте!] (Жълтуша); *Цал' ден' сам прѣф сед'ал и јѣце су уморѹх* [Целый день я стоял и сильно устал]; *Хѣм си сидѹме, хѣм си мухабетоваме* [И сидим и беседуем] (Неделино). То же явление наблюдается в говорах других сел.

⁹ Ср.: *Облакѹт излѣзе от там нам не лѣтна даш* [Облако (туча) вышло оттуда, нам (у нас) не пошел дождь]; *Облакас минѹ приз горѹ и на нам не летѹ* [Облако (туча) прошло (поднялась) по верху (по небу; точнее: появилось на небе) и нам (у нас, для нас) не идет дождь]; *Ејсѣа се казва облаци* [Это называется облаками]; *Мѹтичко облаче* [Маленькое облачко]; *Облакас је не хѹбаф, нѣма да летѹ* [Небо нехорошее, не будет дождя]. Значение 'облако' или 'небо' в говоре в общем зависит от широкого «контекста», от речевой ситуации. Интересен случай, когда для дифференциации значений при встречаю-

конец, отсутствие в южных македонских (эгейских) говорах лексемы и семантемы 'берег', где наши привычные по литературным языкам представления «на берегу, берег реки» передаются представлениями «у реки, на суше» и т. п. Впрочем, это явление, надо полагать, свойственно вообще многим материковым южнославянским говорам.

2. 'Саламандра'

С изолексами *дажд* — *киша* — *година* не совпадают, но генетически связаны изолексы *даждевњак* — *бурњак* — *кишњак* и др.

Саламандра (*Salamandra maculosa*), небольшое земноводное, напоминающее ящерицу с большими черными и меньшими желтыми пятнами, появляется обычно после дождя или накануне дождя, заползая на более высокие, сухие места, а в засушливое время спускается к воде. Саламандра давно поражала воображение народа, и с нею связаны многочисленные легенды, суеверия и фантастические представления. В западной и южной Европе и на Востоке еще в средние века верили, что саламандра не горит в огне и даже питается огнем (Langlois, 1911). Эти чудесные свойства описывались и в древнеславянском «Физиологе» (Карнеев, 1890, с. 330—333), и в древнерусской «Козмографии» (Космография, 1878—1881, с. 94). У южных славян, в частности у сербов и хорватов, есть верования, что саламандра падает с неба вместе с дождем, что ее нельзя убивать, а если ее убить или на нее наступить и вообще побеспокоить, она может так завиз-

щихся в одной фразе двух семантемах используется тройной член (*зс* — ближайший предмет, *зт* — нейтральный к месту, *зн* — более отдаленный, хотя он выражает и другие, например временные, отношения): *Изл'ало облаче на облакѣн* [Вышло облачко на небо]; *Изл'ал је облак на облакѣн* [Вышло облако (туча) на небо] (с. Жълтуша, собственные наблюдения, 1959 г.).

В южномакедонском говоре села Жельово (Леринско) объединены семантемы 'облако, туча' и 'радуга' (ср. известную на Балканах поговорку-поверье о том, что радуга спускается пить воду — *облако се пјушчи, вбѡа пјује*, где *-о* — членная форма при сущ. м. р. *облак* 'радуга'); то же положение фиксируется в Трсье (Леринско): *облак го велиме; облак—ц'рвено и сино* 'радуга' наряду с *облак, облаци* 'облако', 'облака'.

жать, что оглушит человека; македонцы верят, что саламандра предсказывает урожай, боснийцы — что она помогает овладеть ремеслом, рукоделием и т. п.¹⁰

В сербскохорватских говорах зафиксировано значительное число различных названий саламандры. Самую полную коллекцию диалектных слов, правда, без достаточной лингвистической точности, собрал проф. М. Хирц, труд которого и дал нам возможность составить прилагаемую карту (см. карту 2). М. Хирц приводит в азбучном порядке следующие названия: *budževnak*, *budžovnak*, *burlać*, *burnik*, *burnjak*, *dažd*, *daždenjak*, *daždevnik*, *daždevnjak*, *daževnik*, *daževnjak*, *daželjnjak*, *deždenjak*, *diždenjak*, *draželnjak*, *droždenjak*, *druždenjak*, *druždevnjak*, *drždenjak*, *duždenjak*, *duždevnjak*, *duževnik*, *duževnjak*, *dužnjevjak*, *gidenjak*, *glušac*, *glušak*, *godinjak*, *godinjarec*, *godinščak*, *godnjača*, *kišnjak*, *mačerat*, *mađarolin*, *mađaron*, *maslenjak*, *meglenščak* (*močorad*), *nebec*, *putrenjak*, *raut*, *šarac*, *šarek*, *šarič*, *šarogačac*, *šuljina*, *tuđevnik*, *vodenjak*, *vremenjak*, *vremenjača*, *znebač*, *zebak*, *zebar*, *znebec*, *žanjgor*, *ždral*, *žduždevnjak*, *žunger*, *žunger* (Hirtz, I, 13).

Легко заметить, что большинство из этих названий связано с дождем (*даждевњак*, *годињак*, *кишњак*, *времењак* и т. п., у некоторых затемнена внутренняя форма — *друждевњак*, *дижђењак* и т. п.), с непогодой (*бурњак*, *мегленишњак*), с водой и мокретью (*водењак*, *мочорад* и т. п.), затем с внешним обликом (*маслењак*, *путрењак* — желтые, как масло, пятна; *шарац*, *шарогачац* и т. п.), с повериями (*небец*, *знебец* — падает с неба, *глушац* — оглушает) и др. Наибольшее разнообразие названий наблюдается на крайнем западе, а в центральной зоне распространения сербскохорватского языка и на востоке — относительное однообразие.

В результате знакомства с доступным нам материалом название саламандры зафиксировано нами в восьмидесяти двух пунктах¹¹ (слова, не имеющие указания на источник, почерпнуты из книги Hirtz, I):

I. *даждевњак* и подобные от *дажд*: 1. *deželnjak*; 2. *daževnik* наряду с *vremenjak* и *burnjak*; 3. *daževnjak*; 24. *dažde-*

¹⁰ Более подробно о верованиях, связанных с саламандрой, см.: Ђорђевић, II, с. 185—193, а также в словаре М. Хирца соответственно под разными названиями саламандры: Hirtz, I—II.

¹¹ Список пунктов с соответствующей нумерацией для карты «Саламандра» см. ниже, в приложении 2 (с. 140—141).

njak; 25. *daždenjak* (ГЗМ XIX, 323); 31. *deždenjak* (ZNŽO XVI, 49); 45. *daždenjak* (ZNŽO VIII, 217); 48. *deždenjak* наряду с *vođenjak*; 57. *daždenjak*, но наряду с ним и *dažd* (ГЗМ XIX, 323) — очень любопытный пример, так как в области Зворника в значении 'дождь' употребляется только *киша*; *дажд* стал означать саламандру — внутренняя форма, вероятно, уже затемнена; 67. *даждевњак* (СЕЗБ. XIII, 403); 68. *даждевњак* (СЕЗБ. XIII, 403); 72. *деждевњак*; 73. *даждевњак* (СЕЗБ. XIX, 39); 74. *даждевњак* («Караѿић», III, 1901, 236; Hirtz, I, 27); 75. *деждевник*; 76. *даждевник* (СЕЗБ. VII, 502).

II. Внутренняя форма слова *даждевњак* затемнена или утеряна. В лексеме *дуждењак* и под. можно предположить контаминацию значения с *дѹжд* 'венецианский дождь', *dux Venetiarum* (возможно, и по внешней яркой окраске саламандры), а в лексемах *дражелник*, *дужевњак* — с глаголами *дражити* 'возбуждать, очаровывать', *дѹжити се* 'простираться', диал. 'ползти'¹² и т. п.

4. *draželnik* наряду с *glušac*; 6. *dužnjevak*; 9. *dužnjevak*; 10. *duževnjak*; 12. *duževnjak*, наряду с ним известно шуточное название *šarogačac*; 17. *duževnik*, наряду с ним — *godinščak*; 49. *droždenjak*; 54. *duždenjak* (ГЗМ XIX, 323); 55. *druždevnjak* (ZNŽO VIII, 85); 56. *duždevnjak* (Bosanska Vila, 1886, I, 364); 58. *ждуждевљак*; 63. *дуждењак* — наряду с ним *ждрал*; 71. *држдевњак*.

III. *бурњак* и под. от *бура* (бура, непогода): 2. *burnjak* наряду с *daževnik* и *vremenjak*; 8. *burnjak*, наряду с ним *vremenjak* и *šarić*; 18. *burnjak*; 19. *burnjak*; 27. *burnjak*; 38. *burnjak*; 41. *burnjak*; 43. *burnjak*; 44. *burnjak*; 50. *burlač*; 52. *burnjak*; 53. *burnjak*; 59. *бурњак*; 60. *бурњак*; 61. *бурњак*; 62. *бурњак*; 64. *бурњак*; 65. *бурњак*; 66. *бурњак* (СЕЗБ. VIII, 495); 69. *бурњак*; 70. *бурњак*.

В словаре Караджича приводится также *бурник* с пометой «у Ц. г.» (т. е. в Черногории), но нами на карте из-за невозможности более точной топографии не отмечается. По той же причине не отмечен *бурњак* в пункте Црнилево (Сербия) — не найден в указателе населенных пунктов и на карте.

IV. *кишњак* от *киша*: 38. *kišnjak* наряду с *burnjak*; 40. *kišnjak*; 46. *kišnjak*; 51. *kišnjak*.

¹² Ср. свидетельство М. Хирца: «U selu Ugrini u Vinodolu rekoše mi, da se duževnjak zato tako zove, jer duži (sporo ide)» (Hirtz, I, 30).

V. *годиниак* от *година*: 14. *godinjarec*; 15. *godinjak*; 16. *godinjak*; 20. *godnjača*; 35. *godinščak*, наряду с ним *madjarolin*; в пункте 29 зафиксировано *gidenjak* (ZNŽO XIII, 96), вероятно, с затемнением внутренней формы.

VI. *времењак* от *време*: 2. *vremenjak* наряду с *daževnik* и *burnjak*; 8. *vremenjak* наряду с *burnjak* и *šarić*; 21. *vreme-njača*; 26. *vremenjak* наряду с *raut*.

VII. *водењак* от *вода* (вода): 23. *vodenjak*; 47. *vodenjak*; 48. *vodenjak* наряду с *deždenjak*.

VIII. *шарац* от *шара*, прил. *шарен* (узор, пестрый): 8. *šarić* наряду с *burnjak* и *vremenjak*; 22. *šaras*; 28. *šarek*. В пункте 12 отмечено шуточное название *šarogačas* наряду с *duževnjak*.

IX. *глушац* от прил. *глух* или глаг. *глушити* (глушить): 6. *glušac* наряду с *dužnjevak*; 11. *glušak*. И. Кукулевич Сакцинский в книге «Putne uspomene» (1873, s. 41) отмечает форму *gluvaја*.

X. *знебец* от предлога *с* и сущ. *небо*: 32. *znebec*; 33. *znebar*; 34. *znebac*; 36. *znebak*, *nebec* наряду с *žanjgor*; 37. *znebac* наряду с *žunger*, *žungor*.

XI. *žanjgor*: 36. *žanjgor*; 37. *žunger*, *žungor*.

XII. *ždral*: 13. *ždral*; 63. *ждрал* наряду с *дуждењак*. Почти на всей сербскохорватской территории *ždral* означает 'журавль' (*Grus grus*, см. Hirtz, II, 586—587); причины расширения значения на саламандру нам не совсем ясны; на карте обозначен знаком Ж.

XIII. Остальные названия отмечены только один раз: а) 5. *mačirat*, то же, что словенск. литер. *močerad* (ср. *moča* 'влага, сырость' и *rad* 'рад') — на карте знак I; б) 7. *šuljina* от *šulj* (?) 'желвак', 'кожура, покров на зерне, который не счищается' (неясно. — Н.Т.) — на карте знак II; в) 30. *putrenjak* от *puter* 'масло', согласно М. Хирцу, «što su po njem kao "puter" žute peče» — на карте знак III; г) 35. *madjarolin*, *madjaron*, вероятно, от *madjar* 'мадьяр, венгр', употребляется наряду с *godinščak* — на карте знак IV; д) 39. *maslenjak* от *maslo*; ср. *putrenjak* — на карте знак V; е) 42. *tudjevnik*, вероятно, от *duževnik* и т. п. при контаминации значения с *tudji* 'чужой, чуждый' — на карте знак VI; ж) 26. *raut* наряду с *vremenjak*, этимология нам неясна — на карте знак R.

Кроме того, видимо, на территории Словении, соседящей с Хорватией (если точна наша топография), в Брлоге на Купе зафиксирована лексема *budževnak* (Hirtz, I, 13) — веро-

ятно, от *duždenjak*, после перестановки сочетания *žd* (ср. *ždužděvljak*, пункт 58) и, наконец, в результате контаминации с *būdj, būdja* — 'плесень'; возможно, и непосредственно от *būdj, būdja* (ср. *būdžara* — 'лягушонок'); на карте обозначено знаком В. Известно также название *meglenščak* — от *megla, magla* 'туман, сырость'; топографировать нам не удалось, так как известно только по журналу «Zora» (1852, s. 99 — см. Hirtz, I, 87).

К сожалению, мы не располагаем материалом из Истрии, с далматинских островов, из Черногории, из значительной части Герцеговины, с Косова и Метохии. Изоглоссы, вероятно, продолжались бы на словенской, македонской и болгарской территориях. Однако нам известно только, что в словенском литературном языке употребляется *močerad*, в болгарском литературном языке и в диалектах — *дъждовник*, хотя, по свидетельству словаря Ст. Младенова, имеется также диалектное название *мъглев гуцер* (Младенов, 1951, с. 619), в македонском литературном языке *дождалец* (МППР, 99). Лексема *дъждовник, дождалец* характерна, видимо, для большинства болгарских и македонских диалектов¹³.

* * *

Сравнение прилагаемых нами двух карт, при всей неполноте зафиксированного на них материала, показывает, что изоглосса *дажд* в общих чертах совпадает с изоглоссой *даждевѣнак* (хотя на востоке изоглосса *киша* доходит почти до болгарской границы и, надо полагать, в ряде мест ее переходит). В ареале распространения лексемы *киша* отмечаются лексемы *бурѣнак, кишѣнак* и *дужѣнак, друждевѣнак* и т.п., т. е. лексемы, восходящие к *дажд*, но с затемненной внутренней формой. Это убедительно свидетельствует о том, что

¹³ К сожалению, более подробно нам известен только материал южно-македонских (эгейских) диалектов, преимущественно из района Лерина и Костура: *дѣжарка* (Герман, Лер.); *дѣжарка* (Жельово, Лер.); *дѣжарка* (Стрково, Лер.); *дожарка* (Оровик, Лер.); *дождарка* (Пателе, Лер.); *дѣждарка* (Лѣк, Лер.); *дождарка* (Папли, Лер.); *дѣжарка* (Граждено, Лер.); *дожарка* (Нерет, Лер.); *дожалница* (Трсье, Лер.); *жегуйца* (Стребрено, Лер.) — ср. поверие о жизни саламандры в огне; *дожарка* (Руля, Кост.); *дожарка* (Шешево, Кост.); *дожолѣц, дожуварка* (Ловраде, Кост.); *дужѣвар* (Нестрам, Кост.); *дождоуница* (Тресино, Воденско); *солумѣндра* (Баровица, Кукушко), из греческого: ср. новогреч. литер. *σαλαμάνδρα*.

современное распространение лексемы *киша*, образующее широкий центральный клин, — результат поздних инноваций. Наличие в говоре галлиполийских сербов лексемы *điš* (см. СДЗБ. XII, 502) показывает, что приблизительно в XV в. в Сербии в районе Ягодины эта лексема употреблялась и современное *киша*, вероятно, отсутствовало. Любопытно и наличие лексемы *дажд* в пункте 61 только в значении 'саламандра'. Наша карта не дает нам возможности представить себе, где находился эпицентр инновации *киша* (крайне огорчительно отсутствие подробного материала из Герцеговины, где, вероятно, как и в словаре Караджича, распространены две основные лексемы — *киша* и *дуждевњак*, из-за своей «обычности» не фиксирующиеся в диалектологических работах). Видимо, следует провести подобную работу и с рядом других слов, ареал которых в известной мере совпадает с ареалом *киша*. Несколько таких слов указано И. Поповичем в немецком издании его «Истории сербскохорватского языка» (Porović, 1960): *гвождје* (*гвѣждје*) наряду с *жѣљезо* и т. п., *чађа* (*чађ*) наряду с *сѣђа* и т. п., *знѣј* наряду с *пѣт* (*пѣт*), *брк* наряду с **рсѣ* (пример малоудачен. — Н. Т.); к ним можно добавить *вајтра* наряду с *огањ*, *кѣпус* наряду с *зѣље*, *блѣстав* наряду с *лѣскав* и ряд других. Однако наиболее интересен выбор двух или нескольких слов, которые первоначально были семантически тесно связаны, а затем эта связь утрачивалась. Очень ценный материал могут представить и данные топонимии. Так, например, если верить очень приблизительной карте И. Поповича, где дан ареал слова *гвождје*, то на территории его распространения окажутся такие пункты, как *Жѣљезно Поље* (Босния, около Зеницы), *Железник* (около Белграда), *Железница* (около Ушча, Сербия) и др.

Проведенные нами наблюдения и некоторые выводы нуждаются в дополнительной проверке на более точном и обильном материале; было бы важно ликвидировать некоторые белые пятна на наших картах. Задача наших двух замечаний — обратить внимание будущих составителей атласа сербскохорватского языка, а возможно, и общеславянского, на несколько интересных фактов и связанных с ними проблем. Если составители атласа сочтут возможным включить в программу интересовавшие нас вопросы, мы будем считать нашу цель достигнутой.

Отметим еще два практических вывода. Первый: существующих печатных материалов в общем достаточно для ряда предварительных пробных работ по картографированию. Сбор материалов на месте — большое и трудное мероприятие, которое можно проводить лишь раз в несколько десятилетий. Русский и болгарский атласы бедны лексическими картами — в них выбор лексики производит впечатление довольно случайного. Этого следует избежать при работе над сербскохорватским и общеславянским атласом. Второй: предложенное в докладе Р. И. Аванесова и С. Б. Бернштейна на IV Международном съезде славистов число пунктов для сербскохорватского языка — 60 (см.: Лингвистическая география, 1958, с. 29) — недостаточно. На нашей карте 'Дождь' около 100 пунктов, на карте 'Саламандра' — 80, но и этого мало для четкого выявления изоглосс (тем более фонетических, акцентных и морфологических).

Приложение 1

Список населенных пунктов карты 'Дождь'¹⁴

1. Журцани	21. Копривница
2. Врсар	22. Вирје
3. Перој	23. Питомача
4. Трвиш	24. Пригорје (крај)
5. Мрчана	25. Самбор
6. Мали Млун (код Бузета)	26. Горњи Ступник
7. Водице	27. Велика Горица
8. Лабин	28. Чрнковац
9. Жејане	29. Букевје
10. Кастав	30. Заблатје
11. Делнице	31. Обед
12. Брод на Купи	32. Шушњево Село (исто: Чаковац)
13. Равна Гора	33. Липово Поље
14. Хрељин	34. Осик Лички
15. Црес (остр.)	35. Госпић
16. Сисак (остр.)	36. Краље (код Бишћа)
17. Нова Башка (остр. Крк)	37. Зларин
18. Раб (остр.)	38. Плелетерница (код Слав. Пожеге)
19. Новаља (остр. Паг)	
20. Бедња	

¹⁴ Арабскими цифрами обозначены населенные пункты; римские цифры обозначают области или районы.

39. Драговци (код Слав. Брода)	66. Прчањ
40. Варош	67. Озринићи (крај)
41. Шамац	68. Црмница (крај) (Вир, Папрат-
нице, Лимљани)
42. Плехана (код Дрвенте)	69. Жабљак
43. Леванска Варош (код Такова)	70. Подгорица
44. Андријевци (код Брода на Са-
ви)	71. Кучи (крај)
45. Оток (код Винковаца)	72. Андријевица
46. Комлетинци (код Отока)	73. Доња Шатроња (крај — Јар-
меновци)
47. Габарац (код Шида)	74. Груза
48. Ердевик	75. Копаоник (крај)
49. Кола	76. Призрен
50. Бареве	77. Полог (крај) (Македонија)
51. Травник	78. Ниш
52. Витез	79. Врбица
53. Боровичани (код Вареша)	80. Боровац
54. Високо	81. Краљево Село
55. Крешево	82. Ошљане (исто Ново Корито)
56. Доњи Бинач (око Власенице)	83. Књажевац
57. Сплит	84. Доња Каменица
58. Пољица (крај)	85. Балтабериловци
59. Корчула (остр.)	86. Рудиње
60. Трпањ	87. Пирот
61. Дрвеник (код Макарске)	88. Бабушница
62. Подвележје (крај)	89. Корбевац
63. Попово Поље (крај)	90. Вишевец
64. Дубровник	
65. Конавли (крај)	
I. Банат	IV. Косово Поље
II. Београд и околина	V. Лесковачка Морава
III. Левач и Темнић	VI. Скопска Црна Гора

Приложение 2

Список населенных пунктов карты 'Саламандра'

1. Бакар	8. Дрежница (катор Огулин)
2. Бегово Раздоље (у Горском Котару)	9. Трибаль (у Винодолу)
3. Шкрљево (код Бакра)	10. Свети Вид (у Винодолу)
4. Врата (у Горском Котару)	11. Котор (у Винодолу)
5. Равна Гора (у Горском Котару)	12. Угрини (у Винодолу)
6. Грижане (у Винодолу)	13. Перушић (у Лици) — топогра-
фия приближителна
7. Црквеница (исто Селце)	14. Десинец

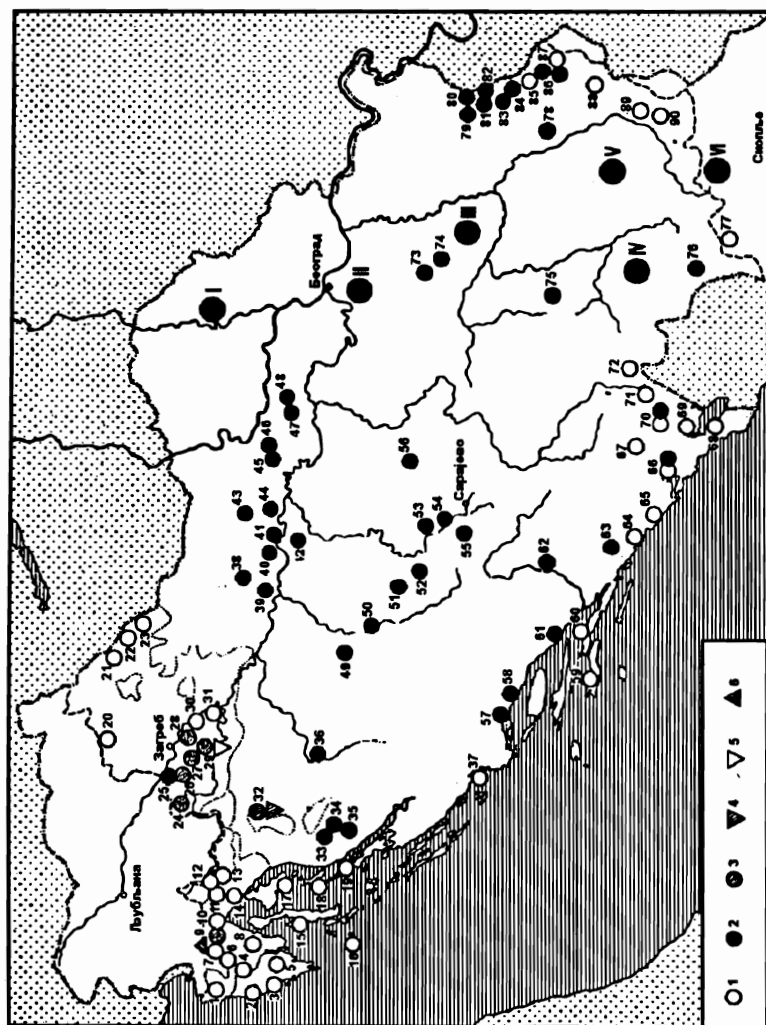
15. Сошице (у Жумберку)	45. Пољица (крај)
16. Каље (у Жумберку)	46. Свиб (код Макарске)
17. Крашић (у Жумберку)	47. Виница
18. Перјасица	48. Имотски
19. Војнић	49. Пожега
20. Слуњ	50. Јелисавци (код Нашица)
21. Подум (код Оточца)	51. Ђаково
22. Врховине (код Госпића)	52. Прњавор
23. Раковица	53. Костајница
24. Карлоба (код Госпића)	54. Жепча
25. Могорип (код Метка)	55. Високо
26. Грачац	56. око Сарајева
27. Подови	57. Власеница
28. Марија Бистрица (у Загорју)	58. Крупань
29. Пригорје	59. Шабац
30. Пушпа-Бистра (у Загорју)	60. Валево
31. Самобор	61. Уб
32. око Загреба	62. Горња Буковица (код Каменице)
33. Чучерје (код Загреба)	63. Ужице
34. Сесвете (код Загреба)	64. Чачак
35. Шестине (код Загреба)	65. Рача
36. Вигровец (код Загреба)	66. Гружа
37. Грачани (код Загреба)	67. Левач (крај)
38. Глина	68. Темнић (крај)
39. Заистовац (код Крижеваца)	69. Јошаничка Бања
40. Свети Иван-Жабно (код Крижеваца)	70. Рашка
41. Бјеловар	71. Бијело Поље
42. Северин (код Булинца?) — топография приближителна	72. Крушевац
43. Дарувар	73. Хомоље (крај)
44. Дубица (код Мрконић Града?) — топография приближителна	74. Неготинска Крајина
	75. Матевац (око Ниша)
	76. Скопска Црна Гора (крај)

Для составления прилагаемой карты использованы следующие пособия:

1. Карта «ФНР Југославија», масштаб 1 : 600 000, изд. «Геокарта». Београд, 1956.

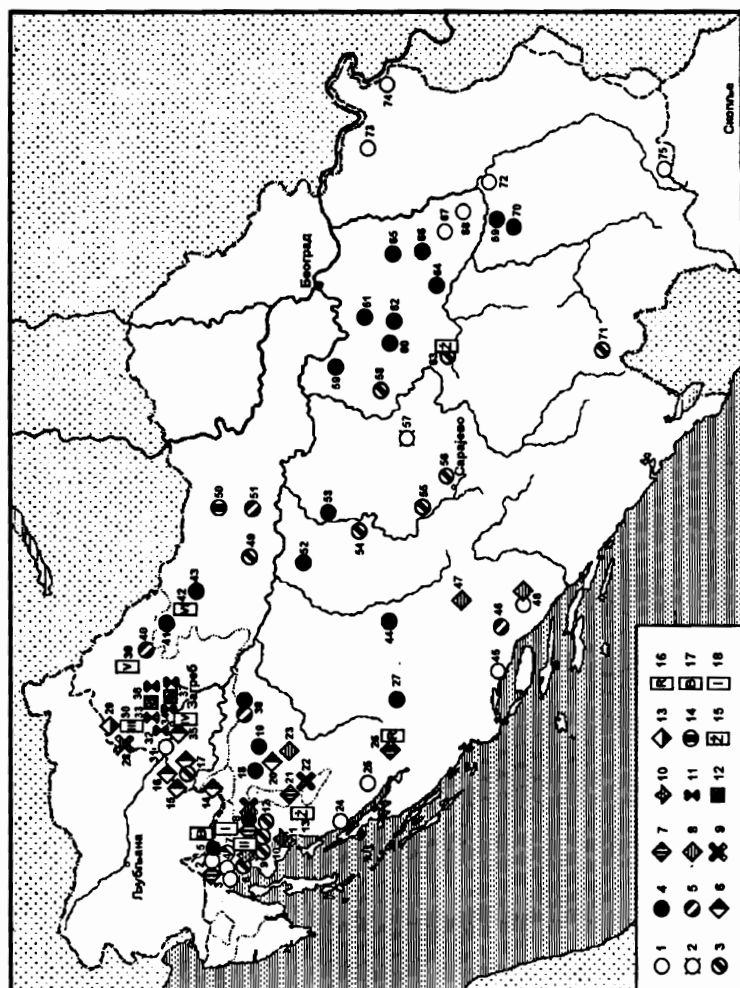
2. Imenik mesta. Pregled svih mesta i opština, narodnih odbora srezova i pošta u Jugoslaviji. Београд, 1956.

3. Диалектологическая карта сербскохорватского языка — в кн.: Р. Ivić. Die serbokroatischen Dialekte, ihre Struktur und Entwicklung. Bd. I. 's-Gravenhage, 1958.

Карта 1. 'Дождь'.

1 — дождь; 2 — туман; 3 — туман; 4 — туман (дождь ненастный); 5 — дождь (дождь ненастный); 6 — дождь (дождь благоприятный)

Карта 2. 'Саламандра'.

1 — даждењак; 2 — дажд; 3 — дуждењак и друге с затемненом унутрешњом формом; 4 — бурњак; 5 — кишњак; 6 — годинак; 7 — времењак; 8 — воденак; 9 — ширац; 10 — глушац; 11 — знебак; 12 — жуњер; 13 — гиденак; 14 — бурлач; 15 — ждрал; 16 — раут; 17 — буљевањак; 18 (1—VI) — разне називања.

3. Правый — левый

Связь понятий и представлений о правой и левой стороне (*resp.* правой и левой руке и т. п.) с понятием и представлением о положительном и отрицательном моменте (*resp.* правде — кривде, доброте — зле, прямо́те — кривизне, удаче — неудаче, легкости — трудности и т. п.) восходит к очень глубокой древности. Она характерна не только для большинства индоевропейцев и отражена в их языке, фольклоре, мифологии, обрядах и поверьях, но и для угро-финнов, северо- и южноамериканских индейцев, полинезийцев и др. Рассмотрению этой характерной семантической связи посвящено разностороннее по материалу исследование А. Я. Шайкевича (Шайкевич, 1960). Ряд любопытных примеров, относящихся к этой же теме, привел недавно А. М. Финкель (преимущественно из русского языка) (Финкель, 1963). Однако рассмотрения исключительно славянского материала и притом в лингвогеографическом аспекте до сих пор не было. Картина же славянского языкового мира в отношении интересующих нас слов такова.

Восточнославянский диалектный континуум повсеместно представлен дихотомией лексем **pravъ* — **lěvъ*¹⁵ (русс. *правый* — *левый*¹⁶; укр. *правий* — *лівий*; белор. *правы* — *левы*), западнославянский демонстрирует то же соотношение (польск. *prawy* — *lewy*; чеш. *pravý* — *levý*; словац. *pravý* — *ľavý*; в.-луж. *prawy* — *lěwy*), для основного же массива южнославянской территории характерна дихотомия **desъnъ* —

¹⁵ Лексемы в реконструированном «праславянском» облике используются нами как формы языка-посредника для современных славянских языков, имеющих для тех же лексем различные фонетические и морфологические соответствия.

¹⁶ В восточнославянских памятниках письменности обильно представлены лексемы деснын, десница 'правый', 'правая рука'. Значительное число примеров можно найти хотя бы в известных «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского (см. т. I, СПб., 1893, стлб. 655—656). Крайне любопытно отмеченное И. И. Срезневым значение для деснын 'правый, истинный, достойный' — *деснаѣ творѣ въ всѣмъ* (Житие Феодора Стратилата из сборника житий XVI в.), не известное, по моим данным, в восточнославянских диалектах.

**lěvъ* (болг. *десен* — лев; макед. *десен* — лев; серб.-хорв. *десни* — лев; словен. *desni* — *levi*)¹⁷.

На славянском Юге, однако, есть три небольших островка в крайнем северо-западном, южном и юго-восточном углу: в зоне северных чакавских диалектов (островных и истрийских) и в расположенных севернее их западнорусских диалектах (резьянских, терских, каринтийских и др.), в южномакедонских селах Висока и Зарово около Салоник, а также в уже почти исчезнувших болгарских юго-восточных фракийских говорах, располагавшихся ранее на юго-западных склонах Южных Родоп, в округе городов Димотика и Гюмюрджина (на территории современной Греции) представлены лексемы **pravъ*, **dobrъ* 'правый'; **lěvъ*, **kriivъ*, **xudъ* 'левый'. К ним в семантическом аспекте приближается небольшой соседний островок, находящийся в центральной части тех же Южных Родоп, — диалект помацкого села Тихомир, где зафиксирована лексема **l̥stbnъ* 'правый'.

Об этом свидетельствует следующий материал:

Резьянский диалект

Говор пункта Нива и др.

'правый'

'левый'

**pravъ*

**xudъ*

**dobrъ*

Tána to dóbro róko, tána to práwo róko. Tána húdo róko; húda róka. 'Auf die gute Hand, auf die rechte Seite. Auf die schlimme Hand; schlimme Hand (linke Seite)' (Baudouin de Courtenay, 1895, S. 154, № 473; Бодуэн де Куртенэ, ркп., ф. 102, оп. 1, № 9, слово *húdi*).

Ánu jīsa wóda na jǽ ná te dóbro róko tèt na hörǽ h Pǽjy-nu. 'Und dieser Fluß, er ist (bleibt) rechter Hand, wenn man zum Pejín' (Baudouin de Courtenay, 1895, S. 181, № 593).

Swa šlá rúde na te dóbrъ kráj za jītet dóló ti Bǫjsken... 'Wir gingen fortwährend der rechten Seite um hinunter zu den San Giorgiern zu dehen...' (там же, S. 173, № 568).

В резьянском диалекте лексема **dobrъ* манифестирует не только семеме 'правый', но и 'добрый', 'хороший', так же, как и лексема **pravъ* помимо семемы 'правый' манифестирует семеме 'настоящий', 'подлинный', а лексема **xudъ*

¹⁷ Словенский литературный язык, однако, имеет и лексему *pravi* в значении 'правый' в устойчивом сочетании *na pravo roko* 'по правую руку, направо'.

семеме 'левый' и 'плохой', 'бедный, худой', что видно из нижеследующих примеров.

Te döbrъ mûš. Ōd jitohá dóbraha mûža 'Dieser gute Mann. Von diesem guten Manne' (там же, S. 140, № 473).

Kráju je paršlâ šhcé na böjcé húda létera, d am móé j poslât toga právaga sfnu. 'Zum Könige kam ein noch schlimmerer (stärkerer) Brief, er solle den echten Sohn herschicken' (там же, S. 10, № 20).

Dáj mi kaj, dóbraha alboj krívaha; kaj dóbraha za jcést, za pčt... 'Gib mir etwas gutes oder schlechtes; etwas gutes zum Essen, zum Trinken...' (там же, S. 69, № 259).

X'údo jfro N. 'плохой час'; ta na húdo róko N. 'левая рука' (Бодуэн де Куртенэ, ркп., слово *hūdi*).

Терский диалект

'правый'

**dobrъ*

Говор пункта Тер и др.

'левый'

čampni

Ta-dóra-nóa. Ta-čampna ta-drúa na-э zdráva; ta-drúa (= drúwa) nóa nэ — zdráva. 'Правая нога. Левая другая — здорова; другая нога здорова' (Бодуэн де Куртенэ, 1904, с. 102, № 500).

В терском диалекте, так же, как и в резьянском, лексема **dobrъ* выражает и семему 'правый' и 'хороший', 'добрый', что видно из следующего примера: Tó-je málo jére, ké nu-mjéjte doró sárce 'Мало попов (священников), у которых доброе сердце' (там же, с. 115, № 587).

Что же касается лексемы *čampni*, то она, видимо, заимствована из итальянского и соотносится с литературным итальянским *setteppare* 'медленно или неловко делать', что семантически вполне объяснимо, особенно в свете фактов соседних диалектов (ср. *dóbra róka* — *húda róka*), если, правда, не предполагать, что толкование И. А. Бодуэна де Куртенэ ошибочно.

Лексема **pravъ*, выражающая семему 'правый, dexter', а также 'настоящий, justus' и 'прямой, rectus', широко распространена в каринтийских (корошских) словенских диалектах¹⁸, где существует, как мы полагаем, соотношение **pravъ* — **lěvъ*, наблюдаемое и в чакавских говорах.

¹⁸ А. В. Исаченко справедливо возражал П. Лесияку (Lessiak, 1910, с. 278), полагавшему, что словенское корошское *řaу* возникло под влиянием немецкого *recht*. А. В. Исаченко отмечал, что речь идет о

Северночакавский диалект. Говор пункта Врбник на острове Крке:

‘правый’
*pravъ

‘левый’
*lěvъ

...gredu od jedne live do jedne prave i od jedne spridne do jedne zadnje deski od ula (Žic, 1916, s. 28) ‘...идут от (одной) левой до (одной) правой и от (одной) передней до (одной) задней доски от улья’; Kada ki ženje, zeme serp va pravu ruku; s livon rukun čapa struki, koliko više more... (Žic, 1949, s. 56) ‘Когда жнут, берут серп в правую руку; левой рукой захватывают колосья (стебли), как можно больше’.

То же положение наблюдаем в пункте Добринь на острове Крк:

...i to njen špagon vežu prave ali live nogi, spridnju i zadnju... (Jelenović, 1949, s. 142) ‘...и им веревкой вяжут правые или левые ноги, переднюю или заднюю...’

и в пункте Бели на острове Црес:

...na levu al na pravu ruku... ‘...на левую или на правую руку...’ (Bortulin, 1924, s. 359).

Северночакавский диалект. Говор пункта Црес на острове Црес:

‘правый’
*pravъ

‘левый’
*krivъ

По свидетельству М. Тентора, на Цресе «*kriva (ruka)* = *lijeva*, так же *prâva (ruka)* = *desna* (Tentor, 1925—1926, s. 209), *prâvi rukâ* = *desna ruka*» (Tentor, 1950, s. 82).

Тот же М. Тентор указывает, что лексема *pravi* манифестирует семему ‘правый’ также в чакавских говорах пунктов Селца и Хрелин, расположенных в прибрежной зоне напротив острова Крка, однако не указывает, какой лексемой манифестируется семема ‘левый’. Без этого же указания приводит *pravi* ‘правый’ в пункте Лупоглава (северная Истрия — чакавский диалект) С. В. Зайцева (Зайцева, 1964). В каставском диалекте, распространенном западнее диалекта Лупоглавы, на самом северном побережье Риечского залива,

широко распространенной европейской омонимии, свойственной и славянским языкам, — ср. чеш., польск., русск. *pravo* (Isačenko, 1939, s. 132).

фиксируются для интересующих нас семем уже лексемы *desni* и *levi* (Jadras, 1957, s. 365) («levu ruku drži na boke, a z desnun s prsti za prst obraće žensku» 'левую руку держит на боку, а правой, держась пальцем за палец, поворачивает женщину').

Южномакедонский (эгейско-македонский) диалект пунктов Висока и Зарово (около гор. Салоники):

‘правый’
*pravъ

‘левый’
*lěvъ

По свидетельству Й. Иванова, «прилагательное *прав* употребляется в селах Висока и Зарово вместо *дэсен*, как в русском; слово *дэсен* (*dexter*), известное всем болгарским диалектам, здесь неизвестно, в Сухо известно *дэсен* (*dexter*) и *прав* (*directus*)» (Ivanov, 1923, p. 99)¹⁹.

Болгарский южнофракийский диалект. Говоры пунктов Голям Дервент (около гор. Димотика) и Куштанлы, Калай-джи-дере, Манастир (около гор. Гюмюрджина):

‘правый’
*pravъ

‘левый’
*krivъ

По свидетельству С. Младенова, в этих пунктах зафиксировано: «правата рѣка — Г. Д. прил. жен. р. членув. и същ.: десната рѣка || ~ Кушт. Кал.-д. *idъ s pravata рѣка*; крива(та) рѣка — Г. Д. прилаг. (членув.) и същ. ж. р.: лява рѣка. || ~ Кушт. Кал.-д. *Оти idъ idъ s кривата рѣка?*» (Младенов, 1936, с. 236 отд. пагинации).

Несколько западнее и северо-западнее, в центральной части тех же Южных Родоп, в почти соседнем диалекте села Тихомир семема ‘правый’ выражается лексемой *lъstъnъ, которая на основной территории распространения болгарских диалектов и в других славянских языках почти повсеместно манифестирует семему ‘легкий, нетрудный’:

Замат л’осната страна раздадот на камшието... (Кабасанов, 1963, с. 97) ‘Затем с правой стороны раздают соседям...’; л’осна страна ‘дясна страна’ (там же, с. 100).

¹⁹ М. Малецкий в своем словаре говора Сухо и Висока не отмечает ни лексемы *desъnъ, ни *pravъ в указанном Й. Ивановым значении, но отмечает лексему *lěvъ: l’áva || (l’áva), l’ávu ‘lewa, — e’ S.W.; l. rѣka ‘lewa rѣka’, na l’ávu ‘na lewo’, l’aváta srána ‘lewa strona’ S. (Malecki, 1936, s. 60).

Следует, однако, отметить, что известные в литературе по болгарской диалектологии примеры ограничены употреблением указанных лексем в значении 'правый', 'левый' лишь в достаточно устойчивых сочетаниях 'правая — левая рука', 'правая — левая сторона', поэтому можно предположить, что вне этих сочетаний будут выступать лексемы **desъnz*, **lěvz*, как и в остальных болгарских и в основной массе фракийских диалектов²⁰.

Тем не менее такое предположение не только не уменьшает ценности известного нам материала, но, наоборот, скорее может повысить ее, ибо оно говорит в пользу архаичности этого явления для южнославянского ареала.

Можно с достаточным основанием предположить, что приведенный выше материал резьянского, терского, северночакавских и юго-восточных болгарских (части фракийско-родопских) диалектов отражает довольно древнюю стадию, когда труд-магические представления славян тесно связывали понятие 'рука' с понятием 'сторона'²¹, 'правая рука', 'правая сторона' — с понятием 'хороший, справедливый, прямой, добрый' (сами эти понятия воспринимались достаточно диффузно), а 'левая рука', 'левая сторона', 'левое колено' — с понятием 'скверный, несправедливый, кри-

²⁰ Об этом свидетельствует и материал, собранный для Болгарского диалектного атласа на территории юго-восточной Болгарии, и мои собственные наблюдения, проводившиеся в районе Странджи и восточных и центральных Родоп.

²¹ Понятия 'правый' и 'левый' в психическом развитии человека и прочное их утверждение в сознании и в практической деятельности, способность оперировать ими при столкновении с элементами окружающего мира, возникают довольно поздно. Правая (*resp.* левая) рука служила всегда важнейшим вспомогательным звеном при ориентации, но и отличие правой руки от левой — довольно сложный акт. Еще недавно, в начале XX в., крестьянскому ребенку нужно было перекреститься, чтобы отличить правую руку от левой (впрочем, и меня так обучали отличать правую руку. — Н. Т.) и тем самым правую сторону от левой стороны.

Понятия 'направо' и 'налево' формировались не без посредства представлений 'по правую руку', 'о правую руку', 'по левую руку', 'о левую руку' (ср. хотя бы приведенный выше, на с. 145, пример из словенского резьянского диалекта — *ná te dǎbro róko*). Очень возможно, что и старославянские формы ѿ деснѣжъ, ѿ лѣвѣжъ (ѿ шоуѣжъ) являлись усеченными фразеологизмами типа ѿ деснѣжъ рѣжѣ, ѿ шоуѣжъ рѣжѣ, если не допустить и другую возможность: ѿ деснѣжъ странѣ, ѿ шоуѣжъ странѣ.

вой, злой»²². Такой вывод можно сделать на том основании, что в тех же говорах, как было видно из примеров, лексемы **dobrъ*, **pravъ*, **krivъ*, **xudъ* охватывают достаточно широкий семантический спектр, означая соответственно и 'хороший, добрый, годный', и 'прямой, настоящий, справедливый', и 'кривой, ненастоящий, виноватый', подобно тому, как в восточно- и западнославянских языках и диалектах лексема **pravъ*, помимо значения 'правый', манифестирует и значения 'справедливый, подлинный, истинный, правдивый'. Во всех славянских языках и диалектах, где употребительны лексемы **lěvъ* и **desъnъ*, наблюдается их достаточно четкое закрепление за семемами 'левый', 'правый' и довольно слабо обнаруживается связь с семемами 'плохой, кривой'²³, а тем более соответственно 'справедливый, хороший, прямой'. Что касается лексемы **pravъ*, то ее достаточно четко прослеживающаяся связь с семемами 'справедливый, подлинный, истинный, правдивый' для западно- и восточнославянских языков, а для южнославянских — и с се-

²² Ограниченность места не позволяет привести имеющийся богатый, в общем довольно хорошо представленный в этнографической литературе материал. Приведем поэтому лишь один южнославянский пример.

На Косовом Поле и в Груже (Сербия) крестьяне появление вихря приписывают нечистой силе и, чтобы его отвести, они посылают его «под левое колено»: «Кад се дигне вихор, тад се каже: "Под лево колено!" По веровању у вихору ђаволи играју коло» (Петровић, 1948, с. 334). «Кад се дигне ви'риште и почне да диже на више пута прашину... селаци то приписују ђаволској сили... Тада људи говоре: "Вук ти на пут! Под лево те колено, што идеш право на мене!"» (Дебельковић, 1907, с. 323). На острове Млет (Южная Далмация) есть поверие, что правый глаз подвергается к добру, а левый — к злу, к беде (см. ZNŽO XXVII, 222).

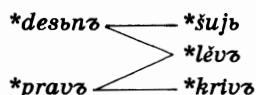
²³ О примерах типа русск. *левая работа* см. в цитированных статьях А. Я. Шайкевича и А. М. Финкеля. Ср. также польск. *lewy*, для которого большой варшавский словарь фиксирует одно из значений — *Źnięprawny, przewrotny, zły, niedobry, naganny* (см. SW II, 726). Южнославянские литературные языки и основная масса диалектов не знают случаев употребления лексемы **lěvъ* в значении 'плохой' типа русск. *левая работа* или польск. *lewe udawanie*. Тем характернее, что опять-таки в зоне, примыкающей к южнофракийским говорам (в пункте Зорназан, Малая Азия), зафиксировано наречие *л'ѣв'е* со значением 'плохо': *л'ѣв'е гу врѣзова* 'плохо его завязал' (Младенов, 1936, с. 140).

мемой 'прямой'²⁴ свидетельствует о том, что ее закрепление за семемой 'правый' явилось в праславянском языке инновацией по отношению к индоевропейскому состоянию, инновацией, вытеснившей в части праславянских диалектов более древнее **desъnъ*²⁵. О большей архаичности лексемы **desъnъ*, закрепленной за семемой 'правый', помимо семантического момента, свидетельствуют и лит. *dešinys* 'правый', санскр. *dákṣiṇas* 'правый', авест. *dašina* 'правый', др.-гр. *δεξιός, δεξιτερός* 'правый', лат. *dexter*, др.-ирл. *dess*, готск. *taihswa*, др.-в.-нем. *zêso*, алб. *djathë* (Vasmer, I, S. 345—346; Шайкевич, 1960, с. 60).

Лексема же **lěvъ*, почти общая для всего славянского ареала, находит в индоевропейских языках сравнительно мало параллелей, где, по интересному наблюдению Ж. Лота²⁶, вероятно, по табуистическим и эвфемистическим при-

²⁴ Ареал семемы 'прямой', выраженной лексемой **pravъ*, не ограничивается лишь южнославянскими языками (ср. серб.-хорв. *прави угао* 'прямой угол', *право дрво* 'прямое дерево'; болг. *прав ъгъл, право дърво*; словен. *pravi kot, pravo drevo*), а захватывает отчасти словацкий (ср. словац. литер. *pravý uhol*) и украинский (это значение не литературное, а областное — *праве дерево* 'прямое дерево').

²⁵ Хотя для праславянского состояния возможно предположить и наличие определенной синонимии, вероятно, не абсолютной — без дополнительного признака, связанного с магическими представлениями о добре и зле, и с этим признаком. Могла, например, существовать удвоенная дихотомия такого типа:

Затем, надо полагать, следовал переход к одинарной дихотомии.

²⁶ Ж. Лот пишет, что «словарь индоевропейских языков дает поразительный пример различия между словами со значением "правый" и "левый". В то время как для обозначения правой стороны существует хорошо засвидетельствованное индоевропейское слово, сохраняемое всеми языками этой семьи без изменений или с простым чередованием суффиксов (**deks-io*, **deks-ivo*, **deks-i-tero*), для обозначения левой стороны не существует общеиндоевропейского слова. Понятие "левый" выражается разными словами, которые редко распространяются более чем на два-три языка, часто являются новообразованиями и иногда даже уступают свое место новым словам. Все это подкрепляет гипотезу о том, что левая сторона была стороной, которую нельзя было называть; для ее обозначения нужно было прибегать к использованию синонимов, эквивалентов, или еще чаще — к выражениям с противоположным значением, с тем, чтобы устранить возможные плохие последствия» (см.: Loth, 1912, p. 255—256).

чинам наблюдается довольно большое разнообразие лексем для семемы 'левый'.

Словенско-чакавский и фракийско-родопский и отчасти южномакедонский островки, сохранившие лексемы **pravъ* — **krivъ*, демонстрируют, таким образом, инновации ранне-праславянского состояния; их следует одновременно признать и архаизмами по сравнению с состоянием поздним — близким к основному современному южнославянскому, и этот архаизм выражается не в плане лексемном, а в плане семантическом²⁷.

Семантические отношения, наблюдаемые в трех упомянутых диалектных островках, были в прошлом, надо полагать, шире распространены и на южнославянской территории. Об этом свидетельствуют хотя бы такие застывшие сочетания, как болг. *криво-ляво* 'как попало, как-нибудь', возникшие по той же модели, что и русск. *худо-бедно* (см. карту № 3).

4. Хорохориться

Известный русскому литературному языку, вернее, его разговорно-просторечному стилю, глагол *хорохориться* долгое время представлялся лингвистам не имеющим лексических параллелей в других славянских языках и в научно-популярном этимологическом словаре был снабжен Н. М. Шанским пометой «собственно русское» (КЭСРЯ, с. 362)²⁸. Однако, если счесть возможным сопоставить его с южнославянским диалектным материалом — чакавского говора острова Сусак и болгарского южнофракийского говора с. Мандрица (западнее гор. Димотика), — оно не окажется столь одиноким.

На острове Сусак проф. И. Хаммом зафиксировано следующее слово: *хохѡрѡ, на хохѡрѡ*. Оно снабжено пометой *pril.* (наречие), переводом «*nabrano, nadignuto*» 'в сборку, торч-

²⁷ О терминах «лексема», «семема» см. с. 46–47 наст. изд. или: Толстой, 1963, с. 30–31.

²⁸ М. Фасмер в своем этимологическом словаре русского языка возводит этимологию слова *хорохориться* к реконструируемой форме **хохор* (со ссылкой на Торбьорсона) и говорит о возможности родства с *шорох* (со ссылкой на Ильинского), но материала других славянских языков не дает.

ком, приподнято' и примером: *Kakö jej stojü kamizöti na xohögö* 'Как у нее стоят юбки в сборку, торчком' (GOS, s. 160).

У беженцев из села Мандрица проф. С. Младеновым зафиксировано слово *хорхор*. Оно снабжено следующим примером: С такава хурка търчи та бхти момчетата: кого — тук стигне, бхти — хорхор им прави (Младенов, 1936, с. 120) 'С такой прялкой бежит и бьет ребят: кого тут настигнет, бьет — «хорхор» им делает'. Перевода к слову *хорхор* С. Младенов в своем небольшом диалектном словарики не дает (там же, с. 168).

На возможность сведения русск. *хорохориться*, чакавск. *xohögö* и болг. фрак. *хорхор* к одному источнику указывает русский диалектный материал, проливающий свет как на морфологическую структуру исходной лексемы, так и на характер семантического развития и связей интересующих нас слов.

В бывш. Болховском уезде Орловской губернии А. И. Сахаровым зафиксировано слово *хархары* (сущ. м. р. мн. ч.) со значением 'тряпки, лоскутья' (Сахаров, 1900, с. 44). В бывш. Медынском уезде Калужской губернии еще в прошлом веке записано: *хорохорки* сущ. ж. р. мн. ч. 'тряпье' (Опыт, 1852, с. 250)²⁹; *хорохорня*, сущ. ж. р. 1. 'множество ветоши'; 2. 'человек, ходящий всегда в ветоши' (там же, с. 250). Для той же лексемы *хорхоры* или *хорохорки* ж. р. мн. ч. В. Даль отмечает значение «тряпье, ветошь, хруни, рваная одежда; || мохры уборов, фарафорки, бахрама; подвесочки, балаболки» и сопровождает их пометой *кал.* (калужское) (Даль, IV, стлб. 1224). И. А. Бодуэн де Куртенэ для тех же значений добавил лексему *хорхоры* ж. р. мн. ч. с пометой *кур.* (курское)³⁰.

Для понимания значения лексемы, отмеченной в Западной Фракии, может, вероятно, сослужить службу пример, зафиксированный в бывш. Устюжском уезде Вологодской губернии — *хорхора* сущ. ж. р. 'курица редкоперая, шершавая' (Опыт, 1852, с. 250). В. Даль с той же пометой *влгд.* (вологодское) для этой лексемы дает толкование 'шестоперая, растрепанная курица' (Даль, IV, стлб. 1224).

²⁹ В Опыте, как правило, аканье не отмечалось.

³⁰ Эти добавления сделаны Бодуэном по Опыту, 1852, где дано «*хорхоры* сущ. ж. мн. Нечистые отрепья, висающие в поношенном платье. *Кур.*» и «*хорхоры* сущ. ж. мн. То же, что хорхоры, мохры. *Кур.*».

Небезынтересно в связи с этим и зафиксированное в деревне Лом в Вятской губернии Д. Зелениным прилагательное *хохровáтый*³¹ 'негладкий, неровный' — «лошóнка у тебя, а то *хохровáтая* живёт, та лучше» (речь идет о *лопáтке* для точенья кос) (Зеленин, 1903, с. 173).

Остальной известный нам русский диалектный материал семантически близок к литературному *хорохориться* и зафиксирован в трудах по лексике белорусских, смоленских и орловских говоров.

хорохóни́цца, сов. Разхорохони́цца, гл. возвр. Охорашиваться, выставлять себя, хвастливо выказывать свою важность. Перед нами нечего тебе хорохони́цца; хорохонься перед тым, хто тебе не знаець. Разхорохонився, як бы што доброе (Носович, 1870, с. 682).

хорохóри́цца гл. общ. То же, что хорохони́цца. Хорохори́цца перед дзѣвчатами (там же).

хорохóни́ться гл. об. Важничать, заниматься собою и много о себе думать; хорохориться. Смол. Гжатск. (Опыт, 1852, с. 250).

Карта 3. Распространение лексем **pravъ*, **dobrъ*, **xorxor-* в южнославянских языках:

1 — **pravъ*, **dobrъ* в значении 'правый'; 2 — **xorxor-*

³¹ Пример не безупречен. Можно предположить контаминацию **хороховатый*, **хорховатый* и *шерховатый* или метатезу *рх*.

хорохориться гл. храбриться. Ильинск. вол. Орловской губернии (Сахаров, 1900, с. 45).

хорохоня суц. общ. Выскочка. Видзели мы таких хорохоней (Носович, 1870, с. 682).

харохоня — кокетка, франтиха, насмешливое прозвище. Уж ты, Дуня, харахоня! (Добровольский, 1914, с. 955).

Исходное праславянское значение было, очевидно, связано с одеждой и могло приближаться к чакавскому сусакскому 'в сборку, торчком', 'бахромой', 'мохрами'. Болгарское диалектное *хорхор им прави* можно перевести как 'дает трепку, треплет, треплет в клочья', дословно: 'делает клочья, мохры'. Семантика русского *хорохориться* довольно ясна, она развилась по такому пути: 'гордиться нося тряпье, будучи в тряпье, ветоши', т. е. 'гордиться без основания', затем могло остаться в некоторых случаях просто 'гордиться'. От этой семемы могли появляться и производные. Таковым и является украинское слово с тем же в принципе соотношением лексемы и семемы, отмеченное в словаре Б. Д. Гринченко: *хорохонька*, ж. *Cucurbita Pepo L. var. citrifoliformis* (со ссылкой на Записки Юго-западного отделения русского географического общества, т. I. Киев, 1874—1875, с. 120). «Хорохонькой» здесь называется особый сорт декоративной тыквы (Гринченко, IV, с. 410). Ее синонимом в других украинских диалектах выступает слово *хорошка*, а также *ханька*, *кабачок*, *каракуцька*, *тапануцька* (Makowiecki, 1936, s. 119).

5. Класть

Лексема **klasti* (**kladŏ*), выражающая семему 'класть, legen poŏ', распространена на всем славянском Востоке (русск. *класть*, *кладу*; укр. *кла́сти*, *кладу́*; белор. *кла́сці*, *кладу́*) и Западе (польск. *kłaść*, *klade*; чеш. *klásti*, *kladu*; словац. *klást'*, *kladú*; в.-луж. *klasc*, *kladu*). На славянском Юге она распространена не повсеместно и захватывает достаточно четко «латеральный» ареал, в то время как «центральный» ареал — часть словенской территории, основной массив кайкавских и штокавских говоров, северо-восточные и северо-западные болгарские говоры — манифестируют для семемы 'класть' иные лексемы: **(po-sz-)ložiti*, **staviti*, **met-*

noti, **turiti* и др. и соответствующие образования несовершенного вида.

По имеющимся в нашем распоряжении источникам ареал слова **klasti* 'класть' на южнославянской территории можно определить следующим образом.

На крайнем северо-западе он, по свидетельству М. Тентора (Tentor, 1950, s. 76), захватывает часть словенских диалектов, затем ряд северных чакавских островных и неостровных говоров³² (острова Црес, Сусак³³, Раб, Брач³⁴, Хвар и районы и пункты на побережье — Кастав³⁵, Нови, Селце, Бакар [Tentor, 1950, s. 76]), тянется узкой полосой на юго-восток до штокавского говора острова Млет³⁶, затем охватывает почти всю область распространения македонских говоров³⁷ (северных, центральных, западных³⁸, эгейских, юго-восточных³⁹ и восточных⁴⁰) и почти все южнофракийские болгарские диалекты⁴¹, включая сюда и говоры Странджи⁴² и Родоп⁴³.

³² В загребском академическом словаре (RHSJ V) словарной статье *klāsti* отведено три страницы (s. 39—41); в ней, помимо обильного исторического материала и свидетельств словарей XVII—XVIII вв., дается помета «Poslije XVI vijeka nalazi se samo u čakavaca» («После XVI века встречается только у чакавцев»).

³³ *klāst*, pf. *staviti* *impf.* *klādāt* (см. GOS, 163).

³⁴ *klāst* (= *metnuti*): *klāden* (см. Hraste, 1940, s. 55); там же М. Храсте отмечает, что он слышал этот глагол в Свиричах на Хваре.

³⁵ *klāst*, *klādēn* — *metnuti*, *postaviti* (см. Jadras, 1957, s. 394).

³⁶ «...*trijeba klasti* (= *staviti*) *gvožda* *poda nju*» (Macan, 1932, s. 227; см. также пример на с. 225).

³⁷ Македонский литературный язык отражает эту особенность; см.: «*клава impf.* *stavljati*, *metati*, *кладе pf.* *staviti*, *metnuti*» (PMJ I, 330).

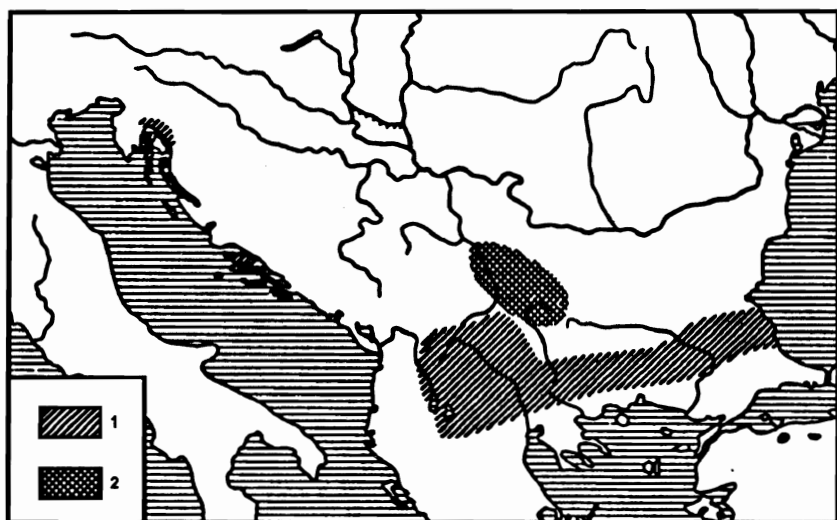
³⁸ *клада*, *кладам*: А остра сабја под појас *клај ја* (см. Белић, 1935, с. 203—204); *кла(да)*, — *ва, ил позе* (см. Mazon, 1936, p. 414).

³⁹ *klāvam*, *klāvaš*, *za klām* 'klādē'... *klāduža tim'éla* 'založyli fundamenty' S. (см. Malecki, 1936, s. 51).

⁴⁰ К. Мирчев, отмечая наличие слова *klādā* 'слагам, турям', пишет, что это слово характерно для македонских говоров (Мирчев, 1936, с. 115).

⁴¹ «*клада* — Дерв. *глагол прех. св. I спр.*: туря, поставя. Идно столче к'е *кладат*; *клавам* — М. *глагол прех. тр.*: турям. *Клават* и дрехи; *клавам* Ени. к. *глагол прех. многокр.*: турям. То хл'ап нъ *клава* ф устата хич» (Младенов, 1936, с. 134).

⁴² *klāda* гл. 1. *складирам* снопи на купа. *Иа ше клада купенът, пък ти ше ми подаваш снопчето*; 2. *трупам* дърва за огъня. *Татко ти ше кладе огънет, пък ние ше пом за ода* (Горов, 1962, с. 98). Здесь *klāda* зафиксировано в несколько суженном, терминологизирован-

Карта 4. Значения **klasti* по южнославянской территории:
1 — 'класть'; 2 — 'разводить огонь'.

В области болгарского софийского говора и почти соседнего переходного сербско-болгарского тимокского значение слова **klasti* терминологизовалось, ограничившись лишь сферой 'класть дрова в огонь, для огня'. Софийское — *кладѐм* гл. 'паля огън'⁴⁴, тимокское — *кладѐм* (и: *кльѐм*) *кладѐ огън* (судя по единственным приведенным примерам) (Станојевић, 1911, с. 416)⁴⁵. Такое же сужение семантической сфе-

ном значении (ср. материал софийского и тимокского говоров), однако мне в Страндже случилось слышать эту лексему и в более широком значении 'класть'. То же несколько западнее, например в селе Крайново (Елховско): *клáј го тáм* — 'клади его там' (собств. наблюдения, 1957 г.).

⁴³ *клáм* и *кладá* гл. — поставям, турям (Кабасанов, 1963, с. 100).

⁴⁴ В этом же исключительно значении, вероятно, не без влияния софийского говора, это слово принято в литературном болгарском языке: «*кладá* гл. нсв. натрупвам дърва или друго горивно вещество и го запалвам. *Тя не умее да кладе огън*» (БТР, 294). З. Божкова для софийского говора отмечает еще одно специализированное значение 'организирам седянка' — организовывать посиделки (Божкова, 1962, с. 251).

⁴⁵ К сожалению, не определено значение лексемы *кльѐм* в монографии П. Ивича (Ивић, 1957, с. 240, 242, 260).

ры для лексемы **klasti* отмечено Г. Горовым в Страндже (см. прим. 42) и оно находит свою параллель в общештокавском (то же сербском литературном) беспрефиксальном *лѡжити, лѡжим* 'топить печь, разжигать дрова' (в то время как префиксальное: *полѡжити* сов. — *полѡгати* несов. основным значением имеют 'положить — класть'). В словенском литературном языке глагол *klásti, kládem* специализировался в значении 'класть (корм скоту)'; ср. словен. *klája* 'корм для скота'. Еще одно специализированное значение для **klasti* отметил Вук Караджич в своем словаре: «клáсти, клáдѣм, 2) *v. impf.* н. п. клáде гној из ране, мозак из главе, *lente fluere*» (= медленно течь), но не указал, где оно территориально зафиксировано (Караџић, 1852, с. 272).

* * *

В заключение отметим, что рассмотренные нами лексемы **pravъ, *klasti*, так же как и рассмотренная ранее в первом этюде лексема **dъždъžь*, занимающие на славянском Юге «латеральный» ареал, сплошь распространены на славянском Востоке и Западе. Что касается лексемы **xorxor-*, то она, если верны наши сопоставления, распространена только в двух крайних точках на славянских Балканах, а в восточнославянских диалектах встречается не повсеместно — в разных морфологических и семантических вариантах, что естественно при ее ониматопеическом происхождении и стилистической сфере употребления.

Число лексем, встречающихся в латеральном славяно-балканском ареале и имеющих свое соответствие как в восточно-, так и в западнославянских диалектах, можно было бы значительно умножить, что мы и постараемся сделать в последующих этюдах по географии славянских слов.

6. Сажа — чад

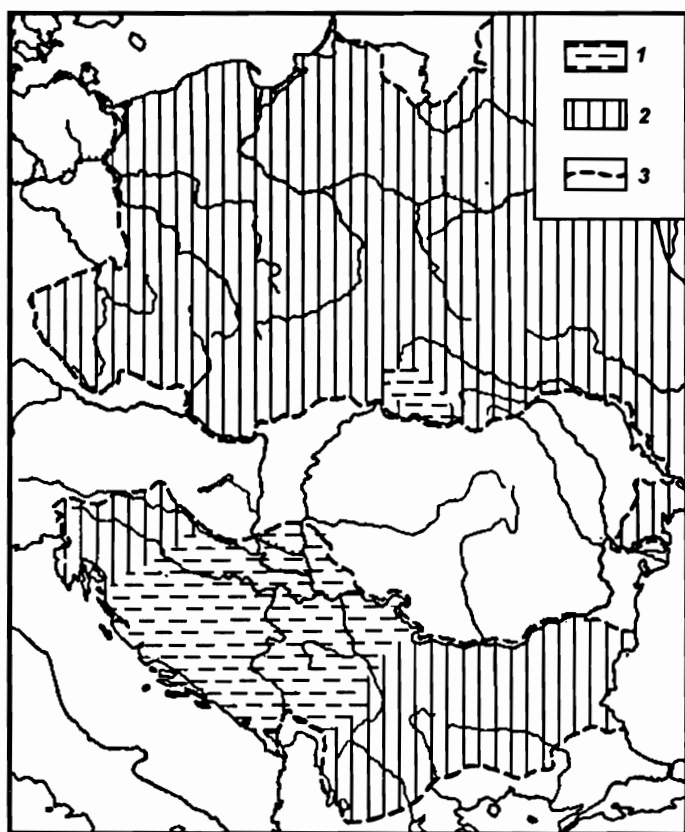
Первым на изоглоссу $^+sadja : ^+čadja$ ($^+čadjь$) в южнославянских пределах обратил внимание Иван Попович, предложивший в своей «Истории сербскохорватского языка» схематическую карту этого явления (Popović, 1960, S. 442). Согласно его наметкам, лексема ^+čadja ($^+čadjь$) распространена в центральной новоштокавской зоне сербскохорватского языка — в Воеводине, в Боснии, в северной Шумадии, в штокавских говорах Истрии, а ^+sadja — в словенском, болгарском, македонском, в кайкавских, чакавских и прибрежных далматинских штокавских говорах и в переходных сербско-болгарских, так называемых торлакских диалектах.

Имеющийся в нашем распоряжении материал в принципе подтверждает наблюдения И. Поповича. Благодаря труду С. В. Зайцевой (Zajceva, 1967) и некоторым иным источникам, его можно представить полнее, чем это сделал покойный сербский исследователь (см. карту 5).

Словенск. *sáje* ж. мн. 'сажа', 'чад', *sájavina* 'сажа (материал)' (SSHS, Pleteršnik, Tentor, 1950); чакавск. Сусак *sāja* 'сажа' — *Sāja mi je pāla v lonāc* (HDZ I, 176), Каставщина *sāje* 'сажа' (ZNŽO XXXIX, 402), Истрия — в Гоце, Данах Св. Иване от Штерны у Бадерны и у «словинцев» *sāje* ж. мн. 'сажа' (СДЗБ. IX, 189), Врбник *saje* (ZNŽO XX, 91), Нови *sāje* мн. (Белич, 1909, с. 8), Сень *šaja* (Junković, 1958, с. 116), Брине у Сеня *saja* (Zajceva, 1967, s. 103), Сплит *saja* 'сажа' (Uvodić, 1957, s. 254), Раб *sāja*, *sājavica* (Rad CLXVIII, 53), Стариград на Хваре *saje*, Ластово *sāje* (Oblak, 1894, s. 42), Жумберак — у католиков *sāje* 'сажа', у униатов — *sāde* 'то же' (AfSPh. XXXIII, 369), Лумбарда *sāje* (Kušar, 1895, s. 338), чакавские села на Дунае западнее Братиславы *sāja* 'сажа' (Vážný, 1927, s. 302); кайкавск. Пригорье *saja* (Rad CXV, 94), Бедня *sōjo* (HDZ I, 301), штокавск. Истрия *šāže* (Popović, 1960, S. 442), Истрия — Жужици и Селина *šāže* 'сажа' (Malecki, 1930, s. 104), Славонская Посавина *sāda* (Rad CXCVI, 205), тимокско-лужницкие диалекты, пограничные с Болгарией, *cahe*, *caža* 'сажа' (СДЗБ. I, 181, 182, 397).

Старинные хорватские словари, созданные на кайкавской и чакавской диалектной основе, последовательно дают

лексему *saje* (редко ед. *saja*) 'сажа' (Ю. Габделич, П. Витезович, И. Белостенец, А. Ямбрешич — XVII—XVIII вв.), так что можно предположить, что на словенской, кайкавской и чакавской территории сплошь распространено это слово.

Карта 5. Распространение лексем **čadja* и **sadja* в славянских языках:

1 — **čadja* (*čadъ*); 2 — **sadja*; 3 — граница славянского мира.

В болгарском литературном языке и диалектах отмечено *сажди* только мн. 'сажа' (БТР, РСБКЕ). Это же слово характерно для македонского литературного языка — *саџи* мн. 'сажа' (РМЈ) и большинства диалектов. Ср., например, битольск. *саџи* 'сажа', кукушск. *сажди* 'сажа' (СбНУ XXXVI, 196). В крайнем северном македонском диалекте — в кумановском говоре зафиксировано уже *чаџе* (Видоески, 1962, с.

72, 140), так же, как и в сопредельных сербских косовско-ресавских диалектах: *čāha* ж. (уже ед. число! — Н.Т.) 'сажа' — Уфатила се *čāha* (Елезовић, II).

Čāh записано П. Ивичем в языке галлипольских сербов, живших в XVI—XVII вв. в районе Ягодины (СДЗб. XII, 197), *čāha* 'сажа' — в Черногории в старочерногорских и среднекатунских и лешанских говорах (СДЗб. XV, 290).

Таким образом, в общих чертах обрисовывается южная и восточная граница распространения слова (⁺*čadja*, ⁺*čadjь*); западная же и юго-западная, вероятно, совпадают с чакавско-кайкавско-штокавским пограничьем. Вук Караджич в своем словаре дает только слова *čāh* f. 'der Ruß, fuligo' и *čāha*, см. *čāh* без территориальных помет (Караџић, 1898); слово *sāha* у него отсутствует.

Что касается карпатской зоны, то, по имеющимся данным, лексема ⁺*čadz*, соответствующая семеме 'сажа', распространена лишь в Закарпатье и притом не повсеместно. Об этом свидетельствует карта № 139 Закарпатского атласа И. А. Дзендзелевского, где на крайнем западе, на самой границе с Чехословакией, восточнее Ужгорода и восточнее Мукачева, около Виноградова, Хуста и в верховьях Тисы отмечено распространение слов *sádž'a*, *sáža*, *sáž'a* 'сажа', а в остальных районах Закарпатской области — *č'ad*, *ш'ад* 'сажа' (Дзендзелівський, II). Это положение подтверждает и Картотека Карпатского диалектологического атласа (КДА), располагающая, правда, материалом, собранным по более редкой сетке (см. пункты № 121—143 КДА, где ⁺*čadz* 'сажа'). Существенно, что картотека КДА вне Закарпатья в пределах, занимаемых бойковскими, надднестрянскими, покутскими, буковинскими и восточнотрансильскими говорами, не фиксирует слова *чад* 'сажа'. Более того, она свидетельствует, что в бойковских и покутских говорах в единичных случаях, а в буковинских очень часто лексема ⁺*čadz* отсутствует вовсе (пункты № 30, 55, 56, 74—79, 85, 99, 102—104, 106—112; картотека КДА). К сожалению, не всегда устанавливается, какими лексемами в этих пунктах выражаются семемы 'чад', 'угар', 'запах от подгорелой пищи', 'копоть' (релевантны ли признаки, их отличающие, и т. п.). Не ставя себе задачу воссоздания карты *сажа* — *чад* на территории КДА, отметим, что перечисленные семемы присущи слову ⁺*čadz*, где оно встречается не в значении 'сажа'. В большинстве случаев отмечается соотношение, характерное

для украинского, белорусского и русского литературного языка: *чад* — 'чад', 'копоть', 'угар', *сажа* — 'сажа'. Есть случаи так называемого неразличения семантических дифференциальных признаков (ДП), отмеченных в программе КДА в виде вопроса № 235: «Что означает *чад*: а) 'сажа', б) 'копоть'; в) 'угар'...?» (КДА I, с. 49). Так, в пунктах № 30 и № 58 (с. Гошов, Калушск. р-н и с. Виноград, Городенковск. р-н) 'сажа' и 'копоть' выражаются лексемой *сáдж'і*, а 'угар' — *зáгар*.

В принципе следовало составить максимально дробную семантическую сетку-модель, которая бы содержала семантические клетки такого рода, как 'дым (в избе, в воздухе)', 'чад, копоть (в избе, в воздухе)', 'запах горелого, гарь (от подгорелой пищи)', 'копоть (на предметах, на лампе и т. п.)', 'сажа (на предметах, в трубе и т. п.)', 'окаменевшая сажа (на предметах, в трубе и т. п.)'⁴⁶, 'нагар, угарный газ'. К этому ряду целесообразно прибавить и 'дым'. Частые случаи неразличения пар (и большего числа) приведенных семем требуют внимательного отношения к материалу при его сборе и установления ряда диагностических контекстов, которые было бы целесообразно включить в программу. В отношении приведенных выше южнославянских слов также нельзя поручиться, что семемы, относящиеся к одной из двух лексем *+čadja* и *+sadja*, зафиксированы достаточно точно. В сербскохорватском языке перечисленному набору семем (для сетки-модели), кроме рассмотренных, соответствуют еще лексема *gâp*, в болгарском *кадѣш (кат)*, *чад (чат)* и др. (см. БДА I, карта № 200; БДА II, карта № 215 и комментарии к ним, а также программу в БДА I, в. 2, с. 182). Возможно, что в некоторых, вероятно, прежде всего пограничных по отношению к основной изоглоссе, говорах лексем *+čadja* и *+sadja* сосуществуют, относясь к близким, но разным семемам. Так, в македонском литературном языке (равно как и в большинстве говоров) различаются *саџа* (чаще мн. или *pluralia tantum саџу*) 'сажа' и *чад* 'чад, копоть', 'запах горелого' (PMJ). В словенском *saje, sájavina* — 'сажа', *čád* — 'чад, дым' (SSHs, Pleteršnik).

Следует еще отметить, что *+čadjь*, *+čadja*, так же как и бессуффиксальное *+čadzь*, имеют в некоторых пунктах серб-

⁴⁶ Этой семеме в Закарпатье соответствует лексема *шкруж*, заимствованная из румынского (подробнее см. Дзендзелівський, II, карта № 139).

скохорватской территории значение 'туман, мгла': *čad* в Хорватии 'мгла (туманность), которая появляется вокруг месяца или летом застилает небо' (RHSJ), *čada* 'нечто вроде мглы (тумана), которая все застилает' (RHSJ). Ср. также у Степана Митрова Любиши (уроженца Будвы, Черногория) — *čaj* 'туман': Врх поља пануо чай на слану (RHSJ). В истрийских диалектах, в с. Рукавац, по свидетельству И. Рибарича, *čad* м. 'летняя голубая мгла на небе, застилающая взор' (СДЗБ. IX, 138). Ср. семантически аналогичное русск. *дымка* 'легкий туман' и т. п. и прямое соответствие в гуцульском говоре с. Микуличин Богородчанского р-на — *čed* 1. 'чад', 2. 'мгла, туман, марево' (картотека КДА).

В западнославянских языках за семемой 'сажа' довольно прочно закреплена лексема *⁺sadjā*, а 'чад' выражается лексемами *⁺čadъ*, *⁺smōdъ* и др. Ср. чешск. *saze* ж. 'сажа', *čoud* м., *čmoud*, книжн. *smoud* 'чад' (PSJČ), словацк. *sadza* ж. 'сажа' (SSJ, Isačenko, II), польск. *sadza* 'сажа', *swąd, czad* 'чад, гарь' (SW), верхнелужицк. *sazy* pl. 'сажа', *smud* 'чад' (Zeman, 1967, Jakubaš, 1954), нижнелужицк. *saze* pl. ж. 'сажа', диал. хойницк. *saze* 'то же' (Muka, I, Pfuhl, 1866).

Оставляя в стороне вопрос об изоглоссах *⁺čadъ* : *⁺smōdъ* и смежных явлений в западнославянских языках, об изоглоссе *⁺sadjā*, выраженной сингулярной формой и формой *pluralia tantum* (это бы потребовало нового материала, собранного по более частой сетке) во всех славянских языках, отметим, что положение, наблюдаемое в восточно- и западнославянских языках, а также в словенском, македонском и в значительной степени в болгарском, которое выражается обобщенной формулой *⁺čadъ (čadja)* : *⁺sadjā*, можно считать достаточно архаичным, в то время как семантический сдвиг *⁺čadja* 'сажа', приведший во многих диалектах к исчезновению лексемы *⁺sadjā*, выявляется как инновация, которую условно можно назвать «штокавской». Этот же инновационный процесс захватил и восточнославянское Закарпатье.

Отметим также, что для выяснения вопроса о древних путях миграции славян на Балканский полуостров, о последовательности миграционных потоков и их диалектно-этническом отношении к различным восточным и западным зонам распространения славянства и т. п. не все изоглоссы равноценны и «равновесомы»: бóльшую ценность имеют лексемные изоглоссы типа *дажд—киша, прави—десни* и т. п., меньшую ценность — изоглоссы семантические. Юж-

нославянскую изоглоссу $^{+}\acute{c}adja - ^{+}sadj\alpha$ можно квалифицировать как лексемно-семантическую⁴⁷. К той же категории относится и изоглосса $^{+}pot\check{z} : ^{+}znoj\check{b}$.

7. Пот — зной

Изоглосса $^{+}pot\check{z} : ^{+}znoj\check{b}$ также привлекала внимание И. Поповича. Он отметил, что $^{+}pot\check{z}$ 'пот' характерно для латеральных зон, а $^{+}znoj\check{b}$ 'пот' — для центральной зоны, добавив при этом, что *зной* встречается в болгарских диалектах, но не указав, каких (см.: Роровић, 1960, S. 444). Общая схема, предложенная И. Поповичем, нуждается в некоторых существенных дополнениях и коррективах, так как по имеющемуся в нашем распоряжении материалу положение с изоглоссой $^{+}pot\check{z} : ^{+}znoj\check{b}$ на славянском Юге следующее: словенск. *pót* 'пот' (SSHS, Pleteršnik, Tentor, 1950) на северо-западе и западе (ср. черновхское *puet* — Tomines, 1964, s. 174) и *znoj* 'пот', вероятно, на востоке (SSHS, Pleteršnik), в литературном словенском языке приняты обе формы⁴⁸; чакавское *pôt*, род. п. *potâ* — Црес, Раб, Селца, Хрелин, Хвар, Полица, Прчань и др. (Tentor, 1950, s. 82, Rad CXVIII, 52), чакавск. Истрия — Пазин *pôt* и *pót* (Nemanić, 1883, s. 8, 10), Водице *pôt* (СДЗб. IX, 182), Лупоглав *pot* (Zajceva, 1967, 102), Жминь *pot* (Zgrabić, 1905—1907, s. 20), Прапутняк *pot* (Bujan, 1937, s. 42), Кастав *pôt* (JФ XI, 154), Крк—Врбник *pot* (ZNŽO I, 177), Добринь *pot* (Zajceva, 1967, s. 102), Црес, Раб, Селца, Хрелин, Хвар, Полица, Прчань и др. *pot* (Tentor, 1950, s. 82; Rad CXVIII, 52), Сусак *puot* (HDZ I, 104), Пашман *pot* (Zajceva 1967, s. 102), Нови *pot* (Белич, 1909, с. 29), Брине у Сеня *pot* (Zajceva, 1967, s. 102), чакавские говоры в Градишче — Бургенланд *pot*, *potan*, *potiti se* (Vasilev, 1966, s. 225), у современных чакавских поэтов А. Дукича, В. Назора, Д. Иванишевича и М. Фра-

⁴⁷ В качестве менее существенных соответствий отметим словообразовательную словенско-карпатскую параллель: словенск. *zájavina* 'сажа (как материал)' и гудульск. без осложнения суффиксом *-ov* — *śáj'э на* 'сажа' (с. Устерики, Косовского р-на; пример пока единичен).

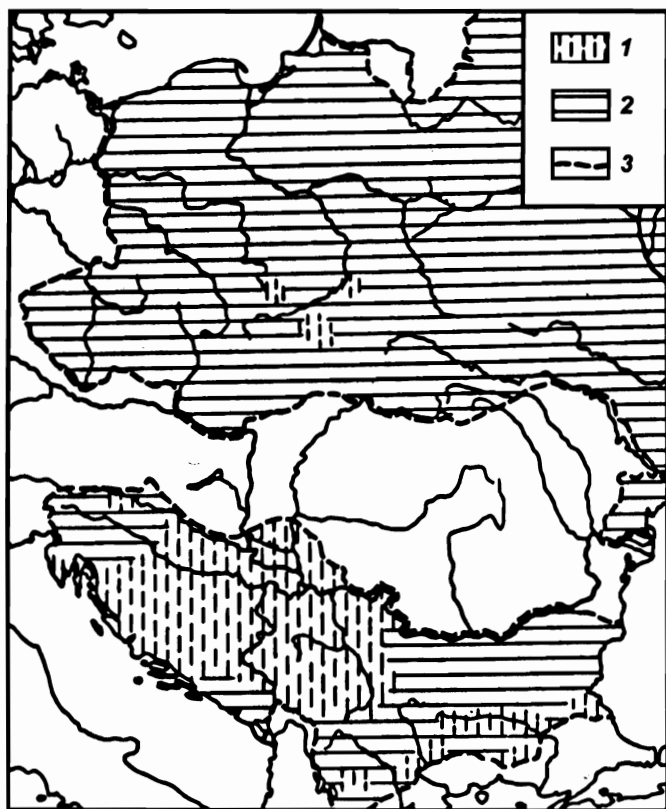
⁴⁸ К сожалению, в программе собирания сведений для словенского диалектологического атласа («Vprašalnica SDA» — литографированное издание б. м. и б. г.), вопрос *pót* или *znoj* и т. п. отсутствует, хотя определение этой изоглоссы на словенской территории было бы очень важно.

ничевича, отражающих черты говора Каставщины, Брача, Полицы и Хвара, *pot* 'пот' (NČL, 26, 34, 55, 143, 171). Это слово широко употреблялось старыми далматинскими писателями-чакавцами М. Маруличем, П. Зораничем, Г. Луличем и др. (RHSJ) и зафиксировано в старинных чакавских (Ф. Вранчич, 1595, Я. Микаля, XVII в.) и кайкавских словарях (И. Белостенец, XVII в., А. Ямбрешич, XVIII в.). Помимо кайкавских диалектов, ареал слова *pot*, род. п. *pōta* 'пот' захватывает и часть штокавских диалектов. Так, по свидетельству В. Караджича, *pot* 'пот' известно в юго-западных говорах, в Дубровнике и Черногории (Караџић, 1898, RHSJ). Слово *pot* характерно для поэтической речи Негоша: без кровава много *пота* (см. словарь к полному собранию сочинений поэта: «Цјелокупна дјела П. П. Његоша, књ. 6. Београд, 1954). На севернодалматинском побережье, в нинском говоре новоикавского диалекта *pōt* 'пот', а «*znoj* слышится только в последнее время и то редко» (Maštrović, 1957, 448). В основном штокавском диалектном массиве распространено слово *znoj* 'пот' (Караџић, 1898), известное и в македонских диалектах (РМЈ)⁴⁹. Македонскому литературному языку так же, как, вероятно, и значительной части македонских говоров, свойственно слово *pot* 'пот' (РМЈ). Из-за недостатка македонского лексического диалектного материала отметим только юго-восточное драмское *znoj* 'пот', *изноих се* 'вспотел' (с. Плевня, СбНУ VIII, 3, 280). Слово *pot* присуще также болгарскому литературному языку и основной массе болгарских диалектов (БДА I, II). Но в родопских (Смолянско, Ардинско, Асеновградско, р-н Мадана), странджанских и некоторых фракийских⁵⁰ говорах, т. е. на юго-востоке Болгарии, зафиксировано слово *znoj* 'пот' (БДА I, карта № 251; БД II, 169; БД I, 88; ИИБЕ IV, 224 и личные наблюдения 1957, 1959 гг.). Распространено оно и на крайнем северо-западе и западе болгарской языковой территории (Видинско, Вратца, Царибродско) *znoi* 'пот' (с. Желюша, СбНУ V, 221, СбНУ VII, 3, 232).

⁴⁹ В моем распоряжении, увы, нет сведений, в каких именно говорах распространена эта лексема.

⁵⁰ Ст. Младенов отмечает *znoj* 'пот', указывая в качестве источника пункт Кара-Масли (юго-восточнее Адрианополя) (Младенов, 1936, с. 12). Говоры этого края примыкают по своему характеру к странджанским.

В юго-восточной Болгарии слово *зной* 'пот' далеко не повсеместно: оно отмечено в части Странджи, главным образом, в пределах Хасекии с достаточно древним коренным болгарским населением и затем очень широко — сплошным ареалом в долине р. Марица от г. Первотай до г. Свиленград и южнее р. Арда до греческой границы. Таким образом, *зной* характерен для «рупцев», а в пределах «загорского клина» и во всей северной части юго-восточной Болгарии, равно как и во всей северо-восточной Болгарии, известно *пот* 'пот' (см. БДА II, карта № 156) (см. карту 6).

Карта 6. Распространение лексем **znojъ* и **potъ* в славянских языках:

1. — **znojъ* 'пот'; 2 — **potъ* 'пот'; 3 — граница славянского мира.

Эти факты свидетельствуют о том, что не все лексемы, взятые на рассмотрение для проверки гипотезы Б. Братанича, достаточно строго распределяются по «правилу» соотношения центрального и латеральных ареалов. Типичная для центрального — «штокавского» ареала лексема ⁺*znojъ* обнаруживается и на крайнем востоке славянской части Балканского полуострова, в латеральной зоне юго-восточных болгарских говоров, и на западе, в словенском языке. Однако этот случай еще не может дискредитировать гипотезу в целом, так же, как не обесценивают, а уточняют наблюдения Б. Братанича поправки И. Поповича к географии южнославянских терминов рала (Поповић, 1951—1952, с. 326—328). Вся проблема в целом представляется достаточно сложной и требующей привлечения нового фактического материала, выявления максимального числа «латеральных» изолекс.

Восточно- и западнославянские языки в отношении интересующих нас слов демонстрируют следующее положение. То же значение, что и в русском *пот* 'испарина, продукт выделения потовых желез', известно и в украинском *пiт*, род. п. *поту* 'пот' (УРС), и в белорусском *пот*, род. п. *поту* 'пот' (БРС). Лексема ⁺*znojъ* в украинском и белорусском отсутствует, русскому *зной* в этих литературных языках соответствует *спёка*, *спёка* (УРС, БРС).

В польском языке, как и в русском, *znój* означает 'зной, жара', но одновременно и 'пот': *Znój otrzeć z czoła* (SW дает помету «переносно»; может быть, областное? — Н.Т.), хотя 'пот' чаще выражается лексемой *pot* (SJP). Аналогичное положение наблюдается в словацком, где *znoj* — не только 'зной, жара', но и 'пот': *Z čela se cedí znoj cícerkom* (SSJ с пометой «несколько экспрессивно»), хотя есть и слово *pot* 'пот' (SSJ).

Настольный словарь чешского языка, помимо слова *pot* 'пот', 'тяжелый труд', 'испарения' (PSJČ), дает слово *znoj* с пометой «устарелое» и «поэтическое» в следующих значениях: 'зной, жара', 'пот' и 'струя, струйка', приводя сочетания *znoj potu*, *znoj slz* 'струя пота', 'струя слез' (PSJČ). Ф. Травничек, помимо значения 'зной, жара', также отмечает *znoj-pot*, но делает при этом ссылку на Покорного и дает помету *ze slov.* — «из словацкого» (SJČ).

Сколь присуще слово *znoj* 'пот' чешским и словацким говорам (надо полагать, что *znoj* 'пот', действительно, словацкая черта) и для каких именно словацких говоров оно ха-

рактально, можно будет выявить в результате картографирования этого явления. Некоторый свет на нашу проблему проливает «Малый атлас польских говоров» (MAGP), представляющий в VIII томе в наше распоряжение карту на слово *pot* (№ 399). По карте видно, что *znoj* 'пот' употребляется в отдельных говорах юго-восточнее Кракова, в зоне Карпат (у Лиманова, восточнее Нового Тарга, у Горлиц), а также восточнее Ченстохова и Тарнобжега (единичные случаи). На всей остальной территории Польши составители Малого атласа слово *znój* 'пот' не отметили (см. также комментарии к карте № 399 в части 2-й VIII тома, s. 155–156)⁵¹.

Обнаружение слова *+znojь* 'пот' в ареале карпатско-восточно-славянских говоров не входило в задачу составителей «Карпатского диалектологического атласа». Возможно, что этого слова там нет.

* * *

Рассмотренными в последних двух этюдах фактами, естественно, не ограничивается лексика, встречающаяся в центральном южнославянском ареале и в обширной зоне Карпат. К числу таких лексем, например, относится *+vatra*, дающая достаточно четкую изоглоссу на славянском Юге.

8. 'Радуга'

В «Вопроснике Общеславянского лингвистического атласа» (М., 1965) имеется вопрос № 2479 под грифом L (лексика) — «разноцветная радуга на небе после дождя» (с. 166). Вопрос этот, как отмечалось в научной литературе (см. Непокупный, 1969), был включен в ряд национальных атласов (белорусский, русский, украинский, польский, болгарский и др.) и атласов региональных (кашубский, силезский, лемковский, спишский), что привело к накоплению весьма значительного и ценного материала по интересующим нас словам. Немало информации по славянским названиям радуги содержится в монографиях по болгарской метеорологической лексике В. Косеской (Koseska, 1972), по польской лек-

⁵¹ По соседству с отмеченной нами зоной зафиксировано также *roza* 'пот' (карта № 399).

сике того же семантического пласта В. Купишевского (Kupiszewski, 1969), В. Купишевского и З. Венгелек-Янушевской (Kupiszewski, Węgielek-Januszewska, 1959) и др., в диалектных словарях и исследованиях по этнографии. Вышли и обобщающие труды по украинским (Кабайда, 1966), польским (Reczkowa, 1967), литовским (Rokaitė, 1963) названиям радуги, по славянским и литовским названиям радуги с внутренней формой «пояс» (Непокупный, 1969). Последняя статья, принадлежащая перу А. П. Непокупного, является первой интересной, но неполной по охвату известного в славистике материала, попыткой рассмотреть одно из названий радуги в общеславянской, или даже шире — балто-славянской перспективе. Подобные опыты имеют значительную ценность не только потому, что они подводят итоги проделанной работе, предлагают некоторые историко-генетические выводы, представляют лексему в более широком географическом и семантическом аспекте, но и потому, что они побуждают к новым поискам материала, несмотря на его часто кажущуюся полноту. А такие поиски необходимы. Вот почему я считаю возможным приступить к изложению и комментированию уже частично известного материала до появления карты ОЛЯ по вопросу № L 2479.

Многочисленность разных славянских названий радуги уже известна. Известен и другой факт, о котором я постараюсь сказать подробнее ниже, — наличие нескольких названий радуги в одной и той же лексической системе, в одном и том же пункте (микроговоре). Наконец, можно отметить и третий факт — небольшое число неславянских заимствований и большая ограниченность территории их распространения (исключением является, пожалуй, только болгарско-македонская *зунка*). Все это в одно и то же время и осложняет, и облегчает в отдельных звеньях проблему выявления древнейших славянских названий небесной дуги. К числу таковых, вероятно, бесспорно относится слово ⁺*doga* 'радуга'.

⁺*Doga* 'радуга' представлена почти во всех славянских языках и уж во всяком случае во всех славянских языковых группах — восточной, южной и западной. В тех славянских языковых группах и зонах, где это слово встречается не повсеместно и занимает не сплошной диалектный массив, ⁺*doga*, как правило, отмечается в довольно архаических зонах (окраинных и т. п.). Ср. северно-, средне- и южнове-

ликорусск. *дуга́* 'радуга', отмеченное в архангельских, вятских, новгородских, среднеуральских, новосибирских, тобольских, затем поволжских (саратовских, симбирских, казанских), смоленских, калужских и тульских говорах (СРНГ; Подвысоцкий, 1885; Васнецов, 1908; Пирогова, 1959, с. 214). О сочетании *дуга́-ра́дуга*, *дуга́-ра* и др. см. ниже.

Белорусск. *дуга́* 'радуга' встречается еще реже, чем великорусск. *дуга́* 'радуга'. В белорусском диалектологическом атласе (ДАБМ) это слово отмечено трижды в разных районах Белоруссии — почти на самой литовской границе севернее озера Нарочь (д. Оцковичи, Поставск. р-н б. Молодеченской обл., ДАБМ), восточнее Полоцка (д. Качаны, Городецк. р-н, Витебск. обл., ДАБМ) и северо-восточнее Минска, за р. Березиной (д. Ст. Денисовичи, Крупск. р-н, Минск. обл., ДАБМ). В последних двух случаях *дуга́* употребляется одновременно с другими терминами, со словом *в'ес'о́лка* (д. Качаны) и *ра́дуга* (д. Ст. Денисовичи).

Украинск. *дуга́* 'радуга' неоднократно фиксировалась в западноукраинских говорах: в лемковских (в их западной части, граничащей с польским и словацким диалектными массивами) — *дуга́* 'радуга' (в прошлом это были восемь населенных пунктов Ново-Санчского повета, семь пунктов Горлицкого повета, два пункта Санецкого повета и три пункта на территории Чехословакии — Медзилаберце, Ястреб и Ярембина; Stieber, VI, карта № 291); в бойковских — *дуга́* 'радуга' (в селах Жукотин, Плавле, Розлуч, Тухолька, Прислип, Ямельница; в с. Прислип отмечена лексема *доўга́* — Онишкевич, I; в буковинских — *дуга́* 'радуга' (в районах Заставнинском, Хотинском, Новоселицком, Кельменецком и Сокирянском; МСБГ); в одесских — *дуга́* 'радуга' (с. Муровино, Котовск. р-н; Москаленко, 1958). А. В. Кабайда отмечает, что «*дуга́* распространена теперь в основном в южных областях западноукраинской территории. Фонетическими разновидностями этой лексемы являются *доўга́* в селах Горбачи, Корчови, Стыльское, Чолгины (Львовск. обл.) и в с. Рогачини (Тернопольск. обл.) и *дуўга́* в селах Коцуров, Подгайчики, Ставичаны (Львовск. обл.). Акцентологический вариант *ду́га* в селах Поручини (Тернопольск. обл.), Малое Березно, Дубриничи (Закарпатск. обл.)» (Кабайда, 1966, с. 90). Данные украинского диалектологического атласа, безусловно, дадут новый и большой материал.

Польск. *dąga* (*doga* и другие фонетические варианты) 'радуга' известно только в силезских говорах. При этом в польской Силезии *dąga* оказывается не единственным названием радуги. Наряду с ним известны *tyńča*, единичное употребление слова *púnka* и др. К тому же ⁺*doga* в польской Силезии распространена не повсеместно, а в ее центральной и южной, примыкающей к Чехословакии, части (Zaręba, III, карты № 305, 306, MAGP VI, карта № 262, Reczkowa, 1967, s. 63).

Чешск. *duha* 'радуга' известно почти на всей территории распространения чешского языка (PSJČ). Это же можно сказать и о словацком *duha* 'радуга' (SSJ). На этом основании З. Соберайский справедливо считает единичные употребления слов *duya* (*duha*) в польских спишских говорах результатом украинско-словацкого влияния, преимущественно украинского (Sobierajski, III, s. 56, карта № 275).

Сербскохорватск. *đuga* 'радуга' распространено в большей части штокавских, кайкавских и некоторых чакавских говоров (PCXKHJ, RHSJ, Караџић, 1852). М. Валявец зафиксировал в районе г. Вараждина (кайкавский диалект) помимо *duga* 'радуга', также *dugača* и *bóžja dōga* 'радуга' (Valjavec, 1863, s. 256). *Duga* 'радуга' отмечена у многих далматинских писателей — у М. Ветранича (XVI в.), Б. Кашича (XVII в.), Ю. Пальмотича (XVII в.), И. Джорджича (нач. XVIII в.) и др. (RHSJ).

Македонск. *dağa* 'радуга' зафиксировано в центральных — велеских говорах (с. Раштани, Reiter, 1964, S. 148), но надо полагать, что оно может быть отмечено и в других диалектных зонах. Так, по моим записям, в с. Пателе (Леринско, Эгейская Македония) также известно *đga* 'радуга' — *đga nūje vōda*, наряду с *nōjas* 'радуга', *ōблак* 'радуга' и другими названиями, известными в соседних селах (собств. наблюд. 1961 г.).

Болгарск. *дъга* 'радуга' широко распространено в северо-западной, северо-восточной и центральной Болгарии, включая сюда и Котелско, Ямболско, Сливенско и территорию восточнее Несебры (БДА I, карта № 266, БДА II, карта № 279, Koseska, 1972, карта № 20). Единичные случаи употребления термина *дъга* 'радуга' отмечены В. Косеской на крайнем юго-востоке, южнее Бургаса. Однако этому противоречат показания Болгарского атласа и мои собственные наблюдения (см. БДА I, карта № 266). В данном случае не

исключено влияние литературного языка. Следует указать также, что В. Косеская юго-западнее Пловдива (в пунктах Минково и Брестник) отметила *ďzǎ* 'радуга' (Koseska, 1972, s. 42 и карта № 20).

Что касается лексем *myǎ́*, *tę́ga*, *tǎga*, *mǎǎ́* и т. п., отмеченных на западноукраинской, польской, кашубской и болгарской территории, то их, на наш взгляд, следует рассматривать как фонетические варианты рефлексов праславянского **doga*. Слов с различным по признаку глухости/звонкости начальным согласным в славянских языках довольно много, и число их в диалектах при тщательном сборе материала может оказаться весьма значительным⁵². Достаточно указать хотя бы на подобный пример *pryńga* — *bryńgi* 'радуга' (в районе северноленчицких и северносерадзских говоров, MAGP VI, карта № 262).

Иное толкование предлагает З. Штибер, возводя кашубск. *tę́ga*, равно как и украинск. *myǎ́*, болгарск. *mǎǎ́* 'радуга' к праславянскому корню **toga-* (ср. польск. *wstęga* 'полоса, лента'), или допуская контаминацию форм *dęga* и *tę́cza* (AJK V, 235). Контаминацией объясняет происхождение интересующей нас формы и ряда других форм Б. Речкова. Она предлагает подобную схему: *dęga* : *tę́cza* ⇒ *tęga*; *dęga* : *tę́cza* ⇒ *dę́cza*; *dęga* : *tę́cza* ⇒ *tę́dza* ⇒ *tę́dza* (Reczkowa, 1967, s. 66—67).

Некоторые формы, не связанные с начальным *t/d*, безусловно, можно считать возникшими в результате контаминации. Контаминационными можно было бы признать и формы *tęga* (из *dęga* и *tę́cza*), если бы они встречались только на польской территории, т. е. там, где имеется *tę́cza* 'радуга', а случаи с болгарским *mǎǎ́* и украинск. *myǎ́* отсутствовали. Но украинско-польско-болгарские (и македонские) соответствия форм заставляют либо принять объяснение З. Штибера, либо видеть в них варианты со звонким и глухим (*t/d*). Естественно, что эти варианты могут быть достаточно древнего происхождения.

Последнее решение правдоподобнее хотя бы потому, что формы с *t* (**toga*) нигде, кроме как в кашубском и в юго-западных македонских говорах, не образуют отдельного достаточно обширного ареала, а встречаются всюду в соседстве с

⁵² См. отнюдь не исчерпывающий список примеров в статье В. Р. Кипарского (Kiparsky, 1968).

формами с *d*. Так, западноукраинск. *туга́* встречается спорадически в тех зонах, где распространен термин *дуга́*. Ср. бойковск. *туга́* 'радуга' (ср. Коростов, Лопушанка Хомина — Онишкевич, П). А. В. Кабайда дает довольно точные данные о распространении лексемы *туга́* на западе Украины. Эта лексема известна в Львовской области (пункты Беличи, Велика Сушица, Глинцы, Грубичи, Зоротовичи, Коростев, Лопушница, Старява, Тишковичи, Турья), в Закарпатской области (пункты Горонда, Затисовцы, Изки, Лютый, Синевирская Поляна), Тернопольской области (пункт Велика Ходачца — Кабайда, 1966, с. 90) и с иным ударением *ту́га* в селах Пьяновичи и Чишки (Львовск. обл.) и Малый Березный (Закарпатск. обл. — Кабайда, 1966, с. 91).

Только в некоторых населенных пунктах в Родопах (Неделино, Царино, Горни Юруци) да в крайних юго-восточных македонских говорах, бывших на нижнем течении р. Струмы (7 пунктов), отмечена форма *тзга́* и соответственно *тзга* (БДА I, карта № 266, Иванов, 1972, карта № 206). В говорах, расположенных ранее в долине р. Струма, до ее впадения в Бутковское озеро, в 11 пунктах известно *тзга́* и *зунца*, и лишь в одном пункте только *тзга* (с. Райковцы, Иванов, 1972, карта № 206).

Следует, наконец, отметить, что и кашубский ареал форм *тега* не очень значителен. Формы типа *те́сца*, *те́сз* преобладают, а *тега* отмечена лишь в 24 пунктах, из них в семи наряду с *те́сца* (АЛК V, карта № 247)⁵³.

Форма *стзгйца* отмечена в болгарских селах, расположенных юго- и северо-западнее Варны, в группе говоров, где известны формы *дзга́*, *дзгйца* и *тзгйца* (БДА II, карта № 279). В. Косеска видит в форме *стзгйца* 'радуга', записанной ею в с. Падина⁵⁴, юго-западнее Варны, результат семантического переноса от болгарск. *стзга́* 'пояс' (см. Геров, V и Koseska, 1972, s. 61). Я полагаю, что изменение шло по линии *дзга* → *тзга* → *тзгйца* → *стзгйца*. В последней форме с возникло по народной этимологии в результате сближе-

⁵³ Примечательна при этом общность показаний двух окраинных зон — крайнего севера западнославянского диалектного комплекса (кашубы) и крайнего юга южнославянского комплекса (эгейские македонцы).

⁵⁴ Любопытно, что БДА II приводит в с. Падина (Провадийско) две формы — *дзгйца* и *тзгйца*, но формы *стзгйца* не дает (руководителем группы, собиравшей материал, был Людмил Ангелов, 1963 г.).

ния со словом *стѣга* 'пояс', тем более что во всем северо-восточном углу Болгарии от Бургасского залива до Дуная и реки Лом слова *зунка* и *пояс* 'радуга' не фиксируются. В подобных случаях лингвогеографические показатели для определения пути семантического и этимологического развития очень важны и существенны.

С той же «внутренней формой», что и ⁺*dogā*, у славян известен термин ⁺*lōkz* 'радуга'. Его локальное распространение отмечается у южных славян в окраинных зонах распространения сербскохорватского языка, в македонских диалектах. По данным загребского академического словаря, словосочетание *luk nebeski* 'радуга' отмечается в словарях Я. Микали (XVII в., чакавщина с примесью штокавск.), И. Белостенца (XVII в., кайкавщина), А. Делла Белы (XVIII в., далматинско-боснийск. штокавщина), И. Стулича (нач. XIX в.) и у таких авторов, как Ф. Главинич (нач. XVII в., чакавщина), М. Газанович (XVII в., чакавщина), А. Бачич (XVIII в., икавская штокавщина — RHSJ). Любопытно, что у Б. Кашича (XVII в., икавская штокавщина) употребляется словосочетание *lūk dūge* — *Prikazati će se luk duge moje* (RHSJ). Часто на основе слова *lūk* 'радуга' возникает сложный термин, первым компонентом которого является слово ⁺*božjъ*. Так, на острове Сусак (северная островная чакавщина) известно *bōžji lūk* (GOS, 153). Этому термину в полной мере соответствует словенск. *bóžji lōk* 'радуга' (запись О. Цафа, а также Ф. Эръявца из Св. Петера, *Pleteršnik*, I), словенск. резьянск. *bóyu lōx* 'радуга' — *dwá bōyowa lōya* (Бодуэн де Куртена, 1966, с. 205), или, как отмечено в словенских текстах XVI в., просто *lok* 'радуга' (Ю. Далматин — перевод Библии, *Pleteršnik*, I).

Он же обнаруживается в македонском языке: *божилак* 'радуга' (PMJ; к сожалению, без указания области распространения) и в несколько модифицированной форме — *божилок* 'радуга' (PMJ). Последнее слово в еще более измененном виде известно в восточномакедонском дебарском говоре — *божурлок* 'радуга' (с. Луково, Видоески, 1968, с. 82). В тех же говорах известно и *божило* 'радуга', отмечаемое и словарем литературного языка (PMJ) и Л. Каровским в тиквешском диалекте, а Н. Райтером в говоре велесского села Клепа (Видоески, 1968, с. 82; Каровски, 1951, с. 90). В тех же велесских говорах бытует еще форма *божурок* 'радуга' (с. Суяклари, Reiter, 1964, S. 148), возникшая, вероятно,

так же как и дебарская форма *божурлок*, в результате контаминации со словом *божур* 'пион, *Raeonia officinalis*' (РМЈ). Есть основания полагать, что и *божило* 'радуга' возникло из *божи лак* → *божилок* с отпадением конечного *к* по типу отглагольных и отприлагательных (от качественных прилагательных) существительных типа *гладило*, *садило*, *варило* и *белило*, *зеленило*, *модрило* и т. п. (ОРМЈ, РМЈ).

Таким образом, термин **lorkъ* 'радуга' занимает западную и южную часть южнославянской латеральной зоны, но не фиксируется в ее восточной части — в юго-восточной Болгарии. Вне отмеченных ареалов форма *luk* 'радуга' известна в Польше в северноленчицкой зоне (к западу от Варшавы; Reczkowa, 1967, s. 68), притом в единичном примере, не отмеченном даже в «Малом атласе польских говоров» (МАГР VI, карта № 262, с. 50—54).

Восточнославянское *ра́дуга* также является локальным термином, так как он неизвестен вне области распространения великорусских, белорусских и украинских диалектов (при этом единичные заимствования в пограничных восточнопольских диалектах нами в расчет не принимаются). Слово *ра́дуга* широко распространено в северно-, средне- и южновеликорусских говорах. В украинских диалектах известны две формы: *ра́дуга* и *рай́дуга* 'радуга'. При этом и на западе Украины, где широко представлены другие названия — *дуга́*, *йáсна*, *весéлка* и т. п., *ра́дуга* зафиксирована в ряде пунктов Закарпатской, Львовской и Черновицкой областей. На Станиславщине известны лишь единичные случаи употребления этого термина, а в Волынской и Ровенской областях, так же как и на востоке Украины, *ра́дуга* встречается часто (Кабайда, 1966, с. 89). Форма *рай́дуга* отмечена реже — в отдельных пунктах Волынской и Ровенской областей и в единичных пунктах Львовской и Черновицкой областей (Кабайда, 1966, с. 89). В волынском селе Чорнихов записано *ра́дига* 'радуга' (Кабайда, 1966, с. 89). На территории Белоруссии *радуга* известна почти повсеместно; притом во многих случаях в отдельных населенных пунктах, помимо термина *радуга*, фиксируются другие термины, чаще всего — *вясéлка*, *вясялуха* (ДАБМ, карта № 312). О случаях параллельного употребления нескольких терминов в одной лексической системе (в одном говоре) см. ниже.

Вариантом лексемы в некоторых великорусских и украинских говорах выступает лексема *рай́дуга*. На великорус-

ской территории она известна прежде всего в западнотверских (остапковских) говорах (Опыт, 1852; Копорский, 1946). Данные лингвистической географии довольно красноречиво свидетельствуют в пользу этимологии, предложенной А. Преображенским (Преображенский, 1910—1914), т. е. в пользу исходной формы **radoga*, где начальное **ra-* следует вывести из **radъ* 'рад' (подробнее см. ниже). Что же касается форм с начальным **raj-*, то они, надо полагать, народно-этимологического происхождения на основе сближения с *раем*: *рай* — *райская дуга* (вопреки мнению А. И. Соболевского о древности корня *рай-*; подробнее см. Преображенский, 1910—1914 и Фасмер, III). О возможности возникновения слова *радуга* из определенного словосочетания см. ниже.

Полесск. *ра́давіца* 'радуга' (д. Велута Лунинецк. р-н; собств. запись 1965 г.) свидетельствует о том, что от корня **rad-* создавались названия радуги непосредственно без сочетания с другим корнем (**doga* и т. п.). Ей в полной мере соответствует ровенск. *ра́дов'іца* 'радуга' (с. Сновидовичи, Кабайда, 1966, с. 90). Суффиксально осложненная форма *ра́доўніца* отмечена в ряде пунктов Припятского Полесья (по нижнему течению р. Горыни и нижнему течению Припяти, севернее г. Овруч), в двух пунктах центральной Белоруссии (в верховьях Случи и низовьях Свислочи, ДАБМ, карта № 312) и на Ровенщине. В той же Ровенской зоне известна *ра́доўка* 'радуга' (с. Устья; Кабайда, 1966, с. 90). Наконец, любопытны волинск. *ра́дусник* (с. Залазье), тернопольск. *ра́да* 'радуга' (с. Лосятин, Кабайда, 1966, с. 90), зафиксированные как единичные примеры. В качестве варианта полесск. *ра́давіца* 'радуга' в той же деревне Велута можно услышать *ура́давіца* 'радуга', где *у* возникло как протетическое, возможно, не без влияния народно-этимологического момента, сближающего интересующее нас слово со словом *урад* 'град' (собств. наблюдения 1965 г.). Формы *ура́даўніца* отмечены в центральном Полесье (д. Липск, Ганцевичск. р-н и д. Отвержичи, Столинск. р-н; ДАБМ, карта № 312). Форма *ура́дўха* 'радуга' отмечена в центральной Белоруссии на р. Свислочь (д. Уголец, Пуховичск. р-н; ДАБМ, карта № 312). Что касается южнорусских брянских слов *гра́довка* 'радуга' (с. Горшково, Трубчевск. р-н, Брянск. обл.) и *гра́довніца* 'радуга' (с. Латрёвка, Комаричевск. р-н, Брянск. обл.; Кардашевский, 1956—1960; в «Опыте» дано с пометой *курск.*), то в них несколько труднее усмотреть протетичес-

кое γ (хотя известно протетическое ϵ), а скорее можно предположить сближение с *град*. Однако и возможность заимствования этих слов из украинского (геср. белорусского) не исключается. Ср. в связи с этим восточноукраинск. сумск. *градá* 'радуга' (Дорошенко, 1961, с. 128). Из названий радуги с корнем **rad-* отметим еще полесск. *рад'іха* (д. Выгонощи, Легишинск. р-н) и *парадúха* (д. Хатыничи, Ганцевичск. р-н; ДАБМ, карта № 312, комм. 902).

Слово *веселка* 'радуга', так же как и *радуга*, не общеславянское, а локальное — восточнославянское. Оно известно во многих белорусских, украинских и в части великорусских диалектов. Если бросить взгляд на неоднократно упоминавшуюся карту № 312 Белорусского атласа, то станет ясно, что формы *вясёлка* и *вясялúха* распространены в центре Белоруссии, в ареале, идущем от Дрисы и Западной Двины широкой полосой на юг до средней и нижней Припяти (от впадения Горыни до устья). Эта центральная полоса не очень компактна, и по всей ее территории широко представлена и форма *радуга*. Вне ее известны фиксации форм *весёлка* в отдельных пунктах, и только в районе северо-западнее Пинска обнаруживается островок форм *веселúха* (ДАБМ). По данным А. В. Кабайды, использовавшей материал диалектологического атласа украинского языка, термин *весёлка* (фонетич. варианты *ве^uсёлка*, *висёлка*) 'радуга' — «один из самых распространенных в западных областях Украины, за исключением Волынской и Ровенской областей, где он встречается только в отдельных случаях» (Кабайда, 1966, с. 90). Эту форму отмечает в бойковских говорах М. О. Онишкевич (Онишкевич, I), а в лемковских говорах она уже не встречается (Stieber, VI, карта № 291).

Немногочисленные, но разнообразные в говорах примеры образования с другими суффиксами типа ровенских *ви^eсил'ан*, *ве^uсилún*, *веселік*, *веселúха* (*в'ісилúха*), тернопольск. *весел'óха* (Кабайда, 1966, с. 90) и т. п. Довольно широко известна украинская форма *веселúца* 'радуга' и уменьшительные *веселúчка*, *ве^uселочка*, *весел'іўка*, *веселúшка* (Кабайда, 1966, с. 90; Онишкевич, I; МСБГ; Москаленко, 1958). Особый интерес представляет субстантивированная форма *веселá* (вариант *весéла*) 'радуга', сохраняющая склонение прилагательного и известная в Закарпатье, на Львовщине, Тернопольщине и Буковине в ряде населенных пунктов (Кабайда, 1966, с. 90; МСБГ; Онишкевич, I). Ср. также ровенск. *вéc'ол* 'радуга'

(д. Каменцы, Кабайда, 1966, с. 90) и бойковские варианты *весёўка*, *весіўка* (Онишкевич, I).

Любопытны единичные примеры изменения «внутренней формы» слова на основе народноэтимологических представлений, ведущие к изменению и внешней формы, т. е. лексемы. К таковым относятся: волынск. *вис'ўлка* (с. Берестяны и Горяновка; Кабайда, 1966, с. 90), сближенное с *висіти* 'висеть', и бойковск. *весн'іўка* 'радуга' (Онишкевич, I), сближенная с *весна́*. Ср. также *ве"сн'іўка* 'радуга' (с. Завадов, Кавское Львовск. обл., Кропивники, Надеев, Суходол, Ясень — Ив.-Франковск. обл.; Кабайда, 1966, с. 91), *ви"сн'énка* 'радуга' (с. Васильков, Тернопольск. обл.; Кабайда, 1966, с. 91). Тем же путем из того же источника (из *веселка*, *весела*) возникли белорусские формы *асёлка* 'радуга' (д. Красница, Чашницк. р-н, Витебск. обл.; Каспяровіч, 1927), *ос'елок* 'радуга' (д. Дяковичи, Житковичск. р-н, Гомельск. обл., ДАБМ, карта № 312, комм. 902). В полесских Дяковичах *ос'елок* 'радуга' встречается наряду с *в'ас'олка* 'радуга'. При этом говор д. Дяковичи окающий, находящийся на самой границе большого акающего белорусского массива. В слове *ос'елок*, таким образом, мы можем отметить гиперкорректное оканье, но вернее — переход к другой внутренней форме. Ср. русск. *оселок*, *осёлок* 'оселок, точильный камень', украинск. *осла́*, польск. *oselka* 'то же' (Фасмер, III). В витебской Краснице также, вероятно, известна форма *вясёлка* 'радуга' (см. помету Н. Касперовича — Каспяровіч, 1927). Любопытен и такой пример, как украинск. закарпатск. *силка́* 'радуга', зафиксированный наряду с *ве"се"лка́* и *ра́дуга* в с. Руске Мукачевского р-на: *силка́ вб́ду п́е* (Дзендзелівський, III). Здесь очевидна адаптация, отпадение первого слога. Менее вероятно, хотя и не может быть исключено полностью, сближение с западно-украинск. закарпатск. *сі́лка* (*силок*) 'горшок' (Грінченко, IV), хотя во фразеологизме *силка́ вб́ду п́е* такое понимание было бы оправдано. Модификацией слов *весёлка*, *веселá* и т. п. 'радуга' оказывается, надо полагать, и слово *весло́* 'радуга'. Такой пример отмечен в Закарпатье в с. Поляна Свалявского р-на и на Станиславщине в с. Балинцы (Дзендзелівський, III; Кабайда, 1966, с. 91). В с. Поляна *весло́* известно наряду с *ве"се"ла́*, *ве"се"л'о́ха*, *туга́* (Дзендзелівський, III). Наконец, и западнополесск. *высыл'ок* 'радуга' (д. Медная, Брестск. р-н и обл.; ДАБМ, карта № 312, комм.

902), как и рассмотренный выше *ос'елок*, возник, вероятно, на основе слова *веселка* и т. п. Ср. пример из той же диалектной микрозоны: *веселуха* и *веселык* (д. Застружье, Ивановск. р-н, Брестск. обл.; ДАБМ, карта № 312, комм. 902).

Предлагаемую этимологическую связь с корнем **vesel-* в перечисленных примерах подтверждает, на наш взгляд, факт географии рассмотренных слов — *вис'улка*, *ви'сн'енка*, *ос'елок*, *силка*, *весло* и т. п. Все они представлены единичными примерами в отдельных микрозонах. Ни один из перечисленных примеров не образует достаточно обширной зоны и не имеет соответствий вне своего языкового ареала (ареала отдельного славянского языка), затем ни один из этих терминов не зафиксирован за пределами весьма значительной по своему протяжению области распространения слова *веселка* (*весела*, *веселуха* и т. п.) 'радуга' и ни один из этих терминов, как правило, не употребляется в качестве единственного в конкретных диалектах, т. е. в говорах одного населенного пункта.

На великорусской диалектной территории *весёлка* 'радуга' довольно широко представлена на Смоленщине (Слободской р-н и др., МСОС, 112), меньше на Псковщине, в Великолукской и, наконец, Вологодской зоне (СРНГ). По предварительным данным приблизительно в том же ареале распространено и слово *веселуха* 'радуга', зафиксированное в отдельных смоленских (б. Рославльск. у.; Опыт, 1852; Добровольский, 1914), брянских, тульских и архангельских (холмогорских) говорах (СРНГ).

Подобно тому, как термины *+radoga* и *+veselzka* образуют довольно крупные локальные ареалы, не выходящие за пределы восточнославянских языков, термин *+třca* очень широко распространен на западнославянской территории почти во всех польских и лужицких говорах, но отсутствует в южнославянских и восточнославянских диалектах (кроме некоторых белорусских, где он явно заимствован из польского). Слово *tęcza* 'радуга' картографируется «Малым атласом польских говоров» (MAGP, карта № 262), кашубским атласом (AJK), некоторыми региональными польскими атласами (Zaręba, III; Sobierajski, III). Этому слову посвящено специальное очень ценное исследование Б. Речковой (Reszko-wa, 1967). При наличии весьма значительного числа фонетических вариантов, касающихся главным образом реф-

лексов носовых, *tęcza* 'радуга' занимает почти всю польскую и кашубскую языковую территорию за исключением, как уже отмечалось выше, центральной и южной польской Силезии, где известна лексема ⁺*doga*.

Особенно интересная ситуация с семантической точки зрения выявляется в кашубской зоне, где *tęča* (фонетические варианты *tamča*, *tąča*, *toča* и др.) означает не только 'радуга', но и 'дождевая туча', 'туча', 'сильный дождь', 'ливень' (АЖК V, 235—236). В исчезнувшем словинском диалекте А. Гильфердинг, Ф. Лоренц и др. фиксировали только *tąča* 'дождевое облако', 'туча, несущая бурю' (подробнее см. АЖК V, 236). К. Нитч отмечал два значения для кашубского *tąča*: 'радуга' и 'облако, туча' (Nitsch, 1954, III, s. 101). Б. Сыхта в своем словаре дает три значения: *tąča* 1. 'радуга', 2. 'проливной дождь', 3. 'дождевое облако, туча' (Syhta, V). Именно значение 'дождевое облако', 'градовое облако', 'сильный дождь', 'град', 'буря' характерно для семантики слова ⁺*tąča* в славянских языках вне польско-лужицкого ареала (подробнее Reczkowa, 1967, s. 61). Ср. нижнелужицк. *tusa* (уменьш. *tuska*, *tyuska*) 'радуга' (Muka, II), верхнелужицк. *tušel* 'радуга' (Jakubaš, 1954; Reczkowa, 1967, s. 60). Х. Пфуль различал верхнелужицк. *tušel* 'радуга' и *tuča* 'туча, грозовое облако', 'полосатые облака' (Pful, 1866). Таким образом, верхнелужицкая семантическая дифференциация, согласно Х. Пфулю, приближается к кашубской с той только разницей, что семантическое отличие в верхнелужицком закреплено и словообразовательным моментом.

На белорусской языковой территории слово *тэнча* 'радуга' известно в зонах восточнее г. Гродно в Принеманье и на Минщине в верховьях Птичи и Свислочи, затем на северо-западе в зоне от верховьев Березины и Вилии до Западной Двины. В последней зоне широко известны также слова *тўча* и *хм́ра* 'туча' (ДАБМ, карты № 312, 313). На украинской территории это слово встречается sporadически на Львовщине — *тénча*, на Тернопольщине — *тénчі* и изредка на Волини — *тенч* (Кабайда, 1966, с. 91). Чаще всего этот термин встречается наряду с другим — *радуга*, *веселка* и др. Типично польский фонетический облик слова говорит о его заимствованной природе.

Южномакедонск. (эгейск.) *облак* 'радуга' представляет особый интерес в связи с кашубским и польским материалом. У носителей отдельных говоров окружья Леринского и

Костурского в 1961 г. мне удалось записать следующие формы: *облак* 'радуга' — *облак го вѣлиме*; *облак* — *цзрвѣно и сѣно* (с. Трсье, Леринско); *облак*: *облако се пѣшчи*, — *вѣда пѣје* (с. Жельово, Леринско); *воблак* 'радуга' (с. Нестрам, Костурско), *облако вѣда пѣје* (где конечное *о* в слове *облако* — член, с. Жупанишча, Костурско)⁵⁵. Любопытно отметить, что и семема 'облако, туча' манифестируется в этих говорах лексемой *облак*, мн. *облаци*. Аналогичная в некотором отношении ситуация наблюдалась мною в 1959 г. в Родопах в с. Неделино (б. Узун-Дере) и с. Желтуша (б. Саръ-къс), где *облак* означает и 'небо', и 'облако, туча'⁵⁶. Таким образом, в семантическом плане обнаруживается довольно четкое кашубско-южномакедонское соответствие.

Слова **rojasz* 'радуга' в славянских и *juosta* (*josta*) 'радуга' в балтийских языках уже были предметом рассмотрения в научной литературе. А. П. Непокупный сопоставил литовские, латышские, белорусские и болгарские названия радуги, к сожалению, не взяв на себя труда обратиться к словенскому, сербскохорватскому и македонскому материалу, существенному для решения поставленного им вопроса. Поэтому и вся картина, представленная киевским ученым, оказалась неполной и не совсем точной (Непокупный, 1969).

Как правило, на славянской почве при манифестации семемы 'радуга' лексема **rojasz* выступает не самостоятельно, а с определением-прилагательным типа **božьjъ*, **babinъ*, **gospodьnъ*, **bogorodičьnъ* и т. п. или притяжательным определением в родительном падеже. Названия этого типа не характерны для западнославянских языков, а в южнославянских они выступают преимущественно в латеральной зоне, начиная от словенских диалектов и истрийских чакавских и до Черногории, южной Македонии и южной Болгарии. Ср. словенск. *svete Marije p̃as̃ec* 'радуга' (к сожалению, без указания места, Tentor, 1925—1926, s. 210), сербскохорватский североистрийск., штокавск. *bôžji pas̃ić* (с. Водице), *bôžji pásak* 'радуга' (с. Голац — Ribarić, 1940, s. 133), чакавск. на острове Црес и в хорватском Приморье *božji p̃as̃* 'радуга' (Tentor, 1909, Tentor, 1925—1926), кайкавск. в районе Вараждина *pas̃ec*, *božji rojas*, *Marijin pas̃* 'радуга' (Va-

⁵⁵ Моими информаторами были: баба Митра Янова из Жельово, Пандо Дерлевски из Трсье, баба Цаца Дувалиду Калевица из Нестрама и др.

⁵⁶ Подробнее см.: Толстой, 1962, с. 147 (с. 132 наст. изд.).

ljavac, 1863, s. 256), в Пригорье (южнее Загреба) *boži pasac* 'радуга' (Rožić, 1907, s. 59), штокавск. в Лике *божју пѧс* (Јанковић, 1951, с. 42), черногорск. в Кучах *пѧс светог Луке* 'радуга' (Дучић, 1931, с. 332), македонск. велесск. *појас* 'радуга' (с. Смиловци; Reiter, 1964, S. 148), эгейск. леринск. *пѧјас, бѧбин пѧјас, пѧјасо пѧје вода* (с. Стребрено, собств. запись 1961 г.), *бѧгунпѧјас, бѧгоф пѧјас* (с. Граждано, собств. запись 1961 г.). Болгарский материал, благодаря наличию диалектологического атласа (БДА I, карта № 266 и БДА II, карта № 279) и монографии В. Косеской (Koseska, 1972, карта № 20), представлен в отношении интересующей нас лексемы достаточно полно. Слово *пѧјас* 'радуга' распространено довольно широкой полосой на юго-востоке Болгарии, которая начинается на востоке от реки Тунджи (города Ямбол и Елхово), простирается на запад в междуречье рек Тунджа и Марица и продолжается на юго-запад до р. Струмы в зоне южнее линии София — Ихтиман — Калофер и севернее линии Хасково — Девин — Велинград — Банско (БДА I, карта № 266; Koseska, 1972, карта № 20, s. 57). В северной части Болгарии выявляются два острова, два замкнутых микроареала термина *пѧјас* 'радуга': на северо-востоке — в самом нижнем течении рек Янтра и Осым (БДА I, карта № 266) и на северо-западе — в районе Видина (с. Ново Село, Младенов, 1969, с. 265) и южнее города Лом (Koseska, 1972, карта № 20, s. 57). В. Косеская отмечает также микроареал слова *пѧјас* 'радуга' в Добрудже, однако оба отмеченные ею пункта относительно недавнего заселения (Koseska, 1972, карта № 20). Важно указать и на небольшой окраинный ареал термина *пѧјас* 'радуга' на юго-западе болгарской языковой территории по нижнему течению р. Места и по р. Тисовской севернее города Драма (Иванов, 1972, карта № 206).

В отмеченной болгарской зоне распространения слова *пѧјас* 'радуга' и несколько западнее ее фиксируются отдельные термины, состоящие из словосочетаний с существительным *пѧјас*: *гѧспод'оф пѧјас* 'радуга' (ряд пунктов в междуречье Тунджи и Сазлийки), *д'адоф гѧспод'оф пѧјас* и *д'адо-гѧспод'оф пѧјас* 'радуга' (группа пунктов на нижнем течении р. Тунджи южнее Елхово, группа пунктов восточнее Казанлыка, три пункта близ реки Голяма северо-западнее Грудово в Страндже и небольшая группа пунктов в верховьях р. Сазлийки южнее Казанлыка; БДА I, карта № 266). Ср. также родопск. *гѧспод'оф пѧјас* 'радуга' (с. Семчиново,

Пазарджикско, Стойчев, 1965; БДА I, карта № 266), *пояс на дядо Господ* (с. Странско, Хасковско, с. Болярско, Ямболско, с. Градина, Пловдивско, Koseska, 1972, s. 57). Термин *бабин пояс* 'радуга' представлен в одиночных, как правило, довольно далеко друг от друга расположенных пунктах: один — с. Малина у р. Голяма сев.-зап. Грудова, другой — Егрек у р. Крумовица (Бургасдере) южнее Крумовграда, еще три на северо-запад от Чирпана, затем отдельные пункты недалеко от Тырговиште и Пловдива (БДА I, карта № 266; Koseska, 1972, s. 35).

Следует указать, что слово *+baba (+babinъ)* в болгарских говорах встречается и в других сочетаниях, типа *баба зѹна*, *баба зѹнка* 'радуга' (см. примеры ниже). В западной части Южных Родоп и в Центральных Родобах в отдельных пунктах записано *бабино плѣтно* 'радуга' (г. Мадан, с. Чурка, Елховец, Могилица, Ситово — в районе гор. Мадан и Смолян; Стойчев, 1965). В той же зоне около гор. Смолян зафиксировано *майчин пояс* 'радуга' (с. Левочево — Koseska, 1972, s. 50), а на Дунае, чуть выше гор. Свиштова — *пѹясна* 'радуга' (БДА II, карта № 279).

Подробное лингвогеографическое обследование лексики украинского Закарпатья позволило И. А. Дзендзелевскому обнаружить в этой зоне наряду с терминами *дуга (дѹга), тѹга, радуга, веселѧ (весѣлка* и др.), о которых говорилось ранее, термин *божий пѹяс* 'радуга' (с. Водица и с. Верхне Водяне Раховского р-на в междуречье Тересвы и Шопурки) и *прис'атбѹй Дѹвы пѹяс* (с. Грушево Тячевского р-на в том же междуречье; Дзендзелѹвський, III, карта № 271)⁵⁷. Почти в той же микронеоне уже на территории Румынии в украинских говорах Марамороша северо-западнее г. Борша записано *пояс божий* 'радуга' (Непокупный, 1969, с. 72; по карте № 355 тома II Диалектологического атласа украинского языка).

Из остальных восточнославянских зон, в которых зафиксировано *+rojasъ* 'радуга', следует отметить Полесье (Житомирщина, Ровенщина, Пинщина и Мозырщина), где интересующая нас лексема встречается редко, спорадически: *пѹяс* наряду с *радуга* 'радуга' (с. Скраглевка, Бердичевск. р-н,

⁵⁷ Приношу И. А. Дзендзелевскому большую благодарность за любезное предоставление мне еще не опубликованного исключительно ценного материала.

Житомирск. обл., пункт № 433 I тома украинского атласа; Непокупный, 1969, с. 72), *пóйас* (с. Каменка и Федоровка, Ровенск. обл., Кабайда, 1966, с. 91), *пойáска* и *пойаснiца* (с. Сопачев, Ровенск. обл.; Кабайда, 1966, с. 91), *пойас Бóжойi мáтери* 'радуга' (с. Яцковичи, Ровенск. обл.; Кабайда, 1966, с. 92), *пóйас* (д. Мохро, Ивановск. р-н, юго-западнее Пинска и д. Речица, Столинск. р-н, юго-восточнее Пинска; ДАБМ, карта № 312, комм. 902), *пáс на нéб'е* 'радуга' — *в'асóлка вóду б'ерé* (д. Шестовичи, Петриковск. р-н, западнее Мозыря; собств. набл. 1962 г.). Наконец, *пайáс* 'радуга' известно в северо-западной Белоруссии на Браславщине на литовско-латышско-белорусском пограничье (д. Войнюницы, Милашки, Куштали, Голубовщина; во всех случаях наряду с *пайáс* известно *рáдуга* — ДАБМ, карта № 312, комм. 901). Там же зафиксировано *бóжы пайáс* 'радуга' (д. Мураж, Браславск. р-н, ДАБМ, комм. 901) и *харóшый пайáс* 'радуга' (д. Иланцы, Браславск. р-н, ДАБМ, комм. 901). А. П. Непокупный справедливо поставил эти формы в связь с диалектными восточнолитовскими и юго-восточнолатышскими названиями радуги: литовск. *dievo juosta* (буквально «божий пояс») и *malonės juosta* (буквально «хороший пояс») и латышск. *dieva josta* (подробнее см. Непокупный, 1969, с. 74—75; Rokaitė, 1963, p. 277—278).

К рассмотренному типу следует отнести и единичные болгарские названия *ónac* (*ónъс*) 'радуга' (с. Долна Студена на р. Янтре и четыре пункта у Дуная близь г. Тутракан; БДА II, карта № 279, Кочев, 1969, с. 119), *унаси'е* 'радуга' (с. Стърмен на р. Янтре, БДА II, карта № 279) и *препáска* 'радуга' (с. Доброславци севернее Софии, Гълъбов, 1965, с. 100). С. Младенов в его «Толковом словаре болгарского языка» дает форму *богородичен пояс* 'радуга' (Младенов, 1951, к сожалению, без указания места фиксации), что находит соответствие в отмеченных выше и ниже болгарск. родопск. *пойаса на св. Богородица*, украинск. полесск. *пóйас Бóжойi мáтери*, закарпатск. *прис'атóйi Д'iвy пóйас*, словенск. *svete Marije pásъс*, хорватско-сербск. кайкавск. *Marijin pás*. Последний термин записан М. Валявцем в 60-х годах XIX в. в районе гор. Вараждина (Valjavec, 1863, s. 256). Там же тем же собирателем отмечены слова *ródica* и *ródičica* 'радуга', которые П. Скок остроумно объясняет как усеченные формы от *Bogoródica* (Skok, III, s. 152). Затем могла возникнуть и уменьшительная форма *ródičica*. Слово *ródica* 'раду-

га' следует воспринимать, вероятно, как свернутый фразеологизм **pâs Bogorodice* или **pâs od Bogorodice* и т. п.

В чакавском говоре с. Сали на острове Дуги Оток (Северная Далмация) М. Деанович записал термин *bâbin lûb* 'радуга' (Deanović, 1967, III, s. 37). Ср. сербскохорватск. *lûb* 'лыко, лубок; лубяной обруч вокруг сита' и т. п. (RHSJ). Известно, что лыком в старину и подпоясывались.

Слово *зúна*, чаще *зúнка* 'радуга' (заимствованное из новогреческ. ζώνη, диал. ζούνη 'пояс, кушак') распространено в Болгарии довольно широкой полосой, идущей с востока на запад от Странджи (где территория ограничена р. Факийской и верхним течением р. Поповской), с небольшим перебоем до р. Марицы и далее на восток до Кюстендила и р. Струмы. В восточной части Эгейской Македонии в зонах от г. Драмы до Бутковского озера было известно *зúница* 'радуга'. Форма *зúна* 'радуга' фиксируется в основном в северо-восточной Болгарии в районе г. Велико Тырново, Габрово, затем западнее г. Елена и южнее г. Павликени. Помимо отмеченных форм *зúна*, *зúнка*, *зúница* известны и *зúничка*, *зúнинка*, *зúnеничка* (БДА I, карта № 260, БДА II, карта № 279, Иванов, 1972, карта № 206). Изредка встречается также и *зона* 'радуга' (с. Былгарин, Хасковско, Koseska, 1972, s. 44).

Особый интерес представляют словосочетания типа *баба Зúна* (с. Ерусалимово западнее Харманли на р. Марица), *баба Зúнка* 'радуга' (с. Оряхово, Кирилово, Момково севернее Свиленграда по соседству с с. Ерусалимово, с. Добрево в том же районе и с. Радомир к северо-западу от Чирпана; БДА I, карта № 266 и БДА II, карта № 279; Koseska, 1972, s. 35). В приведенных примерах наблюдается переход нарицательного имени в имя собственное, ранее отмечавшийся В. Косеской (Koseska, 1972). Особенно характерен дальнейший этап — переход от формы *баба Зúнка* 'радуга' к форме *баба Узúнка* 'радуга' (с. Сливово в западной Страндже; БДА I, карта № 266). Отсюда и просто *узúнка* (с. Брезово, Пловдивско) и *узúничка* 'радуга' (с. Сърнина в Добрудже, БДА I, карта № 266; Koseska, 1972, s. 63). Ср. широко распространенную у болгар, сербов и македонцев кличку *Узун* (из турецк. *uzup* 'длинный, высокий') и от нее женск. *Узуница*, *Узунка* (чаще всего 'жена Узуна'), и т. п., фамилии *Узунов*, *Узунчев* (из *Узунче*), сложные фамилии типа *Узунангелов* (вероятно, от *узун Ангел*), *Узуниванов*, *Узунстойков*, *Узун-*

тонеv, также Узун Мирко (см. Илчев, 1969, с. 503 и др. источники).

Термин *цуничка* 'радуга' отмечен мною в 1957 г. в с. Воден (Елховско, см. БДА I, карта № 266) и может быть объяснен как результат контаминации слов *зуничка* 'радуга' и *цүна*, мн. *цүни* 'губы' (см. БДА I, карта № 243). Пример этот пока остается единичным. Следует учитывать, что в той же диалектной зоне, где распространено слово *зүнка* 'радуга' (и прочие дериваты), известно и слово *зүнка* 'пояс', *зүница* 'женский широкий тканый или плетеный пояс' (с. Плевня, Драмско; Гяуров, 1892, с. 278), 'узкий пояс из разноцветных ниток' (с. Горня Баня, Бояна, Гурмазово и др., Софийско; Божкова, 1962, с. 249), *зүнка* 'лента, край шелковой или иной материи' (родопск. с. Момчиловци, Смолянско; Кабасанов, 1956, с. 75). Число примеров из болгарских диалектов, где *зүнка* (и дериваты) означает 'пояс', можно было бы значительно умножить.

Слово *зүнка* 'радуга' распространено и во многих македонских говорах — северных, центральных и южных: *зүници* 'радуга' (Светиниколско; Брдарски, 1952, с. 69), *зүница* 'радуга' (Штип, Дойран, Горно Броди и Конче — Радовишко; Матов, 1892, с. 461), *дзунца* 'радуга' (с. Богомила, Велешко; Reiter, 1964, S. 148; кумановские села; Видоески, 1962, с. 250), *зүнка* 'радуга' (г. Кукуш; Сакъов, 1967, с. 325).

Займствование *зүна*, *зүнка*, *зүница* из новогреческого ζώνη, диал. ζούνη 'пояс' могло быть и непосредственным, так как указанные греческие лексемы манифестируют не только семему 'пояс', но и семему 'радуга'. Ср. новогреческ. диалектн. ζνάρ τ'ς Παναγῆς (Восточная Греция, дословно «пояс Богородицы»), Ζνάρ τ' Θιοῦ (Эпир, дословно «божий пояс»), Βρακοῦζούνα τ' Θιοῦ (Фессалия, дословно «божий гашник, ремешок»), Θιοῦδόζαρου (Румелия, дословно «божья дуга»), δοζα, δοῦζα (западная Македония, дословно «дуга»; сообщил Ю. В. Эвангелопулос). Называние радуги богородицыным поясом известно и у албанцев, а божьим поясом — у отдельных романских народов. В частности, французы в Верхней Лоаре называют ее *ceinture du bon Dieu* (Sébillot, 1904, p. 68). У некоторых финских народов, конкретно у саамов (лапонцев), радуга помимо прочего называется *tjértmaz-roaууqñ* «пояс бога Грома» (сообщила В. В. Сенкевич-Гудкова).

В польск. *pręga* (фонетич. варианты *prуṅga*, *preṽṅga*, *bryṅgi*) 'радуга' (с. Мехы Гижицк. повета и Крукляники

Венгожевск. пов. на Мазурах, в 6 пунктах — Бедлно, Витоня, Рожнятов, Токары, Каменна, Наталья в северной части земель Ленчицкой, Серадзской и на крайнем востоке Великопольши; всегда наряду со словом *tynsza* 'радуга'; MAGP VI, карта № 262, комм. 54; Kupiszewski, Węgiełek-Januszevska, 1959, s. 59), хорватскосербск. кайкавск. *pruga* 'радуга' (район Вараждина — Valjavec, 1863, s. 256), западноукраинск. лемковск. *смуга* 'радуга' (отмечено в 25 пунктах в зоне западнее верхнего течения реки Сан до верхней Вислоки; Stieber, VI, карта № 291), восточноукраинск. (степные говоры) *стричка* 'радуга' (там же *стричка* 'разноцветная лента на лбу у девиц' — отмечено в 6. Верхнеднепровском уезде Екатеринославск. г. около 1848 г. Б. Т. Нестеренко; Зеленин, 1914, вып. I, с. 479) и польск. *sto^uška* 'радуга' (г. Дольск, Шремск. пов., южнее Познани; MAGP VI, карта № 202, комм. 58, Reczkowa, 1967, s. 67; ср. польск. литератур. *wstążka* 'ленточка, тесемка') достаточно ярко выступает внутренняя форма «полоса, полоска». Как видно из изложенного материала, утверждение Б. Речковой о том, что польск. диалектн. *pręga* 'радуга' не имеет соответствия в других славянских языках (Reczkowa, 1967, s. 67), лишено основания. В той же Мазурской зоне, где известны единичные случаи употребления слова *pręga* 'радуга', отмечено и *kręga* 'радуга' (с. Большие Стерлавки, Гижицк. пов. — MAGP VI, комм. 54). Последняя форма может быть мотивирована словом *krąg* 'круг, окружность', а может быть результатом контаминации слов *pręga* и *krąg*.

К этой же семантической группе славянских названий радуги можно условно отнести и севернобелорусский термин *промін* 'радуга', отмеченный всего один раз наряду со словами *тёнча* и *ра́дуга* (д. Рудая, Даниловицк. р-н Витебск. обл. — ДАБМ, карта № 312, комм. 901) и, судя по фонетическому облику слова, заимствованный (как и *тёнча*) из польского (*promień* 'луч, полоса света'; ср. белорусск. литер. *прамень* 'луч').

В отдельных украинских и белорусских говорах sporadически и редко встречается слово *краса́* (*краска́*, *красу́ля*) 'радуга'. А. В. Кабайда отмечает эти слова во Львовской, Тернопольской, Черновицкой и Ровенской областях: *краса́* (с. Оров Львовск. обл., с. Красносельцы, Пальчинцы, Старый Алексинец Тернопольск. обл.), *краска́* (с. Багнувате Львовск. обл. и с. Ломачинци и Кобальчин Черновицк.

обл.), *красу́л'а* 'радуга' (с. Перенятин Ровенск. обл.; Кабайда, 1966, с. 91). Ср. также бойковск. *краса́* 'радуга' (с. Оров, Онишкевич, I), *краска́* 'радуга' (Бориславск. р-н Львовск. обл., Бандрівський, ркп., с. 6), буковинск. *краса́* 'радуга' (с. Заставна, Задубровка, Самушин, Заставнинск. р-н; Прокопенко, 1972, с. 435). В белорусских диалектах *красу́ля* 'радуга' отмечено в центральной Белоруссии южнее и восточнее Минска (д. Поречье, Пуховицк. р-н, и д. Старина, Червенск. р-н Минск. обл.), а *краса́вица* 'радуга' — западнее Барановичей (д. Детковичи Брестск. обл.; ДАБМ, карта № 312, комм. 901; Шатэрнік, 1929). Внутренняя форма приведенного выше названия радуги достаточно ясна и прозрачна.

Менее четко выступает мотивированность термина *перепал'ица* 'радуга', зафиксированного в виде единичного примера наряду с *ра́дуга* на р. Горыни в Волынском Полесье (с. Била, Дубровицк. р-н, Ровенск. обл.; запись Н. В. Никончука, 1973 г.). Вероятно, это слово следует связать с украинск. *пал'ати* 'пылать' — *Восковая свічка цілу ніч палала* (Грінченко, III), *перепал'ити* 'пережечь', 'сильно гореть' (Грінченко, III) и т. п. Ср. также смоленск. *В'ас'ółка г даж жу гар'йт* (Слободск. р-н, Смоленск. обл., МСОС, 112).

Переходя к целому ряду различных названий радуги, обусловленных народными славянскими верованиями (хотя и некоторые приведенные выше с ними связаны), отмечу, что все они, в каких бы славянских диалектных зонах не обнаруживались, встречаются, как правило, редко, фиксируются лишь в небольшом числе или в нескольких пунктах и притом почти всегда наряду с другими территориально шире распространенными терминами. Верования и представления, связанные с радугой, будут изложены в конце статьи.

Украинск. *йасна* и т. п. 'радуга' мотивирована, надо полагать, представлением о том, что радуга предвещает конец дождя и ясную погоду. Ср. *йасна* (с. Стольское Львовск. обл.), *йасніц'і* (с. Липовец Львовск. обл., Ямельница Ив.-Франковск. обл.), *йасн'і́йка* (с. Завадов Львовск. обл.), *йасе́йка* 'радуга' (с. Вишков Ив.-Франковск. обл.; Кабайда, 1966, с. 90—91; Онишкевич, I). По свидетельству Ф. Т. Жилко, слово *ясни́ця* 'радуга' встречается и в волыньско-полесских диалектах (Жилко, 1966, с. 172).

Известны, однако, хотя и реже встречающиеся, обратные представления — о том, что радуга предвещает дождь. С ни-

ми, вероятно, связано белорусское название *дажэанка* 'радуга' (д. Трилесен, Быховск. р-н Могилевск. обл.; ДАБМ, карта № 312, комм. 902) и белорусск. полесск. *кис'аліха* 'радуга' (д. Вулька, Лунинецк. р-н Брестск. обл.; ДАБМ, карта № 312, комм. 902). Ср. *кіслаја поўда* 'дождливая погода' и т. п.

Труднее установить мотивацию белорусского полесского диалектного термина *мец'елўха* 'радуга' (употребляется наряду с *в'ес'алўха* и *ра́духа* в д. Козики Телеханск. р-на Брестск. обл.; ДАБМ, карта № 312, комм. 902). С известной осторожностью можно предположить, что тут радуга представляется как подметающая, метущая небо, очищающая его от дождевых туч и облаков. Ср. зап.-полесск. *Быг вышкі змітаје*, дословно «Бог чердаки (на хлеве, сарае и т. п.) подметает» — о последнем весеннем снеге (д. Симоновичи, Дрогичинский р-н; сообщил Ф. Д. Климчук). Если эта догадка верна, то чешск. силезск. и моравск. *boží metla* 'радуга' (Siatkowski, 1962, II, s. 67, Bartoš, 1905) является соответствием западнополесскому *мец'елўха*. Ср. также литовск. диалектн. *dievo rykštė* 'радуга' (дословно «божья розга» — район Пилява), *orārykštė* 'то же' (досл. «воздушная розга» — район Клайпеды), *dangaus rykštė* 'то же' (досл. «небесная розга» — р-н Пинява), *malonės rykštė* 'то же' (досл. «хорошая, милостивая розга» — район Лауксаргян), *vaivos rykštė* 'то же' (досл. «светлая розга» — Центральная Литва; ср. литерат. *vaivorykštė* 'радуга'; подробнее с картой см. Rokaitė, 1963, p. 275—277).

С библейскими представлениями о всемирном потопе связаны, вероятно, термины, в основе которых лежит восприятие радуги как знака, предвещающего благополучие, благодать (тем более, как знака Божия). Таково севернорусск. архангельск. *знамение господне* 'радуга' (Подвысоцкий, 1885), западноукраинск. закарпатск. *божий знак* (с. Грушево, Тячевск. р-н, с. Липецкая Поляна, Хустск. р-н; Кабайда, 1966, с. 92 и Дзендзелівський, III), украинск. волинск. *зна́мн'е* 'радуга' (с. Бродниця Ровенск. обл.; Кабайда, 1966, с. 92), польск. мазурск. *znak od deszczu* 'радуга' (с. Мехи Гижицк. повета, MAGP VI, комм. 54). К рассмотренным терминам семантически близки украинск. *блугуслáвиц'і* 'радуга' (с. Дунаев Львовск. обл.) и *св'átка* 'радуга', а также 'что-либо очень праздничное' (с. Стара Мощаница Ровенск. обл.; Кабайда, 1966, с. 92). Любопытен и единичный

польский пример из той же мазурской зоны *kościół na niebie* 'радуга' (с. Сухоляски Гижицк. повета, MAGP VI, комм. 54).

Из других славянских зон следует отметить семантически близкие термины: словенск. *božji stol* 'радуга' (с. Коборид в Горице, запись Ф. Эръявца, Pleteršnik, I) и хорватск. кайкавск. *božja noga* 'радуга' (район Вараждина, Valjaves, 1863, s. 256). В том же районе Вараждина М. Валявец отметил еще *božji put* 'радуга', равно как и *božja dōga* 'радуга' (дословно «божья дуга»; Valjaves, 1863, s. 256). *Božji duha* 'радуга' характерно для значительного числа чешских говоров (устное сообщение С. Утешеного), а севернорусск. архангельск. *бѣжѣя дуга* 'радуга' употребляется, по свидетельству А. Подвысоцкого, повсеместно (Подвысоцкий, 1885).

В южноболгарских восточнородопских говорах радуга называется *байрѣк* (с. Лимец, Малык Девесил, Голям Девесил и Девесилово, южнее Крумовграда, БДА I, карта № 266). *Байрѣк* или *байрѣк* (из турецк. *bayrak*), как известно, по-болгарски значит 'знамя, стяг'. Не исключена возможность, что это — редуцированная (стяженная) форма словосочетания *лисичашти байрѣк* (см. ниже). Во многих приведенных выше случаях, вероятно, термин отражал верование, что после появления радуги в небе ненастье и дождь прекращаются (см. подробнее ниже).

Представление о том, что радуга набирает (высасывает) воду для туч из озера (моря), реки, колодца и любого водоема (иногда подобно змею), мотивировало появление таких терминов, как польск. *pijawka, pijawa* 'радуга' (довольно широко распространенное в Серадской и Ленчицкой землях; MAGP VI, карта № 262, Reczkowa, 1967, s. 67, 68), кашубск. *pijòfka* 'радуга' (наряду с *tęga*, только в одном пункте Карликово в сев. кашубских диалектах; АЖК V, 145) и белорусск. и украинск. *смок* (*цмок, смик*) 'радуга'. При этом белорусский термин встречается спорадически в виде единичных примеров в разных диалектных зонах: *смок* 'радуга' отмечено на Витебщине (д. Загатье, Поставск. р-н), Гродненщине (д. Девятни, Сморгонск. р-н), Минщине (д. Засвирь, Медельск. р-н, ДАБМ, карта № 312, комм. 901), восточной Могилевщине (д. Ушаки, Черниковск. р-н, Бялькевич, 1970). Столь же единичны и примеры из украинских диалектов: *цмок* 'радуга' зафиксировано на Ровенщине (д. Приветовка) и в Волынск. обл. (д. Полици), а *смик* 'радуга' в той же Волынск. обл. (д. Тур, Выдраница, Заполье, Билин) и на Ро-

венцине (д. Борова; Кабайда, 1966, с. 92). По материалам А. В. Кабайды, в пунктах Перпи Углы и Цир (Волынск. обл.) *смок* 'змея, дракон, который высасывает («смокче») воду'. По тому же свидетельству, на украинском Полесье говорят *Смок воду п'є* (Кабайда, 1966, с. 92). Ср. русск. *смок* 'змея (в сказках)', белорусск. *смок, цмок* 'дракон', болг. *смок* 'уж, медяница', словенск. *stok* 'дракон', словацк. *zrok* 'домовой', чешск. *zrok* 'дракон', *ztek* 'домовой, змей', польск. *smok* 'дракон' (Фасмер, III, с. 689). Ср. также литовск. *smakas* 'змея, дракон, сказочное существо устрашающего вида'. Ф. Ф. Полторацкий в своем рукописном сочинении «Народные приметы, суеверия и предрассудки, заговоры и ворожба из Новгородской губернии» (1878 г.) пишет, что «радугу называют змеей: она, опустивши жало свое в воду, набирает в себя воду, а после выпускает, отчего и бывает дождь; на концах радуги повешено по котелку с древними золотыми монетами» (Зеленин, 1915, вып. II, с. 869). Ср. литовск. диал. *straublỹs* 'радуга' (досл. «хобот» — юго-восточная Литва, Rokaitė, 1963, p. 278).

Верование в то, что радуга берет воду из колодца, отразилось в таких единичных названиях, как белорусск. *кл'уч* 'радуга' (д. Домановичи, Старобинск. р-н, Минск. обл., ДАБМ, карта № 312, комм. 902) и украинск. *кринішник* 'радуга' (д. Марьяновка Ровенск. обл.; Кабайда, 1966, с. 91), а представление, что роса возникает из воды, набираемой радугой, в южномакедонск. выражении *рѹската вѹда сѹка* (дословно «роса хочет воды»; здесь вместо названия радуги дается народное объяснение явления — с. Граждане, Леринско, собств. запись 1961 г. от бабы Дафины Марковицы) и украинск. *рос'ѹлка* 'радуга' (с. Берестяны Волынск. обл., Кабайда, 1966, с. 91), *росѹлка* 'радуга' (район Херсона, по сообщ. Негрескула, Зеленин, II, с. 116). Можно предположить, что западноукраинск. бойковск. *русѹйка* 'радуга' (д. Тухолька, Онишкевич, II) того же происхождения, но сближено потом по народной этимологии со словом *русалка*.

Восприятие радуги как своеобразного водного потока на небе, черпающего свои запасы из земного водоема, отразилось в русском уральском термине *висячая речка* 'радуга' (Кызылбадск. и Зеленовск. р-ны Уральск. обл.; Михеева, 1970). Того же характера, вероятно, термин *ви'с'ѹка* 'радуга' (с. Уличне Львовск. обл. и с. Волосянка Ив.-Франковск. обл.; Кабайда, 1966, с. 91).

Восприятие радуги как небесного моста выражено в хорватскосербск. кайкавск. *zlatni mostek* 'радуга' (район Вараждина, Valjavec, 1863, s. 256) и великорусск. казанск. *пока́тый мост* 'радуга' (Даль). Известен и один пример ассоциации радуги с поручнем: русск. смоленск. *поручень* 'радуга' (с. Лукьяново, б. Бельск. у., Добровольский, 1914). Внешняя форма радуги сближает ее также с коромыслом; отсюда и такие термины, как смоленск. *коромысло* 'радуга', известное наряду с *весёлкой* (Добровольский, 1914), белорусск. полесск. *короміс'ел на н'эб'е* 'радуга' (д. Прибытки, Гомельск. р-н и обл.; ДАБМ, карта № 312, комм. 902), украинск. полесск. *коромісло* 'радуга', отмеченное наряду со словом *ра́дуга* (д. Камяне, Рокитнянск. р-н Ровенск. обл.; Кабайда, 1966, с. 91 и запись Н. В. Никончука 1973 г.). Мотивированность термина *коромысло* 'радуга', надо полагать, усиливается поверием, что на концах (или одном конце) радуги могут быть котлы (котел) с деньгами или чаша и т. п. (см. об этом подробнее ниже), подобно ведром с водой у коромысла.

Надо полагать, что и единственный белорусский пример *перевеселу́ха* 'радуга' (с. Анатольевка, Киричевск. р-н Могилевск. обл.) возник в результате контаминации слов *перава́сло* 'перевясло, жгут соломы для вязки снопов' и *веселу́ха* 'радуга' (ДАБМ, карта № 312, комм. 902).

У южных славян — македонцев, болгар и сербов, а также у албанцев известен обычай гадать по радуге об ожидаемом урожае. Притом разные цвета радуги означают разные культуры (подробнее см. ниже). На этом основании возникли: македонск. тетовск. *жито́ и вино* 'радуга' (Матов, 1892, с. 461), кумановск. *ви́но и раки́ја и бџџт* 'радуга' (Видоески, 1962, с. 250), скопск. *вино-жито* 'радуга' (Филиповић, 1939, с. 511), велеск. *винбо́жито* (с. Извор, Богомила, Капиново, Нежилово, Габровник), *ви́но-жи́то* (с. Оморани), *моје вино — моје жито* (с. Мокрени, Степанци, Раштани, Белештевица, Бузелаково, Лугунци, Слп), *моје вино* (с. Поменово), *ново жито* (с. Мартолци, Отовица, Чашка, Чалошево; Reiter, 1964, S. 148), болгарск. *ви́но-жи́то* 'радуга' (с. Перивол, Кюстендилско; Чепинци, Софийско; Осиковица, Ботевградско; Койнаре, Белослатинско; Дерманци, Луковитско; Трыстеник и Обретеник, Русенско и Добротица, Силистренско; Koseska, 1972, s. 38 и карта № 20). Таким образом, термин *вино-жито* 'радуга' распространен спорадически в северной и центральной Македонии, в западной Болгарии и

в Дунайской долине восточной Болгарии. Возможно, того же происхождения и севернобелорусский термин *богатка* 'радуга' (б. Воложинский приход б. Омшанск. у. Виленск. губ., Берман, 1873, с. 41).

Несомненный интерес представляет и карпатскоукраинский (бойковский) термин *лис'їўка* (*ліс'їўка*) 'радуга' (с. Оров, Львовск. обл.; Кабайда, 1966, с. 91, Онишкевич, I), имеющий соответствие в болгарских родопских говорах. Ср. болгарск. *лисичашти байрѣк* 'радуга' (с. Девесилица в южных Родобах, южнее Крумовграда, БДА, карта № 266, Koseska, 1972, s. 50), *лесичина зўнка* 'радуга' (с. Равногор в западных Родобах, южнее Пазарджика и Брацигово и с. Чокланово Смолянской округи в центральных Родобах, Koseska, 1972, s. 49), *лесичино платно* 'радуга' (в центральных Родобах в селах около Смоляна — Влахово, Райково, Серафимово, Турян, Рудозем и около Мадана — с. Равништа на южных склонах западных Родоп, в междуречье Тисовской реки, нижнего течения Доспата и параллельно текущей Месты, севернее г. Драма; в говоре беженцев сел: Раиштан, Избишта, Витово, Манастир, Борен, Тисово, Расово, Остица; Стойчев, 1965, Иванов, 1972, карта № 206), *лесичина свѣдба* 'радуга' (в южных Родобах — с. Старцево около Мадана и с. Славеино около Смоляна; Стойчев, 1965). Ср. выше просто *байрѣк* 'радуга'.

В той же родопской зоне отмечены и такие названия радуги, как *бабино платно* (г. Мадан и близкое от него с. Чурка, сс. Елховец и Могилица около Смоляна и с. Ситово на юге Пловдивской округи, Стойчев, 1965, Koseska, 1972, s. 35). Ср. болгарск. *бабина рѣза* 'радуга' (Геров, I, без указания места)⁵⁸, *бабин пояс* 'радуга' (см. примеры выше), *бабино прѣсо* 'град' (ареал ограничивается в основном Родопами, Koseska, 1972, s. 35), македонск. *бабино прѣсо* 'град' (с. Берово, Koseska, 1972, s. 35). Хр. Вакарелски среди прочих болгарских названий радуги отметил и такое, как *тканѣца*, но не указал места его бытования (Vakarelski, 1965, s. 211).

Слово *mavrica* (*mavra*) 'радуга' отмечено в словенских и отдельных чакавских и кайкавских говорах: словенск. *tāvrica* 'радуга' (Pleteršnik), истрийск. словенск. *tāvrica* 'раду-

⁵⁸ По свидетельству С. Н. Шишкова, в районе Ахыр-Челеби (ныне Смолян) радуга называется: *бабину платну, рѣза, појаса на св. Богородица, зўнка* и др. (Шишков, 1889, с. 77).

га' (в говоре так наз. «брикинов», Ribarić, 1940, s. 133), чакавск. прибрежн. *mâvrîca* 'радуга' (район Каставщина, севернее г. Риека, Jadras, 1957, s. 396), кайкавск. *mavra* и *šavra-mavra* 'радуга' (район Вараждина, Valjaves, 1863, s. 256). М. ПлETERŠНИК приводит еще словенскую форму *božja mâvra* 'радуга' (Pleteršnik). Ё. Томинец отмечает, что в словенском черновeршском диалекте слово *mâvra* употребляется в качестве коровьей клички (Tominec, 1964, s. 126), а П. Скок высказывает и некоторые соображения относительно этимологии этого слова, допуская («ovamo ide možda») его связь со словами типа *мавр*, сербскохорватск. *Mavar* 'мавр' (из греческ. μαυρός 'темный', латинск. *taurus*, откуда это слово появилось и в романско-далматинских диалектах, где *au* давало *av*), а тем самым и хорватскосербским далматинским *mavronina* 'сорт «черного» винограда' (Skok, II, 392, то же и в словенск., см. Pleteršnik). Можно считать этимологию П. Скока приемлемой, но все же при этом не совсем ясным остается принцип номинации радуги по черному, темному цвету. Если считать возможным для славян, в частности для словенцев, мифическое отождествление облаков с коровами, о котором писал еще А. Афанасьев⁵⁹, то название коровы *mavra* (очевидно, черно-полосатой, как отмечал еще Ф. Миклошич, см. Pleteršnik) перешло на название радуги (возможно, сначала облака). Тем не менее это положение нуждается в специальном доказательстве, которое должно основываться на дополнительном материале.

Хорватское диалектное (кайкавского говора с. Вирья в Подравине, т. е. в долине Дравы) название *dondâca* 'радуга' (Fancev, 1907, S. 380), вероятно, следует связать со словенск. *dónđa* 'толстая девка', 'неуклюжая большая девушка', 'кукла' (SSKJ), сербскохорватск. *dúnda* 'очень толстая девица' и т. п. (Skok). Мотивированность такой номинации также не вполне ясна. Ср., однако, мотивы богатства, изобилия, урочая и т. п.

Локально ограничен и польский термин *luna* 'радуга', встречающийся спорадически в Люблинском, Ловичском, Пултуском и Липновском (восточнее Торуня) поветах, т. е. в малопольской, мазовецкой и добжинской диалектных зо-

⁵⁹ Ср.: «Свое кровавое молоко облачные коровы дают через золотое кольцо, т. е. при блеске радуги, которая называлась небесным кольцом» (Афанасьев, I, с. 669).

нах. Правда, этот термин всегда встречается наряду со словом *tęcza* (фонетич. варианты *tądza*, *tę^uncza*, *tancz*) и нигде не отмечен в качестве единственного названия радуги (МАГР VI, карта № 262, комм. 54). Ср. польск. *luna* 'зарев', 'яркий отсвет'; 'яркий румянец' (SW).

Наконец, приведем еще несколько единичных терминов, как правило, всегда употребляющихся с другими, более широко распространенными: польск. *kańa* 'радуга' (с. Данковице Клобуцк. повета на силезско-малопольско-ведлунском пограничье, МАГР VI, комм. 52). Ср. польск. *kania* 1. 'коршун', 2. 'гриб-зонтик, *Lepiota procera*, *Quel*', 3. 'ширина поля шляпы или шапки' (на название радуги перенесено, вероятно, с последнего значения; Brückner, 1957); польск. *b'isaga* 'радуга' (с. Совин и Жимковицы Немодлинск. повета на запад от Ополя, Силезия, МАГР VI, комм. 52), ср. *bisagi* диал. 1. 'сдвоенные мешки, носимые на спине и на груди', 2. 'переметные через седло сумы' (SW); *ślonecznik* 'радуга' (с. Дядова Клода повета Сыцов, северная Силезия, МАГР VI, комм. 52); ср. *ślonecznik* 'подсолнух' (SW). В Закарпатье в украинском говоре с. Голятин (Межгорск. р-н) И. А. Дзендзелевский отметил *совá* 'радуга' наряду, естественно, с термином *ве^uсёлка* и *дугá* (Дзендзелівський, III). В том же Закарпатье тем же собирателем в с. Розтоки (Раховск. р-н) зафиксировано *майівка* 'радуга' наряду с *ве^uсе^uлівка* (Дзендзелівський, III). Семантическую мотивированность слова *совá* 'радуга' трудно определить, в то время как принцип номинации слова *майівка* 'радуга', как нам представляется, несложен: *май* — месяц и время произрастания, начало изобилия, урожая и т. п. (ср. выше *богатка*, *вино-жито* и т. п.). Не исключено, что слово *майівка* 'радуга' возникло под влиянием *ве^uснйўка* 'радуга' (см. выше, с. 178).

Особый интерес представляют славянские сложные названия радуги. Надо полагать, что пока мы знаем их частично, фрагментарно, так как они бытовали в основном в фольклорных текстах, в коротких песенках, приближавшихся по своей структуре к скороговоркам, сербским «поскочицам», считалкам — «брояницам» и т. п. Этот жанр кратких стишков, обращений и т. п. был вытеснен со временем в периферийную сферу славянского народного творчества и сохранился, главным образом, в детском фольклоре. Тем не менее сложные названия не исчезли, и одни болгарские диалекты дают довольно большой материал по этому

вопросу, главным образом благодаря тщательному повсеместному его сбору⁶⁰.

В северо-восточной Болгарии восточнее Горной Оряховицы зафиксировано *дъгá-дъгíца* 'радуга' (с. Косарево на р. Стара Река, БДА II, карта № 279), дублированная форма, в которой первый компонент недеминутив, а второй — деминутив. Форма *дъгагíца* 'радуга' (с. Саманово, южнее Шумена на р. Камчия, БДА II, карта № 279) при этом оказывается обычной фонетической трансформацией сложной лексики *дъгá-дъгíца*, появившейся, вероятно, в результате скороговорки и т. п. Аналогично рассмотренному примеру возникают и различные формы с начальным глухим *т*. В северо-восточной Болгарии известно также *тъгá-тъгíца* (с. Конак, Поповско, в верхнем течении р. Голяма, БДА II, карта № 279) и производное «скороговорочное» *тъгагíца* 'радуга' (с. Кацелево, Беленско на р. Черный Лом и с. Сеново, Разградско на р. Белый Лом, БДА II, карта № 279). В той же северо-восточной Болгарии, восточнее и западнее гор. Шумен отмечено *тъгá-тъгагíца* (с. Каспичан, Новопазарско и с. Вардун и Алваново Тырговишко; в с. Алваново отмечена еще форма *дъгá* 'радуга'; БДА II, карта № 279). В юго-восточной Болгарии в с. Оман (верховья р. Средецкой, северо-восточнее гор. Елхово, БДА I, карта № 266) записано *тъгá Гíца* 'радуга', т. е. *Гíца* воспринимается как имя собственное (уменьш. от *Гьоргица*, Илчев, 1969, с. 134). Персонификация особенно ярко выступает в примере *баа Гíца* 'радуга' (с. Дряновец, северо-западнее Разграда на р. Белый Лом, БДА II, карта № 279). Ср. также выше *баба Узúнка* 'радуга' и т. п.

Любопытны и единичные случаи дальнейшей модификации лексем: *дъга-дъгъвíцъ* 'радуга' (с. Кочово, юго-западнее Шумена на р. Врана, БДА II, карта № 279), *тързгíца* 'то же' (с. Певец в том же районе несколько восточнее с. Кочово, БДА II, карта № 279), *тъгънíца* 'то же' (с. Русокастро, западнее Бургаса, БДА I, карта № 266). На основе первоначальной формы *дъгá-дъгíца* или *тъгá-тъгíца*, через форму *тъгá Гíца* возникла и форма *вíла-вíла-гíца* 'радуга' (с. Ивански, юго-восточнее Шумена на р. Голяма Камчия, БДА II, карта № 279). Последняя форма явно связана с народ-

⁶⁰ Как известно, сетка пунктов в БДА — сплошная. Не обследовались лишь пункты со смешанным, вновь осевшим болгарским населением.

ными представлениями о вилах, живущих в облаках и в горах и управляющих ветром, облаками и некоторыми другими небесными явлениями. Ср. названия бури, ветров и т. п. именами мифических существ у болгар⁶¹.

Менее ясно происхождение сложного наименования радуги, отмеченного Н. Геровым, — *зѹница-вѹница* (Геров), хотя первая часть сочетания не вызывает сомнения, а вторая может быть предположительно сближена с *Иваница*, т. е. с собственным именем. Из формы *зѹница-вѹница* могла возникнуть и форма *дѹница-вѹница* 'радуга' (с. Орешино, Ивайловградско, БДА I, карта № 266), тем более что известна и просто форма *дѹница* 'радуга' (с. Горноселци, Ивайловградско, БДА I, карта № 266). Последняя могла появиться на основе контаминации слов *дѹга*, *дѹгѹца* и *зѹнка*, *зѹница*, но не исключен и момент «персонификации», т. е. наречения именем собственным. Ср. *Дуница* уменьшит. от *Дуньо*, а также *Дунка*, *Дуня* и др. (Илчев, 1969).

Прежде чем переходить к фактам другого языка — русского, отметим, что в приведенных болгарских примерах нередко случаи, когда первая часть композитов двусложна, а вторая — трехсложна или многосложна, типа *тѹга-тѹгѹца*. Особенно интересны «скороговорочные» формы типа *тѹгагѹца*, возникшие из *тѹга-тѹгѹца*.

Значительное структурное сходство обнаруживается в великорусских диалектных композитах, распространенных довольно широко в средне- и южновеликорусских зонах. Так, в них известно не просто *дуга* или *радуга*, а очень часто *дуга-радуга* 'радуга' (московск., тверск., новгородск., симбирск., казанск., пензенск., среднеуральск., томск., горноалтайск., калужск., воронежск. — СРНГ). Иногда *дуга-радуга* сопровождается эпитетом *матушка*. Такой пример зарегистрирован в с. Монастырское Алапаевского р-на в центре Среднего Урала (ССУ). Гораздо реже встречается термин с обратным порядком слов *радуга-дуга* 'радуга' (муромск., владимирск. и усть-канск., горноалтайск., СРНГ). Любопытны и примеры типа *дуга-ра* 'радуга' (корсунск., симбирск., СРНГ) и *дуга-рай* 'радуга' (б. Калужск. у. и губ., СРНГ). Трудно, однако, точно определить происхождение этих двух форм и

⁶¹ См. интересное исследование Л. Садник, в котором затронут вопрос и о народных, в том числе и болгарских, космологических представлениях (Sadnik, 1953).

их древность по отношению к формам *дуга-радуга* (не исключено, что они вторичны) без привлечения нового материала по детским песенкам при виде радуги, по скороговоркам и т. п., употребляющимся в тех же условиях. Более достоверно можно предположить, что форма *радуга* возникла из сочетания типа **дуга, рада дуга...*, которое в скороговорке или в результате гаплогогии дало *дуга-радуга* и позже просто *радуга*. На такую возможность как будто указывают и приведенные выше украинские формы *рада* 'радуга'. Однако допустимы и другие предположения о сочетании корня **rad-* и **dog-* в лексеме *радуга*⁶². В частности, не исключено, что форма *радуга* образовалась из **радодуга* подобно тому, как *радушие* произошло из **радодушие* (подробнее см. Фасмер).

Из слов, заимствованных для названия радуги, кроме термина *зўна, зўнка* и т. п., широко встречающегося в болгарских и македонских говорах, известны следующие: болгарск. *дъмгá* 'радуга' (из турецк. *damga* 'клеймо, знак'; зафиксировано в восточной Болгарии, в районе г. Елена в пяти селах и в верховьях р. Луда Камчия в с. Раково севернее Сливена, БДА I, карта № 266, БДА II, карта № 279 и в западной Болгарии, в с. Градец близ Видина и в с. Бобовци близ Берковици; в последних двух пунктах бытуют фонетические варианты *даггá*⁶³; Koseska, 1972, карта № 20, s. 43) и болгарск. *фўта* 'радуга' (из турецк. *futa* 'фартук, передник'; зафиксировано в восточных Родопах в с. Стрижба и Тихомир в верховьях реки Крумовица, БДА I, карта № 266). Они представлены единичными примерами. Кашубск. *regenbigen, regenbogen, rejenboga* 'радуга' (из немецк. *Regenbogen*; зафиксировано в четырех пунктах на Балтийском побережье и в трех пунктах на юго-западе кашубской территории,

⁶² Таким образом, из имеющихся разных мнений об этимологии русского слова *радуга* (Ф. Миклошич, И. А. Водуэн де Куртенэ, М. Фасмер — из одного корня **rad-*, А. И. Соболевский и др. из двух корней **raj-* и **dog-*; подробнее см. Фасмер и Преображенский, 1910—1914) нам кажется наиболее удачным мнение А. Преображенского («вероятно, сложное: *ра-дуга, ра-* из *рад-, радо-*», Преображенский, 1910—1914).

⁶³ Предположение о возможном нетурецком происхождении форм *даггá*, в которых *аг* является рефлексом носового *о*, разграничивающего формы *даггá* 'радуга' и *дъгá* 'дуга', 'клёпка' (Koseska, 1972, s. 43), маловероятно, так как они встречаются в таких диалектных болгарских зонах, где этот рефлекс в других словах не отмечен.

АЖК V, карта № 247, комм. 237) представлены чаще всего одновременно со славянскими названиями *tęga* и *tąča* (см. выше). Это же можно сказать о польск. силезск. *ry^egy^en-bo^ug^en*, *rygenbo^ug^en*, *regenbogen* 'радуга', отмеченных в трех пунктах, из коих в двух — наряду с *daŋga* и *duha* (Zaręba, III, карта № 306).

Аналогичное положение наблюдается в Карпатах, где в украинских говорах встречаются румынское и венгерское названия радуги (*circubéu* и *szivárvány*). Первое отмечено З. Штибером на территории прежнего распространения лемковских говоров — *kòrkòbúć*, *корковец* 'радуга' (в двух пунктах восточнее верхнего течения р. Ославы, южнее Санока, притом во втором случае наряду со *смýга* 'радуга'; Stieber, VI, карта № 291), второе в Закарпатье — *сiварван*', *сiварвán*', *сиворвán'a* 'радуга' известно в отдельных пунктах в полосе между Ужгородом и Мукачевом и южнее городов Виноградово и Хуст, на левобережье Тиссы близь румынской границы (Дзендзелівський, III, карта № 271, Кабайда, 1966, с. 91). Как правило, термин *сiварван*' и т. п. употребляется наряду с термином *ве^uсélка* и т. п., иногда *дугá*, *тугá* и *ра́дуга*. И. А. Дзензелевский отметил лишь три случая единичного употребления термина *сiварван*' 'радуга' (Дзендзелівський, III, карта № 271).

Переходя к более подробному рассмотрению славянских народных поверий и примет, связанных с появлением радуги, отметим в первую очередь почти повсеместное в славянском мире представление о том, что радуга набирает («пьет», «берет», «сосет») воду из реки, моря или любого водоема. Эти представления выражаются в виде отдельных формул-клише, как-то польск. *tęncá pije vode* (с. Жабница, Живецк. повета, юго-западн. малопольск. говоры, Kupiszewski, 1969, s. 81); *tynca to wode bzierze popsić na drugi desc* (с. Чарнотшев, Остроленцк. повета, северо-восточн. мазовецк. говоры, Szyfer, 1969, s. 65); *tonż pije ode* (г. Шлезинь, восточновеликопольск. говоры, Pracki, 1908, s. 123), *tęncá vodo pija* (с. Райборт восточнее Кракова, МАГР VI, комм. 53); кашубск. *tağa цода pije, tenča pije, tağa pije dešč, tąča b'eře v se voda* (АЖК V, 145, Sychta, VI); украинск. *красá вóду нїе* (с. Оров, бойковск., Онишкевич, I); *веселиці вóду не* (с. Нагуевичи, б. Дрогобычск. повета, Франко, I, 1, с. 149); *дуга н'є вóду, дуга н'є вóду с ставу* (с. Романковци Сокирянск. р-на, буковинск. диал., МСБГ); *висиліца нїе вóду, висиліца нїе з*

Дн'істра вóду (с. Прилипче, Дорошевиці, Виконо Заставницьк. р-на, с. Голубовка Новоселицьк. р-на, буковинск. диал., запись В. А. Прокопенко); *вѣс'ѣлуха вóду ў рѣцы бѣрэ* (с. Листвин около Овруча, полесскоукраинск. диал., запись Н. В. Никончука); полесск.-белорусск. *радавица вóду барэ* (д. Велута Лунинецк. р-на, собственн. наблюд. 1965 г.); белорусск. *асёлка вадў бярэ, красуля бярэ воду ў моры, н'ець* (д. Красниці Чашницьк. р-на, восточнее Минска, Шатэрнік, 1929); *на нѣб'и радауга вóду наб'ирайа* (д. Мачулино Волковыск. р-на Гродн. обл., Сцяшкóвiч, 1959, с. 68); *на дошч радуга ваду б'аре* (д. Острово Слонимск. р-на Гродн. обл., Сцяшкóвiч, 1972, с. 413); великорусск. *погляді у вóзири радауга вóду набіраіць* (б. Ельнинск. уезд Смоленск. губ., Добровольский, 1914, с. 766); болгарск. *зўнкътъ пїе óдъ ут р'акътъ* (гюмюрджинск., Бояджиев, 1971, с. 32), *зўницата пее вóда од двѣ рѣки* (г. Кюстендил, Умленски, 1965, с. 227), сербскохорватск. *дуга пије воду* (Јанковић, 1951, с. 41)⁶⁴. Дальнейший перечень занял бы слишком много места. Приведенные примеры не охватывают даже всего известного в литературе материала. Следует иметь в виду, что собиратели часто проходили мимо подобных примеров и не всегда их отмечали, стремясь выявить термин, выраженный одним словом, и отказываясь от глагольно-именного словосочетания, т. е. от целой фразы. А между тем, как будет видно из дальнейшего изложения, такое словосочетание и было во многих случаях наиболее древнее и точное название радуги. Все же мы можем у некоторых собирателей найти указание на интересующие нас формулы-клише. Так, М. О. Онышкевич в своем «Словаре бойковских говоров» отмечает, что «часто к слову *веселá* (*вѣсѣла*) прибавляется «воду пїе» (Онышкевич, I, под словом *веселá*). Правильнее было бы сказать, что лингвисты-диалектологи, записывающие в поле материал, стремясь придать сигнификату (resp. сигнификатору) более словарную, более терминологическую форму, обычно отбрасывали от «формулы» *веселá вóду пїе* слова *вóду пїе*. Другой исследователь-украинист — А. В. Кабайда пишет: «Способность “пити”, “тягнути”, или “брати” воду придается радуге на всей территории западных областей Украины, неза-

⁶⁴ На основе синтагмы «дуга (круг) пьет» возникло и румынское название радуги *curcubeu* [= **curcus* (< *circus*) + *bibit*, DLRM]. Предположение, что радуга «пьет» воду, было еще у древних римлян.

висимо от того, какое название там распространено» (Кабайда, 1966, с. 91). Это свидетельствует о широкой употребительности рассматриваемых формул. Еще в начале нашего века Иван Франко писал, что «народ представляет себе радугу как некое существо, выпивающее воду из каких-то источников, прудов и т. п., а иногда с водою она выпивает лягушек и рыб, которые позже при больших грозах падают с неба далеко от того места, где они были высосаны в воздух» (Франко, I, 1, с. 149). Аналогичные поверья у смоленских крестьян отмечал и В. Н. Добровольский. Он писал, что «радугу называют "коромыслом", "веселкою" и верят, что она забирает из морей, рек, озер и болот вверх воду и появляется на небе всегда перед дождем» (Добровольский, 1914, под словом *радуга*).

Мои личные полевые наблюдения и записи, сделанные у представителей южномакедонских и полесско-белорусских говоров, убедили меня в том, что многие информаторы на вопрос о радуге в ответ называют не радугу, а то метеорологическое явление, которое, по их мнению, манифестируется радугой. При этом это явление, согласно народному представлению, оказывается не преломлением солнечных лучей в мельчайших водяных частицах, а перекачиванием воды из земли на небо. Так, от представителей южномакедонских диалектов я слышал в первую очередь ответ: *облако вода нѣје*, т. е. дословно «туча пьет воду» (с. Жупанишча, Костурско, собств. запись 1961 г.), *облако се нѣшчи — вода нѣје* (с. Жельово, Леринско, собств. запись 1961 г.).

В этих говорах, как отмечалось выше, *облак* означает, во-первых, 'туча, облако', во-вторых, 'радуга'. Есть все основания предполагать, что термин *облак* 'радуга' возник в результате свертывания фразеологизма⁶⁵ *облако вода нѣје*. На этом же основании, надо думать, возникли и польско-кашубско-лужицкие термины *tęcza*, *tąča*, *tusa*. Притом южномакедонские и кашубские говоры отражают переходную стадию, в которой *облак* или *tąča* значат также, как отмечалось выше, и 'туча' (ср. кашубск. *tąča deŕŕu*, дословно «туча дождя», т. е. 'дождевая туча'; с. Сворнегаче, MAGP VI, карта № 262, комм. 53, 54). Этимологическая связь ⁺*tąča* 'радуга' и ⁺*tąča* 'туча, дождевое облако' бесспорна, и она никем

⁶⁵ О понятии свертывания фразеологизма см.: Толстой, 1973.

не ставится под сомнение, однако чисто семантически переход 'туча' → 'радуга' остается непонятным и необъяснимым, если не допустить происхождения ⁺*trǫča* 'радуга' из рассматриваемого фразеологизма. У представителей тех же южно-македонских говоров мною записаны и формулы иного порядка, как например *божилók nǐje vóda* (с. Ловраде, Костурско, собств. запись 1961 г.), где *божилók* означает 'радуга' и выступает также как однолексемный термин.

Наличие нескольких названий радуги в одном и том же пункте, т. е. в одной системе говора, широкая распространенность такого факта на достаточно обширных славянских диалектных территориях свидетельствует о том, что он вызван не только, а чаще и не столько взаимовлиянием разных говоров (интерференцией), сколько условиями, приводившими к появлению нескольких синонимов в одной и той же языковой системе, в одном микродиалекте. Синонимы эти, надо полагать, во многих случаях оказываются (или были в прошлом) неабсолютными.

В одной и той же системе одно из названий радуги может быть термином в полном смысле этого слова, другое может быть связано с поэтическими текстами и представлениями, третье — с определенными верованиями, суевериями, предсказаниями и т. п. Такой принцип наименования может относиться не только к радуге. Ср. помимо общераспространенного в Закарпатье названия солнца — *сónце*, также *бóже лице* (ср. *бóжий пóйас* 'радуга') и *небéсне вiкнó* (с. Росишка и Косовская Поляна Раховск. р-на, Грицак, 1968, с. 2).

Лингвисты часто пренебрегают этими различными «стилистическими» (или «этимолого-стилистическими», или «этимолого-жанровыми») регистрами, не стараются их выявить в говоре, иногда даже не предполагают их наличия. Сбор материалов для атласов по вопросникам часто идет быстро (вернее, поспешно), и время на него тратится в общем незначительное⁶⁶.

⁶⁶ Отмечу один случай из собственной диалектологической практики. В 1959 г. в Родопах в с. Старцево (б. Елехча) мною и моими болгарскими коллегами, собиравшими материал для БДА, был записан только один термин *зúnка* 'радуга'. Это был самый употребительный и распространенный в окрестных селах термин, и его называли все информаторы. Возможность параллельного существования нескольких терминов (обычного и «поэтического», «мифологического» и

А между тем известны такие случаи, как наличие сразу трех, четырех и даже пяти названий в одном и том же пункте. Так, в украинском с. Стыльском (Львовск. обл.) отмечено *ви^еси^л'іўка*, *ви^есёлка*, *йáсна*, *дугá*, *ра́дуга*, в с. Пальчинцах (Тернопольск. обл.) — *красá*, *дугá*, *ра́йдуга*, *ве^лсёлка* (Кабайда, 1966, с. 88), в с. Липецкая Поляна (Тячевск. р-н Закарпатск. обл.) — *ве^лсёлка*, *дугá*, *тугá*, *бо́жий знак*, в с. Угля (тот же р-н) — *ве^лсёлка*, *ве^лсе^лла́*, *дугá*, *тугá*, в с. Колочава-Лазы (Межгорск. р-н той же обл.) — *ве^лсёлка*, *дугá*, *тугá*, *ра́дуга* (Дзендзелівський, III, карта № 271). Все эти примеры как будто говорят об одном — терминологическом характере (значении) этих слов, но вот уже такая синонимика в одном и том же говоре, как в македонском с. Богомила *зýница* и *винóжито* (Велесск. округи, Reiter, 1964, S. 148) или в полесской д. Луга *ра́дуга*, *цмок* (Лунинецк. р-н, ДАБМ, карта № 312, комм. 902), д. Козики *ра́дуга*, *весёлка*, *м'ец'елýха* (Ивацевичск. р-н, ДАБМ, карта № 312, комм. 902), указывает на разность подхода к названию радуги: помимо терминологического, здесь присутствует и мифологический момент, суеверное восприятие и т. п. (гадание, предсказание — *винóжито*, представление о высасывающем змее — *цмок*, об очищающем и подметающем небо существе — *м'ец'елýха*).

Интересны и случаи называния явления радуги целым предложением-клише (о них уже шла речь), в котором термин радуги отсутствует или присутствует лишь «потенциальный» термин радуги. Подобные примеры мне известны лишь по моим полевым записям, ибо я их не встречал в опубликованных материалах и других источниках. К ним, вероятно, относится уже приводившийся пример с лексемой *роска*, которую можно интерпретировать двояко — и как термин, и как потенциальный термин — *ро́ската во́да са́ка* (с. Граждане, Леринско — Эгейская Македония, собств. запись 1961 г.), дословно «роса хочет воды». В том же самом селе Граждане известно и выражение *ма́нглата нýје вода*,

т. п., а в ином плане — более нового и архаического), мы не учли и потому не произвели специальные поиски других слов. Однако более опытный местный собиратель Т. Стойчев отметил в том же с. Старцево термины *лесýчина свáдба* (Стойчев, 1965). Этот термин, как отмечалось выше, дает важную карпатско-(украинско-)родопскую изоглоссу, и фиксация его в с. Старцево очень существенна.

где *мáнгла* явно не 'радуга', а 'мгла, туман'. Там же известен и термин *Бóгу пóјас* и *бóгоф пóјас* (собств. запись 1961 г.). В Полесье в с. Шестовичи (Петриковск. р-н) отмечено *в'а-с'ólка вóду б'ерé*, затем *малáнка вóду б'ерé*, затем *пáс на н'éб'е, чырвóный и зыл'óный пáс* (собств. запись 1962 г. у Анны Трофимовны Бучковской, 1912 г. рожд.). Вне клише, в виде отдельного термина употребляется в этой системе говора *в'ас'ólка*, а *пáс* — скорее «потенциальный» термин.

В полной мере потенциальным термином оказывается *малáнка*, которая означает в Шестовичах 'молнию'. Однако могло бы создаться положение, при котором *малáнка* означала бы и 'молнию', и 'радугу', подобно тому как в отдельных эгейско-македонских говорах *óблак* означает 'тучу' и 'радугу', а в кашубских *tąča* также — 'тучу' и 'радугу'.

Не наименование атмосферного явления, а название процесса, который происходит по народным метеорологическим мифологическим представлениям, характерно для целого ряда других славянских и неславянских диалектных систем. Весьма любопытны опять-таки полесские и белорусские клише, связанные с громом. Во многих полесских говорах различается 'гром', 'молния' и 'удар грома' — *гром*, *малáнка* и *пéрун* (собств. наблюд. 1962—1965 гг.), но чаще последнее звено *перун* представлено лишь предложением-клише *пéрун бјé* (с. Дяковичи, Житковичск. р-н, запись 1964 г.).

В качестве другого любопытного примера можно привести разные славянские наименования для «слепого» дождя, т. е. для дождя во время солнца. Фольклорно-мифологической интерпретации этого явления в языках и культурах разных народов мира посвящена монография Матти Куузи, вышедшая в знаменитой финской серии «FF Communications edited for the Folklore fellows» под № 171⁶⁷. Для того чтобы иметь некоторое представление об этой очень ценной работе, приведем материал только одного славянского языка — сербскохорватского. 'Слепой дождь' у сербов и хорватов обозначается (или сопровождается) словами: *мечка се жени* (Ниш, Заечар, Гужа), *вук се жени, мечка се удала* (Лесковац — Сербия), *жену се врагови* (Сирич — Косово),

⁶⁷ См. Kuusi, 1957. — На эту книгу любезно мне указал и дал возможность с ней ознакомиться И. Г. Левин.

ђаво се жени (Белград), ђаволи се легу (Герцеговина, Белград), родиће се ђаво (Белград), купају се ђаволи и анђели заједно (Приштина, Косовска Митровица), ђаволи се туку (Чайниче — Сербия), ђаво бије своју бабу (Вареш — Босния), туче враг своју матер (Славония?), ђаво туче своју жену (Банат), ђаво бије своју жену и она плаче (В. Бечкерек — Банат), губавци се жене (Шибеник?), вјештице се легу (Хорватия), родила се вештица (Банат), виле се купају (Оток в Славонии), виле се легу по бијеломе бријегу (Славония), жени се Циганин (Штрпце — Косово Поле), Цигани се жене (Цетине — Черногория, Завали — Герцеговина), *Cigani se ženiju* (Загреб и кайкавские говоры), Цигани се ј... (Левач и Темнич — Сербия, Скопле — Македония), Дучићи се жене, а кучке се штене (Кучи в Черногории), родило се Циганче (Гуштерица, Приштина — Косово Поле), родила Циганка (Штрпце — Косово Поле), рађају се Цигани (Бања Лука в Боснии, Оток в Славонии), *Cigani se ženidu* (Самобор и Пригорье в Хорватии), *Cigani se legu* (Дубровник и южная Далмация, Kuusi, 1957, S. 37, 87, 132, 164–166, 168), или Киша пада, трава расте, Цигани се жениду (Банат, Воеводина, собств. набл. 1939 г.).

Ср. записанную Ф. С. Краусом почти век тому назад в с. Плетерница в Славонии песенку:

Киша пада, сунце сја.
Цигани се легу
На бијеломе бријегу.
Хај ху, хај!
На бијеломе бријегу.

(Krauss, 1884—1885, p. 42).

Употребление предложения-клише при назывании слепого дождя (русские его иногда называют и *грибным дождем*; ср. возглас *Это к грибам!*) свойственно многим другим славянским языкам, языкам индоевропейским и неиндоевропейским — угро-финским, тюркским и др., что хорошо показано в уже упоминавшейся монографии М. Куузи.

Возвращаясь к поверьям о радуге, отметим, что помимо представления о том, что радуга пьет воду и с ней лягушек, рыб и т. п., существует и представление, что радуга может всосать в себя и выбросить на другой конец своей дуги человека (с. Ходачки б. Стрыйск. повета, Западная Украина, Колесса, 1898, с. 77). Поэтому радуга вызывает суеверный

страх, о котором применительно к западным украинцам («галицко-русским крестьянам») писал И. Франко (Франко, I, 1, с. 149). В с. Великий Кочуров (Черновицк. обл.) опасаются близко подходить к радуге: — *не йди́ бли́зко коло ду́ги, бо в'ї́нїе у тебе́ кро́у* (Кабайда, 1966, с. 92). С представлениями о радуге-кровопийце, безусловно, связаны такие наименования, как *зме́й*, *смок* и т. п. Не исключено, что великорусская вятская формула *Дуга при солнышке, есть утопленник!* основана на вышеизложенных моментах. Но она может быть и иного происхождения. Ср. представление у сербских цыган о слепом дожде — *кад киша пада и сунце сија, то је мртвачка киша* (то же у некоторых тюркских и кавказских народов — Kuusi, 1957, S. 64). Наконец, интересно привести и верование, отмеченное в с. Забрђе в Боснии, что радуга — дракон («аждаја»), пьющий из моря воду, которая позже превращается в дождь. Известно и боснийское верование, что радуга — змей, высасывающий воду: его «видели» боснийцы на реке Саве, а потом находили на берегу трепещущую рыбу. В той же Боснии, в г. Жеппче отражена в повериях христианизация этого представления. Там говорят, когда появляется радуга: *Ено оно свеци воду пију* 'Вон, это святые воду пьют' (Ђорђевић, I, с. 61).

На основе этих поверий возникли и следующие славянские фразеологизмы: словацк. *pije ako dúha*, дословно «пьет, как радуга» (Záturský, 1965, s. 63), словенск. *vedno pije kakor božja mavra*, дословно «всегда пьет, как радуга» (Pleteršnik), т. е. 'пьет, как сапожник'. Ср. также хорватское народное проклятие — *duga te šmrknila!*, дословно «пусть тебя радуга всосет!» (Полица — Северная Долмация, Ivanišević, 1905, s. 307).

У сербов, македонцев, болгар и западных украинцев отмечено верование, согласно которому прошедший под радугой изменяет свой пол, т. е. мужчина становится женщиной и наоборот. По сведениям, которыми располагал известный болгарский собиратель Д. Маринов, «Дзга, или зуна (т. е. радуга. — Н.Т.), содержит в себе "вторую силу", божью силу. Она может превращать мужчину в женщину и женщину в мужчину. Это происходит следующим образом: если кто-либо хочет изменить свой пол, он должен пойти во время дождя на реку и там, где радуга "пьет" воду, на том же месте должен пить и он, и тогда он превратится из мужчины в женщину и из женщины в мужчину» (с. Жеравина,

Кюстендилско, с. Тырново близ с. Сеймен, Чорленско, Фракия, так же Габровско и Казанлыкско, Маринов, 1914, с. 16). По другим народным болгарским представлениям, кто перейдет через радугу (вернее, пройдет под радугой), тот изменит свой пол. См. запись С. Н. Шишкова из Ахыр-Челебийско (ныне Смолянско) в Родобах и А. Гяурова из с. Плевня, Драмско (Шишков, 1889, с. 77; Гяуров, 1900, с. 225). По одному из болгарских суеверий, изменение пола может быть опосредовано, т. е. отнесено, скажем, не на саму женщину, проходящую под радугой, а на ее будущих детей, ее плод. Й. Ковачев сообщает, что в с. Сапарево (Дупнишко — западная Болгария) говорят, что «если женщина, у которой рождались только девочки, пойдет напиться воды на том месте, где “пьет” радуга, то после этого уже у нее будут рождаться мальчики» (Ковачев, 1914, с. 65). Очень близко к болгарским сербское суеверие, записанное в Герже (центральная Сербия) П. Петровичем: «Кому удастся пройти под радугой там, где она “пьет воду”, тот изменит свой пол, т. е. мужчина станет женщиной, а женщина мужчиной». По верованиям, «радуга охотнее всего пьет воду у водяных мельниц и потому около них нельзя купаться» (Петровић, 1948, с. 334). Об этом писал и Вук Караджич в своем словаре: «Сербь говорят, что если мужчина пройдет под радугой, он станет женщиной, а женщина пройдет — мужчиной» (Карадић, 1852, под словом *дуга*). Любопытно северномакедонское суеверие, согласно которому, если «радуга близко и кто-то пройдет под ней, у того выскочит вульва на лбу, как раз на самой середине» (скопские говоры, Филиповић, 1939, с. 511). О подобных мыслимых метаморфозах писал и И. Франко, сообщая, что «перед радугой наши люди испытывают суеверный страх, приписывают ей силу менять пол человека, который станет (будет стоять) там, где она пьет воду, и вообще способность причинять человеку всякую беду» (Франко, I, 1, с. 149)⁶⁸. Вероятно, поэтому в Закарпатье распространен запрет указывать на радугу перстом (с. Скотарское, Кабайда, 1966, с. 92).

⁶⁸ Естественно, как и многие другие поверья о радуге, это поверье о половой метаморфозе не является исключительно славянским. Оно распространено также в Греции, Франции, Германии, Северной Индии и других странах.

В польском с. Мазилы (Томашевск. повета на Люблинщине) В. Купишевский отметил поверие, являющееся контаминацией поверия о прохождении под радугой или питье воды из того места, где «пьет» радуга, ведущих к перемене пола, и поверия о том, что радуга может всосать в себя человека: *tenča że se końcy, to tym końcem pije wode i putrafi człowieka wypić, a drugim końcem jag wyjże, to już uodmiana s tym człowiekiem nastumpi, ale młotše s tego że śmiejo, że wežo* (Kupiszewski, 1969, s. 81).

Среди славянских поверий о радуге отмечено еще одно, которое, возможно, не славянского, а балканского происхождения. Пастухи в северной Далмации (с. Долац в Полице) говорят, что «если найти место, где радуга спускается с неба на землю, и на этом месте повалиться на земле, ослица родит младенца (человеческую особь. — Н. Т.)» (Ivanišević, 1905, s. 224). В этом суеверии радуга непосредственно причастна к акту рождения и, в частности, к изменению существа рождающегося — из животного в человеческое.

Неудивительно поэтому, что радуга, как отмечалось выше, является и символом плодородия вообще. У болгар радуга играет очень важную роль в оформлении всех обрядовых хлебов. Д. Маринов пишет: «Редко бывает хлеб без изображения радуги» (Маринов, 1914, с. 16). Радуга символизирует также дождь, источник плодородия [с. Деремашала (Малык Воден), б. Казыл-Агачко (Елховско), Маринов, 1914, с. 16]. Ср. выше белорусск. название *богатка* и т. п. В связи с восприятием радуги как символа плодородия у южных славян распространен обычай предсказывать, глядя на разноцветные полосы небесной дуги, какая культура даст самый большой урожай. Так, хорваты в районе Вараждина «говорят: то белое, что в дуге, означает хлеб (*kruh*), красное означает вино, зеленое значит жито (ячмень? — Н. Т.), рожь и пшеницу» (Valjaves, 1863, s. 256), а хорваты из северной Далмации (Полицы) считают, что «на радуге видны три полосы: синяя — это капуста, овощи; желтая — это растительное масло; красная же означает вино; какая полоса шире — того и уродится больше в поле» (Ivanišević, 1905, s. 224), но название **vinožito* для радуги у них отсутствует. В Боке Которской, на южной Адриатике «по краскам, которые видны на радуге, народ толкует, какой урожай у какой культуры будет лучший: по зеленой — растительное масло, по красной — вино, по желтоватой — жито, по синей — ози-

мые, по полужелтоватому — плоды (фрукты) и овощи» (запись Вука Врчевича, Ђорђевић, I, с. 63). Сербские «крестьяне смотрят, какой цвет в радуге преобладает, и по этому определяют, что в этом году даст наибольший урожай: зеленый цвет относится к житу (пшеница? — Н. Т.), белый к ракии (виноградная или фруктовая водка. — Н. Т.), красный к вину... зеленый к посевам вообще, желтый к шелковичным коконам, синий (голубой) к деньгам, а красный к вину» (Јанковић, 1951, с. 42).

В северо-западной Сербии, в Хомолье считают несколько иначе: «когда самым ярким оказывается красный цвет, тогда в этом году будет много вина; когда синий — урожай будет на сливы; зеленый означает обилие сена, а желтый — урожай жита (пшеницы. — Н. Т.) и кукурузы» (Милосављевић, 1913, с. 396). В Македонии в районе Джевджелии о красном цвете говорят, что он к вину, «зеленое — посевы, желтое — шелковичные коконы, синее — деньги» (Тановић, 1927, с. 433—434). Болгары также считают, что каждый радужный цвет имеет символическое значение, указывающее на основные виды источников пищи: «зеленый — это трава, желтый — просо, красный — вино, а темно-красный или огненный — жито». «Теперь, — свидетельствует далее Д. Маринов, — желтый означает еще и кукурузу, потому что в наше время (начало XX в. — Н. Т.) больше сажают кукурузу, а проса очень мало. По этим радужным цветам узнают, какая культура даст больший урожай: если желтая полоса шире, это указывает, что урожай будет на кукурузу, если красная полоса шире — плодородными будут виноградники, если зеленая полоса шире — будет много травы и т. д.» (Казыл-Агачко, т. е. Елховско, Севлиево, Поповско и др.; Маринов, 1914, с. 16). В районе Великого Тырнова П. К. Гыбюв отмечает упрощенную схему: «если у радуги больше зеленого цвета, урожай в этом году будет на продукты, а красного — на вино» (Гыбюв, 1900, с. 224). Любопытно отмеченное Й. Ковачевым свидетельство о том, что в селах Яна (Софийско) и Калково (Самоковско) ярко-красный цвет радуги означает кровопролитие, в некоторых случаях мед (с. Гырло — Трынско, Западная Болгария), или жито (с. Иопица — Белослатинско, Краево и Курново — Орханийско, т. е. Ботевградско, Ковачев, 1914, с. 65). Прогноз кровопролития — единственный случай неблагоприятного прогноза в этом виде гаданий по радуге.

Двойная радуга — одна, обращенная концами к земле, а другая — концами к небу, называется в восточной Сербии, в Хомолье — *близанац* (дословно «близнец»). При этом есть поверие, что в зависимости от яркости и широты полос радуги, обращенной вниз, будет тот или иной урожай на земле, но можно предсказать урожай и «на том свете» по тем же признакам у радуги, обращенной концами вверх (Милосављевић, 1913, с. 396). Подобные предсказания урожая у других западно- и восточнославянских народов нам неизвестны, но у некоторых балканских народов, в частности у албанцев, подобное гадание по радуге практикуется.

Наиболее устойчивым и широко распространенным верованием у славян (и у многих других народов) оказывается верование, что радуга предсказывает погоду. В большинстве случаев считается, что появление радуги предвещает конец дождя и ясное небо. Но в ряде мест думают наоборот, что появление радуги — к дождю. Этот факт побудил Анну Шифер в польской зоне Вармии, Мазур и Курпев картографировать приметы «к ясной погоде», «к дождю». При этом поверие «к дождю» оказалось распространенным компактно в Вармии и немного шире — в основном вокруг Олыштина, а на всей остальной территории выявилось наличие приметы «к ясной погоде» (Szyfer, 1969, карта IX). Подобные исследования весьма ценны, но они в славистике еще очень редки, поэтому в других диалектных зонах пока нельзя наметить никаких «изоглосс» (точнее «изоефизм»). Можно лишь утверждать, что примета «к ясной погоде» у славян явно преобладает.

Ср. примеры: русск. среднеуральск. *дуга на небе — дождь кончился* (Верхне-Тавдинск. р-н, ССУ), новосибирск., тобольск. *дуга на небе — дождя не будет* (СРНГ), белорусск. могилевск. *палянь на неба — вясёлка стаіць, гэта ны пагоду* (д. Ушаки Черниковск. р-на, Бялькевіч, 1970), украинск. *радоўка вийшла, то вже не^н буде дощч^у* (с. Устя Ровенск. обл.), *буде годіна, бо весёлка нїе вóду* (с. Дубове Закарпатск. обл.), *їак вийде радуга, то вже ми над'їємос'а, що буде по'гóда* (с. Мильск Волыньск. обл., Кабайда, 1966, с. 91—92), хорватскосербск. *kaže se kad se duga pokaže na nebu da ne će bit više kiše* (Полица — Северная Далмация, Ivanišević, 1905, s. 224), болгарск. *излази нóес — нз мѣй ѓдъ к'ѣша* (с. Ново Село — Видинско, Младенов, 1969, с. 265), *кѣту излѣзи зунѣтѣ дѣждѣ скóру ѓрнїсвѣ* (Велико Търново, Гъбюв,

1900, с. 221), польск. *tęca z moża vode pije, że pogoda ma być* (с. Шветлики повета Высоке Мозовецке, Kupiszewski, 1969, s. 81) и в то же время ср. русск. смоленск. *в'ас'ółка з дожжý гар'út'* (Слободск. р-н Смоленск. обл., МСОС, с. 112), севернобелорусск. «богатка предвещает продолжение дождя» (б. Воложинск. приход Опшмянск. у. Виленск. губ., Берман, 1873, с. 41), украинск. *щче дóшч бýде пáдат', бо рáдуга вóду з рíчки берé* (с. Оржов Ровенск. обл.), *ади крáска вóду пйé, щче бýде дошч* (с. Коболчин Черновицк. обл., Кабайда, 1966, с. 92), польск. *tęca vode cóngré z żekuf, to na deść* (с. Серошевице повета Остров Великопольский, юго-восточные великопольские говоры, Kupiszewski, 1969, s. 81). Ср. выше белорусск. *дажжáнка, кiс'алíха*. Любопытно единично зафиксированное польское (силезское) верование, что радуга в равной мере может предсказывать и ясную погоду, и дождь, но только после ее появления должно быть три дня подряд ясно или три дня подряд дождливо: *dą^gga piéle wodą^g, co byżе її dńi pogoda abo її dńi dyść* (с. Держиславице, Прудницкий повет, Pluta, 1973, s. 30).

Существенны отдельные немногочисленные примеры (их при тщательном собирании, безусловно, было бы больше), свидетельствующие о том, что есть народные прогнозы, основанные не просто на факте появления радуги, а еще и на дополнительных признаках, как-то: а) крутизна радужной дуги, б) положение радужной дуги по отношению к странам света, в) время появления радуги. Н. А. Иваницкий свидетельствует, что в Вологодском крае крестьяне судят так: крутая дуга — к ведру, пологая — к сильному продолжительному дождю (Иваницкий, 1890, с. 142). На другом конце обширного славянского мира, в Боке Которской (Черногория), «если радуга показалась к вечеру на востоке во время дождя, говорят — *Шјутра је лијепо вријеме*, а если утром на западе, скажут — *Опет шјутра киша и зло вријеме*» (запись Вука Врчевича, Ђорђевић, I, с. 63). Возможно, что в некоторых славянских зонах различаются случаи, когда радуга появляется а) после дождя и б) во время дождя, если судить по восточнобелорусскому примеру: *дождж ідзе і вясёлка воду бярэ — значыць, нянасьце будзіць* (г. Костюковичи, Бялькевіч, 1970, под *вясёлка*). Однако нам неизвестно, противопоставлено ли это семантически случаю, когда дождь при появлении радуги не идет (т. е. «после или без дождя»).

Следует отметить также, что бóльшая распространенность поверья, что радуга предвещает окончание дождя и ясную погоду, объясняется еще влиянием библейских преданий на славянские дохристианские представления. Как известно, в Ветхом Завете в первой книге пророка Моисея (глава IX, стих 8—17) сказано следующее. Бог сказал Ною и его сыновьям, что он ставит им и их семени (потомству) и всему живому завет свой, что ни одна живая плоть не погибнет от потопа и потоп больше не зальет землю. Знаком (знамением) этого завета стала радуга. Бог сказал Ною: «дугу мою полагаю во облацѣ и будетъ въ знаменіе завѣта вѣчнаго между мною и землею» (текст дан согласно современной русско-церковнославянской редакции). Ср. выше *знамение господне, божий знак, блугусливиц'и, kościół na niebie* и др. Интересны и народно-апокрифические устные предания и поверья, возникшие на базе библейского текста. Так, в болгарском с. Ваксево (Кюстендилско, западная Болгария) записано следующее предание. Бог сказал Еве: «Пока существует радуга, люди будут плодиться, а как только она исчезнет, наступит второе пришествие» (ср. примеры ниже; Ковачев, 1914, с. 64—65). По мнению болгарских крестьян (начало XX в.), как сообщает Й. Ковачев, когда радуга долго не появляется на небе, следует ожидать неурожая, наступления засухи и голодных лет (ряд сел бывш. Берковицкой, Трынской, Радомирской, Дупнишкой и Орханийской околий, т. е. преимущественно западная Болгария), «дядо Господ» сердится на людей (отдельные села в Белослатинско, Харманлии — Казыл-Агачко), возможен даже второй всемирный потоп, если радуга не будет появляться на небе семь лет подряд (с. Курново, Орханийско; с. Локорско, Софийско), или три года подряд (с. Рашково, Орханийско; с. Тырнак, Белослатинско), или конец света (с. Ваксово, Кюстендилско, Ковачев, 1914, с. 65). Таким образом, у южных славян довольно четко проступают дохристианские языческие представления сквозь наслоившиеся на них отчасти представления христианские. Ясно одно, что отсутствие радуги, по верованиям южнославянского пахаря и пастуха, ведет к неурожаю, голоду, беде, несчастьям, каре и «наказаниям господним», а появление радуги все это снимает, предвещает плодородие и предвещает тем самым радость и веселье. Ср. выше *веселка, веселуха, рада, радовница* и т. п.

Естественна поэтому народная примета: видеть радугу — хорошо, а не видеть ее — плохо. На этом противопоставлении основана записанная еще Вуком Караджичем детская сербская песенка.

Ко не види дуге	Кто не видит радуги,
Не вид'ла га мајка	Пусть его не видит мать
До Петрова данка.	До Петрова дня.

(Караџић, 1852, под словом *дуга*)

Т. Джорджевич приводит другую сербскую детскую песенку, услышанную им в г. Алексинце (Сербия), называя ее «брояницей» (*бројаница*—считалка):

Кој не види дугу	Кто не видит радугу,
Дугачка му шија	У того длинная шея,
Као шифтелија.	Как шифтелиа.

(Слово *шифтелиа* бессмысленно; Ђорђевић, I, с. 64)

Наконец, интересна и третья — хорватская — детская песенка, записанная в Полице Ф. Иванишевичем:

Ено дуга!	Вон радуга!
Бижи, боба, из луга!	Беги, баба, из болота!

(Ivanišević, 1905, s. 224)⁶⁹.

В ней, надо полагать, отражаются представления о противостоянии небесной («чистой») силы силе «нечистой» (по поздним переосмыслениям, «бесовской»), представителем которой является *баба* (ср. *Баба Яга* и др.). Ср., однако, *бабин појас* и т. п. Весь вопрос о *бабе* достаточно сложен и требует специального рассмотрения.

Ср. также детскую белорусскую песенку, которую лишь предположительно можно считать родственной приведенной хорватской:

Дожджык, дожджык, крапані,
Бабу з поля прагані.

(д. Принеманье, Гродненск., обл. зап.
А. С. Емельянова, 1971 г., ДФ, с. 360)

Из других восточнославянских фольклорных материалов отметим смоленское:

⁶⁹ Вероятно, из болота, поросшего камышом, или из леса. О значении слова *lug* см. Толстой, 1969, с. 110—114.

Висялұха, висялұха!
Сянни — суха,
Заўтра — мокра!

(с. Тананыкино, б. Рославльск. уезд, Добровольский, 1914)

В этом очень кратком тексте, который В. Н. Добровольский назвал «обращением к радуге», можно видеть отношение к небесной дуге как к предвестнице дождя и плодородия (прогноз дождя на второй день).

Суеверие, согласно которому радуга может «всосать», втянуть в себя человека или выпить из него кровь⁷⁰, отражено в другом русском обращении:

Ах ты, радуга-дуга!
Ты убей мужика!

(запись Борисова, Афанасьев, 1865, с. 37).

Но чаще обращение к радуге связано с пожеланием доброй ясной погоды или с ее способностью «пить воду»:

Радуга-дуга! Не давай дождя
Давай солнышко!
Давай ведрушко!

или вторая часть первой строки

Перебей дождя!

Или:

Радуга-дуга!
Наливайся дождя!

Обратное:

Радуга дуга!
Не пей нашу воду!

(см. Афанасьев, 1865, с. 41)

В связи с изложенным выше материалом отметим еще две болгарские приметы: радуга — это пояс «дядо Господа», который им полощется во время дождя (с. Тапшманли, Белослатинско; Крумово, Казыл Агачко; Албашево, Чирпанско) или сушится после дождя, после того как дождь его намочил (с. Яна, Софийско, Ковачев, 1914, с. 64). Таково, вероятно, бытовое перевоплощение представления о божьем знаке. См. выше *бóгу нóјас, нóјасъ на дядо Гóспод* и др. Вероятно, однако, более архаическим (языческим) является

⁷⁰ Несколько иначе см. Афанасьев, 1865, с. 37.

болгарское верование, что радуга — это пояс самовил: *самовилите са опасани с зунка* (с. Деремахала, Казыл-Агачко, ныне Мальк Воден, Елховско, Маринов, 1914, с. 16). Не лишено интереса и следующее сербскохорватское верование: Бог решил показать женщинам, как нужно сновать и ткать и какие цвета при этом употреблять (запись Т. Драгичевича, Торђевић, I, с. 61). Ср. выше *тѣканица*, *платно* и др.

Наконец, с фольклорно-этнографической и мифологической точки зрения любопытно название *лисѣйка*, *лесѣчина зѣнка*, *лесѣчино платно*, *лисѣчасти байрѣк* и особенно *лесѣчина свѣдба*. Объяснение этого термина также возможно лишь при обращении к материалу, который оказывается не чисто лингвистическим. Для понимания первоначальной внутренней формы этих терминов очень важно детское восклицание, бытующее в Родопах у помацких (болгаро-мусульманских) и православных детей: *Лисица се жени, лисица се жени!* (запись Х. Вакарельского 1955 г., Kuusi, 1957, S. 34). Эта формула выкрикивается при «слепом» дожде, т. е. когда дождь идет при солнце. Представление о том, что во время «слепого» дождя происходит лисья свадьба, характерно для носителей ряда итальянских диалектов, для греков в Италии, корсиканцев, португальцев, турок и азербайджанцев, т. е. для представителей средиземноморской культуры. У индусов, пакистанцев и североафриканских берберов в этих случаях говорят о «свадьбе шакала», а у финнов, японцев и цейлонцев — тоже о лисей свадьбе (Kuusi, 1957, S. 27—35). Таким образом, достаточно четко выявляется средиземноморский ареал, к которому примыкает и родопско-болгарский диалектный островок. Родопы, как известно, отделены от Эгейского побережья довольно узкой полосой суши, ширина которой от 30 до 60 км. Самым интересным фактом в балкано-славянской перспективе оказывается факт наличия термина *лисѣйка* 'радуга' в восточнославянских Карпатах. При отсутствии дополнительных данных пока можно высказать предварительное предположение, что карпатское *лисѣйка* — результат южного, балканско-средиземноморского (или даже балкано-славянского?) влияния. Еще загадочнее финская параллель, которая, однако, может остаться вне рассмотрения, как не имеющая непосредственного отношения к нашей теме. Не следует, однако, забывать, что в польском языке круг вокруг луны называется *lisia czapka*; дословно «лисия шапка» (SW).

Изложенный выше материал довольно убедительно показывает, как многочисленные славянские названия радуги отражают следы разных напластований и разных мифологических и метеорологических славянских народных представлений. Совершенно очевидно, что они связаны с народным творчеством, в первую очередь с современным детским фольклором, со славянским язычеством и напластовавшимся на него «бытовым христианством». Семантика некоторых терминов радуги, а тем самым и их этимология, оказывается непонятной или не до конца раскрытой без знания поверий и предрассудков, связанных с ней. Вот почему все сильней и настойчивей ощущается необходимость параллельного лингвистического и этнографического изучения отдельных сторон славянской народной жизни, пока еще живы в быту или в памяти некоторые ее архаические черты, создание параллельных программ (вопросников)⁷¹, организация комплексных экспедиций и т. п.

Приведенный материал позволяет внести одно конкретное предложение в работу над Общеславянским лингвистическим атласом. Нет сомнения, что карта названий радуги в Общеславянском атласе внесет в науку новые факты, дополнит и, может быть, изменит отдельные положения этой статьи, создаст новые представления. Но можно не сомневаться также в том, что в относительно редкую сетку Общеславянского атласа не попадут многие из приведенных терминов. Поэтому целесообразно в работе над Общеславянским атласом применить практику Малого польского атласа (MAGP), а именно — в отдельные карты вносить дополнительные пункты, материал из которых известен. Это даст возможность четче выявлять отдельные изоглоссы, полнее представлять всю лингвистическую картину в целом⁷².

⁷¹ К исследованию Анны Шифер приложен вопросник, содержащий 20 подробных вопросов по народной метеорологии. Радуге посвящено три вопроса: А. Что такое радуга? Сколько в ней различается цветов? Объяснение, откуда она берется. Где чаще всего она появляется и когда? В. Известно ли поверие, что радуга пьет воду? Что при этом она пьет лягушек и других живых существ? Что иногда она может выпить и человека? Влияние ее по повериям на судьбу человека. Каково эмоциональное отношение к ней? С. Предсказание погоды по цветам и крутизне дуги. Приметы, по которым она предвещает то дождь, то хорошую погоду (Szyfer, 1969, s. 97).

⁷² Коррективное примечание. Единичное польск. силезск. *rainga* 'радуга' имеет четкое соответствие в южнославянских — словенск.

9. Полено

Эта заметка продолжает серию этюдов по географии славянских слов (1. *дождь*, 2. *саламандра*, 3. *правый — левый*, 4. *хорохориться*, 5. *класть*, 6. *сажа — чад*, 7. *пот — зной*, 8. *радуга*), публикуемых мной с 1962 г. и ставящих перед собой одну основную задачу — показать географию слов, занимающих латеральную (боковую) южнославянскую территорию по отношению к их синонимам, распространенным в основном или центральном (чаще всего — основном центральном) массиве. Такое географическое распределение слов проливает свет на гипотезу Гавацци — Братанича о двух потоках миграции славян на Балканский полуостров. Более подробно отдельные стороны этого вопроса рассматриваются в моих предшествующих этюдах.

Праславянское слово **polěno* 'полено, обрубок дерева, употребляемый главным образом для топки' известно всем восточнославянским языкам (рус. *полѐно*, укр. *поліно*, блр. *палéна*), большинству западнославянских (польск. *polano*, чеш. и слц. *poleno*). В южнославянских языках оно встречается далеко не повсеместно, а в лужицких и кашубском отсутствует. Слн. *poleno* 'полено' зафиксировано академическим словарем словенского литературного языка (*poléno* — *razžagan neobdelan kos lesa za kurjavo v pečì, SSKJ III*), словарями Плетершника (*Pleteršnik*, II) и Глонара (*Glonar*, 1936); включено оно и в словари конца XVI — начала XVII в. Иеронима Мегизера (*poleno Scheit, lignum, polenu, legno, Megiser*, 1967, *Megiser*, 1977). Таким образом, это слово извест-

róga и хорв.-сербск. кайкавск. *puga* 'радуга' (*Skok*, III, s. 68). Регулярные рефлексы *р* во всех этих словах свидетельствуют в пользу их исконнославянского происхождения (ср. укр. *пуга* 'кнут', русск. *пугать* и др.) и делают менее вероятным предположения А. Матценауера и др. о заимствовании из древневерхненемецк. *pogo, bogo*. Семантически **poga* 'кнут' → 'радуга' возможно (не было ли и **doga-poga?*), хотя бы на основании приведенной выше хорватской песенки *Eno duga! Biži, baba, iz luga!* (см. с. 213). С текстом других песенок (на той же с. 213), ср. славонск. *Ko ne vidi duge, // Ne bilo mu druge, // Ne vidla ga majka // Do Petrova danka. // Ne našo lika // Do kozjeg mlaka!* (с. Оток в Славонии, *ZNŽO VII*, 141). Обращать на радугу внимание можно, лишь повторяя эти слова. А пальцем показывать нельзя, — к тому, кто тычет пальцем, через год может прийти смерть (с. Оток, там же).

но словенскому литературному языку и диалектам. В качестве литературного (во всяком случае, без пометы *диал.* или *архаич., редкое*) отмечает его и академический словарь македонского языка (*полено* 'полено' [обычно соснового дерева]: *едно полено борина* 'сосновое полено, пригодное для лучины') наряду с другим словом — *цепеница, цепаница* 'большой разрубленный кусок дерева для топки': Во визбата имаше цел куп *цепеници* «В подвале была целая куча поленьев» (РМЈ, III, с. 531). В современном болгарском литературном языке слово **polěno* (для литературной нормы и восточных говоров оно должно было бы быть **poljano*) отсутствует. Его не приводят ни академический трехтомный (РСБКЕ), ни академический однотомный словарь (БТР), ни словарь редких и устарелых слов (ПРОДД). Лишь С. Младенов дает в своем этимологическом словаре *полено* с пометой *стар.* (старинное) (Младенов, 1941, с. 466). Его можно найти также в четвертом томе словаря Н. Герова: «*полъно* с. ср. Късо дърво като цепеница или суръвица; (русск.) полъно. *Едно полъно борина*» (Геров, IV). Характерно, что РМЈ повторил этот пример. Надо полагать, что Н. Геров внес это слово не столько из-за русского влияния и наличия его в церковнославянском (а русизмы в его словаре имеются, и они известны исследователям), сколько из-за того, что он знал о наличии этого слова в диалектах (вероятно, крайних юго-западных). Надо полагать, что словарь Н. Герова, как и словарь С. Младенова, послужил источником для русского этимологического словаря М. Фасмера, давшего под словом *полено* и болгарскую форму *polěno* (в русском издании она дана без учета возможности разных рефлексов **ě* как *полено*; ср. Vasmer, II и Фасмер, III). Болг. **polěno* плохо зафиксировано в лингвистической литературе, опубликованные материалы по болгарской диалектной лексике почти не дают сведений об этой лексеме, что, вероятно, отражает общее положение вещей. Она отмечена в с. Бобошево (юго-восточнее Кюстендила), куда, однако, в прошлом, в 70-х годах XIX в., переселилось немало представителей другой, более южной диалектной зоны, — *полѣно* 'полено' (Кепов, 1936, с. 273). Судя по имеющимся данным, почти на всей территории Болгарии, как и в болгарском литературном языке, употребляется слово *цепеница* 'большой кусок плоско расколотого дерева для топки, полено' (БТР, РСБКЕ). Это слово вообще характерно для всех южнославянских языков: ср. слн.

cépanica, диал. *cépanka* 'разрубленное полено, чаще всего длинное' (SSKJ), схв. *цѣпаница* (*цјѣпаница*) 'кусок, часть разрубленного дерева', также *цѣпало* 'место, где рубят дрова' (РСХКJ). Слово *цѣпаница* зафиксировано словарем литературного языка новосадской Матицы Сербской (РСХКJ); его можно найти в других нормативных словарях сербскохорватского языка (орфографическом, словаре Л. Бакотича и др.). Таким образом, оно принято всеми литературными языками славянского Юга. Но два сербскохорватских лексикографических источника принимают в качестве литературного без пометы *покр.* или *дијал.* («областное» или «диалектное») слово *пољено* (по екавской норме) и даже дают, на наш взгляд, реконструированную экавскую форму — *полено* (такая форма зафиксирована лишь в чакавском цресском диалекте). Тем не менее есть основания считать, что это слово в сербскохорватском языке областное.

Обратимся к материалу. Первым слово *пољено* на сербскохорватской языковой территории зафиксировал Вук Караджич. В его словаре указано: «*пoљeнo* (у Ц. г.) подебела цјепаница или ваљак луча, ein Scheit Kien, taeda» (Караџић, 1852), т. е. 'толстое полено или брусок смолистого соснового дерева для лучин'. Помета «у Ц. г.» означает, что слово употребляется в Черногории. Экавского варианта слова *пoљeнo* — **полено* Вук не дает. Загребский академический словарь приводит свидетельство Караджича и указывает, что *poљjeno* зафиксировано еще в одном словаре — И. Стулича, тоже начала XIX в., где, однако, дается указание, что слово взято из русского словаря. Кроме того, загребский словарь отмечает *poleno* в чакавском говоре острова Црес (согласно записи А. Бартулина, ZNŽO III, s. 270) и в Хорватии в кайкавской зоне в с. Купинец (юго-западнее Загреба), где интересующее нас слово означает 'деревяшка, которую раскалывают на лучину', согласно записи С. Ивпича (RHSJ). В. Якич-Цестарич зафиксировала на северно-далматинских островах следующие формы: *polënica* — на о. Преке, *pulëno* — на о. Силбе и *polëno* — на о. Паре, — все со значением 'кусок дерева, полено' (Jakić-Cestarić, 1957, s. 415). Мате Тентор сообщает, что *polëno* 'полено' и 'древесный материал, Holz' известно на Цресе и в икавских говорах на о. Раб, в г. Нови и в зоне Жумберка у жумберских чакавцев (см. также Skok, II, s. 699; при этом Скок, который родом из Жумберка, дает «акающую» форму *palëno* 'полено',

объясняя ее возникновение контаминацией с *paliti* 'жечь'). Единственный иллюстративный пример, который имеется в словарной статье *пòлено* в новосадском словаре (РСХКJ), — Одбацивши и *полено* и широчку запали лулу — взят из произведения А. Ковачича, который был родом из Хорватского Загорья, т. е. из кайкавских краев (зона северо-западнее Загреба). В этом примере два областных слова — *полено* и *широчка*; последнее означает 'топор с широким лезвием, острием' и отмечено в словаре (РСХКJ) как *покр.* — областное. По свидетельству Вука Караджича, в Хорватии бытует еще одно областное слово из интересующей нас лексической сферы — *těšnjāk* 'полено, от которого отрубают лучины' (Караџић, 1852).

Этим ограничиваются наши сведения о распространении и значении слова *пòлено* и его синонимов в сербскохорватском языке. Безусловно, они не полны, с немалой долей вероятности можно считать, что рассматриваемое нами слово отсутствует в чакавских островных говорах Средней Далмации (острова Хвар, Брач, Вргада и др.), в большинстве штокавских говоров (кроме Черногории) и в кайкавских говорах, не примыкающих в большей или меньшей мере к словенской языковой территории (словари Белостенца, Габделича, Ямбрешича и Патачица слово *poljeno* не приводят).

Итак, по имеющимся материалам, на славянском Юге **polěno* известно словенскому литературному языку и многим словенским говорам (не повсеместно), отдельным кайкавским, северно-чакавским островным и черногорским говорам (не повсеместно), македонскому литературному языку и говорам (не повсеместно) и болгарским юго-западным говорам (единичные фиксации).

Существенно то, что это слово может на многих из указанных территорий, во всяком случае в словенской, македонской и кайкавской зонах, употребляться наряду со словом **cěpanica/*cěpenica*, а не строго противопоставляться ему, как в случаях **džždžь : *kiša*, **potъ : *znojъ* и др. Это объясняется тем, что все южнославянские языки без исключения знают глагол **cěpati (*cěpiti)* в значении 'рубить (дрова), рвать', что является, видимо, общим «праславянским» диалектизмом праславянского лексического фонда. В других славянских зонах этому глаголу соответствуют **rǫbati (*rǫbiti)*, **kolti*, **šćipati (*držva)* и др. Интересно было бы моделировать семантические поля для упомянутых глаголов,

но это может быть темой отдельной статьи. Подобное исследование лексемы **rězati* на карпатско-украинском языковом материале выполнено Г. П. Клепиковой (1968). Параллельное употребление слов **polěno* и **сѣpanica* (**сѣpenica*) как синонимов определило некоторое расслоение их семантики. В черногорских и македонских говорах, как видно из пояснений и примеров, *полено* (*полено*) означает прежде всего 'полено, кусок, обрубок смолистого, соснового дерева для лучины', а *цепаница* — 'полено вообще'. Вероятно, прав П. Скок, определяющий **polěno* как термин «примитивного освещения» (Skok, II, s. 699). Дифференциальный признак "смолистости", "сосновости" и потому предназначенности для лучины, как это обозначается во многих лексикографических источниках, — достаточно древний. В таком случае латеральные южнославянские зоны сохраняют архаизм, а центральная зона демонстрирует инновацию — **сѣpanica*. При этом латеральные зоны соотносятся со всем северным славянским массивом, т. е. с западно- и восточнославянскими языками, где, однако, признак, указывающий на принадлежность слова к древней терминологии освещения, утрачен, хотя сама лексема **polěno* и так называемое общее значение сохранены.

Анализируемое слово *полено*, как и ряд других примеров, в том числе и многие из рассмотренных нами ранее, свидетельствуют, что к южнославянской зоне в целом нельзя подходить недифференцированно и считать ее (на основании анализа нескольких десятков слов) зоной «семантической архаичности», зоной, демонстрирующей «несоразмерность соотношения лексико-семантических архаизмов и инноваций у северных (т. е. восточных и западных. — Н. Т.) и южных славян» (Мартынов, 1977, с. 185). Впрочем, дифференцированный подход должен применяться не только к южнославянскому диалектному континууму, но в такой же мере и к восточно- и западнославянскому.

Словенский язык сохраняет в своем словарном фонде глагол *plati*, 1 л. ед. ч. наст. вр. *poljem*. Ему соответствует др.-рус. и ст.-сл. (Супрасльск. рукоп.) глагол полѣти 'пылать', от которого, по представлению ряда этимологов, образовано слово **polěno*. Однако следует добавить, что вопреки указанию Фасмера (III, с. 308) современный словенский язык для глагола *plati*, *poljem* не знает значения 'гореть, пылать', а фиксирует только 'сильно литься, волноваться, плескаться, биться (о волнах)', 'провеивать' (что не отрицает генетической родственно-

сти др.-рус. и ст.-сл. полѣти и слн. *plati*). Впрочем, этимологию **polěti*, предложенную Трубецким и Фасмером, разделяют не все этимологи. Махек, например, полагает, что **polěno* — от праслав. **poltiti* 'половинить, разрубать, делить', в результате чего появлялись «грубые куски, возникавшие от разрубания, как правило, на две половины (такие бывают длиной до метра)» (Machek, 1971, s. 469—470). С корнем **pol-* 'часть, сторона, бок, половина' связывали **polěno* и Миклошич (Miklosich, 1886, S. 255), Скок (Skok, II, s. 699) и другие, а с **polěti* 'жечь, гореть' — Младенов (1941, с. 466). Брюкнер указывает на обе возможности (Brückner, 1957, s. 429). В настоящей заметке мы не ставим себе задачу решить вопрос этимологии слова **polěno*, а тем самым — и характера его морфологической (словообразовательной) структуры; отметим только, что другие названия полена, приводимые нами, — **cépanica*, **teš-njak* и связанные с ними глаголы создают определенный семантический ряд, к которому близок глагольный и именной корень **pol-* 'часть, бок, половина'. Следует отметить, что полено может быть названо и по его материалу, т. е. деревом. Так, в словенских диалектах помимо слов *poléno* и *cépanica* (*cépan-ka*) известно и *dŕvo* 'полено' при *dŕva* 'дрова' (мн.) и *drevó* (род. п. *drevésa*) 'дерево' (SSKJ), т. е. полено называется единичной «дровиной» от множественного, собирательного *dŕva* 'дрова'. Такое же положение наблюдается в русских народных говорах — псковских, тверских, калужских, смоленских, архангельских, где *дровина* 'полено': Ни *дровины* нету-ти; Открывай трубу, доставай *дровин* и т. п. (СРНГ, вып. 8). Отношение *дровина* — *дровины* в русском литературном языке выражается отношением *полено* — *дрова*. Так и во многих других славянских языках.

Некоторые вопросы соотношения лингво- и этногеографических исследований

Диалектология славянских языков, впрочем, не одних только славянских, зарождалась и развивалась первое время в недрах этнографии. В XIX в. и даже в самом начале XX в. многие диалектологические описания и характеристики отдельных говоров были часто по сути дела лишь составной частью более обширного и пространного этнографического описания. Чтобы убедиться в этом, достаточно пролистать такое фундаментальное издание Югославянской академии наук, как «Сборник о народной жизни и обычаях южных славян» (ZNŽO, выходит с 1896 г. по сей день) или известную петербургскую серию Отделения этнографии Императорского географического общества «Живая старина»¹. Именно в «Живой старине», выходявшей под редакцией акад. В. И. Ламанского, появился первый обобщающий труд по восточнославянской диалектологии — «Очерк русской диалектологии» А. И. Соболевского (1892), и нельзя считать случайностью, что основными источниками «Очерка» послужили для автора прежде всего фольклорные и этнографические (а не специально диалектологические) записи его предшественников.

Таким образом, связь диалектологии с этнографией или даже зависимость диалектологии от этнографии к концу XIX в. была очень значительной, хотя и сам предмет этнографии в те времена осознавался несколько шире и разностороннее, чем он понимается теперь.

Те же конец XIX в. и начало XX в. были эпохой специализации и обособления ряда научных дисциплин. Бурное развитие лингвистической мысли той поры, успехи младограмматиков, утвердивших языкознание как дисциплину в принципе сравнительно-историческую (что остается справедливым даже для современного его состояния), — все это привело к тому, что диалектология стала служить важным источником для определения или иллюстрации историче-

¹ Издавалась в 1890—1916 гг. (I—XXV).

ских процессов развития языка. Именно такое отношение к диалектологии было характерным для крупнейшего представителя русской историко-сравнительной школы акад. А. А. Шахматова². Диалектология в ту пору еще не обрела полной самостоятельности, но делала решительный шаг в сторону от этнографии к исторической фонетике и грамматике конкретного языка. Совмещение в одном лице ученого-диалектолога и этнографа становилось довольно редким исключением. Таким исключением был замечательный русский исследователь Д. К. Зеленин и некоторые его ученики (Н. П. Гринкова и др.). В принципе же на позднемладограмматическом этапе диалектология и этнография расходятся, определяя каждая свой предмет и свои методы исследования. Это расхождение углубляется и становится особенно значительным тогда, когда наука о диалектах добивается еще большей автономии и когда лингвисты приходят к сознанию, что каждый диалект как более или менее замкнутая или открытая для внешнелингвистических влияний система может быть значим сам по себе, может и должен на определенном длительном этапе исследования рассматриваться независимо и от литературного языка, и от других диалектов, и от исторических (фонетических, грамматических, лексических и т. п.) явлений конкретного языка, взятого в целом. Такое представление стало возникать в языкознании вслед за утверждением структурального подхода и метода исследования. Ему, однако, не противопоставлялась, а скорее способствовала разработка методов лингвистиче-

² Примечательно, что А. А. Шахматов в конце вступительной части своей книги «Введение в курс истории русского языка» (ч. I, Пг., 1916) при перечислении «данных для восстановления исторического процесса языковых изменений» на первое место ставил «современные русские говоры», а уже затем «2. памятники русского языка; 3. славянские наречия и извлекаемые из них данные для восстановления общеславянского праязыка; 4. заимствованные из древнерусского языка слова в соседних языках финских и балтийских» (с. 5). Излагая задачи и план курса, А. А. Шахматов писал, что «история языка основывается главным образом на данных современного живого языка в его говорах (разрядка моя — Н. Т.), ибо эти данные, если они точно описаны, могут служить наиболее надежными отправными точками для исследования; сравнительное изучение современных говоров ведет к восстановлению общего для этих говоров языкового основания и дает, таким образом, точный и надежный материал для заключений о составе языка в более отдаленные эпохи и о процессах, по которым шло это изменение» (с. 3).

ской географии и связанного с ней пространственного изучения языка. Лингвистическая география сама со времен Венкера и Жильерона прошла значительный путь в сторону более современного системно-типологического восприятия языковых фактов.

Наконец, в нашу пору, когда наука о диалектах, казалось бы, добилась своей полной автономии и самостоятельности с применением разных методов исследования, не исключаяющих, а дополняющих друг друга, — ареально-географического, сравнительно-типологического и т. п., она начала вновь испытывать острую нужду в союзе или даже в единении с этнографией. Эта тяга к сближению проявляется не только в историко-диалектологическом аспекте или при решении проблем реконструкции прасостояния какой-либо языковой семьи, при решении задач этимологического порядка и т. п., но и в области современной синхронно-типологической диалектологии, прежде всего в ее лексико-семантической сфере.

Что побуждает лингвистов к такому сближению? Ответы, надо полагать, окажутся различными, как различны и частные причины такого сближения. Однако, на наш взгляд, существует и общий принципиально важный момент.

Современный исследователь, рассматривая процессы и изменения в языке и диалектах, объясняя языковые различия, обнаруживаемые во времени и пространстве, вынужден считаться с тремя видами явлений (факторов). Эти факторы:

а) внутрилингвистические (интралингвистические), вызванные к действию самой структурой языка или диалекта, структурой того или иного уровня языка (или диалекта), взаимоотношений элементов и систем отдельных уровней и т. п.

б) внешнелингвистические (экстернолингвистические), вызванные к действию столкновением или смешением различных языковых (диалектных) структур в результате языкового (диалектного) смешения, влияния, взаимодействия литературной и диалектной норм и т. п., ведущие в конечном итоге к изменению внутренней структуры языка;

в) внелингвистические (экстралингвистические)³, находящиеся за пределами лингвистики, но так или

³ Ф. де Соссюр не считал нужным разграничивать внешнелингвистические и внелингвистические факторы — он их относил в равной

иначе влияющие на структуру языка в целом или на отдельные его части, прежде всего лексическую. К экстралингвистическим факторам относятся все факторы материальной и духовной культуры, т. е. все те явления, которые служат предметом этнографических изысканий и изысканий археологических, ибо археологию можно трактовать как историческую этнографию (науку, изучающую историю и праисторию этноса) в широком смысле этого слова⁴.

Исследователь далеко не всегда в состоянии установить, результатом какого из трех факторов оказывается то или иное изменение, тот или иной процесс в языке. Нередко эти факторы функционируют одновременно, и их разграничение или определение степени воздействия каждого из них на языковую систему затруднительно. Но и при таких, достаточно сложных, условиях лингвист в своих разысканиях должен стремиться к учету иерархии упомянутых факторов. Это означает, что лишь исчерпав все возможности объяснения определенного процесса действием внутрилингвистических факторов, он может обращаться к внешнелингвистическим и затем уже к внелингвистическим.

Лингвистическая география, пользующаяся диалектологическими атласами и другими видами ареальных разысканий, обладает достаточно надежной и эффективной методикой распознавания действия факторов внутрилингвистического и внешнелингвистического порядка. Благодаря ей мы можем во многих случаях с достаточной уверенностью, наглядностью и точностью определить зоны языковых контактов, смешений, относительной типологической однородно-

мере к внешней лингвистике, противопоставляя последнюю внутренней. К внешней лингвистике, по Ф. де Соссюру, «прежде всего относятся все пункты, которыми лингвистика соприкасается с этнологией, все связи, которые могут существовать между историей языка и историей нации, расы и цивилизации... далее следует упомянуть об отношениях между языком и политической историей... это приводит нас к третьему пункту: к отношению между языком и такими установлениями, как церковь, школа и пр., которые в свою очередь тесно связаны с литературным развитием языка... наконец, ко внешней лингвистике относится и все то, что имеет касательство к географическому распространению языков и их диалектному дроблению» (Соссюр, 1933, с. 43–44).

⁴ Этнографический (и археологический) фактор, однако, не является единственным экстралингвистическим фактором, так как могут быть и другие, например географический, политический и т. п.

сти, замкнутости, «архаичности» и т. п.⁵ При этом предполагается, что картографируются не только атомарные, единично взятые явления, но — что более существенно — и отдельные фрагменты системы, микросистемы — фонетические, грамматические, лексические (микрополя)⁶.

Что касается внеязыкового аспекта, то в нем многое недоступное лингвистическому анализу может выявить и объяснить этнографическое исследование, описание, атлас. При этом этнографические данные, если не обращаться к широкому, обобщающему плану⁷, будут менее существенны для объяснения фактов фонетического и грамматического характера и крайне необходимы во многих случаях, касаю-

⁵ Даже тогда, когда мы сталкиваемся с явлением интерференции в сфере социальных диалектов, не имеющих, как принято считать, пространственно-географического измерения и потому не исследуемых методом изоглосс, мы пользуемся широко методикой, разработанной лингвистической географией, применяемой при изучении сферы территориальных диалектов.

⁶ В связи с рядом других проблем мне уже приходилось писать, что изоглоссу не следует рассматривать как нечто неизбежное и не зависящее от формы и характера вопроса, содержащегося в программе атласа или какого-либо иного лингвогеографического исследования. Это замечание касается в первую очередь лексических вопросов, хотя это применимо и к фонетической и к морфологической части вопроса. Направление изоглоссы может меняться с изменением характера вопроса (Толстой, 1966; с. 93 наст. изд.). Принципу объединения нескольких атомарных изоглосс в один пучок может быть противопоставлен принцип картографирования сразу целого микрополя или фрагмента фонологической системы и т. п. Эти принципы не исключают и не подменяют друг друга. В картографической проекции первый принцип исследования в большинстве случаев дает результаты в виде отдельных линий — изоглосс, расчленяющих территорию на две зоны (реже большее число зон), второй же принцип чаще ведет к выделению отдельных ареалов, вернее, к ряду замкнутых изоглосс, выявляющих эти ареалы. Картографирование фрагмента фонологической системы (например, системы вокализма) или семантического микрополя является фактически синтезирующим картографированием, так как каждая карта такого фрагмента или микрополя может быть расчленена на ряд карт, соответствующих каждой единице этого поля, т. е. на карты, составленные по первому принципу. Удачный эксперимент подобного картографирования по разным принципам произвела Г. П. Клепикова (Клепикова, 1968).

⁷ Под широким планом понимается прежде всего сопоставительное рассмотрение изоглосс, добытых лингвистами, и изопрагм, выявленных этнографами, производимое в целях решения ряда этногенетических, типологических и иных задач.

щихся лексико-семантического уровня языка. Стремясь в дальнейшем сосредоточить внимание в основном на соотношении лингвистических и этнографических (археологических) ареальных исследований, при упоминании языкового материала мы будем подразумевать прежде всего лексико-семантический уровень языка. Но даже и при таком ограничении возникает ряд сложностей.

Трудность прежде всего заключается в том, что при сравнительных лингвогеографических исследованиях и при многих разысканиях иного плана недостаточно предложенного определения и выявления трех сфер — внутри-, внешне- и внелингвистической. Каждая из этих сфер может подразделяться на ряд видов и разновидностей (типов и подтипов, уровней и подуровней), имеющих в свою очередь достаточно сложную иерархию. И если типы (или виды, уровни) внутрилингвистических отношений известны нам довольно подробно, если разновидности языковых контактов и смешений привлекают все большее и большее внимание современных лингвистов, то типология материальной и духовной культуры для лингвистических целей разработана еще очень слабо⁸, хотя достаточно очевидно, что разные типы пахотных орудий соотносятся с разными названиями частей этих орудий в ином плане, чем типы построек и их детали. Последние, к примеру, зависят в большей мере от географической среды, а тем самым и от материала (наличие леса, камня и т. п.), чем орудия земледелия. Это опосредственно относится и к номенклатуре (названиям-терминам). Когда при равных внелингвистических условиях мы наблюдаем различную сегментацию внеязыковой действительности средствами языка, то это уже явление чисто лингвистическое. Но для того, чтобы убедиться, что дело касается чисто лингвистических моментов при неравных иных условиях, нужно предварительно «отстранить» внешнелингвистические и особенно внелингвистические наслоения, а затем уже можно ставить задачу оперирования исключительно лингвистическими фактами⁹. В этих случаях лингвист должен вести свое

⁸ Этот факт должен побудить многих лингвистов заняться некоторыми сугубо этнографическими проблемами, и прежде всего, пока не поздно, сбором полевого этнографического материала, не дожидаясь услуг коллег-этнографов.

⁹ Такое стремление к выявлению чисто лингвистического аспекта и материала оправдано теоретически, но в большинстве случаев не

подготовительное исследование в порядке, обратном по отношению к тому, о котором шла речь выше. Ему следует выявить по возможности сначала все факторы экстралингвистического, очень часто этнографического, порядка, затем порядка внешнелингвистического, чаще всего касающегося интерференции языков (диалектов), и, наконец, внутрilingвистического, или чисто лингвистического. Несомненно, в этих случаях следует начинать с моментов этнографических, учитывая также их разную валентность, разную «стоимость» не только по отношению друг к другу, но и по отношению к плану знаковому, плану языковому, плану номинационному. Вот почему безусловно существенным недостатком полесских лингвистических экспедиций 1962—1965 гг., недостатком, за который несет ответственность в полной мере и автор настоящей статьи, было невнимание к структурным и типологическим различиям материальной культуры, номенклатура которой фиксировалась специальными словарями и исследованиями, выпшедшими в сборниках «Лексика Полесья», «Полесье», «Лексика Полесья в пространстве и времени» (см. Лексика Полесья, 1968; Полесье, 1968; Лексика Палесся, 1971).

Таково в основных чертах положение дел при синхронно-структурном описании языкового и этнографического материала. Когда же дело касается реконструкции состояния довольно отдаленного прошлого, например позднепраславянского, то необходимость союза языкознания и этнографии (археологии) становится еще более ощутимой, а во многих случаях просто неизбежной. Что же касается расчлененно-последовательного, последовательного учета рассмотренных выше факторов, то такой учет при реконструкции оказывается затруднительным, а подчас и невозможным. Более того, нужды реконструкции нередко требуют единовременного рассмотрения внутри-, внешне- и внелингвистических моментов, фактов языковых, этнографических (археологических) и исторических, единовременного, своего рода синкретического, подхода и анализа их воздействия на систему языка.

оправдано практически, так как язык функционирует в синтезированной сфере культуры (материальной и духовной), частью которой он и является во многих своих проявлениях. Это не означает, однако, что излагаемая ниже последовательность анализа несущественна.

Наконец, цель самой реконструкции часто не ограничивается задачей выявления древней языковой системы, а служит в конечном итоге решению иных, более широких проблем — этногенетических. Лингвистика сама, как принято говорить в таких случаях, становится «лопатой для историка», вспомогательной дисциплиной в комплексной системе знаний, которая применительно к славянскому миру издавна называлась наукой о славянских древностях.

В дополнение к сказанному выше следует отметить некоторую условность термина «реконструкция», употребленного в нашем контексте. Когда речь идет о параллельном учете лингвистических и этнографических данных и в первую очередь данных, добытых путем лингвогеографических разысканий (картографирования явлений и т. п.), то во многих случаях имеется в виду скорее ретроспекция, проекция современных фактов в прошлое, воссоздание на их основании исчезнувшего древнего состояния, чем реконструкция в полном смысле этого слова.

Немаловажную роль в процессе такой реконструкции играют факты, добытые на основании «совпадения» (наложения) или приближения лингвистических и этнографических (resp. археологических) ареалов, изоморфности изоглосс и изопрагм¹⁰.

Такой путь исследования на нов. Его применяли широко сторонники школы Wörter und Sachen. Он нашел свое достаточно яркое отражение и в лингвистической географии, прежде всего в известном атласе Италии и Южной Швейцарии К. Яберга и Я. Юда (AIS). Однако встречавшийся во многих случаях атомарный подход к фактам и стремление сделать на сравнительно ограниченном материале довольно далеко идущие выводы вызывали упорный скептицизм по отношению к подобным методам исследования. Скептицизм этот, на наш взгляд, преждевременен, как преждевременны были и некоторые обобщения сторонников противоположной точки зрения. Прежде всего метод параллельного рассмотрения изоглосс и изопрагм полезен потому, что он — даже при возможной ошибочности ряда интерпретаций лин-

¹⁰ Изопрагмой предлагается называть линию, разделяющую области распространения различных типов одного и того же предмета (вещи) или выделяющую (ограничивающую) область распространения какого-либо предмета, вещи (от греч. πράγμα 'предмет, вещь').

гво- и этнографических карт — стимулирует сбор и обработку материала в пространственной проекции, привлекает внимание этнографов к фактам лингвистическим, а лингвистов — к этнографическим. Однако его основная ценность в комплексном подходе к материалу, к предмету исследования, в том, что этнографические показания дополняют и завершают лингвистические и, наоборот, лингвистические показания дают часто прочную базу этнографическим разысканиям¹¹.

Современное положение таково, что лингвисты и этнографы-слависты могут скорее посетовать на недостаточность числа параллельных, совпадающих лингвистических и этнографических карт и сопутствующих им исследований, чем на их относительную непригодность или неэффективность¹². Призыв некоторых языковедов радоваться отклонениям от определенных лингво-этнографических ареалов (ибо такие отклонения — показатели чего-то нового), а не совпадениям с ними был бы, может быть полезен, если бы существовало достаточное число таких вполне четко выявленных ареалов. Речь идет, конечно, не о «интерконтинентальных» изоглоссах от Тихого океана до Средиземноморья, от Индийского океана до Балтики и т. п. Дело касается хотя бы современной Славии (области распространения славянских языков) и

¹¹ В наше время, во второй половине XX в., немаловажным является фактор большей или меньшей «стираемости» («стертости») материала. Не подлежит сомнению, что многие элементы деревенской (сельской) материальной и духовной культуры стираются быстрее и «чище», чем диалектные особенности на тех же территориях. Этнографам в наше время часто приходится обращаться к остаткам, осколкам уже разрушенного целого (системы), в то время как лингвисты все еще могут наблюдать полную картину, так как большинство славянских говоров (может быть, за исключением центрально- и западночешских) продолжают жить и развиваться как система, несмотря на очень сильное воздействие литературного языка. Естественно, что лингвистический атлас во многих случаях служит надежным ориентиром для этнографов.

¹² Славистика, увы, далека от того положения, в котором находится, скажем, французская лингво- и этногеография, где создан за последнее двадцатилетие ряд лингво-этнографических атласов (*atlas linguistique et ethnographique*), как, например атлас Лионской зоны, Гаскони, Центрального Массива, Шампани и Бри, Эльзаса и др. (подробнее см. Мельникова и Сухачев, 1971). Счастливым исключением на славистическом фоне оказывается в этом отношении, пожалуй, только полонистика.

ее внутреннего членения. У нас нет даже применительно к какому-нибудь одному славянскому языку (народу) сводных списков изоглосс и изопрагм — трудов, обобщающих лингвистическое и этнографическое картографирование фактов. Мы нуждаемся в накоплении фактов совпадений или приближений изоглосс и изопрагм, в выявлении ареалов таких совпадений, и нам трудно не радоваться таким совпадениям, ибо они создают основные базы исследований, с учетом которых только и можно достаточно эффективно интерпретировать отклонения. Во многих славянских странах (но не в Польше!) в последнее время слишком долго и может быть даже слишком преднамеренно лингвисты и этнографы работали врозь¹³.

А вместе с тем в послевоенные годы был сделан ряд открытий, несколько расширивших горизонты перед славянской лингвистикой и этнографией. При этом лингвистические находки давали толчок исследованиям археологическим и этнографическим, а этнографические — лингвистическим.

Мне как лингвисту хочется привести пример как раз того случая, когда этнографическое исследование выявило и поставило серьезную лингвогеографическую и этногенетическую проблему. Речь пойдет об обнаружении хорватским профессором Бранимиром Братаничем двух древних этнографических зон на территории балканской Славии — латеральной (окраинной, боковой) и центральной (Bratanić, 1951, s. 221—248, карта).

В результате многолетних разысканий в области типологии славянских пахотных орудий Б. Братанич установил, что южные славяне применяли два типа рала: один достаточно архаический тип — латеральный, распространенный среди западных хорватов, преимущественно чакавцев (по побережью Далмации и в прилегающей к нему зоне), черногорцев, южных македонцев, южных и восточных болгар, и другой, более новый и технически несколько осложненный тип — центральный, известный в остальной части Хорватии, Боснии и Герцеговине, Сербии и Западной Болгарии. Любопытно также, что в самом центре центрального ареала в Сербии, в Груже (бассейн Западной Моравы),

¹³ Русские и славянские языковеды еще никак не интерпретировали и не использовали данные, на наш взгляд, очень ценного и богатого материалом историко-этнографического атласа «Русские» (М., 1967).

обнаружено на небольшой территории в виде островка наличие архаического типа, так называемого латерального. Этот факт позволил Б. Братаничу отнестись с вниманием к уже почти забытой и довольно резко критикуемой в свое время (В. Ягичем и др.) теории В. Копитара и Ф. Миклошича о двух волнах миграции славян на Балканы и говорить о первом потоке, захватившем почти весь полуостров сплошь, и втором — вклинившемся в центр, ассимилировавшем или оттеснившем на окраины ранее осевшее славянское население. Но еще одним знаменательным и важным фактом оказалось значительное различие почти во всей номенклатуре латерального и центрального типа рала, которое, по Б. Братаничу, выглядит в общих чертах следующим образом¹⁴.

Семема	Латеральный тип	Центральный тип
1. 'грядиль'	1. <i>oje, ojište, voiče</i> (болг., макед., серб.) <i>ojić, oič</i> (хорв.)	1. <i>гредель, гредел</i>
2. 'лемех, сошник'	2. <i>лемеш (лемеж, емеш — јемеш)</i>	2. <i>раоник, ралник</i>
3. 'рукоять, ручка'	3. <i>ралица</i> (вместе с <i>плазом!</i>), <i>реже плаз или плазица</i>	3. <i>ручица, рѣчица</i>
4. 'часть рала, соединяющая грядиль с полозом'	4. Разные названия, из коих на западе и востоке повторяются <i>брце, брдица</i> (из прасл. * <i>brdo</i>). В некоторых подтипах отсутствует.	4. <i>козлац</i>

¹⁴ Авторитетный сербский лингвист И. Попович в рецензии на издаваемую нами статью Б. Братанича (см.: Поповић, 1951–1952, с. 323–324) отметил факты из словенского языка, относящиеся и к латеральному номенклатурному списку, и к центральному, что характеризует некоторую двойственность словенского лингвистического материала в свете конкретной проблемы, рассмотренной Б. Братаничем. Такое положение в последнее время вызывает все меньше удивления, так как все увереннее слышатся голоса в пользу представления о древних словенских диалектах эпохи великой славянской миграции и заселения Восточных Альп и Западной Паннонии как о языковом целом (континууме), в состав которого, помимо основного, «южнославянского» по своей природе, компонента, входили компоненты «восточно-» и «западнославянские» (см., например: Bezlaј, 1967, а также другие работы этого же автора).

5. 'полоз'	5. Почти только общеслав. <i>плаз</i>	5. Часто <i>поставак</i> (наряду с <i>плаз</i>)
6. 'чека'	6. Разные названия, из коих на западе и востоке по- вторяются такие формы, как <i>јутрењ</i> , <i>утреш</i> и т. п.	6. Часто <i>заворањ</i> (помимо других названий)
7. 'часть рала, соединяющая полоз с рукоятью'	7. (Реалии нет)	7. <i>даска</i>

Несомненный интерес могло бы представить исследование связей приведенной выше терминологии с терминологией других славянских зон, равно как и соотношение двух различных южнославянских типов рала с типами старинных пахотных орудий западных и восточных славян. Подобное сопоставление осложняется тем, что прямых соответствий южнославянским типам рала не наблюдается, а обнаруживается лишь соответствие деталей и элементов номенклатуры. Однако для лингвистических и несколько шире — этногенетических проблем, может быть, существеннее другое. Важно установить, выявляются ли подобные изоглоссы и на фактах, не связанных непосредственно с материальной культурой, ибо различие в номенклатуре пахотных орудий может быть в значительной мере определено самими реалиями, различием самих пахотных орудий, выявляются ли, например, изоглоссы на лексическом материале, выражающем общие, одинаковые для разных этнических групп и народов предметы, явления, понятия. Нами был проделан такой опыт и создана коллекция пар слов по признаку их принадлежности центральной (первый компонент пары) и латеральной зоне. Таковы: *киша* — *дажд* (*дѣжд*, *дожд*) 'дождь'; *кишняк* — *даждевњак* и др. 'саламандра'; *десни* — *прави* 'правый'; *метати* и др. — *класти* 'класть'; латеральное **хор-хор* (ср. русск. *хорохориться*), *зној* (*зной*) — *пот* 'пот'; *чађ* (*чад*) — *сађа* (*сажди* и др.) 'сажа'; *цепаница* и др. — *полено* 'полено'¹⁵; *ватра* — *огањ* (*огън* и др.) 'огонь'; *секира* — *топор* 'топор'; *гвожђе* — *железо* 'железо'; *купус* — *зеље*

¹⁵ Перечисленные до сноски слова исследованы мною лингвогеографически в серии статей под общим заглавием «Из географии славянских слов» (см. с. 123–222 наст. изд.).

‘капуста’; *блистав* — *лѣскав* (*lāskaŭ*) ‘блестящий’; *лубеница* (любеница, *карпуза* и др.) — *диња* (*диня*) ‘арбуз’; *жуль* — *мозол* (*тизој*) ‘мозоль’; *ручак* — *обед* (*обяд* и др.) ‘обед’; *трчати* — *тичам* (*tikaŭat*, *poticat* и др.) ‘бежать’; *гурати* — *piŭat* (*пѣхам*) ‘толкать’; *говорити* — *golčati* (*гѣлча*) ‘говорить’; *камен*, *пламен* — *kaŭmik*, *plaŭmik* (*камѣк*, *пламѣк*) ‘камень’, ‘пламень’ и др.

И подобно тому, как археология, обращаясь к остаткам материальной культуры, может выявить или уточнить древний этнографический ареал, выяснить, как изменялись его границы (изопрагмы элементов материальной культуры) и т. п. (Раппопорт, 1974) путем сопоставления разных изоглосс (например, путем выяснения ареалов однокоренных слов и т. п., не говоря уже о классической возможности сопоставления ареалов топонимической и апеллятивной лексикой) может в той или иной мере восстанавливать древние, ныне утраченные изоглоссы.

В связи с проблемой двух ареалов южнославянского диалектного континуума мною был проделан опыт со словами *киша* — *дажд* и *кишняк* — *даждевѣак*, показавший, что изоглосса центрального клина шла в прошлом севернее, чем теперь, а латеральные полосы были, вероятно, гораздо шире. Славянская лингвистическая география пока еще не богата опытами подобного рода, а между тем значительные результаты могло бы дать, например, одновременное картографирование разных, в том числе и однокоренных, географических терминов и соответствующих топонимов и гидронимов.

В связи с этим уместно заметить, что несовпадение этнографических изопрагм и лингвистических изоглосс может быть разного рода. Оно может быть исконным, когда и в прошлом изопрагмы и изоглоссы проходили врозь, не соприкасаясь; оно может быть не исконным, возникшим из условий прежней изоморфности изоглосс и изопрагм в процессе исторического развития этноса, его миграций, его культурных (имеется в виду и материальная, и духовная культура) связей с другим этносом, экспансий той или иной культуры или того или иного диалекта (наречия). Таким образом, могут создаваться ситуации хронологического «отставания» изопрагм от изоглосс (в случае территориального расширения языковых черт, но территориальной стабильности материальной культуры) и, наоборот, отставания изо-

гloss от изопрагм в случае обратного положения. Наконец, возможны и случаи возникновения совпадающих изогloss и изопрагм из более древней ситуации несовпадения, хотя вероятность появления таких случаев невелика. Выяснению всех этих моментов должна предшествовать каталогизация современных фактов совпадения изопрагм и изогloss безотносительно к их исторической обусловленности. Наконец, несколько замечаний относительно классификационной ценности отдельных изогloss и изопрагм. Недавно известный хорватский лингвист Д. Брозович, опираясь в основном на приведенный выше материал, т. е. на изогlossы, выделяющие центральный и латеральные ареалы, предложил классифицировать (противопоставлять) все южнославянские диалекты также по принципу их отношения к упомянутым ареалам. Он считает, что такую классификацию можно принять наряду с двумя другими: а) давно утвердившимся в науке противопоставлением западных — хорватско-сербско-словенских диалектов (т. е. диалектов словенского языка, чакавских, кайкавских, всех штокавских, в том числе и так называемых «торлакских») восточным — македонско-болгарским и б) новым, недавно предложенным, на наш взгляд, еще очень мало обоснованным, противопоставлением западных — словенско-чакавско-кайкавских диалектов восточным — «восточноштокавско-торлакско-македонско-болгарским» диалектам. Д. Брозович считает все три классификации (противопоставления) возможными, хотя и имеющими «иерархически неодинаковую ценность» (Brozović, 1969, s. 130–131). Однако это различие в иерархической ценности столь велико, что три упомянутые классификации просто несопоставимы друг с другом и две из них не могут быть приняты в качестве таковых. Классифицирующим критерием не может служить противопоставление центра периферии (латеральным зонам), так же как и названное Д. Брозовичем «новым» противопоставление словенско-чакавско-кайкавского ареала остальному южнославянскому (притом возникает вопрос, куда относится западноштокавская подзона). Эти два противопоставления не дают основания для классификации всего южнославянского диалектного континуума потому, что число и характер признаков, по которым может производиться такая классификация, и незначительно, и нерелевантно в общеславянском масштабе (в то же время рядом весьма релевантных признаков придется пренебречь).

Следует обратить внимание и на то, что изоглоссы, отделяющие центральный ареал от латерального, как правило, проходят внутри территории распространения отдельных языков (болгарского, македонского, штокавского диалекта), что в известном отношении повышает их ценность, но еще или тем более не дает основания для классификации всех южнославянских языков в целом.

В качестве второго примера, свидетельствующего об эффективности параллельных лингвистических и этнографических наблюдений в географической проекции, можно привести результаты, полученные недавно исследователями русского Севера. Очень ценные антропологические и этнографические факты, собранные покойным М. В. Витовым, показали неоднородность севернорусского этноса, вызванную двумя древними миграционными потоками — новгородской колонизацией (потомки летописных «словен») и колонизацией «низовской», из верхнего Поволжья (потомки «кривичей» и отчасти «вятичей»). М. В. Витов установил различия во внутренней планировке избы, в сельскохозяйственных орудиях, в антропонимическом типе. Различия эти определили направления изопрагм и изоглосс, идущих примерно по линии водораздела Онеги и Двины с Вагой и выделяющих северо-западную зону (Заонежье и Поморье) и зону юго-восточную (бассейн верхней Двины с притоками). Вслед за М. В. Витовым С. И. Дмитриева определила ареал бытования русских былин, убедительно связав его с новгородской культурой и языковой сферой влияния. Л. П. Комягиной принадлежит честь открытия более мелких, но важных этнографических различий — способов крепления весла на борту лодки, приспособлений для передвигания больших чугунов в русской печи и др., а А. В. Гура установил локальные особенности северновеликорусского свадебного обряда, его терминологии и поэтики обрядовых текстов. Эти различия и особенности также выявили уже отмеченное направление изоглосс и изопрагм. Затем оно подтвердилось в результате довольно многочисленных лингвистических исследований по географии северновеликорусских слов и явлений, отраженных в коллективной монографии К. Ф. Захаровой, В. Г. Орловой, А. Н. Сологуб и Т. Ю. Строгановой, в работах Г. Г. Мельниченко, Л. П. Комягиной, В. Я. Дерягина, А. В. Гуры и др. (Витов, 1964; 1964а; Дмитриева, 1972; Комягина, 1972; Дерягин, 1966; Мельниченко, 1970; 1964;

Орлова, 1970; Гура, 1972). Все перечисленные исследования велись методом лингвистической географии, во многих случаях картографирование слов было невозможно без картографирования реалий и наоборот — без лингвистической карты не получалась карта этнографическая (особенно в работах Л. П. Комягиной и А. В. Гуры). К сожалению, результаты картографических разысканий С. И. Дмитриевой, Л. П. Комягиной, В. Я. Дерягина и А. В. Гуры не опубликованы (за исключением единичных карт).

Третьим примером приближения или частичного совпадения этнографических (и археологических) и лингвистических (и топонимических) ареалов, выявляющихся в результате ряда исследований последних лет, может служить география балтизмов (resp. элементов балтийской культуры) на современной восточнославянской территории. Все отчетливее выявляется «балтийский клин», простирающийся довольно далеко на восток — по лингвистическим данным, вплоть до Подмосковья и Рязанщины, идущий от Прибалтики через Белоруссию, Смоленщину, Орловщину, Курщину и Тульскую и Калужскую зоны. Показателями этого «клина» служат такие этнографические реалии, как, например, лапти определенного типа (выступают под разными названиями — *рачки*, *покосные лапти*, *коверзни*, *крестовики* и др.), археологические особенности культуры — типы построек (столбовая конструкция), городов, культовых построек, женских украшений (фибулы, браслеты и т. п.) и т. д., лингвистические факты — балтизмы (апеллятивы и топонимы (Третьяков, 1966, 1970; Седов, 1970; Русские, 1967; Топоров, 1962, 1972; Лаучюте, 1971¹⁶; Толстой, 1969, 1969а, с. 306–320 наст. изд.). Естественно, что в отмеченной зоне происходили древние соприкосновения, столкновения и смешения балтийского, финского и славянского этноса. Серьезные лингвистические и этнографические работы по этой проблеме с широким сбором материала по сути дела еще только предстоят, хотя и проведена солидная подготовительная работа.

Наконец, в виде еще одного примера можно привести согласуемость некоторых результатов недавних археологических экспедиций в Полесье с итогами полесских лингвисти-

¹⁶ Диссертация, содержащая в наше время самый полный список балтизмов; там же исчерпывающая библиография.

ческих экспедиций последних лет. Автору этих строк уже приходилось отмечать в этой зоне изоморфность ряда основных современных изоглосс и археологических изопрагм (Толстой, 1968). Новые интересные иллюстрации к лингвистической, археологической и этнографической карте западного Полесья приводит Ф. Д. Климчук (Климчук, 1974, с. 160). К сожалению, Полесье остается недостаточно изученным в этнографическом отношении, хотя в прошлом оно привлекало пристальное внимание этнографов, в числе которых был и знаменитый К. Мошинский¹⁷. Вероятно, неотложные задачи, стоящие перед славистикой, требуют того, чтобы лингвисты, не дожидаясь помощи от этнографов, сами в ряде зон нынешней Славии принялись за сбор материала и его первичную обработку. Это диктуется логикой развития современной науки, подобно тому как эта же логика в недалеком прошлом привела Мошинского-этнографа на путь серьезных лингвистических разысканий.

Перспективы дальнейшего сближения лингвистики с этнографией весьма обнадеживающие. Примером тому могут служить результаты лингвогеографической работы польских языковедов.

Еще в канун Второй мировой войны появился лингвистический атлас западного Полесья Йозефа Тарнацкого, довольно ярко отразивший установки школы К. Мошинского (Tarnacki, 1939). При составлении этого атласа использовался вопросник по материальной культуре В. Дорошевского (Варшава, 1933) и этнографический вопросник по духовной культуре К. Мошинского.

В атласе Й. Тарнацкого представлена лексика десяти тематических групп: 1) строительство (карта №№ 1–22), 2) одежда (№№ 23–45), 3) орудия труда (№№ 46–85), 4) посуда и утварь (№№ 86–98), 5) коммуникации и транспорт (№№ 99–119), 6) земледелие (№№ 120–127), 7) пища (№№ 128–133), 8) растения (№№ 134–155), 9) звери (№№ 156–179), 10) разное (№№ 180–185); при этом каждая группа подробно описана, а в ряде случаев снабжена рисунками. Яркая этнографическая направленность польских лексиче-

¹⁷ Еще не опубликованы материалы и результаты подготовительных исследований, целью которых является создание национальных этнографических атласов Украины и Белоруссии. Надо полагать, что они создадут солидную основу для дальнейших широких этногеографических исследований.

ских атласов и монографий отразилась и в дальнейших исследованиях такого рода. Среди них следует в первую очередь упомянуть многотомную серию под общей редакцией В. Дорошевского «Словарный состав Вармии и Мазур» (SWM), в которой отдельные описания посвящены строительству и обработке дерева (вып. 1, дополнение 64 карты), транспорту и коммуникациям (вып. 2, доп. 76 карт), скотоводству (вып. 3, доп. 34 карты), выращиванию и обработке льна (вып. 4, доп. 35 карт), народной астрономии (вып. 6, доп. 6 карт), верованиям и обрядам (вып. 8, доп. 10 карт), земледелию (вып. 9), рыболовству (вып. 10, доп. 18 карт) и др. Строгий учет этнографических моментов, иллюстрированных рисунками и схемами, проводится в двухтомной монографии Я. Басары «Терминология сельского строительства в польских диалектах», снабженной 48 картами (Basara, I–II). К ней примыкает ценное этнографическое исследование М. Травинской «Крестьянский двор в Польше на рубеже XIX и XX вв.» (Trawińska, 1968). Упомянутые две монографии — яркий пример того, как лингвистический и этнографический анализ могут дополнять друг друга, создавая единое и в то же время многостороннее представление о предмете исследования. Это же можно сказать об этнографическом труде по народной астрономии М. Гладышевой (Gładyszowa, 1960), лингвистических монографиях о польской метеорологической лексике В. Купишевского (с 18 картами) и А. Шифер (с 12 картами) (Kupiszewski, 1969; Szyfer, 1969). Материал, ценный для этнографа в той же мере, как и для языковеда, содержится в трудах Е. Смулковой о лексике земледелия восточной Белосточины в сравнении со всем восточнославянским ареалом (с фотографиями, рисунками и 55 картами) (Smułkowa, 1968), Г. Городыской-Гадковской о народной скотоводческой терминологии (с 37 картами) (Horodyska-Gadkowska, 1967), Я. Симони-Сулковской о диалектных терминах транспорта и коммуникации (с 42 картами) (Symoni-Sułkowska, 1972), Я. Струтинского о местных названиях птиц (с 2 картами) (Strutyński, 1972), Б. Бартницкой-Домбковской о народных названиях грибов (Bartnicka-Dąbkowska, 1964) и др.

Если к приведенному перечню, не исчерпывающему языковедческих работ, насыщенных этнографическим материалом, добавить список лингвистических атласов, выпедших в Польше за последние 10—15 лет, то общая картина ока-

жется довольно внушительной. Программы, по которым составлялись польские атласы, содержат немало вопросов лингвоэтнографического порядка. Они нашли отражение в двенадцати томах «Малого атласа польских говоров» (MAGP), в выпедших томах Капубского атласа (AJK); в Мазовецком атласе (AGM); в региональных атласах — Келецкого воеводства (Dejna, I—VI), пограничной польско-словацкой Спипской зоны (западная часть Восточных Бескидов) (Sobierajski, I—III), польско-ляшского пограничья (северо-восточнее Отавы) (Dejna, 1951—1953), польской Силезии (Zaręba, I—X)¹⁸.

Перечисленные труды хорошо известны специалистам, и тем не менее я решился еще раз обратить на них внимание с единственной целью напомнить о том, в каком направлении работают наши польские коллеги и в каком долгу мы перед своей наукой, перед славистикой.

После того как был закончен труд над отдельными томами «Атласа русских народных говоров», большая часть которых ждет своего выхода в свет, и была начата новая работа над сводным «Диалектологическим атласом русского языка», у ряда ведущих русистов, как нам кажется, возникло не совсем правильное представление о достаточной лингвогеографической изученности русских диалектов. Однако, несмотря на всю ценность и монументальность двух упомянутых атласов, следует признать, что они не решают и не покрывают всех проблем, стоящих перед русской лингвогеографией, особенно тех, которые возникают на стыке разных диалектных массивов и более мелких районов и зон. В России (впрочем, также на Украине и в Белоруссии) создано слишком мало региональных атласов¹⁹, региональных монографий по языку и быту, повериям, обрядам и т. п., и только региональная лексикография в последние годы дела-

¹⁸ Выработанная А. Зарембой программа для этого атласа представляет особый интерес. В ней из 1991 вопроса добрая часть относится к материальной культуре. Так, возу и его частям отведено более 50 вопросов, транспорту и коммуникациям — в целом 85 вопросов, земледелию — 155 вопросов, дому и его частям (строительству) — около 50 вопросов, овцеводству — около 40 вопросов и т. д. При этом нужно учесть, что дело касается регионального атласа и что в вопросник были включены только те слова и явления, которые могут дать изоглоссу. Силезский атлас — преимущественно лексический.

¹⁹ В России известен единственный региональный атлас — района озера Селигер (ЛАРС).

ет заметные успехи²⁰. Но и к этой сфере диалектологии, видимо, на местах больший интерес проявляется в окраинных зонах, в зонах давней колонизации (Урал, Сибирь, Прибалтика), чем в пределах обитания коренного русского населения. А между тем хотя бы недавно выпедший словарь говоров Московской области (Иванова, 1969) показал, как много ценного можно найти еще совсем рядом, неподалеку от административных центров, неподалеку от Москвы. Довольно тщательно изучается Русский Север, уже упоминавшиеся Псковская и Брянская зоны, ожидают скорейшей лексикографической обработки картотеки Новгородской зоны и Смоленщины, но в первую очередь следовало бы собрать и обработать материал в Тульской, Калужской, Рязанской, Орловской, Курской, Воронежской и Тамбовской зонах, исследовать русский Черноземный Центр.

Жалобы лингвистов на трудность и нерентабельность издания атласов в наших современных условиях, когда широко внедряется техника ротапринтной печати, должны отпасть. Примером тому может служить хотя бы «Карпатский диалектологический атлас» (КДА), первый атлас в истории славистики, авторы которого поставили себе целью не выяснение изоглосс для установления диалектного дробления определенной территории или географии ряда слов, форм и явлений, а установление изоглосс в связи с конкретной и четко сформулированной проблемой карпато-южнославянских соответствий.

²⁰ Здесь в первую очередь следует отметить достижения ленинградских коллективов, работающих над псковским, брянским и другими областными словарями, а также над фундаментальным сводным «Словарем русских народных говоров», выходящим с 1965 г. (см. Сороколетов и Попов, 1974).

III

Лексические и семантические параллели

Об изучении полесской лексики

Современный славянский диалектный континуум изучен неравномерно. Эта неравномерность сказывается не только в том, что одни диалектные зоны описаны лучше и подробнее, а другие еще сохраняют ряд «белых пятен», но и в том, что до сих пор мы более осведомлены о фонетических и морфологических изоглоссах, разграничивающих славянский диалектный мир, и менее — об изоглоссах лексических и словообразовательных. Наше представление о дифференциации славянской лексики опирается в значительной мере на материал славянских литературных языков, что в несколько схематизированном, обобщенном плане дает верную картину, хотя и игнорирует ряд существенных деталей. Тем не менее эти детали часто становятся релевантными, когда рассмотрение переносится из современного синхронного плана в план диахронический, связанный с проблемами глотто- и этногенеза, древнейшей диалектной дифференциации славянского мира и т. п.

В последнее время при постановке вопроса о диалектном членении праславянского языка все чаще вводятся в научный обиход новые лексические данные. На основе значительного числа восточно-западнославянских изолексов некоторые ученые выделяют так называемую «севернославянскую зону»; некоторое число балтийско-южнославянских соответствий позволило другим ученым высказать предположение о возможном древнем контакте праюжнославян и балтийцев, так же как отдельные нижнелужицко-украинско-белорусские и лужицко-сербскохорватские изолексы породили гипотезу о древней близости пралужицких диалектов к южнославянским, с одной стороны, и восточнославянским — с другой.

Внутриславянские соответствия на основе индексов отдельных лексем можно выявить и по другим линиям. Не так давно было вновь отмечено, что южнославянскую диалектную область в отношении ряда лексем можно разделить на латеральную (западная, юго-западная, юго-восточная и восточная окраины) и центральную зоны, и был рассмотрен круг вопросов, связанный с так называемыми карпатско-

южнославянскими изоглоссами (здесь под термином «карпатский» понимается зона как восточно- и западнославянских Карпат, так и прилегающих к ним областей). Серьезного внимания заслуживают также еще почти не изученные чакавско-русские лексические параллели, западноукраинско-полесско-псковские, западноукраинско-севернорусские, словенско-словацкие, кашубско-восточнославянские и многие другие. Проблема лексических соответствий внутри современного славянского диалектного мира еще не поставлена во всей своей полноте и многоаспектности, и потому, вероятно, были бы преждевременны наши предположения о древнеславянской диалектной дифференциации на основании отдельных, пусть даже довольно многочисленных списков лексем. На подступах к этой проблеме слависту следует считаться с многими факторами, из коих можно упомянуть хотя бы действие позднейших инновационных процессов в области лексики и семантики и связанную с ним необходимость интерпретировать некоторые соответствия в качестве реликтов, сохраняющихся в окраинных или относительно изолированных архаических зонах, реликтов, занимавших некогда более обширную или сплошную территорию и потому не обязательно свидетельствующих о древних контактах праговоров, наследниками которых выступают говоры современных диалектных зон.

Существенную помощь в решении всех этих проблем может оказать лингвистическая география. Но она наряду с диалектной лексикографией не накопила еще материалов достаточного объема, который бы мог гарантировать точность и полноту исследования. В славистической литературе уже неоднократно указывалось на то, что можно говорить со значительной степенью достоверности лишь о наличии той или иной лексики в конкретном славянском диалекте или группе диалектов, об отсутствии же лексики с полной уверенностью можно говорить лишь в редких случаях. Тем не менее отрицательный показатель (показатель отсутствия) часто оказывается релевантным для решения ряда важных проблем. Не менее существенна и фиксация «общенародных», т. е. фактически общих с литературным языком слов, так как, вероятно, только в рамках отдельных микросистем можно с достаточной точностью определить значение диалектного слова. Дифференциальный подход к диалектной лексике, утвердившийся еще в те далекие времена, когда

существовало представление о диалекте как об «испорченном» литературном языке, не дает возможности рассматривать диалектную лексику в системном плане и затрудняет, а иногда и делает невозможным ее исследование в сравнительно-типологическом плане (см. Толстой, 1966; с. 70–100 наст. изд.).

* * *

Полесский диалектный континуум до недавнего времени оставался, да и теперь еще во многом остается, одной из мало изученных славянских диалектных зон.

Этнографы едва ли не первые сумели по достоинству оценить исключительное значение данных полесской духовной и материальной культуры не только для изучения восточнославянского мира, но и для славянской этнографии в целом.

Именно с Полесья начинал свой славный творческий путь один из крупнейших этнографов современности Казимир Мошинский. Его наблюдения на Припяти и Князь-озере накануне первой мировой войны, изложенные позже в виде систематизированного описания быта и фольклора трех полесских сел — Голубицы, Дорошевичи и Дяковичи, в сравнении с речицким материалом в книге «Восточное Полесье» (Moszyński, 1928), служат до сих пор наряду с монографией Ч. Петкевича о Речицком Полесье (Pietkiewicz, 1928) едва ли не основными источниками по материальной культуре восточной полесской зоны.

Знаменательно, что К. Мошинский, взявшийся за свой труд, по его собственному признанию, без профессиональной языковедческой подготовки, очень рано осознал важность лингвистических фактов — в том же Полесье в десятых годах нашего века он собрал ценный лингвистический материал по рельефу местности и интерпретировал его в широком общеславянском плане (Moszyński, 1921). Дальнейшие работы этнографа К. Мошинского, направленные в основном уже на реконструкцию праславянского состояния, шли по линии все большего привлечения языкового материала, о чем свидетельствует не только его известная, в основе своей лингвистическая книга о первоначальном распространении праславянского языка (Moszyński, 1957), но и посмертно изданный капитальный труд о способах изучения прасла-

вянской материальной культуры (Moszyński, 1962). В последнем труде полесский материал занимает значительное место, что следует объяснять отнюдь не пристрастием автора к Припятскому лесному и болотному краю, а ценностью его данных, отражающих многие древнеславянские (праславянские) реликтовые формы и отношения, находящиеся зачастую соответствия в других архаических зонах современного славянского мира.

Наиболее ценным трудом по географии полесской лексики до сих пор остается атлас польского диалектолога Юзефа Тарнацкого «Сравнительное исследование по географии слов (Полесье — Мазовия)» (Tarnacki, 1939), который следует признать первым систематическим опытом картографирования на восточнославянской территории, так как лингвистические опыты П. А. Бузука (Бузук, 1928) носили слишком предварительный характер и не были основаны на фронтально собранном материале. Отдавая должное превосходной работе Ю. Тарнацкого, следует, однако, отметить, что он не мог исследовать всего Полесья, так как граница его атласа на востоке лишь немного переходит линию рек Лань — Горынь, т. е. соответствует советско-польской границе до 1939 г., до воссоединения белорусских и украинских земель. Тем не менее самая западная часть восточно-полесских говоров представлена в его атласе. Помимо территориального ограничения был ограничен и избранный Ю. Тарнацким круг лексики. Исследование проводилось им по принципу «от значения к слову»¹, причем было выбрано 184 семемы («значения»), из которых 22 относились к строительному делу (постройкам), 23 — к одежде, 20 — к орудиям труда, 13 — к домашнему скарбу, 21 — к транспорту и коммуникациям, 8 — к земледелию, 6 — к пище, 22 — к растительному миру, 24 — к животному миру и 5 — к рубрике «разное». Естественно, что ни одна лексическая группа не могла быть рассмотрена с достаточной полнотой. Однако все группы в целом давали наглядное и в общем точное представление об основном лингвогеографическом членении Полесья (по линии Ясельда — Припять — Горынь), которое существенно также и для определения основных этнографических зон, так как по совету проф.

¹ Только одна карта атласа Ю. Тарнацкого выполнена по принципу «от слова к значению» — карта на лексему *обрók*.

К. Мошинского и проф. В. Дорошевского автор избрал круг лексики, связанной с реалиями, характерными для полесской материальной культуры. Таким образом, преследовалась задача, поставленная позже и перед полесскими лингвистическими экспедициями 1962–1965 гг., — максимально приблизить языковедческие проблемы к этнографическим. Другая задача, определенная Ю. Тарнацким в самом заглавии его атласа, — установить лексические полесско-мазовецкие соответствия, решалась попутно и не во всех случаях одинаково удачно. Неоднократно в число соответствий попадали слова со значительно более широким ареалом, т. е. такие, которые трудно определить как мазовецко-полесские в строгом смысле этого слова, известные далеко за пределами Полесья и Мазовии (*bicz, chlew, łódka, motyka* и многие др.), в том числе и относительно поздние заимствования (*farba, kartofle* и др.). Бесспорной заслугой Ю. Тарнацкого является, однако, то, что он едва ли не первый среди славянских диалектологов использовал статистическое исчисление степени лексической близости полесских диалектов друг к другу. Если взглянуть на его «Карту языкового родства» полесских говоров, приложенную к атласу, то можно увидеть в общем ту же основную линию по Ясельде, Припяти и Горыни со значительной зоной «размыва» по обе стороны от этой границы.

При изучении лексики Полесья участниками полесской лингвистической экспедиции были поставлены следующие задачи. Была отклонена идея составления общего дифференциального словаря, так как, во-первых, было неясно, по отношению к какому из литературных языков — белорусскому, украинскому или русскому — составлять такой словарь, и, во-вторых, при этом был бы нарушен принцип полноты, необходимый для системного подхода к лексике. Была также отведена задача составления «полного» словаря ввиду диалектной разнородности Полесья, а также по той причине, что «полный» областной словарь, примером которого пока что в славянской лексикографии может служить только Псковский словарь, дает в лучшем случае представление о совокупном лексемном максимуме избранного диалектного континуума (что в принципе важно!), но не о наборе лексем в каждой конкретной системе (конкретном диалекте), а тем более о их дистрибуции в семантическом пространстве. Был принят проект составления отдельных тематических

словарей и изучения лексики по образцу серии «Słownictwo Warmii i Mazur». Предполагалось, что, помимо ряда тематических словарей, будет создана и серия кратких монографий, посвященных соответственно тем же сюжетам. С этой целью были составлены лексические вопросники, которые затем во время работы экспедиции дополнялись, видоизменялись и служили в основном в качестве ориентирующих и контролирующих работу пособий, а не программ, заранее определяющих и тем самым ограничивающих объем собираемого материала. Лексика собиралась по следующим темам: рельеф местности и растительность, метеорология, строительство, земледелие, животноводство, бортничество, рыболовство, ткачество, обработка льна и конопли, гончарное дело, транспорт и коммуникации, пища, одежда, обувь, посуда, растительный мир, животный мир (звери и птицы), верования и обряды.

Следует отметить, что обширность территории Полесья, ее относительная диалектная дробность и малая исследованность затрудняли задачу планомерного изучения полесской лексики. Выбор типа словаря (геср. словарей) и лексикологических разысканий диктовался не только и даже, может быть, не столько чисто теоретическими соображениями их составителей, сколько оценкой реальных научных, материальных и физических возможностей участников Полесской лингвистической экспедиции. Работа экспедиции в 1962–1965 гг. рассматривалась в известной своей части как разведывательный и предварительный этап более систематического, углубленного и широкого исследования полесской лексики, ставящего своей конечной задачей определение места полесского словарного состава по отношению к словарному составу других славянских языков и праславянскому языку.

В целом тематические и краткие дифференциальные словари, помещенные в сборнике «Лексика Полесья» (1968), вводят в научный оборот новый материал, представляющий несомненную ценность для сравнительной славянской лексикологии и семасиологии. И если в большинстве случаев они не предлагают неизвестных по другим словарям лексем, словообразовательных моделей и значений, то они дают нужные сведения по географии слов, позволяющие наметить ряд предварительных изоглосс, определить место полесской

лексики по отношению к словарному фонду других славянских диалектов, в первую очередь соседних.

Чтобы ориентировать читателя в этом направлении, авторы ряда словарей приводят в конце словарных статей сравнительный материал, почерпнутый из полесского атласа Ю. Тарнацкого и монографии К. Мошинского о Восточном Полесье, из словаря И. К. Белькевича (см. Бялькевіч, 1970), содержащего восточнобелорусскую лексику могилевских диалектов (преимущественно Мстиславщины и Оршанщины), словаря И. И. Носовича (Носович, 1870), у которого основная часть материала собрана также на Могилевщине, словаря центральнобелорусских диалектов Червенщины (юго-восточнее Минска) М. В. Шатерника (см. Шатэрнік, 1929), словарного материала Т. Ф. Степкович из Волковыского р-на Гродненской обл. (Сцяшкoвіч, 1959) и П. В. Стецко из Зельвенского р-на той же Гродненской обл. (Стэцко, 1962), словаря польских диалектов Яна Карловича (Karłowicz, I–VI) и других, в том числе специальных словарей и этнографических исследований.

Территориально более отдаленные лексические соответствия, представляющие, несомненно, в целом ряде случаев еще больший интерес для славистов, в тематические словари включены не были. Можно было бы отметить не только ближайшие полесско-подляские, полесско-мазовецкие, но и более отдаленные полесско-кашубские, полесско-псковские и полесско-севернорусские, наконец, иные полесско-западнславянские и полесско-южнославянские (в основном через карпатскую зону) соответствия. Все они требуют специальных исследований.

Для примера можно привести некоторые полесско-карпатско-южнославянские параллели по списку, предложенному «Программой собирания материалов для “Карпатского диалектологического атласа”» (М., 1964). Естественно, что эти примеры далеко не охватывают всей общей карпатско-полесско-южнославянской лексики, хотя бы потому, что они основываются главным образом на материале одного полесского пункта — с. Симоновичи².

² Приношу благодарность Ф. Д. Климчуку за предоставленные в мое распоряжение диалектные записи из с. Симоновичи Дрогичинского р-на Брест. обл. (сокр. СМН). Сокращения названий других полесских сел: Брестская обл. Вл. — Велье, Вт. — Велута, Гр. — Городная, Зд.

полесск. *полон'а* 'открытое пространство, не поросшее деревьями и кустарником' (Лх. Гр. Смн.), карпат. *полонина* 'горное пастбище' (№ 19)³, южнослав. *планина* 'гора; горное пастбище, луг';

полесск. *сўткы, сўточкы* 'тесный проход, очень узкая улица' (Смн.)⁴; карпат. *сутісок* 'тесный проход, узкая улица' (№ 20); серб.-хорв. *сўтјеска* 'узкое горное ущелье';

полесск. *вір* 'водоворот, омут' (Хр. Вл. Зс. Кч. Кн); карпат. *вір* 'то же' (№ 27), южнослав. *вир* 'то же';

полесск. *бёрва* 'кладка' (Гр. Ом. Дк. Гл. Вт. Вл.); карпат. *бервь* 'то же' (№ 39); южнослав. серб. *брѣ* 'то же', болг. *брѣв* 'то же';

полесск. *годіна* 'погода' (Смн. Зд.), 'хорошая погода' (Зд.), карпат. *година* 'погода, хорошая погода' (№ 40); серб.-хорв. кайкавск. *година* 'то же'.

полесск. *полóј* 'подснежная вода' (Дк.); *полúј* 'вода на льду' (Кн. Дрн. Дв.); карпат. *полой* 'пойма, мелководье' (№ 28); серб.-хорв. *пdлој* 'пойма, мелководье';

полесск. *óкыд* 'снег, выпадающий ранней весной, после того, как зимний снег сошел' (Смн.); *óкит* 'весенний снег, выпадающий на короткий срок и обычно быстро тающий' (Дк.); *пошла óкит*, *óкит* *идé* (Дк.); карпат. *окидь* 'иней', 'лед на ветвях деревьев, снег на ветвях деревьев', 'весенний заморозок' (№ 43); серб.-хорв. *китiна* 'хлопья снега на ветвях деревьев'; *óкитити* 'украсить';

полесск. *тўча* 'дождь с ветром, буря' (Хр.); карпат. *туча* 'град', 'гроза, грозовые облака' (№ 51); серб.-хорв. *тўча* 'градобитие';

полесск. *кўснуты* 'мокнуть, размокать' (Смн.); *кўслаја погода* 'мокрая погода' (Дк.); карпат. *кўснути* 'мокнуть' (№ 52); серб.-хорв. *кўснути* 'мокнуть'; болг. *кїсна* 'мочить';

полесск. *кал* 'грязь', 'ил' (Смн.), *вўкал'ати* 'измазать грязью, илом' (Смн.); карпат. *кал* 'грязь', *закалити* 'пома-

— Здитово, Лк. — Луково, Лп. — Лопатин, Лх. — Ляховичи, Ол. — Олтуш, Ом. — Ольманы, Рд. — Радеж, Св. — Сварынь, Сп. — Спорово, Хр. — Хоромск; Гомельская обл. Гл. — Голубица, Дв. — Довляды, Дк. — Дяковичи, Дрн. — Дерновичи, Зм. — Замошье, Зс. — Зосинцы, Кн. — Конотоп, Кч. — Кочище.

³ Карпатские лексемы и их значения даны в той форме и толковании, в какой они представлены в Карпатской программе. В скобках после толкования дается номер вопроса программы.

⁴ Ср. также *сутки* 'узкий проход между сараями' в Забужье, в Ломазском говоре (бывш. Бельский уезд) (Бессараба, 1903, с. 314).

зять грязью' (№ 53); болг. *кал* 'грязь', серб.-хорв. *каљав* 'грязный'; словенск. *skaliti* 'замутить (слн.)';

полесск. *блыскавыца* 'молния с громом', 'молния без грома' (Смн.); карпат. *блискавица*, *блискавка* 'молния с громом', 'молния без грома' (№ 54); болг. *бляскам* 'блистать, сверкать';

полесск. *сідало* 'насест' (Смн.); карпат. *сідало* 'насест' (№ 68); болг. диал. *седало* 'гнездо'; макед. *сѣдело* 'гнездо';

полесск. *крыло́*, мн. *крыла́* 'крылья', 'плавники рыбы' (Смн.); карпат. *крила* 'крылья птицы', 'плавники рыбы' (№ 74), серб.-хорв. *чакавск. krila* 'плавники рыбы'.

полесск. *луска́* 'чешуя рыбы', 'очистки проса, гречихи, ячменя' (Смн.); карпат. *луспа* 'чешуя рыбы', 'скорлупа', 'очистки' (№ 75), серб.-хорв. *љу́ска* 'шелуха', 'чешуя'; болг. *лю́спа* 'шелуха, чешуя';

полесск. *лыскы́* 'заросли лесного ореха' (Св.); карпат. *ліска* 'лесной орех', 'лесной орешник' (№ 92); серб.-хорв. *лѣшник* 'лесной орех'; болг. *лѣшник* 'лесной орех';

полесск. *жабор'у́н'н'е* 'лягушачья икра' (Смн.); карпат. *жаборина*, *жабури́ня* 'тина, ряска, водоросли'; 'лягушачья икра' (№ 102); болг. *жабу́няк* 'ряска, нитчатка'; серб.-хорв. *жа́бња́к* 'лягушачья икра'; *жабо́крек* 'ряска, нитчатка, тина';

полесск. *пычу́рка* 'шампиньон' (Смн.); карпат. *печурка*, *печерица*, *печарка* 'шампиньон', 'гриб' (№ 105); болг. *печу́рка* 'шампиньон'; серб.-хорв. *пѣчу́рка* 'гриб';

полесск. *сыно́вэц* 'племянник' (Смн.); карпат. *синовець* 'сын' (№ 118); серб.-хорв. *сино́вац* 'племянник, сын брата';

полесск. *прывыд'у́нэц* (*прывыд'у́нка*) 'неродной ребенок для одного из супругов, пасынок (падчерица)' (Смн.); карпат. *приведеник* (*приведеница*) 'то же' (№ 126); болг. *приве́деник* (*приведеница*) 'пасынок (падчерица)';

полесск. *ба́бын*, *ба́бына*, *д'ідув*, *д'ідова*, *ма́мын*, *ма́мына*, *та́тув*, *та́това* — ласкательно-уменьшительное обращение бабушки *геср.* деда, матери, отца к внуку, *геср.* внучке, сыну, дочери (Смн.); карпат. *бабин* и т. п. 'то же' (№ 129); серб.-хорв., макед. *бабино*, *мамино* 'то же';

полесск. *вы́лыц'и* мн. 'рот, пасть' (Смн.); карпат. *вили́ця* 'челюсть, челюстная кость' (№ 133); серб.-хорв. *вй́лиця* 'челюсть';

полесск. *пл'у́чка* 'часть одежды выше лопаток', *плы́чко* 'лопатка' (Смн.); карпат. *плі́че* 'вид женской одежды', 'часть рубахи' (№ 172); серб.-хорв. *плѣ́шка* 'лопатка';

полесск. *колóшва* 'штанина' (Смн. Лк. Св. Зд. Сп.); карпат. *колошни*, *холошни* 'вид штанов' (№ 176); серб.-хорв. *хлăче* 'штаны, брюки', словенск. *hlače* 'то же';

полесск. *дýјка* 'коровий сосок' (Смн.); карпат. *дойка* 'дойная корова'; 'коровий сосок' (№ 180); серб.-хорв. *дојка* 'вымя', 'женская грудь';

полесск. *пух'ур* 'волдырь' (Смн.); карпат. *михур*, *михирь* 'волдырь', 'пузырь' (№ 184); серб.-хорв. *мѣхур* 'волдырь', 'пузырь';

полесск. *пóшэс'ц* 'напасть, что-либо вредное, злое' (Смн.); карпат. *пошесть* 'болезнь, эпидемия' (№ 188); серб.-хорв. *пòшăст* 'заразная болезнь, повальная болезнь, мор';

полесск. *скáлка* 'капля жира, плавающая в похлебке, супе' (Смн.); карпат. *скала*, *скалка* 'заноза, щепка' (№ 189); серб.-хорв. *скáла* 'ломтик, кусочек'; *скáла слáнине* 'кусочек сала';

полесск. *кúча*, *кúчка* 'маленький домик, хижинка'; 'отгороженное место в хлеву, сарае' (Ол. Лк. Смн.); карпат. *куча* 'маленький дом', 'хибарка' (№ 202), серб.-хорв. *кúћа* 'дом'; болг. *кѣща* 'дом';

полесск. *кошáра* 'загон для скота' (Смн.); карпат. *кошара* 'загон для овец на горном пастбище', 'загон для скота в селе' (№ 205); серб.-хорв. *кòшара* 'загон для скота', 'хлев'; болг. *кошáра* 'загон для скота';

полесск. *обóра* 'большой сарай' (Смн.); карпат. *обора* 'загон', 'хлев' (№ 209); серб.-хорв. *òбор* 'загон для скота', болг. *обóр* 'хлев';

полесск. *óжог* 'деревянная часть ухвата' (Смн.); карпат. *ожог* 'кочерга' (№ 225); серб.-хорв. *òжег* 'кочерга', 'совок для углей';

полесск. *кóрмык* 'боров на откорме' (Смн.); карпат. *кормник* 'то же' (№ 244); серб.-хорв. *кѣме* 'подсвинок';

полесск. *пудгáрл'а* 'ремешок в уздечке, проходящий под шеей' (Смн. Зд. Сп. Лп.), *пудгáрле* 'часть ярма без кульбак' (Зм.); карпат. *підгорля*, *підгорлина* 'огрудок', 'нижняя часть ярма'; (№ 254); серб.-хорв. *пòдгрьáча* 'нижняя часть ярма';

полесск. *навýлник* 'навьильник, пласт сена, соломы, который можно захватить вилами' (Смн.); карпат. *навилок*, *навилка* 'то же' (№ 256); серб.-хорв. *нáвильáк* 'то же';

полесск. *колóмаз* 'колесная мазь' (Смн.); карпат. *коломазь* 'то же' (№ 289); серб.-хорв. *кòломáз* 'то же';

полесск. *забавный* 'медлительный, требующий много времени' (Смн.); карпат. *бавный* 'медленный, медлительный, требующий много времени' (№ 302); болг. *бавен* 'медленный, неторопливый';

полесск. *плы́ткы* 'пологий, некрутой' (Рд.); карпат. *плиткий* 'мелкий, неглубокий', 'плоский' (№ 321); серб.-хорв. *плітак* 'мелкий, неглубокий'; болг. *плітък* 'то же';

полесск. *пра́вы* 'ровный', 'прямой' (Смн.); карпат. *правий* 'прямой' (№ 322); серб.-хорв. *прав* 'прямой', 'подлинный'; болг. *прав* 'прямой';

полесск. *гомзы́ты* 'бормотать (под нос)', 'упрекать', 'клянчить', карпат. *гомзити* 'ползать, кишеть (о насекомых)' (№ 341); серб.-хорв. *гмѝзати*, *гмѝзити* 'ползать, пресмыкаться'; болг. *гѣмжѧ* 'кишеть, копошиться';

полесск. *дыты́нытыс* 'вести себя как ребенок' (Смн.); карпат. *дитинитися* 'то же' (№ 346); серб.-хорв. *дѣтињи-ти се* 'то же';

полесск. *завыры́ты* 'сделать верх на стое, крыше дома, сарая', 'закончить дело, работу' (Смн.); карпат. *завершити* 'сделать верх на стое, крыше дома и т. п.', 'закончить работу' (№ 347); серб.-хорв. *завршити* 'закончить, завершить'; болг. *завърша* 'то же';

полесск. *о́кылавыты* 'получить грыжу' (Смн.); карпат. *окилавити* 'то же' (№ 381); серб.-хорв. *окилавети* 'то же';

полесск. *освыну́ты* 'рассвести', 'быть застигнутым рассветом' (Смн.); карпат. *освінути* 'то же' (№ 382); серб.-хорв. *осванути* 'то же';

полесск. *поно́сытыс* 'заноситься, гордиться'; карпат. *поноситися* 'то же' (№ 389); серб.-хорв. *поносити се* 'то же';

полесск. *прыста́ты* 'женившись, пойти жить в семью жены', 'примкнуть, пристать', 'устать, утомиться' (Смн.); карпат. *пристати*, *приставати* 'женившись, пойти жить в семью жены', 'примкнуть' (№ 396); болг. *приста́на*, *приста́вам* 'пойти замуж самовольно, без согласия родителей';

полесск. *псовáты* 'портить' (Смн.); карпат. *псувати* 'ругать, грубо ругать' (№ 399); серб.-хорв. *псѡвати* 'то же'; болг. *псувам* 'то же'; словенск. *psovati* 'то же';

полесск. *пу́лытыс* 'напрягаться из всех сил', *вы́пулыты* *го́чы* 'выпучить глаза' (Смн.); карпат. *пулити (очи)*, *выпулити (очи)* 'выпучить глаза' (№ 400); серб.-хорв. *бу́лыти* 'таращиться', *бити ѓчи* 'таращить глаза', *избу́лыти ѓчи* 'вытаращить глаза';

полесск. *ковзты́* 'скользить'; *кóвзатыс* 'поскальзываться', 'кататься на льду' (Смн.); карпат. *ховзати(ся)* 'скользить' (№ 422); болг. *хлѹзгам*, *хлѹзна* 'поскользнуться'; *хлѹзгам се* 'скользить';

полесск. *цѣркаты* 'доить тонкой струей или по капле' (Смн.); карпат. *цѣркати* 'доить, доить тонкой струйкой' (№ 423); болг. *цѣрцѡря* 'сочиться, еле-еле течь';

(?) полесск. *шолѡпаты* 'кумекать, разбираться' (Смн.); карпат. *шолопати* 'ковырять носом (об утке, гусе)' (№ 427); серб.-хорв. *шљапати* 'шлепать';

полесск. *ныгды* 'никогда' (Смн.); карпат. *нигда* 'никогда' (№ 445); серб.-хорв. *нѹгда* 'никогда', полесск. *ныгдѣ* 'нигде' (Смн.); карпат. *нигде* 'нигде'; серб.-хорв. *нѹгде* 'нигде';

полесск. *са́мо: са́мо так* 'именно так', *гѣтак са́мо* 'точно так', *са́мо тѣл'ко* 'как раз столько' (Смн.); карпат. *само* 'только, лишь' (№ 450); серб.-хорв. *са́мо* 'то же'; болг. *са́мо* 'то же';

полесск. *нашчосѣрцѣ* 'натошак' (Смн.); карпат. *натище*, *натище серце* 'то же' (№ 464); серб.-хорв. *наште срѣца* 'то же';

полесск. *на чѡрны́ паз'ѹр* (н'ѡгот') 'ничтожно мало' (Смн.); карпат. *як за нѣгтьом чорне* 'очень мало, немного' (№ 466); серб.-хорв. *ни колико је црно испод ноката* 'ни чуточки';

полесск. *б'ѹгма* 'ей-богу' (Св.); карпат. *бѣгме* 'то же' (№ 469); серб.-хорв. *бѡгме* 'то же'.

Многие из приведенных выше соответствий можно назвать полесско-карпатско-южнославянскими несколько условно, так как они распространены шире полесского и карпатского ареала и встречаются в ряде других восточнославянских (прежде всего украинских), а также западнославянских диалектов (ср., например, польск. *łuska* 'чешуя, шелуха'; *plytki* 'мелкий', 'плоский'; *psować* 'ругать'). Естественно, что определению ареала почти каждого из приведенных слов может быть посвящена отдельная статья.

В том же предварительном плане отметим еще несколько полесско-южнославянских соответствий (здесь также термин «полесско-южнославянский» употребляется условно):

полесск. *чолов'ѹчок* 'зрачок' (Смн.); болг. диал. *човечѣ*, *човѣчец* 'то же';

полесск. *стонѡга* 'сороконожка' (Смн.); серб.-хорв. *стонога* 'то же';

полесск. *ка́па* 'покрывало' (Смн.); серб.-хорв. *ка́па* 'шапка, головной убор'; болг. диал. *ка́па* 'то же';

полесск. *жы́лавыј* 'мускулистный, крепкий' (*жы́лавыј чолов'у́к*), 'упругий, сбитый' (*жы́лавыј хл'у́б*) (Смн.); серб.-хорв. *жй́лав* 'мускулистый (о человеке)', 'косослойный, крепкий (о древесине)';

полесск. *дрэ́каты* 'кричать, неумело крикливо петь, читать, говорить' (Смн.); серб.-хорв. *дрэ́чати* (сов. *дрэ́кнути*) 'кричать, реветь, визжать';

полесск. *мумрыта́ты* (сов. *мумрыну́ты*) 'мямлить' (Смн.); болг. *мэ́мря* 'бранить, журить'; серб.-хорв. *му́млати*, *му́млати*, *мр́млати* 'бормотать, ворчать';

полесск. *втронч'а́тыс* 'вмешиваться, соваться' (Смн.); болг. *втрэ́нчвам* 'устремлять (взор и т. п.)';

полесск. *ты́ц'нуты* 'ткнуть' (Смн.); серб.-хорв. *ты́цати* 'касаться, притрагиваться'; болг. *ты́кна* 'толкнуть, пихнуть';

полесск. *пры́тыты* 'нести с трудом, тащить' (Смн.); серб.-хорв. *пр́тити* 'нагружать, взваливать на спину';

полесск. *пра́жыты* 'жарить'; *прыпра́жытыс* 'поджариться, испечься' (Смн.); серб.-хорв. *пр́жити* 'жарить, палить'; болг. *па́ржа* 'то же';

полесск. *трасты́* 'искать' (Смн.); болг. *та́рся* 'то же';

полесск. *пырты́* 'дуть' (о ветре); *ви́т'ор прэ́* (Смн.); серб.-хорв. *пы́рити* 'слегка дуть, веять (о ветре)';

полесск. *здэ́рпаты* 'крупно смолот' (Смн.); серб.-хорв. *др́пати* 'рвать, разрывать, выдирать'; болг. *да́рпам* 'дергать, вырывать';

полесск. *вкл'а́кнуты* 'осесть, привалиться' (Смн.); серб.-хорв. *клё́кнути* 'стать на колени'; болг. *клё́кна* 'присесть на корточки';

полесск. *круну́ты* 'повернуть, свернуть'; 'съездить' (Смн.); серб.-хорв. *крéнути* 'двинуть, двинуться, тронуться'; болг. *крéтам* 'брести, идти медленно';

полесск. *пыры́лэтыты* 'пройти (о дожде)'; *до́шч пыры́лэты́* (Смн.); болг. диал. *лети́ дъш* 'идет дождь';

полесск. *то́ргаты* 'дергать (о волокнах льна)' (Смн.); серб.-хорв. *тр́гати* 'дергать, рвать, обрывать'.

Наконец, отметим еще несколько наиболее характерных соответствий из с. Листвин Овручского р-на Житомирской обл. (сокр. Лст.) из украинского Восточного Полесья:

полесск. *ча́мёр* 'болезнь живота' (Лст.); серб.-хорв. *ча́мёр* 'горечь, желчь'; 'печаль, огорчение, угнетенное состояние';

полесск. *стóтны* 'похожий' (Лст.); серб.-хорв. *исти* 'такой же, тот же';

полесск. *мли́чѡви* 'слабеющий (при виде крови)' (Лст.); серб.-хорв. *мли́тав* 'вялый, слабый, немощный';

полесск. *прѣсна зима́*; *прѣсна земл'а́* 'зима, когда не замерзает земля', 'незамерзшая земля' (Лст.); серб.-хорв. *прѣсно мѣсо*, *прѣсно тѣсто*, *прѣсна кѡжа* 'сырое мясо, тесто, кожа'; болг. *прѣсен* 'свежий';

полесск. *цу́ро́к* 'струя' (Лст.); серб.-хорв. *цу́рити* 'течь'; ср. полесск. *цуруба́н'ит* 'сильно лить (о дожде)';

полесск. *зѣпа́т* 'судорожно хватать воздух' (Лст.); болг. *зѣпам* 'разевать рот, зевать';

полесск. *гиба́т* 'месить' — в сочетании с сущ. *ко́рѡва́ј*: *гиба́т ко́рѡва́ју* (Лст.); серб.-хорв. *гѣбаница* 'слоеный пирог с творогом, сыром и т. п.'; болг. *ба́ница* 'то же';

полесск. *ѡжи́у́кат* 'чирикать (о воробьях)' (Лст.); серб.-хорв. *ѡѡв-ѡѡв* 'чик-чирик (о воробьях)'; *ѡѡѡѡн* диал. детск. 'воробей' район Смедеревска Паланка (сообщил В. Михайлович); болг. диал. *ѡѡѡѡр* 'воробей' (из греч.?).

полесск. *ба́хѡт'ѣт* 'колотить' (Лст.); болг. *ба́хтя* 'бить, ударять'; серб.-хорв. *ба́хтати* 'топотать, топать, бить ногами';

полесск. *су́тон'а́је* 'смеркается' (Лст.); серб.-хорв. *су́тон* 'сумерки, сумрак'.

К этим примерам можно добавить еще несколько соответствий из области лексики и из области культурных явлений, почерпнутых из материалов этнолингвистических полесских экспедиций 1974—1981 гг.⁵:

Полес. *синий* в сочетании *си́не редно́* 'суровое полотно' (с. Мощенка, Городнянск. р-н, Черниг. обл.) — серб.-хорв. *си́нь* 'желтоватый, пепельно-серый' (помимо значений 'синий' и 'черный').

Полес. *провалилось небо* о сильном дожде, ливне — серб.-хорв. *провала облака* 'то же'.

Полес. *памятний* 'смышлелый, сообразительный': Я така́ па́мятна, зна́ю ли́ес свой усю́ды, ску́ѡт ма́лѡе па́сла, усѣ усю́ды зна́ю (с. Мощенка, Городнянск. р-н, Черниг. обл.) — серб. *памѣтан* 'то же'.

Полес. *схватить* 'понять, усвоить': Она́ оди́н раз раска́жѡ — я ж не схвачу́ (с. Дубровица, Хойницк. р-н, Гомельск. обл.) — серб. *схватити* 'то же'.

⁵ См. еще Толстой, 1971 (наст. изд., с. 293–298); Толстые, 1976.

Полес. *неприлюдный* 'неприятный, невежливый, необщительный': *напрылюдна людына* (с. Олтуш, Малоритск. р-н, Брестск. обл.) — серб. *неуљудан човек* 'то же'.

Полес. *Не бэй жабу, бо ма́ти ўмрэ* (с. Речица, Ратновск. р-н, Волынк. обл.) — серб. *Ако убијеш жабу, умреће ти мајка*. В части полесских зон убийство жабы предвещало или вызывало дождь.

Полесская формула «На тебе крикливо-плаксиво, а дай мне сонливо-дремливо» (с. Тхорин, Овручск. р-н, Житомирск. обл.) как способ избавления ребенка от «ночницы», т. е. бессонницы и крика — сербская формула «Пусти врбово, узми дреново!», с которой обращаются к новорожденному теленку или ягненку (букв.: оставь вербовое, возьми кизиловое, т. е. бери не в рост, а набирай силу).

Полесский обычай доения коровы через обручальное кольцо, когда у нее убывало молоко (с. Хоробичи, Городнянск. р-н, Черниг. обл.) — сербский обычай на Юрьев день доить овец через перстень (Алексинацкое Поморавье; в других зонах восточной Сербии — через венки, камень с дыркой, специальный хлеб с дыркой и т. п.).

Полесский старинный обычай на «щедруху», т. е. перед Новым годом, ловить воробьев, отраженный и в поговорке: «На шчодруху зловыв птуху, одрижимо носа, коб ны йила проса» (Смн.) — сербский обычай на Рождество ловить воробьев и ими разговляться (юго-восточная Сербия, Поморавье, северная Македония). Последнее отмечено Б. Стельмаховской также у кашубов.

Полесский обычай разрушать во время засухи печь, оставшуюся от снесенной хаты, для вызывания дождя (Днепропсковое, Черниг. р-н, Черниг. обл.) — болгарский обычай во время засухи разрушать печь, построенную до Юрьева дня, или бросать в воду кусок глины, откопленный от печи (Бессарабия, переселенцы из Фракии).

Полесский обычай сохранять венки, который плела и носила девочка, класть его в воротах и перегонять через него корову, чтобы способствовать случке (с. Вышевичи, Радомышльск. р-н, Житомирск. обл.) — сербский обычай плести на Юрьев день венки для скота, совершаемый девушками (Вост. Сербия).

Полесский способ отбирания молока у чужой коровы и «передачи» его своей корове путем собирания утром до солнца в Юрьев день росы фартуком, полотенцем или плат-

ком на чужом поле и сжеживания ее на свою корову или в подойник (с. Стодоличи, Лельчицк. р-н, Гомельск. обл.) находит полную аналогию в сербских приемах «одузимања млека», также связанных с Юрьевым днем (Поморавье).

Полесские запреты, связанные с прядением, ткачеством, ткаческим инвентарем и т. п., во многих случаях соблюдаются для того, чтобы волки не трогали скотину. Ср. болгарские «волчьи» праздники (с 11 ноября ст. стиля — три, семь или десять дней), во время которых строго запрещается прясть, ткать, кроить, шить, чесать шерсть, вязать, чтобы «волки не могли разевать пасть».

Полесский широко распространенный способ угадывания пола будущего ребенка (или теленка, поросенка и т. д.) с помощью «прутка» (принадлежность для тканья) аналогичен болгарским гаданиям (болг. *пръчка* 'пруток') (Кюстендилская округа и др.). С этим прутком окончившая ткать женщина выбегает на улицу и дожидается первого встречного. Если это мужчина, то родится мальчик, если женщина — девочка.

Полесское поверье о том, что дурной глаз бывает у людей, которых в детстве дважды отлучали от груди (с. Стодоличи, Лельчицк. р-н, Гомельск. обл.; с. Дубровица, Хойницк. р-н, Гомельск. обл. и др.), соответствует болгарским (*повторено дете*), сербским (*повратњак* — Шумадия и Вост. Сербия), словенским (Штирия) представлениям о людях с дурным глазом, причем во всех случаях специально подчеркивается опасность встречи с таким человеком на дороге, на улице и т. п. (полес. *недобры на переход*, болг. *лоша среца* и т. п.).

С широко распространенным сербским, болгарским и карпатским новогодним обрядом «полазник» могут быть сопоставлены различные для разных районов Полесья приметы, связанные с приходом в дом первого в новом году посетителя или с первым встреченным человеком — мужчиной или женщиной, причем мужчина предвещает благополучие, удачу, рождение мужского приплода у скота, а женщина — неблагоприятие, рождение женского приплода, появление жаб в доме и т. п.

Полесский обычай, по которому в первый день Рождества печь растапливал мужчина (Смн.), находит параллель в южнославянских новогодних обрядах, связанных с бадняком, исполняемых только мужчинами.

К уже приводившимся и анализировавшимся южнославянско-полесским параллелям, касающимся «говяжьей» символики грозовых и градовых туч (тучи — небесные стада, коровы, волы; дождь — молоко и т. д.) — см. «Славянский и балканский фольклор» (М., 1981, с. 44–120), — можно добавить еще один весьма показательный полесский текст, с которым обращалась хозяйка к корове, выгоняя ее первый раз на пастбище весной: «Дахаджу я да цябе, кароўка, из хлебам и паскай, а ты да мяне — из любисцею и ласкай. Ишло три хмарки па небу: адна хмарка даж-жевая, а другая — снегавая, а трецяя — градавая. Як дождь, дай Бог малачко, як снех — сметану, як град — сыр» (с. Жаховичи, Мозырск. р.н, Гомельск. обл., запись В. Георгиева и В. Супруна). Ср. сербский рождественский или юрьевский ритуальный диалог: «Как на дворе? — Облачно! (Большая туча). — На дворе облачно, пусть у меня будет каймак (сливки), как ковер (т. е. пусть в молоке будет больше сливок)» (Чачанский край, Лесковацкая Морава).

Отмеченные здесь полесско-южнославянские схождения в известной мере случайны и разнородны, каждое из них требует своего объяснения на базе более полного материала и с учетом общеславянского (или даже более крупного) масштаба — языкового, фольклорного, этнографического. Здесь могут быть как исключительные локальные соответствия, так и явления с более широким ареалом, как генетически родственные факты, так и типологические подобию, сходные инновации и т. п. В данном случае они служат лишь для иллюстрации самой возможности многопланового сопоставления отдельных славянских этнокультурных традиций в их разных кодах и жанрах: на уровне лексики, специальной обрядовой терминологии, языковых клише, сакральных формул и целых текстов, обрядов, поверий и т. д., и необходимости систематических сравнительных исследований этнолингвистического характера⁶.

⁶ Обзор полесских лингвистических и этнокультурных исследований см. Толстые, 1983; Толстой, 1995.

Сербскохорватская лексика на общеславянском фоне

Проблема, которую мы постараемся вкратце осветить, не нова. Ей посвящен ряд работ сербокроатистов и славистов, среди которых, в первую очередь, следует упомянуть Мате Тентора (Tentor, 1950), Ивана Поповича (Popović, 1960), Франца Безлая (Bezlej, 1967), Павла Ивича (Ивић, 1971).

Большое значение имеют исследования, в которых вопрос сербскохорватской лексики входит в круг более широких проблем не только лингвистического, но и этнологического характера. Достаточно вспомнить о работах загребского профессора Милована Гавацци, посвященных распространению ряда характерных этнографических реалий на Балканском полуострове (Gavazzi, 1936) и этнографическо-лингвистическим соответствиям чакавско-кайкавско-словенского ареала западнославянскому ареалу, прежде всего, его южной части — чешско-словацкой. Наблюдения Милована Гавацци были продолжены трудами Бранимира Братанича и других ученых, которые рассматривали соотношение центральной зоны с латеральными (окраинными, боковыми) южнославянскими зонами на основе этнографических и лингвистических данных (Bratanić, 1951). Другая гипотеза Милована Гавацци, выдвинутая им в 1960 году, касается древнего славянского западнопаннонского пояса (зоны), см. Gavazzi, 1960. В этой области сделано еще относительно мало, но дальнейшие исследования могут дать хорошие результаты.

Авторы центрально-латеральной балкано-славянской гипотезы, так же как и гипотезы о паннонском поясе, обращались только к южнославянским или южно-западнославянским фактам, не ставя вопрос об их отношении к восточнославянским данным, имеющим немалое значение, и обычно не решая проблемы в общеславянской перспективе.

Не вникая в детали, в общих чертах можно сказать, что в большинстве случаев в центральной зоне наблюдаются инновации, а в латеральных зонах сохраняются архаизмы. Эти архаизмы обычно имеют соответствия с восточнославян-

ской лексикой. Примеры хорошо известны: *киша* — *дажд*, *зној* — *пот*, *чађ* — *сађа*, *ватра* — *огањ*, *мећати* — *класти*, *секира* — *топор*, *цепаница* — *полено*, *гвожђе* — *железо*, *купус* — *зеле*, *блистав* — *ла́скав*, *лубеница* — *диња*, *жуљ* — *музој*, *ручак* — *обед*, *трчати* — *тикајат*, *гурати* — *пихат*, *говорити* — *голчати*, *ћутати* — *муча́т*, *лупити* (*грах*) — *лужђити* и т. д. (Толстой, 1974; наст. изд., с. 223–242). Легко заметить, что латеральная лексика, т. е. чакавская или словенская, македонская, южноболгарская, черногорская, нередко совпадает с русской: *дождь*, *пот*, *сажа*, *огонь*, *класть*, *топор*, *полено*, *железо*, *мозоль*, *обед*, *тика́ть* (диал.), *пиха́ть*, *голча́ть* (диал.), *молча́ть*, *лу́щить* (*лузга́ть*) и т. д. Значительно реже случаи обратного характера, когда русское слово соответствует южнославянскому «центральному» слову, например, *капуста* — *купус*, *блестящий* — *блистав*.

Чаще всего эти латеральные для южнославянского языкового ландшафта слова на русской или восточнославянской территории не дают изоглоссу, т. к. они известны и распространены на всем славянском Востоке (*дождь*, *огонь*, *железо*, *пот*, *правый* и т. д.), поэтому интереснее и, вероятно, существеннее для лингвистической географии слова, которые образуют изоглоссу не только на южнославянской территории, но и на восточнославянской. В качестве примера можно привести название радуги — *пояс*, серб. *pâs*, Бѣжју *пасић*, болг. *пояс*. Это название радуги можно услышать в Истрии, на острове Цресе, около Вараждина, в Пригорье, в Лике, в Черногории (племя Кучи), в Македонии около Велеса и Лерина, в юго-восточной Болгарии, затем в южной и западной Болгарии южнее линии София — Ихтиман — Калофер, и еще в Добрудже. У восточных славян изоглосса идет начиная с северо-западной Белоруссии на юг через Полесье и русинские Карпаты (Закарпатье) (Толстой, 1976, с. 35–38; наст. изд., с. 181–185). Это западный пояс в восточнославянском ареале — изоглоссная зона, которая все чаще и определеннее вырисовывается в результате лингвогеографических исследований. По сути дела это не пояс, а разорванная, несплошная изоглосса, состоящая из отдельных островков, связывающих псковско-новгородский узел (а иногда и русский Север) с Полесьем, Карпатами и славянским Югом, а иногда и со славянским Западом (чаще всего с кашубами и лужицкими сербами) (Толстой, 1971, с. 76; наст.

изд., с. 296). Особое значение для лингвистической географии имеют изоглоссы, базирующиеся на фразеологизмах и архаической семантике (*пијан као мајка-земља, здрав као риба, сињ* 'черный' и т. п.).

Существует немалое число полесско-карпатско-сербско-хорватско-болгарских изоглосс, часть которых известна, а часть еще не выявлена, но их число постоянно растет в результате интенсивного лингвистического изучения Полесья (Толстой, 1968б; наст. изд., с. 251–257). Мне хотелось бы сейчас привести только один пример, назвать одно слово, которое образует латеральную изоглоссу в Восточной Славии, так называемый «западный пояс», и которое известно в Южной Славии у чакавцев и словенцев. Слово это — праслав. **dēga*, **dēgati*.

В виде *дязнуть* 'крепнуть, набирать силу, расти' это слово известно в великорусских архангельских и новгородских диалектах; в псковских говорах известно *дяз* 'рост', *дязлый* 'сильный, крепкий, мощный', *дязгло* 'молока'. Далее, идучи на юг, в Белоруссии, в Могилевской губернии *дзягно* 'молоко, сок, жидкость из конопляного семени', в Полесье, в его центральной части (Лунинецкий район) *дзяга* — 'полоска липовой коры', а в западной части (Ивацевичский и Пружанский районы) *дзягно* 'болото, топь'. То же значение зафиксировано севернее, в Свислочском районе Гродненской области: *дзягна* 'болото, топь'.

Продолжение этой изоглоссы в южном и юго-западном направлении обнаруживаем в украинских диалектах, где *дязлый* означает 'сильный, мощный' и *дязга* — 'нечто большое, огромное (например, опухоль)'. У южных славян до сих пор известны словен. *dēga* 'род пояса, ремня' и *degāti* 'бросать, метать' (вероятно, с силой) и чакавск. *degati se* 'препираться'. Это чакавское слово приведено в загребском Академическом словаре с пометой: «Употреблено в XVIII веке у одного автора чакавца в двух местах с довольно расплывчатым значением; в первом случае значение, безусловно, иное, чем во втором; а в наше время известно в Боке Которской, но о том, что это слово древнее, свидетельствует абстрактное существительное *degba*: «Siječanj siječe drvo svako, u vremenu da je bolje, a *dega se* kmet polako čim okisne vas i polje» (Иероним Каванин) [Пила пилит любое дерево, при погоде, какая получше, а трудится, напрягает силушку крестьянин понемногу, как оросится, напоится вла-

гой село и поле]. Его можно найти и в сербских народных сказках, собранных Вуком Караджичем: «Зачује ће се двојица у велико дегају» [Услышал, как двое дерутся, применяют силу друг против друга]. Слово *дегѣба* в значении 'препирательство, распря' зафиксировано в грамоте 1405 года, посланной Стипаном Твртком Твртковичем дубровчанам: ...*Бре би рѣчь и дегѣба мою кралѣство ми и властели дѣбровѣчцими за село лисаць и засеѣке имотица трыновицѣ* (F. Miklosich, Monumenta Serbica spectantia historiam Serbiae, Bosnae, Ragusii. Viennae, 1858, 255, также Даничић Ђ. Рјечник из књижевних старина српских. Књ. I—III. У Биограду, 1863—1864).

В лингвогеографической перспективе эти слова относятся к латеральному, маргинальному типу, но они известны лишь в западной части, в западном «боку» славяно-балканского массива, т. е. ни в болгарском, ни в македонском ареале они до сих пор не были зафиксированы.

Слово *dëga* сохраняет кашубский язык. У кашубов *dëga! dëga! dëga!* — восклицание, которое произносится в Святую ночь на Пасху, когда люди бьют друг друга веточками, как хлыстиками. Сакральный смысл этого обычая — вызывание силы, плодородия, физической мощи. Показательны значения кашубского глагола *dëgovac* 'бить прутиком на второй или третий день Пасхи', а также 'много есть' и *zdëgovac* 'ударить прутиком', 'много съест' и, наконец, 'сделать женщину беременной, обрухатить'.

Как видно из приведенного материала, различия в значении отдельных слов немалые. Возникает вопрос, относятся ли эти слова к одному корню, одинаковы ли они по своему происхождению и близки ли они по смыслу, по «внутренней форме». В самом деле, 'молока' и 'ремень, пояс', 'болото' и 'полоска липовой коры', 'препирательство, распря' и 'молочко из конопляного семени', 'хлестать' и 'бросать' и 'препираться' — все это семемы, которые при синхронном рассмотрении должны оказаться в различных семантических полях. Но в историческом, диахроническом аспекте дело обстоит иначе.

Значение *dëga* 'вид ремня, пояса' (Словения) — одно из древнейших. Столь же архаична и семема 'полоска липовой коры' (Центральное Полесье), потому что такая полоска до недавнего времени была пояском. Пояс или ремешок был у славян (вероятно, и у индоевропейцев) с незапамятных вре-

мен символом силы и мощи. Об этом, помимо прочих, убедительно писал хорватский этнограф Мирьян Стойкович (Stojković, 1934). От этих двух древнейших значений 'пояс' и 'сила' ответвляются другие значения: 'полоска, полоса' → 'болотистая полоса земли' → 'болото, топь' (ср. аналогичную семантическую эволюцию полесского географического термина *смуга* — Толстой, 1969, с. 192–195) или 'сила', 'сильный' → 'мужская сила', 'сила оплодотворения, плодородия' → 'молока' и далее 'молоко от конопляного семени', или последовательность семем 'сила', 'сильный' → 'вызывание силы ритуальным битьем' → 'препирательство, распря' (демонстрация силы?) → 'бросать, метать чем-либо', наконец, 'сила' → 'рост, набирание силы' → 'беременность'. Таким образом, можно выделить этимон **dega* 'пояс', который окажется родственным другому этимону **doga* 'радуга' (Толстой, 1976, с. 35–38; наст. изд., с. 181–185). Если же вспомнить, что **doga* 'радуга' также символизирует силу, станет ясно, что внутренняя семантическая связь сохраняется. В вокализме корня обнаруживается древняя вариация *е/о* с носовым дополнительным признаком, характерная для таких слов, как русск. *грязь/груз*, старослав. *блѣдъ/блѣдъ* и пр.

Пример со словом **dega* говорит о том, что пришло время от лингвогеографического исследования слов с «чистой», однозначной и одинаковой семантикой и формой (какими являются *дождь* — *киша*, *огонь* — *ватра* и др.) перейти к рассмотрению более сложных, а иногда и «скрытых» фактов. При этом интересные результаты можно получить от анализа слов, связанных с этнологической проблематикой и с древней славянской духовной культурой.

Однажды мое внимание привлекла чисто этнографическая проблема — распространение древних сельских деревянных надгробий антропоморфного типа. Эти надгробия дали типичную изоглоссу, вернее, изопрагму, идущую от Полесья на юг к Карпатам и еще дальше на юг, в восточную Сербию, западную Болгарию и в Странджу — в юго-западный угол Болгарии. Есть данные, что и на Русском Севере известны подобные антропоморфные фигурки (они сохранились на Мезени на прялках), но и крайний запад литовского этнического ареала демонстрирует свою родственную связь с «западным поясом» восточнославянского этнодиалектного континуума (Толстой, 1973а). Чакавская и словенская зоны не дают нам никаких данных, что легко объяснить мощным

влиянием христианства, и прежде всего, католицизма. Совпадение лингвистических и этнографических фактов, точнее говоря, совпадение изоглосс и изопрагм — весьма показательный и убедительный аргумент в этногенетических исследованиях, и в этом направлении, к сожалению, еще не так много сделано. Что касается изопрагмы, образуемой сельскими антропоморфными надгробиями, то на первый взгляд широкая полоса, идущая через восточную Сербию и западную Болгарию, не отвечает «классическому» центрально-маргинальному противопоставлению и меняет известную по картам распространения *киша* — *дажд* или *ватра* — *огањ* картину. Но если вспомнить, что на карте распространения типов рала на славянских Балканах, созданной Б. Братаничем (Bratanić, 1951, s. 232), маленький островок в зоне Грузии обозначен той же штриховкой, что и маргинальные, латеральные зоны, нам станет ясно, что классическая «чистая» картина размежевания центрального и боковых ареалов — относительно позднего происхождения. В некоторых случаях архаические особенности сохраняет и середина центра, его эпицентр, и тем самым перекликается с латеральными зонами.

До сих пор было несколько опытов классификации и группировки праславянских диалектов — будущих языков — на основе лексических данных. Вспомним хотя бы реконструкцию О. Н. Трубачева, предложенную в 1963 году (Трубачев, 1963). В ней, помимо ряда тонких и полезных наблюдений, обращает на себя внимание одно положение. Результаты исследования в немалой мере зависят от того, какие пары современных славянских языков выбираются для сравнения и выявления лексических параллелей. Некоторое число лужицко-сербскохорватских параллелей, которые, кстати, не всегда только лужицко-сербскохорватские, побудило О. Н. Трубачева в своей схеме «Праславянская дифференциация в начале нашей эры» поставить «пранижнелужичский» сразу же под «прасербским» и как бы почти присоединить к нему. Думаю, что в этом случае, как и в ряде других случаев, предлагается преждевременное решение вопроса. Реконструкция праславянских лексических отношений, праславянской лексической дифференциации требует разделения всего современного славянского языкового континуума, или ландшафта, на части и зоны более дробные и меньшие, чем нынешнее членение на языки. Даже при срав-

нении, скажем, белорусского и болгарского языков нужно сравнивать отдельные крупные (и даже мелкие) диалектные зоны, как, например, восточно-полесская зона, попская зона, родопская зона и т. п. Разумеется, нелегко определить, какую диалектную зону или какой язык нужно взять в качестве исходной базы для дальнейших сравнений и рассмотрений. Считаю, что идеальным случаем был бы тот, когда бы каждая диалектная зона или язык принимались за исходную базу по очереди. Но это — огромная и в современных условиях трудно выполнимая работа.

Несколько лет тому назад в качестве эксперимента я начал искать и фиксировать чакавско-русские лексические параллели, которые не имеют соответствий в литературной (штокавской) сербскохорватской лексике, как это делал Мате Тентор в своем исследовании 1950 года (Tentor, 1950). Таких параллелей обнаружилось около сотни, в том числе были и очень любопытные примеры. Но мне не удалось найти ни одной пары слов, которая бы была исключительно чакавско-русской. Во всех случаях без исключения изоглосса была не только чакавско-русская, но чакавско-словенско-польско-русская или чакавско-болгарско-украинско-русская и т. п.

Приведу только несколько примеров, которых нет в словаре М. Фасмера и в некоторых других этимологических словарях. Кроме ранее рассмотренных нами слов, таких, как *zābīt* 'забыть', *gruzīt* 'вязнуть', *hjust* 'проливной дождь', а также 'хлыст, кнут', *zadrohnit* 'заснуть' (ср. русск.: *забыть, грузнуть, грузить, хлюстать, хлыст, задрыгнуть*) (Толстой, 1977), можно привести еще:

чакавск. *zagozdīt* 'забить деревянный или железный клин, гвоздь в трещину на дереве' (Кастав); слово имеет полное соответствие в словенск. *zagozditi* 'укрепить клином, насадить, заклинить' (ср. также *zagózda* 'деревянный или железный клин'); русск. *гвоздить* 'бить, лупить', *пригвоздить* 'прикрепить, прибить'; ст.-слав. *пригвоздити* 'то же'. От праслав. корня **gvozd-*; этот корень известен почти во всех славянских языках.

чакавск. *štroknūt* 'уколоть' (Сусак); русск. *стрекать, стрекнуть*, укр. *стрікнути* 'уколоть, кольнуть', белор. *стрикаць* 'колоть, покалывать', болг. *стрѣкам, щрѣкам* 'щелкать', ст.-слав. *стрѣкало* 'жало, острие', *стрѣкати* 'колоть'.

чакавск. *dròčit* 'толкнуть, кольнуть, боднуть (особенно каким-либо острым предметом — рогом, ножом и т. п.)'; русск. *дрочить* 'беситься, упорствовать (о скоте)', 'раздражать', 'ласкать, нежить, миловать', укр. *дрочити* 'раздражать, задирать', польск. *droszyć* 'сердить, раздражать', макед. *дрочи* 'наливаться соком, созреть (о винограде)', 'полеживать, нежиться'; макед. диал. (Прилеп, Дебар) *дроча* 'шляться, бездельничать, пьянствовать'.

чакавск. *brnčat* 'жужжать' (Драгуч в Истрии); русск. *бренчать* 'позвякивать, слегка играть (на музыкальном инструменте)', чешск. *brnčeti* 'то же', болг. *брънча* 'жужжать'. Ср. еще русск. *бренькать*, с.-х. штокав. *брѣнкати*, польск. *brzakać* 'позвякивать', *brzęczeć* 'жужжать'.

чакавск. *taščāt* 'мучить' (Сусак); вероятно, перевод неточен и следует толковать как 'тащить', что видно из иллюстративного примера — *Ma zâc glâvu taščîš za nŷs* 'имеешь голову, а тащишь за нос'; русск. *тащить* 'волочить, дергать', укр. *тащити* 'то же', польск. *taszczyć* 'то же', чешск. *tasiti* 'резко вытаскивать'.

чакавск. *tlêt* 'тлеть, еле-еле гореть' (Црес, Хрелин, Уние), *tlit* (Гарица) 'то же'; словен. *tléti*; русск. *тлеть* и во всех славянских языках, кроме с.-х. штокавского.

Число примеров можно было бы значительно увеличить.

Проходившая в 70-х годах на трех симпозиумах в Минске дискуссия, посвященная вопросам белорусско-русских, белорусско-украинских и белорусско-польских изолекс, пришла к ряду интересных и конструктивных выводов и, в то же время, к одному, в известной мере, отрицательному положению: проблема лексических связей, параллелей и соответствий двух языков, если речь идет не о литературных языковых образованиях, а о диалектном фонде, не может ограничиваться материалом двух языков (см. Беларуска-ўкраінскія ізалексы, Мінск, 1971; Беларуска-рускія ізалексы, Мінск, 1973; Беларуска-польскія ізалексы, Мінск, 1975).

Судя по всему, мы являемся свидетелями начала сравнительного изучения славянской диалектной лексики в ее полном объеме. Известные результаты уже достигнуты Общеславянским лингвистическим атласом и другими подобными предприятиями, но словарное богатство славянских диалектов несоизмеримо богаче того круга лексики, который охвачен вопросниками лингвистических атласов. Сле-

довало бы организовать систематическое исследование словарного фонда архаических культурно-языковых зон, к которым, несомненно, относятся чакавский, торлакский и некоторые другие сербскохорватские ареалы, отдельные ареалы на словенской, болгарской и македонской языковой территории, а в восточной Славии — Полесье, Карпаты, Русский Север и ряд других этнографических и лингвистических уникальных островов во всех трех славянских этнических массивах. Понятие «архаический» во многих отношениях условное и неопределенное, но тем не менее полезное и пригодное для решения гипотетических проблем противопоставленности и соотношения инновационных и неинновационных зон. В связи с этим требует нового рассмотрения вопрос: является ли у славян, как и у романцев, центр сферой инноваций, а периферия — областью архаики? Отрицательный ответ на этот вопрос в свое время я пытался обосновать на симпозиуме по ареальной лингвистике и этнологии в 1975 году в Ленинграде (Толстой, 1977).

Наконец, хотелось бы сказать о так называемом «западнопаннонском поясе в далеком прошлом». Профессор Милован Гавацци, автор этой интересной гипотезы, привел для ее обоснования более десятка слов, которые, по его мнению, свидетельствуют о существовании древней западнопаннонской единой этноязыковой зоны. Это такие слова: *prelog* 'перелог' (кайкав. и словенск.) и *prieloh* 'то же' (словац.); *polevka* 'похлебка' (кайкавск. и словенск.) и *polívka, polievka* 'то же' (чешск. и словац.); *ščava* (кайкавск.), *ščav, ščavje* (словенск.) 'пойло для свиней' и *št'áva* 'то же' (чешск.); *smetana* 'сметана' (словенск.) и *smetana* 'то же' (чешск. и словац.); *kečka* (кайкавск. и словенск.) 'коса' и *kečka, kečice* 'то же' (чешск. и словац.); *opuča, vnuča* 'онучи, обмотки' (кайкавск. и словенск.) и *опушка, опушка* 'то же' (чешск.); *rubáča* (кайкавск.), *robača* (словенск.) 'рубаша' и *rubáš, rubaš* 'то же' (чешск.); *scati* (кайкавск. и словенск.) 'мочиться' и *scáti* 'то же' (чешск. и словац.); *veko* 'крышка (чаще всего сундука)' (кайкавск.) и *viko* 'то же' (чешск.); *dude* 'тип волюнки' (кайкавск. и словенск.) и *dudy* 'то же' (чешск. и словац.) и т. п. Большое число перечисленных слов имеют параллели и соответствия у восточных славян, прежде всего, у русских: *перелог, сметана, кичка, онучи, рубашка, сцать, дуда—дудка, вечка* (диал.) 'крышка' и т. п. (Gavazzi, 1960).

Значительное число чакавско-кайкавско-словенско-западнославянских, прежде всего, чешско-словацких, параллелей отмечено в работах В. Смочинского (Smoczyński, 1972), Х. Василева (Vasilev, 1975), Л. В. Куркиной (Куркина, 1977; 1978) и др.

К лексическим соответствиям Милован Гавацци присовокупил и некоторые любопытные этнографические параллели, образующие также кайкавско-чакавско-словенско-чешско-словацкую изопрагму. Так, чакавско-словенская игра «мост», распространенная в Белой Краине, Клоштре Подравском, Дрне, Ботове и некоторых других местностях, известна также и словакам (Gavazzi, 1960). Но эта же игра под названием «ворота» существует и у русских и пользуется немалой популярностью.

Изоморфность изолекс и изопрагм, их общая направленность и показательность (*valeur*) при выделении этнолингвистических диалектных зон имеет большое значение для развития современной славянской лингво- и этногеографии. Она дает исследователю возможность точнее и надежнее определять лексический материал в стратиграфическом и хронологическом аспекте, опираясь не только на языковые, но и на этнографические данные.

Южнослав. *црна земља, черна земя* и *бели бог, бял бог* в символично- мифологической перспективе

К немногочисленному ряду ритуальных плачей, оплакиваний или похорон разных мифических личностей, животных, насекомых и предметов — южнослав. *Германа*, полесск. *Макарки*, русск. *Масленицы*, *Костромы*, *Кузьмы-Демьяна*, *Ярилы*, зап.-слав. *Марены*, *Смерти*, южнорусск. кукушки, вост.-слав. лягушки, рака, ужа, а также мух, пауков, тараканов, клопов, вшей (см. Толстая, 1985), — совершаемых не в шутилом, как, например, «похороны Сидора Карповича», а во вполне серьезном ритуальном и отнюдь не пародийном плане, можно прибавить еще один, пока уникальный пример.

Еще недавно, в середине нашего века, женщины-черногорки из окрестностей Никшича, занимавшиеся очень архаическим видом лепного гончарства и делавшие «препуглы» — латки, большие глиняные плоские или сковороды для печения хлеба на очаге, когда собирались приступить к своему ремеслу и шли копать глину, исполняли по пути такой плач-причитание:

Диван ли смо занат узеле,	Удивительное ремесло мы выбрали,
Куку нама!	Горе нам!
Да са <i>црне земље</i> дјецу	Черной землей детей
прехраниле,	кормить,
Ми кукале!	Восплачем!
Црн ли смо занат узеле,	Черное ремесло мы выбрали:
Да <i>црну земљу</i> рукама	Черную землю руками
преврчале	разминать (перевортывать).
Ми кукале!	Восплачем!
А кад другог рада нема,	А другой работы нет,
Леле нама!	Горе нам!

Черногорки работали небольшими группами или по двое. Приведенное выше причитание записал некто Вук Джепич (Вук Ђепах), а опубликовал в 1951 г. известный сербский этнограф Миленко Филипович в монографии о балканской женской керамике (Филиповић, 1951, с. 117).

Женское причитание о своей «черной» рабочей доле интересно само по себе, как очень архаический тип ритуального действия, направленного на удачу в работе. По тому же принципу сербы выбирали сироту-«додолу» в обряде вызывания дождя, чтобы высшие силы сжалились и послали влагу на иссохшую землю, или женщины Полесья плакали об «утопившемся» Макарке, чтобы он вылез из воды и «разлил слезы по святой земле». Видимо, и плач о своем ремесле обеспечивает успех ремесла, и плакать поэтому надо до начала работы, до начала «жизни» глиняного горшка или латки (о «жизни» горшка см. Толстые, 1992, с. 137).

Однако наше внимание привлек более частный вопрос, а именно эпитет к слову *земља*, который для южнославянской языковой традиции можно считать постоянным. «*Црна земљице, по Богу мајчице*, нити се фатило тебе, нити мене, него мога суђенога Н.» [Черная земляца, Богом данная матушка, пусть не пристанет ни к тебе, ни ко мне, а к моему суженому.] — Любовный заговор на парня. (Драгичевић, 1907). Сербы и хорваты, прощаясь с покойником, нередко говорят: «*Нека му је лака црна земља!*», что соответствует русскому «Пусть будет земля ему пухом!». О покойнике, умершем говорится, что «его прячет черная земля»: *крије га црна земља* (Сада га овдје више није, / Црна земља већ га крије); смерть объясняется объятием «черной» земли: *Загрлила га је црна земља*, уходом под «черную» землю: *Он оде под црну земљу*. Желание русского «провалиться от стыда сквозь землю» понятно сербам, в этом случае *они се сами стиде да би од срамоте у црну земљу пропали* (примеры из РСХКНЈ, VI, 793–794). Болгары, проклиная кого-либо, желают, чтобы «черная» земля его не приняла после смерти: *Църната земя да го не прибере!*, или чтобы выбросила его кости: *Земя му кости измьтала* (Младенов, 1951, с. 793). Этот мотив особенно распространен в южнославянской среде, но не чужд и другим славянам, равно как и другим народам, в том числе и кавказским. Нам о нем напомнил покойный Тенгиз Абуладзе в фильме «Покаяние». Болгары своих покойников предают «черной» земле: *предават на черната земя* (ФРБЕ, II, с. 190). Они же в своих надгробных рыданиях, «творяще песнь», причитают:

Земе, земе, *черна*, темна.
Що изидаш, що изпиваш.

Земля, земля, *черная*, темная.
Что ты поедаетшь, что выпиваетшь?

Та изеде и моено,
и моено пръвo либе.

Ты пожрала и мою,
И мою первую любовь.

(Родопы, Кауфман, 1988, 14).

Стуене, баба, Стуене,
как са, мило, полъга
у тѣз *черна зима* да идиш?
Ут там никой ни съ ѝ върнал.

Стоян, батъко, Стоян,
как ты, милый, обманулся,
в эту черную землю пошел?
Оттуда никто не вернулся.

(Кауфман, 1988, 246).

Подобного характера и македонские причитания:

Църна земіо, шчура земіо,
Зашчо си се отворила,
Како ламіа си зинала?
Кого, земіо, ти се готвиш
Да го лапнеш, да го голтнеш?

Черная земля, скудная земля,
Зачем ты открылась,
Как дракон, разинула пасть?
Кого, земля, ты готовишься
Схватить, проглотить?

(Кауфман, 1988, 14).

Устойчивое словосочетание *црна земја* характерно для всей македонской народной поэзии в целом. Ограничимся лишь примерами из записей начала века в окрестностях Скопья (Скопска Црна Гора): «пукнала пушка од лудо младо, / падна Румена на *црна земња*» — «выстрелил из ружья лихой молодец, упала Румена на черную землю» или «а ја сам ти западнало, / западнало у дубине, / у дубине, у тамнине, / *црна земња* притиснала» [а я провалился, провалился глубоко, в глубину, в глубину и тьму, черная земля придавила] (запись А. Петровича, 1907 и 1901 гг. — РМНП II, 449).

Словенцы о погребенном покойнике говорят: *pokriva ga črna zemlja* или *v krilu črne zemlje* — 'в объятиях черной земли'; саму же смерть они называют разбоем и поборами «черной земли»: *gor črne zemlje* (SSKJ I, 313; Glonar, 1936, 474). В народной словенской поэзии *črna zemlja* — устойчивый образ и символ. В белоруской песне о раненом герое Петре Ковачевиче поется, что он, умирая, просил написать письма матери и любимой; матери — чтобы она не ждала, а любимой — чтобы выходила замуж за другого, «потому что молодец Перо венчался с черной землей и зеленой травой» («Da se junak Pero je oženil s černo zemljo i zeleno travo» — Štrekelj, I, 740, № 854). К приведенным выше южнославянским фразеологизмам примыкает новогреческая поговорка, употребляемая по отношению к смерти, чаще всего преж-

девременной: (τὸν) ἔψαγε τὸ μαῦρο χῶμα или (τὸν) ἔψαγε ἡ μαύ ῥῆ(ς) — в дословном переводе «съела его (ее) черная земля» (устн. сообщ. Д. Яламаса). Таким образом, устойчивую синтагму *црна земља, черна зема, маῦ χῶμα* можно считать балканизмом, хотя это утверждение требует дополнительного материала.

В западнославянских языках интересующее нас словосочетание не является устойчивым и малоупотребительно. В чешско-моравских говорах можно услышать о грязном человеке, что он *černý jak zem* — 'грязный, черный, как земля' (Zaorálek, 1963, 619), а у словаков бытует пословица «V čiernej zemi sa chlieb rodí, а na bielu psy s...» [На черной земле хлеб родится, а на белую землю собаки с...] (Záturecký, 1965, 57). Эта пословица известна и полякам: «Na czarnej ziemi chleb się rodzi» или «Na czarnej roli biały chleb się rodzi», или «Na czarnej roli chleb się rodzi, а na białą psy srają» (NKKP I, 255). Она явно построена на противопоставлении черной земли белому хлебу и на идее, что не все черное — недоброе, плохое. Для польского народного сознания характерна устойчивая ассоциация земли с признаком «святая», а не «черная». «Святая» — *święta* выступает как постоянный эпитет с существительным *ziemia* 'земля'. Характерно, что фразеологизм «czarny jak święta ziemia», «czarny jak ta święta ziemia», «czorny jak ta Bożo ziymeczka» встречается чаще, чем вариант «sczerniał jak ziemia». То, что в этом случае *czarny* означает, как в моравском примере, 'грязный', мы видим из варианта «brudny jak święta ziemia» (NKPP I, 352—353).

Поговорка о черной и белой земле (почве), имеющая ряд западноевропейских соответствий, известна и в украинской среде: «На чорнім хліб ся родить, а на біле срати ходить» (Франко, III, 319). Иван Франко поясняет, что «чорне» — это пашня-рілля, а «біле» — бумага-пипифакс. Не исключено, что эта шуточная поговорка у славян заимствована с запада. По сути дела, она может быть исключена из нашего рассмотрения без особого ущерба для остального материала и общего заключения.

Понятие «святой земли» характерно для кашубской традиции: «Zemá je svąta», «Ne są vąrt że jix ta zemá svąta posi» [Они недостойны того, что их святая земля носит]. Кашубы еще во время второй мировой войны скрещивали руки на груди и целовали землю, произнося молитвенные

слова: «Poxváloná bŏzkáj svátá zémko za ten xlěbk, so nama daješ» [Слава тебе, святая земля, за хлеб, который ты нам даешь] (Sychta, VI, 222). *Земля святая* присутствует во многих украинских фольклорных текстах разных жанров: «Бувай здорова, як риба .., багата, як земля святая!» (Номис, 1864, 89, № 4562), «Земля б ёго святая не приймала!» (Номис, 1864, 42, № 3795). В то же самое время на украинской этнической территории бытует и словосочетание *сировая земля*: «Хоч сирової землі хватайсь!» (Номис, 1864, 42, № 2031).

У лемков-русинов в восточной Словакии записан фразеологизм *níti* (= пойти) *до чорної зéмлі* в значении 'умереть' (ФСЛГ, 58), что соответствует южнослав. серб. *он оде под црну земљу*, болг. *да идиш у тъз черна земя*. Таким образом, выявляется еще одна, не зафиксированная карпатско-украинско-южнославянская изоглосса.

Беликорусская и отчасти белорусская традиция сохраняют устойчивое сочетание *сыра́ земля*, чаще *ма́ть сыра земля*. В. Даль в своем знаменитом словаре привел такие примеры, как: *Не роди ма́ть сыра земля!* «Не дай Бог!», *Земля ма́ть подает клад, Ма́ть сыра земля говорит нельзя* (Даль I, стлб. 1691). Число подобных примеров можно было бы значительно увеличить за счет фольклорного материала. Беликорусское *ма́ть земля* имеет прямое соответствие в сербскохорватском *мајка земља*, особенно в поговорке *пијан као мајка земља* 'мертвецки пьян' (РСХКНЈ XI, 781), ср. также болг. *пијан като земя* (Славейков, 1954, 447), полесск. *пьяный бы зымя́*, белор. *могилевск. пьяный як зямля́*, минск. *пьяны як зямля́*. О смысле и происхождении этих фразеологизмов мною два десятилетия тому назад была написана статья (Толстой, 1972, 271).

Постоянный эпитет *сырая* по отношению к земле отмечен и в украинской традиции. Так, в сборнике А. Метлинского «Народные южнорусские песни» (Киев, 1854) находим: *Сирая земля, — ти ж мати моя* (с. 39). Таким образом, на украинской диалектной территории можно найти и зап.-слав. *святая земля*, и вост.-слав. *сырая земля*, и южнослав. *чорная земля*. Последнее записано только у лемков в с. Старина, округа Стара Любовня (вост. Словакия — ФСЛГ, 58). Специальное картографирование постоянного эпитета слова *земля* дало бы более сложную и точную картину. Кстати следует отметить, что устойчивое словосочетание

сурова земя известно и в болгарской среде: *Кланям се до суровата земя* — говорят, когда хотят засвидетельствовать свое глубокое уважение (ФРБЕ I, 520).

* * *

Болгарский лексикограф Найденов, определяя слово *земя* как «мир, в котором мы живем», приводит к этому толкованию пример: *От чорната земя до сине небо. Един Господ на небето и един цар на земята* (Герков, II, 151—152). Согласно этой поговорке земля — *черная*, небо — *синее*... а Бог? Бог у западных болгар, македонцев и восточных сербов — *белый*, как это видно из следующих примеров:

Зъмъчи съ Бужа Майкъ	Мучилась Божья Мать предродовыми муками
Уд Игнажден ду Коледъ	От дня св. Игнатия до Рождества,
Дъ си дубий бялъ Богъ.	Чтобы родить (получить) белого Бога.
Дубилъ гу нъ Коледъ...	Родила (получила) его на Рождество...
	(Илиев, 1889, 75—76).
По мен иде ден Божица,	Ко мне идет день Рождества,
он је крстил небо, земја,	он крстил небо, землю,
он ќе крсте машко дете,	он окрестит мальчика младенца,
машко дете, бела Бога	младенца, белого Бога
	(РМНП I, 137).

В болгарской и македонской колядках речь идет о младенце Христе, однако в болгарских и сербских фразеологизмах, вероятно, говорится о Боге или божестве вообще (неясно, с каким, христианским или языческим, мировоззрением связано возникновение интересующих нас словосочетаний, поэтому трудно определить, какой должна быть буква *б* — прописной или строчной). Стефан Младенов в его незаконченном, но весьма интересном по замыслу «Болгарском толковом словаре с учетом народных говоров» приводит такие примеры: *вика до бѣла бога*; *пищи, та се чува до бѣла бога*¹ и поясняет, что *до бога* значит 'очень сильно' (т. е. «очень сильно кричит» и «очень сильно пищит»); *Нѣмам си бѣла бога от тоя човек* — «Нет покоя от этого человека» (ср.

¹ Нами восстанавливается орфография, которой пользовался С. Младенов, так как диалектная основа его примеров им не определена, но есть основания предполагать, что она западноболгарская.

«Света белого не вижу от этого человека»). Другой фразеологизм — *да видя бела бога* — толкуется как *да видя бял ден*, дословно — «чтобы видеть белый день» (Младенов, 1951, I, 175, 248). В академическом «Словаре болгарского языка» выражение *виждам (видя) бяла бога* (с пометой *диал.* — диалектное) толкуется как «живу хорошо, мне везет в жизни» и иллюстрировано примером: «Мама, която слагаше палеца си вместо подпис, въздъхна и като постоя учудена, горчиво се усмихна: — Дано, мама, дано барем ти видиш бела бога!» [Мать, которая прижимала палец к бумаге вместо подписи, вздохнула и, постояв удивленно, улыбнулась горькой улыбкой: — Хотя бы ты, мама, хотя бы ты живешь настоящей жизнью] (РБЕ I, 682).

Ни белградский, ни загребский академические словари сербскохорватского языка не отмечают фразеологизм *бели бог*, хотя он известен в некоторых шумадийских и восточно-сербских говорах. Миленко Филипович свидетельствует, что в Такове «очень часто слышатся выражения “не види ни белог бога”, “Како не видосте белог бога?”» и т. п. (Филиповић, 1951, 208—209), а в зоне Сврлига (вост. Сербия) о беспокойном, нервном ребенке говорят: «од њега нема бели бог», что, вероятно, должно означать «от него нет покоя». Ср. болг. «Нѣмам си бѣла бога от тоя човек».

Судя по всему, словосочетание *бели бог*, *бел бог* представляет собой редкий архаизм, который к тому же из-за недостаточной изученности славянской диалектной фразеологии еще плохо зафиксирован и никак не истолкован. Тем не менее, даже наличествующие материалы, из которых можно видеть соотношение разных эпитетов, относящихся к *земле*, и, что не менее существенно, — географическую привязанность этих эпитетов, — позволяют предположить, что в славянской традиции *белый бог* противопоставлялся *черной земле*, а не *черному богу*. *Черного бога* упоминает немецкий хронист XII века — Гельмольд, описывавший в основном жизнь и историю поморских (балтийских) славян. В 52-й главе его «Хроники славян», озаглавленной «Об обычаях славян», сообщается, что «есть у славян удивительное заблуждение. А именно: во время пиров и возлияний они пускают круговую жертвенную чашу, произнося при этом, не скажу благословения, а скорее заклинания от имени богов, а именно доброго бога и злого, считая, что все преуспевания добрым, а все несчастья злым богом направляются.

Поэтому злого бога они на своем языке называют дьяволом, или *чернобогом*, то есть черным богом» (Гельмольд, 1963, 129–130). По мнению В. В. Иванова и В. Н. Топорова, «на основе этого противопоставления реконструируется пара *Белобог — Чернобог*, воплощение противопоставлений “счастье — несчастье, белый — черный” и т. д.» (МНМ II, 625). Такую реконструкцию можно считать достаточно смелой и в той же степени ненадежной. Пара *черный — белый* не обязательна во всех случаях, и можно привести много примеров, когда наличествует лишь один компонент этой пары. Так, в бассейне Днестра есть *Чёрна Розтока* и просто *Розтока*, но нет «белой» Розтоки, в бассейне южного Буга есть *Чёрна Руда* и просто *Руда*, но также нет «белой» Руды, но в бассейне Прута есть и *Чорний Черемош*, и *Білий Черемош*, и просто *Черемош*, и т. д. (СГУ, 54, 603, 612–613). Число подобных примеров, и притом из различных областей народной культуры и языка, можно значительно умножить. К тому же у Гельмольда слово *Zcerneboch* употреблено как толкование слова *Diabol*: «ideo etiam malum deum sua lingua *Diabol* sive *Zcerneboch* i. e. nigrumdeum appellantes». М. Р. Фасмер в своем этимологическом словаре в статье о слове *чёрт* напоминает: «эвфемистической заменой слова *чёрт* является *чёрный*» и ссылается при этом на Д. К. Зеленина. Тут же он добавляет, что *черным словом* называется у русских ругательство с упоминанием имени черта. Название черта — *цорный*, *черный* характерно для севернорусской традиции. Ср. также болг. диал. *черен като дявол*; словац. *čierny ako čert*.

Еще в начале нашего века В. Неринг высказал суждение, что название *Bělobogъ* — литературного, сочинительного происхождения, так же как и название двух лужицких гор *Černoboh* и *Běloboh*. Этой же точки зрения придерживался три десятилетия спустя и П. Недо, исследовавший упомянутые лужицкие топонимы и считавший их продуктом романтических настроений минувшего XIX века (Nedo, 1963/64). Безусловно, такой же данью славянскому патристическому романтизму можно считать приведенные Г. С. Раковским названия богов *Бѣлъ Богъ* или *Беліа*, *Белинъ* и *Чърны Богъ* или *Чърнило* в его журнале «Българска старина», т. I (Букурец, 1865, с. 23). Эти названия не обнаруживаются ни в болгарском фольклоре, ни в болгарских диалектологических записях и словарях.

И все же в зоне, где когда-то обитали балтийские славяне, у кашубов, известный собиратель кашубского лексического богатства Бернард Сыхта зафиксировал слово *čårni bøk*, уменш. *čårni bøk* — дословно 'черный бог', 'черный божок', означающее 'вид овода, черного овода, которому кашубы приписывают демоническую силу' (Sychta, I, 150).

Остается еще напомнить хорошо известный факт, что на пути из Москвы в Троице-Сергиеву Лавру, приблизительно в 15-ти верстах от столицы, было урочище *Белые Боги*. «Нельзя ли видеть в этом названии следы финского мировосприятия?» — задает вопрос Генрих Ловмянский и не дает на него ответа (Łowmiański, 1979, 189). Для того чтобы получить ответ, нужно провести отдельное и специальное исследование.

Наконец, любопытно привести верхнелужицкий фразеологизм *čerta běleho barbić* — дословно 'черта белого красить' со значением 'тщетно делать что-либо' (Ивченко, 1988, 79). Не потомок ли это поморского незафиксированного Белобога? И на этот вопрос скорого и односложного ответа нет. Нужно учитывать, что, по словам Гельмольда, *Zcerneboch* упоминался в здравице «во время пиров и возлияний» (in conviviis et compotationibus). А в такой ситуации возможно всякое.

О болгарско- и македонско-русских изолексах. I

Вопрос о болгарско- и македонско-инославянских лексических соответствиях еще не ставился во всем объеме с привлечением значительного материала и установлением определенной методологии. Были отдельные опыты сопоставления словарного состава болгарского и русского литературных языков (Дылевский, 1958 и др.), сопоставления болгарско-македонской и старославянской лексики (Цонев, 1915), которое повлекло за собой подобный сопоставительный анализ сербскохорватско-македонско-старославянский (Кульбакин, 1930) и русско-старославянский (Львов, 1954). В трех последних случаях авторы обращались к диалектным источникам. Диалектная лексика была основным материалом при рассмотрении ряда архаических болгарско-литовских (Иллич-Свитыч, 1962) и болгарско-македонско-сербскохорватско-словенских изолексов «латерального» характера (Gavazzi, 1936; Bratanić, 1951; Толстой, 1962, 1965, 1972а). Одно из первых исследований такого рода принадлежит И. Лекову (1933), рассмотревшему отдельные болгарско-западнославянские и болгарско-русские соответствия. Интересны наблюдения Г. Клепиковой (1970), Хр. Василева (1967) и др. Особую ценность имеют белорусско-болгарско-македонские параллели, выявленные Г. Цыхуном (1974). Несколько сходжений такого рода было отмечено в работе Толстой, 1971.

Приводимый нами материал дополняет имеющийся список соответствий и несколько расширяет аспекты исследования русско-болгарских и русско-македонских изолексов.

Нахлбуча и несов. *нахлбучвам*, прич. *нахлбучен* 'нахлобучить, натянуть шапку (головной убор) глубоко на голову' — Нахлбочил си шапката да му се скриле ушите (тетевенск. — Стойчев, 1915). Ср. также тетевенск. *исхлбуча*, *исхлбучвам*, *исхлбучвам са* 'накрениться на один бок, выпятить другой' (Стойчев, 1915) (Ф., Мл.¹ — нет). Русск.

¹ Принятые сокращения:

Ф. — Фасмер, I–IV; Мл. — Младенов, 1941. Болгарский и маке-

наклобучить (Даль), вероятно, вторично возникшее народно-этимологическим путем. Слово требует подробного этимологического анализа. Ср. русск. *нахлобучить*.

Наз'уз'укам са и несов. *наз'уз'укам са* 'напиваться, упиваться до забытья и полусознания' — *Наз'уз'укал са*, та не види бело пц'е (тетевенск. — Стойчев, 1915); *seséкам* 'дрожать от холода' — *Спáх на нивата*, ама цáла нош сам *seseкал* (орханийск); *seséка* 'дрожать от холода' (макед.); *зизéкам* 'то же' (родопск.) (Ф., Мл. нет). Ср. русск. *зюзя*, *назюжкаться* и т. п. Подробнее см. Мокиенко, 1973.

Околéа и несов. *око́лвам*, *окол'авам* 'стать прямым и неподвижным, как кол' — *Да окол'е́еш на м'ástото си!* (проклятие) (тетевенск.) Ф., Мл. — нет. Ср. русск. *околеть* (Околеть тебе на месте!)

В приведенных примерах интересно полное соответствие в плане префиксально-суффиксальном и семантическом (при возможности, однако, в русском языке и других значений для слова *околеть*).

Отметим ряд бессуффиксальных глаголов.

Баю́кам 'говорить тихо и монотонно' — Не баю́кай така́ думай по-ярко, да чуем и ние (разложск.). Ф., Мл. — нет. Семантика *баю́кам* укрепляет предположение Брандта о связи русских форм *баю́кать* с *баять* 'говорить'. Аналогично в болгарском и македонском.

Бълтаа съ 'суетиться, неумело работать' (троянск.). Ф. дает лишь укр. и польск. параллели без возвратной формы и с иной семантикой. В SP пример отсутствует. Мл. — нет. Ср. брезнишк. *бълтам* 'бродить, скитаться', а также 'говорить вздор' (БЕР).

Рúхне 'ослабеть, ослабнуть, потерять силу' (струмицк.). Ф. — нет. Ф. дает в ином значении западн. и восточн. славянск. **ruxъ* 'движение'. Ср. с к болг. *рúкна* 'хлынуть' (Мл.), макед. *рукне* 'то же'.

Кучин'асвѣм 'коченеть, замерзать' (поповск.). Ф., Мл. — нет.

донский материал извлечен из СбНУ XXXI, XXXVIII, XLII, XLIII, Сб. БАН XXXIV, ВД I, IV, V, ИИБЕ IV, Димитров, 1912, Пеев, 1968. Он относится к тетевенским, родопским, смолянским (ах-челебийским), самоковским, дупницким, разложским (банским), струмичским, дебрским говорам.

Хорошо известный русский материал в целях экономии места не приводится. Толкования, данные в источниках, переводятся на русский язык.

Чкаја 'трогать; беспокоить, задирать'. Обычно только с отрицанием: *не го чкаја* — Нёчкај го ов'арет! (дебрск.). Ф., Мл. — нет. Ср. русск. диал. *не чкни!*, *чкать*, *чкнуть* у Ф. и Даля.

Шикам 'гнать птиц', 'сильно качать'. Ф., Мл. — нет. Ср. рус. диал. *шигать* 'отпугивать птиц'. Ф. приводит и польск. *sykać* 'шипеть'.

Ряд глаголов может быть выделен на основе семантических и суффиксальных соответствий, хотя глаголы того же корня с несколько иной суффиксацией и значением и прежде отмечались в этимологических исследованиях как истонно родственные.

Брёкнува 'внезапно начинать течь, хлынуть' — Вода брёкна от тоа дупка (разложск.). У Мл. в значении 'кричать брё'. Ф. — нет. Ф. приводит другие формы и значения: болг. *брънча* 'жужжать' и близкие с.-хорв., др.-чешск., польск. или приставочные формы со значением 'наливаться'. Ср. псковск., смоленск. *бръкнуть* 'пропитаться влагой' (неполное семантическое соответствие).

Шавре 'слоняться, ходить туда-сюда' (струмицк.). Ф. — нет. Ср. болг. литер. *шавам* 'шевелиться', 'волноваться', 'распутничать', русск. ярославск. *шаварить* 'шаркать ногами, идти волоча ноги', петрозаводск. *шавать* 'тихо красться, осторожно двигаться'. Ср. ст.-сл. *ошати* 'убрать, устранить'. Ср. в качестве словообразовательной параллели русск. диал. (арханг. и тверск.) *букать* и *букарить* 'громко мычать'. Поэтому необязательно предполагать, как это делал Фасмер, утраченное звено *шаварь*.

Несомненный интерес представляют изолексы существительных, среди которых также в первую очередь любопытны не только корневые, но и префиксально-суффиксальные соответствия.

Оплеуха 'пощечина' — Ще ти дам една оплеуха... (тетевенск.). Ф., Мл. — нет.

Пригбръшта 'горсть, пригоршня' (смолянск.). Ф., Мл. — нет.

Обриф 'обрыв' (тетевенск.). Ф., Мл. — нет.

Сркли пренебреж. 'глаза' — Отвори си срклите да видиш (орханийск. *зъркали* иронич. 'глаза' — Отварей си зъркалите! (странджанск.). Ср. русск. просторечн. *зыркалы* 'то же'. Ф., Мл. — нет.

Дѣшло и *дѣшла* ср. и ж. р. 'часть телеги' (самоковск.) Ф., Мл. — нет. Германизм, известный, кроме русского, в украинск. и польск.

Бушник 'пшеничный хлеб с дрожжами' (струмицк.). Ф., Мл. — нет. Можно сопоставить с русск. *буханок*. Этимологию подробнее см. Толстой, 1972б.

Икра мн. *ѣкри* 'жирные пятна, кружочки, появляющиеся в воде при варке мяса' — Фного *дебѣла кокѣшка вѣре* — *виш какви са ѣкри ф тендужурѣта* (разложск.). У Ф. нет этого примера, хотя пример дает возможность сблизить *икра* II 'икра ноги' и *икра* III 'льдина' через общий момент 'ком', как и полагал Брюкнер (сюда же и *икра* I 'икра') (Brückner, 1957).

Кѣзла 'деревянная опора пешеходного моста' (тетевенск.). Ф., Мл. — нет. Ср. русск. просторечн. и XVIII в. *кѣзла* (ССРЛЯ). Примеры ставят под сомнение заимствование из польск. *koziol*.

Отдельные прилагательные и наречия:

Разлѣт 'мелкий (о посуде)' (шуменск., орханийск., троянск., поповск.). Ф., Мл. — нет. Подробнее Цыхун, 1974.

Нѣрок суц. 'настраивание общественного мнения против кого-л. и создание убеждения, что он способен делать только зло' — *Пѣзи Бѣже от нѣрок; об'ѣсват чил'ак на прѣва Бѣга* (тетевенск.). Ср. тетевенск. *нарочвам*. Ср. также *нарѣк*, употребленное с предлогом *на* в качестве наречия во фразеологизме *зѣмам на нарѣк* (разложск.) — *Дѣскалѣ-ме е зѣл на нарѣк, та сѣ двѣйки ми писѣва; ср. разложск. нарочувам* 'брать на прицел, преследовать'. Ср. русск. *ненароком*, архангельск. *невнарѣк* 'нечаянно' и т. п. Ф., Мл. — нет. Трубачев дополняет словацк. *nárokom*.

Наѣскос 'косо' (тетевенск.). Ф., Мл. — нет. Интересно соответствие с русской формой, имеющей также двойную приставку. Ср. русск. *наизнанку, наизусть, наизготовку*. Ср. тетевенск. *наисплех* 'полуплашмя'.

Еле-фѣле 'кое-как, еле-еле' — *Еле-фѣле ожнѣйме нѣвата. Оздравѣ^а и той эле-фѣле. Кажѣ и той эле-фѣле нѣ^аколко дѣми* (разложск.). Ф., Мл. — нет.

В наше рассмотрение не входили слова типа *избѣток* 'изобилие', 'излишек' — *Жѣто имѣме ѣзбиток* (дупнишк.), в котором церковнославянская форма, принятая в русском литературном языке, создает соответствие, или слова типа *д'ѣвам съ* 'деваться' — *Дѣ шѣ съ д'ѣвѣш?* (троянск.), в кото-

рых обнаруживается достаточно яркая семантическая связь с русск. *деваться* (ср. также дупнишк. *ódена, одéвам* 'одеть, одевать' — Пóбрже *ódени* децáта д'йдеме на жетва — с одинаковой префиксальной формой; о болг. диал. *дод'áвам* см. Цыхун, 1974), или орханийск. *осáда са* 'растянуть себе сухожилие при нагибании' — Кáто жáнех осáдих са (ср. русск. *осадина*, просторечн. *садануться*), странджанск. *брéхномам* 'ронять слова не к месту', родопск. *брéхам, брéхнам* 'бранить' (слово с семемой 'лаять', имеющее параллель во многих славянских языках и корреспондирующее с русским арханг. *брехать* 'говорить; высказывать что-либо откровенно, напрямик', тверск. *брехáть* 'говорить неуместное', самарск. *брехáть* 'брюзжать').

Нельзя не отметить, что большинство из рассмотренных глаголов экспрессивного характера. Того же плана и примеры из говора г. Банско: *нарежáл се, натрескáл се, нализáл се* 'напился' (ср. поповск. *натр'áсквзм сз* 'то же'). Македонский литературный язык богат подобного рода соответствиями с русским языком. Следует отметить, однако, что в предложенном списке даны слова, отсутствующие в болгарском (как правило, и в македонском) литературном языке и по большей части неизвестные в других южнославянских языках (в значительной мере и в языках западнославянских).

Список слов далеко не отражает всего материала. Он лишь свидетельствует о еще не использованных возможностях исследования и о благодатности темы. Тема, отмеченная в заглавии, важна и для исторической лексикологии. Так, например, существенна фиксация слова *стригол^b* 'коротко остриженный ребенок с жесткими волосами', переносно 'поросенок с острой щетиной' (Кой е напρίл Вáнчо такóф стригóл^b?) в разложском (банском) говоре, дающая инославянское соответствие русскому диал. олонец. *стригульник*, которое так же, как и псковск.-новгородск. историч. *стригольникъ*, может быть и книжного происхождения.

О болгарско- и македонско-русских изолексах. II

Как и в предыдущей статье, приводим почти исключительно диалектный, отличный от литературного болгарский материал, который имеет соответствие в русском литературном языке и диалектах, а также иногда в других славянских языках, в первую очередь — восточнославянских.

Слова даются в такой последовательности: глаголы, существительные, наречия, идиомы. Приставочные формы приводятся до бесприставочных, т. к. интерес представляют и префиксальные корреспонденции.

Ужѣдам несов. 'ждать с нетерпением, очень хотеть' (пирдопск.), *ужѣдѣм* несов. 'ждать' (еленск.), *ожѣдам* несов. 'ждать' (горнопольск.) — И тоа ужѣда за баница (пирдопск.). Майка ти тѣ ужѣда фчѣра ц'ал дѣн (еленск.). Испратѣла син войник, сѣ го ожѣда (горнопольск.). Ср. разложск. *ожѣдам* 'ждать' — Кравата ожѣда за сѣ^ано. Ср. также словенск. *ždēti* наряду с литерат. *čakati*, др.-чешск. *ždāti*, диал. польск. *ždać*, наряду с литерат. *czekać*, кашуб. *ždac* и *čekac*. Ср. русск. *ожидать*, *ждать*, укр. *ждати* наряду с *чекати*, *очікувати*, белор. *ждаць* и *чакаць*. *Ожидам* отмечено в юго-западных и балканских болгарских говорах, притом формы **жда* нигде не зафиксированы. (Ф.¹ — нет).

Запунавѣем сов. 'стать хилым, болезненным'. Бѣлно е нѣшто, запунавѣ детѣто, не го бѣва (горнопольск.). Ср. русск. *опунеть*. (Ф., Мл. — нет).

Кѣквѣм несов. *кѣкнѣ* сов. I. 'бить, забивать предмет', 'колоть острым предметом' — Кѣквѣм нѣж у мѣсата; 2. 'сажать' — Кѣкнѣх и мѣлку бусѣл'ѣх (еленск.). Ср. русск. *кокнуть*, *раскокать* 'разбить' (Ф., Мл. — нет).

Дрѣгнѣ 'чесать' (троянск.) (Ф., Мл. — нет). Ср. русск. *дрыгать*, польск. *drygać* 'вздрагивать, подпрыгивать'. Для понимания семантики 'чесать' напомним, что шерсть, коноплю чесали особым способом. Болгарская лексема передает предполагавшуюся Я. Отрембским форму **dręgati*, контамилирующуюся с **dygati*. См. Ф.

¹ Сокращения: Ф. — Фасмер, I–IV; Мл. — Младенов, 1941.

Тѣркам несов. *тирнѣ съ* сов. 'рассыпаться', «растыркать-ся». Уфцете съ *тирнѣхъ* пу *пул'анатъ* (еленск.). Ср. русск. *тѣркать* 'трогать, двигать', *тѣркнуть* 'сунуть'. (Ф., Мл. — нет). Сербск. *тѣрати* 'бить' со ступенью редукции *tѣrk-*, как и болгарск. *тѣркам*, *тѣркна* 'тереть, мешать', словен. *tѣrkati* 'стучать, толкать', чешск. *trkati* 'толкать', лужицк. *storkaś* и *starkaś* 'толкать', польск. *stark* 'толчок'. См. Ф. русск. *торкать*, *торкнуть*.

Брѣнцам несов. 'хныкать'. Стѣга си брѣнца́ла ма́ри! (родопск.). Ср. русск. *бренчать*, чешск. *brnčeti*, *břinčeti* (Ф. — нет, Мл. — есть).

Ряд соответствий основан более на семантических моментах, чем на формальных, т. к. корень (лексема) распространен во многих славянских языках.

Майѣ съ 'проводить время' (? — Н. Т.). *Майѣ съ* ис кѣшти ду плáдн'а. Кѣд'а съ майѣ, чи чак сигá ѣдиш, брѣ (казанлыкск.). Ср. русск. *маяться*. У Ф. для болгарск. *мая* другое значение — 'затягиваю, нарушаю'. (Мл. — есть.).

Мотѣм съ 'ходить туда-сюда без дела' (еленск.). Ср. русск. *мотаться* (но «по делам»!).

Мутайѣ съ и *мотѣм съ* несов. 'непрерывно находиться в движении, ничего не делая'. Кѣ съ мутайш кѣт прѣнн'а в гáште? (хасков.). Ср. русск. *мотаться*.

Девам се несов. 'ходить неизвестно где' (софийск.); *д'авам съ* 'деваться'. Дѣ шѣ съ д'áвѣш (троянск.). Ср. русск. *деваться*, *деться* (исходное *деть*).

Из существительных приведем:

Ублѣжник м. 'тихий продолжительный дождь' (еленск.). Ср. русск. *обложной дождь*. Также *облѣжник* 'дождь при небе, обложенном тучами' с. Нова Камена, Добруджа (Koseska, 1972).

Охѣта ж. 'желание'. Без охѣта не ти се рабѣти (горнопольск.). Ср. русск. *охота*. (Мл. — есть).

Нижу́т м. 'нагноение у венцов зубов, зубная болезнь' (троян.). Ср. русск. *нежид* 'дурной гной от раны или язвы, сукровица' (Даль. У Даля же предположительная этимология «не жить?»). (Мл. — есть). Также болгарск. *нежу́т* 'злой дух, причиняющий болезнь' у Ст. Загорчинова (ПРОДД), русск. *нежить* 'особый разряд духов' (Даль).

Дразги мн. 'ссоры'. Дразги коку са́каш (горнопольск.). Ср. русск. *дрязги*. Характерно, что и болг., и русск. слово

встречается только в форме *pluralia tantum*. Разделение у Ф. на *дразг* I 'ссоры' и *дразг* II 'бурелом' едва ли обосновано.

Уйм м. 'количество, которым оплачивается в натуре выполненная работа'. *Зъ млѣн'и нъ жѣтуту уг'ѣнцѣтъ зѣма двѣ на сто ѱйм.* (еленск.). Прямое и полное соответствие находим в сербск. *ѱјам* 'плата мельнику за помол (обычно в натуре)'. Русское соответствие с измененной семантикой *ѱйма* 'много'. (Ф., Мл. — нет).

Бѣлтѱн' м. 'болтун' (гюмюрджинск.). См. *бѣлтаа съ* в моем прошлом этюде (наст. изд., с. 281). Ср. русск. *болтун*. (Ф., Мл. — нет).

Гагѱл'ка ж. 1. 'небольшое возвышение на огороде, в поле, на лугу', 2. 'кусочек сырого невымешенного теста, комок' (родопск.). Ср. русск. *загогулька*. (Ф., Мл. — нет).

Дѱл, дѱлица ж. 'морда животного' (софийск.), *дѱлица* 1. 'рыло', 2. 'шейка кувшина' (горнопольск.). Ср. русск. *дѱла* 'кукиш'. Семантическое соответствие нечеткое. Ср. также русск. *дѱльчатый* 'округлый и продолговатый, с пережabinой и более толстым концом' (Даль). (Мл. — есть).

Из наречий:

Сѣтѣки 'все же'. *Сѣтѣки ни съ убѣи тѣкѣвъ ми ти рѣбути* (поповск.). Ср. русск. *всѣ-таки*.

Незамѣтно 'неожиданно' (? — Н. Т.). *Вратѣта се отвори незамѣтно* (родопск.). Судя по контексту, значение может быть иным — близким к русскому или идентичным. Ср. русск. *незамѣтно*.

Из фразеологии:

Кѣмиѱк Тудѣръз иронич. о высокой рослой женщине. Ср. русск. *Велика Федура, да дура* (при начальном: *Мал золотник, да дорог*). Число корреспондирующих фразеологизмов можно было бы увеличить во сто крат.

В наше рассмотрение, как и в прошлый раз, не вошли слова, которые характеризуют так называемую «латеральную» славяно-балканскую зону и известны и в русском (в восточнославянских), и в западнославянских языках. В южнославянских языках они зафиксированы в болгарских диалектах и в словенском языке: болг. *жѣрдѣ* 'жердь' (гюмюрджинск.), словен. *žrd*, русск. *жердь*; болг. *дѣрън, дѣран* (родопск.), словен. *dŕn* 'дерн', русск. *дѣрн*; болг. *кучин'асѣзм* 'коченеть' (поповск.), словен. *skočánjiti se* 'затвердеть', русск. *коченеть*; болг. *зѣрцѣло* 'зеркало' (родопск.), словен. *zrcálo* 'зеркало', русск. *зерцало* (из церковнославянск. ?);

болг. *танѡр*, *тунѡр* (родопск., еленск., троянск.), словен. *topor*, русск. *топор* и т. п. Вне внимания пока остаются и диалектизмы-«семинаризмы» типа *нахалус* — *нахалус чил'ак* 'несерьезный человек' (еленск.). Ср. русск. *нахал*.

Некоторые из приведенных слов встречаются в произведениях болгарских писателей. Таковы: *ожідам* (у А. Каралийчева, З. Среброва, Н. Марангозова), *тірна се* (у М. Ягодова), *облѡжник* (у Ем. Станева, Д. Симидова), *нежіт* (у Ст. Загорчинова), *незамётно* (у З. Стоянова и М. Дринова), согласно словарю РРОДД.

Материал извлечен из БД II, IV.V, VII, СбНУ XLVIII, из рукописного словаря говора края Горно Поле (юго-зап. Болгария) Н. Котовой и книги В. Косеской (Koseska, 1972).

Приведенные соответствия дополняют уже известные списки лексем. Важно также, что они относятся к разным районам Болгарии — к Родопам, к западным, центральным (балканским) и иным зонам.

Лексические балтизмы в белорусском языке (Ответы на вопросы анкеты)

Проблема «Лексические балтизмы в белорусском языке» не может решаться исключительно на белорусском (диалектном и литературном) материале, подобно тому как ни одна белорусская (resp. сербская, словацкая и т. п.) этимология не может устанавливаться только в границах белорусского (resp. сербского, словацкого и т. п.) языка, если ареал слова шире этих границ. Когда речь идет о так называемой «иноязычной» лексике, этот момент приобретает особое, принципиальное значение. Поэтому проблему следовало бы формулировать как «Лексические балтизмы в восточнославянских диалектах», учитывая, что белорусская территория окажется центральной и наиболее насыщенной балтизмами. Исследование балтийской лексики в восточнославянском ареале (а также и в польском) следует вести прежде всего методом лингвистической географии не только по той причине, что любое современное этимологическое и семасиологическое разыскание (исключая специфически литературную лексику) требует географического аспекта, но главным образом потому, что в плане поставленной проблемы географический аспект во многих случаях окажется решающим и для определения хронологии заимствования или балтийского реликта (к терминам «заимствование» и «проникновение» следует добавить принципиально важный термин — местный «реликт»), и для установления последовательности семантического развития слова на разных территориях, и для определения зон максимальной густоты и рассеивания (разреженности) балтизмов в исследуемом восточнославянском ареале.

Чрезвычайно важно выяснить соотношение лексических изоглосс с изоглоссами топонимическими и изопрагмами этнографическими (типы лаптей, жилища, одежды и т. п.). Однако работа по изучению лексики может начаться и вестись независимо от топонимических и этнографических задач (как и предлагают авторы анкеты), что предохранит во многом от ряда заранее установленных схем и предпосылок.

Последовательность работы мне представляется такой: а) составить алфавитный список восточнославянских балтизмов независимо от их хронологии, ареала и достоверности их балтийского происхождения на основании уже имеющихся работ К. Буги, А. Сабаляускаса, Е. Ф. Карского, А. И. Соболевского, А. П. Непокупного и др. (с указанием автора труда), б) проверить список по имеющимся диалектным словарям и картотекам (восточнославянским, а затем литовским и латышским, а также польским) с целью выяснения хотя бы приблизительной зоны распространения слов, в) составить вопросник для будущего Атласа восточнославянских балтизмов (даже если работа в конечном итоге не будет иметь вид атласа).

Вопросник может распадаться на несколько частей, например, на три или четыре части по зонам — малой, средней и максимальной. Малая зона — широкая пограничная с современным балтийским диалектным континуумом полоса (включая зону польских говоров), средняя зона — Белоруссия, север Украины, Брянщина, южная Псковщина, максимальная зона — средняя зона плюс часть центральной Украины, Смоленщина, Орловщина, Курщина, Тульско-Калужская область, Рязанщина, Псковско-Новгородско-Тверская и Олонецко-Архангельская области. Русский Север, как зона новгородско-псковской колонизации, может быть обследован дополнительно на последнем этапе работы.

При этом выделятся а) балтизмы пограничные, вероятно, поздние, зафиксированные местами на самом стыке современного балтийского и славянского этноса, типа сев.-зап. белорусск. и купишкско-русс. *лунь* 'болото, топь', ср. литовск. *liūnas* 'трясина, топь', б) балтизмы с примыкающим к литовско-латышскому диалектному континууму достаточно обширным ареалом, в) балтизмы с непримыкающим ареалом. Хотя такое деление несколько условно, особый интерес представляют балтизмы с непримыкающим ареалом (типа *пéл'ка* и др.), относящиеся в большинстве случаев к реликтам, т. е. к словам субстратного происхождения.

Полная или частичная неизученность ряда территорий, недостаток исторического материала и т. п. не позволяют категорически отвечать на вопрос об определенных локальных сферах распространения балтизмов и их характере. Может выясниться, однако, что западное Полесье и западная, а отчасти и центральная Белоруссия будут сферами, не фик-

сирующими ряд балтизмов, а восточное Полесье (в том числе и украинское), восточная Белоруссия и прилегающие к ней великорусские зоны (впрочем, почти всю смоленскую зону следовало бы считать белорусской) окажутся зонами, фиксирующими их. При этом такие балтизмы, особенно — далеко «продвинувшиеся» на восток, могут оказаться западнобалтийской диалектной окраски.

Следовательно, повторяем, изоглоссы решают большинство вопросов. Вопрос № 1 «Следует ли выделять три слоя балтизмов: праславянский, правосточнославянский, собственно белорусский?» фактически является вопросом о хронологии и зависим от вопроса № 2. Заметим, что из-за близости фонетических структур балтийского и славянского (= праславянского) языков, которые можно рассматривать как две стадии одной широко понимаемой системы, говорить об общеславянских (т. е. известных всем славянским языкам) заимствованиях из балтийского крайне трудно¹: их можно предположить, но практически нелегко бесспорно определить (ср. сохранившуюся до сих пор достаточно четкую систему фонетического пересчета при заимствованиях в литовских говорах из славянских и т. п.). Именно поэтому при рассмотрении всех лексем южно- и западнославянских языков, сходных с балтийскими, пользуются лишь термином «соответствия», «параллели», а не «балтизмы», «заимствования» и т. п.² (вопрос № 6). Что касается восточнославянских балтизмов, то одним из аргументов, и притом основных, в пользу квалификации слова как балтизма является его география и прежде всего известность только в восточнославянских диалектах в несколько ограниченном ареале. Сковывать изучение балтизмов границами белорусской территории нецелесообразно, а в ряде случаев даже недопусти-

¹ В таких ярких и немногочисленных случаях (примерах), как классическ. праслав. **rǫka*, основным критерием определения заимствования из балтийского служат, как известно, широкие деривационные связи в балтийском (ср. литовск. *riñkti* и др.) плюс семантический фактор и отсутствие таковых в славянском.

² Здесь следует строго различать, является ли та или иная «параллель» только, скажем, словенско-балтийской, либо болгарско-балтийской, или она встречается и в других славянских языках (и группах). Это различие, увы, не проведено в докладе Ф. Безлая на VI съезде славистов (напр. *stuga*), где также не всегда учитывается различие в хронологии и источнике «параллели» (напр. украинск. *луста* и т. п.).

мо. Различие между условными терминами «правосточно-славянский» и «собственно белорусский» суть различия в большинстве случаев хронологические, хотя могут обнаружиться только на белорусской территории и достаточно древние балтизмы (древние реликты и заимствования).

Разграничивая понятия «реликт» и «заимствование» (или «проникновение»), мы стремимся также к разграничению балтизмов, встречающихся на территории прежнего расселения балтийских племен (ср. данные топонимики и археологии), и балтизмов, фиксируемых вне этой территории. Не следует забывать, что заимствование (проникновение) может быть не только из неродственного языка (диалекта), но и из родственного и близкородственного диалекта в диалект, другими словами, что оно может происходить и на чисто славянской почве (например, из южнорусск. брянского в орловский район и далее, из северноукраинского на юг, ср. *твань* в донских диалектах и т. п.). В связи с этим целесообразно классифицировать лексику по лексическим группам (см. вопрос № 4): одни группы слов более устойчивы и связаны с определенным этническим комплексом (или микрокомплексом), скажем, географическая терминология (возможен и выход из одной сферы терминологии в другую, и тогда степень устойчивости падает), другие — по принципу *Wörter und Sachen* — более подвижны, с большей дальностью проникновения («заимствуемости»). Ср. наиболее известные *пелька*, *олёс*, *ловж*, с одной стороны, и *жлукто*, *ендова* и т. п. — с другой (экспрессивную лексику следует во многих случаях отнести ко второй категории).

Семантическая классификация балтизмов всегда полезна (было бы побольше обнаруженных балтизмов!), но она должна быть не первичной (исходной), а подчиненной прежде всего изоглоссной и хронологической классификации (хотя, как и в большинстве лингвистических исследований не механистического типа, исследований прежде всего исторических, ряд неизвестных чаще всего расшифровывается перекрестным анализом — один план определяется на основании другого без строгой последовательности анализа планов).

Полезно различать степень надежности определения «балтизм» и вести собирание и исследование, начиная от более поздних и более бесспорных балтизмов, переходя затем к более ранним. Чисто (исключительно) семантический критерий — очень ненадежный. К так называемым семан-

тическим балтизмам (см. напр. сев.-великорусск. черепо-век. *середі́на* 'лес', приводимое Р. Эккертом, сев.-польск. *góra* 'море, удаленное от берега', приводимое А. П. Непокупным и Б. Лаумане (см. *Baltistica*, III (I), p. 63, IV (I), p. 75) нужно относиться с большой осторожностью, ибо возможны и обычны типовые (иногда универсальные), независимые друг от друга семантические сдвиги (здесь снова для решения вопроса существенна география явления). Несколько иное положение с кальками (вопрос № 10), для которых важно определение степени идиоматичности и универсальности. Например: *пошел в болото!* 'пошел к черту' трудно определить как балтизм или славизм, вернее — это общее балтийско-славянское явление. Ср. *balà žino* разгов. 'черт знает!' (небольшая коллекция подобных восточнославянских примеров дана в книге Толстой, 1969).

Для многих восточнославянских (не только белорусских!) балтизмов, безусловно, можно предположить, в качестве источника исчезнувшие балтийские диалекты (вопрос № 8), но постановка этого вопроса нам кажется пока преждевременной: материал о них (те же балтизмы и топонимы) настолько невелик, что мы не можем еще дать даже приблизительной их характеристики и опираемся в основном на имеющиеся в нашем распоряжении прусские, литовские и латышские тексты и современные литовские и в меньшей степени латышские диалекты.

Самое существенное пока — сбор материала. Изложенную выше программу-максимум (составление атласа и т. п.) следует воспринимать в данный момент не столько как конкретную цель, сколько как путь исследования, требующий избежания локальной ограниченности и заранее построенных схем и предопределений.

Отметим в заключение, что решение поставленной проблемы — задача в большей мере восточнославянских, чем балтийских диалектологов (хотя помощь последних будет всегда драгоценной).

Белорусско-украинские изолексы

(Ответы на вопросы анкеты)

Стремление авторов анкеты ограничить изучение изолексов белорусско-украинским материалом понятно прежде всего с утилитарной точки зрения. Оно вызвано опасением, что отсутствие подобного ограничения приведет к рассуждениям и к изложению фактов довольно далеких от белорусско-украинского ареала. Однако, как и в случае с определением лексических балтизмов, такое положение часто препятствует решению вопросов, предложенных в анкете. Уже в самой анкете обнаруживается противоречие, когда говорится, что «понятием белорусско-украинские изолексы обозначают лексемы, встречающиеся преимущественно на белорусской и украинской языковых территориях и не распространенные на иных славянских языковых территориях» и затем ставится вопрос (№ 5) «Какое распространение они имеют на иных смежных территориях?». Но, вероятно, без обращения к иным и притом преимущественно несмежным территориям нельзя ответить на вопрос (№ 3) «Какие общие для белорусского и украинского языка лексемы можно считать а) славянскими архаизмами, б) славянскими диалектизмами, в) совместными (общими) инновациями?».

В общеславянском масштабе в последнее время на основании сопоставления главным образом или исключительно лексического материала было выдвинуто несколько гипотез и построений о древнем взаимном соотношении праславянских диалектов. Так, в результате учета довольно значительного списка лексем (требующего, правда, некоторой ревизии) объединялись западные и восточные славяне в «севернославянскую» группу и противопоставлялись славянам южным (Филин, 1962), относительно небольшой перечень (более 10 лексем) южнославянско- (преимущественно болгаромакедонско-) балтийских соответствий побудил некоторых исследователей помещать праболгарский славянский диалект где-то (на севере?) между основной массой прабалтийского и праславянского населения (Иллич-Свитыч, 1962, Бернштейн, 1961, дополнения — около 10 лексем: Труба-

чев, 1963). В последнее время целый ряд словенско-балтийских соответствий выявил Ф. Безлай (Bezljaj, 1967, 1968, 1970), которому принадлежат и наблюдения над многочисленными словенско-восточнославянскими параллелями (1967, 1969, 1970). Наконец, несколько серболужицко-сербскохорватских и ряд нижнелужицко-белорусско-украинских изолекс внушил другим ученым мысль о близости серболужицкого к сербскохорватскому и к южной группе восточнославянского (при довольно значительном удалении от прапольских, прапоморских, праполабских и прачешских) на праславянской диалектной карте начала нашей эры (Трубачев, 1963). Все эти опыты установления праславянских изоглосс на основе лексического материала плодотворны, но выводы из них о праславянском диалектном ландшафте несколько преждевременны. Изоглоссы фонетические для позднего периода праславянского языка следует по-прежнему считать максимально релевантными (см. недавнее обращение к ним археолога Е. Налепы (Nalepa, 1968), вторыми по степени релевантности следует признать изоглоссы топонимические (прежде всего — гидронимические). Весьма показательны словообразовательные изоглоссы давней поры, которым справедливо уделяет серьезное внимание О. Н. Трубачев (1963). Однако такие изоглоссы могут и должны выделяться не только по признаку вообще наличия или отсутствия того или иного словообразовательного форманта (суффикса и т. п.) на отдельных территориях, но и по принципу установления дистрибуции словообразовательных формантов (суффиксов) внутри замкнутого семантического поля. Иными словами, и для определения достаточно древнего состояния важно оперировать не только атомарными изоглоссами, но и изоглоссами структурными (дистрибуционными). Изоглоссы последнего вида нередко признаются наиболее релевантными и типическими (т. е. выделяющими тип) в исследованиях этнографических и археологических (например, положение построек по отношению друг к другу внутри двора, положение печи внутри избы и т. п.). Прделанная мною недавно работа над исследованием суффиксов, сочетающихся с названиями деревьев, показала неоднородность не только Полесья, но и всего славянского мира в отношении дистрибуции суффикса *-ina* (единичность — множество деревьев и др.; см. Толстой, 1966, с. 70–100 наст. изд.) и довольно четкую связь западного

Полесья с изоглоссной полосой, идущей на запад — чешско-словацко-словенской, имеющей соответствия в кашубской и лужицкой зоне. В западном Полесье, например, ощущается «зарождение» форм с ⁺-*ъje*, сочетающихся с названиями деревьев, а в сербскохорватском и болгарском их «затухание», в то время как ярче всего они представлены в словацком и чешском.

Даже применительно к вопросам реконструкции праславянского языка, не говоря уже о задачах определения позднейшего состояния, важно оперировать более мелкими современными территориальными единицами (зонами), чем область распространения одного языка. Некоторый прогресс в этом направлении достигнут Трубачевым (1963), разделившим «правосточнославянские» на «северную» и «южную» группу¹ (ср. более ранние попытки Смаль-Стоцкого (Smal-Stoćkyj, Gartner, 1913 и др.). Здесь, однако, не совсем ясен статус некоторых белорусских и южновеликорусских диалектов. Максимальный интерес для славистов в настоящее время представляют всё же лексические изоглоссы, проходящие в н у т р и отдельных славянских языков (внутри одного, или, что еще важнее, ряда языков). Так, бесспорно, весьма показательны во многих отношениях так называемые латеральные и центральная зоны балканославянского ареала (Bratanić, 1951, Толстой, 1962, 1965), хотя они все же не дают основания для новой классификации южнославянских языков (Brozović, 1969). Их значение рано преувеличивать. Подобный «латеральный» довольно широкий пояс начинает выделяться на восточнославянской языковой территории в результате ряда лексикологических (и фонетических) исследований. Он идет от Карпат к северу через Волынь, Полесье, Западную Белоруссию, Псковщину, Новгородчину на русский Север. Изоглоссы эти нередко носят прерывистый характер, что свидетельствует скорее об их древности, чем наоборот. Этот восточнославянский пояс связан рядом изоглосс с южно- и западнославянским миром.

Для решения вопроса белорусско-украинских изолексов существенно выявить архаизмы и праславянские диалектизмы, равно как и совместные инновации, но не менее, веро-

¹ Несколько странной является терминология для объединенных в одном квадрате «прасловенских», «прахорватских», «прасербских» диалектов (Трубачев, 1963). С бóльшим основанием можно говорить о прасловенско-кайкавских, праचाкавских, праштокавских диалектах.

ятно, важно иметь ясное представление о белорусско-украинских лексемах, связанных с отдельными южно-, западно- и восточнославянскими зонами. Несомненно, например, показательно, что слово ⁺*snaga* 'сила', 'усилие', 'умение, смекалка', 'выгода, успех' известно украинским, белорусским, великорусским новгородским (отсюда и владимирским?) говорам (Строгова, 1970), помимо южно- и западнославянских. В значительной части великорусских говоров слово ⁺*snaga* неизвестно. Неизвестно оно и в ряде украинских и белорусских диалектов (каких?). До сих пор исследователи слишком мало внимания уделяли показателям отсутствия, опасаясь ошибок и неточностей, а между тем они подчас существеннее, чем показатели присутствия лексемы (или семемы). Трудность установления отсутствия в том, что оно требует сплошного (обычно лингвогеографического) обследования. В тех случаях, когда такое установление произведено, наблюдается поучительная и любопытная картина (см. карту № 337 *ляда* в Белорусском атласе 1963 г. [ДАБМ], карту № 385, 386 *bór* в Келецком атласе К. Дейны [Dejna, 1964] и др.), объясняющая резкое различие в значении слов и т. п.

Задаче установления изоглоссных (изолексных) областей и ареалов в общеславянском масштабе не должна противоречить задача выявления отдельных островных архаических зон, значительно изолированных друг от друга. Острова архаики могут быть противопоставлены сферам инноваций со многими вытекающими отсюда выводами в духе неолингвистической школы, но и с критическими поправками, высказанными в последнее время в адрес последователей Бонфанте.

В современной Славии зоны островной архаики могут быть обнаружены в Словении, в чакавском Приморье (северная Адриатика и прилегающие области), Черногории, южной Македонии, Родопах, Кашубии, на Карпатах (захватывающих западно- и восточнославянскую территорию), в Полесье (учитывая белорусскую, украинскую и великорусскую его часть), на русском Севере. Это не означает, что другие пределы лишены архаических явлений и некоторых относительно замкнутых лингвистических микрозон. Характерно, что зоны архаики сохраняют часто не только реликтовые лексемы, но и реликтовые семемы (равно как и структуру микрополя), хотя, как мною уже отмечалось неоднократно, семантические показатели в большинстве своем

относятся к малонадежным. Однако, в тех случаях, когда они повторяются последовательно в ряде изолированных архаических зон, ценность и достоверность их показания увеличивается. Ср. **kraĭ* 'берег' в зап. Полесье, чакавском Приморье, на Охридском озере в Македонии, на Церкленском озере в Словении, в Кашубии (подробнее Толстой, 1969). Наличие лексемы (или семемы) в одной из изолированных архаических зон, значительно удаленной от основного массива распространения лексемы (слова), — надежное свидетельство древности и праславянского (возможно и диалектно-праславянского) ее происхождения. Это положение не следует возводить в абсолют. Но все же, если, например, ограничиваться указанием М. Фасмера, что *забыть* известно в русском и старопольском *-zabywać* (из *za-byti, bywati*), и примечанием Трубачева об украинском *забути* (см. русск. изд. словаря Фасмера, т. II, 1967), учитывая к тому же белорусск. *забыць*, то можно предположить, что **zabyti* было восточнославянским локализмом (может быть, даже инновацией), охватывающим часть польского ареала, если не полагать, что польское из восточнославянского. Но уже учет малоизвестного чакавск. *zabīt* и словенск. *pozábiti* совершенно меняет взгляд на хронологию и географию слова, исключая возможность предположения об относительной его новизне.

В этой связи вспоминаются слова В. Махека, сказанные им на Московском славистическом съезде при обсуждении этимологических проблем: «Прогресс может быть гарантирован только материалом. Если в нашем распоряжении не будет больше материала, все рассуждения ни к чему не приведут» (Махек, 1962).

Из характерных полесско-южнославянских соответствий в дополнение к списку в книге «Лексика Полесья» (нуждающемуся уже в критическом пересмотре; см. наст. изд., с. 251–257) можно привести следующие:

1. Укр.-полесск., волынск. *gēu* только мн., вульг. 'ноги' (Листвин, Полесское, Станишевка — Никончук, 1970), белорусск., глусск. *nigēlik* 'убогий, корявый, квелый, никчемный' ('замухрышка' — Н. Т.) (Янкоўскі, 1970), сербскохорватск. *gégati* 'ковылять, прихрамывать, ходить вразвалку', 'качаться, раскачиваться', болгарск. диалектн. самоковск. *gēga* 'палка', троянск. *gēga* 'то же', странджанск., ихтиманск. *gēga* 'пастушеская палка с закругленным концом для ловли овец', шуменск. *gēga* 'длинная, закругленная на кон-

це палка', 'деревянная крючкообразная защелка на двери', поморийск. *гэгичка* 'палочка'. Иначе (и, на наш взгляд, ошибочно) В. Георгиев (1960), возводящий болг. *гэга* к гипотетическому албанск. *gjegë*, объединяемому со слав. глогъ. Для объяснения белорусских фактов ценен македонский материал: македонск. *гега* 'длинная пастушеская палка', диалектн. *гегав* 'кривоногий, прихрамывающий', диалектн. *гегало* 1. 'прихрамывающий'. 2. корявый, захиревший человек' ('замухрышка' — Н. Т.), *гега (се)* 'ходить вразвалку, прихрамывать, ходить покачиваясь'. Ср. также болгарск. *гйга* 'ходуля', сербск. *гига* 'дылда' (о женщине), *гйгале* 'ходули', *гйгати се* 'ходить на ходулях', болгарск. страндж. детск. *гйга* 'палочка' (а могло возникнуть по фонетической модели слов «детского» языка). Слово экспрессивное, отсюда и *г* взрывное, и «чередование» *е* и *и* в корне. В белорусск. глусск. *нігэ́лік* (А хто за тако́га н(е)гэ́ліка пòйдзе?) начальное *ні* (не) выступает не как отрицание, а как экспрессивная приставка, усиливающая (подчеркивающая) степень качества существительного (об этом см. Толстой, 1971). К этому же корню относится украинск. бойковск. *гэгати*, *гэгати*, *гйгати*, *гйгати*, *геготати* и украинск. литер. *гэгати*, *гегэати* 'гоготать (о гусях и т. п.)', русск. *гоготать*. Этот корень, относимый обычно к так наз. «звукотрагическим», выступает в двух параллельных семантических регистрах звука и движения (колебания, качания): **geg-*, **gog-*, **gig-*. Число корней, фиксируемых одновременно в этих регистрах (+ регистр света), весьма значительно. В регистре движения семантическая мутация шла следующим образом: 'качаться' → 'ходули' → 'палка'; 'качающийся' → 'хромой' → 'замухрышка'.

2. Укр.-полесск. *вэрн'е* (3 л. ед. ч. наст. вр. от глаг. *вэрну́т*): *верн'е с'н'эг* 'снег идет, валит, обильно падает', (Никончук, 1970), македонск. *врне снег*, *врне дожд* 'падать' (о снеге, дожде), южносербск. диалектн. *врне киша* 'то же'. Ср. также словенск. *vréči* 'падать' (о снеге), — *snega je vrglo*.

3. Укр.-полесск., волынск. *посóка* (*пòсóка*, *пусóка*) 'поиск зверя, птицы по следу' (Никончук, 1970), болгарск. *посóка* 'направление'.

Белорусско-русские изолексы

(Ответы на вопросы анкеты)

Решение задач, поставленных перед участниками третьего симпозиума (посвященного белорусско-русским изолексам), гораздо сложнее, чем выяснение вопросов первого (белорусско-балтийского) и второго (белорусско-украинского) симпозиума. Это можно объяснить помимо прочего и меньшей четкостью границ между великорусским и белорусским диалектным массивом, чем между массивом белорусским и украинским (но и в последнем случае остаются спорные зоны и явления), трудностью выделения релевантных изоглосс («руководящей формы», как сказали бы археологи) и т. п. Если согласиться с диалектологической картой Е. Ф. Карского (Карский, 1917), которая, в общем, никем серьезно не опровергнута, а лишь заменена другой (или другими), то почти вся Смоленщина, а затем и западная Брянщина и южная Псковщина окажутся белорусскими. И это в значительной степени, особенно если опираться на лексику, верно. До этих границ будет доходить значительная часть относительно «новой» лексики, распространившейся в Литовско-русском, позже Польском государстве (из польского, немецкого и др.), этими же пределами ограничатся и некоторые архаизмы. Вообще филолог-славист, интересующийся реконструкцией более древнего диалектного состояния, должен подходить к нынешнему диалектному ландшафту, как к зоне определенной лингвистической непрерывности, иногда в значительной степени пренебрегая современными языковыми и национальными границами. Изоглоссы, проходящие внутри территории распространения национальных языков, а не по их границам, в настоящее время, как отмечалось мною в прошлый раз, представляют для нашей науки больший интерес. Поэтому следует стремиться не к определению белорусско-великорусских изоглосс вообще, а к выявлению более конкретных, скажем, могилевско-калужско-орловско-рязанских, или полоцко-витебско-псковско-новгородских и т. п. Можно ожидать, что из целого ряда слов, относящихся сейчас к узким локализмам, многие

окажутся не таковыми, а образующими межъязыковые (в том числе и пограничные) изоглоссы и ареалы (см., например, Черепанова, 1973). Очень важно иметь представление о диалектной лексической дифференциации внутри самого языка, в данном случае белорусского (что будет в значительной мере достигнуто созданием лексического белорусского атласа), ибо только при этом условии возникает правильное и полное представление о его связях с другими языками (точнее с другими диалектными зонами и подзонами). Ведь слова *ляда* 'высеченный участок леса' и *ляда* 'приспособление для поднятия бревен и др.' (ДАБМ, карта № 337) не просто делят языковую территорию Белоруссии на две или даже три зоны (т. к. есть еще ареал, где лексема отсутствует), но и объединяют каждую из этих зон с отдельными иноязычными славянскими зонами (также см. карты № 328 *кашуля* : *сарочка*, *рубашка*, № 313 *туха* : *хмара*, № 247 *люлька* : *калыска*, № 246 *загарода* : *плот* и т. д., и т. п.). Сказанное довольно тривиально, но приходится настаивать на нем из-за не менее настойчивых требований анкеты рассматривать лишь «лексемы, встречающиеся на основных массивах белорусской и русской языковых территорий, а за их пределами только в пограничных с ними районах Украины и Польши» (аналогичное требование см. ранее в отношении белорусско-украинских изоглосс). Авторы анкеты интересуют возможность выявления витебско-южнополюсских, белорусско-севернорусских и, очевидно, витебско- и могилевско-смоленских, могилевско- и гомельско-брянских изоглосс. Это, на наш взгляд, правильный и благодарный путь исследования. Но если те же белорусско-севернорусские изоглоссы дадут продолжение в карпатской, а затем в одной из южнославянских зон, то как поступать с ними? Я полагаю, что их нужно учитывать в первую очередь, и именно такая география слова будет одним из лучших свидетельств в пользу его архаичности (resp. инновационности, заимствованности).

К примеру, слово **krętatī (sę)* на восточнославянской территории объединяет севернорусские говоры с белорусскими и карпатскими. Оно известно всем южнославянским языкам и зафиксировано в польском, чешском, словацком и нижнелужицком. На первый взгляд, это — общеславянское слово, лингвисту, занимающемуся географией слов, мало интересное. Да, конечно, это не «южнославянский» карпатизм, и в

«Карпатский диалектологический атлас» (КДА) оно попало, если учитывать замысел его составителей, по недоразумению. Но для решения целого ряда проблем, в том числе и тех, которые поставлены в анкете, существенно, что почти все великорусские примеры с глаголом ⁺*krętaŭ* (*se*) записаны в зоне северных диалектов. В картотеке СРНГ из более чем полусотни фиксаций только одна относится к южнорусскому ареалу — мешковск. калужск. *крятаться* 'сдвинуть с места' (под смоленско-белорусским влиянием?). Но и северновеликорусские примеры дают неоднородную картину. Говоры новгородской метрополии и колонизации, так называемые онежско-поморские (в древнеплеменной терминологии — новгородско-«словенские») сохраняют общеславянское и, вероятно, первичное значение *крята́ть(ся)* 'сдвигать(ся), трогать(ся) с места', в то время как говоры, связанные с ростово-суздальским эпицентром (низовские, по древней терминологии «кривичские» или «кривичско-вятичские») дают ряд инновационных, периферийных, в большей своей части переносных значений: вологод. *крята́ть* 'усиленно работать', 'насиленно впихивать', *~ся* 'гневаться, капризничать', ярославск. *крята́ть* 'гримасничать, дразнить, показывая язык', вятск., пермск., костромск., владимирск., пензенск. *~ся* 'дразниться, плакать (о детях)', 'высказывать беспокойство, хныкать'; ср. то же архангельск. шенкурск. *~ся* 'кричать, плакать, капризничать (о детях)'. Наконец, *крята́ться* 'сходить с места, трогаться' и 'начинать бродить (о пиве, хлебе, тесте)' известно псковским и тверским (осташковским) говорам, а *крята́ть, накрятать* 'накладывать, накласть' рославльским (смоленск.) говорам (ср. ниже белорусский материал). Недостаток места не позволяет полностью привести инославянские примеры. Полнее всего они представлены в словаре Славского (Ślawski, III, z. 2), где для польского приводится значение 'суетиться, хлопотать', диал. 'спешить', чешск. 'ходить с трудом', словацк. 'притягивать, сгибать', 'волочиться, идти с трудом', нижн.-лужицк. 'вертеть(ся)', 'трудиться, мучиться', 'соперничать (о детях)', 'ударять', сербск.-хорв. 'двигать(ся), кружиться', диал. 'ходить вразвалку', словенск. 'двигать, вертеть', болгарск. 'волочиться, идти с трудом', диал. 'идти вразвалку (как утка)'. В украинских говорах *крятали* представлено исключительно в бойковско-закарпатской зоне, где известно значение 'двигаться', 'поворачивать (телегу и т. п.), переворачивать,

сдвигать с места', 'поднимать (тяжесть)' (ЖДА). Возникает существенный вопрос о распространении слова *кратаць* 'сдвигать, трогать', *кратацца* 'трогаться, шевелиться' в белорусском. Наличие его в литературном языке еще не свидетельствует о его повсеместной представленности в диалектах. Судя по данным диалектных словарей, оно известно в центральной, северо-восточной и восточной Белоруссии: диал. витебск. 'трогать, двигать', могилевск. 'двигаться с места', 'бить', 'валить', 'накладывать', 'наваливать'. По значению совпадает с сев.-в.-русс. и южнославянским. Значение 'двигать с места' и 'вертеть', судя по всему, древнейшее. В общеславянской перспективе для слова ⁺*krętatī* (sę) можно выделить семантические изоглоссы, которые будут достаточно весомы и релевантны, хотя во многих других случаях семантический критерий оказывается мало надежным. Обратив взор к сев.-в.-русскому материалу, можно заметить, что русский Север расслаивается изоглоссой на две основных зоны — Заонежье и Поморье (сев.-зап.) и бассейн Верхней Двины с притоками (юго-вост.), что подтверждается все больше другими данными — историческими (Платонов, 1923 и др.), этнографическими и фольклорными (Витов, 1964б; Дмитриева, 1969, 1972), фольклорно-лингвистическими (Гура, 1972), лингвистическими (Комягина, 1972; Орлова, 1970). Такие случаи, как ярослав. *кратать* 'ворочать', совпадающие с показаниями сев.-западных говоров, объясняются инфильтрацией новгородских элементов в ростово-суздальский массив (ср. Мельниченко, 1970).

Я остановился столь подробно на одном примере для того, чтобы показать, сколь важно иногда обращение к известным общеславянским словам, а не отдельным локализмам и раритетам, сколь важна общеславянская перспектива вкупе с возможностью различения внутри отдельных языковых зон, например, сев.-в.-русской или белорусской, довольно характерных подзон. Приведенный пример показывает архаическую связь белорусских говоров с великорусским Севером, точнее с его северо-западной частью (Заонежье, Поморье), связь восточнобелорусских (могилевских) говоров со смоленскими и калужскими, обнаруживающуюся в специфическом значении 'накладывать' (здесь, видимо, наблюдается семантическая инновация, вопр. № 6), связь с украинской зап.-карпатской зоной (тоже славянский архаизм, вопр. № 2) при отсутствии слова на иной очень обширной

украинской территории. География слова *krzętać się* и его значения в польском ареале нуждается в подробном уточнении. Требуется особое объяснение и чешский пример *křátati*, зафиксированный только Юнгманном (Махек приводит лишь *vykřátnout* 'вывихнуть') (Jungmann, V; Machek, 1971).

Для других примеров не остается места. Вообще же на основе имеющегося словарного материала можно выделить значительный общий пласт. Изоглоссы будут в основном — белорусско-новгородско-северные (но и «низовско»-северные), белорусско-смоленско-калужские (и т. п.), белорусско-брянско-орловские (вплоть до рязанских, воронежских, тамбовских). Особую роль в этом случае будет играть областная восточнобелорусская и северо-западная белорусская лексика, меньшую роль полесская, центральнобелорусская (впрочем, и приводимые мною понятия нуждаются в уточнении). Например, *ваву́лиць* 'медлить, копаться', *ваву́ла* 'медлительный человек' (Носович, 1870), *вау́лить* 'говорить медленно', 'заикаться', пермск. *вау́ла*, *ваву́ла* 'медлительный человек', 'заика', 'неряха', то же оренбургск., владимирск. (Даль, СРНГ). Более сложный пример со словом *дзягно́* 'молоко из конопельного семени' (Бялькевіч, 1970), *дзя́гло* (*дзягло́*) 'молоки у рыб', псковск., великолукск. (Кузнецов, 1915, Даль). Если с этим связать и псковск. *дзя́глый* 'сильный', то сюда же будет относиться и новгородск. архангельск. поморск. *дзя́гнуць* 'становиться сильнее, здоровей, крепче, расти' и псковск. *дзяг* 'рост'. Дальнейшие соответствия известны: в.-русс. сев.-зап. *дзя́га* 'кожаный пояс, ремень', украинск. *дзя́га* 'здоровенное, большое' (Желеховский дает в примере об опухоли; вероятно, лишь зап.-укр.; Гринченко не дает), словенск. *déga* 'вид ремня', *degáti* 'бросать, кидать (с силой — Н. Т.)', 'двигать туда-сюда', 'трясти' (Pleteršnik), 'докучать' (SSKJ). В этом примере интересно могилевско-псковское архаическое соответствие (правда, неполное) *дзягно́* : *дзягло́* в сфере и семантики, и форм с -но, -ло. В целом же опять выявляется изоглосса: в.-русс. Север (новгородск.-поморск.) — Псковщина — островной ареал в Белоруссии — Карпаты (?) — Словения, т. е. тот западный пояс восточнославянских диалектов, который особо отмечался мною в ответах на прошлую анкету. Его связь со словенским ареалом не удивительна. С методологической точки зрения интересны в пределах всей, основанной на едином этимоне, изоглоссы — более частные изоглоссы, такие, как

в.-русс.-словенское 'пояс', выделенные выше *дягно*, *дягло* и т. п.

Интересен белорусский географический термин *бѡхат* 'глубокое место в речке, омут', отмеченный И. Яшкиным в Толочинском и Мядельском районе (Яшкін, 1971). Ранее он был зафиксирован лишь в ярославско-вологодской зоне — *бѡгот* (*богѡт*), *бѡготъ* (*богѡтъ*), *боготѡ*, *боготѣе* (*боготѣѣ*) 'яма в реке, ручье, омут и т. п.' (Даль; Копорский, 1929 и др.), где он опирается на глагол *боготѣть* 'кружить, ходить вокруг чего-л.', 'клокотать' (Даль и др.). Недавно он обнаружен и в Московской обл. на юго-востоке (Зарайск. и Коломенск. р-ны) А. Ивановой (Иванова, 1969) — *бѡгот* 'яма на дне реки, болота, озера, омут'. Новая география слова приближает его к балтийской зоне (ср. *bognā*, *bōgnas* 'болото' LKŽ, I) и к славянскому ареалу слова ⁺*bagъnъ*, ⁺*bagъno* (см. Фасмер). Однако более вероятно другое объяснение и сопоставление. Если речь идет о так наз. «звукоподражательном» слове, то его ближайшим аналогом можно считать верхн.-лужицк. *babot* 'болтовня, пустозвонство' (со ступенью долготы корня) и *babotać* 'болтать, тарыхтеть' (Zeman, 1967; о существительных и глаголах на *-ot* в верхнелужицком ср. также Толстая, 1971); ср. также макед. *баботи*, *боботи* 'громыхать', 'болтать, тарыхтеть', 'пылать (об огне)', 'шуметь' (то же болгарск. *бобот*, *боботя* 'шум, грохот', 'шуметь, грохотать'), далее сербск. *бубетати* 'шуметь, грохотать' и др. Из трех семантических регистров — «движение» : «звук» : «свет», характерных для многочисленных глаголов и существительных этого типа, в ⁺*bagotъ*, ⁺*bogotъ* представлены «движение» и «звук», а в ⁺*babotъ* — «звук» и «свет» (как правило, для этого класса слов с определенной степенью интенсивности).

Об одном балтизме в восточнославянских диалектах — *пелька*

Лексема ⁺*пелька* занимает довольно обширный и почти замкнутый ареал, охватывающий западнолитовские, латышские, значительную долю белорусских, часть украинских (вероятно, только северных) и великорусские — псковские, новгородские (судя по фольклорным данным, также восходящие к древненовгородским — олонечские, архангельские, печорские), калужские, рязанские, брянские, курские, воронежские и тамбовские диалекты.

В литовском литературном языке *pėlė* — 'болото', а в западных диалектах — 'болото', 'трясина', 'мокрый луг', 'лужа' (иногда 'яма, полная воды', 'торфяник' (DLKŽ)¹. В качестве заимствования из литовского в латышском — *pelke* 'лужа' (LKV), где известно также собственно латышское *pelce* 'лужа' (Mülenbach). Слово *pelky* зафиксировано и в памятниках прусского языка как 'топь, болотистое место, болотистая почва' (Fraenkel)². Во всем балтийском ареале интересующее нас слово выступает как географический апеллатив — термин рельефа.

В южно- и западнославянских языках лексема ⁺*пелька* неизвестна. В словарях восточнославянских литературных языков она снабжена пометами *обл.* (областное) или *разг.* (разговорное), что свидетельствует о ее диалектном источнике и стилистической народно-разговорной окраске.

Белорусское: *пéлька* ж. обл. 'прорубь' (БРС).

¹ По данным диалектологической картотеки Института литовского языка и литературы, лексема *pėlė* в указанном выше значении распространена только на западе Литвы — повсеместно в жемайтских говорах и в значительной части западных аукштайтских говоров. В восточной части Литвы распространено слово *balà* 'болото', известное также литературному языку. Эти сведения получены мною благодаря любезности А. Йонайтите, которой выражаю свою искреннюю признательность.

² Этимологию слова см. в цитируемых словарях Э. Френкеля и К. Мюленбаха — Я. Эндзелина.

Украинское: *пѣлька* разг. 'глотка'; бран. 'хайлѣ', обл. 'прѣрва' [Так то висотали з мене всі жили. Так то цілий вік свій напихав я чужу пельку (Коцюб.); Із нор золото виносять, щоб пельку залити Неситому!.. (Шевч.)]; *заткнути* ~ку вульг. 'заткнуть глотку' (Треба ж чимсь горлатому панові пельку *заткнути* (Мирн.) (УРС, III).

Русское: *пѣлки*, ов, мн. (ед. *пѣлька*, и. ж.). Обл. 'Часть одежды на груди, у горла'. Брать, взять, хватать и т. п. за *пельки*. — *Павел! Выведи вон... Лакей взял Краюхина за пельки*. Н. Усп. (Николай Успенский. — Н. Т.). Егорка — пастух. *Приказчик мертвой хваткой сгреб Серого за ворот, за душу — и на мгновенье оба замерли. — Ты что же это, — за пельки хватать? — спросил Серый*. Бунин. Деревня (ССРЛЯ, IX).

Связь семем 'прорубь' ↔ 'глотка' ↔ 'часть одежды на груди, у горла' ↔ 'болото', 'лужа' может показаться слабой и трудно мотивируемой. Однако привлечение более широкого диалектного, в первую очередь белорусского, материала дает возможность установить эту связь.

Мои четырехлетние полевые наблюдения над лексикой белорусского Полесья показали, что в западном Полесье лексема **пелька* неизвестна. Зато она довольно часто встречается в восточнополесской зоне.

пел' ж. 'чистое, не поросшее ни редким лесом, ни кустарником болото'; *пѣлка* ж. 'такое же болото меньшего размера' (село Велье, бывш. Туровского, ныне Житковичского р-на Гомельской обл.).

Лексема *пел'*, вероятно, отражает случай, когда заимствование было воспринято на славянской почве как деминутив («суффикс» -ка) и от него «восстановлен» апеллятив без «уменьшительного суффикса»³.

³ Следует отметить, однако, что для современных полесских говоров часто характерны случаи так называемой «деэтимологизации» суффикса (Булаховский, 1949, с. 147—209). Суффиксы, известные в других восточнославянских диалектах как деминутивные, в Полесье в сочетании с рядом корней употребляются как словообразующие без оттенка уменьшительности. Характерным примером может послужить слово *пен'ок* со значением почти во всех полесских диалектах 'пень вообще' (в том числе и 'большой пен'), в то время как обычно лексема *п'ен'* отсутствует; если же она известна, то за ней чаще всего закрепляется другая семема. Так, в дер. Луково (Малоритский р-н Брестской обл.) *пен'ок* 'пень', а *п'ен'* 'дупло' (собств. наблюд. 1965 г.). Что касается слов *пѣлка* — *пѣл'*, употребляемых в одном и том же

п'ел'а ж. 'низкий неспаханный участок поля, где обычно стоит вода'; *п'эл'ка* ж. 1. уменьш. от *п'ел'а*; 2. 'прорубь' (д. Дорошевичи Петриковского р-на Гомельской обл.).

п'ел'а ж. 'низкое, мокрое место в лесу, поросшее травой или мхом' (д. Голубица Петриковского р-на).

п'эл'ка ж. 'прорубь' — *ў л'оду прорубываеца* — *п'эл'ко* называеца (д. Голубица Петриковского р-на)⁴.

п'эл'а ж., уменьш. *п'эл'ка* ж. 'прорубь' (д. Шестовичи Мозырского р-на Гомельской обл.).

п'эл'а, *п'эја* (*п'у'эја*) ж. 'более сухое место в окружении болот' (иногда поросшее «хмызняком», вереском или берез-

диалекте, то в некоторых случаях наблюдается отношение деминутив — не деминутив, а в некоторых диалектах обе лексемы выражают одну семему без оттенка уменьшительности. В связи с этим следует обратить внимание на зафиксированные Полесской лингвистической экспедицией (1964 г.) дублетные формы *б'эл'ка* — *б'эч'ка*, мн. ч. *б'эл'и*, где *б'эл'ка* также, видимо, — не деминутив (дер. Зосинцы Ельского р-на Гомельской обл.). Слова эти синонимичны *п'эльке* и *п'эли*. Они значат: 'мелкое, не топкое, проходимое для скота болото, поросшее травой' (согласно сообщению одного информанта из дер. Зосинцы), 'сенокос в лесу' (согласно сообщению другого — дер. Зосинцы). В соседнем селе Кочище (Ельский р-н) *б'эл'* или *б'эл'ка* — 'заболоченное низкое место' («долінка, заболоченаја м'эстіна»), а в дер. Боровое Лельчицкого р-на *б'эл'*, *б'эл'ка* — 'небольшое болото (до 1 га)'. Такое же значение для Речичкого Полесья отмечает К. Мошинский — *б'эл'* 'ровная болотистая поверхность (луг, лужайка) среди леса, поросшая жесткой травой', добавляя, что, согласно устному сообщению М. Федеровского, на Гродненщине для слова *б'эл'* известно значение 'болотный луг, на котором растет *Glyceria fluitans*' (Moszyński, 1921, s. 2). В дер. Голубица *б'эл'* — 'болотная трава' (случаи названия травы и сена по месту, где она растет, или переноса названия по этому принципу: см. Толстой, 1969). Полесский материал дает возможность выдвинуть предположение, согласно которому могли существовать своего рода параллельные формы с «факультативным» употреблением то звонкого, то глухого варианта начального согласного — *п'эл'/б'эл'* (ср. также *полбн'/болбн'* 'прибрежный луг, пастбище', 'топкий луг', зафиксированные в том же центральном и восточном Полесье), и даже гипотетически вывести полесск. *б'эл'ка*, *б'эл'* из *п'эл'ка*, *п'эл'*. В дальнейшем *б'эл'* могла по народной этимологии ассоциироваться с корнем *běl-* 'белый'. К. Мошинский в цитированном выше исследовании оставил вопрос об этимологии слова *бел'* открытым, но все же указал на возможность непосредственной связи *бел'* с *běl-* 'белый', так как на болотистых «белях» часто растет пушница (болотный пух — *Eriophorum* sp.).

⁴ К. Мошинский в своем этнографическом описании Голубицы и Дорошевичей не приводит слов *pel'á*, *pél'ka* (Moszyński, 1928).

няком) (д. Буда Головичицкая Ельского р-на Гомельской обл.).

В восточном Полесье, в Овручском районе, уже на территории Украины (Житомирская обл.), *пел'я* ж. — 'большая яма, колдобина с водой' («а з пел'е вут'екайе роўчак») (д. Селизівка) (Лысенко, 1966, с. 41). Там же, около Овруча, по данным Н. В. Никончука, *пел'ка* — 'прорубь', наряду с значением 'горло, глотка', 'рот, хайло' (с. Выступовичи, Покалев и др.). Оба эти значения отмечены несколько восточнее, под Чернобылем (с. Залесье)⁵. В районе того же Овруча (д. Переезд) зафиксирована любопытная форма *опел'ка* 'прорубь', возникающая, вероятно, по модели укр. *полонка* — *ополонка* 'прорубь'. А в северо-восточном углу белорусского Полесья, скорее уже в смежной с Полесьем зоне — на Глусчине (юго-восточная часть Минской обл.), в д. Славковичи и Клетное, *пэль* (*пэль*), уменьш. *пелка* (*пелка*) — 'низина посреди поля, обычно круглая или овальная' («У Наддátках пэль вўкашана»; «Пелка тая ні вўкашана») (Янкоўскі, I) и тут же, в поселке им. Я. Купалы, *пелка* ж. — 'прорубь' (Янкоўскі, I). Такое же значение *пелка* ж. 'прорубь в реке' зафиксировано в центральной части Минской области, на Червенщине (Шатэрнік, 1929). Несколько восточнее Глуска, в Паричском районе (Гомельская обл.), *пел'я* ж. — 'глубокое место в стоячей воде' («На пелі ўюн'ы лóвяць») (д. Здудичи) (Прач, 1960, с. 167). Там же *пелка* ж. — 'прорубь на льду' (д. Дуброва) (Прач, 1960).

Последние значения интересны тем, что в них осуществлен перенос термина земного рельефа на подводный с сохранением в принципе того же основного дифференциального признака — глубины по отношению к окружающему рельефу. Этот случай — далеко не единственный в славянской диалектной географической терминологии. Таким образом, *рел'ка* еще на территории Полесья из термина земного рельефа переходит в водный термин. *Пелка* 'прорубь' известно не только в восточном белорусском Полесье и в других, в том числе и центральных, районах Белоруссии, но и западнее, в районе Путивля (Маштаков, 1931) и на Брян-

⁵ Е. А. Черепанова, готовящая работу по географической терминологии района севернее Десны и Сейма (Черепанова, 1973), зафиксировала *пел'ка* 'яма на болоте' лишь на западе Черниговщины — в селах Замглай, Репки, Грибова Рудня (Репкинский р-н).

щине (Карт. СРНГ, запись Агранова в Трубчевском р-не 1957 г.).

Картотека «Брянского областного словаря» фиксирует два значения для слова *пéлька*: 1. 'прорубь'; 2. 'ямка в горле' (Карт. БОС)⁶.

Именно это второе значение, знаменующее собой перенос термина из семантической сферы рельефа в сферу терминологии частей тела, дает возможность объяснить ряд других значений, распространенных на великорусской территории. Общность лексемного инвентаря — терминов сферы рельефа и сферы частей тела в славянских языках довольно значительна. Достаточно указать на такие лексемы, как **golva*, **lǫbъ*, **nosъ*, **oko*, **ustъje*, **xrbъtъ* и т. п. (Schütz, 1957; Badjura, 1953; Nitsche, 1964). Более древним и частым был перенос из сферы частей тела в сферу рельефа, приведший к довольно устойчивому параллелизму терминов (к омонимии, при сохранении некоторого достаточно абстрагированного, но все же общего инварианта значения), что обеспечивало в свою очередь обратный переход из сферы рельефа в сферу частей тела.

Брянское *пéлька* 'ямка в горле' очень близко по значению к калужскому *пéльки* мн. 'выдающиеся на горле косточки' (район Мосальска) (Покровский и Яценко, ркп.). По сути дела здесь в микромасштабах тот же энантиосемический сдвиг, что и в ряде терминов рельефа, например: *верх* 'вершина горы' и южнорусск. *верх* 'овраг, дно оврага', словен. *vrh* 'вершина горы' и *vrh* 'седловина горы' (об этом подробнее см. Толстой, 1969).

От *пéльки* 'часть горла', 'нижняя часть горла', 'ямка, или выдающиеся подшейные косточки' метонимически, переходом от части к целому, возникло украинское (вероятно, северноукраинское) *пéлька* 'глотка' (ср. пример из сочинений Т. Шевченко, приведенный в «Украинско-русском словаре»), если не принимать во внимание другую возможность: через семантические звенья — 'прорубь' → 'прорва'

⁶ Приношу искреннюю благодарность В. И. Чагишевой за предоставленную мне возможность пользоваться картотекой и за сообщенный материал. В с. Вельжичи Почепского р-на В. И. Чагишева записала: *п'эл'ус'т'ик завút* и *п'эл'ка* — ета *jáмка* на *ýрл'и*, и *душá тóжа назывáют*. В с. Удолье Трубчевского р-на отмечено также: *пéл'ка* 'небольшой водоем', 'лужа'. Значения 'прорубь' и 'ямка в горле' зафиксированы в основном в Трубчевском р-не.

→ 'глотка', на что указывает стилистически-эмоциональная окраска слова и контексты, в которых оно встречается⁷.

И. И. Носович в своем «Словаре белорусского наречия» (Носович, 1870) дает следующее толкование интересующего нас слова: *пэльки*, -ек, ж. употр. во множ. 'грудина, грудная кость, груди' («Пельки свое выставив, не засcegнувся»); *пэльковый* прил. 'грудной' («Пельковое мясо»)⁸. На белорусско-южнорусском пограничье, в так называемом северском диалекте, П. А. Расторгуев записал: *пэлькі* 'груди (женские)' (Расторгуев, 1927). Значение 'груди' и 'ворот' отмечено в витебских говорах: *пэльки* 1. 'женская грудь' («Як съдзісьне мне у пельках») (д. Лукьяново, Сонненского р-на); 2. 'ворот' («Сем адзеш, а пелькі розны») (д. Ранчицы, Бешенковичск. р-н) (Каспяровіч, 1927).

То же значение *пэльки* — 'женская грудь' известно по многим былинным и другим фольклорным текстам, записанным на великорусском Севере в Олонецкой и Архангельской зоне, на Белом море, на Печоре (записи Ончукова, Григорьева, Маркова, собрания Тихонравова и Миллера). В некоторых случаях эти тексты как будто выявляют и *пэлька* — просто 'грудь' (собрания Афанасьева, Рыбникова), а также *пэлецко* 'лопатка средней ноги (части? — Н. Т.) у животного' (олонец., запись Рыбникова) наряду с *пелечка* 'часть пазухи за лямкой сарафана, подмышка' (очевидно, женская) и, наконец, *пелечка* 'передняя часть рубахи, прикрывающая грудь' (олонец., запись Рыбникова)⁹.

⁷ Б. Д. Гринченко дает слово *пэлька* со следующим толкованием и примером: «Пелька, ки ж. Глотка. Напекла стара моя такого хліба, що і в пельку не лізе. Кобеляк. 7. П'ять літ роблю на чужу пельку. Г. Барв. 321» (Гринченко, III, с. 106).

В некоторых случаях наблюдается и дальнейший семантический переход 'глотка' → 'рот': «Чого ти розкрив свою пельку? Кричиш на все село!» (с. Человка, Коростеньск. р-н, Житомирск. обл., сообщил Н. В. Никончук). В. В. Мартынов обратил внимание на ряд примеров перехода 'прорва' → 'глотка' в других языках: укр. *хлань* 'бездна, пропасть', *хламати*, *хланути* 'жадно есть'; ст.-польск. *odchliśko* 'бездонное отверстие', *odchlińa* 'отверстие', *chlanąć* 'жрать, пожирать' (Ślawski, I, s. 68); ср.-в.-нем. *slunt* 'глотка', 'пропасть'; др.-саксон. *slund* 'глотка'; гот. *fra-slindan* 'проглатывать' (Kluge, 1956).

⁸ К сожалению, И. И. Носович не указывал места записи слов. Основной материал, как известно, он черпал из диалектов бывш. Могилевской губ., но были включены в словарь и слова из бывш. Минской и Гродненской губ.

⁹ Все примеры из северновеликорусского фольклора даны по статьям *пэлька*, *пелечка* в кн.: Филин, 1961, с. 175, 177—178. Г. Куликов-

В последнем примере, так же как и в случае с витебским *пэльки* 'ворот', наблюдается уже переход из сферы названий частей тела в сферу терминов одежды. Здесь также можно привести ряд широко известных аналогий: общеслав. **vortъ* 'шея', русск. *ворот* 'воротник', русск. *грудь* 'грудь' и 'грудь рубашки, мундира и т. п.', *спинá* 'спина' и 'задняя часть рубашки, мундира и т. п.'.

В говорах древней севернорусской метрополии, в Новгородской земле, отмечено *пэлька* 'у рубах: передняя часть, покрывающая грудь' (б. Тихвинский у.) (Опыт, 1852, с. 154). Ср. аналогичные и близкие значения в Псковской земле, где *пэлька* — 'часть всякой одежды, находящаяся на груди у горла' (б. Псковский у. Псковск. губ.), 'передняя часть рубахи, покрывающая грудь', 'ворот одежды' (д. Савкино и д. Подсосонье Пушкиногорск. р-на Псковск. обл.), *пелечка* — 'планка на груди мужской рубахи' (д. Лисицы Пушкиногорск. р-на) (Опыт, 1852, с. 154; Иеропольский, 1930, с. 593; запись в д. Подсосонье Ануфриевой, 1957 г. — Архив СРНГ; Копаневич, б/г; Филин, 1961, с. 178, запись А. Максимова, 1958 г.)¹⁰, затем в Калужской зоне, в районе Жиздры, где *пэлька* — 'ворот рубашки' (Борщев, ркп.), восточнее, в Рязанской зоне, в районе Богословщины (Захаровск. р-н), где *пэльки* — 'нашивки из красной ткани по обеим сторонам ворота (выреза) в традиционной женской кофте («рубахе»）」¹¹ и, наконец, в Тамбовской зоне, где *пэлька* — 'часть рубашки, прикрывающая грудь' (Казанский, б/г).

ский в «Словаре областного олонецкого наречия» (Куликовский, 1898) лексем *пелька* и *пело* не дает. Нет их и у А. Подвысоцкого (Подвысоцкий, 1885). Характерны ли эти слова только для языка фольклора, принесенного из новгородской метрополии, или они все же существуют в диалектной речи олонецких, архангельских и печорских крестьян и поморов, выяснится, вероятно, изготавливаемых в ЛГУ «Печорского областного словаря» (ПОС) и нового «Областного словаря русских говоров Карелии» (ОСК), работа над которым начата по инициативе проф. Н. А. Мещерского, а также нового «Архангельского областного словаря» (АОС), картотека которого собирается в МГУ.

¹⁰ В примыкающем к Псковской зоне районе распространения русских старожильческих говоров в Эстонии, а также в Латвии и Литве *пэлька*, уменьш. *пелечка* — 'передняя часть мужской рубашки, где находятся пуговицы и петельки' (МСРГП).

¹¹ Ср. там же *беспелешная рубаха* — 'рубаха без «пелек»'. Материал любезно сообщен Ю. П. Чумаковой.

К перечисленным значениям близки новгородское *пѣлька* 'пуговица у рубашки' (б. Новгородский у.) и псковское *пѣлька* 'петелька' (д. Кудяево, Новоржевский р-н) (Эрдман, 1857; Максимов, 1957), возникшие на основе метонимического переноса с целого на часть.

В брянских говорах, где, как отмечалось, *пѣлька* означает 'прорубь', 'лужа' и т. п. и 'глотка', известны словосочетания *схватѣт' за пѣл'ки*, *вз'ят' за пѣл'ки* (Рогнединский и Брянский р-ны), т. е. 'схватить за глотку', 'схватить за душу' (материал В. И. Чагишевой). Эти сочетания, вероятно, еще не идиоматичны в полной мере, так же как и в примере, отмеченном Машкиным в обоянском говоре Курской зоны: *пѣльки* 'в одежде: передняя часть, прикрывающая грудь': *Ён схватил иго за пельки да и паташшил* (Машкин, 1859). Но в других случаях уже — в тех же курских говорах М. Г. Халанским, а в воронежских Ф. И. Поликарповым — был отмечен, надо полагать, чистый идиом (т. е. случаи, когда лексема вне определенного сочетания не употребляется): курск. «*пельки* — в выражении *схватить за пельки*, т. е. за горло, за грудь»; воронежск. «*пельки* — в выражении "*ухватить за пельки*" — за одежду у ворота» (Халанский, 1904, с. 371; Поликарпов, 1911).

По той же модели построено известное в русской разговорной речи устойчивое сочетание *схватить за грудки*. Идиом *схватить, поймать за пельки* побудил В. Даля предложить, вероятно, не совсем точное толкование: «1. *Пельки* ж. мн. тмб. вор. виски, кудри, волоса, космы, патлы, пакли. Поймал его за пельки! Потаскать за пельки». Кроме этой словарной статьи, Даль дает другую, со словом, которое он считает омонимичным: «2. *Пельки* (мн.) кур. одежда на груди, платок?», справедливо ставя после толкования 'платок' знак вопроса (Даль, III, с. 68)¹².

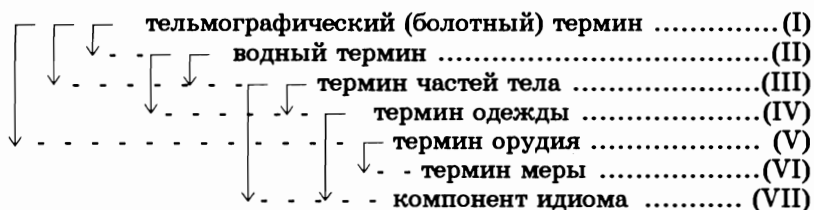
¹² Для лексемы *пѣлька* Даль дает три статьи: «1. *Пелька* ж. нвг.-бор. детская пеленка || Нвг.-тхв. передняя часть рубахи, отворот косоворотки, и самая застежка, пуговка, запонка рубашечная (гапелька?); || пск. часть всякой одежды, закрывающая грудь. 2. *Пѣлька* ж. пск. деревянный совок? 3. *Пѣлька* ж. зап. прорубь?». Как будет видно из дальнейшего изложения, материал и сопоставления В. Даля повлияли на этимологические сопоставления и соображения А. Преображенского и М. Фасмера. Что касается слова *гапелька* 'крючок, петелька', то оно не имеет общей этимологии с *пелька*, так как является полонизмом, восходящим в свою очередь к нем. *Haftel*, *Heftel* 'застежка, булавка' (Kochman, 1967).

Закljučая обзор примеров, отметим еще два узко локальных значения, зафиксированных целым рядом диалектных лексикографов только в псковских говорах. Первое — *пéлька*, *пéлечка* ж. 'деревянный черпак плоской формы для выкачивания воды из лодки' (Кузнецов, 1915; Опыт, 1852, с. 154; Копаневич, ркп.).

Здесь наблюдается переход интересующего нас термина в иную терминологическую сферу — в сферу орудий рыболовства и судоходства на основе общего (обобщающего) семантического момента — предмета (геср. места) с углублением, выемкой.

И, наконец, второе — *пéлька* ж. 'небольшое количество муки, крупы' (Копаневич, ркп.). Здесь отражен дальнейший переход в еще одну терминологическую сферу, сферу терминов народной метрологии — количество сыпучего тела, которое можно зачерпнуть «пелькой» (совочком).

Изложенный материал позволяет отметить довольно последовательный переход лексемы **pělka* из одной семантической сферы в другую. Эта последовательность может быть представлена следующим образом:

где стрелки показывают переход от одного уровня (регистра) к другому.

Характерно, что последовательность уровней (регистров) может быть представлена и лингвогеографически. Если от узко балтийского ареала как от центра провести несколько радиальных линий, а затем их пересечь несколькими сегментами окружности, то получится ряд зон, границы которых будут приближаться к границам изоглосс. Термины класса I будут охватывать балтийские и полесско-белорусские диалекты; термины класса II — часть балтийских, полесско-белорусские, полесско-украинские, ряд белорусских и часть южновеликорусских — брянских диалектов; термины класса III — часть белорусских, великорусские — брян-

ские, калужские, олонечкие (?), архангельские (?), а также северо-восточные и центральные (?) украинские диалекты; термины класса IV — севернобелорусские (витебские) и великорусские — псковские, новгородские, олонечкие (?), калужские, рязанские, курские диалекты; термины V и VI классов — локально лишь псковские говоры; класс VII «лексема как компонент идиома» оказывается распространенным на юго-восточной окраине всего ареала, в великорусских — курских, воронежских и тамбовских говорах.

Из южновеликорусских говоров слово *пельки* проникло в русскую художественную литературу (Н. Успенский, И. Бунин), в периферийные сферы русского литературного языка.

Вероятно, новые исследования восточнославянской диалектной лексики позволят уточнить или даже несколько изменить предложенную схему семантической эволюции и территориального распространения интересующего нас слова. Однако и сейчас на его примере можно вновь подчеркнуть важность лингвогеографического фактора при исследовании семантики и этимологии слов, в особенности если речь идет о словах заимствованных. В данном случае эпицентр сохраняет более древнее значение, в прилегающих к нему районах еще жива семантическая связь слова со своим прототипом, однако она все более и более ослабевает и теряется ближе к периферии, пока совсем на окраине слово не попадает в состав идиома, т. е. теряет свою собственную номинативную функцию.

Естественно, что такую эволюцию нельзя возводить в ранг закона. Тем не менее рассмотренный случай отнюдь не уникальный.

Коллекция балтийских заимствований на восточнославянской диалектной территории еще не собрана и не изучена как следует. Выводы, которые можно сделать на основании одного слова, всегда преждевременны и требуют осторожного отношения. Однако все же можно предположить, что те славянские зоны, где лексема ⁺*pelka* выступает в качестве болотного термина и водного термина, были зонами достаточно интенсивного и дольше сохранявшегося славяно-балтийского контакта, вероятнее всего, славяно-балтийского двуязычия¹³. Там, где сохранился термин сухопутного или

¹³ Характерно, что в западном Полесье и в части западных и центральных белорусских говоров, по нашим (подчеркнем — еще не достаточ-

водного рельефа, мог произойти, согласно определению П. Скока, акт непосредственного заимствования (*perosredna ili direktna pozajmica*) (Skok, 1951), а в других зонах заимствование шло путем посредства, т. е. усваивалось уже не в ситуации двуязычия.

Но и в ситуации двуязычия проникновение отдельных слов в лексико-семантическую систему конкретного языка — процесс в достаточной мере сложный, определяемый как экстралингвистическими, так и внутрилингвистическими факторами. Более прост акт заимствования по принципу «слова и вещи» при появлении новой реалии; сложнее, когда в языке-передатчике и в языке-реципиенте инвентарь и система плана содержания (соответственно гносем и реалем) почти идентичны и структурно-функционально аналогичны (изоморфны). В этих случаях на лексико-семантическом уровне возникает синонимия. И здесь в большинстве случаев вступает в силу уже достаточно хорошо известная лингвистам закономерность: вновь вошедший в словарный состав языка синоним приобретает дополнительный семантический признак. Таким путем в зонах междиалектных и межъязыковых контактов семантическая сетка усложняется.

Приведем два примера из других диалектных зон.

Один, когда оба слова славянского происхождения — с.-хорв. *dažd* — *godina*. В зоне контактов ареала лексемы *dažd* и ареала лексемы *godina*¹⁴, в штокавском селе Водице (северная Истрия), лексема *dažd* выражает семему 'дождь, дождь вообще', а проникая из контактирующих чакавских говоров лексема *godina* — 'благодатный, нужный дождь', а в кайкавском селе Чрнковец (около Загреба) лексема *godina* выражает семему 'дождь, дождь вообще', а проникая из соседних говоров лексема *dešč* — 'проливной, вредный, ненужный дождь', при этом соответственно слово *godina* приобрело также дополнительное значение, дополнительный признак — 'благодатный, нужный дождь'¹⁵.

но проверенным) данным, нет лексемы **peľka*: так что в современной Балто-Славии между балтийским и славянским ареалами есть полоса, разрывающая изоглоссу рассматриваемой лексемы.

¹⁴ Ареалы лексем *дажд*, *киша*, *година*, *време* даны в моей работе «Из географии славянских слов. 1. 'дождь'. 2. 'саламандра'». — См. с. 122–143 наст. изд.

¹⁵ На том же основании возникло осложнение семантической сетки в Шушневом селе и в Чаковце (район Огулина, Хорватия), где *godina*

Другой, когда оба слова — относительно старое заимствование: болг. диал. *джубринки*, *джумерки* (из тур. *sibre* 'выжимки; остатки; осадок'). В бессарабском болгарском селе Бановка (б. Измаильская, ныне Одесская обл. Украины), где представлен говор переселенцев из северо-восточной или центрально-восточной Болгарии (так называемый «чий-шийский» тип), в результате новых условий контактирования, а возможно, и смешения, с переселенцами из юго-восточной Болгарии (фракийский тип) семема 'шкварки' расщепилась на две: 'шкварки из нутряного сала' — *джумёрки* и 'шкварки из внешнего сала' — *джубринки*. В ближайших «чий-шийских» говорах *джумёрки* — только 'шкварки', а в соседнем фракийском говоре села Шикирли-Китай (ныне Суворово) *джубринки* — тоже только 'шкварки'. Наконец, в приазовской Бановке (Бердянский р-н Запорожской обл.) у выселенцев из бессарабской Бановки *джумёрки* — только 'шкварки'¹⁶.

Таким образом, в системе говора (resp. языка) заимствованное слово при одновременном существовании исконного, незаимствованного синонимичного слова часто приобретает дополнительный семантический признак (как это видно из примера со словом *godina* в с. Водице). Но возможен и дальнейший семантический процесс: наличие дополнительного семантического признака у заимствованного слова вызывает

означает 'дождь вообще' и 'благодатный дождь', а *vrime* — 'вредный, проливной дождь'. Типы семантического поля «дождь — погода — время — год — час» в сербскохорватских диалектах приведены мною в статье «Из опытов типологического исследования славянского словарного состава» (Толстой, 1963; с. 44–69 наст. изд.).

- ¹⁶ Материал привожу на основании собственных наблюдений 1948 и 1950 гг. Эти наблюдения, к сожалению, не отражены полностью в «Атласе болгарских говоров в СССР» (АБГ). См. карту № 107 и объяснения к ней в книге «Вступительные статьи и комментарии к картам», с. 83. Изоглоссы лексем *джубринки*, *джумерки* в говорах метрополии дают достаточно сложную и пеструю картину. Так, например, фракийскому диалектному континууму в целом свойственны обе лексемы, наряду с многими другими (см. БДА, I, карта № 216 и комментарии «Част втора», с. 146–147). Любопытно, что и в Болгарии, в контактной зоне — в селе Бяла Сливенской околии (пункт 2538) отмечена корреляция по дополнительному дифференциальному признаку величины: *пърцинки* 'крупные шкварки' — *цумёрки* 'мелкие шкварки'. На восток от этого пункта следует почти сплошная зона с *цумёрки* 'просто шкварки', а на запад — с *пърцинки* тоже 'просто шкварки' (см. цитированный атлас и комментарии).

появление коррелятивного (противоположного) признака у незаимствованного (как это видно из примера с *dešč* в с. Чрнковец и с *джумёрки* в с. Бановка).

Подобную судьбу можно предположить и для балтийского слова ⁺*pelyka* 'болото', проникшего в славянскую языковую среду. У славян оно стало означать не 'болото вообще', а 'низкое, болотистое место среди пахотного поля', 'низкое, болотистое место в лесу', 'чистое болото, без растительности', 'чистое место на болоте' и т. п. Отсутствие единого значения в наблюдаемых нами полесских говорах свидетельствует о том, что в разных диалектных системах оно могло получать разный, в зависимости от рельефа местности и хозяйственных нужд, дополнительный семантический признак. К тому же часто большее число различных значений и дополнительных семантических признаков свидетельствует о более позднем заимствовании, подобно тому как более позднее заимствование какой-либо реалии дает часто в диалектах (resp. языках) большее число лексем для одной и той же семемы, манифестирующей реалему-денотат (ср. случаи с названиями картофеля, кукурузы, помидора и т. п.).

Наконец, конкуренция синонимов в конкретной микро-системе приводит к вытеснению слова (resp. термина) из одной семантической (resp. терминологической) сферы в другую.

Изложенный выше материал дает возможность пересмотреть этимологические соображения М. Фасмера (Vasmer, II, S. 333) и А. Преображенского (Преображенский, 1910—1914, с. 33), опиравшихся в основном на свидетельства В. Даля. Не следует *пéльку* вслед за Преображенским и Далем объединять с *гапелькой* (против этого объединения выступил и Фасмер) и с *пеленой*, *пелёнкой*, как это с оговоркой допускает Фасмер¹⁷. Но следует, безусловно, согласиться с Фасмером, что выведение *пéльки* из *петéльки*, как

¹⁷ Исключение, может быть, можно сделать только для отмеченной Далем и, безусловно, нуждающейся в проверке и осторожном к себе отношении лексемы *пéлька*, манифестирующей семеме 'детская пеленка' (боровск. Новгородск. губ.). Ср. белорусск. *пéлюшки* мн. 'пеленочки', отмеченные в словаре И. И. Носовича. Если Даль правильно дает форму и значение этого слова, то справедливо замечание Преображенского, что другие формы и значения слова — *пéлька*, *пéльки* и т. п. — относятся «не сюда».

это сделал Преображенский, «трудно», а правильное было бы сказать — ошибочно.

В заключение скажем, что наступило время работы над лексическим атласом балтизмов в восточнославянских диалектах. Такой атлас дал бы многое для определения восточных (отчасти северных и южных) границ расселения древних балтийских племен, их диалектной принадлежности и установления последовательных звеньев семантического развития, выяснения степени интенсивности и хронологии контактов.

Так, например, прусская и западнолитовская, т. е. в основном западнобалтийская, диалектная принадлежность слова *pélkē*¹⁸ согласуется с данными восточнославянской топонимии того же западнобалтийского происхождения, типа *Жукона* (< *žukare*) и т. п., исследованной В. Н. Топоровым (отдельные гидронимы бассейна Верхней Волги, Оки, Москвы-реки) (Топоров, 1962). Преимущество в изучении балтийской апеллятивной лексики перед топонимической заключается прежде всего в том, что, пользуясь ею, можно оперировать не единичными фактами, ограничивающимися иногда десятком примеров, как в случае с гидронимами типа *Жукона* и т. п., а сотнями и более фиксаций, поддающихся интерпретации в лингвогеографическом плане. Однако наряду с преимуществами есть и недостатки, к которым в первую очередь следует отнести отсутствие уверенности в том, что, будучи заимствованной славянами, балтийская апеллятивная лексика не передавалась потом другим славянам, уже в результате межславянских, а не балто-славянских контактов. Топонимия, как правило, привязана к месту, и возможность переноса топонимов в данной (рассматриваемой) ситуации мало вероятна, хотя подобное явление сопровождало иногда миграционным процессам (Lehr-Splawinski, 1960).

Способом, корректирующим ошибки и преждевременные выводы, могло бы послужить «наложение» топонимических и лексических (апеллятивных) изоглосс друг на друга и их сопоставление с изопрагмами этнографическими и археологическими. Так, например, было замечено, что особый балтийский, или западный («белорусский»), тип лаптей пря-

¹⁸ Возможно, что в литовском *pélkē* утвердилось под западнобалтийским влиянием (Савукина, 1966, с. 165).

мого плетения — так называемые «рачки», или «покосные лапти», известен в ареале, охватывающем бассейн Десны, Ветьмицы, Болвы, Навли (но не восточнее!), Черниговщину (Черниговское Полесье), Могилевщину по Сожу, район Припяти и Минское Полесье, затем Литву и Латвию (Лебедева, 1927, с. 111—112; Вахрос, 1959, с. 29). В бывш. Псковской губ. они назывались *коверзени*, а в бывш. Духовищенском у. Смоленской губ. — *крестовики* (Русские, 1967, с. 252). Как показывает историко-этнографический атлас «Русские», этот тип лаптя встречался также по реке Ловати и в бывш. Олонецкой губ. Безусловно, этот тип лаптей — не единственный этнографический «балтизм» на восточнославянской территории.

Из великорусской диалектной семантики

Любитель родного слова, лекарь и этнограф М. К. Герасимов в своем кратком «Словаре уездного череповецкого говора» (Герасимов, 1910, с. 98 отд. пагинации; то же — Живая Старина. 1898. Год. VIII. Вып. III–IV, с. 398) отметил любопытный сельскохозяйственный термин *ястребѹха* 'незавившийся, неплотный кочан капусты', не зафиксированный ни одним другим диалектным словарем¹.

Дальняя этимология этого термина в одном, видимо, не вызывает сомнения — она выводится тем же путем, что и этимология общеславянского **astrębъ* (ср. укр. *ястриб*, *яструб*, белор. *ястраб*, польск. *jastrząb*, чешск. *ještěb*, словацк. *jastrab*, в.-луж. *jařob*', н.-луж. *jastšeb*', сербск. *jăstrijeб*, словенск. *jăstreb*, болг. *ястреб*, макед. *јастреб*), и все спорные моменты в трактовке праславянской словообразовательной модели слова **astrębъ* 'Astur palumbarius' и его возможных индоевропейских связей (Vasmer, III) следует отнести и к череповецкому *ястребѹха* 'незавившийся, неплотный кочан капусты'.

Достаточно прозрачна и словообразовательная модель термина *ястребѹха*, с суффиксом *-уха*, образующим существительные женского рода и встречающимся довольно часто в семантической группе слов «дикие растения», реже «культурные растения»: например, великорусск. *гречѹха* наряду с *гречѹха* от *грѣча* 'Fagopyrum esculentum' (ср. польск. диал. *owsiucha* 'Avena fatua'), *веснѹха* 'курослеп, Anemone nemorosa', *глотѹха* 'черемуха, Prunus padus', *золотѹха* 'желтый паслён, Solanum dulcamara', *кислѹха* 'щавель, Rumex', *сернѹха* 'котр, язычник, Serratula tiuctoria' и др., а также русск. литер. ботанич. *плодѹха* 'короткая плодовая ветка, несущая на себе плодовые почки' (Smoczyński, 1963, s. 9, 11, 50–51; Герд, 1962, с. 119–123)².

¹ Нам не удалось его обнаружить и в богатых рукописных материалах картотеки «Словаря русских народных говоров» в словарном секторе Ин-та русского языка в Ленинграде.

² Продуктивность модели на *-уха* хорошо показана В. А. Меркуловой в монографии «Очерки по русской народной номенклатуре растений»

Тем не менее при таком подходе все же возникает вопрос семасиологического порядка. Почему именно незавившийся кочан капусты связан в смысловом отношении с ястребом (*Astur palumbarius*)? И если действительно такая связь существует, то каким образом она возникла? Решение этой задачи следует искать в других известных на восточнославянской территории названиях ястреба и незавившегося кочана капусты.

Особенно любопытен украинский материал. По свидетельству Б. Д. Гринченко, в б. Сумском уезде *шуляк* 'капусты, не выросшая в кочень' — *Уже у вашій капусті й шуляки*, а в б. Волынской губ. с тем же названием известно *шу́лик* (по записи Д. И. Эварницкого). В то же время *шуляк*, равно как и *шуліка*, означают 'коршуна' (Гринченко, III)³.

В результате работы Полесской лингвистической экспедиции (60-е годы) и изучения белорусских говоров для «Диалектологического атласа белорусского языка» был собран обильный материал по интересующему нас слову в северно-украинских среднеполесских, волыньских и переходных (к юго-западным) говорах Житомирской зоны, переходных (к белорусским) говорах Брестской зоны и в западнобелорусских говорах. Карта № 310 белорусского атласа определяет ареал слова *шуляк* 'ястреб и т. п.' в виде юго-западного угла территории Белоруссии, западной границей которого оказывается граница с Польшей, южной — с Украиной (на территории Польши и Украины распространение слова *шуляк* продолжается), северной и восточной — р. Лань до впадения в Припять, р. Горынь. На остальной территории Белоруссии известно *кóршун* (*каршўн*), *каршáк*, *каршўк*, реже *ястраб* (ДАБМ). На юге Брестчины отмечены формы: *шул'áка*, *шул'én'*, *шул'эка*, в д. Ходаки Ивацевичск. р-на *шулáш* (там же, с. 899, Каментарыі). К сожалению, однако, в программе для белорусского атласа вопрос ставился лишь в одной плос-

(М., 1967), где среди названий травянистых растений приведены *жеруха*, *резуха*, *горуха*, *колюха*, *колуха*, *колотуха*, *колетуха*, *лепуха*, *желтуха*, *горуха*, *дев'ятуха*, *повитуха*, *свербуха*, *пестуха*, *кортюха*, *ягод* — *броснуха*, *брутуха*, грибов — 22 термина на *-уха*. Нет, однако, в их числе ни одного образования от названий птиц.

³ В этом же словаре Б. Д. Гринченко приводит также *шуляк*, *шу́лка*, *шульок* 'початок кукурузы' (покутск. со ссылкой на О. Кольберга). Вероятно, в результате перехода 'капустный початок, не выросший в кочан' → 'початок кукурузы'.

кости: «каршун, ястраб, шуляк..?» (вопр. 233), в то время как, например, в д. Симоновичи Дрогичинск. р-на *шул'эк* 1. 'коршун', 2. 'плохо завившийся, маленький кочан капусты' (сообщение Ф. Д. Климчука). Поэтому материал по второму значению 'незавившийся кочан капусты' все еще довольно скуден и лингвогеографически не уточнен.

В Житомирской области известны термины *шул'ак* (*шул'ак*, *шул'ака*), *шулик*, *шулек* (*шулика*, *шулика*, *шулека*) для 'луня камышевого болотного', 'ястреба тетеревятника', 'ястреба перепелятника', 'канюка мохноногого', хотя в ряде пунктов той же зоны эти птицы называются также *ястраб*, *яструб*, *ястрабэц*, *страбэк*, *острабэц*, *коршун* (*коршун*), *коршак* (Никончук, 1968, с. 452, 467—468). При этом на севере Житомирщины, в Овручско-словечанской полосе слово *шуляк* отсутствует.

Любопытно, что в южноволынских говорах известно также не только, как отмечал Б. Д. Гринченко, *шул'ак* 'капуста, не выросшая в кочан' (ср. еще *шул'ак* 'недоразвитый кочан капусты', 'недоразвитый кочан кукурузы' — с. Рачковские Пилинки Чудновск. р-на), но и *шул'ак* 'кочан капусты' (с. Ходарков Попельнянск. р-на) с отпадением признака "плохой", *шул'ак* 'головка квашеной капусты' (с. Слобода Кустовецкая Хмельницк. р-на Винницк. обл.) с приобретением признака "квашеный"⁴. В полосе полесских говоров на границе с южноволынскими лексемами *шул'ак* манифестирует только семему 'недоразвитый кочан капусты, режа и кукурузы'. В ряде говоров различие в месте ударения используется в семасиологических целях. Так, на территории южноволынских говоров в с. Тютюнники (Чудновск. р-н) *шул'ак* 'ястреб тетеревятник', а *шул'ак* 'недоразвитый кочан капусты', в с. Суцанка (Попельнянск. р-н) *шул'ак* 'ястреб тетеревятник', а *шул'акі* — только мн. — 'недоразвитая капуста': *ідемо по шул'акі*. Это же явление известно и в полесских говорах: *шул'ак* 1. 'ястреб тетеревятник', 2. 'сорвиголова (о мальчишке)'; *шул'ак* 'капуста с незавязавшейся головкой' (с. Люновка Емельчинск. р-на). Значение

⁴ Этот и приводимый ниже без указания источника украинский диалектный материал любезно сообщил мне Н. В. Никончук. Ср. также: *шуляк* 'недоразвившаяся головка капусты' (с. Белоковичи Олевск. р-на, Ушомир и Васьковичи Коростеньск. р-на), *шуляк* синон. *репах* 'то же' (Лучанки Овручск. р-на), *шуляк*, *шульпак* 'то же' (Словечно Овручск. р-на) (Лысенко, 1966, с. 48, 59).

шўл'ак 'сорвиголова (о мальчике)' известно и в с. Яблонец (Емельчинск. р-н). Ср. болгарск. диал. родопск. *шўлек* 'незаконнорожденный ребенок' (сёла Момчиловци, Славеино, Виево, Кутела, Райково Смолянской околии) (Кабасанов, 1956, с. 88; Стойчев, 1965, с. 307), македонск. диал. кукушск. *шўл'ко* 'обращение к еще не крещенному мальчику' (Сакъов, 1967, с. 341).

Наиболее примечательно, однако, что на том же диалектном пограничье с южноволынскими говорами в полесском диалекте с. Торчин (Коростышевск. р-н) Н. В. Никончук отметил *йаструбёц* 'недоразвитый кочан капусты'. Это пока что единственное известное нам украинское соответствие череповецкому *ястребўха*⁵.

На Полтавщине в с. Харьковцы (Лохвицк. р-н) В. С. Ващенко записал *шуляк* 'капуста, которая не вяжется в головку, пустая маковка, вообще что-либо пустое' — *Уродили у нас на городі самі шуляки, доведеться тепер купувати на зиму капусту* (Ващенко, 1960, I). В рукописном словаре XIX в. П. Белецкого-Носенко, отражавшего во многом старую полтавскую речь, *шўляк* толкуется как 'ястреб, сокол' (Білецький-Носенко, 1966). На полтавское наречие опирается и Н. Закревский, объясняющий слова *шуляк*, *шуліка*, *шулік*, *шульпіка* как 'птица кобец, коршун' (Закревский, 1861). Последний термин *шульпіка* ж. 'коршун' приводит и Б. Д. Гринченко (со ссылкой на Е. П. Гребенко и А. П. Сторожено, писателей, происходивших также с Полтавщины). По данным В. С. Ващенко, *шульга* 'левша' «распространено только в полтавских говорах» (Ващенко, 1962, с. 57, карта на с. 164).

Смешение названий ястреба, сокола, коршуна, кобчика не должно вызывать особого удивления — у украинцев, так же как и у других восточных славян, у носителей ряда диалектов отсутствует четкое разграничение различных видов Accipitriformes. Это же неразличение характерно и для южных славян, прежде всего сербов и хорватов. Крупнейший знаток сербскохорватской народной орнитологической терминологии проф. М. Хирц отмечает, что «во многих местностях народ не имеет специальной номенклатуры для видов вообще Accipitriformes. Каждая большая хищная птица на-

⁵ Надо надеяться, что дальнейшая полевая работа диалектологов увеличит число примеров и фактов.

зывается просто *jastreb*, каждая небольшая *jastrebac*, *jastrebić*, *jastrebic*» (Hirtz, II, s. 167). Кроме того, забегаая в нашем изложении материала несколько вперед, отметим, что в приведенных случаях выступает, вероятно, обобщающее и притом табуистическое название хищных Accipitriformes. Собиратели и толкователи, очевидно, не всегда улавливали и отмечали этот момент.

Среди имеющегося в нашем распоряжении великорусского материала нет примеров, где бы лексема *шуляк*, *шулік* и т. п. относилась к семеме 'незавившийся кочан капусты', но немало случаев, когда она относится к семемам 'ястреб', 'коршун' и т. п. Ср. курск. *шулік* 'ястреб' (Опыт, 1852; Робуш, 1848), *шулик* 'коршун или ястреб' (Успенский, 1897), донск. *шуляк* и *шульпэк* 'коршун', курск. *шульпэк* 'коршун, птица, похищающая цыплят' (Кудрявцев, 1852); это же название коршуна *шульпек* и синоним *сарыга* отметил Машкин в «Дополнении к сборнику местных слов, употребляемых в Обоянском уезде»: Машкин, 1859), владимирск. *шульпэк* 'коршун, птица' (Бодров, 1848), наконец, кубанск. *шульніка* 'кобчик' (Науменко, б/г), вероятно, из украинского.

Объяснение возникновения народных восточнославянских орнитологических терминов *шуляк*, *шулик*, *шульпек* можно найти, обратившись к восточнославянским названиям левой руки и левши. Если интересовавшие нас орнитологические термины зафиксированы в основном в северо-восточно-украинских и южновеликорусских говорах (исключение представляет владимирск. *шульпэк*), то термины *шульга*, *шулепа* отмечены преимущественно в северновеликорусских и украинских говорах. Ср. укр. *шульга* 'левая рука и нога' (по И. П. Котляревскому, род. в Полтаве), 'левша' (б. Миргородск. у.) (Грінченко, IV), *шульга* 'левша' (Білецький-Носенко, 1966; Закревский, 1861)⁶, сев.-великорусск. архангельск. *шульга* 'левая рука' (Федоров, 1954), холмогорск. *шульга* 1. 'левая рука', 2. 'действующий левшею' (Грандильевский, 1907), каргопольск. *шульга* 'левая рука', 'человек, у которого сильнее развита левая рука' (Томилов, 1928),

⁶ Ср. также совр. диал. полтавск. *шульга* 'левша' (Ващенко, 1962, с. 57). Словарь литературного языка (УРС, VI) дает оба значения *шульга* 'левая рука или нога' и 'левша' с пометой «устарелое». Как отмечалось выше, *шульга* 'левша' — локально полтавский термин.

шульга 'левша' (Тучемская, 1915), усть-цилемск. *шульга* 'левая рука, левша' (Ивашко, 1956), соль-вычегодск. *шульга* 'левша, человек, дающий не правой, а левой рукой' (Дилакторский, 1902), пермск. *шульга* 'левая рука' (Огарев, 1848), пермск., оханск., соликамск. *шульга*, синоним *шуле́на* 'левая рука' (Волегов, 1850), пермск. усольск. *шульга* 'то же' (Опыт, 1852), вятск. *шульга* 'то же' (Красноперова, 1896), ю.-сибирск. *шульга* 'левша' (Гуляев, 1848). В Череповецком говоре, где отмечена *ястребу́ха*, по свидетельству М. К. Герасимова, *Шульга* известно лишь как прозвище.

Несомненный интерес представляет форма *шуле́на*, записанная Ф. А. Волеговым в бывш. Пермском, Оханском и Соликамском уездах (Волегов, 1850). В Пермской зоне слово *шуле́на* 'левая рука' зафиксировали также Огарев (см. Огарев, 1848) и А. Луканин (Луканин, 1858), а в Вятской *шуле́на* 'то же' В. Магницкий (Магницкий, 1885).

Основные трудности в объяснении формы *шуле́на* (*шуле́на*) вызывает неясный или мнимый суффикс *-на* (*-ена*). Его презрительный оттенок довольно четко выступает в существительном *гольте́на* (наряду с *голотьба́*, *голыдьба́* и др.) (Ушаков, I; Даль, I)⁷, но малое число примеров, возможно, по причине недостаточной изученности русского диалектного словообразования не позволяет сделать достаточно четкие выводы относительно происхождения и функции этого «суффикса». Тем не менее связь словообразовательных моделей *шульга* : *шуле́на* (*шуле́на*) — *шульни́ка* — *шульне́к* кажется мотивированной и не вызывающей особых сомнений (этим, вероятно, и обусловлено наличие *n* в форме *шульни́ка*).

Достаточно ясной оказывается и смысловая — семантическая связь: *шульга* 'левая рука', 'левша' (ср. русск. ц.-слав. *шүй* 'левый', ст.-слав. *шоуи* 'то же', сербскохорв. *шўва́к* 'левша', *шўвака* 'левая рука', словенск. диал. *šūj*, *šúja* 'левый, левая', *šújica* 'левая рука'), по древним, первоначальным представлениям — 'плохая рука', 'рука, относящаяся к плохой, злой стороне' (об этом подробнее: с. 144–152 наст. изд.), затем *шуле́на* 'то же' и *шуля́к*, *шули́к*, *шульне́к* с внутренней первоначальной формой 'плохая птица, поганая

⁷ Сюда же следует, вероятно, отнести и *шантропа* (*шантрапа*), восходящее к др.-чешск. *šantroh*, *šantroch* из ср.-в.-нем. *santroche* (см. Vasmer, III).

птица, птица, приносящая зло'. О такой семантике сигнализирует и южновеликорусск. рязанск. *шулёпно* (?) — 'обманно' (б. Михайловск. и Касимовск. уезды) (Будде, 1892, с. 69)⁸.

Поэтому, очевидно, неправ Г. А. Ильинский, предполагавший, что «раз существование звукоподражательного корня **shou-l-* есть доказанный факт, то, может быть, в свете его станет понятным и происхождение мр. (малорусского. — Н. Т.) и вр. (великорусского. — Н. Т.) *шу́ляк*, *шу́лик* 'коршун', а также мр. глагола *шулькати* 'кидаться, бросаться, падать сверху скорым полетом', *шулькнути* 'шмыгнуть' (Ильинский, 1915, с. 180)⁹. В формах, приводимых Г. А. Ильинским, *l* не исконного индоевропейского происхождения: оно возникло на месте *j* (ср. сербскохорв. *j > v*: *шувак* < *шујак*): *шу́ляк*, *шу́лик*, равно как и, по всей вероятности, образованное от них укр. *шулькати* с внутренней формой 'кидаться, как коршун, ястреб', слова и по форме (и по значению) более позднего (очевидно, и не общеславянского) происхождения, на что отчасти указывает и их географическая ограниченность в пределах ряда восточнославянских диалектов.

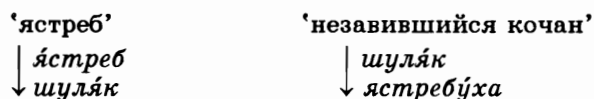
О том, что первоначальная внутренняя форма слова *шу́ляк*, *шу́лик*, *шульпéк* и т. п. была 'плохой, поганый, приносящий зло', свидетельствует не только связь с *шульга́*, *шулепа́* 'левая рука', но и многочисленные факты возникновения табуистических названий именно по указанной семантической модели — 'плохой, поганый, приносящий зло' (при этом часто может наблюдаться некоторая нерегулярность фонетических и словообразовательных корреспонденций). Богатую коллекцию таких примеров собрал Д. К. Зеленин (Зеленин, I–II). Он же отмечал также, что «в русских говорах встречаются заимствованные из чужих языков названия для ястреба, что так часто бывает в связи с запретами: олонекское *габун* взято из карельского (Живая Старина. 1892. № 4, с. 99); уржумское, на р. Вятке, *варáш* тождественно в коми-зырянском *vagyš* 'хищная птица', а

⁸ Знак вопроса после *шулёпно* поставлен Е. Ф. Будде.

⁹ Эту этимологию Г. А. Ильинского без особых комментариев привел М. Р. Фасмер, добавив ссылку на Д. К. Зеленина (см. ниже цитату и Гуляев, ркп.) и сопроводив всю статью заключительной пометой «Unklar» (неясно, см. Vasmer, III).

это последнее Р. Штакельберг («Древности восточные», I, с. 286) выводит из иранского языка; еще: *шугуй*, *шўлик* (Опыт, 1852, с. 268)¹⁰.

И если *шуляк*, *шўлик* 'ястреб, коршун и т. п.' возникло по табуистическим мотивам (хотя они могли и не присутствовать), то *шуляк*, *шўлик* 'капуста, не выросшая в кочан' просто означало 'плохую, непригодную капусту'. Внутренняя семантическая связь этих слов ощущалась, и она-то и привела к возникновению термина *ястребу́ха* 'незавившийся, неплотный кочан капусты'. Схематически это можно представить так:

Тот факт, что череповецкая *ястребу́ха* в известной мере изолирована, уникальна и значительно удалена от полесск. *ястребец*, *шуляк*, укр. *шуляк* и т. п., что в системе череповецкого говора и соседних диалектов нет одновременного употребления терминов *шуляк* 'ястреб' и *ястребу́ха* 'незавившийся кочан капусты', вероятно, говорит об относительной древности рассмотренного семасиологического процесса, происходившего в восточнославянском ареале, о том, что его, быть может, следует возводить к правосточнославянскому периоду¹¹.

¹⁰ См. Зеленин, II, с. 50—51. — Представление о слове *шулик* как о заимствованном ошибочно: оно не имеет прямых соответствий вне славянских языков.

¹¹ В. В. Сенкевич-Гудкова любезно сообщила мне, что *ястребу́ха* 'незавившийся кочан капусты' зафиксировано в дер. Ягрыш на берегу Северной Двины: *сёгуду у нас капуста плох́а уро́дилас' — ястребу́х не обереш́а* (записано у Рудаковой, 60 лет).

Этюды по семантике славянских географических терминов (*дрязга, рудина, раменье*)

Предлагаемые вниманию читателя этюды не вошли в мою книгу «Славянская географическая терминология» (М., 1969), но были включены в диссертацию на аналогичную тему (Л., 1972) вместе с рядом других еще не опубликованных разделов и статей. За прошедшее после их написания время вышло несколько томов «Этимологического словаря славянских языков» под ред. О. Н. Трубачева и «Праславянского словаря» под ред. Ф. Славского, в которых анализировались слова **dręza*/**dręgzь*, **dręgati* и производные. В то же время была опубликована статья Г. П. Клепиковой «Карпатская лексика и ее отношение к лексике иных зон славянского мира. 2—4», где подробно рассматривалось слово *ruda* (Клепикова, 1980, с. 102—119). Тем не менее особенности жанра этимологического словаря, равно как и специфические цели анализа, преследовавшиеся Г. П. Клепиковой, определили характер исследований, отличных от нашего, которое ставит ряд дополнительных семасиологических проблем. Этюды публикуются с небольшими дополнениями к тексту 1972 г.

Дрязга

Проф. Б. А. Ларин в его «Инструкции Псковского областного словаря» обратил внимание на один важный факт. «Составители областных словарей, — отмечал он, — предпочитают расчленение на “ряд омонимов”, избегая громоздких статей с развернутой полисемией, в которых необходимо бывает проявить и проницательность при раскрытии семантической филиации (всегда сколько-нибудь исторической), и сочетать точность формулировки каждого значения с единой пронизывающей смысловой доминантой, образующей логический стержень статьи. Это куда трудней, чем разбить полисемантическое слово на два, три, четыре “омонима”, не

задумываясь над взаимообусловленностью и преемственной связью значений мнимых омонимов. Необходимо строго держаться правила: разбивать материал одного фонетического слова на несколько статей как слова-омонимы только при наличии: 1) этимологических указаний на разное происхождение слов, совпавших в одной звуковой форме, или 2) при полной (проверенной) несводимости к единству, невозможности обнаружить какие бы то ни было следы семантического сдвига, обособляющего группу словоупотреблений» (Ларин, 1961, с. 15; Псковские говоры, I, с. 264—265). После приведенной цитаты непосредственно были даны примеры слов, не сводимых, по мнению автора, к одному этимону. В числе первых было следующее. «Без колебания, — писал Б. А. Ларин, — мы разделим на две статьи: *Гай*¹, я, м. Гомон, крик Δ на весь *гай* — во весь голос. Ср. *гайнуть* — “крикнуть”. Это слово имеет индоевропейские параллели (санскр. *gāyati* “поет”, лит. *gáida* — “мелодия, напев”, *gaidỹs* — “петух”). *Гай*², я, м. 1. “Отходы льна при сортировке”. 2. “Мятая, трепаная, сорная солома”. Ср. *гайна* — “мятая солома”. Не имея никаких славянских и индоевропейских параллелей, это слово может быть соотнесено с финским *haja*: *тешпа haja* — *lle* “рассеиваться, разбиваться”, *haja* — *apnus* — “разлом, раздробление”. Ср. эстонское *hajali* — “врассыпную, вразброс”, *hajuma* — “рассеиваться, развеиваться» (Ларин, 1961, с. 15; то же Псковские говоры, I, с. 265).

С критикой Б. А. Ларина в адрес составителей многих областных словарей трудно не солидаризироваться. Особенно плодотворными являются идея выявления смысловой доминанты, организующей объяснительную часть словарной статьи, и требование «разбивать материал одного фонетического слова» лишь при полной несводимости семантики слова к единой семантической цепи. Оба эти вопроса требуют отдельного обсуждения. Поэтому, не вступая в полемику о том, можно ли в областном словаре давать в виде омонимов слова, явно восходящие к одному этимону, но значительно разошедшиеся в семантическом плане, отметим лишь, что именно руководствуясь вышеизложенным принципом и идеями Б. А. Ларина, два «разных» слова *гай*, на наш взгляд, вопреки предположению Б. А. Ларина о финском происхождении *гай*², можно отнести к одному этимону. Это допусти-

мо потому, что в данном случае нет «полной несводимости к единству» этих двух слов.

К такому выводу, нам кажется, могут привести имеющиеся данные по слову *гай* и по другим лексемам, обладающим сходной семантической амплитудой колебания. Обращаясь к Псковщине, материал которой был привлечен Б. А. Лариным, мы видим, что лишь на ее территории, по данным Псковского областного словаря (Карт. ПОС), *гай* означает не только 'лес, молодой лес' (вероятно, также иногда и 'ветки деревьев') и 'шум, крик', но и 'куча хворосту', 'хворост, ломаные ветки', 'мусор, отбросы при сортировке соломы при обработке льна', 'мусор на гумне', 'мятая, сорная солома', 'плохой лен'. Ср. псковск. *гай* 'лес': за зяром у нас гай (д. Мошарино, Великолукск. р-н); 'роща': рассёт гайком, кучачкай, вот эта гай (д. Але, Новосокольск. р-н); 'молодой лес': гай, где выжгли лес, там другой растёт (д. Пахомово, Великолукск. р-н); 'ветки деревьев': Пойду, выйду за ворота, поломаю гаю (в народн. песне, Копаневич, 1907, с. 59); 'хворост, ломаные ветки': гай, хв́арас разный, вот эта гай (д. Лямены, Красногородск. р-н), весь лес загадили, бессовестные, кругом гай (д. Рыбиха, Карамышевск. р-н); 'мятая, сорная солома': добрую салóму вытрясут и гай остаёцца (д. Б. Толбицы, Псковск. р-н), в машины салóма мелкая фся згайтца, га́им и называ́йтца (д. Троицкие, Островск. р-н); 'отходы льна при сортировке': атхот ата льна — эта гай, ён проц идёт (д. Капошино, Островск. р-н, Карт. ПОС); 'лен плохого качества': патом привязли га́ю и заладили крóвлю (д. Ольгино Поле, Псковск. р-н, сообщил А. И. Корнев). Ср. также *гайна*, *гаянина*: 1. 'отходы льна', 2. 'плохая, ржаная солома', *гаино*, *гайнец*, *гайница*, *гаюша* 'отходы льна', *гайница*: 1. 'отходы льна', 2. 'плохая, ржаная солома', 3. 'спутанные нитки' (Карт. ПОС)¹.

Для решения вопроса о возможности заимствования из финского существенны данные о географии слова *гай* в значении 'мусор, отбросы' и т. п. Показательно, что на Брянщине, на территории, применительно к которой говорить о финском влиянии значительно труднее, чем в отношении Псковщины, зафиксированы те же значения — *гай* 'мусор,

¹ См. перечень, разбор и компонентный анализ значений слова **gaɲ* во всех славянских языках: Толстой, 1968, с. 348–352; наст. изд., с. 22–27.

отбросы', 'мусор на гумне' (Карт. БОС). Кроме того, *гай* 'солома, идущая на подстилку свиньям', 'место, где спят свиньи', встречается и на белорусской территории, близкой к псковской (район Витебска, к юго-востоку и юго-западу от Витебска). Не меньшее значение для определения этимона псковск. *гай* 'отходы льна при сортировке', 'мятая, трепаная, сорная солома' имеет география слов, обладающих близкой амплитудой колебания, например лексемы ⁺*šima*. И для слова ⁺*gajъ*, и для слова ⁺*šima* характерна определенная и притом во многом совпадающая география семантики слова, география семем². Чем больше будет выявлено случаев аналогичных семантических переходов на примере разных слов (лексем), тем убедительнее окажется предлагаемая этимология. Эта убедительность возрастает при изоморфности ряда семантических изоглосс (изосем).

В связи с этим интересно рассмотреть развитие значений славянского географического термина ⁺*dręzga* (⁺*dręzgъ*, ⁺*dręzna*).

Н. П. Гринкова посвятила русскому слову *дрязг* отдельную статью в монографии «Вопросы исторической лексикологии русского языка» (Гринкова, 1962, с. 173—178). Это освобождает нас от изложения всей совокупности фактов русского языка и позволяет сосредоточить внимание на основных моментах семантической эволюции слова в разных славянских языках и диалектах, учитывая при этом и различные эпохи их развития.

В современном русском языке слово *дрязг* означает 'мусор, отбросы, хлам' (ССРЛЯ, то же в толковом словаре под редакцией Д. Ушакова — 'сор, мусор, хлам' с пометой *обл.*), а в древнерусском языке *дрязга*, *дразна*, *дразда* значило 'лес' (Срезневский, I). Такое значение известно и современным русским ярославским говорам — *дрязга* 'лесистая болотистая местность' (Мельниченко, 1961). Именно эта же семема 'лес' (иногда 'кустарник') сохраняется и поныне в болгарском языке в сочетании с лексемами *дрездак*, *дрзздак* (Младенов, 1951), входящими в один словообразовательно-семантический «лесной» ряд — *гъстак*, *дрebak*, *шумак*, *шибак* и т. д.

² Ср. показательную в этом отношении эволюцию значений заимствованного в восточнославянских говорах из балтийского слова *пелька*: последовательное удаление первоначального значения слова по мере его географического отдаления от эпицентра. См.: Толстой, 1969а; наст. изд., с. 306—320.

В западноболгарском орханийском говоре (с. Краево, район Ботевграда, на сев.-восток от Софии) Ст. Илчев зафиксировал термин *дрезга* 'мелкий, густой лес' (БД, II, с. 190), известный также в районе около г. Своге (западнее Ботевграда, 40 км севернее Софии, БЕР, VI). В районе Калोфера термин *дрѣзга* 'густой лес' записал Ст. Стойков (Стойков, 1968, с. 11). В тех же приблизительно пределах, как можно судить по имеющимся данным, распространен и диалектный термин *дрездак* 'лес, кустарник' (БЕР, VI, сведения взяты из описания орханийского говора Г. Попиванова). Относительно же географии диалектного *дрѣздак* 'лес, густой лес, мелкий лес' (Геров, I), лексема которого является фонетическим вариантом формы *дрездак*, точных сведений не имеется. Формы *дрездак* и т. п. возникли, как полагают, в результате ассимиляции из **дрезгак*. Еще в старославянском тексте восточноболгарского происхождения (Супрасльская рукопись) встречается *дрѣзга* 'лес'³. Ср. макед. диал. *дрезги* 'низкий, густой лес' (Тиквешко, MJ, 1951, II, № 8, с. 190); возможно и *дрска* 'густой лес' (район Жупы, MJ, 1953, IV, № 8, с. 190), макед. литер. *дрезга* 'поточник, *Sium latifolium*' (PMJ), с.-хорв. *дрѣзга* (и *дрѣзга*): 1. разные виды водорослей и других болотных растений, как-то: а) 'вид мха, *Fontinalis antipyretica*', б) 'ряска, *Lemna*', в) 'головчатая плесень, *Mucor*', г) 'уруть, *Myriophyllum spicatum*', д) 'жеруха, режуха, *Nasturtium officinale*', е) 'поточник, *Sium latifolium*'; 2. диалектн. ресавск. 'тина, нитчатка'; 3. диалектн. переносн. сремск. 'сильная и толстая женщина' (РСХКНЈ, Симоновић, 1959). Из южнославянского источника и арумынск. *drízgá* 'чаща леса' (Papaňagi, 1963). Ср. также польск. диал. *drzęzg* 'щепка, небольшой кусочек дерева' (SP, IV, s. 226).

Сведения о том, что в сербскохорватском языке существует географический апеллятив *дрѣзга* 'лес, Wald', не подтверждаются существующими источниками. Известен лишь топоним *Дрѣзга* (Черногория, Пипери — РСХКНЈ), «семантика» которого, естественно, точно не определима⁴, и апел-

³ См. подробнее: Дуриданов, 1963, с. 206.

⁴ Заблуждение некоторых исследователей относительно того, что существует сербскохорватский географический термин *дрѣзга* (см., например, цитируемый выше труд Дуриданов, 1963, с. 206), возникло потому, что Й. Шютц (Schütz, 1957, S. 14, 58) невнимательно отнесся к одному месту из университетского курса проф. А. Белича (Белић, б/г, с. 97; то же: Белић, 1960, с. 72), где сказано дословно следующее: «А

лятив *дрездѣк* (реже *дрейдѣк*) 'мелкий лес (ореховый, кизилловый, грабовый и под.)' в тимочско-лужничском — враньском диалекте (Златановић, 1979, с. 131—132). Ср. выше болг. *дрездак*. Что касается терминов водорослей, тины, ряски и т. п. в сербскохорватском и македонском, то здесь возможен перенос 'мелкий лес' → 'подводная мелкая растительность' при дополнительной микронизации и конкретизации (отнесенности к видовому референту) семемы.

О более широко, чем указанное, распространении термина *дрезга* на болгарской территории косвенно свидетельствуют не только данные топонимии (главным образом западноболгарской), но и часто встречающиеся в болгарских диалектах (и литературном языке) дериваты *дрезгав*, *дрезгавина*, *одрезгавя* и т. п.

Прилагательные *дрѣзгав* 'хриплый, сиплый (о голосе)' и *дрѣзгав* 'тусклый, сумеречный (о свете)' (БТР, РСБКЕ, БЕР) подаются в «Болгарском этимологическом словаре» (БЕР) как омонимы⁵. Между тем есть все основания сводить их к одному этимону и видеть в их семантике одно инвариантное значение, употребляемое под разными регистрами (регистр звука и регистр света). Третий, обычно всегда наличествующий в подобных случаях, регистр движения выявляется на сербскохорватском диалектном материале: *дрѣзгати*, -ѣм: 1. 'дрожать, стучать зубами' (Средний Тимок), 2. 'с трудом работать, выбиваться из сил, разрываться' (Косово и Метохия, Елезовић, I, РСХКНЈ). Того же характера словенск. *drêzгati* 'мять, стискивать' (Pleteršnik, I), польск. диал. *drzezgać* 'разбивать, ломать' (SW), русск. диал. уральск. *дрѣзгаться* 'брыкаться, лягаться', 'дергать, переступать ногами (о животном)' (СРНГ), болг. диал. ихтиманск. *дрезгѣвам* 'изнемогать, мучиться' (БД, III, с. 60). Труднее объяснимы сербскохорватские диалектные дериваты *дрѣзгоња* 'здоровый и

(е) = е... дрезга (назив дразга — шума)». Здесь привлечен прежде всего исторический и к тому же топонимический (о чем свидетельствует пояснение: *назив* 'название') материал. Недоразумение возникло, вероятно, оттого, что в упомянутых трудах А. Белича интересующее нас слово не написано с прописной буквы. П. Скок справедливо отмечает: «*drêzga*... Не подтверждено в значении 'лес', как в староцерковнославянском и болгарском» (Skok, I).

⁵ Как два значения одного слова они представлены в РСБКЕ и БТР; не разделяет их и Младенов, 1941.

крупный человек, мужчина', *дрэзгуля* 'здоровая и крепкая женщина' (Левач и Темнич, РСХКНУ).

Почти все известные неславянские соответствия, правда, на корневом уровне, славянскому ⁺*dręzgz* свидетельствуют об ономатопеическом значении 'шум и т. п.' (т. е. 'звучание'): др.-индийск. *dhṛāṇati* 'звучит', лат.-кельтск. *drēnsō* 'о крике лебедей', средн.-ирландск. *drēsacht* 'треск, шум', нижненемецк. *drunsen* 'тихо мычать', ново-верхн.-немецк. *trensen* 'протяжно мычать', голландск. *drensen* 'стонать', греч. *θρήνος* 'оплакивание покойника', готск. *drunjus* 'звук', ново-верхн.-немецк. *dröhnen* (из *drönen*) 'гудеть, греметь' и др. (см. Фасмер, I со ссылкой на Вальде-Гофмана, Бузака, Траутмана; а также см. Pokorny, 1949).

Таким образом, семантика болг. *дрэзгав* 'хриплый, сиплый' (т. е. 'слабый, ослабленный'. — Н. Т.) — о голосе' восходит непосредственно к древнему общеиндоевропейскому значению корня *dhṛēn*: 'звучать, гудеть'⁶, подобно тому как псковск. *гай* 'шум, гомон' соотносится с др.-индийск. *gāyati*, *gāti* 'поет'. Дальнейшее семантическое развитие 'шум' → 'лес' уже не должно вызывать недоумения. Поэтому едва ли правомерно представлять в виде омонимов *дрязг*¹ 'шум, ссора' и *дрязг*² 'бурелом, валежник, сплавной лес', как это делает М. Р. Фасмер на русском материале (Фасмер, I).

Относительно др.-рус. *дрязга* 'лес', приведенного в словаре И. И. Срезневского в ряду примеров, взятых из переводных памятников (списков), может возникнуть сомнение, не является ли это слово заимствованием из южнославянского (церковнославянизмом). Однако примеры, приводимые Н. П. Гринковой из старорусских текстов более позднего периода, свидетельствуют о том, что слово *дрязга* в отмеченном значении могло существовать в русском языке. Ср.: «...дорогу замѣтали великимъ дрязгомъ»; «...где чищено дрова в сажени, а дрязг в валы и велеть жечь»; «...проѣхали городок Нижній Михалевъ, огороженъ дрязгомъ» (XVII в., Гринкова, 1962, с. 175), где *дрязг* означает, вероятно, 'хворост, хворост для изгороди', 'сушь, ветки, древесный сор'.

В великорусских диалектах зафиксировано: курск. *дрязг* 'хворост, сушняк, хлам в лесу, валежник, бурелом, сушь'

⁶ Ю. Покорный вопреки своему обыкновению не дает толкования для корня *dhṛēn* (Pokorny, 1949, s. 255—256), но оно довольно ясно выводится из приводимых им индоевропейских примеров.

(Даль, I), пензенск. *дрягз* 'сушник, мелкий хворост, заглохший в чаще леса' (Опыт, 1852), уральск. *дрягз* собир. 'мелкие хозяйственные домашние вещи, предметы обихода' (Туринск. р-н, ССУ), калужск. *дря(с)згá* 'песчаная жидкая грязь' (Даль, I), *дрáзга* 'песчаная грязь' (б. Медынск. уезд, Калужск. губ., Данилевский 1849)⁷ и *дрáзга* 'студень без мяса и костей' (б. Медынск. уезд, Калужск. губ., Косоголов 1916). Ср. примеры *дрыгвá* 'болото' и 'студень' и т. п. В. И. Даль без указания на место распространения дает *дрягз* м. 'сор, хлам, дрянь', 'дром, сушь, сушник, хворост, друз', 'нанос, прутья, листва, тростник, наносимые водою' (Даль, I) и переносно *дрягз* 'сплетни, пересуды и переносы, или пустые ссоры и перекоры' (Даль, I), наконец, *дряггá* 'калега, хижá, рянда, дряня, мокрый снег сверху' (Даль, I), знаменующее переход интересующего нас термина в сферу метеорологической терминологии.

Есть основание вслед за В. М. Мокиенко (Мокиенко, 1969, с. 363) к изложенному выше материалу причислить также псковск. *дрызэль* (с очевидным упрощением группы *зг*) 'вязкое болото' или 'грязь' — *дризель*, *грязь*, да как *празжорина тая балота*, как *кисэль* (д. Жидилов Бор, Псковск. р-н; более вероятно, судя по единственному примеру, что значение слова *дризэль* только 'грязь'). Семантическая связь, или скорее тождество — *дряггá* 'мокрый снег, калега' и **дрызгэль* (с типичным для определенной семантической группы суффиксом *-ель*: *капель*, *мокрель*, *жидель*, *кисель* и т. п.) 'грязь, слякоть' весьма показательна.

Допуская возможность отнесения великорусских диалектных форм *друзг* и т. п. к тому же корню, что и *дрягз*, и признавая наличие вариантов с чередующимися *е* и *о* — *dręzgъ* : *drozgъ* (*dręzga* : *drozga*), как и в терминах *gręzъ* : *grozъ*, пополняем серию приведенных примеров: смоленск. *друзга* 'вообще все рыхлое и сухое, сор, сухой лист и прутья под ногами' (Даль, I), вологодск. *друзгí* 'хмель из пива' (Макаров, 1848), вологодск., тотемск. *друзгí* м. мн. 'хмель, выжатый из пива' (Опыт, 1852; отсюда Даль, I), хотя М. Фасмер, на наш взгляд, напрасно отделяет *друзг* 'хво-

⁷ Сокращения типа «Муллов 1863», относящиеся к материалам великорусских говоров, отдельным списком не приводятся и не раскрываются, т. к. их можно найти в «Словаре русских народных говоров» (вып. 1, М.—Л., 1965). Сокращения населенных пунктов Полесья: Бд. — Буда, Дв. — Довлады, Кн. — Конотоп.

рост, бурелом', *друзга* ж. 'опавшая листва, ветки' от слова *дразг*, не соглашаясь с Э. Бернекером, возводившим в.-рус. *друзг* к **drozgz* и сближая с др.-польск. *druzgać* 'крошить на мелкие куски', литов. *drūzgù, drūzgėti* 'крошиться' и т. п. Ср. чеш. диал. карловицк. *drúzgat* 'ломать (хвойные ветки и т. п.)' (Svěrák, 1957).

Семантическое сближение *друзг* 'хворост, бурелом' с *дразг* 'сушняк, мелкий хворост', по нашему мнению, предпочтительнее сближения с *druzgać* 'крошить на мелкие куски'. Не исключается при этом общее этимологическое родство **dręzgz*, **drozgz* и польск. *druzgać* (Ślawski, 1947).

Из западнославянского материала, бесспорно относящегося к восточнославянскому *дразг*, *дразги* и южнославянскому *дрезга*, следует отметить др.-польск. *drzqzg, drzqzdze* 'гибкие прутья, ветки' (Ślawski, I, 173), польск. диал. *drzęzg* 'щепка, чурка' (SW).

В этом этюде подробно не рассматривается вопрос о дальнейших этимологических связях славянск. **dręzgz*. Помимо вполне очевидной связи со славянск. **drozgz* (чередование *ę / o*), не обнаруживается родство со славянск. **drězga* (возможно и **trěska*), при допустимости признания чередования *ě : e* (и пары звонкий/глухой типа *брызгать/прыскать*). Ср. польск. *drzazga, trzaska* 'щепка', польск. диал. *drzyzga* 'то же' (SW), чховск. *dřyzga* 'щепочка' (Kosiński, 1914), южно-куявск. *drzázga, drzázgownica, drzázgownik* 'тонкая дощечка, привязываемая к сети для устрашения рыб' (Pracki, 1908, s. 108), кашуб. *dřązga* 'щепка, лучина', *dřazgovník, dřazgovníca* 'канат в сети рыболовецкой с привязанными к нему дощечками' (Sychta, I), чеш. диал. *dřízka* 'то же' (PSJČ). Однако привлечение этого материала тоже не внесло бы принципиальных изменений, добавлений или опровержений характера семантической цепи, образуемой мутацией значений интересующего нас слова, в то время как характер его этимологического тождества с термином **dręzgz* (**dręzga*) требует специального рассмотрения.

Таким образом, и на примере лексемы **dręzgz* устанавливается семантическая цепь 'шум' → 'лес' → 'хворост, валежник' → 'сор, мусор'. Дальнейшая эволюция конкретизирует и модифицирует в ряде случаев семему 'сор, мусор' в направлении 'хлам, мелкие вещи' или 'песчаная, жидкая грязь' и т. п.

Некоторых пояснений требуют болгарские данные. Вопреки мнению составителей «Болгарского этимологического словаря» (БЕР), диалектн. *дрезгач* 'каменистое или песчаное поле (пахотное) или местность' (с. Тишаново, Кюстендилск. околии, БЕР) следует, имея в виду последовательность семантических процессов, объединять не с *дрезгав* 'о свете: неясный, полутемный', а выводить непосредственно из *дрезгак* 'лес, кустарник'. Не исключена возможность, что при этом произошла перемена суффикса из-за утери признака «лесистость» (*ак/ач*). Характерно, что термин *дрезгач* относится, так же как и *дрезгак*, к западноболгарскому ареалу. Примеры подобных семантических переходов 'лес' → 'каменистое поле', 'лес' → 'поле' столь многочисленны, что данный случай не требует специального объяснения (см. ⁺*gozdъ*, ⁺*gaјъ*, Толстой, 1969, с. 61—64, 48—56). Неправильное объяснение семантического процесса, на наш взгляд, дано в БЕР применительно к прилагательному *дрезгав* 'о свете: неясный, полутемный' (диалектные значения см. ниже), происходящему, по мнению авторов словаря, от *дрезга* 'мелкий лес'. Для объяснения такого перехода предлагается следующая мотивация: «который видим как через лес, т. е. 'без очертаний, сумрачным, полутемным'» (БЕР, VI, с. 424).

Более убедительным нам кажется объяснение, согласно которому *дрезгав* 'о свете: неясный, полутемный' связано непосредственно с *дрезгав* 'о голосе: хриплый, дрожащий'. Притом здесь лексема *дрезгав* выступает под разными семантическими регистрами (в разных семантических сферах), в которых она могла появиться одновременно, и трудно утверждать, что, например, значение звука первично, а света — вторично. Любопытно, что в том и другом случае достаточно четко выступает признак «ослабленности качества». Его можно усмотреть, как отмечалось выше, и в семеме 'мелкий лес' в отличие от семемы 'лес вообще' (старославянские и древнеболгарские примеры, вероятно, также связаны со значением 'мелкий лес').

На возможность подобного параллельного употребления термина в двух или трех регистрах (в данном случае 'звук' ↔ 'свет' → 'движение') указывают многочисленные примеры⁸. Приведем один из них, основанный на значениях вос-

⁸ См. значительное число примеров только из верхнелужицкого и притом лишь слов с суф. *-ot*, выступающих под семантическими регистрами 'звук' — 'свет' — 'движение', в статье: Толстая, 1971.

точнославянского глагола *ягать*. Семантика глагола *ягать* отражает два момента: 1. 'интенсивность говорения (звука)' и 2. 'интенсивность пламени (света)'. Ср. вологодск. кадниковск. *ягать*: 1. 'громко кричать, браниться': Ей уже не унется *ягать* с бабам, 2. 'сильно пылать (об огне)': пристав к печке-то горшки-то — смотри, как там уж *ягает* (карт. СРНГ, под. 1866 г.), *ягать* 'сильно или громко кричать (в брани)' (с. Пралово, Попов 1855), *ягать* 'орать, шуметь, бранить, вздорить' (Дилакторский 1902), вологодск. *ягать*, *ягает* 'высоко выкидывает' ('интенсивно горит, светит'. — Н. Т.): как огонь-то *ягает*, сколь высоко (Грязовецкий и Вологодский уезды, Обнорский б/г), тверск. не *яжи* 'не кричи' (Дурново 1904—1914), новгородск. *ягать* 'кричать' (Н. Соколов 1911), пермск. *ягал* 'кричал (с ругательством)' (Огарев 1848), пермск., оханск., соликамск. *ягать* 'кричать, бранить' (Волегов б/г), сибирск. *ягать* 'кричать, шуметь' (Опыт, 1852), барнаульск., томск. *ягать* 'кричать' (Оловяников 1851), южносибирск. *ягать* 'кричать, шуметь, размахивая руками' (Гуляев 1847, 1848), нерчинск., забайкальск. *ягать* 'гневаться, сердиться' (Боголюбский б/г). Примеры с дальнейшим развитием значения от 'кричать, громко говорить' немногочисленны: енисейск., красноярск. *ягать* 'капризничать, быть сварливой (применительно только к женщинам)': Ой, не *ягай*, Марья, — худо будет! (Анучин 1904), нижегородск. *ягать* 'сильно противиться, настаивать на своем': — Ну, батюшки, *заягáлся*, никто не хочет слушать! (с. Сурадзево, Нижегородск. уезд, Бутурлин 1852, отсюда и Второе Доп. 1905—1921).

Таким образом, для славянского **dręza* и т. п. можно предложить следующую этимологию. Индоевропейский корень *dhreǵn-* 'звучать, гудеть' пережил на славянской почве в семантическом отношении определенную эволюцию, имеющую достаточное число аналогий. Он выступал не только в семантической сфере (регистре) «звучания», но и в сфере «света» и даже «движения», имея, видимо, в трех случаях ослабленную степень качества ('хриплый, слабый' — о голосе, 'брезжущий, слабый' — о свете, 'дрожать, стучать зубами' — движение). По модели *šuměti* — *šuma* 'шуметь' (ср. русск. просторечн. *шуметь* 'говорить') → *šuma* 'лес' → 'листва' → 'мусор' **dręza* (**dręzgъ*), видимо, также получило значение 'лес' (часто с дифференциальным признаком «мелкий, слабый»), а затем и 'сор, мусор', 'хлам' и т. д.

Рудина

В связи с известным славянским географическим термином **polnina* несомненный интерес представляет и термин **rudina* (**rōdina*?). В книге «Славянская географическая терминология» приводился зафиксированный в центральной Сербии, в Герже, пример, в котором объяснялись слова *планина* 'довольно значительное пространство с лесом и пастбищем в третьем, самом возвышенном хозяйственном поясе', *утрине* 'луга с травой' (очевидно, в первом поясе. — Н. Т.) и *рудина* 'луг с травой, опаленный солнцем' (видимо, во втором поясе. — Н. Т.) (Петровић, 1948, с. 31). Эта важная запись этнографа П. Ж. Петровича, где все три термина даны в их взаимоотношении, к сожалению, пока в научной литературе остается единственной. Другие записи и свидетельства этнографов и лингвистов рассматривают термин *рудина* в общем изолированно от иных терминов, хотя и такое рассмотрение имеет несомненную ценность. Так, в сравнительно близкой к центральносербской — черногорской зоне П. Ровинский отметил следующее значение интересующего нас апеллятива. «Очень распространено в Черногории, — писал П. Ровинский, — название *рудина*, что означает местность наверху пологого возвышения, не загроможденную скалами, хотя и усеянную камнями, хотя и покрытую мелкой травой (*чипа*), которую не косят; а зато она служит хорошим пастбищем... В Подгорице так называют лужайку, покрытую травой, и говорят: "Ајдемо, да сједнемо на рудину"» (Ровинский, 1905, с. 605). Загребский академический словарь объясняет термин *рудина* через ряд синонимов — *тратина*, *утрина*, *поље*, *пољана*, *ливада* 'невспаханная земля, луг, лужайка, открытое, поросшее травой и свободное от деревьев и кустарников место' с пометой «смотря как в каком примере» (RHSJ) и приводит ряд толкований из других словарей — 'луг', 'участок земли, поросший мелкой травой' (по Поповичу и Ивековичу и Брозю). Из иллюстративных примеров видно, что *рудина* обычно покрыта травой — клевером, а иногда *рудина* может означать и 'мелкую луговую траву' (RHSJ). Ср. аналогичные случаи общего названия травы и места, где она растет, приведенные в моей книге (Толстой, 1969, с. 247—249).

Географическое распространение слова *рудина*, судя по цитатам из разных источников, достаточно широкое на

сербскохорватской диалектной территории (RHSJ). Термин известен и в Сербии, и в Хорватии, и в Боснии, и в Далмации, и в Истрии (во мн. числе *rudini*). К сербскохорватскому ареалу термина и формы лексемы *рудина* примыкает довольно обширная болгарская зона, где известны *рудина*, *рудинява*, *рудинак*. Территория распространения этих терминов — в основном западная и отчасти центральная Болгария. Словенск. *rodina* 'плодородная земля', 'осока, очеретник' — 'Humuserde', 'Riedgras' (Pleteršnik, II), *ródina* 'ситник; осока' (SSHS) относится некоторыми учеными к тому же корню и образованию, что и с.-хорв. *рудина* (предполагается с.-хорв. рефлекс $\rho > u$ и словенск. рефлекс $\rho > o$), хотя не исключена возможность, что словенск. *rodina* восходит к корню *rod-*. Ср. словенск. *roditi* 'родить', с.-хорв. *родна земља* 'плодородная почва' и т. п.

Болгарск. *рудина*, по свидетельству И. Странского, «значит место, очищенное от зарослей, и соответствует подсеке (требеж), хотя означает горное пастбище, ровное место на горе с хорошим лугом, а также и почву на таком лугу» (Странски, 1957, с. 355—356). Определение И. Странского не вызывает никаких сомнений во второй его части — «горное пастбище и т. д.»; что же касается первой части, то и такое значение возможно, хотя оно требует проверки. Проверка желательна потому, что возникает опасение, что первая часть дефиниции заимствована из словаря С. Младенова, где она могла возникнуть из соображений этимологического характера. С. Младенов, на наш взгляд, несколько отвлекаясь от наиболее распространенного значения термина *рудина*, известного в современных говорах, и сближая его с индоевропейским корнем **reu-dh* 'корчевать, теребить, очищать почву от деревьев и кустов'⁹, заявил, что «рудина́ может означать и место, очищенное от зарослей» (Младенов, 1941). И хотя другие источники, кроме монографии И. Странского, не отмечают для термина *рудина* семы "выкорчеванный", присутствие ее (возможно, еще не выявленное достаточно четко) в болгарских диалектах предположить можно, так как существует польск. диал. *rudowina*, *rudowizna*, *rudowisko*, *wyrudowisko*, *noworudowisko* 'новина, выкорчеванное из-под леса поле', *rudożisko* 'то же' (Ольштын), *rudować* 'корчевать', синонимы *karczować*, *nowinować* (все примеры из Ма-

⁹ Ф. Славский, однако, для этого же корня **reudh-* предполагает значение 'красный' (см. Slawski, 1947, s. 267).

зовецкого Поморья, Judyska, 1963, s. 77—78). Не исключена возможность, что новые диалектные разыскания подтвердят материал И. Странского. Что же касается польск. диалектн. *rudowina* и т. п. 'новина, выкорчеванное поле', то следует учитывать, что значение локально, и на польской диалектной территории шире распространены термины *gudowina*, *rudawina*, *rudowizna*, *rudowisko* 'болото с болотной рудой, с окраской руды' (SW). Очевидно, значение 'новина' возникло в результате семантической мутации 'болото, болотная почва' → 'непахотная земля' → 'непаханная земля'.

Обращаясь вновь к болгарскому материалу, отметим, что Н. Геров без указания сферы распространения термина толкует слово *рудина* как 'ровная поверхность в горах с хорошим пастбищем', 'горное пастбище, луг' (Геров, V). И. Странский отмечает, что термин *рудина* (преимущественно применительно к почве) зафиксирован в Кульской округе (села Чичил, Цар Петрово, Бояново и Пседерцы), а также в округах Ловчанской (села Катунец и Драгана) и Белослатинской (с. Габаре), где иногда он относится к каменистой и даже к заросшей кустарниками почве. В с. Горна Бешовица (Врачанско) такая почва носит название *руднява*, а в с. Радомирци (Луковитско) — *рударня* 'каменистая почва, используемая под пастбище'. И. Странский приводит также значительное число примеров употребления прилагательного *руднява* по отношению к почве в тех же округах — Кульской, Ловчанской, Белослатинской, Плевенской, Врачанской. В с. Косталево (Врачанско) говорят *руднява*, а в с. Враняк (Белослатинско) — *рудава*. Наблюдения И. Странского подтверждаются другими источниками, свидетельствующими о том, что *ру́дина* 'голая вершина горы, горная вершина, покрытая камнями без какой бы то ни было растительности' (гор. Видин, СБНУ, V, 226), *рудина* 'ровная поверхность в горах, поросшая низкой травой' (софийск., БД, I, 266), *рудинъ* 'местность с красной («рудава») почвой' (белослатинск., ИИБЕ, IV, 166), *рудина* 'возвышенное, довольно ровное и обширное место в горах, поросшее травой, где есть выпасные луга' (с. Бобошино, Кюстендилск. окр., запись Андоновой, Григорян, 1975), *рудина* 'холм, возвышение' (с. Годеч, Григорян, 1975)¹⁰. В македонских говорах *ру́дина*

¹⁰ Н. П. Ковачев в книге «Местните названия от Севлиевско» (София, 1961) приводит ряд топонимов: *Рудинъ* — каменистое пастбище; лес, пастбище; пастбище с низкой травой; обширное каменистое пастби-

‘горная равнина (ровное пространство), покрытая травой и лишенная леса’ (Прилеп., СбНУ II, 196), *рудина* ‘горное пространство, поросшее кудреватой травой’ (Разлог, СбНУ, XLVIII, 519). Последняя форма и значение характерны и для македонского литературного языка (РМЈ).

Фонетическим вариантом лексемы *рудина* в северо-западных болгарских говорах в районе городов Враца, Оряхово и Луковит выступает *родина* (с. Ыглен, Луковитско), прилагательн. *родинява* (с. Чирен и с. Царевец, Врачанско), *родинява земя* (г. Оряхово, Странски, 1957, с. 356). Термин *родина* имеет то же значение, что и *рудина*.

Происхождение этих форм не совсем ясно, и в связи с ними возникает естественный вопрос об этимологии сербскохорватского и болгарского слова *рудина*. Совершенно очевидно, что от характера корня зависит и объем привлекаемого для сопоставления материала, равно как и наоборот — объемом привлекаемого материала может определяться выбор корня, так как семантика почти во всех случаях сходна или достаточно близка.

В научной литературе интересующий нас вопрос решается по-разному. Й. Шютц видит в слове *рудина* корень **rod-*, на что, по его мнению, указывает и словенск. *rodina* ‘Humuserde’, ‘Riedgras’ (‘гумусовая почва, плодородная почва’, ‘осока’), и польск. *redzina* ‘карбонатовая почва’, ‘выветрившийся гипсовый миоценовый мегрель, весьма урожайная, но трудная для обработки почва, так как после дождя она вязкая, а высохшая — твердая, как камень’ (SW), а также с.-хорв. *rūd* ‘курчавый, кудрявый’ и *rūdast* ‘то же’ (RHSJ) и словенск. *ród* ‘шершавый, курчавый (о волосах)’, ‘необработанный’ (Pleteršnik, II, Schütz, 1957, S. 56). Польск. *redzina* и с.-хорв. *рудина* сближают А. Брюкнер (Brückner, 1957), Й. Едвай (RHSJ) и др. (см. литературу вопроса у Nitsche, 1964, S. 101). Существует, однако, и польск. *rudo-wina* ‘болото с болотной рудой’, ‘новина, выкорчеванное из-

ще (с. 251) и отмечает, что они возникли от географического термина *рудинъ* ‘пастбище со слабой растительностью, которая быстро выгорает летом из-за каменистой почвы’ (с. 19), к сожалению, не указывая, бытует этот термин в Севлиевской округе (западная часть Габровской зоны — центральная Болгария) или нет. Например, К. Пеев в своих «Заметках по лексике и фразеологии из области Струмы» для *рудина* отмечает, что этот термин «вымер» и встречается только в топонимии (Пеев, 1968, с. 208).

под леса поле' (см. выше), до недавнего времени не привлекавшееся для этимологических штудий. С. Младенов, как уже указывалось, склонен видеть в корне рассматриваемого слова не носовой велярный, а праславянск. **u*, поэтому польский (форма *rudawina* ему была неизвестна) и словенский материал им не приводится. Кажущееся противоречие между частью польских данных и словенскими данными, с одной стороны (где, как будто, отражены рефлексy $\rho > \epsilon$ и $\rho > o$), и болгарскими, с другой (где на основной болгарской территории следовало бы ожидать $\rho > \text{з}$), попытался снять Ф. Славский, допускавший возможность дублетного корня *rod-/rud-* (Ślawski, 1947, s. 267).

Недостаток подобного материала, прежде всего по болгарским, македонским и словенским диалектам, а также почти полное игнорирование исследователями восточнославянских данных, затрудняло и затрудняет окончательное решение вопроса. Поэтому все предложенные этимологии оставались, а во многом остаются и сейчас на уровне гипотез.

В общем таких гипотез три: а) формы с *rud-* (словенск. *rod-*, польск. *řed-*) восходят к корню **rod-*; б) формы с *rud-* исконны, т. е. восходят к праслав. **rud-*; в) формы с *rud-* и с другими гласными корня — результат рефлексов дублетного корня *rod-/rud-*.

Прежде чем склониться к одной из них, целесообразно рассмотреть аргументы в пользу каждой гипотезы отдельно. При этом существенна оценка материала и выяснение вопроса, выводим ли весь обозреваемый материал из одного этимона.

Что касается восточнославянских данных, то они приведены довольно подробно в нашей книге «Славянская географическая терминология». В общих чертах они сводятся к следующему: западнополесск. *рудіна* 'болотное пастбище', восточнополесск. *рудá* 'ржавое болото', житомирск. *рудá* 'болотистый луг или берег', проскуровск. *рудá* 'заболоченная низменность', белорус. *рудá* 'ржавое болото', в.-рус., архангельск. *рудá* 'болотная ржавчина' (см. Толстой, 1969, с. 188—189, а также Jurkowski, 1971, s. 159, 160). С этими терминами можно соотнести и н.-луж. *ruda*, *rudawa*, *rudawica* 'болото, земля с ржавой водой', 'торфяная почва', 'железистая вода' (Muka, II), в.-луж. *rudowizna* 'то же' (Jakubaš, 1954, Pful, 1866), польск. *ruda*, *rudawa*, *rudawina*, *rudawizna*, *rudowina*, *rudowizna*, *rudowacizna*, *rudowisko*, *rudka*,

rudnia 'болото с болотной рудой, с окраской руды' (SW, Nitsche, 1964, Jurkowski, 1971, s. 159—160), наконец, и словенск. *rūdnica* 'минеральный источник' (Pleteršnik, II, Badjura, 1953). Семантическая связь 'болото' ↔ 'источник' хорошо прослеживается на ряде других лексем.

Если склониться к первой гипотезе — о происхождении форм с *rud-* от корня **rpd-*, то окажутся объяснимыми восточнославянские, сербскохорватские, лужицкие, некоторые диалектные болгарские, некоторые словенские (кроме *rūdnica*) и некоторые польские (кроме *rudowina*, *rudowisko* и т. п.) формы. Затруднения возникнут при обосновании некоторых болгарских и македонских форм, так как рефлекс $\rho > u$ известен лишь в сравнительно ограниченных — западноболгарской и северномакедонской зонах, примыкающих к более обширному сербскохорватскому массиву. В остальных болгарских и македонских ареалах известны рефлексy $\rho > \text{з}$, $\rho > a$ и др. (Стойков, 1968, с. 131—132; Конески, 1965, с. 36—37). Это препятствие может быть снято, если признать возможным предположение, что интересующий нас термин известен в основном в Западной Болгарии, несколько шире зоны так называемых «переходных» говоров, где $\rho > u$, и в соседних с ними говорах северо-западных, часть из которых знает рефлекс $\rho > a$ (именно здесь встречаются и формы *родина*). Затем следует также учесть, что множество примеров по македонским говорам, так же как и по говорам софийским, самоковским и т. п., взяты исследователями из фольклора (см. РМЖ, Странски, 1957, с. 357—358). Поэтому может оказаться вероятным предположение, что лексема *рудина* проникала из сербскохорватских, македонских и болгарских говоров с рефлексом $\rho > u$ на юг и восток непосредственно в связи с миграцией скотоводческого, полукочевого населения (ср. также и другие случаи широкого распространения слов с $\rho > u$), либо (возможно, и одновременно) с народными песнями, с фольклором из северномакедонского, западноболгарского и южносербского эпицентра.

Если не считать форму *родина* не совсем точной записью из зоны диалектов с рефлексом $\rho > a$ (что мало вероятно), то следует учитывать возможность контаминации с группой слов с корнем **rod-* 'рожать', 'быть плодородным', хотя такая возможность трудно доказуема. Тем не менее отметим, что в с. Кытина (Софийская округа) микротопоним *Родина*

та воспринимается как производное от *раждам* 'рожаю', т. е. как «родовита местность» — 'плодородное место' (Странски, 1957, с. 356). Ср. приведенное выше словенск. *rodina*, а также *rôden* 'плодородный' (Pleteršnik, II; SSHS).

Многие семантические сдвиги и контаминации, ведущие к сближению со словами другого корня, могли произойти в относительно поздний период времени и затемнить более раннее состояние. Что же касается предположения о возможности заимствования форм с *-u* на болгарской территории, то оно может быть достаточно обоснованным лишь в результате специального лингвогеографического исследования. Аналогичная картина как будто бы наблюдалась на польской диалектной территории с дублетами *łag* (*łęg*) — *ług*, где последняя форма на первый взгляд чаще распространена на восточной окраине, граничащей с восточнославянскими диалектами. Однако ее присутствие в силезских, западномаłopольских, серадских и велунских говорах (см. MAGP, XI, 1968, карта № 520) снимает вопрос о возможности заимствования из древнерусских или белорусско-украинских говоров.

Даже если преодолеть трудности обоснования ряда болгарских и македонских форм, то на базе первой гипотезы останутся необъяснимыми словенск. *rûdnica* и польск. *rudo-wina* и т. п. В таком случае их придется отнести к другому этимону. Значительные осложнения возникнут и при толковании восточнославянского материала. Западнополесск. ровенск. *рудина* 'болотное пастбище' будет чрезвычайно трудно отделить от полесского же житомирск. *рудá* 'болотистый луг или берег' и тем более последнее — от белорус. *рудá* 'ржавое болото', в.-рус. архангельск. *рудá* 'болотная ржавчина'. Едва ли ровенск. *рудина* следует относить к корню *rod-*, а остальные формы к корню *rud-* и т. п. Все восточнославянские формы связаны, надо полагать, с корнем *rud-* 'красный', на что довольно красноречиво указывает семантика приведенных терминов, которая близка к семантике терминов южнославянских.

Если склониться ко второй гипотезе — об исконности форм с *rud-* (от корня **rud-*), то не возникает осложнений при этимологизировании восточнославянских форм, сербско-хорватских, болгарских (кроме форм *родина*), польских (кроме форм *ředzina*), лужицких и части словенских (*rûdnica*, но не *rodina*). Рассуждения о возможности проникновения

форм с *-и* на болгарской диалектной территории из зоны говоров с рефлексом *ρ > и* окажутся лишними основания. Формы с *-ρ* в болгарском и словенском можно будет объяснить как возникшие под влиянием слов с корнем **rod-* 'рожать, быть плодородным' (в словенском, возможно, происхождение — непосредственно от этого корня). Особого объяснения потребует только южнотрансильванская форма *reǰzina*.

Третья гипотеза — о древней вариативности корней *rod-/rud-*¹¹ облегчает объяснение многих форм, кроме болгарских форм с *о* (*родина*), которые можно толковать так же, как это было сделано применительно ко второй гипотезе. Однако, если допустить такую вариативность, нужно учитывать, что она возникла давно, и еще в праславянскую эпоху эти корни могли восприниматься как разные, хотя и более близкие по семантике.

Наконец, независимо от того, принимается вторая или третья гипотеза (или даже в крайнем случае — первая) в качестве этимологически приемлемой, нельзя не обратить

¹¹ Применительно к рассматриваемому термину Ф. Славский писал следующее: **rod-*; *rud-* (польск. *reǰzina* 'тяжелая, но урожайная почва' *rudy* Brückner KZ 42, 368; Sl. et. [= Brückner, 1957 — H. T.] 458, 455 под знаком вопроса). Праслав. *rod-* с носовым инфиксом от индоевр. **reudh* 'красный' (**ru-n-dh*). Форму **rud-* репрезентируют серб. *rudina* 'поле', болг. *рудина* 'горная равнина с хорошим пастбищем, горное пастбище'. В том же значении выступает и болг. *рѹдина*, отчетливо указывающее на первоначальное прилагательное *rudъnъ* от общеслав. *ruda*; ср. болг. *рѹда*, польск. *ruda*. Польск. *reǰzina*, как явствует из любезно предоставленной мне проф. Ничем рукописной статьи, — малопольское слово, употребляемое в значении 'тяжелая почва (глинистая, известковая), всегда, однако, урожайная'. Семантической основой мог бы быть в таком случае цвет почвы (ср. польск. *biełlica*, *popielatka*), откуда далее 'хороший, красивый'; ср. в.-рус. *красный* 'красный, прекрасный', польск. *krasny*. Заслуживает особого внимания болг. *руд* также 'хороший, прекрасный' как определение почвы (у Герова два примера на *руда лядина* 'поле'). Совершенно в ином направлении пошло развитие значения в словен. *rōd* 'шероховатый, шершавый', между прочим у Плетершника *rodī lasje* 'кудрявые волосы', *roda zemlja*, *rodo maslo* 'твердое', *roda njiva* 'истощенная, изнуренная'. Что касается различия в значении, то ср. польск. *gizdawu* 'уродливый, отвратительный' и болг. *гиздав* 'красивый, нарядный'. Иначе 1. Н. Petersson Asl Ph 36, 142—3 сближает с в.-рус. *ряма* 'низкие заросли над рекой, лес', **rρ(d)mъ* < и.-евр. **urend-mo*; 2. Млад. 564 сопоставляет болг. *рудина* с и.-евр. **reu-dh-* 'корчевать' (о польск. и сербск. не упоминает)* (Slawski, 1947, s. 267—268).

внимание на тот факт, что вост.-слав., зап.-полесск. *рудѣна* 'болотистое пастбище' имеет довольно четкое соответствие в южнославянском *рудина* 'каменистое пастбище', так же как полесск. *полонь* 'чистое, свободное для пастбища или сенокоса место' соответствует диал. с.-хорв. и болг. *планина* 'выпасной луг, пастбище', карп.-укр. *полонина* 'то же', польск. *plonina* 'лужайка в лесу' (см. подробнее Толстой, 1969, с. 260—261). И в Полесье, и у южных славян ⁺*polnina* — пастбище более высокого качества, чем ⁺*rudina*. В Полесье эта сниженная, «вторая» степень качества на уровне референта выражается «болотистостью», на Балканах, в условиях горного ландшафта, — «каменистостью». Свойство референта в результате миграции славян изменилось, но семантический дифференциальный признак в общей системе терминов в ряде восточно- и южнославянских диалектов, видимо, сохранился, как сохранилось отчасти и место в общей дистрибуции терминов (см. приведенную классификацию П. Ж. Петровича для центральной Сербии — Грузжа). Было бы чрезвычайно важно продолжить поиск материала в других славянских зонах, и прежде всего в карпатской.

В связи с этим уместно сказать несколько слов по этимологическому вопросу, который остался не решенным до конца. В тех славянских зонах, где рефлекс *o* совпал с исконным *u* (из **ou*, **eu*), лишь семантика в какой-то мере может навести на предположение о причастности слова к варианту *rod-* или *rud-*, но этот критерий в данном случае (как и во многих других) достаточно шаткий. Такое предположение строится на том, что корень **rud-* сохранил семантический признак "красный" наряду с дополнительно появившимися семами, в то время как корень **rod-* в результате транссемантизации получил значения 'шершавый, кучерявый' (**rod-*, **rodzъbъ*), 'черствый (о земле, хлебе), постный', наконец, 'сырой, необработанный'. Все эти значения выражает словенск. прилагат. *ród* (Pleteršnik, II; SSHS). Корень **rod-*, вероятно, в славянском мире более локален, чем корень **rud-*.

При таком подходе как бы примиряются третья и вторая гипотеза (а также становится допустимой и первая), но не во всем их объеме. Ибо, по-видимому, все дело в хронологии. В раннем периоде развития праславянского языка, как отмечалось, корень *rod-/rud-* был вариативным, позже эти варианты уже могли восприниматься как отдельные корни.

Раменье

Зафиксированное в Полесье значение для термина *лядо* 'вообще большое поле' в отличие от 'вспаханного большого поля' — *пал'етка* (Бд.), затем *лядо* 'большое открытое поле' (Кн., Дв.) отражает достаточно древнее значение термина ⁺*lędo*, который, согласно данным индоевропейских языков, в том числе и южно- и западнославянских, по преимуществу означал 'целина', 'невозделанная земля', 'поле обширной площади' и т. п., т. е. 'земля еще не обработанная, но пригодная к обработке, к земледелию'. Такое значение, помимо Полесья, отмечалось и в других восточнославянских зонах, в частности в Олонецкой зоне, где *ледины* 'места в лесу, удобные для хлебопашества' (Куликовский, 1898). Этот вопрос достаточно подробно разработан О. Г. Пороховой (см. Порохова, 1966). Важно отметить только, что у восточных славян, особенно на русском Севере, где система обработки земли на базе подсеки сохранялась особенно долго¹², термин ⁺*lędo* из земледельческого термина 'невспаханная земля большой площади для обработки' превратился в термин подсечного земледелия (с разными значениями, связанными с циклом подсечных работ), а затем в географический термин, вернее в географические термины разных видов (Толстой, 1969, с. 134—143). В связи с этим интересно проследить судьбу другой лексемы, связанной с земледельческой и подсечно-земледельческой терминологией и перешедшей позже в сферу географических апеллятивов, — термина *рамень*.

Честь установления надежной этимологии для слова *рамень*, *рамень* принадлежит Ю. В. Откупщикову, который справедливо видел причину неудачи своих предшественников (А. Матценауера, В. Ягича, Г. А. Ильинского, М. Фасмера) в невнимании к анализу словообразовательной стороны термина (наличие ряда других слов с суф. **-men-*) и стороны семантической. «Направление семантического анализа, — отмечал Ю. В. Откупщиков, — было определено заранее» (Откупщиков, 1965, с. 88); этимологи обращали внимание лишь на позднее значение термина, связанное с лесом. Анализируя слово *рамень* 'край пашни у леса' (Даль, III) и устанавливая его связь с такими словами, как *ра-ло* 'рало', *ра-тай* 'пахарь', *ра-ль* 'нива', др.-рус. *ра-тва* 'пахота',

¹² См. об этом подробнее в итоговой монографии: Петров, 1968.

наконец, *орать* 'пахать', Ю. В. Откупщиков довольно точно определяет первоначальную семантику слова: *рамень* — 'пашня', 'пашня по соседству с лесом'. Далее, видя в семантических сдвигах термина *рамень* «наглядное отражение подсечной системы земледелия» (там же, с. 93), он считает еще более вероятным семантическое изменение 'пашня' → 'пашня, заросшая лесом' → 'лес на заброшенной пашне' → 'лес'. Такую последовательность подтверждает и записанный Н. А. Мещерским в Карелии термин *сурамень* 'мелкий лес, растущий на запущенной пашне' (приставка *су-*, вероятно, выражает здесь сему "мелкий") и множество других значений слова *рамень*, почерпнутых автором новой этимологии из словаря В. Даля и толковых словарей XIX—XX в.

Приводим материал, использованный Ю. В. Откупщиковым: «*ра́ма* [ж] стар. межа, граница, обвод, обход участка земли по владению; *рама* ныне *обра́мьне*, край, предел, конец пашни, которая упирается в лес, либо расчищена среди леса, как встарь, большею частью, и ныне тоже нередко на севере и востоке Руси, отсюда *за́рамень* или *ра́мень* ж. и *ра́мьне*. Ср. лес, соседний с полями с пашней. Да по край Федоровы пашни (идет межа *ра́ма*) на ручей да на угол Гридина — мху, да на *рамень* на пихтовое. Акты юридические (историч. материал. — Н. Т.). Ниже *ра́мень* и *ра́мьне* кстр., ряз. мешаное чернолесье, ель, пихта, липа, береза, осина, более по суглинку с моховиной; кстр. прм. вят. влд. густой дремучий темный лес; большие казенные леса, где есть распашка; глушь лесная непроезжая, без дорог, где только по опушке есть починки и росчистки, *ра́мьне* влгд. деревня, селенье под лесом. *Рамень* у промышленников, бревно в 5—7 сажень. В лесу да в *рамень* кипит, да взваривает? (муравейник)» (Даль, III). Далее следует объяснение-этимология В. Даля: «*ра́ма*, *ра́мка* от *ра́мо*, *рамена́*; *обра́мьне* окраина пашни, росчисть в лесу; *за́рамень* или просто *ра́мьне* лес, окружающий поле, пашню, чащобу: так в Кал. губ. лес нередко зовется *краем*, т. е. закраиною поля, *раменьем*, а *край* и *рама* одно и то же» (Даль, III); *рамень* 'лес по краю пашни' (Срезневский, III); *ра́мень*, -*мня* 'строительный, годный на строение лес' (Словарь Академии Российской, изд. 2. СПб., 1806; Общий церковно-славяно-русский словарь, СПб., 1834); *ра́мень*, *рамня́* 'лесная поросль на запущенной пашне' (Словарь церковно-славянского и русского языка. Имп. Акад. Наук, изд. 2. СПб., 1868);

рамень, раменье обл. 'густой, дремучий лес (обычно еловый)' (ССРЛЯ).

Обращаясь к вопросу этимологии и последовательности основных семантических сдвигов, Ю. В. Откупщиков не ставил своей задачей выяснение относительно второстепенных и подчиненных вопросов — более точного определения географии интересовавшего его термина и всей широты семантической амплитуды колебания лексемы *раменье* в великорусских говорах. Вероятно, и нам следовало бы признать материал и выводы Ю. В. Откупщикова вполне достаточными, если бы не один факт, требующий полного изложения имеющихся данных — довольно четкий параллелизм семантических переходов термина ⁺*lędo* и других терминов подсечного земледелия с термином ⁺*ormieņje*.

Помимо приведенных выше значений из словаря В. Даля и словарей литературного языка, преимущественно XIX в., которые отражают то или иное диалектное значение без указания на географическое распространение термина, отметим следующее. В Череповецкой, Вологодской и Северно-Двинской зонах *раменье* 'свободное от леса, но окруженное лесом пространство': сев.-двинск. *раменье* 'пустошь' (с. Усьянско-Дмитриевское, Романов 1928), череповецк. — *рамени* 'луговые сенокосные пространства среди леса' (Герасимов 1893, Герасимов 1910), вологодск. *раменье* 'чищенье в лесу' (Кадниковск. у., Дилакторский 1898). Отсюда, вероятно, и значение, отмеченное для Верховажья б. Вологодской губернии А. Шайтановым в 1849 г.: «*раменье* — так во многих местах зовутся деревни, стоящие в полу-угоре (далее следует ложная этимологизация — Н. Т.), как будто на раменах гор, или как будто горы им служат рамами» (отсюда и Опыт, 1852 и позже Даль, III и Дилакторский, 1902). В архангельских, вологодских и новгородских говорах отмечено еще мезенск. *раменье* 'опушка дремучего хвойного леса' (Подвысоцкий, 1885), прионежск. *раменье* 'пустошь' (Шайгин 1922), *раменье* 'опушка леса' (Опеченск. р-н, б. Новгородск. губ. и Шольск. р-н Вологодск. губ., Гарновский 1920), а также архангельск. *раменьё*, -я 'густой лиственный лес по топкому месту': ево поле за раменьем (пример показывает, что здесь возможно и значение 'опушка леса'. — Н. Т.) (с. Раменье, Вельск. р-н, Архангельск. обл., Зимин 1953) и вологодск. *рамень* 'строевой лес' (Втор. Доп. 1905—1921). В зоне костромских, владимирских и особенно распо-

ложенных на северо-восток от них вятских и пермских говоров *рамень* 'большой, дремучий лес', кинешемск., костромск. *рамень* 'большой казенный лес' (Леонов 1846, откуда Опыт, 1852), *рамень*, -и ж. 'густой дремучий лес': Ходили в *рамень* за грибами (г. Ветлуга, Марков 1919), владимирск., муромск. *рамень* 'старинное место, где растет дремучий (большой) лес, годный на строение', «например, говорится: мы ехали такой *раменью*, что инда страшно» (Яковлев 1847—1848, откуда Опыт, 1852), владимирск. *рамень* — «этим словом называют большой березовый лес (сосновый лес известен под названием *бор*)» (б. Гороховский у., Борисоглебский 1854), *рамень* 'место, где растет дремучий, большой лес, годный на строение' (б. Покровск. у., Опыт, 1852), хотя зафиксировано и значение *рамень* 'лиственный лес, по коему есть покосы' (Меленковск. уезд, Добрынкин 1878). Наибольшее число примеров собрано в Вятской и Пермской зоне. Для этих зон «Опыт» отмечает *рамень* 'крупный, дремучий лес' (вятск., пермск., шадринск., Опыт, 1852). Ср. также вятск. *рамень* 'лесистое место' (Боричевский 1842—1847), *рамень* 'лесистое место, через которое нет проезжей дороги' (б. Вятск. уезд, запись 1847 г., Карт. СРНГ), *рамень* 'то же' (б. Слободск. и Котельническ. у., Тиховидов 1848), *рамень* 'густой лес' (б. Слободской у., Шишкин 1881), *рамень* 'то же' (Лавренев 1890), *рамень* 'хвойный лес (чаще ель и пихта без сосны)' (Кузьмодемьянск, Зеленин, 1903, с. 135), *рамень*, *рамень* 'глухой лес, по коему нет дороги' (Зеленин 1915), *рамень* м., *рамень*, -я ср. 'большой дремучий лес' — «преимущественно казенный лес» (Васнецов 1907), *рамень* 'большой дремучий лес': *рамен'йо* — л'ес бол'шой, глухой, пустынной место, — в *рамен'йе* кос'ат, до кол'ен'ей воды (Вожгальск. р-н, Горева 1950), *рамен'йо* — ето йеловой л'ес, глухойо м'есто; *рам'ен'йо* — л'ес др'емуч'ой (Медянск. р-н, Прозорова 1952—1954); пермск. оханьск., соликамск. *рамень* 'черный или темный лес, где водятся звери' (Волегов б/г), пермск. *рамень* 'густой, черный и темный лес' (Огарев, 1848), *рамень* 'крупный дремучий лес' (Луканин 1856, Муллов 1863), — *рамень* 'густой еловый лес' (Александров 1895 и 1898), пермск. чердынск. *рамень* 'глухой, непроходимый лес' (Муллов 1863), пермск. *рамень* 'слишком густой и высокий лес' (Пономарев 1861), пермск. соликамск. *рамень* 'труднопроходимое место в лесу' (Старцева 1962), уральск.

рамень 'глухой лес' (Папковский 1965), зауральск. *раменье* 'сплошной лес, соседний с полями, пашнями' (Тимофеев 1962). То же значение наблюдается в ряде пунктов Поволжья, где *рамень* «такое в лесу место или иначе мычуженник, в котором растут всякого рода деревья: осина, береза, ольха» (г. Чебоксары, б. Казанск. губ., Кроновский б/г), *рамень* 'густой лес, чаща' (нижегородск., Втор. Доп. 1905—1921), *раменье* 'середина рамежки, где глухо', *рамежка* 'лес около полей и лугов' (с. Верхозим, б. Петровск. у. Саратовск. губ., Наумов 1959)¹³. Из сибирских материалов известна лишь запись из Новосибирск. обл. *рамень*, -ня м. 'подрост в лесу' (с. Новый Сузун 1962, Карт. СРНГ).

Особо следует отметить рязанский материал — единственный из южнорусской зоны: *раменье* 'луг на поемной местности' (д. Дубровичи, б. Рязанск. у., Городцов 1902), *раменье* 'мешанное чернолесье...' (см. выше Даль, III; В. Даль дал объединенно с костромск.). В переходной великорусско-белорусской смоленской зоне отмечено прилагательное *раминный*: *раминныя грядовыя миста* 'места, в коих скоро вырастет лес' (с. Лукьяново, б. Бельск. у., Добровольский, 1914).

Наконец, В. Бурнашев в качестве профессионального лесопромышленного термина (без указания места распространения) дает *рамень* 'обыкновенное строевое дерево толщиной от 5 до 8 вершков в отрубе и длиною от 5 до 7 сажень' (Бурнашев 1843, отсюда Даль, III), что естественно отражает переход названия леса определенного вида и качества на название материала, получаемого из этого леса.

Производные *раменный*, *раменской* зафиксированы в меньшем числе примеров, но все они имеют значение 'лесной' и т. п. Ср. вятск., пермск., шадринск. *раменской* 'относящийся к раменью': медведь *раменской* (Муллов 1863), пермск. *раменской* 'о медведе: живущий, водящийся в раменье' — «слово раменский прилагается к медведю как будто фамилия» (Луканин 1856), нижегородск. *раменский*: «так зовут медведя потому, что это житель чащи» (Втор. Доп., 1905—1921) (здесь не исключено и появление «подставного имени», т. е. табуирование), рязанск., касимовск.

¹³ В последних двух случаях, вероятно, толкование не совсем удачное, так как из сопровождающих толкование примеров становится ясно, что *раменье* 'глухой лес', а уменьш. *рамежка* 'опушка', 'подлесок' — 'более молодой край леса'.

раменный 'относящийся к раменью, боровой': *раменные дрова* 'дрова из бору' (Дмитриевский 1824, отсюда Опыт, 1852).

Из изложенного материала становится ясно, что словари литературного языка по-разному отражали диалектные значения интересующего нас термина, притом последний словарь — ССРЛЯ — принял наиболее распространенную диалектную семему 'густой дремучий лес'.

В географической терминологии, когда речь идет об историческом или фольклорном материале, о памятниках письменности, былинах или народных песнях, контекст дает возможность достаточно точно определить значение лишь в редких случаях. Обычно толкователи редких слов просто обращаются к известным им диалектным значениям и на основании последних определяют значение слова, встречающегося в памятнике или в фольклорной записи. Так, например, для одного и того же отрывка текста «... скакал по темным по лесам и по раменью...» в сборнике Кириши Данилова дается пояснение — *рамень* 'густой лес, лес соседний с полями' (толкование А. П. Евгеньевой) (Евгеньева, 1958, с. 65), а в сборнике П. Н. Рыбникова *рамень* ср.: 'место, где растет большой строевой лес' («Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», ч. 1. Петрозаводск, 1864). Именно поэтому, отметим еще раз, историческими и фольклорными текстами при определении семантики слова нужно пользоваться весьма осторожно, и лишь при достаточной диагностичности контекста считать значение точно установленным.

География семантики термина *рамень*, *рамень* позволяет выделить в основном две сферы: западную часть северной зоны, где известны 'пустошь', 'луговые сенокосные пространства среди леса', 'чищенье в лесу' (здесь четко прослеживается связь с подсечным земледелием), и восточную часть северной зоны, особенно вятско-пермскую, где преобладает 'большой дремучий лес'. В этой зоне любопытно отметить появление дифференциального семантического признака «отсутствие дороги»: *рамень* 'лесистое место, через которое нет проезжей дороги'; в то время как *волок* означает 'большой лес не менее верст пятнадцати, по которому пролегает дорога' (д. Епихова, б. Нолинск. у., д. Чепца и Шиховская б. Вятск. у. Вятск. губ., *Колосов 1877*, с. 232). Это — один из достаточно ярких примеров связи географической терминологии с терминологией коммуникаций, точ-

нее их синкретизм в соприкасающихся сферах. Однако корреляция лесного термина *рамень* с другими терминами может быть построена и на основе признака породы деревьев (ср. владимирск. *рамень* 'большой березовый лес' в отличие от *бора* 'большого соснового леса', *Борисоглебский 1854*), но чаще всего она возникает на основе признака "величины" и "дремучести". Последний признак объединяет термин *рамень* с такими севернорусскими лесными терминами, как *волок*, *бор*, *лядина*. Ср. великолукск., красногородск. *лядина* 'большой лес', олонецк., новгородск., псковск., великолукск., тверск. *лядина* 'густой лес'. Однако для термина *ляда*, *лядина* отмечены и признаки "молодой, мелкий", "редкий" и т. п. В связи с этим следует учитывать и момент различной изученности двух терминов: если термин *ляда* счастливо попал в вопросники трех восточнославянских атласов, то материал по термину *рамень* специально не собирался. Не исключено, что он бы выявил более значительную семантическую амплитуду колебания лексемы ⁺*ormen'je*, чем та, которая нам известна. Тем не менее и в имеющемся довольно обильном материале для термина *рамень* выделяется достаточно четко противопоставление 'ограниченное лесное пространство': 'ограниченное безлесное пространство (чаще) среди леса' (ср. случаи с терминами ⁺*gajъ*, ⁺*lędo*, ⁺*polnina* и др.). Такое противопоставление может выявляться даже в одной зоне, например, рязанской.

Наконец, следует отметить, что география слова *рамень*, если ее сопоставить с ареалом слова *орати* (территориально противопоставленному *пахати*), свидетельствует в пользу этимологии Ю. В. Откупщикова. Изоглосса *орать* : *пахать* очень подробно с привлечением большого материала изложена Ф. П. Филиным (Филин, 1936), наблюдения которого подтвердились позднее при сборе данных для Диалектологического атласа русского языка. «Термин *орать* фиксируется в псковских, новгородских, олонецких, вологодских, архангельских и костромских говорах. В вятско-пермской группе он отсутствует почти полностью. Отсутствует этот термин и в верховьях р. Волги, как и во владимирских говорах (зафиксирован только в одном пункте)» (Филин, 1936, с. 103—104). Таким образом, «первоначально термин *пахать* был достоянием исключительно южновеликорусских говоров, *орать* — северновеликорусских» (Филин, 1936, с. 102), хотя кое-где на Рязанщине встречается произ-

водное слово *оралка*, *оранка* 'соха', что можно объяснить известными переселениями северновеликорусов в эти районы (Филин, 1936, с. 102—103).

Что касается термина *рамень*, то он тоже распространен почти исключительно в северновеликорусских говорах и лишь рязанская зона, как и в случае с *орать*, спорадически его отражает. Любопытно отметить, что значение 'большой дремучий лес', значение максимально удалившееся от первоначального — 'вспаханное поле' или 'поле, пригодное для пашни', устойчиво сохраняется именно в Вятско-Пермской и отчасти Владимирской зоне.

В Вятско-Пермской зоне зафиксирован и один пример, дающий еще одно свидетельство в пользу этимологии Ю. В. Откупщикова: пермск. соликамск. *ралина* 'чаща' (Старцева 1962).

О славянских названиях деревьев:

сосна — хвоя — бор

В короткой статье трудно даже перечислить труды тех славистов, которые пользовались дендрологической терминологией, в частности, основных видов деревьев, для выяснения этногенетических отношений славян древнейшей «доисторической» поры, для определения места их обитания. Можно было бы привести большую вереницу имен и очень известных и менее значительных от Я. Ростафинского до К. Мошинского и Ч. Вердиани (Rostafiński, 1908; Moszyński, 1957, s. 23–66; Verdiani, 1958–59). Целый период в изучении вопроса славянской прародины можно было бы условно назвать "буковым", когда внимание многих лингвистов, историков и даже палеоботаников было привлечено к этногенетической интерпретации судьбы слова *бук* и относящегося к нему референта. Пора больших надежд (начало XX в.) на то, что бук даст серьезные аргументы при определении границ прародины, сменилась полным скепсисом, который недавно был подытожен С. Б. Бернштейном (Бернштейн, 1961, с. 55–58)¹.

Неудачи, подобные этой, прежде всего определялись тем, что на одном факте или на незначительном их числе строились далеко идущие обобщения. Не меньшим, однако, недостатком было и так называемое «удревление» фактов,

¹ Скепсис этот, как известно, основан на том, что древняя граница произрастания бука шла не по линии устье Немана — верховье Горыни — устье Днестра, а значительно западнее, и на ряде других доводов (табу, унаследованность названий деревьев еще от индоевропейского, изменчивость терминов и т. п.). Недавно, однако, П. Н. Третьяков счел возможным вновь поставить аргумент бука в длинный ряд других доводов. Он писал: «...Известно, что славяне некогда заимствовали у германцев наименование бука. Это свидетельствует, по-видимому, о том, что славяне жили первоначально вне пределов распространения этого дерева. А по данным палеоботаники бук не встречался в древности восточнее поречья Одера. Следовательно, западнее Одера славяне не проникали» (Третьяков, 1970, с. 18). Даже если принять этот аргумент, его одного мало для решения вопроса о западной праславянской границе.

т. е. отнесение сравнительно поздних либо просто современных положений или отношений к более ранней и даже праславянской эпохе. Наконец, третьей ошибкой, повторяющейся часто до сих пор, было распространение (отнесение) отдельных узколокальных явлений на более широкие диалектные и языковые ареалы. Если добавить к этому представления отдельных исследователей о довольно ограниченных и только в одном направлении возможных семантических мутациях (при более вероятных и известных как раз обратных процессах), общая картина получится мало обнадеживающей.

При таком положении на данном этапе исследований становится важной проверка некоторых довольно прочно вошедших в научный обиход фактов (хотя часто и не первостепенного значения) и аргументов. Остановимся на вопросе о древнем значении слова *сосна*.

Еще в своей ранней работе периода первой мировой войны, опубликованной в 1928 г., К. Мошинский писал, что «сосну в Речицком повете называют *хвоя*; только лишь когда ее выделают, т. е. выдолбят в ней бортъ, она зовется *сósna*» (Moszyński, 1928, s. 12). Это утверждение он повторил в 1929 г.: «Во всяком случае еще недавно в Речицком Полесье в районе Хойников бортники называли указанное дерево *сосной* только тогда, когда в нем выдалбливали бортъ, а вообще же называли его *хвоей*. В 1922 году я имел возможность убедиться, что это же значение слова *сосна* сохранилось как древнейшее и в южной части среднего Полесья в селах, расположенных на юго-восток от Давид-Городка» (Moszyński, 1929, s. 133–134; wyd. 2, 1967, s. 148).

В работе, вышедшей в свет в 1921 г. и посвященной славянской географической терминологии, известный польский этнограф писал: «Единственным хвойным деревом там (в Полесье. — Н. Т.) оказывается *сосна*. О ней интересное и важное сведение сообщил мне г. Ч. Петкевич из Речицкой округи. А именно еще 40 лет тому назад (т. е. в 80-е годы XIX в. — Н. Т.) речицкий полешук из окрестностей Хойник очень редко называл это дерево *сосна*; обычно он говорил о ней *хвоя*; только если он в *хвое* делал, т. е. выдалбливал бортъ, она становилась *сосной*. Таким образом, *сосна* означала “выделанная хвоя” (Петкевич). Правда, западные соседи речицкого полешука уже не различают оба термина и

пользуются ими как синонимами, но в этих краях обычай изготовления бортей исчез совершенно, и, например, в селе Дерешевичи над Припятью восьмидесятилетние старцы не видывали ни одного бортнического “лезива” (приспособления для подъема на бортное дерево. — Н. Т.). Подобным образом в северной части Гродненской губернии народ называет взрослую сосну либо *сосна*, либо *хвоя*, хотя последнее название встречается реже (Ust. F) [сокращение источника неясно. — Н. Т.]; даже в некоторых районах Польши, например в прусской Мазовии, до последнего времени сохранился обычай называть сосну *choja* (хоей. — Н. Т.) (E. Majewski). Как мы уже знаем, самым распространенным хвойным деревом в Полесье, а может быть и во всей славянской прародине была *сосна*. Она-то, стало быть, прежде всего могла получить название **borъ*. Что касается слова **xvoja*, то о нем проф. Ростафинский справедливо пишет: «(сосна имеет название) *chwojna* потому, что молодое дерево выглядит совершенно иначе, чем старое, оно с самого низу ветвистое (ветка — *chwoja*) [следует см. на стр. 9 работы Я. Ростафинского «O pierwotnych siedzibach...» — Н. Т.]. Действительно, согласно материалу, представленному у Бернекера (I, 408), кажется весьма правдоподобным, что **chwoja* означала первоначально ‘ветка’, главным образом ‘ветка иглистая, колющая’. Ясно также, что со временем у тех славян, которые слово **borъ* понимали уже исключительно как ‘лес сосновый’ (либо ‘лес хвойный’), **chwoja* стала названием всякой вообще отдельной сосны независимо от ее возраста. Таким образом, понятно, откуда взялись два славянских термина для этого дерева. Что касается третьего [*сосна*. — Н. Т.], то прежде всего следует обратить внимание на то, что он мог возникнуть относительно поздно, поскольку он не является общим для всех славян (Miklosich); затем сведения из Полесья, в соответствии с которыми сосна для местных жителей это — ‘обработанная сосна’ (*‘choja dziana’*), позволяют предположить, что названный термин может быть тесно связан с бортничеством. Укажу еще на польскую форму *sośnia*, которая старше повсеместно здесь распространенной» (далее К. Мошинский говорит о том, что она сохранилась в источниках 1491, 1559, 1564, 1616 гг.) (Moszyński, 1921, s. 15–16).

Свои положения К. Мошинский повторил с некоторой модификацией почти через четыре десятилетия. По его мне-

нию, правдоподобнее всего, что «**borъ* имел перед расселением славян два значения: 'сосна' и 'сосновый лес'. Утрата первого из них на славянском Севере была вызвана экспансией нового названия **sozъnъ*, **sozъna*, которое возникло в связи с бортничеством (в значительной части Полесья по сей день оно относилось только к таким деревьям *Pinus silvestris*, в которых выделана борть). Утрата же второго значения у балканских славян могла возникнуть в связи с характером бытования сосны на Балканах» (Moszyński, 1937, s. 284–285).

Мы остановились столь подробно на изложении взглядов К. Мошинского по ряду причин. Во-первых, чтобы было ясно, каким материалом (в каком объеме и из каких источников) он располагал; во-вторых, чтобы был ясен метод и последовательность его доводов; в-третьих, потому что его рассуждения (и материал!) оказали влияние на других исследователей, рассматривавших вопрос об этимологии слов *сосна* — *хвоя* — *бор*.

Наши многолетние лингвистические экскурсии в Полесье (на территории Белоруссии), в том числе и поездка летом 1975 г. в Хойницкий р-н, не подтвердили представлений К. Мошинского о том, что *сосна* — это 'бортевая сосна'². Всюду, где *сосна* употребляется наряду со словом *хвоя*, она имеет значение просто 'сосна, *Pinus silvestris*'. И там, где известна одна только лексема *сосна*, она тоже связана с семемой *Pinus silvestris*. Таково положение и в Столинском р-не, на который тоже указывал К. Мошинский.

Так, в Западном Полесье, в районе Бреста и Малориты известна только *хвоя* 'сосна', *хвойка* 'сосенка, молодая сосна' (д. Олтуш, Орехово, Радеж, Збурож, Мокраны, Луково и др.; все материалы без указания источника — собственные наблюдения); в Центральном Полесье в р-не Лунина, Столина, Пинска, Давид-Городка и Турова *хвоя*, *хвойка* 'сосна, сосенка' (д. Велута Лунинацк. р-на, д. Городная Столинск. р-на и др.), или *хвојіна* 'сосна' (д. Ольманы Столинск. р-на и др.), но в некоторых населенных пунктах известно лишь *сосна́* 'сосна' (д. Хоромск, Рубель Столинск. р-на, Лопатин Пинск. р-на и др.). В зоне Полесья между

² Следует сделать оговорку, что эта микролокальная черта могла за век исчезнуть или она может еще сохраняться в говорах тех населенных пунктов, которые нами не были посещены.

Брестщиной (в узком смысле этого слова) и Пинщиной, в Березовском и Дрогичинском районах *хвојіна* 'сосна', уменьш. *хвојінка* (д. Здитово, Спорово Березовск. р-на), или *хвóја* 'сосна вообще', *хвојіна* 'единичная сосна' (д. Ляховичи Дрогичинск. р-на). В Восточном Полесье в Мозырском и Ельском районах известно *хвóја* 'сосна', *хвојіна* 'единичная, отдельная сосна' (с. Зосинцы, Антонов, Конотоп, Дерновицы, Довляды, Головчицы, Мухоеды, Валявская Рудня и др.), или только *хвóја* 'сосна' (с. Бибики и др.); на Припяти в Петриковском, Житковичском и Мозырском районах положение в общем то же — *хвóја* 'сосна' (с. Пуховичи, Шестовичи, Балажевичи, Жаховичи и др.; аналогично в Голубице, Дорошевичках, Дяковичках на Князь-озере, обследованных К. Мошинским в 1914 г. и нами полвека спустя), так же восточнее Мозырищины в Гомельском Полесье — *хвóја* 'сосна' (д. Лукоеды Брагинск. р-на и др. — запись Т. В. Назаровой).

Существенно также, что в д. Боричевичах (Пинск. р-на) отдельная сосна называется *смоліна* (*смоліна растé одна́ја*), в соседней д. Лопатин (Пинск. р-на) отдельная сосна уже называется *сóсна*, а *смоліна* — 'срубленная сосна', 'сосна как материал' (*з са́мој чістој смоліні зробіў собі хату*). Аналогичное положение наблюдается в д. Головчицы (Наровлянск. р-на), где *смоліна* 'сосновый материал', и в ряде других пунктов Полесья.

По предварительным данным, изоглосса, разделяющая в Полесье территории, где сосна называется *хвоей* и где называется *сосной*, проходит приблизительно в направлении административной границы между Белоруссией и Украиной. Кое-где *хвоя* фиксируется южнее, например в Овручском р-не (местами это слово известно и значительно южнее), кое-где, но не очень широко, *сосна* отмечается севернее этой линии (Столинский р-н, д. Хоромск, Гомельщина и др. зоны). Так, в Коростеньском р-не известно название *сосна* 'сосна' (д. Могильное, ныне Полесское и др. — запись Н. В. Никончука); она же отмечена в Новоград-Волынском р-не (д. Городница и др.; запись Н. В. Никончука) и еще западнее в Ровенском р-не (д. Ходосы и др.), в Гощанском р-не западнее г. Ровно (д. Гоздов, запись Н. В. Никончука). Название *сосна* для *Pinus silvestris* известно и на северо-западе украинского Полесья на р. Буг и оз. Свитязь (д. Забужье, д. Свитязь Любомльского р-на, запись Н. В. Никончука).

В связи с изложенным материалом, который требует еще дополнений и уточнений в лингвогеографическом плане и в иных отношениях, особенно интересны случаи, когда в одном и том же говоре (в одной и той же микросистеме) могут встречаться и сосуществовать оба названия — *хвоя* и *сосна*, т. е. когда обнаруживается ситуация, близкая к той, о которой более чем полвека тому назад рассказал Ч. Петкевич К. Мошинскому применительно к одному из говоров (к какому, неизвестно) около Хойник.

Подобные примеры в практике наших полесских диалектологических наблюдений тоже известны. Так, в д. Сварынь (Дрогичинск. р-н, Брестск. обл.³) '*сосна*, *сосна* вообще' всегда называется *сосной*, а *хвојіна*, уменьш. *хвојінка* — 'отдельное дерево сосны' (при *сосніна* 'сосновый лес', 'множество сосновых деревьев'). Тем самым в говоре д. Сварыни существует положение, обратное (в лексемном, но не семантическом плане) тому, что наблюдал или о чем слышал в начале XX в. Ч. Петкевич («...Еще 40 лет тому назад речичский полешук из окрестностей Хойник...»; см. выше), так как бортовые сосны были, как правило, большими, отдельно стоящими соснами⁴. Так же, как и в Сварыни, в д. Гоздов (Гоцанск., бывш. Корец. р-н, Ровенск. обл.) *хвоја* — только 'высокая, «буйная» сосна', а *сосна* — 'сосна вообще' (запись Н. В. Никончука).

Таким образом, мы сталкиваемся с результатами достаточно закономерного и довольно широко в славянском мире распространенного явления (принципа) сосуществования синонимов на основе приобретения одними из них дополнительного семантического признака и исчезновения при этом полной однозначности. Как правило, в таком случае дополнительный признак (дополнительную сему) приобретает новое слово, новый синоним, а старое, исконное в языке (диалекте) слово остается без него, остается с менее специализированным, детализированным и с более общим значением. Реже бывают случаи, когда каждый из «столкнувшихся» синонимов приобретает какое-либо дополнительное значение. Иллюстрацией первого, более частого случая мо-

³ См. карту обследованных в 1962–1965 гг. полесских населенных пунктов в кн.: Лексика Полесья, 1968, с. 74.

⁴ См. снимок бортовой сосны в р-не Столина в кн.: Moszyński, 1967, s. 149.

жет служить употребление в хорватско-сербском штокавском говоре с. Водище (Сев. Истрия) слов *dažd* и *godina* в значениях 'дождь вообще' и 'благодатный дождь' (слово *godina* проникло, вероятно, из соседних чакавских говоров, где оно значило 'дождь вообще'), иллюстрацией второго случая — употребление в хорватско-сербском кайкавском говоре с. Чрнковец (около Загреба) слов *godina* и *dešč* в значениях 'благодатный, нужный дождь' и 'вредный, проливной, ненужный дождь' (слово *dešč* проникло из соседних говоров и получило признак «неблагодатный», после чего значение противопоставленного ему слова *godina* 'дождь' осложнилось факультативным признаком «благодатный»⁵.

Аналогичные факты можно наблюдать в любой зоне славянского языкового мира. Так, на русском Севере в Архангельской обл. помимо славянского слова *лужа* 'лужа' употребляется и финноугорское по происхождению слово *лы́ва* 'лужа' (ср. карельск. *liiva* 'ил, тина'). В тех говорах, где встречаются обе лексемы, *лужа* — это 'небольшая площадь стоячей воды от дождя', а *лы́ва* — 'небольшая площадь стоячей воды от снега' (т. е. скорее отношения 'лужа вообще' и 'лужа от стаявшего снега', д. Олема, Лешуконский р-н), или *лы́ва* 'стоячая вода от снега и дождя', *лужа* 'любая стоячая вода' (д. Койда, Мезенск. р-н), или *лы́ва* 'вода (лужа) невысыхающая', *лужа* 'вода (лужа) высыхающая' (д. Юрома, Лешуконский р-н, сообщила Л. О. Чернейко).

Все эти примеры и случаи — относительно недавнего происхождения, как недавнего, а отнюдь не праславянского происхождения противопоставление *хвоя* 'сосна' и *сосна* 'отдельная, бортевая сосна'. Такие неполно-синонимические пары возникают, как правило, на границе соприкасающихся ареалов в результате диалектных (или языковых) контактов и, надо полагать, часто затем стираются, исчезают, так как язык не всегда нуждается в подобной семантической детализации.

Такой неполно-синонимической парой является и еще одна пара *сосна* — *хвойка*, отмеченная в украинском Полесье в д. Могильно (Полесское) в Коростеньском р-не, где *сосна* 'сосна', а *хвб́йка* 'сосенка, маленькая сосна'. Этот случай как будто говорит в пользу приведенного мнения бота-

⁵ Эти и некоторые другие примеры, поясняющие явление синонимической коррелятивности, приведены нами в другой статье (см. наст. изд., с. 316–319).

ника и лингвиста Я. Ростафинского, и это действительно было бы так, если бы его можно было считать древним, на что нет никакого основания (ср. хотя бы микроостровной характер ареалов всех этих пар, их значений и форм, не имеющих соответствий в других, достаточно отдаленных зонах славянского мира).

Любопытно, что дополнительными признаками (семами) в этих случаях оказываются либо признак возраста *молодость/старость* (или *немолодость*) (resp. величины *малый/большой*), либо *отдельность (единичность)/неотдельность*, которые могут быть причислены к универсальным признакам. Сему единичности / неединичности (отдельности / неотдельности) нужно считать очень характерной для лексико-семантических систем многих полесских говоров, где эта семантическая категория широко представлена в словообразовательной системе и приближается в плане содержания к местоименно-артиклевому функциям. В целом ряде полесских говоров, преимущественно восточных, отдельность (единичность) дерева обозначается суффиксом *-ина* (или даже *-инина*): *хвојіна* 'отдельная сосна' (при *хвојіна́* 'крупный сосновый лес'), *берэзіна* 'отдельная береза' (при *березіна́* 'крупный березовый лес'), *(в)ол'эшына* 'отдельная ольха' (при *(в)ол'эшына́* 'крупный ольховый лес') (д. Зосинцы Ельск. р-н, Гомельск. обл.) и т. п. (Толстой, 1966, с. 70–100 наст. изд.; Толстой, 1972, с. 658–721; Ревзін, 1969). Любопытно также отметить, что на юге Столинского р-на отдельно стоящая сосна с раскидистыми ветками называется *волк-ом* (д. Ольманы, Хоромск и др.), что, вероятно, связано с прежними мифологическими представлениями полешуков.

Изложенный материал подтверждает, таким образом, справедливость суждения Ф. П. Филина, высказанного им еще в 1962 г., о том, что «в отмеченном Мошинским полесском *сосна* 'сосновое дерево с пчелиным ульем' также можно усматривать только локальную (позднюю) особенность в употреблении данного слова, которую нет никаких оснований переносить в глубокую древность» (Филин, 1962, с. 209).

О. Н. Трубачев считает слово *сосна* новообразованием, однако новообразованием праславянского периода. В дополнениях к словарю М. Фасмера он пишет: «*Сосна* и другие родственные севернославянские слова едва ли целесообразно производить из и.-е. **kasnōs* "серый". Несомненно, что это

относительно новое, местное образование. Для этимологии слова *сосна* представляет интерес указание, что это слово первоначально относилось к терминологии бортничества и обозначало дуплистое дерево; так, в Полесье слово *сосна* употребляется только тогда, когда речь идет о дереве с бортью, дуплом, иначе — *хвоя* “обычная сосна” (Moszyński, *Kultura ludowa Słowian*, I, стр. 133–134)» (Фасмер, III, с. 727). Надо полагать, что изложенные наблюдения Петкевича — Мошинского относятся к столь позднему времени, что они не могут представлять интереса для этимологии слова *сосна* (ср. также обратные случаи, зафиксированные в д. Сварынь и д. Гоздов).

В праславянской древности значения *сосна* ‘бортевая сосна, сосна с ульем’ как будто не сомневается и С. Б. Бернштейн. Он обращается к этому значению в связи с проблемой исконного значения славянского слова **borъ*. «Возможно, — отмечает он, — что слово *borъ* в праславянском имело два значения: ‘сосна’ и ‘сосновый лес’. Но в таком случае возникают вопросы: что означало слово *сосна* и почему это слово утратилось в южнославянских языках? Прежде всего следует обратиться к этимологии данного слова. Мошинский обратил внимание на то, что в Полесье дерево *Pinus silvestris* называют сосною только в том случае, если в нем имеется улей. В Беловежской пуще стволы сосен, пригодных для бортничества, называют *zosnowatymi*. Слово *zosna* (точнее *zosнь*) Мошинский возводит к забытому глаголу *sojiti* ‘колоть’ и т. под. Однако эта этимология вызывает возражение. В положении перед согласным на месте дифтонгического сочетания [oi] возник бы [ě], т.е. вместо **sosna* было бы **sěsna*. Трубачев сопоставляет *zosna*, *zosнь* с *sopěti*, с русским *сопло* и предлагает реконструкцию *sopsna*, *sopsнь* ‘дуплистое дерево’. Прототип *sopsna* предполагается и другими этимологами, но на основе других сопоставлений и с другим значением. Таким образом, общим названием данного дерева следует считать *borъ*» (Бернштейн, 1961, с. 57–58). Естественно, возникает вопрос, можно ли принимать значение слова *borъ* ‘сосна’ не только праславянским, но и исходным для всех других значений, связанных с этой лексемой.

Подробное рассмотрение этой проблемы, и ее истории в частности, потребовало бы очень много места, и поэтому мы

ограничимся полуконспективным изложением разных мнений, материала и возможных выводов из него.

Ф. П. Филин в отличие от С. Б. Бернштейна предполагает, что общим названием дерева *Pinus Silvestris* в праславянском было не **borъ*, а **sosna*. «В южной зоне, — пишет он, — это слово было утрачено. Интересующее нас дерево в болгарском обозначается словом *бор*, в сербохорватском *бѐр*. Ср. также чеш. и словац. *borovice* 'сосна'. Этимология обоих слов остается неясной, поэтому трудно сказать что-либо определенное об их семантической взаимосвязи в общеславянском языке. Все же, вероятнее всего, общеславянское **borъ* означало 'сосновый лес', а **sosna* 'отдельное дерево *Pinus silvestris*' — таковы значения этих слов в большинстве славянских языков... У балканских славян после утраты слова *sosna* в слове *borъ* произошел семантический сдвиг..." (Филин, 1962, с. 209).

В. В. Мартынов в своих рассуждениях о слове *borъ* ближе к позиции С. Б. Бернштейна и категоричнее в своих выводах. Слово это важно для В. В. Мартынова как «пример с максимальной относительной надежностью» проникновения праславянского слова в прагерманский. Вся система доказательств построена у него на семантическом факторе. Она сводится к следующему. В германском имеется только одно звено цепи значений слова *baru* (праслав. **borъ*) — 'лес'. В славянском «полный» семантический ряд: 1. 'сосна' 2. 'сосновый лес' 3. 'лес'. «И поскольку нельзя себе представить обратного семантического развития [разрядка наша. — Н. Т.] ('лес' > 'сосновый лес' > 'сосна'), то проникновение из германского маловероятно... Когда мы говорим о невозможности семантического развития 'лес' > 'сосновый лес' > 'сосна', то исходим из опыта сопоставительной семасиологии. Однако можно, как нам представляется, показать и для данного конкретного случая невероятность такого сдвига в значении» (Мартынов, 1963, с. 108–112). В. В. Мартынов далее пытается показать исконность и архаичность значения **borъ* 'сосна', что вполне в духе его представлений, отраженных в разных работах, о большой архаичности семантики значительного (основного) фонда южнославянской лексики.

Во втором выпуске "Этимологического словаря славянских языков" под редакцией О. Н. Трубачева, помимо довольно обширного, но не полного материала, дается краткий

обзор мнений об этимологии слова **borъ*, в том числе доводов К. Мошинского, В. В. Мартынова, А. Мейе, О. Шрадера, Э. Бернекера, А. Брюкнера и др. О. Н. Трубачев, отмечая «изолированность праслав. **borъ* I 'сосна, сосновый лес'», допускает возможность его унаследованности от индоевропейской древности, его исконности, а не заимствованности (заимствование были склонны видеть Г. Гирт, А. Мейе и др.). Вместе с тем он отводит сомнения А. Брюкнера в первоначальности значения **borъ* 'хвойное дерево' и возражает против его сближения слова **borъ* со словом *bara* 'болото'⁶.

Однако следует заметить, что сближение слав. **borъ* со слав. **bara* не так уж беспочвенно, как это может показаться на первый взгляд. Оно отводится по мотивам семантическим, но именно семантика, как мы попытаемся показать далее, может обосновать и подтвердить это сближение.

Исследователи славянского слова **borъ* в своих работах и этимологических этюдах обходят некоторые значения этого любопытного географического термина. А к таковым относятся украинск. карпатск. *bip* 'болотистое место, торфяник' (с. Лопьянка, Станиславск. обл.), *bip*, *bóru* ('болотистые заросли, кустарник на болоте' (бойковск.)), русск. *бор* 'высохшее болото, поросшее мелким березняком' (архангельск.), польск. карпатск. *bór*, уменш. *borek* 'болото' (оравск.)⁷, *bór* 'заливной луг, где косится трава раз в году' (Верхняя Сидина), польск. ленчицк. *borovina* 'торфяник, торфяная почва', серб.-хорв. *bór* 'карстовая яма, широкая пропасть, у которой видно дно' — *Упала му коза у један бор — ни вран јој кости неће отеле изнијет; бóriна* — 'то же' (Черногория)⁸.

⁶ «Данное мнение основано, однако, на заблуждении, что станет понятным, если вернуться к обзору примеров и значений по славянским языкам: продолжения праслав. **borъ* I, помимо основных значений 'сосна' и 'сосновый лес', выступают в первую очередь как обозначения сухих, песчаных, возвышенных мест, холмов (в том числе и в болотистом Полесье!), так что для утверждения о семантическом (а следовательно, и этимологическом) родстве с **bara* (см.) материала недостаточно» (ЭССЯ, вып. 2, с. 217).

⁷ Я. Карлович поясняет, что в Западных Бескидах *bór*, уменш. *borek* нигде не означает 'лес', а 'торфяник, торфяное болото, болото' (Karłowicz, I).

⁸ Подробнее с большим числом примеров на слово **borъ* и с указанием источников см.: Толстой, 1969, с. 22–41.

Такому сравнительно небольшому числу примеров, относящихся, правда, к славянским языкам из всех языковых групп (восточной, западной и южной), противопоставлены многочисленные примеры, где **borъ* означает просто 'возвышенное место', очень часто 'возвышенное место, поросшее лесом': полесск. *бор* 'сухое, высокое, супесчаное место, поросшее лесом (обычно сосной) или чистое' (д. Кочищи), *бур хвойны* досл. 'бор соснового лесу' (д. Луково), *ліс ростá на борú* 'лес растет на бору' (д. Орехово) [ср. невозможность сочетания **лес растет на сосновом лесе*], **у́л'исты́ бор* '«бор», не поросший лесом' (Дяковичи) [ср. обратное русск. *сосновый бор*], псковск. *бор* 'возвышенное место' — *пр'им'ёрна рош нал'илá тапёр' па барáм спет' б́удит* (Великие Луки); новгородск. *бор* 'песчаное место, покрытое густым лесом или кустарником, а иногда и без леса' (Тихвин), *бор* 'возвышенное место, холм, возвышенность' (б. Архангельск., Тверск., Вятск., Томск. губ.), *бор* 'подводная мель' (р-н Луги, б. Петерб. губ.) и т. п.

Из примеров ясно, что *бор* у славян известен как термин рельефа — притом и положительного, и отрицательного. Поляризация значений 'верх' — 'низ' широко известна в славянских, балтийских и других языках. Не является исключением и **borъ* 'холм, возвышенное место', и **borъ* 'яма, низкое место' (отсюда и 'болото' и прямое родство с **bara* 'болото, лужа'). Эти значения (прежде всего 'возвышенное место'), надо полагать, самые древние, и они имеют прямые или косвенные соответствия в германском материале. Южные и западные славяне, а также славяне восточные (в Архангельском микроареале и на Карпатах) сохранили как реликтовое значение в отдельных архаических зонах — 'яма, низкое место', 'болотистое место'⁹.

Восточные славяне довольно хорошо сберегли другое значение — 'холм', 'возвышенное место' (иногда «безлесное», иногда и чаще «покрытое лесом»).

⁹ Отметим, что так же приблизительно распространено и слово **bara*, известное южным и части западнославянских языков. Ср. также русск. тверск. *бар* 'болото', возможно, и вятск. *баларужина*. Интерес в свете упомянутого семантического противопоставления 'низ' — 'верх' представляет украинск. среднеднепровск. *барíло* 'возвышенность в общем значении' (ср. болгарск. родопск. *барáло* 'выемка с водой').

Тот факт, что в Полесье **borъ* — не 'болото', 'низкое место', а наоборот 'возвышенное место', или 'лес' и т. п., не означает, что славяне в древности не могли иметь для лексемы **borъ* семемы 'низкое, сырое место'. Энантисемия, как нам приходилось неоднократно отмечать, невозможна в одной системе: она разрешается либо в пользу одного, либо в пользу другого, либо, наконец, и чаще всего, в пользу третьего значения, имеющего не эквиолентные, а иные семантические оппозиции.

Дальнейшее и достаточно древнее семантическое развитие слова **borъ* могло идти таким путем: 'возвышенное место, возвышенность' — 'возвышенность с лесом' — 'лес на возвышенности' — 'сосновый лес на возвышенности' (что типично для Полесья и восточнославянского географического рельефа) — 'сосновый лес' — 'сосна' (были и другие частные семантические ответвления; см. Толстой, 1969). О том, что именно такой путь, а не обратный, как предлагал В. В. Мартынов, является типологически и генетически наиболее вероятным, свидетельствуют многочисленные факты славянских, индоевропейских и неиндоевропейских языков. Переход 'гора, возвышенность' → 'лес' является почти универсальным, а переход 'лес' → 'дерево' для славянских языков более типичен, чем 'дерево' → 'лес'. Следует учитывать, что все славянские языки, как и праславянский, имеют и имели названия леса по породе деревьев, образуемые от названий деревьев суффиксальным способом (*хвојѣна*, *хвојѣна*, *хвојѣник*, *соснѣк*, *сосонник*, *chojŋina*, *boří*, *борје* и т. п.). Этот тип наименования был семантически очень устойчив.

Примеры с переходом 'гора' → 'лес' многочисленны у славян, германцев и балтийцев: болг. и серб.-хорв. *гора*, моравск. и словац. *hora* и др., немецк. *Wald* и др.¹⁰

Известен этот переход в тюркских, финноугорских, монгольских и других языках.

Нельзя считать малочисленными и случаи с переходом 'лес' → 'дерево определенной породы'. Особенно характерны они для южнославянских языков, в первую очередь для сербскохорватского: *гора* 'лес' → *горун* 'дуб', то же *граница* 'дуб' (болг. 'дуб'), *лѹг* 'лес, гай' → *лужник* 'дуб'; из

¹⁰ См. довольно значительное число балтийских примеров, где отражается переход 'гора' → 'лес' в словах типа *trakaĩ*, *ražà*, *salà*, *škŷnimas*, *gõjis* в исследованиях Л. Г. Невской (Невская, 1972; 1974).

бессуффиксных образований можно указать на серб.-хорв. *храст* 'дуб' (ср. полесск. *хворост* 'мелкий лес', д. Шестовичи, русск. *хворост*, болг. *храст* 'куст' и др.), польск. диал. *gaj* 'отдельное дерево', русск. диал. воронежск. *лес* 'дуб' и др. (Толстой, 1969, с. 48, 56).

Таким образом, отметим еще раз, семантическое развитие 'лес' → 'сосновый лес' → 'сосна' вполне возможно, а для слова **borz* наиболее вероятно. К нему следует добавить и начальные звенья «цепи» — 'гора' (: 'яма') → 'лес' и т. д.

Borz в индоевропейском плане следует, видимо, воспринимать как славяно-германский локализм, о чем свидетельствуют такие факты, как др.-англ. *bearu* 'лес, роща', др.-исландск. *borr* 'дерево (отдельное)', вероятно, и др.-исландск. *bora* 'яма, дыра, нора' (Pokorny, 1959). Ср. также кельтск. др.-ирландск. *barr* 'острие'. Широко принятое возведение славянск. **borz* и германск. *boru* к индоевропейской основе *bher-* 'острие', 'быть острым, заостренным' (с чередованием *e/o*) может быть сохранено, но применительно не к хвойным иглам, а к положительному рельефу — холму (ср. латинск. *săcūten*, др.-греческ. ἄκτῆ и др.).

Наличие в славянском и германском таких семантических звеньев, как 'яма' и 'лес', видимо, снимает вопрос о заимствованиях. Следует, однако, признать, что славянские языки обладают значительно большей семантической амплитудой колебания интересующего нас слова.

Примечание. Ряд ученых считает наиболее архаичным значением славянского слова **borz* значение 'сосна', которое широко известно в южнославянских языках. Наиболее решительно эту точку зрения отстаивал В. В. Мартынов (Мартынов, 1977, с. 182; 1963, с. 108–112). Между тем эти ученые обходят вниманием такие, на наш взгляд, действительно архаические значения слова **borz*, как южнослав. серб.-хорв. черногорск. *bôr* 'возвышение', 'впадина' и т. п. Помимо ранее отмечавшегося нами значения 'глубокая яма в горах' (Толстой, 1969, с. 33), недавно зафиксировано и значение *bôr* 'каменистое возвышенное место', 'торчащая голая скала'. Д. Петрович, описывая микротопонимику в р-не Никшича, дает определение географического термина *бор*: «Бор здесь чаще всего обозначает камень, литице, тврђе». Его детерминаторы *Јасикови*, *Љесков*, *Липови* ('Осиновый', 'Ореховый', 'Липовый') позволяют сделать вывод, что речь никак не может идти о сосне *Pinus*. *Пиперски бор* находится на границе *Риђанских руна* (ям) у самой равнины, ныне затопленной озером: это каменистая гора (голет) с множеством впадин и ущелий. В

Пйешивцах *боре* — глубокие впадины, со всех сторон окруженные горами...» (Петровић, 1966, с. 125; Михајловић, 1971, с. 262–263).

Эти факты приобретают особое значение в связи с другими недавно выявленными новыми данными, согласно которым слово **vosna* было известно и в южнославянских языках. Е. Русек его обнаружил в болгарских памятниках (X—XIV вв.), а Т. Стаматоский — в современной македонской топонимии (Rusek, 1970, с. 551; Стаматоски, 1975, с. 9–11).

Таким образом, у южных славян или у их предков, вероятно, слово **vosna* было вытеснено словом **borъ* 'сосна'. В таком случае значение слова **borъ* 'сосна' — не архаизм, а инновация (праславянская или более поздняя).

Из славянской погребальной лексики

Славянские погребальные термины очень слабо отражены в славянских атласах (см. карты №№ 33–36 в Дзендзелівський, I; карту № 82 в АЈК, II; вопрос № 3277 в ВОЛА), а между тем они имеют первостепенное значение при решении ряда этногенетических вопросов и вопросов древнейшего славянского диалектного соотношения и членения. Погребальная лексика тесно связана с отдельными этнографическими «культурами» надгробий, обычаями и повериями и может быть в некоторых случаях сопоставлена с культурами археологическими. В этом направлении пока еще делаются первые шаги.

Недавно мною была отмечена очень любопытная южнославянско (болгарско)-карпатско (западноукраинско)-полесская (северноволынская) изопрагма, касающаяся антропоморфных и прялочнообразных деревянных надгробий (см. Толстой, 1973а). С «культурой» этих надгробий на Северной Волыни соприкасалась и, судя по предварительным довольно скудным данным, не пересекалась «культура» надгробных чурбаков, имеющих разную форму и разные названия (условно назовем ее культурой *при́хоромов*). Чурбаки эти, согласно моим наблюдениям, сообщениям моих коллег (П. А. Михайлова и др.) и печатным источникам (Волков, 1910), были распространены и встречаются до сих пор на территории Западного Полесья и примыкающей к ней Северной Волыни¹. Очень любопытные экземпляры довелось мне видеть в 1963 г. в д. Ляховичи (Дрогичинск. р-н, Брестск. обл.), где дубовые чурбаки — нарубы были у того места, где обычно стоит могильный крест, несколько подрублены снизу и имели небольшое возвышение над подрубом, так что весь чурбан имел форму ладьи (ср. факты, изложенные в труде Анучин, 1890). В некоторых случаях подруба не было, но возвышение оставалось, и его образовывал сильно или слабо отстающий от ствола срез большого ответвления; притом на этом, всегда обращенном кверху срезе иногда находился маленький деревянный крест. Во многих

¹ Эти данные предварительны и, возможно, не совсем полны.

случаях большой крест стоит отдельно, а длинный чурбак лежит вдоль всей могилы (например, в д. Валище, Пинск. р-н). Отмеченный тип надгробия имеет разные названия. Так, в д. Лопатин (на р. Стырь, Пинск. р-н) он называется *лыжак* или *наруб*, в д. Новоселки (Кобринск. р-н) — *наруб*, мн. *наруби*, в д. Спорово (Березовск. р-н) — *прихором* (также в д. Валище, Хворосно, Вулька-Лавская, Тростянка, Пинск. р-н), в д. Мельники (Ганцевичск. р-н) и д. Мыслобожь (Ляховичск. р-н) — *прыклад*. В Жабинковском р-не Брестск. обл. (недалеко от Бреста) и Кобринском р-не той же области зафиксирован и несколько иной тип надгробия, в виде доски-плахи. Он встречается довольно редко и называется то *застолы* (Жабинковск. р-н), то *стыл* (*о > и* близкое к немецк. *ii*; д. Перки, Кобринск. р-н). Не исключена возможность, что рассматриваемый тип надгробий был известен и на востоке Могилевщины, если судить по данным И. К. Белькевича, который для слова *нымагільнік* ('надгробье') приводит такой пример: «Як ты памреш, дык я табе асінувыі крыж і дубовыі нымагільнік здзелью» (д. Беседовичи, Хотимск. р-н).

В свете изложенных фактов интересно свидетельство Бартоломея Капича (1575—1650), данное им в его автобиографии, о том, что в Крижевцах (Северная Хорватия) хорваты клали на могилы большие чурбаки (по словам Капича, *дебла* — 'стволы деревьев') или камни, а на них хлеб, яблоки и т. п. (Stojković, 1919). На основании этой записи XVII в. можно, на наш взгляд, говорить о полесско(западнополесско)-южнославянской (севернохорватской) изопрагме, хотя никак не исключена возможность обнаружения бытования в прошлом и даже в настоящем чурбаков (или плах) и в других славянских зонах.

В упомянутой уже полесской д. Лопатин мне объяснили, что *лыжак* (или *наруб*) лежит над *домовиной*, а *домовіна* — это *јама с труној*, т. е. 'гробом', и, таким образом, *домовіна* и *труна* не одно и то же. Это различие важно, так как оно отражает древние славянские представления о загробной жизни, указывает на то, что название гроба *домовиной* во многих диалектах, вероятно, вторично (если еще мы не сталкиваемся с неточной записью значения или приблизительным толкованием собирателя). В б. Ланской волости Слуцкого уезда *дамавіна* 'могила' (Малевич, 1907), а в центральной Белоруссии *дамавіна* 'гроб' (Шатэрнік, 1929).

То же значение известно на Витебщине и связано с лексемами *дамавіна*, *даміна*, *дамбўка*, *дамайё* (Касьярович, 1927) и на Смоленщине — с лексемами *домовіна*, *дбмик* (*домовка* же означает могилу или точнее 'место вечного упокоения', Добровольский, 1914). Термин *домовина* 'гроб' хорошо известен всем южновеликорусским говорам, северновеликорусским (новгородск., петербургск., вологодск., костромск., вятск., пермск. и др.) и средневеликорусским (владимирск., нижегородск., тверск., псковск.). На Севере известен также лексемный вариант *домовіще* (архангельск., ярославск., новгородск., вологодск.), который, однако, отмечен и в средневеликорусских (псковск., тверск.), и в южновеликорусских говорах (рязанск., тульск., орловск.), и в Сибири. С уменьшительными суффиксами *-ищечко*, *-ищице* — только на Севере (арханг., олон., костр.). На Смоленщине сохранился архаизм — *домовіще* 'сруб над могильным холмом' (СРНГ). Постройки такого типа представляют собой особую, третью культуру (кроме антропоморфных крестов и «прихоромов»), известную по редким реликтовым экземплярам у восточных славян (б. Архангельск. губ., Поволжье, Карелия, Рязанщина, Черниговщина?, Карпаты) под названием «домовин-столпов» (Велецкая, 1969; Рыбаков, 1970 и др.), имеющих историческое подтверждение в летописях и других памятниках, известных и у южных славян (черногорцев; см. Филиповић, 1967, с. 199).

На Украине, в Белоруссии, на Курщине известно заимствование *труна* 'гроб' (*тру́на*, *тру́нва* и т. п. из немецк. *Truhe* через польск.), утвердившееся, надо полагать, сравнительно поздно, вероятно, не без влияния факта появления нового гроба как новой реалии вместо прежних долбленых колод и, может быть, захоронений прямо на землю с ограждением и покрытием покойника бревнышками и досками — деревом, как это делалось еще недавно в Сербии, Македонии и иных зонах. В связи с этим интересен закарпатский термин *дерево* 'гроб' (надборжавск. говоры, Мукачевск. р-н, Німчук, 1965), наряду с более известным *деревішче* 'гроб' и широко распространенным почти по всем Карпатам — *труна* (подробнее Дзендзелівський, 1958, 1969). С закарпатск. *дерево* 'гроб' следует сравнить хорватск. *lës* 'гроб' (подробнее Толстой, 1969). Из иных названий отметим смоленск. *поддубёна* 'гроб' (б. Ельнинск. у.; ср. обычай класть дубовый чурбак или плаху на могилу) и херсонск. *хорбмина*

‘гроб’ (тоже с семантикой ‘дом’; ср. полесск. *пріхором*; на Херсонщине много переселенцев из Волыни и Подолии). См. семантический ряд: укр. подольск. *хата* ‘гроб’ (при *ку́ринь* ‘хата’), белор. речицк. *хата* ‘то же’ в выражении «(в)от будзе ему хата» (по Ч. Петкевичу), сербск. *кућа* ‘гроб’, наряду с *ковчег* (Лесковацкая Морава).

IV

**К сравнительному изучению
славянской ономастики**

Заметки о славянских именах собственных

Позицию имени собственного в языке интересно и метко определил Е. Курилович. Он отметил, что наряду с «полными структурами» в языке существуют «недостаточные структуры» — имена либо с весьма ограниченным семантическим содержанием, либо с ограниченной сферой употребления. Имена собственные отнесены им к последней группе, так как их применимость сведена к минимуму. «Вместо того чтобы обозначать, как все имена нарицательные, имя собственное называет» (Kuryłowicz, 1956; русск. пер.: Курилович, 1962). Е. Курилович, стремясь упростить изложение, ограничил свои наблюдения «именами собственными человеческих индивидуумов» (у нас в дальнейшем — личные имена) и оставил в стороне топонимику (у нас в дальнейшем — географические имена). Однако, несмотря на сходство общей позиции тех и других собственных имен, в языке между ними имеются и более частные, но все же достаточно существенные различия. Этими различиями не следует пренебрегать при постановке вопроса о передаче иностранных собственных имен, в частности славянских собственных имен, в русском языке, вопроса о переходе имен собственных в нарицательные, вопроса о стилистических функциях имен собственных и т. п.

1. Если обратиться к таким словам, как *Москва, София, Београд, Warszawa, Praha, Kiїв, Минск, Bratislava, Ljubljana, Zagreb, Сарајево, Скопје, Подгорица, Budyšin*, и затем к таким словам, как *Иван, Јован, Јан* или *Николай, Никола, Mikołaj, Mikuláš* и т. д., то становится ясно, что первые, т. е. географические имена, уникальны, так как относятся к одному объекту, а вторые, личные имена, — не уникальны и могут относиться к целому ряду отдельных объектов. Таково положение в общих чертах. В ряде конкретных случаев можно привести примеры двух одинаковых географических названий, например *Ростов* и *Ростов*, или уникального личного имени, например *Наполеон*. Однако в сфере определенной социальной среды, определенного людского, а

также территориального ареала в отношении имен географических наблюдается четкое стремление, имеющее почти силу закона, к уникализации географических имен и наделению их в случае «омонимии» дополнительными дифференциальными признаками. Например: *Ростов* — *Ростов-на-Дону* (или *Ростов н/Д*) и *Ростов-Великий*; *Новгород* — *Нижний Новгород* и *Новгород-Великий*; *Београд* — просто *Београд* и *Биоград на Мору*; *Бык* — *Верхний Бык* и *Нижний Бык*; *Хава* — *Верхняя Хава* и *Нижняя Хава* и т. д. В. А. Никонов справедливо заявил, что «названия никогда не существуют в одиночку, они всегда соотнесены друг с другом» (Никонов, 1958, с. 57), но он тут же отметил, что они стремятся к противопоставлениям, т. е. к уникализации. Десятки и сотни одинаковых русских *Иваново*, *Горелово*, *Троицкое*, *Ключи* и т. п.; сербскохорватских *Ivanje*, *Grahovo*, *Drenovac*, *Izvor*; болгарских *Иванковци*, *Дреново*, *Извор* и т. п. существуют в картотеках топонимистов и администраторов, но не в сознании и узусе отдельных коллективов. Разные топонимы имеют в зависимости от их «социального» значения и «функций» разный радиус известности, и, как правило, в окружности этого радиуса в случае «омонимии» возникает дополнительная дефиниция типа *Пески* — *Нижние Пески*.

Для личных имен это не характерно, или не столь характерно¹. Во всяком случае даже достаточно замкнутый людской коллектив принимает «омонимию» личных имен и пользуется ею. Заклячая слово «омоним» в кавычки, мы

¹ Здесь уместно еще раз вспомнить пример, уже приводившийся Р. О. Якобсоном, а вслед за ним и С. К. Шаумяном, с млекопитающим уконосом, кладущим яйца и как будто нарушающим циклом своего биологического развития установленный зоологами закон о том, что млекопитающие не кладут яйца. Однако, «сохраняя высокую статистическую вероятность, высказывание, что млекопитающие не кладут яиц, продолжало оставаться важным статистическим законом» (см. Тезисы совещания по математической лингвистике, 1959, с. 40). В том же соотносительном, а не абсолютном плане следует воспринимать изложенные выше рассуждения и при этом различать узус и каталогизацию фактов, степень «авторитетности» и общеизвестности географического имени. Уникализация не всегда бывает абсолютной, как не может быть абсолютным и обратное положение — универсализация. Различная степень уникализации наблюдается в языке и в его семантическом аспекте, и в аспекте грамматическом (артикл и т. п.). (См. об этом, например, Толстой, 1957.)

осознаем, вслед за Е. Куриловичем, что имя собственное в идеале должно не обозначать, а называть, и притом называть «класс, состоящий из одного предмета». Имя нарицательное обозначает «класс, состоящий из множества предметов», при этом отличие данного класса от другого класса предметов мотивировано внешней по отношению к языку реальной действительностью².

II. Если обратиться к таким личным именам, как *Иван*, *Фриц*, *Альфонс* и т. п., и к таким географическим названиям, как *Рязань*, *Бордо*, *Бостон*, *Мадрид*, то можно заметить, что их переход в категорию нарицательных скрывает в себе также некоторые, может быть, не очень существенные, но все же различия³.

² Таким образом, возникает следующее положение:

Имя нарицательное	Имя собственное	
	географическое	личное
класс <i>стулья</i>	класс <i>Тула</i>	«класс» <i>Иваны</i>
класс <i>столы</i>	класс <i>Калуга</i>	«класс» <i>Ерёмы</i>
класс <i>кресла</i>	класс <i>Рязань</i>	«класс» <i>Федоты</i>

Имя нарицательное мотивировано внешней действительностью, и его наличие в языке определено системой языка, так как разные языки по-разному сегментируют внеязыковую действительность, т. е. сигнализируют о классах вещей и понятий («реалемах» и «гносемах»). Имя собственное географическое называет «класс, состоящий из одного предмета», т. е. сигнализирует о каждом предмете. Имя собственное личное составляет «класс» немотивированный (если не считать мотивацией апелляцию к святому-заступнику или факт принадлежности к определенной семье или роду — фамилии). Уникализация (иногда неполная) путем комбинации имени, отчества и фамилии типа *Иван Иванович Иванов* в принципе мало отличается от уникализации имен нарицательных при помощи атрибутивных и прочих показателей (ср. *развесистое дерево, что у колодца; книгу, купленную вчера*, и т. п.).

³ Нетрудно заметить на материале славянских языков, что переход географических имен в имена нарицательные касается в основном сферы иностранных, неславянских топонимов. Если не включать названия вин и марок вин в сферу ономастики в широком смысле этого слова (а некоторые топонимисты не хотят упускать эту коллекцию из своего хозяйства) и отнести их к именам нарицательным, то в их числе мы найдем в основном такие, как *бордо*, *херес*, *токай*, *малага*, *коньяк* [коньяк, например, во Франции, Сербии и ряде других стран воспринимался как топоним, а французские фирмы, производившие коньяки, считали необходимым сохранять это название только за продуктом виноградной лозы французской провинции *Cognac*, поэтому коньяки, производившиеся в других странах, было запрещено называть

Если обратиться к ряду *Никита, Никитушка, Никитёнок, Никиток, Ника, Ник, Никушка, Никитка, Никитище* и т. п. и сравнить его с рядом географических имен типа *Днепр, Днеприк, Дон, Донец, Нева, Невка* и т. п., то станет ясно, что имена личные (за исключением отчасти фамилий и отчеств) обладают способностью приобретать уменьшительные и ласкательные формы и могут стилистически дифференцироваться, в то время как географические лишены этих качеств и стилистически всегда нейтральны (невозможны формы типа «*Москвушка*», «*Клинок*», «*Новгородок*» от *Москва, Клин, Новгород*)⁴. Разные производные формы

коньяками, и такого рода алкогольный напиток в Сербии назывался *вињак* (контаминация *вино* и *коньяк*), в Польше — *winiak* и т. д.]. В этих случаях, как и в случае с коровьими кличками (см. сн. 8), мы наблюдаем известную терминологизацию. Та же терминологизация отмечается в случаях *шевиот, бостон, манчестер* и т. п. На материале славянских языков этого не происходит: *вяземский пряник* не называется нами «*вязама*», *славяновская вода* — «*славянск*» (хотя ср. обратное: *боржом, арзни*, а мой отец даже говорил: «Арзнём, Никита!», т. е. «выпьем воду “Арзни”!»), а *тульский самовар* — «*тула*» (хотя ср. обратное — *винчестер*). Случаи перехода иностранных географических имен в сферу нарицательных не «номенклатурного» характера в славянских языках довольно редки — *мадрид* («в дирекции опять начались *мадриды*»), *эльдorado* («машинный перевод — *эльdorado* для лингвистов!»). При переходе имен личных в нарицательные в славянских языках часто используется свой славянский (или «ославянившийся») фонд: *простофиля, фефёла, фофан, хавронья, обгегорить, подкузьмить* и т. п., наряду с иностранным: *альфонс, дон-кихот* (*донкихотство*), *бонапарт* (*бонапартизм*). Можно заметить, что семантические сферы имен нарицательных, образованных из личных имен и из географических названий, различны. Но более важно различать другое: использование ономастического материала, в широком смысле этого слова, для образования имен нарицательных в разных социальных слоях или, в другом аспекте, в разных феноменах языка: в литературном языке и в диалектах. Лингвистика как таковая различает литературный язык и диалекты, их историю, их синхронное состояние — структуру и сферу функционирования. Ономастика, в широком смысле этого слова, должна также с этим считаться, если ее интересует не просто ономастический фонд (для целей исторической, типологической и т. п. интерпретации), а и его использование (в коммуникативном плане, социальном и т. п.).

⁴ Отступления от этой закономерности наблюдаются в поэтической речи, где изредка встречаются случаи использования ласкательных — уменьшительных и увеличительных — суффиксов. Так, например, в русских плачах Карелии, где общее соотношение форм существительных уменьшительных и неуменьшительных почти 9 : 1, что является характерной стилистической особенностью этого жанра, находим от

от личного имени могут относиться к одному объекту, производные же формы от географического имени не могут относиться к одному объекту, и с каждым новым производным именем соотносится другой объект. Формы *Днеприк*, *Донец*, *Невка* принадлежат не *Днепру*, *Дону* и *Неве*, а называют иные реки, иные единичные объекты и могут указывать лишь на косвенное отношение к ним (притоки или реки, напоминающие об «основной» реке, и т. п.) (Lehr-Splawiński, 1960).

Указанная закономерность наблюдается достаточно последовательно в сфере географических имен. В сфере же имен личных она проявляется в разных славянских языках по-разному, хотя в принципе отмеченное противопоставление сохраняется. Если в русском языке приведенный ряд *Никитушка*, *Никитёнок*... относится к одному имени *Никита* и не является рядом этимологически родственных, но разных имен, то в сербском языке ряд *Александар*, *Аца*, *Ацо*, *Саша* может быть интерпретирован так же, как и в русском, а может быть интерпретирован и как ряд разных имен. В последнем случае такие «уменьшительные» и «ласкательные» имена, как *Љуба* (от *Љубомир*), *Арсо* (от *Арсеније*), *Миша* (от *Михајло*), деэтимологизируются, становятся стилистически нейтральными самостоятельными номинативами (ср. *Љуба Давидовић*, *Арсо Јовановић*, *Миша Атанасијевић* и т. п.). В некоторых случаях сербы пользуются номинативными дублетами, которые выступают постоянно (фиксируются в паспорте, ранее писались на вывесках торговых фирм и т. п.) и неразрывно, например: *Александар-Аца Поповић*. В этих случаях мы наблюдаем сближение с отношением, отмеченным для географических имен⁵.

названия *Онего* форму *Онегушко*: «Станут на земле талиночки, / А на *Онегушке* полиночки, / По шумливому *Онегушку* / Водоплавны пойдут лодочки» (плач У. О. Старовойтовой «Ух я как стану жить, беднушка». — см. Русские плачи Карелии. Петрозаводск, 1940, с. 106). Из современных поэтов можно указать на Роберта Рождественского, который также обращается к этому стилистическому приему, но, называя *Карадаг Карадачиной*, уже использует увеличительно-пейоративный суффикс, как это обычно водится между «своими ребятами»: «Привыкаем стареть, привыкаем думать, голодать, холодать, влюбляться неудачно... Будь здоров, Карадаг, *Карадачина!*» (стихотворение «Разговор с горой Карадаг»).

⁵ Подобное явление для русского языка — большая редкость. С ним можно сравнить почти единичный пример, уже приводившийся А. В.

Рассуждение о стилистических функциях личных имен отвлекло бы нас в сторону от поставленной цели и потребовало бы много места. Поэтому мы отметим только, что они довольно разнообразны и сложны; следует учитывать не только дистрибуцию по возрастным и социальным показателям, дистрибуцию в сфере внутрисемейной и внесемейной, внутриколлективной и т. п., но и стилистическое использование личных имен в чисто поэтических целях (Привалова, 1952; Кондратьева, 1961). Этому лишены (или почти лишены) имена географические.

III. Если обратиться к географическим и личным именам нового происхождения, то в их образовании можно заметить две противоположные тенденции. Новые географические имена тяготеют к понятности и к некоторой мотивированности названия. При их создании, помимо называния, ставится цель известного обозначения. По этому принципу созданы такие топонимы, как *Планерское* в Крыму (там в 30-х годах была планерная станция и школа; название не прижилось, и все по-прежнему говорят *Коктебель*), *Каналстрой* по Савеловской ж. д. за Дмитровом (там в 30-х годах была база строительства канала Москва—Волга), *Текстильщики* по Курской ж. д. под Москвой (там имеются текстильные фабрики), *Целиноград* и т. п.

Новые личные имена отражают стремление к некоторой зашифрованности, к фонеморфологическому оформлению, близкому к общему типу личных имен⁶, например мужск. *Ремир* (= Революция Мировая), *Марлен* (= марксизм-ленинизм), *Владилен* (= Владимир Ленин), женск. *Нинель* (= Ленин, в обратном порядке)⁷. Многие новые имена образо-

Суперанской (Суперанская, 1962, с. 10), с рядом *Георгий, Егор, Юрий* (ср. *Георгий Сердюченко, Егор Клычков, Юрий Маслов*). Но уже *Юрий — Юра, Егор — Егорушка* и *Георгий — Юра, Юрочка* — одни и те же имена с ласкательным и деминутивным признаком, а не разные. В сербском языке могут дифференцироваться и на чисто номинативной основе *Михајло* и *Миша*.

⁶ Поэтому, например, невозможны сложные личные имена типа *Красная Роза, Парижская Коммуна, Красный Октябрь* и т. п.

⁷ См. также Делерт, 1924. На первый взгляд может показаться, что в топонимике иногда наблюдается то же явление: ср. *Кузбасс, Донбасс*, сербск. *Космет*. Однако это не так. В случаях с *Кузбасс, Донбасс* и *Космет* мы сталкиваемся с топонимическими аббревиатурами, где *Кузбасс, Донбасс, Космет* употребляются наряду с *Кузнецкий бассейн, Донецкий бассейн, Косово* и *Метохија*. Этого же характера ЦЧЗ

вывались от других имен собственных, в которых «внутренняя форма» уже достаточно затемнена.

IV. Интересную промежуточную позицию между именами личными и нарицательными занимают клички: клички людей, собак и особенно коров, овец и других домашних животных; в ряде случаев они не только называют, но и прямо обозначают⁸.

(Центральная черноземная зона), УССР, БССР, УзССР, Россельмаш, ЗИЛ (завод имени Лихачева) и т. д. «Сложносокращенное слово (аббревиатура) обозначает такой концепт или денотат, который в том же языке может быть обозначен несокращенным (полным) сочетанием слов» (Иванов, 1962, с. 24). «Концепт» *Ремир* не может быть обозначен несокращенным сочетанием слов в той же функции и сфере употребления, а концепт *Донбасс* — может.

- ⁸ Собацьи клички ближе к человеческим личным именам, чем клички не собак — коровы, овечьи, бараньи и т. п. В той социальной среде, где собака становится членом семьи, а не просто домашним животным, выполняющим сторожевые или скотоводческие функции, появляются такие клички, как *Фёкла*, *Терентий*, *Малыш*, *Машка*, *Боба* (эти клички принадлежали моим собакам и собакам моих знакомых) и т. п. В славянском и средневропейском ареале достаточно древнее состояние отражают собачьи клички из гидронимов — *Дунай*, *Волга* (эту кличку я часто встречал в Болгарии во время диалектологических экспедиций 1956—1959 гг.), *Байкал*, топонимов — *Валдай* и т. п. Не менее архаичны, вероятно, клички собак по их окраске: сербск. *Шаров* (пегой окраски), *Гаров* (черной окраски) и т. д. Здесь мы наблюдаем уже явление, находящееся на рубеже сферы имен собственных и сферы имен нарицательных, притом сильно тяготеющее к последней сфере. Если в нашей городской среде для собак, так же как и для людей, возможен относительно свободный выбор имени, то в крестьянской среде для столь безответных существ, как, например, коровы, овцы, бараны, такой выбор уже почти заказан. В некоторых южнославянских диалектах коровы «святцы» очень богаты [например, в Лике (Хорватия) М. Г. Груич насчитал 286 кличек (Grujić, 1928)]. Но коровье «крещение», вернее — наречение, достаточно строго предопределено внешними признаками животного. В Каставе (район между Истрией и Горским Котаром — Хорватия) черная корова носит кличку *Čede*, рыжевато- — *Rume*, рыжая — *Rije* или *Rijafka*, ни белая, ни рыжая — *Plafka*, белая с черными пятнышками на голове — *Breza* или *Briza*, желтоватая, с сединой на лбу и на брюхе, похожая по окраске на лисий мех — *Liska*, с рогами, растущими назад, — *Hilja*, серая, у которой между рогами взлохмаченная шерсть, — *Roska* [см. Jadras, 1957; ср. также интересный список кличек из Лобора (Хорватское Загорье) в ZNŽO, XX, sv. 2. Zagreb, 1915, s. 229]. Здесь система кличек не только напоминает микросистему нарицательных имен, но даже является своего рода терминологической системой (а термин обозначает в максимальной степени).

V. Переходя к практическим вопросам передачи славянских имен собственных в русском языке, можно заранее предложить следующие рекомендации: а) названия, представляющие собой имена нарицательные, переводить; названия непереводаемых реалий транскрибировать; б) клички переводить, если перевод возможен, т. е. внутренняя форма не затемнена, и транскрибировать лишь при затемненной внутренней форме⁹; в) имена личные транскрибировать и в некоторых случаях передавать русскими фонетическими корреспондентами, учитывая историческую фонетику; г) имена географические: сохранять традиционные названия во всех случаях, когда они имеются, в иных случаях при незатемненной внутренней форме передавать русскими фонетическими корреспондентами, учитывая историческую фонетику, в случаях с затемненной внутренней формой и неясной и спорной этимологией транскрибировать; д) имена небесных светил и созвездий переводить.

Эти рекомендации не всегда можно аргументировать с достаточной убедительностью, но соображения, по которым они выдвинуты, сводятся к следующему. Имя нарицательное обозначает класс предметов или понятие, и поэтому оно должно передаваться соответствующим эквивалентом на языке перевода, применительно к поставленным нами задачам; на русском клички в большинстве случаев также обозначают, и поэтому их тоже надо переводить, вернее, подыскивать эквивалент с соответствующей стилистической окраской, например:

сербск. *Никола Ђорави* — *Никола Кривой*
Аца Брадоња — *Аца Бородач*
Пера Бандера — *Пера Каланча*
Шаца Кликер — *Шаца Шарик* или *Шаца Кликер*¹⁰.

⁹ Следует согласиться с утверждением П. А. Дмитриева и Г. И. Сафронова, что «в рассказе Б. Нушича «Фотография» слово *Мајорица* не транскрибируется, а переводится — *Майорша*. Так прозвали женщину за то, что она мечтала выйти замуж за майора», хотя некоторые другие рекомендации тех же авторов следует признать более чем спорными, например передачу сербского сочетания *чи* как *чы*, род. п. ед. ч. *Сремаца* как *Сремаца*, сербского личного имени *Пера* как *Пэра* и т. п. (Дмитриев и Сафронов, 1962).

¹⁰ Два решения возможны потому, что русские не знают такой реалии, как *кликер* — шарик для детской игры в шарики, которые бросаются

Имена нарицательные и клички в основе своей (не касаясь специфически национальных реалий и явлений) не ограничены и не связаны с национальными или локальными (географическими) рамками: *вода* и *напитки* есть вода и напитки, а *бородач* есть бородач. Иное дело с именами личными, такими, как *Иван*, *Жан*, *Ян*, *Йоханн* — это *Жан* и не *Жан*, так же как *Ян* и не *Ян*. *Иван* — это *Жан* и *Ян*, потому что восходят к одному прототипу, а не *Жан* и не *Ян*, потому что имя личное, помимо называния, в большинстве случаев сигнализирует о национальной или, шире, культурно-ареальной принадлежности носителя имени. Эта сигнализация объясняется также тем, что личное имя не уникально и может быть дано значительному числу лиц. В целях сохранения национальной окраски, которая ярче, чем обычный *couleur locale*, личные имена следует транскрибировать¹¹. Но возможны также случаи сознательного перевода имени (или его позиции) представителя одной национальной группы в другую, например сознательная «русификация». В этом случае подчеркивается принадлежность данного лица к другой национальной среде. Мы часто радостно приветствуем *Гарма Данцарановича*, *Магомета Измаиловича*, *Маргариту Эдуардовну*. В этом случае мы оперируем двумя сигналами — национальной принадлежностью и окружающей национальной среды. Эта позиция хорошо отражена в старом гимназическом стихе, где первая и третья строки даны по-немецки или в «немецко-русском» произношении, а вторая и четвертая — чисто по-русски:

Eine Kleine Biene flog.
 Карл Иваныч блины пёк.
 Пйок, пйок, не допйок,
 Испугался и убёг.

Во второй строчке *Карл Йоханович* стал уже *Карлом Ивановичем*, а *Ян Вилюмович* мог бы, например, совсем обрусеть, превратившись в *Ивана Васильевича*. По тому же принципу в знак гостеприимства академик *André Mazon* ве-

в лунку, или которыми целятся в другой шарик, или с которыми играют в чет и нечет и т. п. (здесь вопрос передачи не столько относится к категории б, сколько к категории а).

¹¹ Для личных имен из одного культурного ареала и близкородственных языков типа *Петр*, *Александр* в дальнейшем будет сделан ряд оговорок.

личается нами *Андреем Альбиновичем*, а к покойному академику *Александру Белићу* со времен его появления в хлебосольных домах *Фортулатова* и *Корша* обращались *Александр Иванович*. *Karl Schuster* мог переехать из Веймара в Херсон или Могилев, но сам Веймар не сможет переместиться по соседству с этими городами; Монблан не может оказаться рядом с Казбеком — географические точки земного шара неподвижны и уникальны. Уникальность географических названий дает нам право свободнее относиться к их передаче. В тех случаях, когда у нас нет русского названия для какого-нибудь африканского города вроде *Найроби*, мы можем прибегнуть к испытанному способу транскрипции. Но у нас нет особых оснований называть город *Белград* иначе и писать и произносить *Београд*, т. е. так, как это делают сербы. Для Белграда может быть два названия — сербское (*Београд*) и русское (и даже более: болгарское *Бялград* и т. д.), так же как существует ряд названий для австрийской столицы *Wien*: по-русски — *Вена*, по-болгарски — *Виена* (а не *Вин*), по-сербски — *Беч*, по-словенски — *Dunaj*¹².

Географические названия представляют собой классы, состоящие из одного объекта, — в этом отношении они одинаковы с названиями небесных светил. Топонимика принадлежит земле, астронимика — небу¹³. Мы не стремимся унифицировать название *Большой Медведицы* (не говоря уже о *солнце* и *луне*!) в разных языках, и у нас нет оснований для унификации географических названий в разных языках. *Вильна* могла оставаться по-русски *Вильной* и по-литовски *Vilnius*, подобно тому, как при обратном случае русский *Ларин* становится по-литовски *Larinaz*.

Так обстоит дело с традиционными географическими названиями. Но сфера наших географических познаний и международных связей постоянно расширяется, и русский сталкивается с новыми и новыми объектами на географиче-

¹² Число примеров можно значительно умножить: немецк. — *Leipzig*, чешск. и словен. — *Lipsko*, польск. — *Lipsk*; итал. — *Venezia*, серб.-хорв. — *Млетке*, словен. — *Benetke*; немецк. — *Klagenfurt*, словен. — *Celovec* и т. д.

¹³ Разница только в том, что земной горизонт (по-сербски *видокруг*, т. е. то, что видно, поле зрения) у людей разный, а небесный одинаковый (по крайней мере, в северном и южном полушарии). Поэтому названия планет и созвездий всегда можно переводить, а географические названия часто приходится транскрибировать.

ской карте. Многим в этих случаях представляется наиболее удобным универсальное средство — транскрипция. Действительно, для передачи названий неродственных языков оно может оказаться наиболее рациональным, но иное дело при передаче языков близкородственных. Здесь следует различать два случая: 1) топоним близкородственного языка обладает ясной внутренней формой, этимологически прозрачен и для носителя близкородственного (славянского) языка, и в значительной мере для русского; 2) топоним близкородственного языка (на славянской территории могут быть и топонимы не-славянского происхождения) этимологически не прозрачен, внутренняя форма затемнена. Во втором случае, естественно, мы прибегнем к транскрипции.

В первом же случае по преимуществу мы должны поступить, согласуясь с законами звуковых соответствий. При передаче географических имен языков близкородственных в пределах восточнославянской группы (белорусского и украинского) мы и руководствуемся этим принципом: укр. *Харків* мы передаем не как *Харкив*, а как *Харьков* (Суперанская, 1955, с. 104), укр. *Запоріжжя* передаем как *Запорожье*, а укр. *Львів* как *Львов*. Тот же *Львов* поляки называют *Lwów*, а польский *Kraków* мы закономерно называем *Краков* (а не *Кракув*), но вот уже *Rzeszów* как *Жешув* (?), *Tarnów* как *Тарнув* (?), а *Ostrów* как *Острыв* (?) и т. п. Справедливо было бы, как предлагает А. В. Суперанская (Суперанская, 1960, с. 59), *Ostrów* передавать как *Остров*, тем более что в местном падеже по-польски будет *w Ostrowie*, а по-русски в таком случае *в Острыве* (не так ли? Или вводить в географические имена несвойственное русскому языку чередование *у/о*: *Острыв* — *в Острове*?).

Старый спор о том, нужен ли перевод или транскрипция (но возможны и средние решения), А. М. Сухотин предлагал разрешать, руководствуясь «принципом интернациональности», однако он тут же отмечал, что есть немало случаев, «когда интернациональным является не звучание, а смысл» (Сухотин, 1935, с. 137; Реформатский, 1960). Применительно к нашим задачам можно и должно пользоваться не столько понятием «интернациональный» (которое само по себе достаточно растяжимо и условно), сколько понятием «интерславянский»: это поможет нам дифференцировать случаи передачи славянских и неславянских названий и находить иногда разрешение вопроса с учетом и элемента

перевода (включая сюда не только смысл, но и словообразовательные элементы, их модели и т. п.), и элемента транскрипции. Если в топониме *New York* интернациональным является звучание — *Нью-Йорк* (хотя ср. польск. *Nowy Jork* и *New York*), то в топониме *Nowa Huta* интерславянским, по крайней мере для его первого компонента, будет смысл — *Новая Гута*. То же можно сказать о всех славянских топонимах этого типа: ср. сербск. *Нови Сад* — *Новый Сад* (косвен. п. серб. *у Новом Саду* соответственно русск. *в Новом Саде* или, как говорили русские жители Нового Сада, *в Новом Саду*, а не *в Нови Саде*)¹⁴.

Предложения ГУГК для передачи болгарских названий¹⁵ (сочетания *жз, шз, цз* — как *же, ше, це*), которые на первый взгляд выглядят так, будто они относятся к чисто фонетическим моментам, на самом деле сводятся к установлению этимологического соответствия и обращению к смыслу: *Жълтуша* — русск. *Желтуша*, *Църква* — русск. *Церква*. Прямое обращение к смыслу проводится там же в случаях передачи фонемы *з* в словах с числительным *първи* (*Първомай* — *Первомай*) и в слове *България* — традиционное русское *Болгария*¹⁶. Во всех остальных случаях рекомендуется *з* субституировать через *ы*. А. В. Суперанская предлагает фонему *з* последовательно субституировать через *а* (Суперанская, 1960, с. 53). С точки зрения акустической и особенно артикуляционной фонетики это предложение лучше, но оно не меняет принципиальной стороны дела. Болгарское

¹⁴ Отметим, что в этом случае, так же как в случае с польск. *Ostrów* и в ряде других, заботы картографа ограничиваются чаще всего передачей лишь именительного падежа.

¹⁵ См. Инструкция, 1955, с. 7; Суперанская, 1960, с. 53.

¹⁶ Следует приветствовать также решение ГУГК передавать болг. *Петър, Димитър* по-русски как *Петр, Димитр*, но неудачно предложение замены начального *з* через *и* в *Ъглен* как *Иглен*; этимологически это *Углен* (*з < р*, соответственно русское *у < р*). На примере с *Ъглен* видно, что мы предлагаем здесь нечто среднее между транскрипцией и передачей смысла, так как точный перевод был бы *Угловой*. В. Д. Андреев, поддерживая ряд предложений А. В. Суперанской, предлагает субституировать *з* через *ы*, а в сочетаниях *жз, шз, цз* — через *а*, но тут же для переводов художественной литературы (почему только художественной?) предлагает «сохранение внутреннего смысла» и передачу болг. *баба Първа* как *баба Перва*, *Първоцветка* как *Первоцветка*, *ръчаница* как *рученица*, *Дъбак* как *Дубак*, *Лъчезар* как *Лучезар* и т. п. (Андреев, 1964, с. 125).

Търново вместо *Тырново* станет *Тарново*, но не лучше ли в подобных сочетаниях (из праслав. **tъrt*, **trbt*) субституировать *ъ* через *е*, как это делали русские слависты в XIX в., и писать *Терново*? Болгарские топонимы типа *Търново* сербы по законам исторических звуковых соответствий последовательно передают через *Трново* и даже на месте сочетаний **tъrt*, **trbt* дают слоговое *l*, свойственное только некоторым сербским диалектам, но не литературному языку: болг. *Дългосевци* — серб. *Длгосевци*, болг. *Вълчедръм* — серб. *Влчедрм* и т. д. (см. карту «ФНР Југославија». Изд. Геокарта. Београд, 1956)¹⁷.

В тех случаях, когда приблизительная (весьма приблизительная!) субституция неизбежна, как в случае с *Тырново*, *Тарново*, *Терново*, нужно предпочесть такую, которая способствует сохранению внутренней формы и не ведет к малопривычным в русском языке звуковым сочетаниям. Так или иначе при той или иной субституции в принципе мы даем другое название, и нет беды в том, что оно будет звучать более по-русски. К тому же пора решительнее переходить от проблемы субституции отдельных фонем к проблеме субституции групп фонем!

Рамки этой статьи не дают возможности рассмотреть все конкретные вопросы и случаи. В дальнейшем следует выработать не просто интерславянские правила субституции звуков при транскрипции¹⁸, но и правила исторически обусловленных интерславянских звуковых (а также группо-звуко-

¹⁷ Предложение учитывать исторически сложившиеся звуковые корреспонденты, вероятно, нельзя считать универсальным для всех славянских языков и всех случаев. Сербское и чешское слоговое *p* можно передавать в русском языке без сочетания с гласным: ср. сербск. *Вршац* (хотя в XVIII в. было по словено-сербски *Вершец*) — русск. *Вршац* или *Вершац*, чешск. *Brno* — русск. *Брно* и *Берно*, но сербск. *Србобран* лучше передавать только как *Сербобран* (как и делали жившие там русские). Впрочем, чехи *Brno* передают по-русски последовательно как *Берно* (см. *Slavia*, 1962. Roč. XXXI, seš. 3; содержание на русск. яз.).

¹⁸ При этом важно учесть не только случаи передачи с разных славянских языков (украинского, польского, болгарского, сербскохорватского и т. д.) на русский, но и случаи обратные — с русского на эти языки (см., например, подробные правила для сербского языка в кн.: Правопис, 1960) и межславянские правила вне русского языка (например, с болгарского на сербский, с болгарского на чешский и т. п.) и выяснить, возможно ли построение единой модели системы соответствий.

вых) соответствий и их применения (видимо, не всех и не для всех языков) при практической транскрипции.

Если уникальность географического названия дает возможность его передавать по-русски без потери дополнительной информации (о национальной принадлежности, социальной отнесенности, стилистической характеристике и т. п., а последние информации у них вовсе отсутствуют), то передача имен личных требует, как мы отмечали, почти всегда сохранения «национального фонетического платья», и потому обычная «фонетическая» транскрипция здесь предпочтительнее всего. Однако есть ряд случаев, когда имя личное достаточно нейтрально и стилистически, и в других планах, однозначно в ареалах распространения ряда славянских языков. Таковы, например, русск. *Александр*, сербск. *Александар*, болг. *Александър*; русск. *Петр*, сербск. *Петар*, болг. *Петър*. В XIX и в начале XX в. при передаче этих имен не возникало никаких споров, однако теперь некоторые слависты, говоря лингвистическим термином, проявляют известную транслитерационную «сверхстарательность» и предлагают писать болг. *Александыр* (или *Александар*), *Петыр* (или *Петар*), сербск. *Александар*, *Петар*¹⁹. Но

¹⁹ Предложение ГУГК (Инструкция, 1955) передавать *Петър* как *Петр* следует признать правильным и наиболее удачным. В. Д. Андреев допускает возможность такой передачи, но справедливо требует унификации (Андреев, 1964). А. В. Суперанская считает, видимо, возможной передачу болг. *Петър* как *Петар* (Суперанская, 1960, с. 53), а П. А. Дмитриев и Г. И. Сафронов предлагают «ввести единое, обязательное для всех правило, предусматривающее сохранение беглых гласных во всех падежных формах сербских и хорватских имен» (Дмитриев и Сафронов, 1962, с. 156). Беглое *а* будет в сербском языке только в именительном падеже, а во всех косвенных оно исчезнет. В соответствии с сербским *Александра* (род. п.), по П. А. Дмитриеву и Г. И. Сафронову, мы станем писать *Александара*, что напомнит нам сербский родительный падеж множественного числа. В сербском языке беглые гласные исчезают в тех же случаях, что и в русском, а также в случаях со вставным *а* (*Александар*). Наличие беглых гласных в русском языке дает нам обоснование и даже обязывает нас передавать инославянское чередование *нуль/гласная* соответствующим образом (одинаковость или различие материальных результатов рефлексов *ъ* и *ь* не могут при этом быть решающими). Мы с достаточным основанием передаем укр. *Марко Вовчка* как *Марко Вовча* (а не *Вовчока*), чешск. *Havráňka* как *Гавранка* (а не *Гавранека*, хотя и такая передача иногда, увы, встречается), сербск. *Сремца* как *Сремца* (а не *Сремаца*). Вообще же морфологические проблемы при передаче имен

некоторые факты болгарского и сербского языка как будто свидетельствуют не в пользу этого проекта; ср. болг. притяжательн. *Александров, Петров*; сербск. косвен. п. *Александра, Александру; Петра, Петру* и т. д.²⁰.

Болгарские же *Ваньо, Петьо, Митьо*, как и сербские *Иво, Пера, Мића*, не надо превращать в русские *Ваня, Петя* и *Митя*. Но *Белград (Београд)* остается *Белградом* и *Сербобран (Србобран) Сербобраном*, так же как по-сербски *Лавов* (по-польски *Lwów*, по-немецки *Lemberg*) остается по-русски *Львовом* и украинским *Львівом*.

В заключение небольшой appendix об использовании буквы *э* при субституции *е* ряда славянских языков.

Авторитет Л. В. Щербы, полагавшего, что, «безусловно, необходимо писать в иностранных словах *тэ, дэ, нэ, сэ, зэ, рэ*» (Щерба, 1958, т. 1, с. 158), оказывает все более сильное воздействие на современных славистов-практиков²¹. В споре

собственных надо рассматривать особо — их не следует подводить под общий фонетическо-транскрипционный шаблон.

²⁰ Сербское склонение бывших основ на *-о* в единственном числе почти совпадает с русским: им. п. *Александар*, род. *Александра*, дат. *Александру*, вин. *Александра*, тв. *Александром*, мест. *Александру*, зват. форма *Алекса́ндре!*. Возражения, сводящиеся к тому, что важно взять исходную форму, а склонять следует по парадигмам конкретного языка и потому-де можно передавать по-русски как *Александар, Александара, Александару, Александаром* и т. п., нам кажутся неудачными по следующим причинам: система флексий языка-реципиента остается неизменной (здесь споров нет), что касается основы, то у нас нет запрета брать ее по косвенным падежам, тем более что в нашем конкретном случае в сербском языке там она и выступает реально, кроме того, статистическое соотношение форм будет не в пользу именительного падежа. Возможно, но нежелательно сохранение чередования *нуль/гласный*, но *Александр* и *Петр* (ср. ст.-сл. *Алекса́ндръ, Петро́*) исторически не имели редуцированного перед гласным, и сербское *а* здесь вставное, как и в новых заимствованиях: *регистар* (регистр), *министар* (министр), *факат* (факт), *продукат* (продукт), *ритам* (ритм), *структурализам* (структурализм) и т. д.

²¹ Ср. высказывание П. А. Дмитриева и Г. И. Сафронова, что «следует, очевидно, согласиться с мнением Л. В. Щербы и ввести в иноязычных словах написание *э* во всех случаях, кроме положения после мягких согласных (что не должно, конечно, касаться таких «обрусевших» слов, как *тема*)», и их предложение писать *Нэша, Срэмац* при транскрипции сербских слов (Дмитриев и Сафронов, 1962, с. 154). А. В. Суперанская ограничивает свои предложения только начальным

по этому вопросу не хотелось бы опираться только на авторитет М. В. Ломоносова, утверждавшего, как известно, что «вновь вымышленное или, справедливее сказать, старое е, на другую сторону обороченное, в российском языке не нужно» и что «ежели для иностранных выговоров вымышлять новые буквы, то будет наша азбука с китайскую» (Ломоносов, 1952, т. 7, с. 422), а построить рассуждения в несколько ином порядке.

Наука уже в полной мере считается с тем фактом, что литературные языки (и диалекты) делятся на две категории: 1) с сосуществующими фонологическими системами и 2) с единой фонологической системой. Литературные языки с сосуществующими фонологическими системами обычно имеют одну систему полностью, другую — фрагментарно. Таким языком, например, оказывается современный русский. Его основными компонентами, как полагает А. В. Исаченко и многие другие ученые, являются три элемента: собственно русский, церковнославянский и французский (Исаченко, 1958). Второй из перечисленных компонентов в поздний период истории русского литературного языка не имел своей особой фонетической манифестации, что же касается французского компонента, то он создавал такую норму произношения, как *портф[œ]ль, шоф[œ]р, б[ü]ро, кашн[э]*, хотя есть немало примеров «обрусения», еще не всегда вполне литературного: *шаф'бр* или *шбф'ер, портф'эл'* или *пóртфел', кашн'э* и т. п. В области морфологии это же явление отражено в аналитизме ряда существительных (*метро, пальто* и т. п.).

В качестве примера литературного языка с единой фонологической системой из славянских можно привести сербскохорватский, где сосуществование исключается (и в области морфологии: *метро, метро-а, метро-у* и т. п.) и имеются строгие правила субституции иноязычных фонем, например: *ö → e: Goethe — Гете; ü → i: Saussure — Сосур; Brückner — Брикнер; Delbrück — Дельбрук; m' → h: Петя — Пе-ћа; ð' → h: Федин — Фећин* (подробнее см. Правопис, 1960, с. 149—1964; Белић, 1950, с. 110—120) и т. д. В сербскохорватском языке пять мягких согласных фонем: *љ, њ, ћ, ђ,*

е и *е* после гласных (см. Суперанская, 1960, с. 52), хотя остается неясным, что означает знак скобок в распределении твердых и мягких согласных перед гласным *е*: «твердые (*бэ*), мягкие *бе*» (там же, с. 55). В. Д. Андреев также ограничивает свои предложения лишь позицией начала слова и после гласных (Андреев, 1964).

j; во всех остальных случаях мягкость предшествующего согласного передается лишь дополнительной *j*-овой артикуляцией: *советский* — *совѣтски* и т. д. Другими словами, единая фонетическая система в сербском языке не нарушается, и заимствованные слова по своему звуковому облику в полной мере подчиняются ей (так же как и в области морфологии). Для сохранения единства русской фонетической системы следовало бы все заимствованные слова произносить с мягкостью согласного перед *e*: *реном'ѐ*, *фон'ѐма*, *с'ѐт'ер*, *кашн'ѐ* или с интервокальным *j*: *по[ʃ]езия*, *про[ʃ]ект*. Однако в произношении у нас сохраняется *сеттер* (из англ. *setter*) с «твердостью» согласных, также *кашне* и т. д. Даже в положении после гласного наша орфография не дает единой передачи: *проѐкт*, но *поѣзия* (произношение *проѐкт* с *j* нам представляется нелитературным). Тем паче это возможно в заимствованных именах собственных.

До тех пор, пока не проведена соответствующая реформа орфографии, нет оснований настаивать на введении в транскрипцию буквы *э* после согласных при передаче славянских собственных имен. Аргументы М. В. Сергиевского, по нашему мнению, остаются в силе (Сергиевский, 1929). Реформа орфографии к тому же не сможет устранить двоякой нормы произношения таких слов, как *метод*: *мѣтѣт* и *м'ѣтѣт*; *темпы*: *тѣмпы* и *т'ѣмпы*. Предложение писать сербск. *Смедерево*, *Светозарево*, *Александровац* как *Смѣдѣрэво*, *Свѣтозарѣво*, *Алѣксандровац* нам представляется неудачным*.

* Эти заметки не были бы написаны без вдохновляющих напутствий Л. П. Калакуцкой. За них автор искренне благодарен. Автор благодарен также А. А. Реформатскому, В. А. Никонову и О. Н. Трубаеву, рецензировавшим статью в рукописи и сделавшим ряд существенных критических замечаний. С некоторыми из них автор решился полемизировать в сносках.

Еще раз о «семантике» имени собственного

Если придерживаться точки зрения, что имя собственное (ИС) только называет, а нарицательное (ИН) обозначает, нужно сделать и следующий за этим вывод: ИС — асемантично, т. е. лишено значения в том смысле, в каком этот термин применяется к ИН. ИС несет некую, не для всех одинаковую, информацию («содержание»), которую не следует смешивать со значением (семантикой). В связи с этим Е. Курилович отмечает, что, в отличие от ИН, «собственное имя, например, Сервантес, имеет, наоборот, крайне бедное содержание такого характера, что оно связано с отдельным индивидуумом и не может быть в принципе перенесено на другого» (Курилович, 1962, с. 252).

Невозможность перенесения информации («содержания») на другой индивидуум или объект, невозможность обобщения содержания ряда объектов (предметов), так как ИС репрезентует класс, состоящий из одного предмета (лица), непереводимость ИС и т. п. — свидетельствуют об отсутствии значения у ИС. Поэтому ошибочно мнение ряда ученых, недавно вновь повторенное А. В. Суперанской, что «значение, связанное у всех членов данного языкового коллектива с именем нарицательным, более или менее едино. Значение, связанное с собственным именем, варьирует в гораздо более широком диапазоне. Даже если несколько человек знакомы с Джоном, для одного это приятель, для другого — партнер в теннис, а для третьего — соперник или неприятный собеседник» (Суперанская, 1967, с. 155). В этом утверждении сравниваются явления и понятия, имеющие различные параметры: во втором случае наблюдается подмена понятия значения индивидуальной информацией о лице или объекте, что не одно и то же. Такой с точки зрения семасиологии принципиально неверный подход к ИС возможен и к ИН. *Кровать* или *лес* окажутся в таком случае не столько 'betulus' или 'silva', сколько для одних 'предметом (местом) наслаждения, пользуясь которым можно отдохнуть после напряженной работы', а для других 'местом, где протекала тя-

желая болезнь'. То же можно сказать о лесе как о 'месте, где можно попасть в беду, заблудиться', и т. д. Ясно, что в последних случаях никакого значения нет, а есть лишь индивидуальная информация о индивидуально-прагматическом отношении к предмету. Применительно к ИС мы будем говорить об информации одного индивидуума (часто окказиональной) о другом индивидууме или географическом объекте (о классе, представляющем одно лицо, предмет).

ИС-топоним есть кодовый знак конкретного географического объекта, а «содержание» его есть сумма знаний о свойствах этого объекта (но не сумма семантических признаков!), по-разному воспринимаемых различными лицами.

Таким образом, противопоставление ИС и ИН по принципу — отношение к одному объекту (лицу, предмету) : отношение к множеству объектов определяет разные «денотативные» функции («сферы применения», по Курилову) ИС и ИН. В отношении «содержания», понимаемого как некая внеязыковая индивидуальная и окказиональная информация, ИС не противопоставляется ИН, так как и последнее может обладать ею. Но ИС обладает только этим «содержанием», не имея семантики — суммы семантических признаков, обобщающих и избирательно отражающих ряд свойств, присущих множеству однородных предметов. Такой суммой семантических признаков может обладать только ИН, противопоставляющееся по этому принципу другим ИН, образующим на этом основании определенную систему.

О семантике ИС, о семантике топонима можно говорить лишь в той мере, в какой топоним связан (этимологически и т. п.) с ИН.

Из наблюдений над способом номинации в гидронимии

(«Семантический регистр» в апеллятивной и гидронимической лексике)

О значении (семантике) топонима можно говорить, на наш взгляд, лишь в том случае, когда топоним сохраняет живую связь с апеллятивной лексикой и когда в апеллятивной лексике слово употребительно, т. е. значимо. В противном случае топоним асемантичен, он ничего не обозначает, а лишь указывает на объект¹. Поэтому и «семантический регистр» в топонимии следует рассматривать лишь в связи с апеллятивной лексикой, притом не в связи с отдельным словом или отдельными словами, а с группой слов.

Само понятие семантического регистра в лексике применительно к имени нарицательному новое и малопринятое, не введенное в научный оборот. Однако, видимо, лингвистика — семасиология и лексикология — в таком понятии нуждается по целому ряду причин.

Понятие семантического регистра важно прежде всего из-за необходимости обособить в семантике синхронный подход от исторического (диахронического) подхода. А это значит отказаться в большинстве случаев при синхронном рассмотрении от обыденных и до недавнего времени широко бытовавших терминов и терминологических сочетаний типа «прямое значение», «переносное значение», «суженное значение», «расширенное значение» и т. п., отражающих исторический подход к рассматриваемым фактам. Так, например, в очень многих случаях, в том числе и при этимологическом анализе топонимов, нет нужды рассуждать, как это делают некоторые лингвисты, является ли **bъrdo* 'часть ткацкого станка' первичным, а **bъrdo* 'гора, холм' вторич-

¹ Такой точки зрения придерживаются не все топонимисты. Наша позиция здесь предлагается в декларативной форме. Краткая аргументация ее была изложена в 1970 г. в статье Толстой 1970, опубликованной в малодоступном издании, или с. 395–396 наст. изд.

ным в славянской (resp. индоевропейской) лексике или наоборот². Важно лишь, что лексема **bъrdo* не единична в своей связи и с ткаческой, и с географической терминологией и находится в одном ряду с лексемами **grebeň*, **podъnoga* (**podъnožьka*), **pol'e* и др.³. Поэтому во многих случаях нам достаточно установить, что упомянутые лексемы, так же как и ряд других, относятся к двум различным семантическим регистрам: а) географическому и б) ткаческому⁴.

Но дело не только в разграничении синхронии и диахронии. Понятие семантического регистра ведет к рассмотрению не отдельного слова, а целых групп слов, распределяя их в определенной последовательности и четче выявляя глубинное значение, или, согласно более распространенной терминологии, внутреннюю форму слова. Притом эта «внутренняя форма» оказывается неравной основой семе, или «исходной семеме», при диахроническом рассмотрении, или «дополнительной семеме» и т. п. Так, термины частей тела (анатомические) типа **noga*, **golva*, **čelo*, **oko*, **nosъ*, **kolěno* и др. выступают в регистре географическом как географические термины, в регистре архитектурном как термины народного строительства, частей дома, в регистре техническом как термины народной техники и др.

В большинстве случаев можно, рассматривая соотношение «семантических регистров» в диахроническом аспекте, установить, какой регистр был первичным, а какие оказались вторичными, как, например, регистр частей тела или посуды по отношению к географической терминологии. В синхронном аспекте первичный регистр следовало бы называть базовым. Базовый регистр для определенной группы лексем будет, как правило, отличаться от последующих, небазовых регистров значительно большим числом

² Переход **bъrdo* 'часть ткацкого станка' — **bъrdo* 'гора' отмечают Й. Шютц, В. М. Иллич-Свитыч, О. Н. Трубачев (Schütz, 1957, S. 7; Иллич-Свитыч, 1960, с. 224; Трубачев, 1966, с. 31).

³ Однако для термина **grebeň* очевидна первичность ткацкого, 'чесального' значения (ср. глагол **grebo*), а для полесского термина *поле* 'расстояние между колесами на навоях' — первичность географического.

⁴ Ф. Безлай и П. Скок воздерживаются от постановки вопроса о первичности или вторичности значений **bъrdo* I 'часть ткацкого станка', **bъrdo* II 'гора', отмечая лишь их близость и связанность (Bezljaj, I, s. 40; Skok, I, s. 204—205).

слов — терминов, входящих в лексический ряд, в лексическую парадигму. Скажем, если в отдельных языках и говорах число терминов частей тела может доходить до сотни и значительно более (в особенности если обратиться и к некоторым внутренним органам), то число тех же лексем в регистре географическом уже гораздо меньшее, а в регистре строительном и того менее, ср. *око* 'глаз': *око* — *окно* 'яма, озеро, вход в пещеру, шахту', *око* — *окно* 'окно' и т. п.

Переход слова из одного семантического регистра в другой может не затрагивать словообразовательной структуры слова (например, *око* 'глаз' и *око* 'озеро', *нос* 'нос' и *нос* 'передняя часть судна'), однако чаще подобный переход изменяет структуру слова и выражается суффиксальными средствами, как это видно из приводимых ниже примеров. Особый интерес представляет вопрос о том, какой набор суффиксов выступает в отдельных регистрах (семантических сферах, полях) в разных славянских языках и диалектных зонах и чем и как эти наборы отличаются друг от друга. Однако этот вопрос требует специального рассмотрения.

Помимо разграничения синхронии и диахронии и группового исследования слов, важного и в историческом аспекте, есть еще третий весьма существенный момент, уже не столько синхронного, сколько исторического плана. Дело в том, что существует ряд слов и корней, выступающих в нескольких семантических регистрах, хронологическая последовательность которых не поддается определению. Так, например, для группы глаголов, означающих движение (удар и т. п.), световой эффект (огонь и т. п.) и звуковой эффект (шум, грохот и т. п.), на праславянском (геср. индоевропейском) уровне трудно установить базовый и небазовые регистры, т. е. первичные и вторичные регистры, первичные и вторичные значения и т. п., и следует предположить еще в древности одновременное появление этих глаголов во всех трех регистрах (значениях). К таковым относятся, например, славянские:

— корень **gig-*, **geg-* (*kek-*) — словен. *gigati* 'кричать', хорв.-серб. *gigati* 'качать', *gigati se* 'качаться', белор. белостоцк. *gęga* 'кремень' («дающий огонь» — регистр света, огня), рус. владимирск., тверск. *кекнуть* I. 'вскрикнуть', II. 'сильно ударить';

— корень **jag-* — рус. вологодск. *ягать* I. 'громко кричать, браниться', II. 'сильно гореть, высоко подниматься (о

пламени)', хорв.-серб. **jagŕzati* 'метаться, двигаться туда-сюда'. Ср. также укр. *ягоза* 'непоседливый, мечущийся человек' и рус. *егоза* 'то же';

— корень **bol-bol-* (*pol-pol-*) — болг. диал. *блабѡля* 'журчать, булькать', 'тихо говорить, бормотать', болг. софийск. *плаполя* 'гореть (об огне)', в.-луж. *błobotać* I. 'бормотать, заикаться', II. 'болтать языком, молоть', *babotać* 'болтать, тараторить'⁵.

Для многих из них характерно наличие очень устойчивых дополнительных сем (компонентов значения), означающих интенсивность (малую или значительную, прерывистую или непрерывную и т. п.) движения, света и звука.

Другими словами, использование понятия и термина «семантический регистр» оправданно не только с позиций синхронной семасиологии, но и с позиций семасиологии исторической, т. е. и с позиций этимологии. С позиции этимологии это особенно важно потому, что при выявлении отдельных «пучков регистров», как и в случае с приведенным пучком «движение — свет — звук», обнаружение этимона слова в одном регистре предсказывает довольно точно возможность его появления в двух других и этимологически связывает на первый взгляд неродственные, семантически сильно удаленные слова, например, болг. *gega* 'палка' и белор. *gega* 'камень' (из белор. *gega* 'кремень').

Немалую роль может сыграть понятие «семантический регистр» и в ономастике. Обратимся к одному простому примеру.

Базовый семантический регистр славянских названий деревьев нельзя назвать малочисленным. Только наиболее употребительных названий деревьев около 20. Ср. хорв.-серб. *breza, bor, dub (hrast), buk, grab, jela, trepetlika, vrba, smreka, jelša (joha), brest, javor, jasen, jablan, klen, vez, lipa, venja, dren* и др. Последующий регистр окажется также ботаническим — названия трав и цветов, которые в большинстве случаев будут образовываться суффиксальным способом. Продемонстрируем это на восточнославянском материале: *березка* (*Pyrola secunda, Pyrola rotundifolia, Viola canina, Convolvulus arvensis, Hypericum perforatum, Lathyrus tuberosus, Polygonum convolvulus, Littorella* и др.), *буковица* (*Cerinth major, Salvia Aethiopis, Salvia pratensis, Orchis*

⁵ См.: Толстой, 1978; 1978а; 1983; Толстая, 1971; Szymański, 1977.

maculata, Agrimonia Eupatorium), *буква*, *буковник*, *буковка*, *бук-трава* (Betonia vulgaris), *елка* (Equisetum, Equisetum arvense), *елочка* (Pedicularis palustris, Sisymbrium Sophia), *сосенка*, *сосонка* (Adonis vernalis, Portulaca olecea, Equisetum arvense), *дубец* (Glycyrrhiza echinata), *дубянка* (Ajuga reptans), *вербинка* (Aster amellus, Aster sabignus), *липица* (Calluna vulgaris), *вязовник* (Sambucus ebulus) и др. Приводимые данные, извлеченные из известного словаря Н. Анненкова (Анненков, 1878), неполные. Однако и на первый взгляд по материалам словаря видно, что наибольшее число дериватов имеется от *березы*, меньшее от *сосны* и еще меньшее от *дуба*, *вербы*, *липы*, *вяза*. Немало образований от *бука*, но почти все они, по свидетельству автора словаря, относятся к украинскому ареалу.

Интересующий нас материал можно обнаружить в еще одном ботаническом регистре — в славянских названиях грибов. В последнее время появился ряд работ на эту тему (Б. Бартницкой-Домбковской, М. Майтановой, В. А. Меркуловой, Л. А. Симоненко, Е. А. Нефедовой), и основные факты хорошо известны славянским лексикологам. Приведем поэтому в виде небольшой иллюстрации основную часть русского материала: *березник* (Russula delica), *березовик*, *подберезовик* (Boletus scaber), *дубовик* (Boletus luridus, старый несъедобный гриб Boletus edulis), *ольховник*, *ольхушка* (Laetarius trivialis), *осинник* (Agaricus torminosus?), *осиновик* (Boletus rufus), *еловик*, *подъельш* (Agaricus deliciosus), *подореховик* (Agaricus, Agaricus vellericus, Agaricus mutabilis), *сосновик* (?).

Характерно, что *дубовик* может быть и несъедобным грибом, и старым белым грибом, и подосиновиком, в то время как подосиновик, согласно Н. Анненкову, и Boletus rufus, и Boletus luridus (он же *красный гриб*, *синик*, *подорешник*), и Boletus subtomentosus (он же *моховик*, *решетка*, *подмошник*) и т. п. Другими словами, отсутствует прочная, прямая и однозначная связь между названиями деревьев и названиями грибов, между их номенклатурами⁶.

Для славянской гидронимии характерно наличие довольно значительного числа гидронимов, образованных от назва-

⁶ Именно поэтому к изучению микологической лексики следует применять методику конструирования микрополей. См. удачный опыт применения такой методики: Нефедова, 1978.

ний деревьев. Если обратиться к сумме названий рек бассейна Днепра, Вислы, Оки, Дона, Савы, Дравы—Випавы, Вардара и Гроны—Моравы, то по этим крупным гидронимическим зонам выявится следующая картина⁷.

Общее число гидронимов от названий деревьев: *береза* — 348, *ольха* — 313, *липа* — 259, *дуб* — 239, *сосна* — 102, *ясень* — 88, *верба* — 85, *осина* — 81, *ель* — 81, *калина* — 73, *ракита* — 64, *вяз* — 53, *граб* — 41 (+6?), *клен* — 25, *тис* — 24, *бук* — 17 (+10?), *тополь* — 17, *кизил* — 10, *пихта* — 8, *ива* — 6, *орех* (лесной) — 3, *рябина* — 2.

По отдельным гидронимическим зонам они распределяются следующим образом:

Бассейн Днепра: *береза* — 56, *ольха* — 51, *ель* — 33, *липа* — 15, *ясень* — 15, *калина* — 15, *верба* — 12, *дуб* — 9, *сосна* — 9, *вяз* — 9, *кедр* — 1.

Бассейн Вислы: *береза* — 51, *ольха* — 34, *липа* — 34, *рябина* — 17, *сосна* — 16, *верба* — 13, *бук* — 13, *тис* — 10, *дуб* — 8, *калина* — 8, *пихта* — 6, *кедр* — 4, *ель* — 2.

Бассейн Оки: *береза* — 165, *липа* — 158, *ольха* — 148, *дуб* — 147, *сосна* — 65, *осина* — 64, *ясень* — 43, *вяз* — 34, *ракита* — 31, *ель* — 16, *клен* — 12, *бук* — 10 (?), *граб* — 6 (?), *верба* — 5, *ива* — 3, *рябина* — 2.

Бассейн Дона: *ольха* — 73, *береза* — 55, *дуб* — 36, *верба* — 19, *липа* — 17, *осина* — 17, *ясень* — 17, *ель* — 11, *сосна* — 6.

Бассейн Савы: *бук* — 18, *верба* — 18, *дуб* — 15, *граб* — 15, *липа* — 13, *клен* — 13, *ясень* — 13, *тополь* — 11, *вяз* — 9, *рябина* — 9, *тис* — 9, *ель* — 5.

Бассейн Дравы—Випавы: *граб* — 18, *дуб* — 16, *клен* — 16, *береза* — 14, *липа* — 14, *верба* — 14, *бук* — 12, *ель* — 12, *кизил* — 8, *тис* — 3, *сосна* — 2.

Бассейн Вардара: *граб* — 5, *бук* — 3, *тополь* — 3, *орех* (лесной) — 3, *береза* — 2, *сосна* — 2, *ракита* — 2, *кизил* — 2, *тис* — 2, *дуб* — 1, *верба* — 1, *липа* — 1, *ель* — 1, *вяз* — 1.

⁷ Подсчеты гидронимов произвела Т. И. Вендина, работавшая в моем этнолингвистическом семинаре в МГУ и написавшая в 1970 г. дипломную работу «Славянские гидронимы фитонимического и зоонимического происхождения (к семантической классификации)». Подсчеты велись по материалам известных монографий Ф. Безлая (Драва—Випава), О. Н. Трубочева, О. Н. Трубочева и В. Н. Топорова (Днепр), П. Л. Маштакова (Днепр, Дон), П. Зволинского (Висла), Э. Дикенмана (Сава), В. Шмилауэра (Грона—Морава). По монографиям Г. П. Смолицкой (Ока) и И. Дуриданова (Вардар) подсчеты были проведены мною.

Бассейн Гроны—Моравы: *ольха* — 7, *дуб* — 7, *липа* — 7, *береза* — 5, *рябина* — 5, *граб* — 3, *ива* — 3, *тополь* — 3, *сосна* — 2, *пихта* — 2, *бук* — 1, *ель* — 1.

Нельзя не заметить близость показателей бассейна Днепра и Вислы. Это, безусловно, представляет интерес для слаvistических этногенетических исследований, рассуждение о которых, однако, не входит в нашу задачу. Сейчас существеннее обратить внимание на схождение большинства рассматриваемых гидронимических зон в одном определенном аспекте, а именно в аспекте численного соотношения лексем — названий определенных пород деревьев. Характерна довольно большая частотность гидронимов от названий *береза*, *ольха*, *липа*, *верба* и относительно малая частотность некоторых других названий. Частотность от названия *бук* явно связана с границей распространения этой древесной породы, равно как и от названий *тис* и *кизил*.

Картина убывания частотности отдельных названий пород деревьев в гидронимии в общих чертах повторяется в топонимии. Так, по данным В. П. Семенова-Тянь-Шанского⁸, в южнорусской зоне (бывш. Рязанская, Тульская, Калужская, Орловская, Курская, Пензенская, Тамбовская и Воронежская губернии) известны названия населенных мест с «исходной» лексемой *дуб* — 220, *ольха* — 196, *береза* — 159, *сосна/бор* — 128, *липа* — 126, *вяз (берест)* — 80, *ясень* — 32, *ель* — 28. А в части северноукраинской зоны (бывш. Черниговская, Полтавская и Харьковская губернии) убывание частотности наблюдается в том же направлении: *дуб* — 84, *береза* — 66, *сосна/бор* — 53, *ольха* — 52, *вяз (берест)* — 26, *липа* — 20, *ясень* — 20, *ель* — 6. В рубрике *сосна/бор* число топонимов от исходной лексики *сосна* (или *хвоя*) должно быть значительно меньшее, так как *бор* довольно часто, притом в этой зоне *бор* не всегда значит 'сосновый лес', а может быть и 'смешанным лесом', и 'лесом на возвышенности', и т. п. Любопытно, однако, что процент топонимов от исходной лексики *дуб* в топонимии выше, чем в гидронимии. Во всяком случае, таково положение в исследованной В. П. Семеновым-Тянь-Шанским зоне. Известный

⁸ См. Семенов-Тянь-Шанский, 1924. Статья называется «Как отражается географический пейзаж в народных названиях населенных мест». Нужно сказать, что дело не только в географическом пейзаже, но и в принципах номинации.

славянский топонимист В. Шмилауэр исследовал с той же целью чешскую топонимию (Šmilauer, 1969). По данным словаря А. Профоуса и дополнительным источникам, первое место занимает «исходная» лексема *береза* — 104, затем идут *бук* — 77, *дуб* — 57, *липа* — 53, *ольха* — 50, *явор* — 32, *лесной орех* — 30, *тис* — 24, *верба* — 23, *граб* — 19, *ясень* — 19, *ель* — 15, *ракита* — 14, *пихта* — 13, *клен* — 11, *ива* — 9 и т. д.

О том, какое место в общей «семантической» схеме гидронимов занимают названия, соотносимые с другими фитонимическими терминами (терминами растительного мира), можно получить некоторое представление по данным И. В. Муромцева, исследовавшего «семантико-структурные типы» гидронимов Северского Донца (Муромцев, 1968). По его подсчетам, названий, указывающих на воду (ее цвет, течение) — 10%, на размер, форму, место — 18, на рельеф, на дно — 5, на растительный мир — 18, на животный мир — 8, на имена, прозвища, родство — 23, на этнонимы — 2, на профессию — 3, на топонимы (т. е. населенные места) — 4, на культурные объекты — 7, и неясных — 2%. Гидронимы, соотносимые с апеллятивами растительного мира, таким образом, охватывают немногим менее 1/5 общего числа гидронимов. Среди них самая многочисленная группа, по данным Т. И. Вендиной, — гидронимы, соотносимые с названиями деревьев.

Еще одним регистром, в котором употребляются лексемы, восходящие к названиям деревьев, является группа зоонимов — клички коров. Число кличек, образованных от названий деревьев, немногочисленно, но, видимо, они достаточно архаичны. Ср. чеш. (морав.): *březul'a*, *březaja* 'корова с белой спиной и брюхом, а остальное рыжее или черное', *du-běna* 'корова дубовой окраски, масти' (по Бартошу), *vrběna* 'корова вербовой окраски, масти' (Grujić, 1928)⁹. Толкование в двух последних случаях несколько сомнительно: так называемые дубовые и вербовые цвета очень близки. Ср. также прилагательные, относящиеся к указанной масти коров: *březistá*, *březavá*.

Подобные зоонимы характерны для всех славянских зон — как для западнославянской, так и для южно- и восточнославянской. Подробное изложение материала заняло

⁹ М. Г. Груич дает список кличек без толкований и пояснений.

бы много места, поэтому приводим лишь еще один небольшой южнославянский материал из Лики (Хорватия): *brījēz*, *brézonja*, *brezonjica*, *brèžō*, *brèžica*, *brezova*, *jélonja*, *jèlota*, *jèlaš*, *jèlova*, *jàblān*, *jàblanka*, *jásonja*, *jàsota*, *jàsova*, *tñnova*, *šibonja*, *šibō*, *šibova*, *prútonja*, *prùtova*, *grànota*, *grànova* и др. (Grujić, 1928). Эти зоонимы (клички) часто бывают мотивированы внешним видом коров и быков, и потому этот слой лексики находится на грани имени собственного и нарицательного (Толстой, 1964, с. 110 или с. 384 наст. изд.).

Наконец, в славянской народной ихтиологической терминологии есть целый ряд названий рыб, образованных от названий деревьев. В. В. Усачева обоснованно усмотрела в соотношении двух регистров — базового и вторичного — не прямую, а опосредованную семантическую связь — через время цветения деревьев, злаков и кустарников и время нереста рыб, если они происходят одновременно (Усачева, 1977, с. 5). Так возникли славянские названия рыб типа укр. *березівка* 'крупная щука', рус. диал. *калинка*, белор. *калінка* 'уклейка', рус. диал. *клень*, укр. диал. *клен*, *кленик*, хорв.-серб. *клен* 'голавль', рус. *ольшанка* 'гольян', *малиновка* 'подуст' и т. д. В. Т. Коломиец отметила, что многие этимологи (В. Махек, М. Фасмер, П. Скок и др.), не учитывая связи двух упомянутых регистров, считали этимологию слова **klenjь* 'голавль' неясной. Другие же исследователи без достаточных оснований связывали это слово с корнем *клеj* (С. Младенов) или *коло* 'колесо' (И. Ледер) (Коломиец, 1983, с. 51).

Обращение к семантическим регистрам позволяет нам четче представлять себе принципы номинации в ономастике — топонимии, гидронимии, зоонимии — и видеть связь мотивирующих признаков в целом и каждого в отдельности с неонوماстическим лексическим фондом, определять удельный вес разных ономастических «семантико»-структурных типов в общем ономастическом фонде отдельных языковых и диалектных территорий (ареалов). Это предостережет нас от поспешных и глобальных заключений о массовой адаптации лексем субстратных топонимов и внешней перестройке их на славянский лад, об абсолютном действии «закона» относительной негативности и от многих других соображений, преследующих топонимиста в его труде на несколько зыбкой, но благодатной почве. Самым ценным в понятии семантического регистра нам видится не сумма фактов, а их

соотношение в разных планах, в том числе и в плане статистическом (процентном). В принципах славянской ономастической номинации немалую роль играет и мифологический аспект. Этот аспект довольно ярко выражен и в дендрологической терминологии, главным образом, в ее вторичном применении. Но эта тема заслуживает особого внимания.

Десна — 'dextra'?

Более полувека тому назад известный лингвист-этимолог Григорий Андреевич Ильинский в сборнике, посвященном 60-летию академика Михаила Сергеевича Грушевского, поместил статью под названием «Σαμβατάς Константина Багрянородного» (Ильинский, 1928). По мнению Г. А. Ильинского, этой греческой формой субституировалось слав. *spvodъ* (или *sp-voda*) 'место слияния двух рек'. Что же касается самого места, рассуждал далее автор статьи, то оно могло быть где-то севернее Киева, на середине пути между древнерусским стольным городом и Вышгородом, ближе к устью Десны, к слиянию двух больших рек, а позднее название того места, где приставали лодки-однодревки, было отнесено к «матери городов русских» — к Киеву или к киевской пристани.

Этимологию Г. А. Ильинского в принципе нетрудно поставить под сомнение и, вероятно, его статья в наши дни не привлекала бы особого внимания, если бы не одно обстоятельство. Киевский топоним в передаче Константина Багрянородного издавна интересовал многих историков и филологов. Предлагаемые ими этимологии красноречиво и ярко отражают уровень этимологической науки, его слабости, созревание и путь развития с самого начала XIX в. и до 30-х годов нашего столетия. Длинный, хронологически последовательный ряд различных трудов, в которых так или иначе объясняется древний топоним, являет собой любопытную картину. Его начинает граф Ян Потоцкий, объяснявший Σαμβατάς как *u zam bat*, т. е. «в самый бот-лодку», не зная или несколько не смущаясь тем, что слово *бот* относительно нового происхождения. В 1814 г. с именитым графом полемизировал сам Иосиф Добровский, отклонивший его своеобразную славянскую этимологию и предложивший взамен другую, уже неславянскую: Σαμβατάς из швед. *zam* 'вместе' и *abät* 'лодка', что означало 'сборное место лодок'. Немного позже, в 1816 г., в первом томе «Истории государства Российского» Н. М. Карамзин задал вопрос: «...не хотел ли Константин написать *сама мать*, ибо Киев назывался в

древности матерью городов русских?» Сентиментально-романтические домыслы Карамзина отвергал П. И. Шафарик в своих знаменитых «Славянских древностях», склоняясь к малоубедительной, но менее наивной конъектуре И. Добровского. Серию формально далеко не безупречных этимологий, опирающихся к тому же на не всегда ясные исторические представления о Киеве, продолжил известный польский историк Иоаким Лелевель. Он видел в греческом написании опять-таки славянскую форму *sovietā*, что, по его мнению, должно было означать «совет», «толпы, советы, группы торговцев». Ничуть не лучше И. Лелевеля «этимологизировал» интересующее нас слово француз Паризо, выводя его из русского сочетания *за водою*.

Явная необоснованность новых славянских этимологий вызвала попытку вновь искать объяснение в лексике других языков. Так, С. А. Геденов предложил «венгерскую» этимологию, указывая на венгерский средневековый источник *Szombat* в значении «крепость» и придумывая сложную историческую аргументацию, сводящуюся к тому, что Аскольд был угрином. Его поддержал А. А. Куник, но с ним не согласился Н. П. Ламбин, вернувшийся к наивной славянской версии, близкой к версии Карамзина: *Σαμβατάς* = *ся им мати* (из «*иже ся имъ мати нарицаеть*»). Версия Н. П. Ламбина, в свою очередь, была поддержана В. Юргевичем, но против нее авторитетно выступил датский лингвист В. Томсен. Он отметил, во-первых, что венг. *szombat* есть не что иное, как «суббота» (возражение С. А. Геденову), во-вторых, он осторожно указал на возможность объяснения спорного топонима из др.-норм. *Sandbakka-áss* «песчаная возвышенность» (продолжение линии И. Добровского). Скандинавскую версию выдвигали и известные германисты С. Бутге (др.-сев. *Sandvad* «песчаный брод»), Вигфуссон (*Danparstad* «город Днепра», столица Германриха) и др. К их этимологиям, однако, относились с осторожностью А. Н. Веселовский, гипотетически сближавший *Самват* с былинным *Сафатом*, и другие ученые, искавшие новые, нередко тоже малодостоверные объяснения. Так, З. Ляцкий предлагал в виде этимона вымышленную им самим литовскую форму **žamatas* от *žemė* «земля», а Пархоменко — название хазарского города *Самбарай*. Были и другие конъектуры, в том числе славянские Э. Муки (из *zrbaty*) и Вестбурга (из

svet-), армянская А. Погодина (Смбат) и Ф. К. Бруна (Сембат), франкская Гайндзеля (Sambittl).

Самым простым и безупречным с формальной стороны следует признать объяснение топонима из еврейской *субботы* (*šabat*), точнее из ее славянской и греческой формы *сѣбота* ← народн. *сѣѣботов* при книжн. *сѣѣботов*, требующей, однако, довольно сложной смысловой (семантической) мотивировки. Между тем такое объяснение не очень устраивало историков и казалось без должной мотивировки слишком прямолинейным для лингвистов. Историки часто искали подтверждения в не всегда достоверно устанавливаемых исторических фактах, касающихся Киева, или в наивных и невозможных в топонимике словосочетаниях, а лингвисты склонялись в основном к двум языковым источникам — к славянскому (древнерусскому) и к германскому (древнегерманскому, древнескандинавскому, шведскому), игнорируя при этом факты историко-культурного и мифологического порядка. Лишь небольшая часть исследователей, видимо, приближалась к решению запутанного вопроса о *Σαμβατάς* Константина Багрянородного. Так, на возможность его происхождения от *субботы* указывал Гайнзель, а известный русский византист В. Г. Васильевский отметил, что и «самый Самватас (название Киева у Константина Багрянородного)... имел бы свое настоящее объяснение в географической номенклатуре отреченных книг» (цит. по: Ильинский, 1928). Этому мнению сочувствовал К. Я. Грот, а Маркарт указал на наличие аналогичных арабских топонимов в Африке, что, видимо, существенно для решения вопроса о мотивированности древнего днепровского топонима и его связях с широким топонимическим ареалом Старого Света. Именно в этом направлении и провел свое исследование А. А. Архипов, раскрывший, как нам представляется, и этимологическую, и этнолингвистическую (историко-мифологическую) стороны столь загадочного и интересного топонима (Архипов, 1984).

Таков довольно подробный пересказ статьи Г. А. Ильинского (Ильинский, 1928). Мы предложили его по двум причинам. Во-первых, сборник, в котором была опубликована эта статья, труднодоступен многим, во-вторых, как уже отмечалось, различные подходы к одному и тому же факту находят свое частичное отражение и в практике современ-

ного анализа топонимического материала, в том числе и при выяснении этимологии реки *Десны*.

Десна — самый большой приток Днепра, впадающий в него слева, севернее Киева, выше по течению реки, и имеющий свой довольно значительный бассейн. Не единична и его территориальная приуроченность, так как этот гидроним повторяется, хотя и не очень часто, у восточных и западных славян. Происхождение его названия связывали с разными языками и языковыми семьями.

Мнения ученых, которые будут рассмотрены подробно ниже, можно схематично представить следующим образом.

1. Неславянское неиндоевропейское происхождение: угрофинское — Надеждин (1837, с. 63);

2. Неславянское индоевропейское происхождение:

а) иранское — Розвадовский (1909–1948), Соболевский (1910, 1918, 1922), Фасмер (? 1913¹), Трубачев (1974); индо-иранское — Иванов — Топоров (1980);

б) балтийское — Иванов — Топоров (1980);

3. Славянское происхождение:

а) от прилагательного **desnъ* 'правый' (или 'хороший') — Розвадовский (? 1909–1948), Шахматов (1911, 1916), Фасмер (1913, 1930, 1953), Маштаков (1917), Лер-Сплавинский (1946, 1961), Попов (1965), Жучкевич (1968), Пospelов (1979);

б) от прилагательного **dъžьnъ* (ср. сущ. **dъžьka*) — Гебауер (1903), Гурань (1951);

в) без отнесения к этимону: Фасмер (1926), Топоров — Трубачев (1962);

4. Индоевропейское вообще, тем самым, возможно, и славянское происхождение: Мошинский (1957);

5. Происхождение не определялось: Погодин (1901, с. 93), Трубачев (1968).

Выяснение этимологии *Десны* велось иногда с привлечением речных названий *Цна*. В этом случае мнения также разделились.

Полагали, что:

1. *Цна* и *Десна* восходят к одному этимону или близким этимонам:

¹ Знак вопроса означает, что мнение было высказано осторожно, как предположительное или возможное, часто в ряду других.

а) неславянскому: скифо-иранскому — Соболевский (1918, 1922);

б) славянскому (**dьsna* и **desna* и т. п.) — Брюкнер (Brückner, 1906), Попов (1965), Жучкевич (1968);

2. Цна и Десна восходят к разным этимонам — Погодин (1901), Фасмер (1953–1956).

Ряд авторов по этому вопросу не высказывали своих суждений. Его наиболее полная разработка пока принадлежит Я. Розвадовскому (1909–1948). Ее, увы, не всегда учитывали последующие авторы (Попов, Жучкевич).

В связи с происхождением гидронимов *Десна* решался и несколько автономный вопрос апеллятива *desnъ* 'dexter', вопрос его распространения (Бернштейн, 1961, с. 54; Трубачев, 1968, с. 147). Наконец, не оставался без внимания и вопрос о гидрониме и апеллятиве *шуй* (Попов, 1965, с. 38–41). Излагая, как и в какой последовательности выдвигались перечисленные положения, мы сможем осветить и остальные проблемы.

Двумя годами после издания погодинского курса лекций «Из истории славянских передвижений» (Погодин, 1901), но независимо от них, в 1903 г. известный чешский исторический грамматист и лексиколог Я. Гебауер, занимаясь последовательно статьями «Старочешского словаря», предложил для реки *Deznet* (ср. топонимы *Destny silva*, *Desstna*, *Desczna*, *Dessni silvis dictus Soběnov*, *Desczny*) этимологию *děščъnъ* 'досчатый' (Gebauer, 1970, статья *deščny*). Его этимология осталась почти незамеченной; ее, правда, знал Я. Розвадовский (Rozwadowski, 1948), но ею не воспользовался. Лишь соотечественник Я. Гебауера филолог-любитель А. Гурань вновь обратился к ней почти полвека спустя, мотивируя название *Desná* (из *deščná*) в районе Литомышля лесистыми берегами этой реки (Huráň, 1951). Дальнейшей поддержки такая этимология не получила. Краткое выступление А. А. Шахматова о Десне в связи с постановкой общей проблемы славянской прародины оставило яркий след в славянской топонимастике. Как известно, А. А. Шахматову принадлежит оригинальная, но в наше время уже всеми оспариваемая гипотеза о двойной прародине славян — первой «неманской» (нижнее течение Немана и Западной Двины) и более поздней второй, возникшей в результате миграции к югу, «повисленской» (по реке Висле). Для предков же восточных и южных славян А. А. Шахма-

тов предполагал еще один этап общности, некую третью прародину, территориально близкую к нижнему Днепру, Днестру и Дунаю. Отсюда, по мнению А. А. Шахматова, славяне шли на север по Днепру и, встретив справа на своем пути Десну, назвали эту реку по ее расположению к миграционной волне. В 1916 г. маститый академик дважды повторил свою «миграционную гипотезу», связанную с наименованием Десны (Шахматов, 1916, 1916а). Во «Введении в курс истории русского языка» он писал: «Нестор в начале XII в. выводил всех славян с Дуная. Представление об единстве славян он заимствовал несомненно из памятника, объясненного своим происхождением западнославянским ученикам Кирилла и Мефодия, но мысль о Дунайской прародине едва ли не была заимствована Нестором из русского народного предания. Движение с юга на север, ни в коем случае не с севера на юг, свидетельствуется следующими двумя речными названиями: один из левых притоков Южного Буга называется Десной и так же называется левый приток Днепра: очевидно, эти реки приходились справа шедшему вверх по течению населению». И пояснял: «Сначала наиболее северные поселения восточного славянства не переходили области современной Черниговщины: здесь сидели Северяне по реке Десне, название которой указывает на поступающее движение славян не с севера на юг, а с юга на север» (Шахматов, 1916, с. 49).

Гипотезу А. А. Шахматова еще в 1913 г. подверг критике тогда еще начинающий петербургский ученый М. Р. Фасмер. Ему представилось, что «шахматовская гипотеза третьей, уже не общеславянской, но лишь русско-южнославянской прародины в нижнем Поднепровье и в восточной части нижнего Подунавья вызвана только стремлением показать историческую достоверность известного места из Нестора о пребывании славян на Дунае». Что же касается утверждения А. А. Шахматова о движении на север и «обретении» Десны справа, то по этому поводу М. Р. Фасмер писал: «Во-первых, это название (Десна. — *Н. Т.*) не несет в себе никакой датировки (и может быть даже праславянским!) и, во-вторых, ему совсем не надо быть славянским и оно может быть очень хорошо объяснено через иранск. (авестийск.) *dašīnō* 'dexter'. Во всяком случае это — надежный союзник» (см. Vasmer, 1971). Таким образом, в ранний период своей научной деятельности М. Р. Фасмер еще допускал ли-

бо славянское, либо иранское (древнеиранское) происхождение *Десны*. Он не сомневался в ее значении 'правая', но не связывал его с поздней восточнославянской миграцией с юга. Впоследствии, более чем через четверть века, он отказался от факультативного иранского варианта и прочно занял «славянскую позицию». Но эта позиция уже не была «миграционной», т. е. наименование не считалось мотивированным направлением миграционной волны. Условно ее можно назвать «табуистической». В 1930 г. в фасмеровском журнале «*Zeitschrift...*» появляется его специальная статья «Древние названия рек: 4. Десна». В этой статье, упоминая две русских Десны (притоки Днепра и Южного Буга) и вновь кратко излагая гипотезу А. А. Шахматова, уже известный берлинский славист пишет, что шахматовское объяснение ему «всегда казалось сомнительным, т. к. многие названия *Десна* имеются и в области позднего расселения славян. Так, во-первых, тоже левыми притоками являются *Desna* — Черная и Белая, левые притоки р. Каменіса (правый приток Изера) в Северной Чехии, и, во-вторых, *Desna*, являющаяся левым притоком верхней Моравы в северной Моравии (по сведениям Й. Мошелеса, Прага)». «Применительно к этим случаям, — продолжает М. Р. Фасмер, — мне кажется очень мало вероятным, чтобы данное Шахматовым объяснение относилось также к *Desna* — рекам на чехословацкой языковой территории». Напоминая случаи вроде эстонского значения *rahan* 'левый' и *raha* 'дурной, плохой, злой' и приводя примеры табуирования греческого Πόντος 'Αξινοῦς → Πόντος Εὐξινοῦς и возникновения «болгарско-латинского» апеллятива *bonacia* из греч. μαλακία 'безветрие' (по Майеру-Любке), М. Р. Фасмер приходит к выводу, что из тех же табуистических соображений слово *левый* 'плохой' (и 'левый') в данном случае заменено словом, означающим 'правый' (а также и 'хороший'), — словом **desna*. Затем он заключает: «О направлении колонизационного движения на основании называния левого притока именем *Десна* можно было бы сделать вывод лишь тогда, когда бы левому притоку *Десна* противостоял правый приток *Шуица* (*Šujca*). Это и есть тот случай, который приводится Маштаковым в его днепровском «Списке» (с. 174). Впрочем, подобные выводы требуют осторожности» (ZfslPh. 1930. В. 7. S. 410).

Позволим себе заметить, что противопоставления *Десна* — левый приток и *Шуица* и т. п. — правый приток не

единичны (хотя не всегда присутствуют оба члена), однако они не обязательно свидетельствуют о направлении миграции. Они могли возникнуть и, видимо, возникали на другой основе, так что призывы к осторожности в отношении миграционной теории вполне справедливы. Но об этом позже. Сейчас же укажем, что М. Р. Фасмер, судя по всему, до конца дней своих придерживался изложенной славянской и «табуистической» позиции, что видно из соответствующей статьи в его этимологическом словаре 1953 г. В 1956 г. он, однако, писал в более общей форме: «Десна иногда тоже является, что достаточно странно, левым притоком более крупной реки, несмотря на *десница* — правая рука в поэтическом языке».

Последним сторонником и продолжателем славянской миграционной версии оказался П. Л. Маштаков. На эту тему им была написана специальная статья «Десна», в которой он, конкретизируя рассуждения А. А. Шахматова, выдвигает положение о том, что «восточные славяне двигались именно с среднего Поднепровья через верховья Буга, где встречаем первую Десну, к среднему Поднепровью (но не южному), где впадает вторая Десна, затем продвигались по пространству между Днепром и Десной до верховьев этой Десны и, наконец, по Снопоти, в которую с одной стороны впадает Десна, а с другой Шуйца, — славяне переходили в бассейн Угры» (Маштаков, 1918). Статью о Десне сопровождал список других гидронимов (около сорока), по мнению автора, подтверждающий его миграционную схему.

Соответствия или параллелизм названий рек разных зон, безусловно, значимый факт и игнорировать его не следует. Однако, как оговаривается и сам П. Л. Маштаков, они могут возникать отчасти из-за неизученности гидронимических названий других бассейнов, например Западного Буга и т. п., и, добавим, безусловно, из-за существования ряда общеславянских (и шире — европейских, тюркских и т. д.) типов гидронимической номинации. Действительно, если обратиться к современному Словарю гидронимов Украины и сопоставить его данные со списком П. Л. Маштакова в статье «Десна», то определятся и карпатские, и донские, и другие соответствия: *Ломля* — *Ломувач* — *Ломуватка*, *Чеча* — *Чечва* — *Чечуга* — *Чечуватый*, *Нетека* — *Нетеча* — *Нете-чі* — *Нетіч*, не говоря уже о весьма многочисленных *Свиных*, *Свинских* потоках, *Свинолужах*, *Свинорый-*

ках и т. п. (не единичны и формы *Свинюха*), *Тереблях*, *Теребнах*, *Теребіжах*, а также *Тернавах*, *Тернавках*, *Тернівках* и т. п. Как правило, соответствия, даже когда они точно устанавливаются, а для этого нужны топонимические атласы, не определяют направления, а тем более маршрута миграции, как это пытался представить себе П. Л. Маштаков. Он был, как уже отмечалось, последним модификатором «славянской миграционной» гипотезы, но сама миграционная гипотеза не перестала существовать, но оказалась связанной с другими, неславянскими этническими массивами.

Востоочнославянский гидронимический ландшафт живо интересовал известного русского филолога акад. А. И. Соболевского. В ряде своих работ, объединенных или под заголовком «Русско-скифские этюды» (Соболевский, 1924), или под другим названием, он касался этимологии *Десны*. Еще в 1910 г. в статье «Русские местные названия и язык скифов и сарматов. I—V» он писал: «Территория скифов и сарматов может быть определена только путем исследования современных местных названий в русском и других славянских языках. Если мы имеем одни и те же нерусские и неславянские по происхождению имена рек и озер, — мы должны думать, что они перешли к славянам из одного и того же языка. Мы имеем названия рек: ...» Далее идет перечисление в следующем порядке: *Цна*, *Десна*, **Ръша*, *Чечора*, *Одра*, *Самара*, *Сула*, *Сѣтомль* и др. А. И. Соболевскому были известны: «*Десна*: 1. большой приток Днепра, 2. река бассейна Днепра в Калужск. губ. 3. приток ю. Буга. *Десенка*: 1. в Тульск. губ. Белевск. уезда, 2. в Черниговск. губ.». Знал он и *fluvius Desna*, что отмечен Козмой Пражским (XII в.) в Чехии. В одном ряду с ними он приводил разные по территориальной приуроченности и форме гидронимы *Цна* (видя в их корне *дъс-*, *дъс-*), *Сна*, *Сновь*, *Засна* и мн. др. (Соболевский, 1910). В 1919 г. появился отклик А. И. Соболевского на заметку П. Л. Маштакова в виде статьи «Как исследовать местные названия?». В нем была кратко изложена общая программа исследований, представляющая несомненный интерес. «Нам кажется, — писал маститый академик, — П. Л. Маштаков ведет нас не по той дороге, по какой бы следовало. Едва ли нужно искать в названиях рек, озер, гор и т. д. следов движения народов с севера на юг, с запада на восток и т. п. Народы, с которыми мы имеем дело (славяне и им подобные), не были автохтонами даже в своих так

называемых прародинах; даже здесь они приняли от своих предшественников употреблявшиеся последними местные названия. Что же говорить о таких землях, как наша Европейская Россия в период между Р. Хр. и VIII столетием по Р. Хр.? Достаточно вспомнить о названиях *Дунай*, *Днепр*, *Днестр*, *Дон*, чтобы сделаться осторожным в своих стремлениях объяснить то или другое местное название из известного нам (славянского и ему подобного) языка. Исследователи языка русской земли, прежде чем приступить к выводам, должны выполнить черную работу — разобраться в огромном материале, находящемся в нашем распоряжении, распределив данные на группы, с одной стороны, — по окончаниям, с другой — вообще по созвучным элементам (слогам) названий рек, озер, гор и т.п. В окончаниях можно предполагать потомство нарицательных имен неизвестных нам (пока?) языков, именно: в названиях рек — нарицательных со значением: река, вода ... в созвучных элементах потомство нарицательных с самыми разнообразными значениями...» Затем, приведя ряд примеров с «компонентом» *сна*, *сне*, *сно*, А. И. Соболевский сделал вывод: «Очевидно название нескольких рек Европейской России *Десна* не имеет ничего общего, кроме звуков, с слав[янским] прилагательным *десна*» (Соболевский, 1919, с. 183—185).

К сожалению, плодотворная и своевременная для той поры идея исследования топонимии и гидронимии «по слогам» (формантам), принесшая свои плоды во многих сферах топонимической науки, в том числе и в изучении субстратной топонимии Русского Севера (см. труды М. Р. Фасмера, А. К. Матвеева, Е. М. Поспелова, Б. А. Серебrenникова, А. П. Дульзона, А. Севажо и др.), применялась А. И. Соболевским в данном случае, как и в некоторых других, слишком прямолинейно — практически почти не допускалась в общем довольно частая возможность наличия славянских форм с теми же «слогами», т. е. звуковыми сочетаниями — финальными формантами. Последователи А. И. Соболевского, например В. А. Никонов, уже и в более бесспорных славянских гидронимах и топонимах видели неславянское происхождение и допускали лишь их славянское приспособление, адаптацию (см. далее мнения В. А. Никонова, С. Б. Бернштейна и др.). Увы, и сам А. И. Соболевский не смог строго придерживаться провозглашенного им правила — «прежде чем приступить к выводам, выполнить черную работу» до

конца. К тому же следовало различать дифференцирующие и недифференцирующие форманты, а центральную часть восточнославянского гидронимического ландшафта рассматривать в более широкой географической и языковой перспективе, учитывая и южно-, и западнославянскую ситуацию. Все это, однако, никак не может затенить и тем более умалить немалую роль исследований А. И. Соболевского в развитии топонимической науки.

После работ А. И. Соболевского начала 20-х годов XX в. внимание к топонимическим исследованиям в нашей стране значительно ослабло, и лишь труды М. Р. Фасмера, В. Шмиллера, В. Тапицкого, С. Роспонда, П. Скока и других исследователей продолжали поступательное движение славянской топонимастики.

В первые послевоенные годы вышли в свет капитальные труды Т. Лер-Сплавинского (Lehr-Spławiński, 1946) и Я. Розвадовского (Rozwadowski, 1948). В книге «О происхождении и прародине славян» (1946) Т. Лер-Сплавинский писал следующее: «Розвадовский... предполагает, что название *Десна* на Руси иранского происхождения, а чешские формы (только в памятниках!) подвергает сомнению, допуская вслед за Эрбеном, что они восходят к прилагат. **deštný* (от существ. **dъska* 'доска'). Однако в связи с наличием бесспорных современных названий *Desna* в Чехии и Моравии эти сомнения отпадают и тем самым существенно ослабляется правдоподобность иранского происхождения этих названий на Руси. В сущности нет никакого основания сомневаться в исконно славянском характере этого названия». А также: «Название идентично с праслав. прилагательным **desnъ* 'правый', ср. древнеиндийск. *dákšina-*, авест. *dašina-* 'то же', в литовск. *dešinè* 'правая рука' и т. д.» (Lehr-Spławiński, 1946, s. 77, 190). В 1961 г. в польском «Словаре славянских древностей» Т. Лер-Сплавинский повторил эту этимологию (SSS, 1961, t. I, s. 340–341). Ее не отрицал полностью и Я. Розвадовский, который в своей законченной в 1909 г., но выпущенной в 1948 г. книге писал: «Слово *desnъ*, *desъnъ* (непосредственная праславянская форма — *desnъ* без -ь- в середине) 'правый' < *děksinos* — общее языкам славянским, балтийским и арийским (индоиранским. — Н. Т.) и оно с иными суффиксами встречается в других индоевропейских языках (*δεξιός*, *dexter*, готск. *taihswō* и т. д.). Значение всюду 'правый' (возможно и о стороне света, как в

древнеиндийск. 'южный' и т. п.), кроме того в арийском (древнеиндийск.) сохранилось первичное значение 'дельный, умелый, ловкий (tüchtig)'. Так, *Десна* может быть славянского корня — *Desъna*, но может быть также только славянским переоформлением (так наз. народной этимологией) иранского *dašīnā*, и эта последняя гипотеза, по-моему, с различных точек зрения более правдоподобна. Но в конце концов у меня нет никакой необходимости на этом решительно настаивать» (Rozwadowski, 1948). Ян Розвадовский усматривал принципиальную разницу между этимонами *Десны* и *Цны*. Для последней он отказывался дать определенную этимологию, ограничиваясь лишь предположением, что она индоевропейская, и склоняясь более всего к этимону **tusna = tьsna* 'тихая'.

Знаменитый этнограф К. Мошинский в последние годы своей научной деятельности разрабатывал вопросы славянского этногенеза с языковедческих позиций. Водным названиям Днепровского бассейна он уделил основное внимание в книге «Первичная область распространения праславянского языка» (Moszyński, 1957, s. 181–184). Для *Десны* он предложил новую этимологию — и.-е. корень **di- : *dei-* 'блестеть' (**dьs : *dis-* > **dьssъna*, **disъna* 'блестящая, ясная, белая'), стараясь подкрепить ее экстралингвистическими фактами — наличием большого числа известняков в русле и по берегам днепровской *Десны*. Выдвинутая этимология давала возможность К. Мошинскому возводить и *Десну*, и *Цну* к одному корню, однако его конъектура в целом не нашла последователей и представилась его критикам маловероятной. Малоприменим и основной экстралингвистический аргумент автора — наличие известняков — ко всем водным объектам, носящим это имя.

Новое оживление топонимических и особенно гидронимических разысканий в нашей стране было связано в начале 60-х годов с появлением крупномасштабного исследования В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья». Его авторы свою позицию по интересующему нас вопросу определили кратко: «Излюбленное объяснение из слав. **desnъ* 'правый' (Фасмер, Розвадовский, Лер-Сплавинский и др.) остается сомнительным. Едва ли удачнее этимология Мошинского (Moszyński, 1957, s. 181 и след.) через **Десъна* из и.-е. **di- : *dei-* 'блестеть'» (Топоров и Трубачев, 1962, с. 218). Тем не менее

гидроним *Десна* отнесен двумя авторами в раздел «Славянские названия», но, как видно из цитаты, славянский этимон при этом не конкретизирован.

Годом раньше с еще большим скептицизмом относительно «излюбленного» объяснения из слав. **desnъ* 'правый' высказался С. Б. Бернштейн. Он вспомнил доводы А. А. Шахматова и, не обращаясь к другим мнениям, заявил: «Иногда Шахматов привлекал топонимию, но не всегда он при этом проявлял достаточную критичность. Так, он говорил о движении славян вверх по Днепру только на том основании, что левый приток Днепра носит название Десна, т. е. 'правая'. В действительности же этимология Десны не славянская (не славянскими, кстати, являются этимологии названия рек *Цна*, *Сосна* и др.). Следует думать, что восточные славяне вообще не имели прилагательного *десънъ* и образований от него. Соответствующие слова в древнерусском литературном языке были взяты из старославянского языка» (Бернштейн, 1961, с. 54). Никакого другого аргумента в пользу своей позиции, кроме указания (весьма спорного) на то, что прилагательное *десънъ* не было известно восточным славянам, С. Б. Бернштейн не привел.

Абсолютно негативными, без попытки предложить какое-либо положительное решение, были и рассуждения В. А. Никонова, изложенные им в «Кратком топонимическом словаре»: «*Десна* — левый приток Днепра. С тем же названием левый приток Южн. Буга, несколько мелких речек в бассейне Днепра (в том числе в бассейне Десны), левый приток Моравы в Югославии, левый приток Каменицы в Чехословакии, река и озеро в Литве и др. Привычная этимология, повторенная Я. Розвадовским, М. Фасмером, Т. Лер-Сплавинским из слав. *деснъ* 'правый'. Но вблизи нет парных гидронимов *шуй* 'левый' (внешне совпадающие есть на других территориях, но они финноугорского происхождения), а большинство рек с названием Десна как раз левые притоки. Беспочвенную этимологию пытались спасти такими же догадками: 1) будто славяне пришли на Средний Днепр с юга, и Десна показалась им справа; 2) будто славяне называли стороны реки не по течению, а против него; 3) будто на слово *левый* наложили табу и, не смея произносить его, называли левое — правым (Vasmer — REW I 345). Сокрушительная критика этой этимологии А. И. Соболевским (ИОРЯС, 23, 1919, с. 183–186). Из других этимологий: "светлая, чистая"

из инд.-евр. **die-* “блестеть” (К. Moszyński, с. 181–182, отвод — Т. Т., 15 и с. 218), чешскую тезку А. Гурань предложил рассматривать как прилагательное от *доска* — за богатство строительными материалами (Věstn. České Akadem. 60, 1951, с. 100–114). Остается недоказанной связь с многочисленными гидронимами *Цна* (привлекали А. И. Соболевский, К. Мошинский). Рассуждения бесплодны, пока не изучен гидронимический ареал *-сна*. (А. И. Соболевский видел в этом самостоятельное слово “река”, но это могло быть служебно-грамматическим элементом)» (Никонов, 1966, с. 120).

К сожалению, в этой статье даются непроверенные гидронимические сведения (естественно, без указания их источника из-за жанра краткого словаря), например, сообщения о реке и озере в Литве и о левом притоке Моравы в Югославии. Ошибочно утверждается отсутствие парных гидронимов *шуй* ‘левый’ (см. выше данные П. Л. Маштакова), не очень точно передаются мнения Я. Розвадовского, А. И. Соболевского и т. п.

«Миграционная гипотеза» А. А. Шахматова в преобразованном виде была вновь выдвинута в 1974 г. в связи с проблемой миграции славян и ее отражения в ранних славянских этнонимах. Так, О. Н. Трубачев писал: «Центр ориентации влиял на формирование названий стран света в разных языках, и обратно — праистория самих этих названий подсказывает нам ход древней миграции соответствующего этноса. Например, известно, что др.-инд. *dákṣiṇa* — ‘южный’ одновременно означало ‘правый’, откуда следует, что обозначавшие таким образом юг племени длительное время двигались в восточном направлении. В связи с этим думается, что левый приток Днепра — Десна — получила это название не от славян, которые якобы двигались к северу, имея ее справа (Шахматов), или же, называя эту реку, прибегли к эвфемизму, назвав левый приток правым (Фасмер); и то и другое мало вероятно по той простой причине, что селившиеся здесь восточные славяне никогда не имели (как, впрочем, и западные) в своем языке слова **desnъ* (правый), известного на правах праславянского диалектизма только южным славянам. Похоже, что Десна получила свое название от балтов, для которых (в их продвижении к востоку) она долгое время была ‘правой, или южной’ рекой, ср. лит. *dėšinas* ‘правый’» (Трубачев, 1974, с. 49).

Этот аргумент был выдвинут О. Н. Трубачевым несколько ранее. В известной книге «Названия рек правобережной Украины» он отмечал: «Особое положение занимает так или иначе в нашем перечне форма *Десна* (у нас — приток Ю. Буга, Маштаков Д. Б. 34), объяснение которой должно считаться с широким распространением данного гидронима, который до сих пор успешно сопротивляется попыткам его этимологизации (ср. Топоров—Трубачев, с. 218). Не вдаваясь здесь специально в этимологию этого гидронима, укажем лишь, что популярное сближение его со славянским апеллятивом *desnъ* 'правый' серьезно ослабляется тем обстоятельством, что гидроним *Desna*, *Десна* встречается как раз там (Чехия, восточное славянство), где неизвестен апеллятив *desnъ*, первоначальное распространение которого ограничивается южнославянскими языками. Конечно, можно было бы, как иногда делают в таких случаях, принять, что слово **desnъ* 'правый' было некогда известно тоже восточным и западным славянам, которые затем утратили его, сохранив следы употребления в ономастике. Трудно, однако, сказать, чтобы это было очень убедительное допущение, учитывая подозрительно широкие масштабы такого забвения. Мы полагаем, что прилагательное **desnъ* западные и восточные славяне не знали никогда. В связи с *Десна*, вопрос о происхождении которого мы оставляем пока открытым, любопытно такое наше название, как *Засна* (рукав Днепра, см. Маштаков Днепр 51). Его очевидно приставочный характер позволяет толковать это название как **За-цна* или **За-десна*, ср. *Зацень*, название белорусского селения на реке Цна, притоке Свислочи; на связь *Зацень* : *Цна* указал еще Розвадовский (Studia, с. 40). Мы опять-таки не хотели бы касаться здесь сложного вопроса о наличии (или отсутствии) связи между речными названиями *Цна* и *Десна*» (Трубачев, 1968, с. 147).

В 1977 г. в 4-м выпуске «Этимологического словаря славянских языков» под словом **desnъ(jь)* О. Н. Трубачев повторил свою балтийскую конъектуру: «Типично ю.-слав. слово, древнейший праслав. диалектизм, неизвестный зап.-слав. и вост.-слав. языкам. Название реки Десна у вост. славян не может объясняться как первонач. 'правая' (якобы эвфемистически о левом притоке Днепра, см. Фасмер I, 506), поскольку как раз вост. славяне не имели соответствующего апеллятива; впрочем, целесообразно не отметить на-

чисто всякую связь Десна : **desnъ*, как это делал А. И. Соболевский (ИОРЯС XXII, 1918, 183–186), а допускать здесь вторичную славянизацию родственного балт. названия со знач. 'правая (река)' (см. О. Н. Трубачев ВЯ, 1974, № 6, 49)» (ЭССЯ, 1977, вып. 4, с. 219).

Таким образом, О. Н. Трубачев с известной осторожностью выдвигает балтийскую конъектуру (вместо прежней славянской) и отводит славянскую этимологию на том основании, что восточные и западные славяне не знали апеллатива **desnъ* 'правый'.

Рассматривая те же славянские этнонимы в широкой перспективе, В. В. Иванов и В. Н. Топоров в 1980 г. также довольно осторожно указали на ранее уже предлагавшийся индоиранский источник названия Десны, не отрицая, видимо, и балтийскую возможность, если только правильно мною понят следующий пасус: «Само название Десны, в бассейне которой находится Сев, могло быть результатом славизации индоиранского названия этой реки типа др.-инд. *Dakṣiṇa*, авест. *dašina-* и т. д. Ср. также лит. *dėšinas* 'правый'» (Иванов и Топоров, 1980, с. 31).

Наконец, в последнее время среди топонимистов нашей страны были и сторонники славянской этимологии, возводящей Десну к **desnъ* 'правый'. Так, в 1965 г. в популярной книге, посвященной географическим названиям, А. И. Попов писал, что «Десна (нередко в иной форме: Цна) является названием многих рек СССР... Все реки с этим наименованием являются левыми притоками более значительных водных артерий, тогда как реки с именем Шуя, гораздо реже встречающиеся, оказываются правыми притоками... Обратный смысл (Десна — левый приток, Шуя — правый) получен, как справедливо считают, вследствие того, что названия давались при движении вверх по течению главной реки (Днепра и т. д.). Многие делали отсюда заключение, что вообще славянская колонизация в Восточной Европе шла вверх по Днепру и другим рекам, впадающим в Черное море, т. е. с юга на север (акад. А. А. Шахматов и др.). Это заключение, однако, вряд ли можно считать твердо установленным. Дело в том, что в возникновении названий притоков крупных рек играла главную роль, несомненно, необходимость точного определения пути, откуда ясна важность определенных указаний на выбор дороги при разделении этого пути по двум направлениям; это важно именно только

при движении (плавании) снизу вверх, тогда как путешествие обратное — сверху вниз — не представляет обычно затруднений, если нет разделения самой основной магистрали на рукава. Только в этом случае плавание вниз требует выбора одного из двух (иногда и более) путей. Что касается названий типа Шуя, то следует помнить, что не все они могут быть славянскими по происхождению» (Попов, 1965, с. 38–41).

Жанр небольшой и популярной книги вынудил ее автора часть положений излагать в декларативной форме. Отсюда и утверждение об этимологической идентичности гидронимов *Десна* и *Цна*, и отсутствие списка гидронимов и т. п. Интересной, но, однако, не бесспорной является догадка о возможности более точной ориентировки при движении против течения и пояснение (которое нами не цитируется) о том, что мордва обозначала левые притоки по течению, как в современной географии, т. е. что счет русских (восточных славян) не был универсальным. В 1968 г. В. А. Жучкевич повторил многое за А. И. Поповым в своем очень кратком топонимическом словаре. Так, под словом *Дисна* он заметил, что «название р. Десны происходит из слав. *десная* — правая», снабдив это свое утверждение особым знаком — «наиболее вероятное», а под словом *Цна*, *Цнянка* сообщил следующее: «*Цна*, *Цнянка* — названия ряда небольших рек и сел, получивших эти имена от рек. Распространено объяснение названий от слав. *десна* — *дсна* — *цна* со смысловым значением правая. Объяснение, наиболее приемлемое из других возможных. В качестве возражений приводят тот факт, что по установленным сейчас правилам *Цна* оказывается всегда левым притоком. Но это возражение не учитывает того, что правила определения правых и левых притоков устанавливались недавно и что по отношению к важнейшим путям продвижения от Днепра *Цна* всегда будет правой. Выдвигалось также сближение названия с балт. *tusnap* — тихая (К. Буга, Фасмер, Топоров — Трубачев), но последнее противоречит действительности, так как все эти реки (кроме *Цны* пр. Гайны) — самые быстрые в БССР» (Жучкевич, 1968, с. 142, 174–175).

Наконец, последним в перечисленном ряду русских топонимистов на тему Десны писал Е. М. Поспелов в связи с общим обзором топонимии Московской области. По его мнению, «*Десна* р. (л. пр. Пахры). Название распространено в гидронимии европейской части СССР. Происходит от сла-

вянского *деснь* 'правая'. Однако почти все реки с этим названием являются левыми притоками, что не может быть случайностью. В. А. Жучкевич (1968, с. 175) отмечает, что "правила определения правых и левых притоков установились недавно", т. е. в прошлом названия давались при движении вверх по течению. Подтверждением этому служит то, что встречающиеся значительно реже реки с названием *Шуя* ('левая') в действительности оказываются правыми притоками (см. Попов, 1965, с. 38)» (Поспелов, 1979, с. 118–119).

Пояснение Е. М. Поспелова — краткое, без новых аргументов, но без привлечения гидронима *Цна*.

Одновременно с Е. М. Поспеловым, но независимо от него, загребский ученый Д. Алерич в своей превосходной, изобилующей материалом монографии о проблеме правого и левого в топонимии Югославии пришел к выводу, что «название большой восточнославянской реки могло быть основано на прилагательном в значении 'правый', а именно на праславянском прилагательном **desъnъ*. Конечно, Десна могла быть так названа из перспективы древнего Киева» (Alerić, 1979; см. также Alerić, 1980).

Новый материал может пролить свет на этот по сей день не решенный вопрос. Такой материал есть, он уже в отдельных зонах достаточно обилён и, видимо, в скором времени будет значительно дополнен. Обратимся кратко к старым сведениям, а затем перейдем к новым.

Т. Лер-Сплавинский отмечал, что «Десна: 1. Большой левый приток Днепра. 2. Левый приток (южного) Буга недалеко от Винницы. 3. Название нескольких мелких рек в бассейне Днепра. 4. Левый приток Каменицы, правого притока Изера в северной Чехии. 5. Левый приток Моравы, правого притока Дуная в Моравии». Эти сведения не полны. Материал по мелким рекам в бассейне Днепра нам предоставляет П. Л. Маштаков (Маштаков, 1913)². Излагаем его параллельно с названиями *Шуй*, *Шуйца* и т. п.

Десна *п.* → Расна *л.* → Осьма *л.* → Днепр.

Десна = Десной; см. Десной.

Десенка *п.* → Олешня *п.* → Беседь *л.* → Сожь.

Десенка *л.* → Десна.

Десенка *п.* рукав Десны.

² Знак стрелки указывает, в какую реку впадает указанная перед стрелкой река. Буква *п.* означает правый приток, *л.* — левый приток.

Десенка л. → Жевень п. → Десна.

Десней л. → Снопоть л. → Десна.

Деснок л. → Десна.

Деснокитка (Ржавец) л. → Шатановка п. → Вехра п. → Сожь.

Десновка (Тесля, Тесловка) п. → Суров п. → Беседь л. → Сожь.

Шуйца п. → Снопоть л. → Десна.

Шуловка л. → Быстрая л. → Остер л. → Десна.

Шулячий п. → Стругна п. → Днепр.

Некоторое дополнение к материалу по Днепровскому бассейну П. Л. Маштакова дают факты из Словаря гидронимов Украины (СГУ):

Десенка л. приток Южного Буга.

Десенка л. рукав Днепра.

Десенка п. рукав Днепра у Вышгорода (Киевско-Святошинск. р-н Киевск. обл.).

Деснівка приток (какой? — Н. Т.) Случи → Горынь → Припять → Днепр.

В бассейне Оки Г. П. Смолицкая зафиксировала следующие названия:

Дёсенка = Десна л. → Пахра п. → Москва.

Десна л. → Гуслица л. → Нерская (Мерская) л. → Москва³.

Шуйка, Шувайка, Шувойка п. → Сетовка л. → Северка п. → Москва.

Шулешка п. → Вашана п. → Ока.

Шуенка ручей → Нозога п. → Уводь л. → Клязьма.

Левкуша → Кувтига л. → Колокша л. → Клязьма.

Правой (левый овраг) → Любенка л. → Смедва п. → Ока.

(Смолицкая, 1976)

Для рек *Шуенка* и *Левкуша* нет указания, какими, правыми или левыми, притоками они являются.

«Словарь русских речных названий» М. Фасмера отмечает в бывш. Тверской губернии (по данным Списка населен-

³ Сведения даются по книге И. А. Здановского «Каталог рек и озер Московской губернии» (М., 1926), которой как более новому надежному источнику можно отдать предпочтение. По данным «Губернских и уездных карт, атласов и планов городов Генерального межевания. Московская губерния» (ЦГАДА, ф. 1356), Десна правый приток р. Речицы правого притока р. Нерской левого притока р. Москвы. Последние сведения, вероятно, ошибочные. Г. П. Смолицкая лишь отмечает указанный разнбой, никак его не комментируя.

ных мест Тверской губернии) следующие интересующие нас гидронимы:

Десна река у населенного пункта Холынка и Кокош в районе Ржева.

Десна река около Вязьмы приток Шоши Волжского бассейна.

Десна река около населенного пункта Лойка в районе Весе-гонска.
(Vasmer, 1960)

Увы, вновь отсутствуют важные детализирующие указания.

В целом восточнославянский материал показывает, что в подавляющем числе случаев гидроним *Десна* относится к левым притокам, а *Шуйца* и т. п. — к правым, хотя число последних невелико.

Есть, однако, примеры, когда *Десна*, *Десенка* оказывается правым притоком, а *Шуловка* левым притоком. Эти примеры единичны и потому могут быть специально и подробно рассмотрены.

П. Л. Маштаков отметил в б. Смоленской губ. реку *Десна* — правый приток р. Рясны. Эта речка относится к небольшому бассейну р. Осьмы, притока Днепра. Из ее географических особенностей следует отметить тот факт, что ее исток и недолгое течение находятся в непосредственной близости к истоку большой Десны, крупнейшего притока Днепра (см. карту П. Л. Маштакова, приложенную к его труду). Случай, когда названия вод, не связанных непосредственно с той или иной большой рекой, даются по названиям этих больших рек, не единичны в славянской гидронимии.

Другим «исключением» оказывается *Десенка* на Черниговщине — правый приток Олешни (→ Беседь → Сожь). Его можно и, видимо, следует объяснить трансформацией из *Тесенка* в результате озвончения начального глухого согласного. Подобная двойственность названия отмечена для *Десновки* — *Тесловки* — *Тесли*, связанной с той же рекой *Беседь* и далее с Сожью (см. выше). Отметим, что с рекой Беседью связана и *Тесновка*, и, наконец, в бассейнах Припяти известны *Тес*, *Тесь*, а Сулы — *Тесмень* (*Тесмин*) и т. п. (по данным П. Л. Маштакова). На наш взгляд, концентрация гидронимов с корнем **tes-* в зоне реки Беседи не случайна и не случайно, что рассматриваемое исключение относится к этой зоне. Тем не менее анализ группы гидронимов с корнем **tes-* — задача особая, выходящая за рамки этой статьи.

Что же касается *Шулевки* в бассейне Днепра — левого притока р. Быстрой, то здесь первичная мотивация речного имени могла быть вызвана не словом **šujь* 'левый', а словами **šulo* или **šul'ak*, имеющими значения, далекие от 'левый'. Изложение этих значений заняло бы много места и, видимо, оно излишне, тем более, что это уже было нами сделано в другой работе (см. наст. изд., с. 321–328). Справедливости ради следует сказать, что и гидроним *Шулячий*, хотя он и является правым притоком и как будто подтверждает общее «правило», вернее всего возникло от слова *шуляк* 'ястреб', а не от прилагательного, сохранявшего значение 'левый'.

Что касается названия правого рукава самой реки Десны — *Десенка*, нам кажется вполне естественным, что он носит такое название. Семантически *Десенка* это — 'малая Десна', 'часть Десны' независимо от того, правая она или левая. Легко объясняется и правый рукав Днепра — *Десенка*. Он протекает у Вышгорода в непосредственной близости от впадения Десны в Днепр и может быть интерпретирован как 'часть Днепра, что у Десны', 'малый боковой отрезок Днепра у Десны'.

Но общая картина была бы неполной без обращения к южнославянскому материалу. Известный нам западнославянский материал, кроме уже отмеченных чешско-моравских фактов, хорошо подтверждающих «правило обратного наименования» по принципу правый/левый, не дает дополнительных интересных сведений.

На южнославянской территории надежно зафиксировано значительное число гидронимов: *Десна* — правый, самый крупный приток (25 км протяженностью) реки Бабуна, которая, в свою очередь, впадает в Вардар. Однако есть все основания предполагать, что это название недавнего происхождения, так как, во-первых, по сей день эта река имеет и иные названия, во-вторых, в древности название *Десна* не зафиксировано, а некоторые другие названия той же реки фиксировались. Так, по обобщающим материалам Ив. Дуриданова, самый крупный приток Бабуны назывался тоже *Бабуна*, *Река*, *Изворштица*, *Црничка река*, *Черна* (? — Н. Т.) В памятниках зафиксирована *Чрьмница* (под 1544–1546 гг.) от др.-сл. **сьгтьлѣ* 'красный, червонный'. Это название, видимо, стало источником современного широко зафиксированного гидронима *Црничка река*, в то время как *Черна* по-

что наверняка та же, но обогаренная форма (*црн* > *черн*). Форма *Черна* отмечена в «Военно-географическом очерке Македонии» А. Блыскова, изданном Болгарским генштабом в 1904 г. Вероятнее всего, помимо названий *Чръмница*, *Црни-чка река*, *Изворчица* и т. п. этот самый большой приток Бабуну назывался также *Бабуна*. Подобный случай известен с большой рекой — южнославянской *Моравой*, название которой распространяется на обе сливающиеся чуть севернее гор. Сталача реки, продолжающие свое единое течение тоже под именем *Морава*. Названия *Западная Морава*, *Южная Морава* и затем *Великая (Большая) Морава* — позднего, если можно так выразиться, «книжного» или «научного» происхождения. Можно предположить, что одна из Бабун — меньшая и правая по отношению к течению другой Бабуну — была таким же образом, как и Южная Морава, названа **Десна Бабуна*, а затем зафиксирована и как просто *Десна*, или **Десна Река*. Все это, однако, требует проверки⁴. Название *Десна* отмечают тот же Блысков (Бльсков, 1904), Хаджи-Василевич (Хаџи-Васильевић, I) и Цвиич (Цвијић, I). Видимо, по источникам Й. Цвиича, т. е. по его карте «Основы географии и геологии Старой Сербии и Македонии» (т. I—III, 1906—1911), приводится *Десна река* в качестве сербскохорватского, а не македонского гидронима. Так, в книге М. Р. Фасмера «Славяне в Греции» приводится топоним *Δεσνόν*, затем дается его этимология с указанием ст.-сл. *дѣснѣ*, болг. *десен*, серб. *десан* и праслав. **desъnъ* и, наконец, отмечается: «Славянское слово *desnъ* встречается в таких местных названиях, как серб.-хорв. *Десна Река*, *Десна Лука* и т. д. Ср. впрочем серб.-хорв. *Desin*, словенск. *Desine*» (Vasmer, 1941, S. 133). Источники и характер местного названия (Ortsname) *Десна Река* у М. Р. Фасмера остаются неясными.

⁴ В связи с этим и рядом других вопросов все острее ощущается необходимость тщательного полевого сбора топонимического, в первую очередь гидронимического, материала для проверки фактов из других, часто не очень надежных источников. Так, известно, что ряд данных, извлекавшихся тем же П. Л. Маштаковым из карт, изданных Генеральным Штабом, прошел неоднократные преобразования, например, белорусский и украинский материал был сначала полонизован в ряде карт, а затем с польского варианта русифицирован, что привело к многочисленным формальным трансформациям. Подобные явления можно наблюдать и на южнославянском материале. Обращение к первоисточнику, к местному произношению и называнию может снять многие спорные вопросы.

Более определенная, хотя и, вне сомнения, неполная картина выявляется с южнославянскими гидронимами с корнем или компонентом **lěvъ* 'левый'. В том же бассейне Вардара имеется небольшая речка (7 км длины) *Лева река* — правый приток р. Пеклянска река (→ р. Осојница → р. Брегалница → р. Вардар). *Лева река* течет восточнее г. Кочани.

В Юго-Западной Болгарии в районе г. Кюстендил (Кюстендилско краище) в бассейне р. Струмы имеется небольшая горная речка *Лева река* — правый приток р. Псэница, иначе Пенковска (→ Дивлянска → Треклянска → Струма) (Захариев, 1918, с. 45).

В той же зоне, в северо-восточной части горной области Пиянец, судя по данным Й. Захариева, в бассейне реки Граштичкой (или Рашкографштичкой) дважды повторяются парные названия небольших речек — горных потоков *Десна* и *Лева*, притом каждый раз они относятся соответственно к левым и правым притокам. Так, левый приток *Десна река* и правый приток *Лева река*, сливаясь, образуют реку Рашкографштичку (→ Струма), а правый приток *Лева река* и левый приток *Десна* (или *Крагуйска*) река образуют Згуровску реку, впадающую, видимо, в Кадровштицу и затем в Рашкографштичку реку (→ Струма). По этому поводу Й. Захариев заключает: «В нашей области (Кюстендилский край и Пиянец. — Н. Т.) крестьяне в большинстве случаев называют притоки рек левыми и правыми не по направлению общего течения рек, в которые они вливаются, а против их течения» (Захариев, 1949, с. 27, 331, 337). Отметим при этом, что все протяжении реки Граштичкой (Рашкографштичкой) не превышает 15,5 км, так что речки *Лева* и *Десна* очень незначительны по величине и протяженности.

В центральной Болгарии в трех соседних зонах — Троянско, Севлиево и Габровско — Н. П. Ковачев зафиксировал среди прочих следующие гидронимы:

Троянско: *Лева Видима* (Л'ѣвъ Видимъ) является фактически правым притоком р. Видима, так как она, сливаясь с р. Стърна река, образует уже р. Видима (р. **Десна Видима* не существует). Эти обе реки впадают в р. Видима в одном месте — *Лева Видима* справа, а *Стърна река* слева. Река *Видима* — левый приток р. Росицы (→ Янтра → Дунай) (Ковачев, 1969, с. 165).

Севлиево: *Левѣца* правый приток р. Боазка (→ Видима → Росица и т. д.) (Ковачев, 1961, с. 25).

Габровско: *Левá, Левá рекá* (протяженность 1,5 км) правый приток р. Еловица (→ Янтра) (Ковачев, 1965, с. 31, 124).

Протяженность всех этих рек очень невелика. Все эти реки — правые притоки. Н. П. Ковачев напоминает, что в Болгарии есть еще реки с подобным названием (*Лева река* во Врачанском Балкане, т. е. в районе г. Враца и в других зонах), однако не приводит необходимых уточняющих данных.

Любопытно отметить, что приток Дуная р. Искыр, вытекающая из Рыльских гор и носящая имя *Черни Искър*, принимает свой первый правый приток под названием *Леви Искър*, а затем следующий правый приток под названием *Бели Искър*. Такое же положение наблюдается в Пиринском крае, где *Белая* и *Черная Места* образуют *Месту*.

Особого объяснения требует гидроним *Левача река* (протяженностью 3 км) — левый приток р. Големача (Боипшка река → Црна → Вардар) в бассейне Вардара. И. Дуриданов полагает, что ее следует этимологизировать как *lěvъ* 'левый' + суф. *-аџа* (Duridanov, 1975, S. 208). Однако в данном случае, на наш взгляд, нужно отдать предпочтение иному этимону и связать *Левача* с глаголом **liti* 'лить'. На возможность связи ряда южнославянских гидронимов с этим глаголом указывал и Н. П. Ковачев, что не отрицает активного участия прилагательного **lěvъ* 'левый' в славянской гидронимии. То, что здесь вероятнее всего связь с глаголом **liti*, убеждает нас обзор 700 слов с суф. *-аџа* в сербскохорватском языке, сделанный на основе обратного словаря Й. Матешича (Matešić, 1965). С.-хорв. суф. *-аџа* сочетается с глагольными корнями (*уљевача, вртача, дрљача, прегача, варјача, пожегача, стругача* и др.), с корнями существительных (*српача, брестача* и др., а также *усњача, носњача, топњача*, где уже суф. *-њача*) и очень редко — прилагательных (*црвењача*, где также допустима трактовка с суф. *-њача*). В обратном словаре македонского языка (ОРМЈ) имеются только три слова с суф. *-аџа*: *вртача, skutаџа, церовача*. Отметим также, что сербскому языку известно слово *левак* 'воронка'.

Таково положение с южнославянским материалом, который выявлен в македонской, западноболгарской и среднеболгарской зоне и будет, надо надеяться, в будущем пополнен новыми фактами. Материал демонстрирует довольно последовательное употребление прилагательного **lěvъ* при номинации правых притоков.

Словенский и сербскохорватский материал, тщательно собранный и внимательно проанализированный загребским славистом Даниелем Алеричем (Alerić, 1979, 1980), демонстрирует еще более убедительную картину. Так, в Словении *Desnica* (вариант *Pesnica*, длина 79 км) является левым притоком р. Дравы, а *Šujca* (вариант *Šujica*) — правым притоком р. Градашчицы, втекающей в Церклянское озеро. Из общего «правила» несколько выпадает *Levica*, название левого рукава (длина 12 км) р. Савиньи (→ Сава → Дунай), возможно, из-за связи с другим этимолоном (**liti*) или из-за иной ориентации. В Хорватии интересующий нас тип гидронимов не зафиксирован, а в Боснии и Герцеговине *Десна* — первый значительный левый приток р. Врбас (→ Сава), *Лијева ријека* — правый исток Фойничкой реки (→ Босна → Сава), а *Шујица* — вероятно, первоначально, по предположению Д. Алерича, правый приток современной *Шуицы* — реки «понорницы» (уходящей под землю), левого притока р. Ябланицы (→ Неретва), так же как и *Шујица* — правый приток р. Сеоницы, впадающей в искусственное Ябланичкое озеро. В Черногории *Десна ријека* — левый приток (длина 4 км) речки Мойански (в среднем и нижнем течении р. Перучицы), протекающей в зоне г. Колашина; *Десна ријека* — левый исток (= приток) р. Велички (→ Лим → Дрина → Сава), в то время как правый исток (= приток) той же реки называется *Лијева ријека*; другая *Лијева ријека* — правый приток р. Свинячи (→ Тара → Дрина → Сава); *Лјеваја* — правый приток р. Ножицы (в зоне г. Колашина), *Лјевак* (*Лјевок?*) — правый исток (длина 2 км) р. Бистрицы (в зоне г. Колашина), *Лјеваш* (*Лјевош?*) — правый приток (длина 4 км) р. Коморачи (→ р. Бабинопольска → Лим → Дрина → Сава). В Сербии известны: *Десна река* — левый исток р. Добрански (→ Дунай), а правый исток той же реки Добранской называется *Лева река*; затем *Десна река* — левый приток р. Йошаничкой (→ Млава → Дунай), в районе г. Петровац; *Десна река* — левый исток р. Мала река (? → Дунай), правый исток которой называется *Лева река* (в районе г. Доли Милановац); *Десна река* — левый исток реки Срдальской (→ Турия → Южная Морава → Морава → Дунай). Эта *Десна река* длиной в 4 км, в ее конце в нее впадает правый исток р. Срдальской, называемый *Лева река* (в районе г. Прокупле); *Лева река* — правый приток р. Годачичкой (→ Западная Морава → Морава) (в районе г. Крушевца); *Лева*

река — правый приток р. Големе (→ бассейн Тимока → Дунай) (восточнее г. Княжевца); *Лева река* — правый истоковый приток р. Тибушки (вероятно, бассейна Струмы; восточнее г. Вране); *Левача (Ловача?)* — правый исток р. Радичевачкой (вероятно, бассейн р. Тимок).

Число «левых» рек в Сербии, Черногории и Боснии и Герцеговине превышает число «правых», но все они, почти без исключения, обозначают левые и правые притоки в ориентации, обратной нашей современной и принятой в гидрографии.

Изложенный материал свидетельствует в пользу мнения А. А. Шахматова, М. Р. Фасмера и Т. Лер-Сплавинского о славянской этимологии гидронима *Десна*. Он демонстрирует также довольно последовательное наименование правых, по нашему современному представлению, рек левыми, а левых — правыми, что является результатом ориентировки против течения, а не по течению. В пользу такой ориентировки можно выдвинуть несколько экстралингвистических аргументов, о которых речь пойдет ниже. Вместе с тем имеющийся и рассмотренный целиком материал говорит о том, что «миграционная» версия (славянская — А. А. Шахматова, П. Л. Маштакова, балтийская — О. Н. Трубачева) едва ли приемлема. Против нее свидетельствуют названия довольно многочисленных мелких рек (от 1,5 до 5 км и немногим более), которые в свете больших миграционных волн оказываются ничтожными. Еще менее вероятна миграционная версия применительно к балтийскому материалу, хотя бы потому, что вообще названия «правый» и «левый» не типичны для литовской гидронимии. По спискам «Названий рек и озер Литовской ССР» (LUEV) и данным монографии А. Ванагаса «Образование гидронимов Литовской ССР» (Vanagas, 1970, см. также Vanagas, 1981) известны только два озера *Kairenų ežeras* и *Kairių ežeras*, что в районе Шауляя. В том же районе отмечена река *Kairupis*, вероятно, связанная с озером. В этих случаях *kairūs* 'левый' имеет скорее значение 'кривой', 'искривленный', что вполне объяснимо в общей балто-славянской и европейской перспективе — см. наблюдения В. Н. Топорова (Топоров, 1980, с. 69) над топонимом *Вильна*, словарь Е. Френкеля (Fraenkel, I) и др. источники, тем более, что названия относятся в первую очередь к озерам, для которых трудно применима номинация по ориентации правый/левый.

К сожалению, мы не располагаем сведениями по гидронимии ираноязычных территорий, и авторы, высказывающие предположение о происхождении русской *Десны* из иран. (авест.) *dašina*, не приводят свидетельств из иранской гидронимии.

Трудно принять и «табуистическую» версию М. Р. Фасмера, хотя бы потому, что его пример из древнегреческой языковой практики относится к такому значительному водному объекту, как море, а остальные примеры связаны с апеллятивной лексикой. Способ номинации гидронимов (рек) по принципу *bonus/malus* на славянском и родственном ему материале нам неизвестен. Неизвестны и не изучены факты табуирования славянских топонимов.

Такие, довольно частые, наименования, как *ржавый*, *гнилой*, содержат отрицательный момент в самой качественной характеристике, а не в абстрагированной форме (как, например, *хороший*, *добрый*).

Нельзя также безоговорочно утверждать, что восточные и западные славяне никогда не имели апеллятива **desnъ* 'правый' и что это слово — лишь южнославянский диалектизм в общеславянском масштабе или церковнославянизм, проникший в русский язык. Возможность распространения этого слова, пусть даже не очень широкого, у предков нынешних восточных и западных славян подтверждается не только довольно значительным числом гидронимов с определенной достаточно устойчивой привязанностью к левым притокам, но и обратной ситуацией — наличием, до недавнего времени малоизвестным, лексем **pravъ* 'правый, dexter' в очень реликтовом виде в весьма немногочисленных окраинных южнославянских диалектах. Употребление прилагательного **pravъ* 'правый, dexter', как мне уже приходилось отмечать, находится на стадии полного угасания, да и сами эти диалекты либо исчезли, либо исчезают (македонско-солунский, эгейско-фракийский, некоторые чакавские)⁵. *Прав* 'правый, dexter' на южнославянской территории заметили недавно, а встречающиеся в восточнославянских говорах слова от корня **desn-* ныне многими воспринимаются как церковнославянизмы. Так же они оцениваются при их обнаружении,

⁵ В добавление к приведенному мною в 1965 г. материалу (см. наст. изд., с. 144–152) можно указать на употребление *прав* 'правый, dexter' в сербском диалекте села Свиница, что в румынском Банате недалеко от Железных Ворот на Дунае (Зечевић, 1971, с. 91).

кстати очень частом, а иногда и регулярном, в древнерусских памятниках. Однако в украинских диалектах есть некоторые формы, которые трудно охарактеризовать как церковнославянские и книжные. К таковым относятся приводимые Б. Д. Гринченко по материалам Е. Желеховского и Н. Закревского: *дѣсбіч* 'по правую сторону', *десбічний* 'направо лежащий', наряду с *десній* 'правый' и *дѣсна* 'десница, правая рука' («Не дарма звав її своєю десною». — О. Стороженко) (Гринченко, I). Необходима, однако, проверка имеющегося и сбор нового материала.

Трудно категорически настаивать на том положении, что отдельное водное (речное) название, скажем, та же *Десна*, основной левый приток Днепра, не может иметь иной этимологии, кроме славянской. В тех или иных случаях и особенно в конкретных зонах, в зонах разноэтнических контактов (прежних или современных), нужно считаться со славянизацией иноязычных форм, как, например, в приведенном А. И. Поповым названии реки *Шуя*, впадающей в Онежское озеро (не притоком!) и вытекающей из *Шуезера* (фин. *Суоярви*, карельск. *Шуоярви*). Действительно, иногда одинаковые по форме гидронимы и оронимы восходят к разным этимонам. Это положение элементарно и давно известно. Но массовому материалу и аргументации одной версии, в данном случае славянской, должен быть противопоставлен аргументированный и тоже предпочтительно обильный материал другой версии. Иранская гипотеза, увы, его не предлагает, а финская тем более. Крайне любопытно небольшое скопление гидронимов *Десна* в верховьях Волжского бассейна, но сведения о них отрывочные, неполные и непроверенные, и мы не знаем даже, относятся ли все фиксированные названия к разным объектам и какими притоками, правыми или левыми, эти объекты являются.

Как явствует из всего изложенного, наиболее вероятной версией является славянская. К ней склоняет нас новый обильный материал, связь с лексемами **lěvъ*, **šijъ* и даже **pravъ* через довольно последовательно проведенную привязанность гидронимов к правым или левым притокам, наконец, география гидронимов, их распространение. Для окончательного утверждения этой версии, однако, нужно объяснение, касающееся принципа номинации по соотношению «правый/левый» и притом соотношению, обратному то-

му, которое принято в современной географии и современном обиходе.

Отметим тут же, что наличие названий **lěva* и **desna* для очень малых правых и левых притоков (притом несудоходных) сразу же отмечает гипотезу о наименовании интересующих нас рек соответственно с движением (плаванием) по реке с торговыми и т. п. целями. Мордва, например, утверждал А. И. Попов, не была столь подвижна и мало плавала «в особенности вверх по течению рек, а поэтому мы имеем там обозначение левых притоков крупных рек (например, Волги), исходя из их положения по течению реки» (Попов, 1965, с. 38–41). Вопрос этот в применении к финноугорским объектам еще ждет своего рассмотрения.

Так называемое «обратное» обозначение притоков терминами «правый» и «левый» можно попытаться объяснить двумя способами — ономастическим и этнографическим.

Во-первых, следует обратить серьезное внимание на то, что многие реки имеют разные названия, и эти названия относятся либо к верхнему течению до впадения какой-либо реки, либо к отдельным отрезкам реки в ее верхнем течении, либо ко всей реке целиком. Последний случай — особый, а первые два указывают на большую устойчивость имени реки в нижнем ее течении, чем в верхнем. Во-вторых, интересны случаи, когда исток реки, несколько верхних небольших притоков носят то же имя реки, но с дополнительными определителями-прилагательными и т. п. Например, болг. *Искър*: *Бели Искър*, *Леви Искър*, *Черни Искър*; рус. *Любинка* (приток Смедвы, притока Оки): *Сухая Любинка*, *Мокрая Любинка*. Примеров первого и второго порядка — множество, их следовало бы изложить в отдельном разыскании. Очевидно, что наименование и «ономастическое освоение» реки идет, как правило, от более полноводной, основной, низовой ее части к менее полноводной, верхней, мелко-разветвленной части, т. е. снизу вверх, а не сверху вниз. Сначала выявляется, осваивается *Искър*, а потом «разные» *Искър-ы* — *Бели*, *Леви*, *Черни*. Возможен и такой случай, как р. *Северка*, правый приток р. Москвы, имеющий два речных истока, две речки — *Северка I* и *Северка II*. *Северка I* имеет водоем *Северские вершки*, *Северка II* принимает приток *Северка Гнилуша* (она же *Северка Гнилушка*, *Гнилая Северка*). Или истоки реки имеют иное имя, чем сама река, и лишь при слиянии двух истоков «образуется» та

или иная река. Только в бассейне Оки можно найти немало подобных примеров: р. Рудаковка + р. Медведевка = Дуба (→ Москва-река), р. Фоминская + руч. Степановский = р. Колоочь (→ Москва-река), р. Журавка + р. Погибаловка = р. Березинка (→ Осетр → Ока), р. Комаровка + р. Павловка = р. Мшанка (→ Проня → Ока) и т. п. Таким образом, вопрос, имеет ли река один исток или более или вообще «не имеет истока», — вопрос чисто номинационный, а не географический.

В общем того же характера и наименования рек-притоков по имени основной реки или реки, в которую впадает приток: *Десна — Десенка, Сула — Сулка, Соля — Посолок, Ирша — Иршица, Орель — Орчик, Рось — Роська*, болг. *Арда — Малка Арда* и т. д. Эти случаи также заслуживают отдельного рассмотрения.

Любопытные результаты может дать и анализ «гидронимической синонимии», т. е. разных названий одного и того же гидронимического объекта, взятого целиком (а не по отрезкам, как отмечалось выше). Так, в бассейне р. Оки один из левых притоков р. Пахры называется *Пахорка* или *Малая Пахорка*, или *Десна*. (Кстати, не могли ли быть в прошлом гидронимы типа *Десна река — Лева река* и **Десна Пахра, *Десна Пахорка?*) Все это говорит об ориентировке, идущей в направлении от больших рек к меньшим, от больших — к малым, от устья к истокам, т. е. об ориентировке наблюдателя («номинатора»), обращенного лицом против течения.

Большое значение для решения вопроса об этимологии днепровского притока *Десны* и других крупных одноименных славянских рек имеет свидетельство крупнейшего сербского этнографа Миленка Филиповича о том, что простой сербский люд считает правые и левые речные притоки, ориентируясь против течения, а не по течению (Filipović, 1962). Это утверждение М. Филиповича проверял в Боснии (район гор. Ливно) Д. Алерич и его ученики. Они сообщают также, что левая и правая сторона определяется в позиции, когда человек стоит лицом к стремящемуся к нему потоку воды. Есть все основания полагать, что это древняя общеславянская особенность.

Что касается этнографических данных, которые бы могли сослужить хорошую службу при разрешении вопроса об ориентации по течению или против течения, то они немно-

гочисленны, отрывочны и требуют дополнительного сбора материала. Все же есть некоторые основания полагать, что в ряде ритуальных актов у проточной воды занимаемая действующим лицом позиция должна быть навстречу текущей воде. Интересны и славянские представления, по которым особенно благоприятны и отмечены положительным знаком места, где сливаются два водных потока в один, и, наоборот, нечистым, отмеченным отрицательным знаком оказывается то место, где водный поток раздваивается и из одной реки образуются две (по-сербски это называется *средорек*). Эти представления находят свое подтверждение в многочисленных примерах, отражающих благоприятное свойство нечетных чисел 1, 3, 7, 9 (особенно 3 и 3×3) и неблагоприятную, бесовскую сущность числа 2 и некоторых иных четных чисел.

В заключение приведем четыре примера из представлений, связанных со слиянием либо раздвоением реки или ручья. Первый зафиксирован В. Ивановым в б. Витебском уезде Витебской губернии в 1910 г.: «Чтобы коровы были молочны, нужно на Чистый четверг до восхода солнца черпать воду в тех местах, где два ручья сливаются вместе. Этой водой нужно мыть у коров вымя и соски и приговаривать: «Як ета вода прибувайт, так молоко прибувало у короў» (Иванов, 1910). Второй записан в среде шуйских крестьян (Владимирск. губ.) В. Борисовым и кратко отреферирован Д. К. Зелениным: «В некоторых местах уезда (Шуйского. — Н. Т.) есть так называемые *встречники*, т. е. истоки рек, впадающих одна в другую; такие места почитаются целебными от разных болезней, особенно от лихорадки: лихорадочные больные купаются в местах при слиянии рек тайно ночью; при выходе из воды больной некоторое пространство должен пройти «пятком»: иначе целебная сила будет недействительною» (Зеленин, 1914, вып. 1, с. 158). Третий пример относится к восточносербской зоне Буджак (севернее гор. Пирот) и записан Н. Пантеличем в 1974 г.: «На кладбище не хоронят некрещеных детей. Таких детей обычно хоронят в саду, в поле (пахотном), на лугу или даже в хлеву. Висельников и утопленников и всех покончивших жизнь самоубийством тоже не хоронят на кладбище, а в *средорек*-е, там, где река раздваивается, или у берега, чтобы их река «унесла» (Пантелић, 1974, с. 214). Четвертый зафиксирован также в Сербии, он свидетельствует о благоприятном локусе. Т. Джорджевич приводит наблюдения Радосав-

левича (1899) о том, что в том месте, где сливаются две реки Моравы, западная и южная, и начинается одна Моравы, «есть такое дерево, которое называется “давина” (мускат), орешек которого нужно съесть (проглотить), после чего женщина тут же забеременеет (средство от бесплодия. — Н. Т.). Некоторые рекомендуют орешек запить водой, освященной на Крещение, а некоторые — водой, освященной священником на празднике “славы” (“крсно име”)» (Ђорђевић, 1941, с. 16). Таким образом, сербские представления в принципе те же, что и у русских, и являются фрагментом общеславянского наследия в области духовной культуры.

Несмотря на многочисленные древнерусские и древнеславянские свидетельства о требах у реки и поклонениях рекам, о которых нам уже приходилось писать в связи с вызыванием дождя у колодца (Толстые, 1981), современный этнографический материал по этой теме скуден, а его целенаправленное собирание еще никем не проводилось.

ЛИТЕРАТУРА

- АБГ.** Атлас болгарских говоров в СССР. М., 1958.
- АИЯЭ, 1977.** Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1977.
- АИЯЭ, 1983.** Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Язык и этнос. Л., 1983.
- Андреев, 1964.** *Н. Д. Андреев.* Передача болгарских имен собственных в русском языке // Топономастика и транскрипция. М., 1964.
- Анненков, 1878.** *Н. Анненков.* Ботанический словарь. СПб., 1878.
- Анучин, 1890.** *Д. Н. Анучин.* Сани, ладя и конь как принадлежности похоронного обряда. Археолого-этнографический этюд. М., 1890 [Древности. Труды Московского археологического общества. Т. 14].
- АОС.** Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. М., 1980—. Вып. 1—.
- АРНГ.** Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. Карты. М., 1957.
- Архипов, 1984.** *А. А. Архипов.* Об одном древнем названии Киева // Вопросы русского языкознания. М., 1984. Вып. 5. С. 224—240.
- АУМ.** Атлас української мови. Київ, 1984. Т. I. Полісся, Середня Наддніпрянщина і суміжні землі. 1988. Т. II. Волинь, Наддністрянщина, Закарпаття і суміжні землі.
- Афанасьев, 1865.** *А. Н. Афанасьев.* Народные поэтические представления радуги // Филологические записки. Воронеж, 1865. Вып. I. С. 35—48.
- Афанасьев, I—III.** *А. Н. Афанасьев.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865—1869. Т. I—III.
- Бакотић, 1936.** *Л. Бакотић.* Речник српскохрватског књижевног језика. Београд, 1936.
- Бандрівський, ркп.** *Д. Г. Бандрівський.* Матеріали до діалектного словника Бориславського і суміжних районів Львівської області (рукопись).
- БД.** Българска диалектология. София, 1962—1981. Кн. I—X.
- БДА.** Български диалектен атлас. София, 1964—1980. Т. I—IV.
- Белич, 1909.** *А. И. Белич.* Заметки по чакавским говорам // Известия ОРЯС АН. СПб., 1909. Т. XIV, 2.

- Белић, 1935. А. Белић. Галички дијалекат // СДЗб. 1935. Књ. VII.
- Белић, 1950. А. Белић. Правопис српскохрватског књижевног језика. Београд, 1950.
- Белић, 1960. А. Белић. Основи историје српскохрватског језика. 1. Фонетика. Београд, 1960.
- Белић, б/г. А. Белић. Српски језик. Фонетика. Београд, б./г.
- БЕР. Български етимологичен речник / Съст. Вл. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев. София, 1962-. Кн. I-.
- Берман, 1873. И. Берман. Календарь по народным преданиям в Воложинском приходе Виленской губернии, Опшмянского уезда // Записки Имп. русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1873. Т. V.
- Бернштейн, 1961. С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.
- Бессараба, 1903. И. В. Бессараба. Материалы для этнографии Седлецкой губернии // Сб. ОРЯС. СПб., 1903. Т. XXV, № 7.
- Білецький-Носенко, 1966. П. Білецький-Носенко. Словник української мови. Київ, 1966.
- Бљсков, 1904. А. Бљсков. Военно-географически очерк на Македония. София, 1904.
- Богораз, 1901. В. Г. Богораз. Областной словарь колымского русского наречия. СПб., 1901.
- Бодров, ркп. Н. Бодров. Наречие и областной словарь Переяславского уезда. 1848. Рукопись // Архив АН. Фонд 216, оп. 4.
- Бодуэн де Куртенэ, ркп. И. А. Бодуэн де Куртенэ. Резьянский словарь. Рукопись // Архив АН. СПб. Фонд 102, оп. 1, № 9.
- Бодуэн де Куртенэ, 1904. И. А. Бодуэн де Куртенэ. Материалы для южнославянской диалектологии и этнографии. СПб., 1904. Т. II.
- Бодуэн де Куртенэ, 1966. И. А. Бодуэн де Куртенэ. Резьянский словарь // Славянская лексикография и лексикология. М., 1966. С. 183-226.
- Божкова, 1962. З. Божкова. Принос към речника на софийския говор // БД, 1962. Кн. I. С. 241-273.
- Борщев, ркп. П. Д. Борщев. Слова, взятые из живой речи г. Калуги и Калужской губернии. Рукопись // Архив Ин-та русского языка. СПб.
- Бояджиев, 1971. Т. Бояджиев. Речник на говора на с. Съчанли, Гюмюрджинско // БД, 1971. Кн. VI. С. 5-135.
- Брдарски, 1952. Д. Брдарски. Зборови од Светиниколско // Македонски јазик. Скопје, 1952. Год. III, № 3.
- БРС. Беларуско-руски слоўнік / Под ред. К. К. Крапівы. М., 1962.

- БТР. Л. Андрейчин, В. Георгиев, Ст. Илчев, Н. Костов, Ив. Леков, Ст. Стойков, Цв. Тодоров. Български тълковен речник. София, 1955.
- Будде, 1892. Е. Ф. Будде. К диалектологии великорусских наречий // Русский филологический вестник. Варшава, 1892. Т. XXVIII, № 3.
- Бузук, 1928. П. Бузук. Спроба лінгвістичнае геаграфіі Беларусі. Мінск, 1928.
- Булаховский, 1949. Л. А. Булаховский. Деэтимологизация в русском языке // Труды Ин-та русского языка. М., 1949. Т. I. С. 147–209.
- Бялькевіч, 1970. І. К. Бялькевіч. Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. Мінск, 1970.
- Ван-Вейк, 1950. Н. Ван-Вейк. К истории фонологической системы в общеславянском языке позднего периода // Slavia. Praha, 1950. Roč. XIX, seš. 3–4.
- Бархол, Івченко, 1990. Н. Вархол, А. Івченко. Фразеологічний словник лемківських говірок Східної Словаччини. Пряшев — Братіслава, 1990.
- Василев, 1967. Хр. Василев. Към славянската фразеология: *прави ми скомина* // Български език. 1967, № 3. С. 251–252.
- Васильев, 1962. Л. М. Васильев. Опыт структурно-сопоставительного анализа лексики современных славянских языков (некоторые названия деревьев и кустарников) // Славянский филологический сборник. Уфа, 1962.
- Васнецов, 1908. Н. М. Васнецов. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка, 1908.
- Вахрос, 1959. И. С. Вахрос. Наименования обуви в русском языке. Хельсинки, 1959.
- Ващенко, 1960. В. С. Ващенко. Словник полтавських говорів. Харків, 1960. Вип. I.
- Ващенко, 1962. В. С. Ващенко. З історії та географії діалектних слів. Харків, 1962.
- Велецкая, 1969. Н. Велецкая. Языческие представления о загробной жизни и рудименты их в славянской народной традиции // Македонски фолклор. Скопје, 1969. Год. II, № 3–4. С. 317–326.
- Вендина, 1970. Т. И. Вендина. Славянские гидронимы фитонимического и зоонимического происхождения (к семантической классификации). Дипломная работа. Каф. рус. языка МГУ. 1970.

- Вештарт, 1966.** Г. Ф. *Вештарт*. Некоторые семантические проціпастаўленні у лексіцы ежы // Беларускі лінгвістычны зборнік. Мінск, 1966.
- Видоески, 1962.** Б. *Видоески*. Кумановскиот говор. Скопје, 1962.
- Видоески, 1968.** Б. *Видоески*. Дебарските говори // Македонски јазик, Скопје, 1968. Год. XIX. С. 59–96.
- Виноградов, 1968.** В. В. *Виноградов*. Чтение древнерусского текста и историко-этимологические каламбуры // ВЯ. 1968, № 1. С. 3–22.
- Витов, 1964.** М. В. *Витов*. Антропонимические данные как источник по колонизации русского Севера // История СССР. 1964, № 6.
- Витов, 1964а.** М. В. *Витов*. Этнические компоненты русского населения Севера (в связи с историей колонизации). М., 1964.
- ВОЛА, 1963.** Вопросник общеславянского лингвистического атласа. Warszawa, 1963. Кн. I–III. (ротапринт).
- ВОЛА, 1965.** Вопросник общеславянского лингвистического атласа. М., 1965.
- ВОЛАЛ.** Вопросник общеславянского лингвистического атласа. Лексика. М., 1961.
- Волегов, 1850.** Ф. А. *Волегов*. Собрание простонародных слов Пермской губернии. 1850. Рукопись // Уч. архив Всесоюзного геогр. об-ва. СПб.
- Волков, 1910.** Ф. К. *Волков*. Старинные деревянные церкви на Волыни // Материалы по этнографии России. СПб., 1910. Т. I. С. 21–44.
- ВЯ.** Вопросы языкознания. Москва.
- Гельмольд, 1963.** *Гельмольд*. Славянская хроника. М., 1963.
- ГЕМБ.** Гласник Етнографског музеја. Београд, 1926–. Књ. I–.
- Георгиев, 1960.** В. *Георгиев*. Българска етимология и ономастика. София, 1960.
- Герасимов, 1910.** М. К. *Герасимов*. Словарь уездного череповецкого говора // Сб. ОРЯС. СПб., 1910. Т. LXXXVII, № 3. С. 1–111.
- Герд, 1962.** А. С. *Герд*. Имена существительные с суффиксами *-ух-а* и *-уш-а* в русских народных говорах // Псковские говоры. Псков, 1962. С. 119–123.
- Геров, I–V.** Н. *Геров*. Рѣчникъ на блъгарскый языкъ съ тлъкуване рѣчи-ты на блъгарскы и на русскы. Пловдив, 1895–1904. Ч. I–V.
- ГЗМ.** Гласник Земаљског музеја у Босни и Херцеговини. Сарајево, 1888–. Књ. I–.

- Горов, 1962. Г. Горов. Странджанският говор // БД. 1962. Кн. I.
- Грандилевский, 1907. А. Грандилевский. Родина М. В. Ломоносова. Областной крестьянский говор // Сб. ОРЯС. СПб., 1907. Т. XXXIII, № 5.
- Григорян, 1975. Э. А. Григорян. Словарь местных географических терминов болгарского и македонского языков. Ереван, 1975.
- Гринко, 1962. Г. В. Гринко. Народные названия растений в молдавских говорах Котовского района МССР. Автореф. канд. дисс. Кишинев, 1962.
- Гринкова, 1962. Н. П. Гринкова. Вопросы исторической лексикологии русского языка. Л., 1962. [Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена. Т. 23].
- Грицак, 1968. М. А. Грицак. Матеріали до питальника для збирання назв народної метеорології говорів Закарпатської обл. Ужгород, 1968 (рукопись).
- Грінченко (Гринченко), I–IV. Б. Д. Грінченко. Словарь української мови. Київ, 1907–1910. Т. 1–4.
- Губернские карты. Губернские и уездные карты, атласы и планы городов. Московская губерния // РГАДА. Фонд 1356.
- Гуляев, ркп. С. Гуляев. Словарь областных речений, употребляемых русским народонаселением в Южной Сибири. Рукопись, 50-е гг. XIX в. // Архив АН. СПб. Фонд 216, оп. 4.
- Гура, 1972. А. В. Гура. Терминология севернорусского свадебного обряда. Дипломная работа. Каф. рус. языка МГУ. 1972.
- Гъбюв, 1900. П. К. Гъбюв. Тълкувания на природни явления, разни народни вярвания и прокобявания // СбНУ. 1900. Кн. XVI–XVII. Отд. II. С. 221–224.
- Гълъбов, 1965. Л. Гълъбов. Говорът на с. Доброславци, Софийско // БД. 1965. Кн. II. С. 3–118.
- Гяуров, 1892. А. Гяуров. Материал за български речник // СбНУ. 1892. Кн. VIII. Отд. 3.
- Гяуров, 1900. А. Т. Гяуров. Тълкувания на природни явления, разни народни вярвания и прокобявания // СбНУ. 1900. Кн. XVI–XVII. Отд. 2.
- ДАБМ. Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963.
- Даль, I–IV. В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб. — М., 1904–1912. Т. I–IV. Изд. 4.
- Дебелькович, 1907. Д. Дебелькович. Обичаји српског народа на Косову Пољу // СЕЗб. 1907. Књ. VII.
- Делерт, 1924. Д. Делерт. Новые имена. Ростов-на-Дону, 1924.

- Дерягин, 1966. В. Я. Дерягин. О развитии диалектов Архангельской области по данным истории и географии слов. Канд. дисс. М., 1966.
- Дзендзелівський, 1969. Й. О. Дзендзелівський. Українсько-західнослов'янські лексичні паралелі. Київ, 1969.
- Дзендзелівський, І–ІІІ. Й. О. Дзендзелівський. Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР (Лексика). Ужгород, 1958, 1960, 1993. Ч. І–ІІІ.
- Дилакторский, 1902. П. А. Дилакторский. Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Вологда, 1902. Рукопись // Словарная картотека Ин-та русск. яз. СПб.
- Димитров, 1912. Л. Димитров. Принос към българския речник // Сборник в чест на професор Л. Милетич по случай 25-годишната му книжовна дейност. София, 1912.
- Дмитриев и Сафронов, 1962. П. А. Дмитриев, Г. А. Сафронов. Передача славянских имен при переводах // Теория и критика перевода. Л., 1962.
- Дмитриева, 1972. С. И. Дмитриева. Географическое распространение русских былин (по материалам конца XIX — начала XX в.). Канд. дисс. М., 1972 (краткое изложение дано в статье под тем же названием // Советская этнография. 1969, № 4).
- Добровольский, 1914. В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.
- Долгопольский, 1962. А. Б. Долгопольский. Изучение лексики с точки зрения трансформационно-переводного анализа плана содержания в языке // Лексикографический сборник. М., 1962. Вып. 5.
- Дополнение, 1858. Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.
- Дорошенко, 1961. С. І. Дорошенко. Діалектний словник Сумщини // Праці Х республіканської діалектологічної наради. Київ, 1961. С. 126–131.
- Драгичевий, 1907. Т. Драгичевий. Гатке босанске млађарије // ГЗМ. 1907. Књ. XIX. С. 32–56.
- Дуриданов, 1963. И. Дуриданов. Географската лексика на старо-българския език с оглед на праславянски // Хиляда и сто години славянска писменост. 1863–1963. София, 1963.
- Дучић, 1931. С. Дучић. Живот и обичаји племена Куча // СЕЗБ. 1931. Књ. XLVIII.
- ДФ. Дзіцячы фальклор. Мінск, 1972. (Серия «Беларуская народная творчасць»).

- Дылевский, 1958. Н. М. Дылевский. Главнейшие особенности общеславянской лексики современного болгарского языка (в сопоставлении с общеславянской лексикой русского языка) // Славистичен сборник. Езикознание. София 1958. Т. I. С. 91–132.
- Ђорђевић, 1941. Т. Р. Ђорђевић. Деца у веровањима и обичајима нашега народа. Београд, 1941.
- Ђорђевић, I–II. Т. Ђорђевић. Природа у веровању и предању нашега народа. Београд, 1958. Књ. I–II.
- Евгеньева, 1958. А. П. Евгеньева. Словарь устарелых, диалектных и других малопонятных слов, встречающихся в сборнике Кирши Данилова // Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.–Л., 1958.
- Елезовић, I–II. Елезовић Г. Речник косовско-метохијског дијалекта. Београд, 1932–1935. Књ. I–II. (СДЗБ. Књ. IV–V).
- Ельмслев, 1962. Л. Ельмслев. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? // Новое в лингвистике. М., 1962. Вып. 2.
- Желеховский, I–II. С. Желеховский. Малорусько-німецький словар. Львів, 1886. Т. 1–2.
- Жилко, 1966. Ф. Т. Жилко. Нариси з діалектології української мови. Київ, 1966. Вид. 2.
- Жуковская, 1957. Л. П. Жуковская. Типы лексических различий в диалектах русского языка // ВЯ. 1957, № 3.
- Жучкевич, 1968. В. А. Жучкевич. Топонимика Белоруссии. Минск, 1968.
- Зайцева, 1964. С. В. Зайцева. Специфическая славянская лексика в современных чакавских говорах. Дипломная работа. МГУ. 1964.
- Зайцева, 1977. С. В. Зайцева. Названия домашних животных в штокавских говорах сербохорватского языка. Автореф. канд. дисс. Л., 1977.
- Закревский, 1861. Н. Закревский. Словарь малороссийских идиомов // Старосветский бандуриста. М., 1861. Кн. 3.
- Захариев, 1918. Й. Захариев. Кюстендилско краище // СбНУ. 1918. Т. XXXII.
- Захариев, 1949. Й. Захариев. Пиянец. Земя и население // СбНУ. 1949. Т. XLV.
- Здановский, 1926. И. А. Здановский. Каталог рек и озер Московской губернии. М., 1926.
- Зеленин, 1903. Д. Зеленин. Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию // Сб. ОРЯС. 1903. Т. LXXVI, № 2.

- Зеленин, 1914–1916. *Д. К. Зеленин*. Описание рукописей Ученого архива Имп. Русского географического общества. Пг., 1914–1916. Вып. I–III.
- Зеленин, I–II. *Д. К. Зеленин*. Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии. Ч. I, II // Сб. Музея антропологии и этнографии. Л., 1929–1930. Т. VIII–IX.
- Зечевић, 1971. *С. Зечевић*. Народна веровања у Свиници // Зборник радова. Етнографски институт. Београд, 1971. Књ. 5. (Нова серија. Књ.1).
- Зиновий Отенский, 1863. *Зиновий [Отенский]*. Истины показание к воспросившим о новом учении. Казань, 1863.
- Златановић, 1979. *М. Златановић*. Називи географских термина у Врањској котлини // Ономатолошки прилози. Београд, 1979. Књ. I. С. 129–140.
- Иваницкий, 1890. *Н. А. Иваницкий*. Материалы по этнографии Вологодской губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. М., 1890. Вып. II.
- Иванов, 1910. *В. Иванов*. Приметы и поверья крестьян Витебского у. Витебской г. // Записки Северо-Западного отдела Имп. русского географического общества. Вильна, 1910. Кн. 1. С. 208–213.
- Иванов, 1962. *В. В. Иванов*. О функциях сложносокращенных слов // Симпозиум по структурному изучению знаковых систем. М., 1962.
- Иванов, 1972. *Й. Н. Иванов*. Български диалектен атлас. Български говори от Егейска Македония. София, 1972. Т. I.
- Иванов и Топоров, 1980. *В. В. Иванов, В. Н. Топоров*. О древних славянских этнонимах (основные проблемы и перспективы) // Славянские древности. Киев, 1980.
- Иванова, 1969. *А. Ф. Иванова*. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.
- Ивашко, 1956. *Л. А. Ивашко*. Лексика печорских говоров. Канд. дисс. Л., 1956.
- Ивич, 1958. *П. Ивич*. Основные пути развития сербскохорватского вокализма // ВЯ. 1958, № 1.
- Ивић, 1957. *П. Ивић*. О говору Галипольских Срба // СДЗБ. 1957. Књ. XII.
- Ивић, 1957а. *П. Ивић*. Два главна правца развоја консонантизма у српскохрватском језику // Годишњак филозофск. фак-та у Новом Саду. 1957. Књ. II.
- Ивић, 1957–1958. *П. Ивић*. Значај лингвистичке географије за упоредно и историјско проучавање јужнословенских језика и

- њихових односа према осталим словенским језицима // Јужнословенски филолог. Београд, 1957–1958. Књ. XXII.
- Ивић, 1971. П. Ивић. Српски народ и његов језик. Београд, 1971.
- Ивченко, 1988. А. А. Ивченко. Опыт создания фразеологического словаря верхнелужицкого языка // *Lětopis Instituta za serbski ludospyt*. Budyšin, 1988. Rjad A, № 35. S. 76–87.
- Иеропольский, 1930. К. Иеропольский. Говор д. Савкино Пушкинского р-на Псковского округа // Изв. ОРЯС. Л., 1930. Т. III. Кн. 2.
- ИИБЕ. Известия на Института за български език. София.
- Илиев, 1889. А. Т. Илиев. Сборник от народни умотворения, обичаи и др. София, 1889. Кн. I.
- Иллич-Свитыч, 1960. В. М. Иллич-Свитыч. Лексический комментарий к карпатской миграции славян. (Географический ландшафт) // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1960, Т. 19. Вып. 3.
- Иллич-Свитыч, 1962. В. М. Иллич-Свитыч. Выступление на IV-ом съезде славистов в 1958 г. // IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. Т. II. Проблемы славянского языкознания. М., 1962.
- Илчев, 1969. Ст. Илчев. Речник на личните и фамилни имена у българите. София, 1969.
- Ильинский, 1915. Г. А. Ильинский. Звук *sh* в славянских языках // Известия ОРЯС. Пг., 1915. Т. XX. Кн. 4.
- Ильинский, 1928. Г. А. Ильинский. ΣΑΜΒΑΤΑΣ Константина Багрянородного // Юбилейний збірник на пошану академика Михайла Сергієвича Грушевського. У Києві, 1928. С. 166–177.
- Инструкция, 1955. Инструкция по передаче на картах географических названий Болгарии. М., 1955.
- Исаченко, 1958. А. В. Исаченко. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков // *Slavia*. Praha, 1958. Roč. XXVII, č. 3.
- Исаченко, 1961. А. В. Исаченко. О грамматическом значении // ВЯ. 1961, № 1.
- Јанковић, 1951. Н. Јанковић. Астрономија у предањима, обичајима и умотворинама Срба // СЕЗб. 1951. Књ. LXIII.
- ЈФ. Јужнословенски филолог. Београд.
- Кабайда, 1966. А. В. Кабайда. Из спостережень над західноукраїнськими лексичними діалектизмами // Вісник [Львівський держ. унів.]. Серія філол. Львів, 1966. Вип. 4. С. 88–93.
- Кабасанов, 1956. С. Кабасанов. Говорът на с. Момчиловци, Смолянско // Известия на Института за български език. София, 1956. Кн. IV. С. 5–101.

- Кабасанов, 1963. *С. Кабасанов*. Един старинен български говор. Тихомирският говор. София, 1963.
- Казанский, б/г. *С. Казанский*. Город Козлов Тамбовской губернии. Рукопись // Архив АН. СПб. Фонд 197.
- Караџић, 1852. *Вук Стеф. Караџић*. Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Беч, 1852.
- Караџић, 1896. *В. Караџић*. Скупљени граматички и полемички списи. Београд, 1896. Књ. III.
- Караџић, 1898. *В. Караџић*. Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Београд, 1898.
- «Караџић», I–IV. Караџић. Лист за српски народни живот, обичаје и предање. Алексинац, 1899–1904. Год. I–IV.
- Кардашевский, 1956–1960. *С. М. Кардашевский*. Курско-орловский словарь. А–И // Ученые записки МОПИ. М., 1956. Т. XXXV. [Труды кафедры рус. яз. Вып. 3]. С. 161–268 (А–Б); Т. XLIII. [Труды кафедры рус. яз. Вып. 4]. С. 135–358 (В–Ж); 1960. Т. LXXXVIII. [Труды кафедры рус. яз. Вып. 5]. С. 71–219 (З–И).
- Карнеев, 1890. *А. Карнеев*. Материалы и заметки по литературной истории «Физиолога». СПб., 1890 [ОЛДП. Т. ХСII].
- Каровски, 1951. *Л. Каровски*. Зборови од Тиквешко // Македонски јазик. Скопје, 1951. Год. II, бр. 3–4. С. 90–92.
- Карский, 1917. *Е. Ф. Карский*. Этнографическая карта белорусского племени. Пг., 1917.
- Карт. АУМ. Картотека АУМ, I (хранится в отделе диалектологии Ин-та языкознания им. А. А. Потебни. Киев).
- Карт. БОС. Картотека Брянского областного словаря (хранится на кафедре русского языка Гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. СПб.).
- Карт. ДАБМ. Картотека ДАБМ (хранится в Ин-те языкознания им. Я. Коласа. Минск).
- Карт. ПОС. Картотека Псковского областного словаря (хранится в Словарном кабинете филол. фак-та ЛГУ. СПб.).
- Карт. СРНГ. Картотека СРНГ (хранится в словарном секторе Ин-та языкознания. СПб.).
- Касьярович, 1927. *М. I. Касьярович*. Віцебскі краёвы слоўнік. Віцебск, 1927.
- Кауфман, 1988. *Н. Кауфман, Д. Кауфман*. Погребални и други оплаквания в България. София, 1988.
- КДА. *С. Б. Бернштейн, В. М. Иллич-Свитыч, Г. П. Клепикова, Т. В. Попова, В. В. Усачева*. Карпатский диалектологический атлас. М., 1967. Кн. I, II.

- Кепов, 1936. *Ив. П. Кепов*. Народописни, животописни и езикови материали от с. Бобошево, Дупнишко // СбНУ. 1936. Кн. 42. С. 1–288.
- Кирша Данилов, 1958. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.–Л., 1958.
- Клепикова, 1968. *Г. П. Клепикова*. Из опытов картографирования славянской лексики (в связи с проблемой семантического микрополя) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 1968. С. 72–96.
- Клепикова, 1970. *Г. П. Клепикова*. О некоторых южнославянско-севернорусских лексических параллелях // Советское славяноведение. 1970, № 3. С. 67–71.
- Клепикова, 1980. *Г. П. Клепикова*. Карпатская лексика и ее отношение к лексике иных зон славянского мира. 2–4 // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1978. М., 1980. С. 102–142.
- Клименко, 1964. *А. П. Клименко*. О психолингвистической модели семантической микросистемы времени в русском языке // Вопросы лексики и грамматики русского языка. Фрунзе, 1964. Кн. II. С. 66–84.
- Климчук, 1974. *Ф. Д. Климчук*. К соотношению диалектных, этнографических и археологических ареалов Брестско-Пинского Полесья // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974. С. 160–166.
- Ковалик, 1961. *І. І. Ковалик*. Словотвір і лінгвогеографія // Праці Х республіканської діалектологічної наради. Київ, 1961.
- Ковачев, 1914. *Й. Д. Ковачев*. Народна астрономия и метеорология. Принос към българския фолклор // СбНУ. 1914. Кн. XXX.
- Ковачев, 1961. *Н. П. Ковачев*. Местните названия от Севлиевско. София, 1961.
- Ковачев, 1965. *Н. П. Ковачев*. Местните названия в Габровско. София, 1965.
- Ковачев, 1969. *Н. П. Ковачев*. Топонимията на Троянско. София, 1969.
- Колесса, 1898. *Ф. Колесса*. Людові вірування на Підгір'ю в с. Ходачках Стрийського повіту // Етнографічний збірник. Львів, 1898. Т. V.
- Коломиец, 1983. *В. Т. Коломиец*. Происхождение общеславянских названий рыб. М., 1983.
- Комягина, 1972. *Л. П. Комягина*. Лексические диалектные различия в говорах Архангельской области. Канд. дисс. М., 1972.

- Кондратьева, 1961. *Т. Н. Кондратьева*. Переход собственных имен в нарицательные в фразеологизмах, пословицах и поговорках русского народа (XIX–начало XX вв.) // Памяти В. А. Богородицкого. 1857–1957. Казань, 1961.
- Конески, 1965. *Б. Конески*. Историја на македонскиот јазик. Скопје, 1965.
- Копаневич, 1907. Народные песни, записанные И. К. Копаневичем // Труды Псковского археологического общества. 1906 г. Псков, 1907. Вып. IV. С. 1–109.
- Копаневич, б/г. *И. К. Копаневич*. Провинциализмы Псковской губернии (рукопись) // Рукописный отдел Библиотеки РАН. СПб.
- Копорский, 1929. *С. А. Копорский*. О говоре севера Пошехоно-Володарского уезда Ярославской губернии (Материалы и наблюдения) // Труды Ярославского пед. ин-та. Ярославль, 1929. Т. II. Вып. 3.
- Копорский, 1946. *С. А. Копорский*. Архаические говоры Осташковского района Калининской области // Ученые записки Калининского пед. ин-та. Калинин, [1946]. Т. X. Вып. 3.
- Космография, 1878–1881. Космография 1670. СПб., 1878–1881 [ОЛДП. Т. XXI–LVII–LXVIII].
- Кочев, 1969. *И. Кочев*. Гребенският говор в Силистренско. София, 1969.
- Красноперова, 1896. *О. Красноперова*. Село Красногорское Котельничского уезда. 1896. Рукопись // Архив АН. СПб. Фонд 197, оп. 2.
- Кудрявцев, 1852. *Р. А. Кудрявцев*. Словарь местных слов, пословиц и песен и очерк характеристики мелкопоместного дворянства Новооскольского уезда. 1852. Рукопись // Уч. архив Всесоюзного географ. об-ва. СПб.
- Кузнецов, 1915. *И. Д. Кузнецов*. Рыбопромышленный словарь Псковского водоема. Петроград, 1915.
- Кузнецова, 1963. *А. И. Кузнецова*. Понятие семантической системы языка и методы ее исследования. М., 1963.
- Куликовский, 1898. *Г. Куликовский*. Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898.
- Кульбакин, 1930. *С. Кульбакин*. О речничкој страни старословенског језика // Глас СКА. Београд, 1930. Књ. СХХХVIII. С. 77–143.
- Курилович, 1962. *Е. Курилович*. Положение имени собственного в языке // Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 251–266.

- Куркина, 1977. Л. В. Куркина. Изоглосные связи южнославянской лексики // Этногенез славян. М., 1977.
- Куркина, 1978. Л. В. Куркина. Изоглосные связи южнославянской лексики. II // Этимология. 1976. М., 1978. С. 17–31.
- Кухаренко, 1965. Ю. В. Кухаренко. Древнее Полесье (по материалам археологических исследований). Автореф. докт. дисс., М., 1965.
- КЭСРЯ. Н. М. Шанский., В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961.
- Кънчев, 1900. С. Кънчев. Македония [карта]. София, 1900 (то же: Пять этнографических карт Македонии [с текстом П. Н. Милукова]. СПб., 1900).
- Ларин, 1961. Б. А. Ларин. Инструкция Псковского областного словаря. Л., 1961 (то же в кн.: Псковские говоры, I. Псков, 1962).
- ЛАРС. М. Д. Мальцев, Ф. П. Филин. Лингвистический атлас района озера Селигер. М.–Л., 1949.
- Лаучюте, 1971. Ю. А. Лаучюте. Лексические балтизмы в славянских языках. Канд. дисс. Л., 1971.
- Лаучюте, 1982. Ю. А. Лаучюте. Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982.
- Лебедева, 1927. Н. И. Лебедева. Народный быт в верховьях Десны и верховьях Оки. М., 1927.
- Леков, 1933. И. Леков. Малко известни български съответствия на западнославянски (евент. и руски) думи // Slavica Occidentalis. 1933. Т. 12. S. 138–140.
- Лексика Полесья, 1968. Лексика Полесья. Материалы для полеского диалектного словаря. М., 1968.
- Лексіка Палесся, 1971. Лексіка Палесся ў прасторы і часе. Мінск, 1971.
- Лексічныя балтызмы, 1969. Лексічныя балтызмы у беларускай мове. Мінск, 1969.
- Лингвистическая география, 1958. Лингвистическая география и структура языка. М., 1958.
- Ломоносов, 1952. М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. М.–Л., 1952. Т. 7.
- Луканин, 1858. А. Луканин. Сборник простонародных слов, употребляемых в Пермском, Кунгурском, Осинском, Оханском, Соликамском и Чердынском уездах Пермской губернии. 1858. Рукопись // Словарная картотека Ин-та рус. яз. СПб.

- Львов, 1954.** А. С. Львов. Из наблюдений над лексикой старославянских памятников // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. М., 1954. Т. IX. С. 139–181.
- Лысенко, 1966.** А. С. Лысенко. Словарь диалектной лексики северной Житомирщины // Славянская лексикография и лексикология. М., 1966. С. 5–60.
- Магницкий, 1885.** В. Магницкий. Особенности русского говора в Уржумском уезде Вятской губернии. Казань, 1885.
- Максимов, 1957.** В. И. Максимов. Материалы для словаря псковских говоров. Рукопись // Словарная картотека Ин-та русского языка. СПб.
- Малевич, 1907.** С. Малевич. Белорусские народные песни. СПб., 1907 [Сб. ОРЯС. Т. 82, № 5].
- Маринов, 1914.** Д. Маринов. Народна вяра и религиозни народни обичаи // СбНУ. 1914. Кн. XXVIII.
- Мартине, 1960.** А. Мартине. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960.
- Мартынов, 1963.** В. В. Мартынов. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры. Минск, 1963.
- Мартынов, 1965.** В. В. Мартынов. Проблема славянского этногенеза и методы лингвогеографического изучения Припятского Полесья // Советское славяноведение. 1965, № 4.
- Мартынов, 1977.** В. В. Мартынов. Семантические архаизмы на южнославянской языковой периферии // АИЯЭ, 1977. С. 180–185.
- Марузо, 1960.** Ж. Марузо. Словарь лингвистических терминов. М., 1960.
- Матов, 1892.** Д. Матов. Към българския речник // СбНУ. 1892. Кн. VII. С. 448–483.
- Махек, 1962.** В. Махек. Выступление на IV-ом съезде славистов в 1958 г. // IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. М., 1962. Т. II. Проблемы славянского языкознания.
- Машкин, 1859.** Машкин. Дополнение к сборнику местных слов, употребляемых в Обоянском уезде. 1859. Рукопись // Архив АН. СПб. Фонд 216, оп. 4.
- Маштаков, 1913.** П. Л. Маштаков. Список рек Днепровского бассейна. СПб., 1913.
- Маштаков, 1918.** П. Л. Маштаков. Десна // Известия ОРЯС, 1918. Т. XXII. С. 348–353.
- Маштаков, 1931.** П. Л. Маштаков. Материалы для областного водного словаря. Л., 1931.

- Мейе, 1938. А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.-Л., 1938.
- Мельникова и Сухачев, 1971. Т. Н. Мельникова, Н. Л. Сухачев. Лингвистические и этнографические атласы и карты. Аннотированный каталог / Под ред. М. А. Бородиной. Л., 1971.
- Мельниченко, 1961. Г. Г. Мельниченко. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961. Т. I.
- Мельниченко, 1964. Г. Г. Мельниченко. Слова, означающие корзины // Уч. зап. Ярославского пед. ин-та. Ярославль, 1964. Вып. 52.
- Мельниченко, 1970. Г. Г. Мельниченко. К вопросу об этническом составе русского населения на территории Владимиро-Суздальского княжества XII-начала XIII вв. // ВЯ. 1970, № 5.
- Меркулова, 1967. В. А. Меркулова. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967.
- Метлинский, 1854. А. Метлинский. Народные южнорусские песни. Киев, 1854.
- Милосављевић, 1913. С. Милосављевић. Српски народни обичаји из среза хомолског // СЕЗб. 1913. Књ. XIX.
- Миртов, 1929. А. В. Миртов. Донской словарь. Ростов-на-Дону, 1929.
- Мирчев, 1936. К. Мирчев. Неврокопският говор // Годишник на Софийския университет. София, 1936. Кн. XXXII/1.
- Михайлов, 1924. Панчо Михайлов. Български народни песни от Македония. София, 1924.
- Михайловская, 1953. В. А. Михайловская. Флора Полесской низменности. Минск, 1953.
- Михајловић, 1971. В. Михајловић. Из топонимастике Србије (Чајетина, Семеѓево, Бор) // Зборник за филологију и лингвистику. Нови Сад, 1971. Књ. XIV/I. С. 262-263.
- Михеева, 1970. Н. В. Михеева. Уральский рыболовецкий словарь. Уральск, 1970. Рукопись.
- МЈ. Македонски јазик. Скопје.
- Младенов, 1936. С. Младенов. Принос към изучаване на българските говори в източна и западна Тракия // Бит и език на тракийските и малоазийските българи. Част II. Език. София, 1936.
- Младенов, 1941. Ст. Младенов. Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941.
- Младенов, 1951. Ст. Младенов. Български тълковен речник с оглед към народните говори. София, 1951. Т. 1.

- Младенов, 1969. М. Младенов. Говорът на Ново Село, Видинско. София, 1969.
- МНМ. Мифы народов мира. Т. I–II. М., 1980, 1982.
- Мокиенко, 1969. В. М. Мокиенко. Лингвистический анализ местной географической терминологии. Л., 1969. Канд. дисс.
- Мокиенко, 1973. В. М. Мокиенко. Как зюзя // Русская речь. 1973, № 5. С. 121–125.
- Москаленко, 1958. А. А. Москаленко. Словник діалектизмів українських говірок Одеської області. Одеса, 1958.
- Москович, 1965. В. А. Москович. Опыт квантитативной типологии семантического поля // ВЯ. 1965, № 4.
- МППР. Б. Конески, К. Тошев. Македонски правопис со правописен речник. Скопје, 1950.
- МСБГ. Матеріали до словника буковинських говірок. Чернівці, 1971. Вип. II.
- МСОС. А. И. Иванова, М. А. Кустарева, Б. А. Моисеев. Материалы для Смоленского областного словаря // Ученые записки Смоленского пед. ин-та. Смоленск, 1958. Вып. 9. С. 105–160.
- МСРГП. В. Н. Немченко, А. И. Сеница, Т. Ф. Мурникова. Материалы для словаря старожильческих говоров Прибалтики. Рига, 1963.
- Муромцев, 1968. И. В. Муромцев. Семантико-структурные типы гидронимии бассейна Северского Донца. Канд. дисс. Харьков, 1968.
- Надеждин, 1837. Н. И. Надеждин. Опыт исторической географии Русского мира // Библиотека для чтения за 1837 год, июнь. СПб., 1837.
- Науменко, б/г. Я. Я. Науменко. К материалам для изучения великорусских говоров. Особенности говора великорусской части населения села Ивановского Кубанской области. (Без года). Рукопись // Архив АН. СПб. Фонд 197, оп. 2.
- Невская, 1972. Л. Г. Невская. Словарь балтийских географических апеллятивов // Балто-славянский сборник. М., 1972. С. 315–376.
- Невская, 1974. Л. Г. Невская. Балтийская терминология возвышенного рельефа в сопоставлении со славянской // Zeitschrift für Slawistik. Berlin, 1974. В. XIX. Н. 2. S. 158–174.
- Непокупный, 1969. А. П. Непокупный. «Пояс» — одно из названий радуги в атласах балтийских и славянских языков // Baltistica. Vilnius, 1969. Т. I (1). S. 69–76.
- Нефедова, 1978. Е. А. Нефедова. О гипонимических отношениях в группе микологической диалектной лексики // Общеславян-

- ский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 1978. С. 186–203.
- Никонов, 1958. В. А. Никонов. Закон ряда в географических названиях // *Onomastica*. 1958, № 6. Roczn. IV. Zesz. 1.
- Никонов, 1966. В. А. Никонов. Краткий топонимический словарь. М., 1966.
- Никончук, 1968. Н. В. Никончук. Полесские названия птиц // *Лексика Полесья*. М., 1968. С. 439–471.
- Никончук, 1970. Н. В. Никончук. Опыт сравнительного анализа лексики трех сел Житомирского Полесья (На материале лексики природы). Канд. дисс. Житомир, 1970.
- Німчук, 1965. В. В. Німчук. Суфіксальне творення іменників середнього роду у верхньонадборжавських говірках // *Праці XI республіканської діалектологічної наради*. Київ, 1965. С. 144–161.
- Номис, 1864. М. Номис. Українські приказки, прислів'я и таке инше. СПб., 1864.
- Носович, 1870. И. И. Носович. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
- Његош, 1964. Цјелокупна дјела П. П. Његоша. Београд, 1964. Књ. 6.
- О лесах Полесья, 1951. О лесах Полесья. Минск, 1951.
- Огарев, 1848. Огарев. Собрание простонародных слов, употребляемых в Пермской губернии. 1848. Рукопись // Уч. архив Всесоюзного географ. об-ва. СПб.
- Ожегов, 1953. С. И. Ожегов. Словарь русского языка. М., 1953.
- Онишкевич, І–ІІ. М. Й. Онишкевич. Словник бойківських говірок. Київ, 1984. Ч. І, ІІ.
- Опыт, 1852. Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.
- Орлова, 1970. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров / Под ред. В. Г. Орловой. М., 1970.
- ОРМЈ. Обратен речник на македонскиот јазик / Сост. В. Миличиќ. Скопје, 1967.
- Откупщиков, 1965. Ю. В. Откупщиков. О происхождении слов *рамень* и *раменье* // *Вопросы общего языкознания*. Л., 1965.
- Павловић, 1957–1958. М. Павловић. Перспективе и зоне балканистичких језичких процеса // *Јужнословенски филолог*. Београд, 1957–58. Књ. XXII. С. 208–239.
- Павловић, 1959. М. Павловић. Дијалектолошки атлас и проблематика српскохрватског језика // *Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду*. 1959. Књ. IV. С. 165–186.

- Пантелић, 1974. *Н. Пантелић*. Етнолошка грађа из Буцака // ГЕМБ. 1974. Књ. 37. С. 179–228.
- Пеев, 1968. *К. Пеев*. Белешки за лексиката и фразеологијата од Струмичко // Македонски јазик. Скопје, 1968. Год. XIX. С. 201–225.
- Петров, 1968. *В. П. Петров*. Подсечное земледелие. Киев, 1968.
- Петровић, 1948. *П. Ж. Петровић*. Живот и обичаји народни у Грузи // СЕЗБ. 1948. Књ. LVIII.
- Петровић, 1966. *Д. Петровић*. Микротопонимастика Никшићког поља // Прилози проучавању језика. Нови Сад, 1966. Књ. 3.
- Пиотровский, 1957. *Р. Г. Пиотровский*. Структурализм и лингвистическая практика (Возможна ли структуральная диалектология?) // ВЯ. 1957, № 4.
- Пирогова, 1959. *Л. И. Пирогова*. Описание говора шести пунктов Холмогорского р-на Архангельской области // Материалы и исследования по русской диалектологии. М., 1959. С. 179–226.
- Платонов, 1923. *С. Ф. Платонов*. Прошлое русского Севера. Пг., 1923.
- Погодин, 1901. *А. Л. Погодин*. Из истории славянских передвижений. СПб., 1901.
- Подвысоцкий, 1885. *А. Подвысоцкий*. Словарь областного архангельского наречия. СПб., 1885.
- Покровский и Яценко, ркп. *Ф. И. Покровский, Е. Н. Яценко*. Второе дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». 1905–1921. Рукопись // Архив Ин-та русского языка. СПб. Шифр 117–118.
- Полесье, 1968. Полесье: Лингвистика. Археология. Топонимика. М., 1968.
- Поликарпов, 1911. *Ф. И. Поликарпов*. Материалы для изучения южновеликорусских говоров. Нижнедевицкий словарь // Филологические записки. Воронеж, 1911. Вып. V.
- Полторацкий, 1878. *Ф. Ф. Полторацкий*. Народные приметы, суеверия и предрассудки, заговоры и ворожба из Новгородской губернии. 1878. Рукопись [описание: Зеленин, 1915. Вып. II.]
- Попов, 1965. *А. И. Попов*. Географические названия (Введение в топонимику). М.–Л., 1965.
- Попов и Сороколетов, 1974. *Ф. П. Сороколетов, И. А. Попов*. Областные словари как источник лексикологических и ареальных исследований // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974.

- Попович, 1959.** *И. Попович.* Сербско-хорватско-болгарские лексические этюды (Заметки по славянской лингвистической географии) // Славянское языкознание. М., 1959. С. 35–47.
- Попович, 1962.** *И. Попович.* Южнославянские лексические этюды // Краткие сообщения Ин-та славяноведения. 1962. Вып. 35. С. 44–62.
- Поповић, 1951–1952.** *И. Поповић.* Лингвистичке и филолошке расправе у Зборнику радова Филозофског факултета Свеучилишта у Загребу (1951) // Јужнословенски филолог. Београд, 1951–1952. Књ. XIX.
- Порохова, 1966.** *О. Г. Порохова.* Слова ляда, лядина и нива в русских народных говорах // Лексика русских народных говоров. М.–Л., 1966. С. 175–191.
- Поспелов, 1979.** *Е. М. Поспелов.* Материалы к топонимическому словарю Московской области // Проблемы восточнославянской топонимии. М., 1979. С. 118–119.
- Правопис, 1960.** Правопис српскохрватскога књижевног језика. Нови Сад — Загреб, 1960.
- Праці, 1927.** Праці Акадэмічнае канфэрэнцыі па рэформе беларускага правопису і азбукі. Мінск, 1927.
- Прач, 1960.** *С. Прач.* З лексікі вёсак Парыцкага раёна // Матэрыялы для слоўніка. Мінск, 1960.
- Прение Зизания, 1859.** Прение литовского протопопа Лаврентия Зизания с игуменом Илиею и справщиком Григорием по поводу исправления составленного Лаврентием Катехизиса // Летописи русской литературы и древности. 1859. Книжка четвертая. М., 1859. С. 80–100.
- Преображенский, 1910–1914.** *А. Преображенский.* Этимологический словарь русского языка. М., 1910–1914.
- Привалова, 1952.** *М. И. Привалова.* Функции личных имен и фамилий в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина // Вопросы грамматического строя и словарного состава языка. Л., 1952. Вып. 2. [Уч. зап. ЛГУ. № 161].
- Программа ДАБМ, 1950.** Праграма па вывучэнню беларускіх гаворак і збіранню звестак для складання дыялекталагічнага атласа беларускай мовы. Мінск, 1950.
- Программа ДАРЯ, 1947.** Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка. М.–Л., 1947.
- Программа ДАУГ, 1960.** Програма для збирання матеріалів до діалектологічного атласа українських говорів в Закарпатській області УРСР. Ужгород, 1960.

- Программа ДАУМ, 1949.** Програма для збирання матеріалів до діалектологічного атласа української мови. Київ, 1949.
- Программа КДА, 1964.** Программа собирания материалов для «Карпатского диалектологического атласа». М., 1964. Рота-принт.
- Прокопенко, 1972.** В. А. Прокопенко. Областной словарь буковинских говоров // Карпатская диалектология и ономастика. М., 1972. С. 411–477.
- Прохорова, 1961.** В. Н. Прохорова. О словах с противоположными значениями в русских говорах // Научн. доклады высшей школы. Филологические науки. 1961, № 1.
- Псковские говоры, I.** Псковские говоры. Псков, 1962. Вып. I.
- Работа по ОЛА, 1963.** Работа по подготовке Общеславянского лингвистического атласа. Прага, 1963.
- Раппопорт, 1974.** А. А. Раппопорт. Картографирование типов древнерусских жилищ // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974.
- Расторгуев, 1927.** П. А. Расторгуев. Северско-белорусский говор. Л., 1927.
- РБЕ, I.** Речник на българския език. София, 1959. Т. I.
- Ревзін, 1969.** І. І. Ревзін. Займенник-артиклъ у говірці села Олтуш Брестської області // Українська діалектна морфологія. Київ, 1969. С. 62–71.
- Реформатский, 1960.** А. А. Реформатский. О подаче и передаче географических названий на русских картах // Транскрипция географических названий. М., 1960.
- РМЈ. Г. Димитровски, В. Корубин, Т. Стаматоски.** Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања. Скопје, 1961–1966. Т. I–III.
- РМНП.** Речник на македонската народна поезија. Скопје. 1983. Т. I. А–Г; 1987. Т. II. Д–S.
- Робуш, 1848.** С. Робуш. Областные слова, пословицы, поговорки, присловья, употребляемые в Курской губернии. 1848. Рукопись // Архив АН. СПб. Фонд 216, оп. 4.
- Ровинский, 1905.** П. Ровинский. Черногория в ее прошлом и настоящем // Сб. ОРЯС. СПб., 1905. Т. LXXX, № 2.
- Рождественский, 1963.** Р. Рождественский. Разговор с горой Карадаг // Юность. 1963, № 3.
- Росс Эшби, 1959.** У. Росс Эшби. Введение в кибернетику. М., 1959.
- ПРОДД.** Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата ни от XIX и XX век / Под ред. С. Илчев. София, 1974.

- РСБКЕ. Речник на съвременния български книжовен език. София, 1955–1959. Т. I–III.
- РСХКЈ. Речник српскохрватскога књижевног језика. Нови Сад, Загреб, 1967–1969. Књ. 1–3; Нови Сад, 1971–1976. Књ. 4–6.
- РСХКНЈ. Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Београд, 1959–. Књ. I–.
- Русские, 1967. Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967.
- Русские плачи, 1940. Русские плачи Карелии. Петрозаводск, 1940.
- Рыбаков, 1970. Б. А. Рыбаков. Основные проблемы изучения славянского язычества // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Москва. 3–10 авг. 1964 г. М., 1970. Т. 8. С. 139–144.
- Рыбников, I–IV. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. 1861–1867. Т. I–IV (ч. III — Петрозаводск, 1864. 2-е изд. М., 1909–1910. Т. I–III).
- Савукина, 1966. Б. Савукина. К проблеме западнобалтийского субстрата в юго-западной Литве // Baltistica. Vilnius, 1966. I (2).
- Сакъов, 1967. Д. Сакъов. Принос към речника на кукушкия говор // БД. 1967. Кн. III. С. 317–341.
- Сахаров, 1900. А. И. Сахаров. Язык крестьян Ильинской волости, Болховского уезда, Орловской губернии // Сб. ОРЯС. 1900. LXVIII, № 5.
- Сб. БАН. Сборник на Българската академия на науките. София, 1913–1943. Кн. I–XLI.
- СбНУ. Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1889–. Кн. I–.
- СТУ. Словник гідронімів України. Київ, 1979.
- СДЗб. Српски дијалектолошки зборник (САН). Београд, 1905–. Књ. I–.
- Седов, 1970. В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970.
- СЕЗб. Српски етнографски зборник (САН). Београд, 1894–. Књ. I–.
- Селищев, 1929. А. М. Селищев. Полог и его болгарское население. София, 1929.
- Семенов-Тянь-Шанский, 1924. В. П. Семенов-Тянь-Шанский. Как отражается географический пейзаж в народных названиях населенных мест // Землеведение. М., 1924. Т. 26. Вып. 1–2. С. 133–158.

- Сергиевский, 1929. М. В. Сергиевский. О передаче иностранных фамилий и имен в русском языке // Сб. Публичной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. М., 1929. Т. II.
- Симоновић, 1959. Д. Симоновић. Ботанички речник научних и народних имена биљака. Београд, 1959.
- Скаличка, 1966. В. Скаличка. К вопросу о типологии // ВЯ. 1966, № 4.
- Славейков, 1954. П. Р. Славейков. Български притчи или пословици и характерни думи. София, 1954. 2 изд.
- Смолицкая, 1976. Г. П. Смолицкая. Гидронимия бассейна Оки. М., 1976.
- Соболевский, 1892. А. И. Соболевский. Очерк русской диалектологии // Живая Старина. СПб., 1892. Вып. III.
- Соболевский, 1910. А. И. Соболевский. Русские местные названия и язык скифов и сарматов. I–V // Русский филологический вестник. Варшава, 1910. Т. XIV. С. 180–189.
- Соболевский, 1919. А. И. Соболевский. Как исследовать местные названия? // Известия ОРЯС. Пг., 1919, Т. XXIII. С. 183–185.
- Соболевский, 1924. А. И. Соболевский. Русско-скифские этюды. XVII. Названия русских рек и озер // Известия ОРЯС. Л., 1924. Т. XXVII. С. 262–263.
- Соколовская, 1968. А. С. Соколовская. Опыт определения лексической близости диалектов // Полесье. М., 1968. С. 101–117.
- Сороколетов и Попов, 1974. Ф. П. Сороколетов, И. А. Попов. Областные словари как источник лексикологических и ареальных исследований // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974. С. 128–133.
- Соссюр, 1933. Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. Перевод с французского. М., 1933.
- Срезневский, I–III. И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893–1912. Т. I–III.
- СРНГ. Словарь русских народных говоров. М.–Л., 1965–. Вып. 1–.
- ССРЛЯ. Словарь современного русского литературного языка. М.–Л., 1950–1965. Т. I–XVII.
- ССУ. Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1964–1971. Т. I–II.
- Стаматоски, 1975. Т. Стаматоски. Сосна во македонската топонимија // Onomastica jugoslavica. Zagreb, 1975. Knj. 5.
- Станојевић, 1911. М. Станојевић. Северно-тимочки дијалекат // СДЗб. 1911. Књ. II.

- Стойков, 1959. С. Стойков. Програма за събиране на материали за български диалектен атлас. София, 1959.
- Стойков, 1968. Ст. Стойков. Българска диалектология. София, 1968.
- Стойчев, 1915. К. С. Стойчев. Тетевенски говор // СбНУ. 1915. Кн. XXXI. С. 235–363.
- Стойчев, 1965. Т. Стойчев. Родопски речник // БД. 1965. Кн. II. С. 119–315.
- Странски, 1957. И. Странски. Български народни названия на почвата по разни признаци // Изв. на Почвения ин-т. София, 1957. Кн. 4. С. 307–409.
- Строгова, 1970. В. П. Строгова. О слове *снага* в древнерусском языке и в новгородских говорах // Программа и краткое содержание докладов к XII научно-методической конференции Северо-Западного зонального объединения кафедр русского языка педагогических институтов. Л., 1970. С. 140–142.
- Стэцко, 1962. П. У. Стэцко. Прадметна-бытавая лексіка зельвенскіх гавораў. Дысертация канд. філалаг. навук. Мінск, 1962.
- Суперанская, 1955. А. В. Суперанская. О некоторых вопросах практической транскрипции // ВЯ. 1955, № 6.
- Суперанская, 1960. А. В. Суперанская. Спорные вопросы русской транскрипции болгарских, польских, сербохорватских, чешских и словацких имен собственных // Краткие сообщения Ин-та славяноведения. М., 1960. Вып. 28.
- Суперанская, 1962. А. В. Суперанская. Заимствование слов и практическая транскрипция. М., 1962.
- Суперанская, 1967. А. В. Суперанская. Языковой знак и имя собственное // Проблемы языкознания. Доклады и сообщения советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов: Бухарест, 28.VIII–2.IX 1967. М., 1967. С. 152–156.
- Сухотин, 1935. А. М. Сухотин. О передаче иностранных географических названий // Вопросы географии и картографии. М., 1935.
- Сцяшкови́ч, 1959. Т. Ф. Сцяшкови́ч. Гаворкі Ваўкавыскага раёна Гродзенскай вобласці Беларускай ССР. Гродна, 1959.
- Сцяшкови́ч, 1972. Т. Ф. Сцяшкови́ч. Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. Мінск, 1972.
- Талстой, 1972. М. I. Талстой. Rutheno-serbica // Беларускe і славянскe мовазнаўства. Мінск, 1972. С. 270–274.
- Тановић, 1927. С. Тановић. Српски народни обичаји у Ћевђелијској кази // СЕЗб. 1927. Књ. XL.

- Тезисы, 1959. Тезисы совещания по математической лингвистике, 15–21 апреля 1959 г. Л., 1959.
- Толстая, 1971. С. М. Толстая. Фонетические наблюдения над ономастическими образованиями с суффиксом *-ot* в верхнелужицком // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971. С. 272–280.
- Толстая, 1985. С. М. Толстая. Похороны как вторичная ритуальная форма // Конференция «Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд». М., 1985.
- Толстой, 1957. Н. И. Толстой. Значение кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке // Вопросы славянского языкознания. М., 1957. Вып. 2. С. 43–122.
- Толстой, 1962. Н. И. Толстой. Из географии славянских слов. 1. 'дождь', 2. 'саламандра' // Вопросы славянского языкознания. М., 1962. Вып. 6. С. 140–155.
- Толстой, 1963. Н. И. Толстой. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава // ВЯ. 1963, № 1. С. 29–45.
- Толстой, 1963а. Н. И. Толстой. Как се установява границата между билингвизма и взаимните влияния в славянските езици? // Славянска филология. Материали за V Междунар. конгр. на славистите. София, 1963. Т. 1. С. 326–327.
- Толстой, 1964. Н. И. Толстой. Заметки о славянских именах собственных и их транскрипции // Топономастика и транскрипция. М., 1964.
- Толстой, 1965. Н. И. Толстой. Из географии славянских слов. 3. Правый — левый. 4. Хорохориться. 5. Класть // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 1965. С. 133–142.
- Толстой, 1966. Н. И. Толстой. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. II // ВЯ. 1966, № 5. С. 16–36.
- Толстой, 1968. Н. И. Толстой. Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии // Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1968. С. 339–365.
- Толстой, 1968а. Н. И. Толстой. О лингвистическом изучении Полесья // Полесье: Лингвистика. Археология. Топонимика. М., 1968. С. 5–17.
- Толстой, 1968б. Н. И. Толстой. Об изучении полесской лексики // Лексика Полесья. М., 1968. С. 12–17.

- Толстой, 1969. Н. И. Толстой. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. М., 1969.
- Толстой, 1969а. Н. И. Толстой. Об одном балтизме в восточнославянских диалектах — *пелька* // *Этимология*. 1967. М., 1969. С. 145–157.
- Толстой, 1970. Н. И. Толстой. Еще раз о «семантике» имени собственного // *Актуальные проблемы лексикологии*. Минск, 1970. С. 200–201.
- Толстой, 1971. Н. И. Толстой. [Ответы на вопросы анкеты по проблеме «Белорусско-украинские изолексы»] // *Беларуска-ўкраінскія ізалексы*. (Матэрыялы для абмеркавання). Мінск, 1971. С. 74–80.
- Толстой, 1971а. Н. И. Толстой. Из великорусской диалектной семантики // *Проблемы истории и диалектологии славянских языков*. М., 1971. С. 259–266.
- Толстой, 1971б. Н. И. Толстой. Не не 'не' // *Фонетика. Фонология. Грамматика*. М., 1971. С. 282–287.
- Толстой, 1972. Н. И. Толстой. Опыт семантического анализа славянской географической терминологии. Докт. дисс. М., 1972.
- Толстой, 1972а. Н. И. Толстой. Из географии славянских слов. 6. Сажа — чад. 7. Пот — зной // *Карпатская диалектология и ономастика*. М., 1972. С. 240–257.
- Толстой, 1973. Н. И. Толстой. К реконструкции праславянской фразеологии // *Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации*. М., 1973. С. 279–288.
- Толстой, 1973а. Н. И. Толстой. Об одной карпатско-южнославянской изопрагме // *Симпозиум по проблемам карпатского языкознания (24–26 апреля 1973 г.)*. Тезисы докладов и сообщений. М., 1973. С. 50–55.
- Толстой, 1974. Н. И. Толстой. Некоторые вопросы соотношения лингво- и этногеографических исследований // *Проблемы картографирования в языкознании и этнографии*. Л., 1974. С. 16–33.
- Толстой, 1976. Н. И. Толстой. Из географии славянских слов. 8. 'радуга' // *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования*. 1974. М., 1976. С. 22–76.
- Толстой, 1977. Н. И. Толстой. О соотношении центрального и маргинального ареалов в современной Славии // *АИЯЭ*, 1977. С. 37–56.
- Толстой, 1978. Н. И. Толстой. О непоследовательности палатализации заднеязычных согласных в славянских языках // *Filologija*. Zagreb, 1978. № 8.

- Толстой, 1978а. *Н. И. Толстой*. О непоследовательности первой палатализации славянских задненебных согласных // *Linguistica*. Ljubljana, 1978. Т. XVII. S. 33–47.
- Толстой, 1983. *Н. И. Толстой*. Этюды по семантике славянских географических терминов (*дрезга, рудина, рамень*) // *Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии*. М., 1983. С. 112–119.
- Толстой, 1995. *Н. И. Толстой*. Этнокультурное и лингвистическое изучение Полесья (1984–1994) // *Славянский и балканский фольклор. Этнолингвистическое изучение Полесья*. М., 1995. С. 5–18.
- Толстые, 1976. *Н. И. и С. М. Толстые*. К вопросу о белорусско-(полесско-)болгарских этнолингвистических соответствиях // *Бюлетин за съпоставително изследване на българския език с други езици*. София, 1976. № 5. С. 79–88.
- Толстые, 1981. *Н. И. и С. М. Толстые*. Заметки по славянскому язычеству. I. Вызывание дождя у колодца // *Русский фольклор*. Л., 1981. Т. XXI. С. 87–98.
- Толстые, 1983. *Н. И. и С. М. Толстые*. О задачах этнолингвистического изучения Полесья // *Полесский этнолингвистический сборник*. М., 1983. С. 3–21.
- Толстые, 1992. *Н. и С. Толстые*. Жизни магический круг // *Сборник статей к 70-летию проф. Ю. М. Лотмана*. Тарту, 1992. С. 130–141.
- Томилов, 1928. *С. Н. Томилов*. Словарь местного говора Каргопольского р-на Архангельского округа Северо-Восточного края. 1928. Рукопись // *Архив АН. СПб. Фонд 197, оп. 2*.
- Топоров, 1958. *В. Н. Топоров*. Рецензия на книгу: К. Moszyński. «Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego» // *ВЯ*. 1958, № 4.
- Топоров, 1962. *В. Н. Топоров*. Некоторые задачи изучения балтийской топонимии русских территорий // *Географические названия*. М., 1962.
- Топоров, 1972. *В. Н. Топоров*. *Baltica* Подмосковья // *Балто-славянский сборник*. М., 1972.
- Топоров, 1980. *В. Н. Топоров*. Vilnius, Wilno, Вильна: город и миф // *Балто-славянские этноязыковые контакты*. М., 1980.
- Топоров и Трубачев, 1962. *В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев*. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
- Третьяков, 1966. *П. Н. Третьяков*. Финноугры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.–Л., 1966.

- Третьяков, 1970.** П. Н. Третьяков. У истоков древнерусской народности. Л., 1970.
- Трубачев, 1963.** О. Н. Трубачев. О составе праславянского словаря. Проблемы и задачи // Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1963. С. 159–196.
- Трубачев, 1966.** О. Н. Трубачев. Ремесленная терминология в славянских языках: этимология и опыт групповой реконструкции. М., 1966.
- Трубачев, 1968.** О. Н. Трубачев. Названия рек правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. М., 1968.
- Трубачев, 1974.** О. Н. Трубачев. Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян // ВЯ. 1974, № 6.
- Тучемская, 1915.** О. С. Тучемская. Слова олонецкого наречия. 1915. Рукопись // Словарная картотека Ин-та русск. яз. СПб.
- Умленски, 1965.** И. Умленски. Кюстендилският говор. София, 1965.
- УРС.** Українсько-російський словник / Под ред. І. М. Кириченко. Київ, 1953–1963. Т. I–VI.
- Усачева, 1977.** В. В. Усачева. Названия пресноводных рыб в славянских языках. Автореф. канд. дисс. М., 1977.
- Успенский, 1897.** В. М. Успенский. Село Меньшиково Дмитриевского уезда. 1897. Рукопись // Архив АН. СПб. Фонд 197, оп. 2.
- Ушаков, I–IV.** Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1934–1940. Т. I–IV.
- Фасмер, I–IV.** М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. I–IV.
- Федоров, 1954.** А. И. Федоров. Материалы для словаря архангельских говоров. 1954. Рукопись // Словарная картотека Ин-та русск. яз. СПб.
- Филин, 1936.** Ф. П. Филин. Исследование о лексике русских говоров. М.–Л., 1936.
- Филин, 1961.** Ф. П. Филин. Проект «Словаря русских народных говоров». М.–Л., 1961.
- Филин, 1962.** Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян. М.–Л., 1962.
- Филиповић, 1939.** М. С. Филиповић. Обичаји и веровања у Скопској котлини // СЕЗб. 1939. Књ. LIV.
- Филиповић, 1951.** М. С. Филиповић. Женска керамика код балканских народа. Београд, 1951.

Филиповић, 1967. М. С. Филиповић. Различита етнолошка грађа. Београд, 1967.

Финкель, 1963. А. М. Финкель. С левой стороны // Лексикографический сборник. М., 1963. Вып. VI. С. 153–159.

Франко, I–III. *Ив. Франко*. Галицькорускі народні приповідкі. Львів, 1901–1910. [Етнографічний збірник, Т. X, XVI, XXIII, XXIV, XXVII, XXVIII (в трех томах и шести выпусках)].

ФРБЕ. Фразеологичен речник на българския език. София, 1974–1975. Т. I–II.

Халанский, 1904. М. Г. Халанский. Народные говоры Курской губернии // Сб. ОРЯС. 1904. Т. XXVI. № 5.

Хаџи-Васильевић, I–II. *Ј. Хаџи-Васильевић*. Јужна стара Србија. Београд, 1909–1913. Књ. I–II.

Цвијић, I–III. *Ј. Цвијић*. Основа за географију и геологију Македоније и Старе Србије. Београд, 1906–1911. Књ. I–III.

Цонев, 1915. Б. Цонев. Кои новобългарски говори стоят най-близу до старобългарски в лексикално отношение // Списание на Българската академия на науките. София, 1915. Кн. XI. С. 1–32.

Цыхун, 1974. Г. А. Цыхун. Беларуска-паўднёваславянскія лексічныя сувязі. Некаторыя праблемы і вынікі // Беларуская лінгвістыка. Мінск, 1974. С. 41–45.

Черепанова, 1973. Е. А. Черепанова. Географическая терминология Черниговско-Сумского Полесья. Канд. дисс. Минск, 1973.

Шайкевич, 1960. А. Я. Шайкевич. Слова со значением «правый» и «левый» (Опыт сопоставительного анализа) // Уч. зап. 1-го Моск. гос. пед. ин-та иностранных языков. М., 1960. Т. XXIII.

Шатэрнік, 1929. М. В. Шатэрнік. Краёвы слоўнік Чэрвеншчыны. Менск, 1929.

Шахматов, 1916. А. А. Шахматов. Введение в курс истории русского языка. Пг., 1916. Ч. 1.

Шахматов, 1916а. А. А. Шахматов. Русский язык, его особенности. Вопрос об образовании наречий. Очерк основных моментов развития литературного языка // История русской литературы / Под ред. А. Е. Грузинского. М., 1916. Т. I.

Шахматов, 1941. А. А. Шахматов. Очерки современного русского литературного языка. М., 1941. Изд. 4.

Шишков, 1889. С. Н. Шишков. Тълкувания на природни явления, разни народни вярвания и прокобявания из Ахъчелебийско // СбНУ. 1889. Кн. I. С. 75–78.

Шухевич, 1899. В. Шухевич. Гуцульщина. Львов, 1899. Ч. I.

→ РСЛГ – Р. Борхот, А. Кучко. Фразеологичен
словник лемковских говоров Ужгород Слова-
чки Прашеви, 1990.

- Щерба, 1958. Л. В. Щерба. Транскрипция иностранных слов и собственных имен и фамилий // Л. В. Щерба. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958. Т. I.
- Эрдман, 1857. Ф. И. Эрдман. Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря» по Новгородской губернии // Уч. зап. Казанского ун-та. Казань, 1857. Кн. 2.
- ЭССЯ. Этимологический словарь славянских языков. / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974-. Вып. I-.
- Янкоўскі, I-III. Ф. Янкоўскі. Дыялектны слоўнік. Мінск, 1959-1970. [Вып.] I-III.
- Яшкін, 1971. І. Я. Яшкін. Беларускія геаграфічныя назвы. Мінск, 1971.

AfSPh. Archiv für slavische Philologie. Berlin, 1876-1929.

AGM. H. Horodyska-Gadkowska, A. Strzyżewska-Zaremba, A. Kowalska. Atlas gwar mazowieckich. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1971-1980. T. I-V.

AIS. K. Jaberg und J. Jud. Sprach- und Sachatlas Italiens und der Südschweiz. Zofingen, 1928-1940. Bd. 1-8.

AJK. Atlas językowy Kaszubszczyzny i dialektów sąsiednich. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1964-1978. T. I-XV.

Alerić, 1979. D. Alerić. Problem desnoga : lijevoga u jugoslavenskoj toponimiji // Rasprave Zavoda za jezik IFF. Zagreb, 1979. Knj. 4-5. S. 135-212.

Alerić, 1980. D. Alerić. Kategorija desnoga i lijevoga u jugoslavenskoj toponimiji // Втора Југословенска ономастичка конференција. Скопје, 1980.

Badjura, 1953. R. Badjura. Ljudska geografija. Terensko izrazoslovlje. Ljubljana, 1953.

Bartnicka-Dąbkowska, 1964. B. Bartnicka-Dąbkowska. Polskie ludowe nazwy grzybów. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1964.

Bartoš, 1905. F. Bartoš. Dialektický slovník moravský. Praha, 1905.

Basara, I-II. J. Basara. Terminologia budownictwa wiejskiego w dialektach polskich. Cz. I. Dom mieszkalny. Cz. II. Pomieszczenia gospodarskie, ogrodzenia, zamknięcia. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1964-1965.

Baudouin de Courtenay, 1895. J. Baudouin de Courtenay. Materialien zur südslavischen Dialektologie und Ethnographie. СПб., 1895. I.

Bezljaj, 1967. F. Bezljaj. Eseji o slovenskem jeziku. Ljubljana, 1967.

- Bezljaj, 1968.** *F. Bezljaj.* Einige slovenische und baltische lexische Parallelen // *Linguistica*. Ljubljana, 1968. VIII/1.
- Bezljaj, 1970.** *F. Bezljaj.* Posebnosti slovenske leksike // *Jezik in slovestvo*. Ljubljana, 1970/1971. XVI/3.
- Bezljaj, 1974.** *F. Bezljaj.* Zakovitosti arealov v slovanski leksiki // X Seminar slovenskega jezika, literature in kulture. Predavanja. Ljubljana, 1974. S. 7–13.
- Bezljaj, 1974a.** *F. Bezljaj.* Zajednička problematika južnoslovenske leksike // XXIV Seminar za strane slaviste. Predavanja. Sarajevo, 1974. S. 5–17.
- Bezljaj, I–III.** *F. Bezljaj.* Etimološki slovar slovenskega jezika. Ljubljana, 1976–1995. Knj. I–III.
- Blanár, 1958.** *V. Blanár.* K problémom porovnávej lexikológie slovanských jazykov // *Československé přednášky pro IV mezinárodní sjezd slavistů v Moskvě*. Praha, 1958.
- Bortulin, 1924.** *A. Bortulin.* Cres. Vjerovanja // *ZNŽO*. 1924. Knj. XXV. Sv. 2.
- Bratanić, 1951.** *B. Bratanić.* Uz problem doseljenja južnih Slavena // *Zbornik radova (Filozofskog Fakulteta Sveučilišta u Zagrebu)*. Zagreb, 1951. S. 221–248 + kapra.
- Brozović, 1969.** *D. Brozović.* Doseljenje Slavena i njihovi dodiri sa starosjediocima u svijetlu lingvističkih istraživanja // *Predslavenski etnički elementi na Balkanu u etnogenezi južnih Slovena*. Sarajevo, 1969. S. 130–131.
- Brückner, 1906.** *A. Brückner.* Dzieje języka polskiego. Lwów, 1906.
- Brückner, 1957.** *A. Brückner.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957.
- Budziszewska, 1965.** *W. Budziszewska.* Słowiańskie słownictwo dotyczące przyrody żywej. Wrocław–Warszawa–Kraków, 1965.
- Bujan, 1937.** *V. Bujan.* Glavne osobine praputnjarskog dijalekta // *Vjesnik etnografskog muzeja*. Zagreb, 1937. Knj. III.
- ČSVS.** *Český slovník věcný a synonymický.* / Red. V. Šmilauer. Praha, 1969–1977. T. I–III.
- Deanović, 1967.** *M. Deanović.* Lingvistički atlas Mediterana. III // *Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti*. Zagreb, 1967. Knj. 348. S. 27–60.
- Dejna, 1951–1953.** *K. Dejna.* Polsko-laskie pogranicze językowe na terenie Polski. Łódź, 1951. Cz. I. Atlas; 1953. Cz. II.
- Dejna, I–VI.** *K. Dejna.* Atlas gwarowy województwa Kieleckiego, Łódź, 1962–1968. Z. I–VI.
- Djela.** *Djela* (Naučno društvo NR Bosne i Hercegovine). Sarajevo, 1954–. Knj. I–.

- DLKŽ. Dabartinės lietuvių kalbos žodynas. Vilnius, 1954.
- DLRM. Dictionarul limbii române moderne. [Bukurești], 1958.
- Duridanov, 1975. *I. Duridanov*. Die Hydronymie des Vardarsystems als Geschichtsquelle. Köln—Wien, 1975.
- Fancev, 1907. *F. Fancev*. Beiträge zur serbokroatischen Dialektologie // AfSPh. 1907. S. 305–389.
- Filipović, 1962. *M. S. Filipović*. Značenje prideva *desni* i *levi* u našim hidronimima // Geografski pregled. Sarajevo, 1962. Knj. IV. S. 152–154.
- Fraenkel, I–II. *E. Fraenkel*. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1962. Bd. I–II.
- Gavazzi, 1936. *M. Gavazzi*. Problem karakterističnoga razmještaja nekih etnografskih elemenata na Balkanu // Comptes rendus du IV-e Congrès de géographes et des ethnographes slaves. Sofia, 1936. P. 231–236.
- Gavazzi, 1960. *M. Gavazzi*. Zapadno-panonski slavenski pojas u davini // Etnografia polska. Wrocław, 1960. T. III. S. 159–171.
- Gebauer, 1970. *J. Gebauer*. Slovník staročeský. Praha, 1970. D. I.
- Glonar, 1936. *J. Glonar*. Slovar slovenskeg jezika. Ljubljana, 1936.
- Gładyszowa, 1960. *M. Gładyszowa*. Wiedza ludowa o gwiazdach. Wrocław, 1960.
- GOS. *J. Hamm, M. Hraste, P. Guberina*. Govor otoka Suska // HDZ. 1956. Knj. I. S. 7–213.
- Grujić, 1928. *M. G. Grujić*. Imena goveda (Lika) // ZNŽO. 1928. Knj. XXVI. Sv. 2. S. 374–376.
- Grzegorzczkova, Puzynina, 1961. *R. Grzegorzczkova, J. Puzynina*. Zagadnienia słowotwórstwa rzeczowników w atlasie ogólnosłowiańskim // Poradnik językowy. Warszawa, 1961. № 1.
- Guiraud, 1956. *P. Guiraud*. Les champs morpho-sémantique (Critères externes et critères internes en étymologie) // Bulletin de la société de linguistique de Paris. 1956. T. 52, F. 1. P. 269–274.
- Guiraud, 1964. *P. Guiraud*. La Sémantique. Paris, 1964.
- HDZ. Hrvatski dijalektološki zbornik. Zagreb, 1956–. Knj. I–.
- Hirtz, I–II. *M. Hirtz*. Rječnik narodnih zoologičkih naziva. Zagreb, 1928. Knj. I; 1947. Knj. II.
- Hjelmslev, 1958. *L. Hjelmslev*. Dans quelle mesure les significations des mots peuvent-elles être considérées comme formant une structure? // Proceedings of the Eighth International Congress of Linguists. Oslo, 1958 [русс. пер.: Ельмслев, 1962].
- HNP, 1879. Hrvatske narodne pjesme, što se pjevaju po Istri i Kvarnerskih otocih. Trst, 1879.

- HNP, VII, IX. Hrvatske narodne pjesme / Uredio dr. N. Andrić. Zagreb, 1929. Knj. VII; 1940. Knj. IX.
- Horodyska-Gadkowska, 1967. *H. Horodyska-Gadkowska*. Polskie słownictwo gwarowe z zakresu hodowli zwierząt domowych. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1967.
- Hraste, 1940. *M. Hraste*. Čakavski dijalekat ostrva Brača // CE36. 1940. Књ. X.
- Huráň, 1951. *A. Huráň*. O významu jmen *Desná* a *Lubná* // Věstník České akademie věd a umění. Praha, 1951. [T.] 60. S. 100–114.
- Isačenko, 1939. *A. V. Isačenko*. Narečje vasi Sele na Rožu. Ljubljana, 1939.
- Isačenko, I–II. *A. V. Isačenko*. Slovensko-ruský prekladový slovník. Bratislava, 1950. D. I; 1957. D. II.
- Ivanišević, 1905. *F. Ivanišević*. Poljica. Narodni život i običaji // ZNŽO. 1905. Knj. X. Sv. 2. S. 181–307.
- Ivanov, 1923. *J. Ivanov*. Un parler bulgare archaïque // Revue des études slaves. Paris, 1923. T. II. F. 1–2.
- Jadras, 1957. *I. Jadras*. Kastavština // ZNŽO. 1957. Knj. 39.
- Jakić-Cestarić, 1957. *V. Jakić-Cestarić*. Refleks jata na sjevernodalmatinskim otocima // Radovi Historijskog instituta JAZU u Zadru. 1957. Sv. 3. S. 407–422.
- Jakubaš, 1954. *F. Jakubaš*. Hornjoserbsko-němski słownik. Budyšin, 1954.
- Jazdzewski, 1949. *K. Jazdzewski*. Atlas to the prehistory of the Slavs. Łódź, 1949.
- Jelenović, 1949. *I. Jelenović*. Proljetni običaji u Dobrinju // ZNŽO. 1949. Knj. 33.
- Judycka, 1963. *I. Judycka*. Nazwy pól, łąk i pastwisk oraz gleb i mokradeł w gwarach Pomorza Mazowieckiego // Studia z dziejów osadnictwa. Warszawa, 1963. T. 1.
- Jungmann, I–V. *J. Jungmann*. Slovník česko-německý. Praha, 1835–1839. D. I–V.
- Junković, 1956. *Z. Junković*. Izvještaj o istraživanju kajkavskoga dijalekta u Zagrebačkoj okolici // Ljetopis JAZU za godinu 1954. Zagreb, 1956. Knj. 61.
- Junković, 1958. *Z. Junković*. O jeziku Vitezovićeve Kronike // Radovi Slavenskog instituta. Zagreb, 1958. Knj. 2.
- Jurkowski, 1963. *M. Jurkowski*. Losy prastłowiańskich grup *kú-*, *gú-*, *xú-* // Z polskich studiów slawistycznych. Seria 2. Warszawa, 1963. S. 51–64.

- Jurkowski, 1971.** *M. Jurkowski.* Ukraińska terminologia hydrograficzna. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1971.
- Karłowicz, I–VI.** *J. Karłowicz.* Słownik gwar polskich. Kraków, 1900–1911. T. I–VI.
- Kiparsky, 1968.** *V. Kiparsky.* Slavische und baltische b/p Fälle // Scando-slavica. Copenhagen, 1968. T. XIV. S. 73–97.
- Kluge, 1956.** *F. Kluge.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin, 1956. 16. Aufl.
- KOBSG.** Kwestionariusz ogólnosłowiański do badań słownictwa gwarowego. Projekt № 3. Warszawa, 1961. [Cz.] I, II.
- Kochman, 1967.** *St. Kochman.* Polsko-rosyjskie kontakty językowe w zakresie słownictwa w XVII wieku. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1967.
- Konradt-Hicking, 1956.** *M. Konradt-Hicking.* Wortfeld oder Bedeutungsfeld (Sinnfeld)? // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. Göttingen, 1956. Bd. 73. H. 1–2. S. 222–234.
- Koseska, 1972.** *V. Koseska.* Bułgarskie słownictwo meteorologiczne na tle ogólnosłowiańskim. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1972.
- Kosiński, 1914.** *W. Kosiński.* Słownik okolicy Czychowa. Kraków, 1914.
- Kowalska, I–II.** *A. Kowalska.* Zróżnicowanie słowotwórcze gwar Mazowsza i Podlasia. Rzeczownik. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1975, 1979. T. I, II.
- Krauss, 1884–1885.** *F. S. Krauss.* L'Arc-en-Ciel à Pleternica en Slavonie (Autriche-Hongrie) // Mélusine. Paris, 1884–1885. [T.] II.
- Kucała, 1957.** *M. Kucała.* Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich. Wrocław, 1957.
- Kuhač, 1941.** *F. S. Kuhač.* Južno-slovjenske narodne popjevke. Zagreb, 1941. Knj. V.
- Kupiszewski, 1969.** *W. Kupiszewski.* Słownictwo meteorologiczne w gwarach i historii języka polskiego. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1969.
- Kupiszewski, Węgiełek-Januszewska, 1959.** *W. Kupiszewski, Z. Węgiełek-Januszewska.* Astronomia ludowa, miary czasu i meteorologia. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1959. [серия SWM].
- Kuryłowicz, 1956.** *J. Kuryłowicz.* La position linguistique du nom propre // Onomastica. 1956, № 2. [русс. пер.: Курилович, 1962].
- Kušar, 1895.** *M. Kušar.* Lumbardsko narečje // Nastavni vjesnik. Zagreb, 1895. Knj. III. Sv. 4.

- Kuusi, 1957.** *M. Kuusi.* Regen bei Sonnenschein zur Wetergeschichte einer Redensart. Helsinki. 1957.
- Kwestionariusz, 1933.** Kwestionariusz do badań słownictwa ludowego w zakresie kultury materialnej / Wstęp prof. W. Doroszewskiego. Warszawa, 1933.
- Langlois, 1911.** *Langlois.* La connaissance de la nature et du monde au moyen âge. Paris, 1911.
- Lehr-Spławiński, 1946.** *T. Lehr-Spławiński.* O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian. Poznań, 1946.
- Lehr-Spławiński, 1960.** *T. Lehr-Spławiński.* Rozmieszczenie geograficzne prasłowiańskich nazw wodnych // Rocznik slawistyczny. Kraków, 1960. T. XXI. Cz.1.
- Lessiak, 1910.** *P. Lessiak.* Alpendeutsche und Alpenlawen in ihren sprachlichen Beziehungen // Germanisch-romanisch Monatschrift. Wien, 1910. Bd. II.
- Ljetopis.** Ljetopis Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti (JAZU). Zagreb, 1886-. Knj. I-.
- LKV.** Latviešu-krievu vārdnīca. Rīgā, 1963.
- LKŽ.** Lietuvių kalbos žodynas. Vilnius, 1941. T. I.
- Loth, 1912.** *J. Loth.* Romans de la table ronde // Revue Celtique. Paris, 1912. V. 33.
- LUEV.** Lietuvos TSR upių ir ežerų vardynas. Vilnius, 1963.
- Łowmiański, 1979.** *H. Łowmiański.* Religia Słowian i jej upadek. Warszawa, 1979.
- Macan, 1932.** *T. M. Macan.* Čaranje i gatanje (Blato na Mljetu) // ZNŽO. 1932. Knj. XXVIII. Sv. 2.
- Machek, 1971.** *V. Machek.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1971.
- MAGP.** Mały atlas gwar polskich. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1957-1969. T. I-XII.
- Makowiecki, 1936.** *S. Makowiecki.* Słownik botaniczny łacińsko-małoruski. Kraków, 1936.
- Małecki, 1929.** *M. Małecki.* Cakawizm z uwzględnieniem zjawisk podobnych. Kraków, 1929.
- Małecki, 1930.** *M. Małecki.* Przegląd słowiańskich gwar Istrii. Kraków, 1930.
- Małecki, 1936.** *M. Małecki.* Dwie gwary macedońskie (Suche i Wysoka w Soluńskim). Kraków, 1936. Cz. II.
- Maštrović, 1957.** *Lj. Maštrović.* Rječničko blago ninskog govora // Radovi Insituta JAZU u Zadru. Zagreb, 1957. Sv. III.

- Matešić, 1965.** *J. Matešić.* Rückläufiges Wörterbuch des Serbokroatischen. Wiesbaden, 1965.
- Mazon, 1936.** *A. Mazon.* Documents contes et chansons slaves de l'Albanie du Sud. Paris, 1936.
- Megiser, 1967.** *H. Megiser.* Slovensko-nemško-latinski slovar. Wiesbaden, 1967.
- Megiser, 1977.** *H. Megiser.* Slovensko-latinsko-nemški slovar. Ljubljana, 1977.
- Melvinger, 1966.** *I. Melvinger.* Teorije lingvističkih polja u semantici. Metod stilističkih polja Pierra Guirauda // Прилози проучавању језика. Нови Сад, 1966. Књ. 2.
- Miklosich, 1886.** *F. Miklosich.* Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.
- Moszyński, 1921.** *K. Moszyński.* Uwagi o słowiańskiej terminologii topograficznej i fizjograficznej. Lwów-Warszawa, 1921.
- Moszyński, 1928.** *K. Moszyński.* Polesie Wschodnie. Warszawa, 1928.
- Moszyński, 1929.** *Moszyński K.* Kultura ludowa Słowian. Kraków, 1929. Cz. I. [Wyd. 2. Warszawa, 1967.]
- Moszyński, 1957.** *K. Moszyński.* Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego. Wrocław-Kraków, 1957.
- Moszyński, 1962.** *K. Moszyński.* O sposobach badania kultury materialnej Prasłowian. Wrocław-Kraków-Warszawa, 1962.
- Muka, I-II.** *E. Muka.* Słownik dolnoserbiskeje rečy a jeje narěcow. Pr., 1921. T. I; Praha, 1928. T. II.
- Mülenbach, I-VI.** *K. Mülenbach.* Latviešu valodas vārdnīca / Red. J. Endzelīns. Rīgā, 1923-1946. B. I-VI.
- Nalepa, 1968.** *J. Nalepa.* Słowiańszczyzna północno-zachodnia. Podstawy jedności i jej rozpad. Poznań, 1968.
- NČL.** Nova čakavska lirika. Zagreb, 1961.
- Nedo, 1963/64.** *P. Nedo.* Czarneboh und Bieleboh — zwei angebliche Kultstätten in der Oberlausitz // Lětopis Instituta za serbski ludospyt. Budyšin, 1963/64. Rjad C, № 6/7. S. 5-18.
- Nemanić, 1883.** *D. Nemanić.* Čakavisch-kroatische Studien // Sitzungsberichte der phil.-hist. Klasse der k. Akademie der Wissenschaften. Wien, 1883. Bd. 104. (оттиск)
- Nitsch, 1954.** *K. Nitsch.* Wybór pism polonistycznych. Wrocław-Kraków, 1954. Tom III.
- Nitsche, 1964.** *P. Nitsche.* Die geographische Terminologie des Polnischen. Köln-Graz, 1964.
- NKPP.** Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. Warszawa, 1969. T. I; 1972. T. II, III.

- Oblak, 1894. V. *Oblak*. Dialekt von Lastovo // AfSPh. 1894. Bd. XVI.
- Papahagi, 1963. T. *Papahagi*. Dicționarul dialectului aromân. [București], 1963.
- Pfuhl, 1866. Dr. *Pfuhl*. Łužiski serbski słownik. Budyšin, 1866.
- Pietkiewicz, 1928. Cz. *Pietkiewicz*. Polesie Rzeczyckie. Kraków, 1928.
- Pleteršnik, I–II. *Pleteršnik M.* Slovensko-nemški slovar. Ljubljana, 1894–1895. D. I–II.
- Pluta, 1973. F. *Pluta*. Słownictwo Dzierżysławic w powiecie Prudnickim. Wrocław, 1973.
- Pokorny, 1959. J. *Pokorny*. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, München, 1959. Bd. 1.
- Pomianowska, 1970. W. *Pomianowska*. Zróżnicowanie gwar południowosłowiańskich w świetle faktów słowotwórczych. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk, 1970.
- Popović, 1960. I. *Popović*. Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960.
- Pracki, 1908. W. *Pracki*. Gwara ślesińska // Lud. Lwów, 1908. T. XIV. Zesz. 1 i 2. S. 90–127.
- PSJČ. Příruční slovník jazyka českého. Praha, 1935–1957. D. I–VIII.
- Rad. Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti (JAZU). Zagreb, 1867–. Knj. I–.
- Razprave. Razprave (Slovenska akademija znanosti in umetnosti. Razred za filološke in literarne vede). Ljubljana, 1950–. I–.
- Reczkowa, 1967. B. *Reczkowa*. Tęcza i synonimy // Język polski. 1967. XLVII, № 1. S. 60–71.
- Reiter, 1964. N. *Reiter*. Der Dialekt von Titov-Veles. Berlin, 1964.
- Rešetar, 1900. M. *Rešetar*. Die serbokroatische Betonung südwestlicher Mundarten. Wien, 1900.
- Rešetar, 1907. M. *Rešetar*. Der štokavische Dialekt. Wien, 1907.
- RHSJ. Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Na svijet izdaje Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti. Zagreb. 1880–1976. D. I–XXIII.
- Ribarić, 1940. J. *Ribarić*. Razmještaj južnoslovenskih dijalekata na poluotoku Istri // СДЗБ. 1940. Књ. IX.
- Rigler, 1963. J. *Rigler*. Pregled osnovnih razvojnih etap v slovenskem vokalizmu // Slavistična revija. Ljubljana, 1963. Let. XIV, № 1–4.

- Rokaitė, 1963.** *B. Rokaitė.* Vaivorykštės pavadinimai lietuvių kalbos tarmėse // Lietuvos TSR Mokslų Akademijos darbai. Serja A, 2 (15). Vilnius, 1963. P. 275–279.
- Rostafiński, 1908.** *J. Rostafiński.* O pierwotnych siedzibach i gospodarstwie Słowian w przedhistorycznych czasach // Sprawozdania Akademii Umiejętności za rok 1908. Kraków, 1908. XII. S. 6–25.
- Rozwadowski, 1948.** *J. Rozwadowski.* Studia and nazwami wód słowiańskich. Kraków, 1948.
- Rožić, 1907.** *V. Rožić.* Prigorje // ZNŽO. 1907. Knj. XII. Sv. 1.
- Rusek, 1970.** *J. Rusek.* Ze studiów nad słownictwem bułgarskim // Sprawozdania z Posiedzeń Komisji Naukowych Polskiej Akademii Nauk. Kraków, 1970. XIV/2.
- Sadnik, 1953.** *L. Sadnik.* Südosteuropäische Rätselstudien. Graz—Köln, 1953.
- Schütz, 1957.** *J. Schütz.* Die geographische Terminologie des Serbokroatischen. Berlin, 1957.
- Sébillot, 1904.** *P. Sébillot.* Folk-lore de France. Paris, 1904. V. I.
- Siatkowski, 1962.** *J. Siatkowski.* Dialekt czeski okolic Kudowy. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1962. Cz. II.
- SJČ.** *F. Trávníček, P. Váša.* Slovník jazyka českého. Praha, 1946.
- SJP.** Słownik języka polskiego / Red. W. Doroszewski. Warszawa, 1958–1969. T. I–XI.
- Skok, 1951.** *P. Skok.* Prilog metodu proučavanja romanizama u hrvatskom ili srpskom jeziku // Zbornik radova (Filozofskog fakulteta Sveučilišta u Zagrebu). Zagreb, 1951. Knj. I.
- Skok, I–IV.** *P. Skok.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1971–1974. Knj. I–IV.
- Sławski, 1947.** *F. Sławski.* Oboczność *o* : *u* w językach słowiańskich // *Slavia Occidentalis*. Poznań, 1947. T. 18.
- Sławski, 1961.** *F. Sławski.* Słownik prasłowiański. Zeszyt próbny. Kraków, 1961. (Порапринт).
- Sławski, I–III.** *F. Sławski.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1952–1969. T. I–III.
- Smal-Stočkyj, Gartner, 1913.** *S. Smal-Stočkyj, T. Gartner.* Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache. Wien, 1913.
- Smoczyński, 1963.** *P. Smoczyński.* Słowiańskie imiona pospolite i własne z podstawowym *-ch-* w części sufiksальной. Łódź, 1963.
- Smoczyński, 1972.** *W. Smoczyński.* Paralele leksykalne słoweńsko-zachodniosłowiańskie // *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej*. Warszawa, 1972. T. 11.

- Smułkowa, 1968.** *E. Smułkowa.* Słownictwo z zakresu uprawy roli w gwarach wschodniej Białostocczyzny na tle wschodniosłowiańskim. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1968.
- Sobierajski, I–III.** *Z. Sobierajski.* Atlas polskich gwar spiskich na terenie Polski i Czechosłowacji. Poznań, 1966–1977. T. I–IV.
- SP.** Słownik prasłowiański / Pod red. F. Sławskiego. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1974–. T. I–.
- SSHS.** *Š. Škerlj, R. Aleksić, V. Latković.* Slovensko-srbskohrvatski slovar. Ljubljana—Beograd, 1964.
- SSJ.** Slovník slovenského jazyka / Red. Š. Peciar. Bratislava, 1959–1968. D. I–VI.
- SSJČ.** Slovník spisovného jazyka českého / Red. B. Havránek. Praha, 1960–1971. [T.] I–IV.
- SSKJ.** Slovar slovenskega knjižnega jezika. Ljubljana, 1970–1991. Knj. I–V.
- SSS.** Słownik starożytności słowiańskich. Warszawa—Wrocław—Kraków, 1961–1982. T. I–VI.
- Stern, 1931.** *G. Stern.* Meaning and Change of Meaning. Göteborg, 1931.
- Stieber, 1974.** *Z. Stieber.* W sprawie pierwotnego podziału dialektalnego języka prasłowiańskiego // *Z. Stieber.* Świat językowy Słowian. Warszawa, 1974.
- Stieber, I–VIII.** *Z. Stieber.* Atlas językowy dawnej Łemkowszczyzny. Łódź, 1956–1964. Zesz. I–VIII.
- Stojković, 1919.** *M. Stojković.* Bartuo Kašić (1575–1650) // *Rad JAZU.* Zagreb, 1919. Knj. 220. S. 170–263.
- Stojković, 1934.** *M. Stojković.* Pojas // *ZNŽO.* 1934. Knj. XXIX. S. 1–19.
- Strutyński, 1972.** *J. Strutyński.* Polskie nazwy ptaków krajowych. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1972.
- Svěrák, 1957.** *F. Svěrák.* Karlovické nářečí. Praha, 1957.
- SW.** *J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki.* Słownik języka polskiego. Warszawa, 1900–1927. T. I–VIII.
- SWM.** Słownictwo Warmii i Mazur. Wrocław (poższe Wrocław—Warszawa—Kraków), 1958–1963. Nr. 1–10.
- Sychta, I–VII.** *B. Sychta.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1967–1976. T. I–VII.
- Symoni-Sułkowska, 1972.** *J. Symoni-Sułkowska.* Zróżnicowanie słowotwórcze i leksykalne nazw z zakresu transportu i komunikacji w gwarach polskich. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1972.
- Szyfer, 1969.** *A. Szyfer.* Tradycyjna astronomia i meteorologia ludowa na Mazurach, Warmii i Kurpiach. Olsztyn, 1969.

- Szymański, 1977. *T. Szymański*. Derywacja czasowników onomatopiecznych i ekspresywnych w języku bułgarskim. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1977.
- Szymczak, I–IV. *M. Szymczak*. Słownik gwary Domaniewka w powiecie Łęczyckim. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1962–1965. Cz. I–IV.
- Šachmatov–Shevelov, 1960. *A. Šachmatov, G. Y. Shevelov*. Die kirchenslavischen Elemente in der modernen russischen Literatursprache. Wiesbaden, 1960.
- Šmilauer, 1969. *V. Šmilauer*. Rostlinny a místné jména // Zpravodaj Mistopisné Komise ČSAV. Praha, 1969. Roč. X. Čis. 1. S. 40–64.
- Štrekelj, I. K. *Štrekelj*. Slovenske narodne pesmi. Ljubljana, 1895–1898. Z. I.
- Tarnacki, 1939. *J. Tarnacki*. Studia porównawcze nad geografią wyrazów (Polesie–Mazowsze). Warszawa, 1939.
- Tentor, 1909. *M. Tentor*. Der čakavische Dialekt der Stadt Cres (Cherso) // AfSPh. 1909. Bd. XXX. S. 146–204.
- Tentor, 1925–1926. *M. Tentor*. Prilog Bernekerovu rječniku // Јужнословенски филолог. Београд, 1925–1926. Књ. V.
- Tentor, 1950. *M. Tentor*. Leksička slaganja creskoga narječja i slovenskoga jezika protiv Vukova jezika // Razprave SAZU. Ljubljana, 1950. Knj. I. S. 69–92.
- Tominec, 1964. *J. Tominec*. Črnovrški dialekt. Ljubljana, 1964.
- Trawińska, 1968. *M. Trawińska*. Zagroda chłopska w Polsce na przełomie XIX i XX wieku. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1968.
- Uvodić, 1957. Izabrani libar Marka Uvodića Splićanina. Split, 1957.
- Vakarelski, 1965. *Ch. Vakarelski*. Etnografija Bułgarii. Wrocław, 1965.
- Valjavec, 1863. *M. Valjavec*. Odgovori na njekoja pitanja društva za povjestnicu i starine jugoslavenske. U Varaždinu i njegovoj okolini // Arkiv za povjestnicu jugoslavensku. Zagreb, 1863. Knj. VII. S. 249–259.
- Vanagas, 1970. *A. Vanagas*. Lietuvos TSR hidronimų daryba. Vilnius, 1970.
- Vanagas, 1981. *A. Vanagas*. Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. Vilnius, 1981.
- Vasilev, 1966. *Ch. Vasilev*. Die heutige čakavische Schriftsprache der Burgenland-Kroaten // Ost- und West. Aufsätze zur slavischen Philologie. Wiesbaden, 1966. Bd. 1. S. 189–237.
- Vasilev, 1975. *Chr. Vasilev*. Möglichkeiten und Grenzen in der Erforschung der urslavischen Wortgeographie am Beispiel lexikalischer

- Übereinstimmungen zwischen Serbokroatisch und Westslavisch // Wiener Slavistisches Jahrbuch. Bd. 21. Wien, 1975.
- Vasmer, 1941. *M. Vasmer*. Die Slaven in Griechenland. Berlin, 1941.
- Vasmer, 1960. *M. Vasmer*. Wörterbuch der russischen Gewässernamen. Berlin—Wiesbaden, 1960. Bd. I.
- Vasmer, 1971. *M. Vasmer*. Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde. Berlin, 1971. Bd. I–II.
- Vasmer, I–III. *M. Vasmer*. Russisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1953–1958. Bd. I–III.
- Vážný, 1927. *V. Vážný*. Čakavské nářečí v slovenském Podunají. Bratislava, 1927.
- Verdiani, 1958–59. *C. Verdiani*. Botanica e linguistica per l'etnogenesi dei Protoslavi // Atti dell'Accademia Toscana di Scienze e Lettere «La Colombaria». Toscana, 1958–59. [T.] 23. P. 21–95.
- Winkler-Leszczyńska, 1964. *I. Winkler-Leszczyńska*. Sufiksy przymiotnikowe *-ity, -isty, -aty, -asty* w języku polskim na tle ogólnosłowiańskim. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1964.
- Zajceva, 1967. *S. Zajceva*. Specifična slovenska leksika u savremenim čakavskim govorima // Прилози проучавању језика. Нови Сад, 1967. Књ. 3.
- Zaorálek, 1963. *J. Zaorálek*. Lidová rčení. Praha, 1963.
- Záturecký, 1965. *A. Záturecký*. Slovenské príslovia, porekadlá a úslovia. Bratislava, 1965.
- Zaręba, 1960. *A. Zaręba*. Słownik Starych Siołkowic w powiecie Opolskim. Kraków, 1960.
- Zaręba, I–X. *A. Zaręba*. Atlas językowy Śląska. Warszawa–Kraków, 1969–1982. T. I–X. (T. III — 1972).
- Zeman, 1967. *H. Zeman*. Słownik górnołużycko-polski. Warszawa, 1967.
- ZfslPh. Zeitschrift für slavische Philologie. Leipzig, Heidelberg.
- Zgrabić, 1905–1907. *D. Zgrabić*. Čakavski dijalekat u Sv. Ivanu i Pavlu, te Žminju u Istri // III program gimnazije u Pazinu za školsku godinu 1905/06. Pula, 1905–1907.
- ZNŽO. Zbornik za narodni život i običaje južnih Slavena. Izd. JAZU. Zagreb, 1896–. Knj. I–.
- Žic, 1916. *I. Žic*. Vrbnik na o. Krku // ZNŽO. 1916. Knj. XXI. Sv. 1.
- Žic, 1949. *I. Žic*. Vrbnik (otok Krk) // ZNŽO. 1949. Knj. XXXIII.

Сокращения

- АН — Академия наук
 МГУ — Московский гос. университет
 ЛГУ — Ленинградский гос. университет
 МОПИ — Московский областной педагогический институт
 ОЛА — Общеславянский лингвистический атлас
 ОЛДП — Общество любителей древней письменности
 ОЛЯ — Отделение литературы и языка АН
 ОРЯС — Отделение русского языка и словесности Академии наук
 РАН — Российская академия наук
 РГАДА (ЦГАДА) — Российский (Центральный) гос. архив древних актов. Москва
 САН(У) — Српска академија наука (и уметности). Београд
 СКА — Српска краљевска академија
 ЦГАДА — см. РГАДА
 ČSAV — Československá akademie věd. Praha
 JAZU — Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti. Zagreb
 SAZU — Slovenska akademija znanosti in umetnosti. Ljubljana

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ И МОРФЕМ

Указатель включает: I. индекс аффиксов и финалей, II. индекс лексем и корней в праславянской или наддиалектной форме, III. собственно лексемный индекс, IV. индекс ономастики (собственных имен). Транскрипция диалектных форм несколько упрощена. Дополнительные сокращения: всл. — восточнославянский, юсл. — южнославянский, лат. — латинский, лит. — литовский, евр. — еврейский, чак. — сербскохорватский чакавский, кайк. — сербскохорватский кайкавский, шток. — сербскохорватский штокавский, к.-укр. — карпатско-украинский; и. — имя личное, р. — река, оз. — озеро; топонимы даются без помет. Указатель составлен М. Н. Толстой.

I

-ак (болг.) 338
-ач (болг.) 338
-ель (рус.) 336
-ена (рус. диал.) 326
-ина 79, 80–82, 87, 90, 94, 99,
100, 103, 104, 364
-инина 80, 90, 100, 364
-инка 79, 80, 81, 90
-иско 81, 90
-ище 81, 90
-ищечко (рус. диал.) 374
-ищице (рус. диал.) 374
-ка 79–82, 90
-ник 80, 81, 90
-ничок 80, 81, 90
-нік 85
-нічок 85
-няк 80, 81, 90
-нячок 80
-няча (с.-х.) 430
-ок 81, 85
-очок 81, 85
-па (рус. диал.) 326
су- 350
-уля (всл.) 81, 90
-уха 321
-ькз 55
-ьцз 55

-ača (юсл.) 430
-ak 106
-ar (с.-х. диал.) 108
-aš (болг. диал.) 108
-ica 107
-ičevje (слн.) 108
-ičina (слц.) 106
-ičje (чеш., слн.) 108
-ička (луж.) 108
-ičnik (чеш.) 107
-ik (с.-х., слн.) 107
-ika (болг.) 107
-ina 82, 85, 96, 103–105, 295
-in'a (укр.) 105
-inec 106
-inina 105
-inisko (в.-луж.) 106
-inje 106
-inka 82, 85, 105
-innik (укр.) 105, 106
-inočka (укр.) 105
-isko (чеш.) 108
-ište (слц.) 108
-izna (кашуб.) 106
-je 105, 107, 108
-k- 107
-ka 82
-lak (болг. диал., мак.) 108

-n- 107
 -n'a 107
 -n'aček (всл.), 107
 -n'ak 107
 -nlca (укр.) 105, 107
 -nlček (всл.) 107
 -nlk 107
 -ot 338
 -ov 108
 -ovak (болг.) 107
 -ovči (чеш. диал.) 108
 -ovec/-evac 106
 -ovica 107
 -oviče (кашуб.) 105, 108

-ovina 104, 105, 106
 -ovinka 106
 -ovisko (чеш., слц.) 108
 -ovište (-ovišće) (чеш., слн.) 108
 -ovizna 106
 -ouje 105, 108, 109
 -ovka (в.-луж.) 108
 -ovn'a (в.-луж.) 107
 -ovnik (н.-луж.) 107
 -ovstvo (кашуб.) 106, 108
 -ul'a (к.-укр.) 105
 -yn'a (к.-укр.) 105
 *-bje 105, 107, 296
 -Ø 79-82, 85, 90, 103

II

*astreǵbъ 321
 +baba 183
 +babinъ 181, 183
 +babotъ 305
 +bagotъ 305
 +bagъno 305
 +bagъnъ 305
 +balkanъ 57
 +bara 367, 368
 +berzina 18
 +bēl- 308
 +bher- (н.-е.) 370
 +bogorodīcъnъ 181
 +bogotъ 305
 +bol-bol- (pol-pol-) 400
 +borъ 57, 359, 360, 365-371
 +božъjъ 174, 181
 +bъrdo 57, 233, 397, 398
 *cēpanīca 220-222
 *cēpatī 220
 *cēpenīca 220
 *cēptī 220
 *čadja 159-164
 +čadjъ 159, 161, 162
 +čadъ 161-163
 *časъ 19, 63
 *čelo 398
 *čьrмъnъ 427
 *del- (н.-е.) 418
 *deksinos (н.-е.) 417
 *deks-to (н.-е.) 151
 *deks-i-tero (н.-е.) 151
 *deks-ivo (н.-е.) 151
 *desna 411, 413

*des(b)nъ 144, 148-151, 410, 411,
 417-422, 424, 428, 433, 435
 *dega 263, 265
 *degati 263
 *dhrēn- (н.-е.) 335, 339
 *dl- (н.-е.) 418
 *dle- (н.-е.) 420
 *dis- 418
 *disъna 418
 *dobrъ 145, 146, 150, 154
 *dog- 198
 *doga 169, 171, 172, 174, 176,
 180, 265
 *doga-poga 217
 *drežga 329, 332, 336, 337, 339
 *drežgati 329
 *drežgъ 329, 332, 335-337, 339
 +drežna 332
 *drozga 336
 *drozгъ 336, 337
 *drāgati 285
 *drava 220
 *dygati 285
 *dъska 410, 417, 420
 *dъščъnъ 410, 411
 *dъždъ 158, 220
 *dъs(b)n- 411, 418
 *gajiti 37
 *gajъ 22, 25, 34, 37, 41, 42, 331,
 332, 338, 355
 *geg- (kek-) 299, 399
 *gig- 299, 399
 *godina 18, 19, 62
 *godъ 62

- *gog- 299
 *golva 310, 398
 *gora 57
 +gospodъnъ 181
 +gozdъ 338
 *grebenъ 398
 *grebъ 398
 *gręzъ 336
 *grqzъ 336
 *gvozd- 267
 *jag- 399
 *kasnos (и.-е.) 364
 *kiša 220
 *klasti 155-158
 *klenъ 405
 *klęjъ 405
 *kolęno 398
 *kolo 405
 *kolti 220
 +krajъ 298
 *krętati (se) 301-303
 *krivъ 145, 147, 148, 150-152
 +lęto 63
 *lęvъ 144-151, 413, 419, 429, 430, 434, 435
 +lędo 36, 349, 351, 355
 *liti 430, 431
 *(po-sъ-)ložitи 155
 +lqka 35
 +lqkъ 174, 175
 +lъbъ 310
 *lъstъnъ 145, 148
 *metnqti 156
 *noga 398
 *nosъ 310, 398, 399
 *okno 399
 *oko 310, 398, 399
 +ormenъje 351, 355
 *osъ 138
 +pelъka 306, 307, 309, 314, 315, 318
 *podъnoga (*podъnožъka) 398
 +pogoda 19
 +pojasъ 181, 183
 *pol- 222
 *pol'e 398
 *polęno 217, 218, 220-222
 *polęti 222
 *polnina 32, 41, 57, 340, 348, 355
 *polnъ 32
 *politti 222
 *potъ 164, 166, 220
 *poga 217
 *pravъ 144-148, 150-152, 154, 158, 433, 434
 *rad- 176, 177, 198
 *radqga 176, 179
 *raj- 176, 198
 *reudh- (и.-е.) 341, 347
 *ręzati 221
 *rod- 341, 345, 347
 +rokъ 63
 *rqbati 220
 *rqbiti 220
 *rpd- 343-348
 *rpdina 340
 *rp(d)mъ 347
 *rqa 291
 *rud- 344, 346-348
 *ruda 347
 *rudina 340, 348
 *rudъnъ 347
 *ru-n-dh (и.-е.) 347
 *ruxъ 281
 *sadja 159, 160, 162-164
 +smqdъ 163
 +snaga 297
 *sojiti 365
 *sopęti 365
 *sopsna 365
 +sopъka 57
 *sosna 360, 364-366, 371
 *sosnъ 360, 365
 *sqvodъ (*sq-voda) 407
 *staviti 155
 *svęt- 409
 *ščipati 220
 *šuъ 151, 411, 419, 420, 427, 434
 *šul'akъ 427
 *šulo 427
 *šuma 37, 332, 339
 *šumęti 37, 339
 *tes- 426
 *tešnjak 222
 +tqča 179, 180, 201, 202
 *tqg- 172
 *tręska 337
 *turiti 156
 *tusna (и.-е.) 418
 *tъrk- 286

**təsnə* 418
 **urend-mo-* (и.-е.) 347
 **ustʲe* 310
 **vatra* 168
 **vermę* 19, 63
 **vesel-* 179
 **veselʲka* 179
 **vinožitʹo* 208
 **vortz* 312

**xorxor-* 152, 154, 158, 234
 **xou-l-* 327
 **xrbʲbʲtʲz* 310
 **xudʲz* 145, 150
 **xvill'a* 63
 **xvoja* 359
 **zabytl* 298
 **znojʲb* 164, 166–168, 220
 **zobatz* 408

III

А

альфонс (рус.) 381
арзни (рус.) 381
асёлка (блр. диал.) 178, 200

Б

баа Гица (болг. диал.) 196
баба 183, 213
баба Зуна (болг. диал.) 183, 185
баба Зунка (болг. диал.) 183, 185
баба Узунка (болг. диал.) 185, 196
баба Яга 213
бабин (к.-укр.) 252
 - *појас* (мак. диал.) 182
 - *пояс* (болг. диал.) 183, 193, 213
бабина риза (болг. диал.) 193
бабино (с.-х., мак.) 252
 - *платно* (болг. диал.) 183, 193
 - *просо* (болг., мак. диал.) 193
баботи (мак.) 305
бабын, бабына (полес.) 252
бавен (болг.) 254
бавный (к.-укр.) 254
байрак (болг.) 190; (полес.) 26
байрек (болг. диал.) 190, 193, 215
байряк (болг. диал.) 190
баларужина (рус. диал.) 368
балька (полес.) 29
балка 29
балкан 58, 67
баница (болг.) 257
бар (рус. диал.) 368
барало (болг. диал.) 368
баранина 96

барило (укр. диал.) 368
барозка (полес.) 99
бахтати (с.-х.) 257
баюкам (болг. диал.) 281
баюкать (рус.) 281
баять (рус.) 281
безстрастный 117
б'ел' (блр. диал., полес.) 308
бели бог (юсл.) 277
белило (мак.) 175
бел'ка (полес.) 308
берва (полес.) 29, 251
бервина (к.-укр.) 94
бервь (к.-укр.) 251
берег (полес.) 27
береза 402, 403; (всл.) 78, 99, 401, 403; (полес.) 85, 86
березина 84; (полес.) 25, 364; (укр.) 78, 87, 94
березинне (полес.) 106
березинье (рус. диал.) 106
березиня (к.-укр.) 106
березиско (полес.) 84
березище (полес.) 84
березівка (укр.) 405
березіна (полес.) 85, 100
березінка (полес.) 85, 99
березіско (полес.) 99
березіще (полес.) 99
березка (всл.) 78, 400
березник (рус.) 78, 401
березнік (полес.) 85, 99
березнічок (полес.) 25, 85, 99
березняк (рус., укр.) 78
березнячок (укр.) 78
березовик (рус.) 401
березовина (рус. диал.) 105, 106

- берест (всл.) 403
 берізка (укр.) 78
 берізонька (укр.) 78
 бероза (полес.) 99
 берозка (полес.) 99
 беспелешная (рубаша) (рус. диал.) 312
 б'изма (полес.) 255
 бити очи (с.-х.) 254
 бігме (к.-укр.) 255
 бір (полес.) 58; (к.-укр.) 367
 блаболя (болг. диал.) 400
 блестящий (рус.) 262
 близанац (с.-х. диал.) 210
 блискавиця (к.-укр.) 252
 блискавка (к.-укр.) 252
 блистав (юсл.) 138, 235, 262
 блугуславиц'і (к.-укр.) 189, 212
 блѣтам (болг. диал.) 281
 блыскавыц'а (полес.) 252
 бляскам (болг.) 252
 владъ 265
 владъ 265
 бобот (болг.) 305
 боботи (мак.) 305
 боботя (болг.) 305
 богатка (блр. диал.) 193, 195, 208
 богме (с.-х.) 255
 богородичен пояс (болг.) 184
 богот (рус. диал.) 305
 боготать (рус. диал.) 305
 богото (рус. диал.) 305
 боготь (рус. диал.) 305
 боготье (рус. диал.) 305
 богоф појас (мак. диал.) 182, 204
 богу појас (болг. диал.) 214; (мак. диал.) 182, 204
 боже лице (к.-укр.) 202
 божий знак (к.-укр.) 189, 203, 212
 - појас (к.-укр.) 183, 202
 божилак (мак.) 174
 божило (мак. диал.) 174, 175
 божилок (мак. диал.) 174, 202
 божји пас (шток.) 182
 божји пасић (с.-х.) 262
 божур (мак.) 175
 божурлок (мак. диал.) 175
 божурок (мак. диал.) 174
 божы пайас (блр. диал.) 184
 божья дуга (рус. диал.) 190
 болон' (полес.) 308
 болото (всл.) 26, 29, 116
 болтун (рус.) 287
 бонапарт' (рус.) 381
 бонапартизм (рус.) 381
 бор 67, 116; (всл.) 403; (рус. диал.) 355, 367, 368; (полес.) 58, 89, 368; (с.-х. диал.) 366, 367, 370; (болг.) 366
 бордо (рус.) 380
 б'ордо (рус. диал.) 58
 боре pl. (с.-х. диал.) 371
 боржом (рус.) 381
 борје (юсл.) 369
 борок (полес.) 58
 боровина (полес.) 58
 бостон (рус.) 381
 бот (рус.) 407
 бохат (блр. диал.) 305
 бѣхѣт'ѣт' (полес.) 257
 брв (с.-х.) 251
 брдица (юсл.) 233
 бреза (юсл.) 79
 брезак (болг.) 79
 брезик (с.-х.) 79
 брезовина (с.-х.) 79
 брекнува (болг. диал.) 282
 бренкати (шток.) 268
 бренцам (болг. диал.) 286
 бренчать (рус.) 268, 286
 бренькать (рус.) 268
 брестача (с.-х.) 430
 брехам, брехнам (болг. диал.) 284
 брехать (рус.) 284
 брк (с.-х.) 138
 броснуха (рус. диал.) 322
 бруслина (к.-укр.) 94
 брутуха (рус. диал.) 322
 брце (юсл.) 233
 брѣнча (болг.) 268, 282
 брызгать (рус.) 337
 брякнуть (рус.) 282
 бубетати (с.-х.) 305
 бук 87, 401-403
 букарить (рус. диал.) 282
 букать (рус. диал.) 282
 буква (всл.) 401
 буковина (укр. диал.) 94, 105
 буковица (всл.) 400
 буковка (всл.) 401
 буковник (всл.) 401

бук-трава (всл.) 401
 бу́йти (с.-х.) 254
 бур (полес.) 368
 бура (с.-х. диал.) 135
 бурник (с.-х. диал.) 135
 бур'як (с.-х. диал.) 133-135, 137
 бу́рок (полес.) 58
 буханок (рус.) 283
 бучина (к.-укр.) 87
 бушник (мак. диал.) 283
 бълтаа съ (болг. диал.) 281, 287
 бълтун' (болг. диал.) 287
 бѣхтя (болг.) 257
 бюро (рус.) 393
 бял ден (болг. диал.) 277
 бялз богъ (болг.) 276
 бяроза (блр.) 78
 бярозка (блр.) 78
 бярэзіна (блр.) 78
 бярэзнік (блр.) 78

В

вавула (блр., рус. диал.) 304
 вавулиць (блр. диал.) 304
 вараиш (рус. диал.) 327
 варило (мак.) 175
 вар'яча (с.-х.) 430
 в'ас'олка (всл.) 170, 178, 184,
 188, 204, 211
 ватра (юсл.) 138, 234, 262, 265,
 266
 ваула (рус. диал.) 304
 ваулитъ (рус. диал.) 304
 верба 85, 86, 401-403
 вербинка 401
 вербіна (полес.) 85
 вербінка (полес.) 85
 вербнік (полес.) 85
 вербнічок (полес.) 85
 веремн'а (веремн'і) (к.-укр.) 52, 62
 в'ремн'е (полес.) 52, 53
 вѣрн'е с'н'ег (полес.) 299
 вѣрнут' (полес.) 299
 верх (рус. диал.) 310
 верхина (к.-укр.) 94
 в'ес'алу́ха (полес.) 189
 весела (к.-укр.) 177, 178, 183,
 200, 203
 веселик (укр. диал.) 177
 веселица (укр. диал.) 177
 веселиці (укр. диал.) 199

веселичка (укр. диал.) 177
 веселі́вка (укр. диал.) 177, 195, 203
 веселка (всл.) 177, 179, 212; (рус.
 диал.) 179, 192, 201; (укр.
 диал.) 175, 177, 178, 180, 183,
 195, 199, 203, 210; (блр.) 177;
 (полес.) 203
 весел'о́ха (укр. диал.) 177, 178
 веселочка (укр. диал.) 177
 веселун (укр. диал.) 177
 веселуха (всл.) 212; (рус. диал.)
 179; (укр. диал.) 177; (блр. ди-
 ал.) 177, 192; (полес.) 179, 200
 веселушка (укр. диал.) 177
 веселык (полес.) 179
 веселян (укр. диал.) 177
 весе́йка (к.-укр.) 178
 весі́йка (к.-укр.) 178, 191
 весло (к.-укр.) 178, 179
 весна (укр.) 178
 весні́йка (к.-укр.) 177, 178, 195
 весну́ха (рус. диал.) 321
 вес'ол (укр. диал.) 177
 весолка (укр. диал.) 203
 весялу́ха (блр. диал.) 175, 177
 вечина (к.-укр.) 94
 вечка (рус. диал.) 269
 взятъ за пельки (рус. диал.) 313
 видокруг (с.-х.) 387
 виждам (ви́дя) бяла бога (болг.
 диал.) 277
 вила-вила-гица (болг. диал.) 196
 вилица (с.-х.) 252
 вилиця (к.-укр.) 252
 вино (мак. диал.) 192
 вино и раки́я и оцѣт (мак. диал.)
 192
 вино-жито (болг., мак. диал.)
 192, 195, 203
 винчестер (рус.) 381
 ви́няк (с.-х.) 381
 вир (юсл.) 251
 вирлина (к.-укр.) 94
 ви'си'л'ан (укр. диал.) 177
 висилица (укр. диал.) 199
 висі́ти (укр.) 178
 ви'сн'енка (укр. диал.) 178, 179
 височина (к.-укр.) 94
 вис'улка (укр. диал.) 178, 179
 висялу́ха (рус. диал.) 214
 висячая речка (рус. диал.) 191

вит'ор (полес.) 256
 вікно (к.-укр.) 202
 вір (к.-укр., полес.) 251
 в'іси́лиха (укр. диал.) 177
 в'яз (полес.) 81, 86
 в'язі́на (полес.) 86
 в'язі́нка (полес.) 86
 в'язок (полес.) 86
 в'язочок (полес.) 86
 вкл'акнуты (полес.) 256
 воблак (мак. диал.) 181
 вода (с.-х.) 136
 воде́нак (с.-х. диал.) 134, 136
 вои́ще (болг.) 233
 (в)ол'е́шына (полес.) 364
 волк (полес.) 364
 волок (рус. диал.) 354, 355
 ворина (к.-укр.) 94
 ворот (рус.) 312
 восьмина (к.-укр.) 95
 вр'а́м'а (болг. диал.) 51
 време́ (юсл.) 51, 67, 124, 136
 време́нак (с.-х. диал.) 134, 136
 вре́мје (полес.) 53
 ври́еме (с.-х. диал.) 131, 211
 врне́ дожд (мак.) 299
 ~ ки́ша (с.-х. диал.) 299
 ~ сне́г (мак.) 299
 врта́ча (с.-х., мак.) 430
 всё-та́ки (рус.) 287
 встре́чник (рус.) 437
 втрє́нчвє́м (болг.) 256
 втронч'а́тыс' (полес.) 256
 вуйчи́на (к.-укр.) 94
 вэ́звря́ла (вода) (болг. диал.) 65
 выка́л'ати (полес.) 251
 вылы́ц'и (полес.) 252
 выпу́лити очи (к.-укр.) 254
 выпу́лыты го́чы (полес.) 254
 высыл'о́к (полес.) 178
 вяз (всл.) 401-403
 вязовник (всл.) 401
 вясё́лка (блр. диал.) 175, 177,
 178, 210, 211

Г

габровина (болг.) 106
 габун (рус. диал.) 327
 габ'є́р (болг.) 106
 гагу́л'ка (болг. диал.) 287
 гади́на (к.-укр.) 94

гай (всл.) 35, 36, 38, 40, 116;
 (рус. диал.) 330-332, 335; (блр.
 диал.) 332
 гайна́ (рус. диал.) 330, 331
 гайни́ца (рус. диал.) 331
 гайно́ (рус. диал.) 331
 гайну́ть (рус. диал.) 330
 гал'исты́й бор (полес.) 368
 гапелька́ (рус. диал.) 318
 гар (с.-х.) 162
 гаю́ша (рус. диал.) 331
 гая́нец (рус. диал.) 331
 гая́нина (рус. диал.) 331
 гая́ница (рус. диал.) 331
 гво́зђе́ (с.-х.) 138, 234, 262
 гво́здить (рус.) 267
 гега́ (блр.) 399, 400; (болг.) 298,
 299, 400; (мак.) 299
 гега́ (се) (мак. диал.) 299
 гегав́ (мак. диал.) 299
 гегало́ (мак. диал.) 299
 гегати́ (с.-х.) 298; (укр. диал.) 299
 гегекати́ (укр.) 299
 ге́гу (полес.) 298
 ге́готати́ (к.-укр.) 299
 гибани́ца (с.-х.) 257
 гибат' (полес.) 257
 гига́ (болг., с.-х.) 299
 гига́ле pl. (с.-х.) 299
 ги́гати́ (к.-укр.) 299
 гига́ти се́ (с.-х.) 299
 гизда́в (болг.) 347
 гід́ (к.-укр.) 52
 глади́ло (мак.) 175
 глибочи́на (к.-укр.) 94
 гложи́на (к.-укр.) 94
 глоту́ха (рус. диал.) 321
 глу́х (с.-х.) 136
 глу́шац (с.-х. диал.) 134, 136
 глу́шители́ (с.-х.) 136
 гми́зати́ (с.-х.) 254
 гми́зити́ (с.-х.) 254
 гни́лой 433
 говори́ти (с.-х.) 235, 262
 гоготать́ (рус.) 299
 година́ 55, 56, 66, 67; (с.-х.) 51,
 127-129, 136, 251; (болг., мак.
 диал.) 51; (к.-укр.) 51, 52, 62,
 94, 125, 210, 251; (укр. диал.)
 52; (полес.) 251
 го́дини́ца (с.-х. диал.) 128

годиниак (с.-х. диал.) 134, 136
годиште (с.-х. диал.) 128
голотьба (рус. диал.) 326
голчати (юсл.) 262
голчать (рус. диал.) 262
голыдьба (рус. диал.) 326
гольтепа (рус. диал.) 326
гомзити (к.-укр.) 254
гомзиты (полес.) 254
гора 67, 68; (болг., с.-х.) 369
гореца (вода) (болг. диал.) 64
городи́на (к.-укр.) 94
городнина (к.-укр.) 94
горошина 96
горун (с.-х.) 369
гору́ха (рус. диал.) 322
господний (рус. диал.) 189
господ'оф по́яс (болг. диал.) 182
гочы (полес.) 254
граб 81, 86, 402, 403
грабник (полес.) 86
грабнічок (полес.) 86
грабок (полес.) 86
грабочок (полес.) 86
град (полес.) 176; (рус.) 177
града (укр. диал.) 177
градавица (полес.) 176
градаўніца (полес.) 176
градовка (рус. диал.) 176
градовница (рус. диал.) 176
граду́ха (блр. диал.) 176
граница (с.-х.) 369
гредел (болг. диал.) 233
гредель (с.-х.) 233
греча (рус. диал.) 321
гречи́ха (рус. диал.) 321
гречуха (рус. диал.) 321
гриб (рус.) 401
грибной дождь 205
grin (полес.) 93
гром (полес.) 204
груд (полес.) 37
грудь (рус.) 312
груз (рус.) 265
грузить (рус.) 267
грузнуть (рус.) 267
грязь (рус.) 265
гуд (полес.) 53
гурати (юсл.) 235, 262
гуца (полес.) 25
гуцавина (к.-укр.) 94

гълча (болг.) 235
гъмжа (болг.) 254
гъстак (болг.) 332
гэтак само (полес.) 255

Д

д'авам сѣ (болг. диал.) 283, 286
дага (мак.) 171
д'адогоспод'оф по́яс (болг. диал.) 182
д'адоф господ'оф по́яс (болг. диал.) 182
даж (с.-х. диал.) 125
дажд 'дождь' (с.-х.) 49, 124, 125, 134, 137, 138, 163, 234, 235, 262, 266; 'саламандра' (с.-х. диал.) 135
даждевник (с.-х. диал.) 135
даждевняк (с.-х.) 133-135, 137, 234, 235
дажѣанка (блр. диал.) 211
далечина (к.-укр.) 94
дамавина (*дамавіна*) (блр. диал.) 373, 374
дамаўѣ (блр. диал.) 374
даміна (блр. диал.) 374
дамоўка (блр. диал.) 374
даѣга (болг. диал.) 198
даран (болг. диал.) 287
даска (юсл.) 234
даш (с.-х. диал.) 138
джиўкат (полес.) 257
дебла pl. (с.-х. диал.) 373
дебря (полес.) 25
девам се (болг. диал.) 286
деваться (рус.) 284, 286
девятуха (рус. диал.) 322
дегъба (с.-х.) 264
деждевник (с.-х. диал.) 135
деждевняк (с.-х. диал.) 135
деревина (полес.) 25, 29
дереви́шче (к.-укр.) 374
дерево (к.-укр.) 374
дёрн (рус.) 287
десбіч (укр.) 434
десбічний (укр.) 434
десен (болг., мак.) 145, 148, 428
десна (укр.) 434
десни (юсл.) 145, 163, 234, 428
десний (укр.) 434
десница (рус.) 414

- десница 144
 деснь 428
 десным 144
 десятина (к.-укр.) 95
 детињити се (с.-х.) 254
 деть(ся) (рус.) 286
 джорина (к.-укр.) 94
 джубринки (болг. диал.) 317
 джумерки (болг. диал.) 317, 318
 дзуница (мак. диал.) 186
 дзяга (полес.) 263
 дзягна (блр. диал.) 263
 дзягно (полес.) 263; (блр. диал.) 304
 дивачина (к.-укр.) 94
 дижђењак (с.-х. диал.) 134
 диња (диня) (юсл.) 235, 262
 дитинитися (к.-укр.) 254
 дичина (к.-укр.) 94
 дишла (болг. диал.) 283
 дишло (болг. диал.) 283
 д'јув (полес.) 252
 до бога (болг. диал.) 276
 добрый 433
 дод'авам (болг. диал.) 284
 дожалница (мак. диал.) 137
 дожарка (мак. диал.) 137
 дожд (юсл.) 125, 234, 299
 дож'д' (полес.) 53
 дожделец (болг., мак.) 137
 дождарка (мак. диал.) 137
 дождж (к.-укр.) 52; (блр. диал.) 211
 дождоўница (мак. диал.) 137
 дождь 65, 204, 205, 210, 211, 262, 265, 286
 дожѣарка (мак. диал.) 137
 дожолец (мак. диал.) 137
 дожуварка (мак. диал.) 137
 дойка (к.-укр.) 253
 дојка (с.-х.) 253
 долина (к.-укр.) 94
 домик (рус. диал.) 374
 домовка (рус. диал.) 374
 домовина (к.-укр.) 94; (полес.) 373; (рус. диал.) 374
 домовище (рус. диал.) 374
 дон-кихот (рус.) 381
 донкихотство (рус.) 381
 дорън (болг. диал.) 287
 доўга (укр. диал.) 170
 дош (мак. диал.) 51, 126
 дош' (к.-укр.) 51; (полес.) 53
 дошч (укр. диал.) 52, 210, 211; (полес.) 52, 256
 драговина (к.-укр.) 94
 дражелник (с.-х. диал.) 135
 дражити (с.-х. диал.) 135
 дразги (болг. диал.) 286
 драчина (к.-укр.) 94
 дребак (болг.) 332
 дреждак (с.-х. диал.) 334
 дрезга (юсл.) 333, 334, 337, 338
 дрезгав (болг.) 334, 335, 338
 дрезгавина (болг.) 334
 дрезгак (болг. диал.) 333, 338
 дрезгати (с.-х. диал.) 334
 дрезгач (болг. диал.) 338
 дрезги (мак. диал.) 333
 дрезгоња (с.-х. диал.) 334
 дрезгувам (болг. диал.) 334
 дрезгуља (с.-х. диал.) 335
 дрездак (рус. диал.) 333; (болг. диал.) 332-334; (с.-х. диал.) 334
 дрекнути (с.-х.) 256
 дречати (с.-х.) 256
 држдењак (с.-х. диал.) 135
 дрѣача (с.-х.) 430
 дрова (рус.) 222
 дровина (рус. диал.) 222
 дроча (мак. диал.) 268
 дрочи (мак.) 268
 дрочити (укр.) 268
 дрочить (рус.) 268
 дрпати (с.-х.) 256
 дрска (мак. диал.) 333
 друждевњак (с.-х. диал.) 134, 137
 друзг (рус. диал.) 336, 337
 друзга (рус. диал.) 336
 друзги (рус. диал.) 336
 дръгнъ (болг. диал.) 285
 дръздак (болг. диал.) 332, 333
 дрыгать (рус.) 285
 дрыгва (рус. диал.) 336
 *дрызгель (рус. диал.) 336
 дрызель (рус. диал.) 336
 дрѣкаты (полес.) 256
 дрызг (рус. диал.) 287, 332, 335-337
 дрызга (рус. диал.) 332, 336
 дрызгаться (рус. диал.) 334
 дрызги (всл.) 286, 337

дразга 332, 333, 335
 дразда 332
 дразна 332
 дуб 81, 86, 401–403
 дубец 401
 дубина 84
 дубіна (полес.) 86
 дубінка (полес.) 86
 дубник (дубнік) (полес.) 25, 86
 дубнічок (полес.) 86
 дубовик (рус.) 401
 дубок (полес.) 86
 дубочок (полес.) 86
 дуброва (полес.) 25, 37
 дубянка 401
 дуга (рус. диал.) 170, 190, 197,
 206, 210; (блр.) 170; (укр.
 диал.) 170, 173, 175, 199, 203,
 206; (к.-укр.) 183, 195, 199, 203;
 (с.-х. диал.) 171, 200, 207, 213
 дуга-ра (рус. диал.) 170, 197
 дуга-радуга (рус. диал.) 170, 197,
 198
 дуга-рай (рус. диал.) 197
 дуда (рус.) 269
 дудка (рус.) 269
 дужд (с.-х. диал.) 135
 дуждевяк (с.-х. диал.) 138
 дуждењак (с.-х. диал.) 135, 136
 дужђувар (мак. диал.) 137
 дужевњак (с.-х. диал.) 135
 дужити се (с.-х. диал.) 135
 дужњевак (с.-х. диал.) 137
 дул (болг. диал.) 287
 дулица (болг. диал.) 287
 дульчатый (рус. диал.) 287
 дуля (рус.) 287
 дуница (болг. диал.) 197
 дуница-ваница (болг. диал.) 197
 дуџга (укр. диал.) 170
 дџга (болг. диал.) 171–173, 196–
 198, 206; (мак. диал.) 171
 дџгагица (болг. диал.) 196
 дџга-дџгица (болг. диал.) 196
 дџга-дџгвицџ (болг. диал.) 196
 дџгица (болг. диал.) 173, 197
 дџжд (юсл.) 234
 дџждовник (болг.) 137
 дџжди 'pluit' (болг., мак. диал.)
 132
 дџждовник (болг., мак.) 137

дџждџ (болг. диал.) 210
 дџмга (болг. диал.) 198
 дџрпам (болг.) 256
 дџш (болг. диал.) 51, 256
 дџјка (полес.) 253
 дџмка (рус.) 163
 дџтынытыс' (полес.) 254
 дџџж (с.-х. диал.) 125, 126
 дџџж (с.-х. диал.) 126
 дџџж (с.-х. диал.) 126
 дџжд (с.-х. диал.) 126
 дявол (болг.) 278
 дяг (рус. диал.) 263, 304
 дяга (рус. диал.) 304; (укр. диал.)
 263, 304
 дягло (рус. диал.) 263, 304; (укр.
 диал.) 263
 дяглый (рус. диал.) 263, 304
 дягнуть (рус. диал.) 263, 304

Е

егоза (рус.) 400
 еле-феле (болг. диал.) 283
 елка (всл.) 401
 еловик (рус.) 401
 елочка (всл.) 401
 ель 402, 403
 емеш (юсл.) 233
 ендова (всл.) 292

Ж

жаба (с.-х., полес.) 258
 жабњак (с.-х.) 252
 жабокрек (с.-х.) 252
 жаборина (к.-укр.) 252
 ж'абор'ин'н'е (полес.) 252
 жабуняк (болг.) 252
 жабурињня (к.-укр.) 252
 ждати (укр.) 285
 ждаты (рус.) 285
 ждаць (блр.) 285
 ждрал (с.-х. диал.) 135, 136
 ждуждевяк (с.-х. диал.) 135
 жегувица (мак. диал.) 137
 железо 234, 262
 желтуха (рус. диал.) 322
 жељезо (с.-х.) 138
 жердџ (болг. диал.) 287
 жердџ (рус.) 287
 жеруха (рус. диал.) 322

жешка (вода) (болг. диал.) 64
 жидель (рус.) 336
 жилав (с.-х.) 256
 жито (мак. диал.) 192
 жито і вино (мак. диал.) 192
 жлукто (всл.) 292
 жниво (всл.) 93
 жнивьє (всл.) 93
 жніўнік (блр.) 91
 жн'аўн'ік (блр.) 92
 жуль (с.-х.) 235, 262
 жылавыј (полес.) 256

З

забавныј (полес.) 254
 забути (укр.) 298
 забыть (рус.) 267, 298
 забыць (блр.) 298
 завершити (к.-укр.) 254
 заворань (юсл.) 234
 завршити (с.-х.) 254
 заврша (болг.) 254
 завыршыты (полес.) 254
 загар (к.-укр.) 162
 загорода (блр. диал.) 301
 загогулька (рус.) 287
 задрхнуть (рус.) 267
 закалили (к.-укр.) 251
 запупавеем (болг. диал.) 285
 зараменьє (рус. диал.) 350
 застола (полес.) 373
 заткнути пельку (укр.) 307
 здрав као риба (с.-х.) 263
 здэпаты (полес.) 256
 зеленило (мак.) 175
 зеленина (к.-укр.) 94
 зельє (с.-х.) 188, 234, 262
 земај на нарок (болг. диал.) 283
 земја (мак.) 273
 земл'а (полес.) 257
 земля (рус., укр.) 275
 земля святая (укр. диал.) 275
 земля (с.-х.) 263, 272, 275, 341
 земля (мак. диал.) 273
 земля (болг.) 272, 275, 276, 343
 зепат' (полес.) 257
 зерцало (рус.) 287
 зизекам (болг. диал.) 281
 зима (полес.) 257
 зимля (блр. диал.) 275
 змітати (полес.) 189

знамн'є (укр. диал.) 189
 знак (к.-укр.) 189, 203
 знамение господне (рус. диал.) 189, 212
 знебец (с.-х. диал.) 134, 136
 зной 234; (болг. диал.) 164-166; (рус.) 167
 зној (с.-х.) 138, 165, 234, 262
 золотуха (рус. диал.) 321
 зона (болг. диал.) 185
 зуна (болг. диал.) 185, 186, 198, 206, 210
 зуненичка (болг. диал.) 185
 зунинка (болг. диал.) 185
 зунница (болг. диал.) 173, 185, 186, 197, 200; (мак. диал.) 185, 186
 зунница-ваница (болг. диал.) 197
 зунници (мак. диал.) 186
 зуничка (болг. диал.) 185, 186
 зунка (болг. диал.) 169, 174, 185, 186, 193, 197, 198, 200, 202, 215; (мак. диал.) 169, 186, 198
 зъркалі (болг. диал.) 282
 зърцало (болг. диал.) 287
 зымня (полес.) 275
 зыркалы (рус.) 282
 зьунка (болг. диал.) 193
 зюзя (рус.) 281
 зямля (блр.) 275
 зяпам (болг.) 257

S

зевека (мак.) 281
 зевекам (болг. диал.) 281
 зркли (болг. диал.) 282
 зунница (мак. диал.) 203

И

ива 402, 403
 идет (дождь) 65
 избиток (болг. диал.) 283
 избуйити очи (с.-х.) 254
 изноих се 'вспотел' (мак. диал.) 165
 икра (рус., болг. диал.) 283
 иней (рус.) 29
 исклбучам (болг. диал.) 280
 исти (с.-х.) 257
 исхлбуча (болг. диал.) 280
 исхлбучам са (болг. диал.) 280

I

іва (полес.) 86
івіна (полес.) 86
івінка (полес.) 86
івнік (полес.) 86
івнічок (полес.) 86

Й

йасейка (к.-укр.) 188
йасна (укр. диал.) 175, 188, 203
йасниц'і (к.-укр.) 188
йасн'їука (к.-укр.) 188
йаструбец (полес.) 324

J

јагода (полес.) 93
јама (полес.) 373
јасен' (полес.) 86
јастреб (мак.) 321
јастријеб (с.-х.) 321
јаструб (укр. диал.) 323
јастрѣб (укр. диал.) 323
јастрѣбѣц (укр. диал.) 323
јемеш (юсл.) 233
јолка (полес.) 85, 86
јутрењ (с.-х. диал.) 234

К

кабачок (укр. диал.) 155
кадеш (болг.) 162
кал (полес., к.-укр.) 251; (болг.) 252
калина 402
калинка (рус.) 405
калінка (блр.) 405
калыска (блр.) 301
каъав (с.-х.) 252
камен (с.-х., мак.) 235
камѣк (болг.) 235
капа (полес., юсл.) 256
капель (рус.) 336
капушта 262
каракуцька (укр. диал.) 155
карпуза (болг.) 235
каршак (блр. диал.) 322
каршук (блр. диал.) 322
каршун (блр. диал.) 322
кат (болг.) 162
кашне (рус.) 393, 394

кашуля (блр.) 301
кедр 402
кекнутъ (рус. диал.) 399
кербъ (рус. диал.) 63
кизил 402; 403
кирвавина (к.-укр.) 94
киртина (к.-укр.) 94
кирточина (к.-укр.) 94
кис'алиха (блр. диал.) 189, 211
кисель (рус.) 336
кислаја погода (полес.) 189
кислюха (рус. диал.) 321
кисна (болг.) 251
киснути (с.-х., к.-укр.) 251
китина (с.-х.) 251
кичка (всл.) 269
киша (с.-х.) 49, 51, 124, 126, 135, 137, 138, 163, 206, 211, 234, 235, 262, 265, 266, 299
к'иша (болг. диал.) 210
кишняк (с.-х. диал.) 133-135, 137, 234, 235
клава (мак.) 156
клада (болг.) 156, 157; (мак. диал.) 156
кладем (болг., с.-х. диал.) 157
кладка (полес.) 29
клам (болг. диал.) 157
класти (с.-х.) 234, 262; (укр.) 155
класть (рус.) 155, 262
класці (блр.) 155
клеверище (всл.) 93
клекна (болг.) 256
клекнути (с.-х.) 256
клен 402, 405
кленик (укр. диал.) 405
кленъ (рус. диал.) 405
кликер (с.-х.) 385
кл'он (полес.) 86
кл'оніна (полес.) 86
кл'онінка (полес.) 86
кл'уч (блр. диал.) 191
кльдѣм (с.-х. диал.) 157
ковчег (с.-х. диал.) 375
коверзени (рус. диал.) 320
коверзни (всл.) 238
ковзатыс' (полес.) 255
ковзты (полес.) 255
козла (рус., болг. диал.) 283
козлац (с.-х.) 233
кокѣж (болг. диал.) 285

кокнуть (рус.) 285
 кокнѣ (болг. диал.) 285
 колетуха (рус. диал.) 322
 коломаз (с.-х.) 253
 коломазѣ (к.-укр., полес.) 253
 колотуха (рус. диал.) 322
 колошва (полес.) 253
 колошни (к.-укр.) 253
 колуха (рус. диал.) 322
 колюха (рус. диал.) 322
 коньяк (рус.) 380
 коркобиц' (к.-укр.) 199
 корковец (к.-укр.) 199
 кормник (к.-укр.) 253
 кормык (полес.) 253
 коровај (полес.) 257
 коромис'ел на н'еб'е (полес.) 192
 коромисло (полес.) 192
 коромысло (всл.) 192, 201
 кортюха (рус. диал.) 322
 корчи (полес.) 27
 коршак (укр. диал.) 323
 коршун (блр., укр. диал.) 322
 коченеть (рус.) 287
 кошара (с.-х., болг., полес., к.-укр.) 253
 край (полес.) 25; (рус. диал.) 350
 краса (укр. диал.) 187, 188, 199, 203; (блр. диал.) 187
 красавица (блр. диал.) 188
 краска (укр. диал.) 187, 188, 211; (блр. диал.) 187
 красный (рус.) 347
 красный гриб (рус.) 401
 красуля (всл.) 187, 188, 200
 кратациа (блр.) 303
 кратациъ (блр.) 303
 кренути (с.-х.) 256
 кретаж (болг.) 256
 крестовики (рус. диал.) 238, 320
 криво-ляво (болг.) 152
 крила (к.-укр.) 252
 кринишник (укр. диал.) 191
 крме (с.-х.) 253
 круг (полес.) 25
 крунуты (полес.) 256
 крушѣна (к.-укр.) 87
 крушина (полес.) 86
 крушинка (полес.) 86
 крушник (полес.) 86
 крушнічок (полес.) 86

крыло (полес.) 252
 крятати (к.-укр.) 302
 крятаты(ся) (рус. диал.) 302, 303
 купина (к.-укр.) 94
 купус (с.-х.) 138, 234, 262
 курінь (укр. диал.) 375
 кућа (с.-х.) 253, 375
 куча (полес., к.-укр.) 253
 кучин'асвѣж (болг. диал.) 281, 287
 кучка (полес.) 253
 кѣща (болг.) 253
 кыслаја погода (полес.) 251
 кыснуты (полес.) 251

Л

л'ада (блр. диал.) 64
 лапти (рус.) 238
 ласкав (с.-х.) 138, 262
 лев (мак.) 145
 левак (с.-х.) 430
 левая (работа) (рус.) 150
 л'ев'е (болг. диал.) 150
 леви (с.-х.) 145
 левы (блр.) 144
 левый (рус.) 144
 ледина (рус. диал.) 349
 лебез, лемеш (юсл.) 233
 лепуха (рус. диал.) 322
 лес 25, 68, 116, 370
 лесичина свадьба (болг. диал.) 193, 203, 215
 лесичина зунка (болг. диал.) 193, 215
 лесичино платно (болг. диал.) 193, 215
 лети 'идет' (дождь) (болг. диал.) 66, 256
 лешник (с.-х., болг.) 252
 ливада (с.-х.) 340
 липа 106, 401-403
 липица (всл.) 401
 липник (полес.) 25
 липовина (болг.) 106
 лисичасти байрек (болг. диал.) 190, 193, 215
 лис'іўка (к.-укр.) 193, 215
 лице (к.-укр.) 202
 лівий (укр.) 144
 ліпа (полес.) 85, 86
 ліс (полес.) 368
 ліс'іўка (к.-укр.) 193

ліска (к.-укр.) 252
л'ишчѣна (к.-укр.) 87
ліщина (к.-укр.) 94
ловж (всл.) 292
ложити (с.-х.) 158
лоза (полес.) 86
лозіна (полес.) 86
лозінка (полес.) 86
лознік (полес.) 86
лознічок (полес.) 86
ломачье (полес.) 27
лоша среца (болг.) 259
луста (укр.) 291
лубеница (юсл.) 235, 262
луг 29; (полес.) 27; (с.-х.) 369
луговина (к.-укр.) 94
лужа (рус.) 363
лужѣтити (с.-х.) 262
лужник (с.-х.) 369
лузгать (рус.) 262
луна 387
лунь (блр., рус. диал.) 290
лупина (к.-укр.) 94
лупити (*грах*) (с.-х.) 262
луска (полес.) 252
луспа (к.-укр.) 252
луста (укр., полес.) 32
лущить (рус.) 262
лъскав (болг.) 235
лыва (рус. диал.) 363
лыжак (полес.) 373
лыскы (полес.) 252
лъет (дождь) 65
любеница (болг.) 235
люде (к.-укр.) 64
люлька (блр. диал.) 301
люспа (болг.) 252
лют (болг.) 64
ляв (болг.) 145
ляда (блр.) 297, 301; (рус. диал.) 355
лядина (болг.) 347; (рус. диал.) 355
лядо (полес.) 349

ЛЪ

љуска (с.-х.) 252

М

мавр 194
мадрид (рус.) 381

май 195
майівка (к.-укр.) 195
майчин пояс (болг. диал.) 183
майъ сѣ (болг. диал.) 286
мајка (с.-х.) 258, 263
мајка земља (с.-х.) 275
малага (рус.) 380
маланка (полес.) 204
малиновка (рус.) 405
мамино (с.-х., мак.) 252
мамын (полес.) 252
мангла (мак. диал.) 203, 204
манчестер (рус.) 381
маслењак (с.-х. диал.) 134
мати (полес.) 258
матушка (рус.) 197
мать сыра земля (рус.) 275
мая (болг.) 286
маяться (рус.) 286
мегленишак (с.-х. диал.) 134
метати (с.-х.) 234
метод (рус.) 394
метро (рус.) 393; (с.-х.) 393
меѣтати (с.-х.) 262
мехур (с.-х.) 253
мец'елуха (полес.) 189, 203
министар (с.-х.) 392
мишина (к.-укр.) 94
михур (к.-укр.) 253
міхирь (к.-укр.) 253
млитав (с.-х.) 257
мличови (полес.) 257
много (мак. диал.) 66
моглици (полес.) 26
модрило (мак.) 175
мозол (юсл.) 235
мозоль (рус.) 262
моје вино — моје жито (мак. диал.) 192
моксель (рус. диал.) 336
молчать 262
морквица (к.-укр.) 94
моросить 65
мост (рус. диал.) 192
мотаться (рус.) 286
моткъм сѣ (болг. диал.) 286
мотъм сѣ (болг. диал.) 286
моховик (рус.) 401
мочорад (с.-х. диал.) 134
мрѣяти (с.-х.) 256
мръсен (болг. диал.) 64

музој (с.-х.) 262
мумлати (с.-х.) 256
мумљати (с.-х.) 256
мумрынута (полес.) 256
мумрытаты (полес.) 256
мутайъ съ (болг. диал.) 286
мучат (с.-х. диал.) 262
мѣмря (болг.) 256
мѣглев гуцер (болг.) 137

Н

на чорныј паз'ур (полес.) 255
навилка (к.-укр.) 253
навилок (к.-укр.) 253
навиляк (с.-х.) 253
навыльник (полес.) 253
наз'уз'укам са (болг. диал.) 281
наз'уз'укам са (болг. диал.) 281
назюжукаться (рус.) 281
наизготовку (рус.) 283
наизнанку (рус.) 283
наизусть (рус.) 283
наискос (болг. диал.) 283
наисплекс (болг. диал.) 283
наклобучить (рус. диал.) 281
накрапывать 65
накрытатъ (рус. диал.) 302
нализал се (болг. диал.) 284
нарежал се (болг. диал.) 284
нарок (болг. диал.) 283
нарочвам (болг. диал.) 283
нарочувам (болг. диал.) 283
наруб (полес.) 373
наруб'аскъм съ (болг. диал.) 284
натрескал се (болг. диал.) 284
натице (к.-укр.) 255
натице сердце (к.-укр.) 255
нахал (рус.) 288
нахалус (болг. диал.) 288
нахлбучвам (болг.) 280
нахлбуча (болг.) 280
нахлбучить (рус.) 281
наште срца (с.-х.) 255
нашчосърцѣ (полес.) 255
не чкни (рус. диал.) 282
небе (болг.) 132
небесне вѣкно (к.-укр.) 202
небец (с.-х. диал.) 134
небо (с.-х.) 136; (полес.) 257
невнарок (рус. диал.) 283
негода (полес.) 52, 53

недобры на переход (полес.) 259
нежид (рус. диал.) 286
нежит (болг. диал.) 286, 288
нежить (рус.) 286
незаметно (рус.) 287; (болг. диал.) 287, 288
ненароком (рус.) 283
неприлюдный (полес.) 258
неуљудан (с.-х.) 258
нигда (с.-х.) 255
нигде (с.-х.) 255
нива (полес.) 26
нижит (болг. диал.) 286
низ (полес.) 26
низина (к.-укр.) 94
нигда (к.-укр.) 255
нигде (к.-укр.) 255
нигеглік (блр. диал.) 298, 299
нихоть (к.-укр.) 255
новина (к.-укр.) 94
ново жито (мак. диал.) 192
н'огот' (полес.) 255
нокат (с.-х.) 255
носѣача (с.-х.) 430
ныгдѣ (полес.) 255
ныгды (полес.) 255
нымагильник (блр. диал.) 373

О

одесныж 149
одѣвжж 149
ошѣжж 149
обед (рус.) 262; (юсл.) 235, 262
облак (с.-х.) 257; (болг. диал.) 132, 181; (мак. диал.) 133, 171, 180, 181, 201, 204
обложник (болг. диал.) 286, 288
обложной дождь (рус.) 286
обор (болг., с.-х.) 253
обора (полес., к.-укр.) 253
оборожина (к.-укр.) 94
обрамень (рус. диал.) 350
обриф (болг. диал.) 282
оброк (полес.) 247
объегорить (рус.) 381
обяд (болг.) 235
овсянице (всл.) 93
огаъ (с.-х.) 138, 234, 262, 266
огонь (всл.) 262, 265
огън (болг.) 234
одевам (болг. диал.) 284

одена (болг. диал.) 284
 одрезавая (болг.) 334
 ожег (с.-х.) 253
 ожидам (болг. диал.) 285, 288
 ожидать (рус.) 285
 ожог (полес., к.-укр.) 253
 озеро (полес.) 27
 озимина (к.-укр.) 94
 оје (с.-х.) 233
 ојиште (с.-х.) 233
 окилавети (с.-х.) 254
 окилавити (к.-укр.) 254
 окит' (полес.) 251
 окитити (с.-х.) 251
 окидь (к.-укр.) 251
 окол'авам (болг. диал.) 281
 околвам (болг. диал.) 281
 околеѧ (болг. диал.) 281
 околетъ (рус.) 281
 окиды' (полес.) 251
 окылавыты (полес.) 254
 олѧс (всл.) 292
 (в)олешина (полес.) 85, 364
 ол'ха (полес.) 85, 86
 ольха 99, 402, 403
 ольховник (рус.) 401
 ольхушка (рус. диал.) 401
 ольшанка (рус. диал.) 405
 ольшина 84
 олешинка (полес.) 85
 олешник (полес.) 85
 олешиничок (полес.) 85
 онучи (рус.) 269
 опас (болг. диал.) 184
 опел'ка (полес.) 309
 оплеуха (болг. диал.) 282
 ополонка (укр.) 309
 опупеть (рус.) 285
 опѧс (болг. диал.) 184
 оралка (рус. диал.) 356
 оранка (рус. диал.) 356
 орать (рус. диал.) 350, 355, 356
 орех 402
 орешина (полес.) 86
 орешинка (полес.) 86
 орешник (полес.) 86
 орешничок (полес.) 86
 оса (полес.) 100
 осада са (болг. диал.) 284
 осадина (рус.) 284
 осванути (с.-х.) 254

освінути (к.-укр.) 254
 освынуты (полес.) 254
 оселок (рус.) 178; (полес.) 178, 179
 осина 84–86, 100, 402
 осинник (рус.) 401
 осиновик (рус.) 401
 осініна (полес.) 85
 осінінка (полес.) 85
 оскомина (к.-укр.) 94
 осла (укр.) 178
 оснік (полес.) 85
 оснічок (полес.) 85
 остров 25, 116
 острабѧц (укр. диал.) 323
 охота (рус., болг. диал.) 286
 оцѧт (мак. диал.) 192
 очи (с.-х.) 254
 очікувати (укр.) 285
 ошавати 282

II

пагода (блр. диал.) 210
 пада, падинва (дождь) (чак.) 66
 паз'ур (полес.) 255
 пайас (блр. диал.) 184
 палати (укр.) 188
 палена (блр.) 217
 пал'етка (полес.) 349
 пальто (рус.) 393
 паметан (с.-х.) 257
 памятный (полес.) 257
 парадуха (полес.) 177
 паренина (к.-укр.) 94
 парина (к.-укр.) 94
 пас (с.-х.) 182, 262; (полес.) 184, 204
 - на небе (полес.) 184
 - светог Луке (с.-х. диал.) 182
 пасіѧ (с.-х.) 262
 паузина (к.-укр.) 94
 паутина (к.-укр.) 94
 пахать (рус. диал.) 355
 п'еја (полес.) 308
 пелена (рус.) 318
 пелѧнка (рус.) 318
 пелецко (рус. диал.) 311
 пелечка (рус. диал.) 311, 312, 314
 пелка (блр. диал.) 309
 пело (рус. диал.) 312
 пель (блр. диал.) 309; (полес.) 307, 308

- пелька (всл.) 290, 292, 306–314, 318, 332
 пельки (всл.) 307, 310–315
 пельковый (блр. диал.) 311
 пелюшки (блр. диал.) 318
 пеля (блр. диал., полес.) 308, 309
 п'ен' (полес.) 307
 пен'ок (полес.) 307
 перавясло (блр.) 192
 перевеселуха (блр. диал.) 192
 перелог (рус.) 269
 перепалити (укр.) 188
 перепал'ица (полес.) 188
 переслопина (к.-укр.) 94
 переход (полес.) 259
 перун (полес.) 204
 пестуха (рус. диал.) 322
 петелька (рус.) 318
 печарка (к.-укр.) 252
 печерица (к.-укр.) 252
 печурка (с.-х., болг., к.-укр.) 252
 пијан као мајка-земља (с.-х.) 263, 275
 пирити (с.-х.) 256
 пихат (юсл. диал.) 262
 пихать (рус.) 262
 пихта 402, 403
 пиян като земя (болг.) 275
 підгорлина (к.-укр.) 94, 253
 підгорля (к.-укр.) 253
 піт (укр.) 167
 плаз (юсл.) 234
 плазица (юсл.) 233
 пламен (юсл.) 235
 пламък (болг.) 235
 планина (юсл.) 33, 58, 251, 340, 348
 плаполя (болг. диал.) 400
 платно (болг. диал.) 183, 193, 215
 плеђка (с.-х.) 252
 плитак (с.-х.) 254
 плитък (болг.) 254
 плиткий (к.-укр.) 254
 пл'ичка (полес.) 252
 пліче (к.-укр.) 252
 плодуха (рус. диал.) 321
 плот (блр.) 301
 плиткыј (полес.) 254
 пльчю (полес.) 252
 поверхнина (к.-укр.) 94
 повитуха (рус. диал.) 322
 поворотняк (с.-х. диал.) 259
 повторено дете (болг.) 259
 погода 54; (рус.) 67, 128, 129; (укр. диал.) 52, 210; (полес.) 52, 53, 189, 251
 погодиться (рус.) 129
 погодица (рус.) 129
 погодище (рус.) 129
 погодной (рус. диал.) 129
 погодушка (рус.) 129
 погодые (рус. диал.) 129
 подберезовик (рус.) 401
 подгрляча (с.-х.) 253
 поддубена (рус. диал.) 374
 подина (к.-укр.) 94
 подкузьмить (рус.) 381
 подмошник (рус.) 401
 подореховик (рус.) 401
 подорешник (рус.) 401
 подгелыш (рус.) 401
 поес (болг. диал.) 210
 пожегача (с.-х.) 430
 пожня (блр.) 91, 92
 пойас (полес., к.-укр.) 183, 184; (болг. диал.) 182, 184, 213
 - Божойі матери (полес.) 184
 пойаса на св. Богородица (болг. диал.) 184, 193
 појаска (полес.) 184
 појасна (болг. диал.) 183
 појасница (полес.) 184
 пойма 29
 поймать за пельки (рус. диал.) 313
 појас (болг. диал.) 214; (мак. диал.) 171, 182, 204
 покатый мост (рус. диал.) 192
 покосные лапти (рус.) 238
 полагаги (с.-х.) 158
 поле (полес.) 398
 полено 234; (рус.) 217, 218, 262; (юсл.) 218–221, 262
 полино (укр.) 217
 положить (с.-х.) 158
 полой (к.-укр.) 251
 полој (с.-х., полес.) 251
 полон'а (полес.) 251
 полонина (к.-укр.) 32, 94, 251, 348
 полонка (укр.) 309
 полонь (полес.) 32, 308, 348
 полѣти 221, 222
 поляна (полес.) 26

по́лана (с.-х.) 340
 по́ле (с.-х.) 340
 по́лено (с.-х. диал.) 219–221;
 (мак. диал.) 221
 поно́сити се (с.-х.) 254
 поно́ситися (к.-укр.) 254
 поно́сытыс' (полес.) 254
 поро́сля (полес.) 25
 портфе́ль (рус.) 393
 поруче́нь (рус. диал.) 192
 посо́ка (полес., болг.) 299
 постава́к (юсл.) 234
 по́т (всл.) 167, 262; (юсл.) 138,
 165, 166, 234, 262
 похре́бтина (к.-укр.) 94
 пошаст (с.-х.) 253
 поше́сть (к.-укр.) 253
 поше́с'ц' (полес.) 253
 поэ́зия (рус.) 394
 по́яс (всл.) 262; (к.-укр.) 183;
 (болг.) 174, 182–184, 193
 ~ бо́жий (к.-укр.) 183
 по́ясъ (болг. диал.) 183
 ~ на дя́до Госпо́д (болг. диал.)
 183, 214
 пра́в(и) (юсл.) 148, 151, 163, 234,
 254, 433
 пра́вий (укр.) 144, 151, 254
 пра́вы (блр.) 144
 пра́вый (всл.) 262; (рус.) 144;
 (полес.) 254
 пра́жыты (полес.) 256
 пра́мень (блр.) 187
 прегача (с.-х.) 430
 препаска (болг. диал.) 184
 пресе́н (болг.) 257
 пресна́ земл'а (полес.) 257
 ~ зи́ма (полес.) 257
 пресни́ (с.-х.) 257
 пржи́ти (с.-х.) 256
 приведе́ник (болг., к.-укр.) 252
 приведе́ница (к.-укр.) 252
 пригво́здити 267
 пригво́здитъ (рус.) 267
 пригори́шта (болг. диал.) 282
 при́с'тойі Ді́вы по́яс (к.-укр.)
 183, 184
 пристава́ти (к.-укр.) 254
 приста́на пристава́м (болг.) 254
 приста́ти (к.-укр.) 254
 при́хором (полес.) 373

про́вала обла́ка (с.-х.) 257
 провали́лось не́бо (полес.) 257
 проду́кат (с.-х.) 392
 прое́кт (рус.) 394
 про́жин' (блр. диал.) 187
 просо́ (болг., мак. диал.) 193
 простофи́ля (рус.) 381
 прти́ти (с.-х.) 256
 прыты́ты (полес.) 256
 прѣ́чка (болг.) 259
 прывы́д'инка (полес.) 252
 прывы́д'инэ́ц' (полес.) 252
 прыкля́д (полес.) 373
 прыпра́жытыс' (полес.) 256
 прыска́ть (рус.) 337
 прыста́ты (полес.) 254
 псовати́ (с.-х.) 254
 псовати́ (полес.) 254
 псува́м (болг.) 254
 псува́ти (к.-укр.) 254
 пуга́ (укр.) 217
 пуга́ть (рус.) 217
 пудга́рле (полес.) 253
 пу́зина (к.-укр.) 94
 пукле́нина (к.-укр.) 94
 пу́лити (очи) (к.-укр.) 254
 пу́лытыс' (полес.) 254
 пу́сока (полес.) 299
 пу́трењак (с.-х. диал.) 134
 пу́х'ир (полес.) 253
 пу́хлени́на (к.-укр.) 94–95
 пу́хлина́ (к.-укр.) 95
 пше́нице (всл.) 93
 пѣ́ржа (болг.) 256
 пѣ́рцонки́ (болг. диал.) 317
 пѣ́хам (болг.) 235
 пы́рты (полес.) 256
 пы́рылэты́ты (полес.) 256
 пы́чурка (полес.) 252
 пъя́ны як зямля́ (блр. диал.) 275
 пъя́ный бы зы́мня (полес.) 275

Р

рабі́на (полес.) 86
 рабі́нка (полес.) 86
 рабні́к (полес.) 86
 рабні́чок (полес.) 86
 рада́ (укр. диал.) 176, 198, 212
 радави́ца (полес.) 176, 200
 раді́га (укр. диал.) 175
 рад'і́ха (полес.) 177

- радов'їца* (укр. диал.) 176
радовница (всл.) 176, 212
радоўка (укр. диал.) 176, 210
радуга (всл.) 175–177, 198; (рус.) 175, 197, 198, 200, 201; (блр.) 170, 175, 177, 184, 187, 200; (укр. диал.) 175, 180, 210, 211; (к.-укр.) 175, 178, 183, 199, 203; (полес.) 183, 188, 192, 203
радуга-дуга (рус. диал.) 197, 214
радусник (укр. диал.) 176
радуха (полес.) 189
радушие (рус.) 198
раждам (болг.) 346
разлат (болг. диал.) 283
рай (всл.) 176
райдуга (рус., укр. диал.) 175, 203
ракија (мак. диал.) 192
ракита 402
ралина (рус. диал.) 356
ралица (юсл.) 233
ралник (болг. диал.) 233
рало (рус.) 349
раль (рус.) 349
рама (рус. диал.) 350
рамежка (рус. диал.) 353
раменный (рус. диал.) 353, 354
раменский (рус. диал.) 353
рамень (рус. диал.) 349–355
раменьё (рус. диал.) 116, 117, 349–356
рамка (рус. диал.) 350
**рамо рамена* 350
раоник (с.-х.) 233
раскокать (рус.) 285
ратай (рус.) 349
ратва (др.-рус.) 349
рачки (всл.) 238
регистар (с.-х.) 392
редно (полес.) 257
резуха (рус. диал.) 322
реноже (рус.) 394
репах (укр. диал.) 323
речка (рус. диал.) 191
решетка (рус.) 401
ржавый 433
ржаник (всл.) 93
ржань (всл.) 93
ржевник (всл.) 92, 93
ржище (всл.) 92, 93
ржонне (блр.) 92
ржынне (блр.) 91
ржыска (блр.) 91
ржышча (блр.) 91
ржэўнік (блр.) 91
риба (с.-х.) 263
риза (болг. диал.) 193
рита́м (с.-х.) 392
різати (к.-укр.) 93
рік (полес.) 52, 53
родина (к.-укр.) 95; (болг. диал.) 343, 345–347
родинява (болг. диал.) 343
родинява земя (болг. диал.) 343
родна земля (с.-х.) 341
рок 56
рокіта (полес.) 86
рокітіна (полес.) 86
рокітінка (полес.) 86
рокітнік (полес.) 86
рокітнічок (полес.) 86
роковина (к.-укр.) 95
роничка 'накрапывает' (болг. диал.) 66
росалка (укр. диал.) 191
роси 'моросит' (болг. диал.) 66
роска (мак. диал.) 191, 203
роща 116
рубашка 269, 301
руд (болг.) 347
руда (всл.) 344, 346; (болг.) 347
руда лядина (болг.) 347
рудава (болг. диал.) 342
рударня (болг. диал.) 342
рудина (юсл.) 32, 340–343, 345, 347, 348; (полес.) 344, 346, 348
рудинак (болг. диал.) 341
рудинъ (болг. диал.) 342, 343
рудинява (болг. диал.) 341, 342
руднява (болг. диал.) 342
рук (к.-укр.) 51
рукна (болг.) 281
рукне (мак.) 281
русалка (всл.) 191
русаўка (к.-укр.) 191
рухне (мак. диал.) 281
ручак (с.-х.) 235, 262
ручица (с.-х.) 233
рѣчаница (болг.) 389
рѣчица (болг. диал.) 233
рябина 402, 403
ряма (рус. диал.) 347

С

- сага* (саги) (мак.) 160, 162
садануться (рус.) 284
сadjа (сadj'i) (к.-укр.) 161, 162
садило (мак.) 175
сађа (с.-х.) 138, 234, 262
сађе (с.-х. диал.) 159
сађа (с.-х. диал.) 159
сажа (к.-укр.) 161, 162; (рус.) 262
сажди (юсл.) 160, 234
сaj'эна (к.-укр.) 164
саја (чак.) 159
само (полес., к.-укр., с.-х., болг.) 255
само так (полес.) 255
само тыл'ко (полес.) 255
сарочка (блр.) 301
сарыга (рус. диал.) 325
сат (юсл.) 51
свадба (болг. диал.) 193, 203, 215
св'атка (укр. диал.) 189
свербуха (рус. диал.) 322
святая земля (укр.) 275
седало (болг. диал.) 252
седело (мак.) 252
седя (болг.) 132
секира (юсл.) 234, 262
сеножать 29
середина (рус. диал.) 293
серпуха (рус. диал.) 321
серце (к.-укр.) 255
сеттер (рус.) 394
сетъки (болг. диал.) 287
сидало (полес.) 252
сивина (к.-укр.) 95
сиворван'а (к.-укр.) 199
силка (к.-укр.) 178, 179
силок (к.-укр.) 178
сине редно (полес.) 257
синий (полес.) 257
синик (рус. диал.) 401
синовац (с.-х.) 252
синовець (к.-укр.) 252
сиъ (с.-х.) 257; 263
сировая земля (укр.) 275
сiварван' (к.-укр.) 199
сiдало (к.-укр.) 252
скала (с.-х., к.-укр.) 253
скалка (полес., к.-укр.) 253
скиба (всл.) 32
скибка (всл.) 32
скибочка (блр.) 32
ски́бка (полес.) 32
скорушина (к.-укр.) 95
скреж (болг.) 29
скутача (мак.) 430
слана (болг.) 29
слепой дождь 204
сметана (рус.) 269
смик (укр. диал.) 190
смок (всл.) 190, 191, 206; (болг.) 191
смолина (смолина) (полес.) 58, 89, 361
смуга (к.-укр.) 187, 199; (полес.) 265
снег (мак.) 299
с'н'ег (полес.) 299
сова (к.-укр.) 195
советский (рус.) 394
совѣтски (с.-х.) 394
солнце 387
солумендра (мак. диал.) 137
сонце (к.-укр.) 202
сопка (рус. диал.) 58
сопло (рус.) 365
сосна 358, 402, 403; (всл.) 359, 401, 403; (полес.) 85, 86, 89, 358, 360-365
сосенка (всл.) 401
соснина (полес.) 81, 362
сосніна (полес.) 85
соснінка (полес.) 85
сосновик (рус. диал.) 401
сосновый бор (рус.) 368
сосняк (рус.) 369
сосонка (всл.) 401
сосонник (рус. диал.) 369
сосоннік (полес.) 85
сосоннічок (полес.) 85
сотніц'а (к.-укр.) 52
спека (укр., блр.) 167
спина (рус.) 312
средорек (с.-х.) 437
среща (болг.) 259
српача (с.-х.) 430
срце (с.-х.) 255
стернина (к.-укр.) 95
стерня (всл.) 93
стил (полес.) 373
столб 29

стонога (с.-х., полес.) 255
 стотина (к.-укр.) 95
 стотны (полес.) 257
 стойп (полес.) 29
 стоя (болг.) 132
 стрекать, стрекнуть (рус.) 267
 стригольникъ 284
 стрикульник (рус. диал.) 284
 стрицацъ (блр.) 267
 стрина (к.-укр.) 95
 стричка (укр. диал.) 187
 стрікнути (укр.) 267
 стругача (с.-х.) 430
 структурализм (с.-х.) 392
 стрѣбок (укр. диал.) 323
 стрѣкам (болг.) 267
 стрѣкало 267
 стрѣкати 267
 студена (вода) (болг. диал.) 65
 стѣга (болг.) 174
 стѣгица (болг. диал.) 173
 суббота 409
 суткы (полес.) 251
 сутон (с.-х.) 257
 суточкы (полес.) 251
 сутјеска (с.-х.) 251
 судина (к.-укр.) 95
 сурамень (рус. диал.) 350
 суро́ва зе́мля (болг.) 276
 сутісок (к.-укр.) 251
 сутки (укр. диал.) 251
 сутон'а́је (полес.) 257
 схватити (с.-х.) 257
 схватить (полес.) 257
 схватить за грудки (рус.) 313
 - за пельки (рус. диал.) 313
 сцать (рус.) 269
 сцѣран (блр.) 91, 92
 сыновѣц' (полес.) 252
 сыра(я) зе́мля (всл.) 275
 сырой (всл.) 275
 свѣота 409

Т

татув (полес.) 252
 тапор (болг. диал.) 288
 тарапунька (укр. диал.) 155
 тащити (укр.) 268
 тащить (рус.) 268
 твань (рус. диал.) 292; (полес.) 26
 тема (рус.) 392

темп (рус.) 394
 тенето (рус. диал.) 63
 тенч (укр. диал.) 180
 тенча (укр. диал.) 180; (блр. диал.) 187
 тенчі (укр. диал.) 180
 теплина (к.-укр.) 95
 т'ерѣмха (полес.) 86
 т'ерѣмшина (полес.) 86
 т'ерѣмшинка (полес.) 86
 т'ерѣмши́к (полес.) 86
 т'ерѣмши́чок (полес.) 86
 тика́ят (юсл. диал.) 262
 тикать (рус. диал.) 262
 тикна (болг.) 256
 тиркам (болг. диал.) 286
 тирна се (болг. диал.) 288
 тирнѣ сѣ (болг. диал.) 286
 тис 402, 403
 тищати (с.-х.) 256
 тичам (болг.) 235
 тишина 96
 тканица (болг. диал.) 193
 тлеть (рус.) 268
 токай (рус.) 380
 тол'опол' (полес.) 86
 топла (вода) (болг. диал.) 65
 топлѣча (с.-х.) 430
 тополь 402, 403
 топор (рус.) 262, 288; (юсл.) 234, 262
 торбина (к.-укр.) 95
 торгаты (полес.) 256
 торкать, торкнуть (рус.) 286
 трам (полес.) 29
 трасты (полес.) 256
 тратина (с.-х.) 340
 тргати (с.-х.) 256
 тркати (с.-х.) 286
 тростина (к.-укр.) 95
 труна (всл.) 373, 374
 трунва (всл.) 374
 трчати (с.-х.) 235, 262
 трясовина (к.-укр.) 95
 туга (к.-укр.) 172, 173, 178, 183, 199, 203
 тупор (болг. диал.) 288
 туча (всл.) 53, 180, 251, 301; (с.-х.) 251
 тыл'ко (полес.) 255
 тыркать, тыркнуть (рус.) 286

тыц'нуты (полес.) 256
 тѣга (болг. диал.) 172, 173
 тѣга Гица (болг. диал.) 196
 тѣга-тѣгаица (болг. диал.) 196
 тѣга-тѣгаица (болг. диал.) 196,
 197
 тѣгаица (болг. диал.) 196, 197
 тѣгаица (болг. диал.) 173
 тѣгѣица (болг. диал.) 196
 тѣганица (болг. диал.) 215
 тѣркаж, тѣркана (болг.) 286
 тѣрся (болг.) 256
 тѣргѣица (болг. диал.) 196
 тѣнча (блр. диал.) 180

Т

тутати (с.-х.) 262

У

убложник (болг. диал.) 286
 ужидам, ужидѣм (болг. диал.) 285
 узун (юсл.) 185
 узуничка (болг. диал.) 185
 узунка (болг. диал.) 185
 уйм (болг. диал.) 287
 уйма (рус.) 287
 ујам (с.-х.) 287
 уљевача (с.-х.) 430
 упасн'е (болг. диал.) 184
 усъача (с.-х.) 430
 утреш (юсл.) 234
 утрина (с.-х.) 340
 утрине (с.-х. диал.) 340
 ухватить за пельки (рус. диал.)
 313

Ф

факат (с.-х.) 392
 фл'окаўка (к.-укр.) 52
 фефѣла (рус.) 381
 фонема (рус.) 394
 фофан (рус.) 381
 фута (болг. диал.) 198

Х

хавронья (рус.) 381
 ханька (укр. диал.) 155
 харохоня (рус. диал.) 155
 харошый (блр. диал.) 184

харошый пайас (блр. диал.) 184
 хархары (рус. диал.) 153
 хата (укр., блр.) 375
 хатчина (к.-укр.) 95
 хвиля (укр. диал.) 19, 51, 62
 хвоина (полес.) 25, 84, 90, 360–
 362, 364, 368, 369
 хвоинка (полес.) 361, 362
 хвойка (полес.) 90, 360, 363
 хвойник (полес.) 25, 90, 369
 хвойничок (полес.) 25
 хворост (всл.) 370
 хвоя (всл.) 99, 359, 403; (полес.)
 89, 358, 360–363, 365
 херес (рус.) 380
 хлаче (с.-х.) 253
 хламати, хланути (укр.) 311
 хлань (укр.) 311
 хлещет (дождь) 65
 хлузгам, хлузна (болг.) 255
 хлѣзгам се (болг.) 255
 хлыст (рус.) 267
 хлюстать (рус. диал.) 267
 хмара (блр. диал.) 180, 301
 ховзати(ся) (к.-укр.) 255
 холошни (к.-укр.) 253
 хоромина (укр. диал.) 374
 *хороховатый (рус.) 154
 хорохониться (рус. диал.) 154
 хорохонька (укр.) 155
 хорохоня (рус. диал.) 155
 хорохориться (рус.) 152–155, 234
 хорохорки (рус. диал.) 153
 хорохорня (рус. диал.) 153
 хороший 433
 хорошка (укр. диал.) 155
 *хорховатый (рус.) 154
 хорхор (болг. диал.) 153, 155
 хорхора (рус. диал.) 153
 хорхоры (рус. диал.) 153
 хоховатый (рус. диал.) 154
 храст (болг., с.-х.) 370
 худо-бедно (рус.) 152

Ц

царина (к.-укр.) 95
 цепаница (с.-х.) 218, 219, 221,
 234, 262
 цепеница (болг., мак.) 218
 церкати (к.-укр.) 255
 церовача (мак.) 430

ципало (с.-х.) 219
 цілина (к.-укр.) 95
 ціпанница (с.-х.) 219
 цмок (укр., блр.) 190, 191, 203
 црвенача (с.-х.) 430
 црн (с.-х.) 255
 црна земја (мак.) 273
 ~ земља (с.-х.) 272
 ~ земља (мак. диал.) 273
 цурици (с.-х.) 257
 цурук (полес.) 257
 цурубан'ит' (полес.) 257
 църната земя (болг.) 272
 църцоря (болг.) 255
 църкаты (полес.) 255

Ч

чаfe (мак. диал.) 160
 чад 234; (болг., мак.) 162;
 (к.-укр.) 161, 162
 чађ (с.-х. диал.) 138, 161, 234,
 262
 чађа (с.-х.) 138, 161
 чакаць (блр.) 285
 час (с.-х., болг. диал.) 51;
 (к.-укр.) 51, 52; (полес.) 53
 чат (болг.) 162
 ч'ед (к.-укр.) 163
 чекати (укр.) 285
 челядь (к.-укр.) 64
 чежер (с.-х., полес.) 256
 черен като дявол (болг.) 278
 черната земя (болг.) 272
 черніца (полес.) 93
 черное слово (рус.) 278
 чернолесье (полес.) 25
 черный (рус.) 278
 чѣрт (рус.) 278
 Ches (полес., укр. диал.) 52
 четина (к.-укр.) 95
 чил'ак (болг. диал.) 288
 чипа (с.-х. диал.) 340
 чкаја (мак. диал.) 282
 чкати (рус. диал.) 282
 чкнути (рус. диал.) 282
 човече (болг. диал.) 255
 човечец (болг. диал.) 255
 чолов'ичок (полес.) 255
 чорная земля (к.-укр.) 275
 чорний (к.-укр.) 255
 чорныj (полес.) 255

Ц

цивгар (болг. диал.) 257
 цивган (с.-х. диал.) 257
 цив-вив (с.-х.) 257
 цижерки (болг. диал.) 317
 цуна (болг.) 186
 цуничка (болг. диал.) 186

Ш

шабѣр (рус. диал.) 63
 шавам (болг.) 282
 шаварить (рус. диал.) 282
 шавать (рус. диал.) 282
 шавере (мак. диал.) 282
 шантрапа, шантропа (рус.) 326
 шара (с.-х.) 136
 шарац (с.-х. диал.) 134, 136
 шарен (с.-х.) 136
 шарогацац (с.-х. диал.) 134
 шевиот (рус.) 381
 шероховатый (рус.) 154
 шибак (болг.) 332
 шивака (с.-х.) 326
 шигать (рус. диал.) 282
 шикам (болг. диал.) 282
 широчина (к.-укр.) 95
 широчка (с.-х. диал.) 220
 шкруж (к.-укр.) 162
 шляпати (с.-х.) 255
 шолопати (полес., к.-укр.) 255
 шорох (рус.) 152
 шофер (рус.) 393
 шофн 326
 шувак (с.-х.) 326, 327
 шугуй (рус. диал.) 328
 шүй 326
 шулаш (блр. диал.) 322
 шул'ака (укр., блр. диал.) 322
 шул'аки (укр. диал.) 323
 шулек (укр., блр. диал.) 323;
 (болг. диал.) 324
 шулека (укр., блр. диал.) 322,
 323
 шулен' (блр. диал.) 322
 шулена (рус. диал.) 326, 327
 шуленно (рус. диал.) 327
 шулик (рус. диал.) 325, 326, 328;
 (укр. диал.) 322-324, 327
 шулика, шуліка (укр. диал.) 322-
 324

шулка (укр. диал.) 322
 шул'ко (мак. диал.) 324
 шульга (рус. диал.) 325–327;
 (укр. диал.) 324, 325
 шулькати, шулькнути (укр.
 диал.) 327
 шульок (укр. диал.) 322
 шульпак (укр. диал.) 323
 шульпек (рус. диал.) 325–327
 шульпика (рус. диал.) 325, 326;
 (укр. диал.) 324
 шуляк (всл.) 322–328, 427
 шума (полес.) 27
 шумак (болг.) 332
 шуметь (рус.) 339

Э

эльдорадо (рус.) 381

Я

ягать (рус. диал.) 339, 399
 ягоза (укр.) 400
 язвина (к.-укр.) 95
 ялина (к.-укр.) 95
 ярина (к.-укр.) 95
 яровище (всл.) 93
 ясень 402, 403
 ясниця (полес.) 188
 ястраб (блр.) 321, 322
 ястреб (болг.) 321
 ястребец (полес.) 328
 ястребуха (рус. диал.) 321, 324,
 326, 328
 ястриб (укр. диал.) 321
 яструб (укр.) 321

А

abāt (швед.) 407

В

babín lub (чак.) 185
 babot (в.-луж.) 305
 babotać (в.-луж.) 305, 400
 bald (лит. диал.) 306
 barbić (в.-луж.) 279
 barr (др.-ирл.) 370
 bartnik (польск.) 102

baru (герм.) 366
 bayrak (турецк.) 190
 bearu (др.-англ.) 370
 berest (лемк.) 91
 bereza (лемк.) 91
 ber(e)zup'a (лемк.) 91
 bicz (польск. диал.) 248
 bieleca (польск.) 347
 bisagi (польск. диал.) 195
 b'isaga (польск. диал.) 195
 blobotać (в.-луж.) 400
 boyu lox (слн. диал.) 174
 bognd (лит.) 305
 bōgnas (лит.) 305
 bogo (д.-в.-н.) 217
 Bogorodica (кайк.) 184
 bonacia (лат.) 413
 bor (с.-х.) 400
 bora (др.-исл.) 370
 borek (польск. диал.) 367
 borovice (чеш., слц.) 366
 borovina (польск. диал.) 367
 boru (герм.) 370
 boří (чеш. диал.) 369
 boží duha (чеш. диал.) 190
 – metla (чеш. диал.) 189
 boží pazas (кайк.) 182
 božja doga (кайк.) 171, 190
 – mavra (слн. диал.) 194, 206
 – noga (кайк.) 190
 božji lok (слн.) 174
 – luk (чак.) 174
 – pas (чак.) 181
 – pasak (с.-х. диал.) 181
 – pasić (с.-х. диал.) 181
 – rojas (кайк.) 181
 – put (кайк.) 190
 – stol (слн. диал.) 190
 bór (польск. диал.) 116, 297, 367
 bōčk (кашуб.) 279
 bōk (кашуб.) 279
 bōrr (др.-исл.) 370
 brest (с.-х.) 400
 breza (слц.) 78; (слн.) 79; (с.-х.)
 400
 brezaja (чеш. диал.) 404
 brezica (с.-х. диал.) 405
 brezička (слц.) 78
 brezie (слц.) 78
 brezina (слц.) 78
 brezinje (слн.) 106

brezje (слн.) 79
brezo (с.-х. диал.) 405
brezonja (с.-х. диал.) 405
brezonjica (с.-х. диал.) 405
brezova (с.-х. диал.) 405
bréza (в.-луж.) 78
brézyca (в.-луж.) 78
brézyčka (в.-луж.) 78
brézyna (в.-луж.) 78
briezka (слц.) 78
brijež (с.-х. диал.) 405
brnčat (чак.) 268
brnčeti (чеш.) 268, 286
bryngi (польск. диал.) 172, 186
brząkać (польск.) 268
brzezina (польск.) 78
brzezinka (польск.) 78
brzeźniak (польск.) 78
brzęczeń (польск.) 268
brzoza (польск.) 78, 91
brzozka (польск.) 78
brāza (н.-луж.) 79
brāzka (н.-луж.) 79
brāzn (н.-луж.) 79
brāzyca (н.-луж.) 79
brāzyna (н.-луж.) 79
brāzynka (н.-луж.) 79
březavá (корова) (чеш. диал.) 404
březí (чеш.) 78
březina (чеш.) 78
březistá (корова) (чеш. диал.) 404
březoví (чеш.) 78
březovina (чеш.) 78
březul'a (чеш. диал.) 404
břinčeti (чеш.) 286
břiza (чеш.) 78
břizečka (чеш.) 78
břizka (чеш.) 78
břozoviče (кашуб.) 108
budj, budja (с.-х. диал.) 137
budjara (с.-х. диал.) 137
budževnak (с.-х. диал.) 134, 136
budžovnak (с.-х. диал.) 134
buk (с.-х.) 400; (кашуб.) 105
bukovina (кашуб.) 105
burlac (с.-х. диал.) 134, 135
burnik (с.-х. диал.) 134
burnjak (с.-х. диал.) 134–136
byreza (лемк.) 91
byrgyżyna (лемк.) 91
bżozovina (польск. диал.) 105

C

cas (польск. диал.) 53
caze pl. (н.-луж.) 163
cašūmen (лат.) 370
ceinture du bon Dieu (фр. диал.) 186
centennare (итал.) 146
cepanica (слн.) 219, 222
cepanka (слн. диал.) 219, 222
chlanqé (ст.-польск.) 311
chlew (польск.) 248
choja (польск. диал.) 359
chójntina (польск. диал.) 369
chwoja (польск. диал.) 359
chwójna (польск. диал.) 359
ctbre (турецк.) 317
cocoro (чак.) 152, 153
circubéu (рум.) 199, 200
czad (польск.) 163
czas (польск.) 53
czekać (польск.) 285
czeremcha (лемк.) 91

Č

čad (слн.) 162; (с.-х. диал.) 163
čađ (с.-х. диал.) 163
čađa (с.-х. диал.) 163
čaj (с.-х. диал.) 163
čakati (слн.) 285
čampni (слн. диал.) 146
čárni bok (bočk) (кашуб.) 279
čekac (кашуб.) 285
černý jak zem (чеш. диал.) 274
čert (слц.) 278
čerta běleho barbić (в.-луж.) 279
čierny ako čert (слц.) 278
čmoud (чеш.) 163
čoud (чеш.) 163
črna zemlja (слн.) 273

D

dákṣṭṇa- (др.-инд.) 151, 417, 420, 422
damga (турецк.) 198
dangaus rykšte (лит. диал.) 189
daš (с.-х. диал.) 125
daštna- (авест.) 151, 412, 417, 418, 422, 433
dažja (с.-х. диал.) 125

- daž* (с.-х. диал.) 125
dažd (с.-х.) 'дождь' 50, 51, 125, 126, 316, 363; 'саламандра' (с.-х. диал.) 134, 135
daždenjak (с.-х. диал.) 134, 135
daždevnik (с.-х. диал.) 134
daždevnjak (с.-х. диал.) 134
daželjnjak (с.-х.) 134
daževnik (с.-х. диал.) 134, 135, 136
daževnjak (с.-х. диал.) 134
dažja (с.-х. диал.) 125
dąga (польск. диал.) 171
dą^uga (польск. диал.) 211
dąnga (польск. диал.) 199
dega (слн.) 263, 264, 304
degati (слн.) 263, 304
 - *se* (чак.) 263
degba (с.-х.) 263
desc (польск. диал.) 53
desna (ruka) (чак.) 147
desni (с.-х.) 148; (слн.) 145
dess (др.-ирл.) 151
deszcz (польск.) 53, 189
deš (шток.) 51
dešč (с.-х. диал.) 50, 125, 127, 316, 318, 363; (кашуб.) 201; (польск. диал.) 211
deščný (чеш.) 411
dēšinas (лит.) 420, 422
dešinė (лит.) 417
dešnỹs (лит.) 151
**deštny* (др.-чеш.) 417
dexter (лат.) 151, 417
dež (с.-х. диал.) 125
dežda (с.-х. диал.) 125
deždenjak (с.-х. диал.) 135, 136
dežd (с.-х. диал.) 125
deždenjak (с.-х. диал.) 134, 135
deželnjak (с.-х. диал.) 134
dębica (ст.-польск.) 107
dęcza (польск. диал.) 172
dęga (польск.) 172
dęga (кашуб.) 264
dęgovac (кашуб.) 264
dhrāṇati (др.-инд.) 335
dīeva josta (лтш.) 184
dīevo juosta (лит.) 184
dīevo rykštė (лит. диал.) 189
dīždenjak (с.-х. диал.) 134
djathë (алб.) 151
doga (кайк.) 190
donda (слн.) 194
dondača (кайк.) 194
dož (с.-х. диал.) 125
doga (польск. диал.) 171
dōbra roka (слн. диал.) 146
draželnik (с.-х. диал.) 134, 135
dren (с.-х.) 400
drensen (голландск.) 335
drēnsō (лат.-кельтск.) 335
drēsacht (ср.-ирл.) 335
dręvō (слн. диал.) 222
drežga (с.-х.) 334
dręzgati (слн.) 334
drīzgā (арум.) 333
drn (слн.) 287
droczyć (польск.) 268
dročt (чак.) 268
droždenjak (с.-х. диал.) 134, 135
dröhnen (н.-в.-н.) 335
drunjus (гот.) 335
drunsen (нижненем.) 335
druzgać (польск.) 337
drūzgat (чеш. диал.) 337
družgu, družgėti (лит.) 337
druždenjak (с.-х. диал.) 134
druždevnjak (с.-х. диал.) 134, 135
drva (слн.) 222
drvo (слн.) 222
drygać (польск.) 285
drzazga (польск. диал.) 337
drzazgownica (польск. диал.) 337
drzazgownik (польск. диал.) 337
drzqzg (польск.) 337
drzqzdze (польск.) 337
drzēzg (польск. диал.) 333, 337
drzēzgać (польск. диал.) 334
drzyzga (польск. диал.) 337
drždenjak (с.-х. диал.) 134
dřázga (кашуб.) 337
dřazgounica (кашуб.) 337
dřazgounik (кашуб.) 337
dřizka (чеш. диал.) 337
dřyzga (польск. диал.) 337
dub (с.-х.) 400
duběna (чеш. диал.) 404
dude (слн., кайк.) 269
dudy (чеш., слц.) 269
duga (с.-х.) 171, 206, 210, 213, 217
dugača (кайк.) 171
duha (польск. диал.) 171, 199; (чеш.) 171, 190; (слц.) 171, 206

dunda (с.-х.) 194
duždenjak (с.-х. диал.) 134, 135, 137
duždevnjak (с.-х. диал.) 134, 135
duževnik (с.-х. диал.) 134-136
duževnjak (с.-х. диал.) 134-136
dužnjevak (с.-х. диал.) 134-136
dyac (польск. диал.) 53
dyšč (польск. диал.) 211
dyž (с.-х. диал.) 125

F

farba (польск. диал., полес.) 248
fra-slindan (гот.) 311
futa (турецк.) 198

G

gáida (лит.) 330
gáyati, gāti (др.-инд.) 330, 335
galdys (лит.) 330
gaj (польск.) 370
gedina (с.-х. диал.) 126
gidenjak (с.-х. диал.) 134, 136
gigati (se) (с.-х.) 399; (слн.) 399
gizdawu (польск.) 347
gjegë (алб.) 299
glušac (с.-х. диал.) 134-136
glušak (с.-х. диал.) 134, 136
gluvaja (с.-х. диал.) 136
gõjus (балт.) 369
godina (с.-х.) 50, 51, 125-129, 131, 316, 317, 363
godinica (с.-х. диал.) 128
godinjak (с.-х. диал.) 134, 136
godinjarec (с.-х. диал.) 134, 136
godinščak (с.-х. диал.) 134, 135, 136
godišće (с.-х.) 129
godište (с.-х. диал.) 51, 129
godnjača (с.-х. диал.) 134, 136
godzina (польск. диал.) 53
golčati (юсл.) 235
góra (польск.) 293
górka woda (слн. диал.) 65
grab (с.-х.) 400; (кашуб.) 105
grabovina (кашуб.) 105
granota (с.-х. диал.) 405
granova (с.-х. диал.) 405
gruzit (чак.) 267
grzędy (польск.) 32

H

Haftel (нем.) 313
haja (фин.) 330
hajali (эст.) 330
hajuma (эст.) 330
Heftel (нем.) 313
hjust (чак.) 267
hlače (слн.) 253
hora (чеш. диал., слц.) 369
hrast (с.-х.) 400
hrastovišće (слн.) 108
hūda rōka (слн. диал.) 146
hūdi (слн. диал.) 145

J

jablan (с.-х.) 400, 405
jablanka (с.-х. диал.) 405
**jagízati* (с.-х.) 400
jaruga (польск.) 32
jarzebina (польск.) 91
jasen (с.-х.) 400
jasonja (с.-х. диал.) 405
jasota (с.-х. диал.) 405
jasova (с.-х. диал.) 405
jastrab (слц.) 321
jastreb (слн.) 321; (с.-х. диал.) 325
jastrebac (с.-х. диал.) 325
jastrebic (с.-х. диал.) 325
jastrebic (с.-х. диал.) 325
jastrzqb (польск.) 321
jastšeb' (н.-луж.) 321
jatřob' (в.-луж.) 321
javor (с.-х.) 400
jawor (лемк.) 91
jela (с.-х.) 400
jelaš (с.-х. диал.) 405
jelonja (с.-х. диал.) 405
jelota (с.-х. диал.) 405
jelša (с.-х.) 400
jestřáb (чеш.) 321
joha (с.-х.) 400
josta (лтш.) 181, 184
julova (с.-х. диал.) 405
juosta (лит.) 181, 184

K

katrūs (лит.) 432
kalina (лемк.) 91
kamik (юсл.) 235

kania (польск.) 195
kańa (польск. диал.) 195
karzować (польск. диал.) 341
kartofle (польск. диал.) 248
kečice (чеш.) 269
kečka (слн., кайк., слц.) 269
kiša (с.-х.) 127, 210
kišnjak (с.-х. диал.) 134, 135
klaja (слн.) 158
klast (чак.) 156
klást' (слц.) 155
klasti (с.-х.) 156; (слн.) 158
klásti (чеш.) 155
klavam (мак. диал.) 156
klen (с.-х.) 400
klon (лемк.) 91
klasc (в.-луж.) 155
klasc (польск.) 155
kościół na niebie (польск. диал.) 190, 212
koziół (польск.) 283
krasny (польск.) 347
krąg (польск.) 187
kręga (польск. диал.) 187
krila (чак.) 252
kriva (рука) (чак.) 147
krzetać się (польск.) 304
křátati (чеш.) 304

L

las (польск.) 116
laskav (юсл.) 235
l'avy (слц.) 144
les (с.-х. диал.) 374
leto (чак.) 50
levi (с.-х. диал.) 148; (слн.) 145
levý (чеш.) 144
lewe (*udawanie*) (польск.) 150
lewy (польск.) 144, 150
léwy (в.-луж.) 144
lieto (кайк.) 50
litva (карельск.) 363
lije 'льет' (чак.) 66
lijeva (рука) (с.-х. диал.) 147
lipa (с.-х.) 400
lišta czarha (польск.) 215
lito (с.-х. диал.) 50, 129
liūnas (лит.) 290
lok (слн.) 174
lox (слн. диал.) 174
lub (с.-х.) 185

lug (с.-х. диал.) 213
luk (с.-х.) 174

Ł

laq (польск. диал.) 346
lódka (польск. диал.) 248
lug (польск. диал.) 346
luk (польск. диал.) 175
luna (польск.) 194, 195
laska (польск.) 255

M

mačerat (с.-х. диал.) 134
mačirat (с.-х. диал.) 136
madjar (с.-х.) 136
madjarolin (с.-х. диал.) 136
madjaron (с.-х. диал.) 136
maďarolin (с.-х. диал.) 134
maďaron (с.-х. диал.) 134
magla (с.-х.) 137
malonės juosta (лит.) 184
 - *rykštė* (лит. диал.) 189
Martijn pas (кайк.) 181, 184
maslenjak (с.-х. диал.) 134, 136
maslo (с.-х.) 136
maurus (лат.) 194
Mavar 'мавр' (с.-х.) 194
maura (слн. диал.) 194, 206;
 (кайк.) 194
maurca (слн. диал.) 193
maurtca (слн. диал.) 193; (чак.) 194
mauronina (с.-х. диал.) 194
megla (с.-х. диал.) 137
meglenščak (с.-х. диал.) 134, 137
metla (чеш.) 189
mlačna voda (слн. диал.) 65
moča (слн.) 136
močerad (слн.) 136, 137
močorad (с.-х. диал.) 134
mostek (кайк.) 192
motyka (польск. диал.) 248
muzoj (юсл.) 235

N

nárokom (слц.) 283
nebec (с.-х. диал.) 134, 136
niepogoda (польск. диал.) 53
noga (кайк.) 190
nowinować (польск. диал.) 341
noworudowisko (польск. диал.) 341

О

- oblak* (с.-х. диал.) 128
odchlina (ст.-польск.) 311
odchliisko (ст.-польск.) 311
olcha (польск.) 91
onucka (чеш.) 269
onuča (слн., кайк.) 269
onučka (чеш.) 269
orārykštė (лит. диал.) 189
oselka (польск.) 178
osika (польск.) 91
oskowina (польск. диал.) 105
owsiucha (польск. диал.) 321

Р

- pada* (дождь) (чак.) 66
paha (эст.) 413
pahan (эст.) 413
paleo (с.-х. диал.) 219
paliti (с.-х.) 220
pas (с.-х.) 181, 184
pasac (кайк.) 182
pasak (с.-х. диал.) 181
pasec (кайк.) 181
pasx (слн. диал.) 181, 184
pasic (с.-х. диал.) 181
pasiecznik (польск.) 102
pelce (лтш.) 306
pelke (лтш.) 306
pélke (лит.) 306, 319
pelky (прус.) 306
piyat (юсл. диал.) 235
pijawa (польск. диал.) 190
pijawa (польск. диал.) 190
pijofka (кашуб.) 190
plamík (юсл.) 235
plati (слн.) 221, 222
plonina (польск.) 348
plytki (польск.) 255
poga (слн.) 217
pogo (д.-в.-н.) 217
pogoda (польск. диал.) 53, 211
pojas (кайк.) 181
polano (польск.) 217
polenica (с.-х. диал.) 219
poleno (чеш., слн.) 217; (слн.) 217, 222; (с.-х. диал.) 219
polevka (слн., кайк.) 269
polievka (слн.) 269
polivka (чеш.) 269

- poljeno* (с.-х. диал.) 219
popielatka (польск.) 347
pot (польск.) 167, 168; (слн.) 167; (чеш.) 167; (слн.) 164; (с.-х. диал.) 164, 165
potan (чак.) 164
poticat (юсл. диал.) 235
potiti se (чак.) 164
pozabiti (слн.) 298
prava (*ruka*) (чак.) 147
pravi (слн.) 145, 146, 151; (чак.) 147
pravo (чеш., польск., рус.) 147
pravý (чеш.) 144; (слн.) 144, 151
prawy (польск., в.-луж.) 144
prelog (слн., кайк.) 269
pręga (польск. диал.) 186, 187
prieloh (слн.) 269
promień (польск.) 187
pruga (кайк.) 187
prutonja (с.-х. диал.) 405
prutova (с.-х. диал.) 405
prunga (польск. диал.) 172, 186
psovati (слн.) 254
psować (польск.) 255
pszczelarz (польск.) 102
pszczelnik (польск.) 102
pszczolarz (польск.) 102
pszczolnik (польск.) 102
pszczolun (польск.) 102
puet (слн. диал.) 164
puŋga (польск. диал.) 171, 216
puga (кайк.) 217
puleno (с.-х. диал.) 219
put (кайк.) 190
puter (с.-х.) 136
putrenjak (с.-х. диал.) 134, 136

R

- rad* (слн.) 136
raut (с.-х. диал.) 134, 136
rążà (балт.) 369
recht (нем.) 146
regenbogen (польск. диал.) 198, 199
Regenbogen (нем.) 198
regenbugen (кашуб.) 198
reienboga (кашуб.) 198
ređzina (польск. диал.) 343, 346, 347
riñkti (лит.) 291

robača (слн.) 269
rod (слн.) 343, 347, 348
roden (слн.) 346
rodica (кайк.) 184
rodica (кайк.) 184
rodina (слн.) 341, 343, 346
roditi (слн.) 341
rok (польск.) 53
roka (слн.) 146
gor (слн.) 273
rosa (польск. диал.) 168
rodzina (польск.) 347
rubač (чеш.) 269
rubača (кайк.) 269
rubaš (чеш.) 269
rud (с.-х.) 343
ruda (польск. диал.) 344, 347; (н.-луж.) 344
rudast (с.-х.) 343
rudawa (польск. диал., н.-луж.) 344
rudawica (н.-луж.) 344
rudawina (польск. диал.) 342, 344
rudawizna (польск. диал.) 344
rudina (с.-х.) 347
rudini pl. (с.-х. диал.) 341
rudka (польск. диал.) 344
rudnia (польск. диал.) 345
rudnica (слн.) 345, 346
rudowaczna (польск. диал.) 344
rudowac (польск. диал.) 341
rudowina (польск. диал.) 341–346
rudowisko (польск. диал.) 341, 342, 344, 345
rudowizna (польск. диал.) 341, 342, 344; (в.-луж.) 344
rudożisko (польск. диал.) 341
rudy (польск.) 347
ruka (чак.) 147
rygenbogen (польск. диал.) 199
rygynbogen (польск. диал.) 199
rykšte (лит. диал.) 189

S

sadza (польск., слц.) 163
sađa (шток.) 159
sade (чак.) 159
saja (с.-х. диал.) 159, 160
sajavica (чак.) 159
sajavina (слн.) 159, 162, 164

saje (с.-х. диал.) 159, 160; (слн.) 159, 162
sala (балт.) 369
sam (швед.) 407
santrocke (ср.-в.-нем.) 326
saze (чеш., н.-луж.) 163
sazy pl. (в.-луж.) 163
saže (шток.) 159
scati (слн., кайк.) 269
scáti (чеш., слц.) 269
setter (англ.) 394
skaliti (слн.) 252
skočanjiti se (слн.) 287
skýntmas (балт.) 369
slund (др.-саксон.) 311
slunt (ср.-в.-нем.) 311
slonecznik (польск.) 195
smakas (лит.) 191
smetana (чеш., слц., слн.) 269
smok (польск., слн.) 191
smoud (чеш.) 163
smreka (с.-х.) 400
smud (в.-луж.) 163
smuga 291
sojo (кайк.) 159
sosnia (польск.) 359
sosnowaty (полес.) 365
stark (польск.) 286
starkaš (н.-луж.) 286
stol (слн. диал.) 190
storkac (в.-луж.) 286
stoška (польск. диал.) 187
straublys (лит. диал.) 191
stroknut (чак.) 267
svete Marije pazx (слн. диал.) 184
swqd (польск.) 163
sykać (польск.) 282
szombat (венг.) 408
szivárvány (венг.) 199

Ś

święty (польск.) 274

Š

šabat (евр.) 409
šaja (чак.) 159
šantroch (др.-чеш.) 326
šantroh (др.-чеш.) 326
šarac (с.-х. диал.) 134, 136
šarek (с.-х. диал.) 134, 136

šaric (с.-х. диал.) 134–136
 šarogašac (с.-х. диал.) 134–136
 šavra-mavra (кайк.) 194
 šav (слн., кайк.) 269
 šava (кайк.) 269
 šavje (слн., кайк.) 269
 šibo (с.-х. диал.) 405
 šibonja (с.-х. диал.) 405
 šibova (с.-х. диал.) 405
 škrapa 'моросит' (чак.) 66
 šprijeva 'накрапывает' (чак.) 66
 št'ava (чеш.) 269
 šuj, šuja (слн.) 326
 šujica (слн.) 326
 šulj (с.-х.) 136
 šuljina (с.-х. диал.) 134, 136

Т

taihswo (гот.) 151, 417
 tamča (кашуб.) 180
 tancz (польск. диал.) 195
 tasiti (чеш.) 268
 taszczyć (польск.) 268
 tašcat (чак.) 268
 tačda dešci (кашуб.) 201
 tačda (польск. диал.) 195
 taga (кашуб.) 172, 173, 199
 tenca (польск. диал.) 199, 211
 tenča (кашуб.) 199
 tēnga (кашуб.) 190
 tešnjak (с.-х. диал.) 220
 tęcz (кашуб.) 173
 tęcza (польск.) 172, 173, 179, 180, 195, 201
 tęča (кашуб.) 180, 199, 201, 204
 tędza (польск. диал.) 172
 tęga (польск. диал.) 172
 tęncza (польск. диал.) 195, 208
 tičmaz-roauyq (саамск.) 186
 tikaat (юсл. диал.) 235
 tlet (чак.) 268
 tleti (слн.) 268
 tlii (чак.) 268
 toča (кашуб.) 180
 tonz (польск. диал.) 199
 topor (слн.) 288
 tōncza (польск. диал.) 199
 trakaī (балт.) 369
 trensen (н.-в.-н.) 335
 trepetlika (с.-х.) 400
 trkatl (чеш., слн.) 286

trnova (с.-х. диал.) 405
 Truhe (нем.) 374
 trzaska (польск.) 337
 tuca (н.-луж.) 180, 201
 tucka (н.-луж.) 180
 tuča (в.-луж.) 180
 tučel (в.-луж.) 180
 tudji (с.-х.) 136
 tudevnik (с.-х. диал.) 134, 136
 tusnap (балт.) 423
 tucka (н.-луж.) 180
 tynca (польск. диал.) 199
 tyncza (польск. диал.) 187
 tynča (польск. диал.) 171

U

ura (с.-х. диал.) 50, 51
 uzun (турецк.) 185

V

vaivorykšte (лит.) 189
 vaivos rykšte (лит. диал.) 189
 varyš (коми-зыр.) 327
 veko (кайк.) 269
 venja (с.-х.) 400
 vez (с.-х.) 400
 viko (чеш.) 269
 vnuča (слн., кайк.) 269
 vodenjak (с.-х. диал.) 134–136
 urba (с.-х.) 400; (чеш.) 108
 urběna (чеш. диал.) 404
 urbovci (чеш. диал.) 108
 ureči (слн.) 299
 vreme (с.-х. диал.) 128
 vremejača (с.-х. диал.) 134, 136
 vremejak (с.-х. диал.) 134–136
 vrh (слн.) 310
 vrljeme (кайк.) 50
 vrjeme (шток.) 51
 vrime (с.-х. диал.) 50, 127, 128, 131, 316
 vykřátnout (чеш.) 304

W

Wald (нем.) 369
 wierzba (лемк.) 91
 winiak (польск.) 381
 wstęga (польск.) 172
 wstążka (польск.) 187
 wyrudowisko (польск. диал.) 341

Z

- zabit* (чак.) 267, 298
-zabywać (ст.-польск.) 298
zadrohniť (чак.) 267
zagozda (слн.) 267
zagozdit (чак.) 267
zagozditi (слн.) 267
zděgovac (кашуб.) 264
zem (чеш. диал.) 274
zemlja (слн.) 273
zěso (д.-в.-н.) 151
ziemla (польск.) 274
zlatni mostek (кайк.) 192
zmeš (чеш.) 191
zmok (чеш., слц.) 191
znak od deszczu (польск. диал.) 189
znebac (с.-х. диал.) 136
znebać (с.-х. диал.) 134
znebak (с.-х. диал.) 134, 136
znebar (с.-х. диал.) 134, 136
znebec (с.-х. диал.) 134, 136
znoj (чеш., слц.) 167; (слн.) 164
znój (польск. диал.) 167, 168
zowreta woda (слн. диал.) 65
zrcalo (слн.) 287

Ž

- žanjgor* (с.-х. диал.) 134, 136
**žamatas* (лит.) 408
ždac (кашуб.) 285
ždać (польск. диал.) 285
ždāti (др.-чеш.) 285
ždeti (слн. диал.) 285
ždral (с.-х. диал.) 134, 136

- žduždevljak* (с.-х. диал.) 137
žduždevnjak (с.-х. диал.) 134
žemė (лит.) 408
žrd (слн.) 287
žukape (зап.-балт.) 319
žunger, žungor (с.-х. диал.) 134, 136

- ἀκτή (др.-греч.) 370
 βρακουζούνα τ' Θεοῦ (новогреч. диал.) 186
 γῆ(ς) (новогреч.) 274
 δεξιός (греч.) 151, 417
 δεξιτερός (др.-греч.) 151
 δοξα, δουξάρ (новогреч. диал.) 186
 μαλακία (греч.) 413
 μαυρός (греч.) 194
 μαῦ χῶμα (новогреч.) 274
 σάββατον (греч. книжн.) 409
 σαλαμάνδρα (новогреч.) 137
 σάμβατον (греч.) 409
 Θεοῦδόξου (новогреч. диал.) 186
 θρηῆνος (греч.) 335
 χῶμα (новогреч.) 274
 Ζνάρ τ' Θεοῦ (новогреч. диал.) 186
 ζνάρ τ'ς Παναγῆς (новогреч. диал.) 186
 ζούνη (новогреч. диал.) 185, 186
 ζώνη (новогреч.) 185, 186

IV

- Александар и. (с.-х.) 382, 391, 392
 Александар Белић и. 387
 Александр и. 391
 Александр Иванович и. 387
 Александровац (с.-х.) 394
 Александръ и. 392
 Александръ и. (болг.) 391
 Альфонс и. 380

- Андрей Альбинович и. 387
 Арда р. (болг.) 436
 Арсеније и. (с.-х.) 382
 Арсо и. (с.-х.) 382
 Аца и. (с.-х.) 382, 385
 Ацо и. (с.-х.) 382
 баба Пзрва и. (болг.) 389
 Бабуна р. (юсл.) 427, 428

- Байкал, кличка 384
 Бандера и. (с.-х.) 385
 Белая Места р. (болг.) 430
 Белград 387, 392
 Бели Искър р. (болг.) 430, 435
 Белобог, теоним 278
 Белые Боги, урочище 279
 Београд 378, 379, 387, 392
 Берно (рус.) 390
 Беч (с.-х.) 387
 Биоград на Мору (с.-х.) 379
 Білий Черемош р. (укр.) 278
 Боба, кличка 384
 Болгария 389
 Большая Медведица, созвездие 387
 Бордо 380
 Бостон 380
 Брадоња и. (с.-х.) 385
 Брикнер и. (с.-х.) 393
 Брно 390
 БССР 384
 България 389
 Бык 379
 Бялград (болг.) 387

 Валдай, кличка 384
 Ваньо и. (болг.) 392
 Ваня и. 392
 Великая (Большая) Морава р. 428
 Вена 387
 Верхний Бык 379
 Верхняя Хава 379
 Видима р. (болг.) 429
 Виена (болг.) 387
 Вильна 387, 432
 Владилен и. 383
 Влчедрм (с.-х.) 390
 Волга, кличка 384
 Вршац (с.-х.) 390
 Вълчедръм (болг.) 390

 Гай (всл.) 36
 Гарм Данцаранович и. 386
 Гаров, кличка (с.-х.) 384
 Георгий и. 383
 Герман, персонаж (юсл.) 271
 Гете и. (с.-х.) 393
 Гица и. (болг. диал.) 196
 Гнилая Северка р. 435
 Горелово 379

 Дельбрик и. (с.-х.) 393
 Десенка р. 415, 424–427, 436
 Дёсенка р. 425
 Десна р. 410, 411, 413–427, 432–434, 436
 Десна р. (юсл.) 428, 429, 431
 Десна Лука р. (юсл.) 428
 Десна река р. (юсл.) 428, 429, 431
 Десна ријека р. (юсл.) 431
 Десней р. 425
 Деснівка р. (укр.) 425
 Десновка р. 425, 426
 Десной р. 424
 Деснок р. 425
 Деснокитка р. 425
 Димитър и. (болг.) 389
 Дисна р. 423
 Длгосевци (с.-х.) 390
 Днепр р. 381, 382, 416
 Днеприк р. 381, 382
 Днестр р. 416
 Дон р. 381, 382, 416
 Донбасс 383, 384
 Донец р. 381, 382
 Дрезга (с.-х.) 333
 Дреново (болг.) 379
 Дунай, кличка 384
 Дунай р. 416
 Дуница и. (болг.) 197
 Дунка и. (болг.) 197
 Дуньо и. (болг.) 197
 Дуня и. (болг.) 197
 Дъбак и. (болг.) 389
 Дългосевци (болг.) 390

 Егор и. 383
 Егорушка и. 383
 Ерѐма и. 380

 Жан и. 386
 Железник (с.-х.) 138
 Железница (с.-х.) 138
 Желтуша 389
 Жельезно Поље (с.-х.) 138
 Жешув 388
 Жукоса р. 319
 Жълтуша (болг.) 389
 Западная Морава р. 428, 431
 Запоріжжя (укр.) 388
 Запорожье 388
 Засна р. 415, 421

Зацень (блр.) 421

ЗИЛ (рус.) 384

Иван и. 378, 380, 386

Иван Иванович Иванов и. 380

Иваница и. (болг.) 197

Иванковци (болг.) 379

Иваново 379

Иво и. (с.-х.) 392

Извор (болг.) 379

Изворчица р. (юсл.) 428

Изворштица р. (юсл.) 427

Ирша р. 436

Иршица р. 436

Искър р. (болг.) 435

Йоханн и. 386

Јан и. 378

Јован и. 378

Јасикови бор (с.-х.) 370

Калуга 380

Каналстрой 383

Карадаг, гора 382

Карл Иванович и. 386

Карл Йоханович и. 386

Киевщина 96

Київ 378

Кликер и. (с.-х.) 385

Клин 381

Ключи 379

Коктебель 383

Космет (с.-х.) 383

Кострома, персонаж 271

Крагуйска река р. (болг.) 429

Краков 388

Кузбасс 383

Кузьма-Демьян, персонаж 271

Лавов (с.-х.) 392

Ларин и. 387

Лева р. (болг.) 429

Лева Видима р. (болг.) 429

Лева река р. (юсл.) 429-432

Левача р. (юсл.) 430, 432

Левача река р. (юсл.) 430

Леви Икър р. (болг.) 430, 435

Левица р. (болг.) 429

Левкуша р. 425

Лијева ријека р. (с.-х.) 431

Липови бор (с.-х.) 370

Лјеваја р. (с.-х.) 431

Лјевак р. (с.-х.) 431

Лјеваиш р. (с.-х.) 431

Ломля р. (укр.) 414

Ломуватка р. (укр.) 414

Ломувач р. (укр.) 414

Лъчезар (болг.) 389

Лъвѣ 388, 392

Лъвов 388, 392

Любинка р. 435

Љесков бор (с.-х.) 370

Љуба и. (с.-х.) 382

Љубомир и. (с.-х.) 382

Магомед Измаилович и. 386

Мадрид 380

Макарка, персонаж (полес.) 271

Мажорица и. (с.-х.) 385

Малая Пахорка р. 436

Малка Арда р. (болг.) 436

Мальш, кличка 384

Маргарита Эдуардовна и. 386

Марена, персонаж 271

Марко Вовчок и. (укр.) 391

Марлен и. 383

Масленица, персонаж 271

Машка, кличка 384

Места р. (болг.) 430

Митьо и. (болг.) 392

Митя и. 392

Мића и. (с.-х.) 392

Михајло и. (с.-х.) 382, 383

Миша и. (с.-х.) 382, 383

Мінск 378

Мъетке (с.-х.) 387

Мокрая Любинка р. 435

Морава р. (юсл.) 428

Москва 378, 381

Найроби 387

Наполеон и. 378

Нева р. 381, 382

Невка р. 381, 382

Нетека р. (укр.) 414

Нетеча р. (укр.) 414

Нетечі р. (укр.) 414

Нетіч р. (укр.) 414

Нижние Пески 379

Нижний Бык 379

Нижний Новгород 379

- Нижняя Хава 379
 Ник и. 381
 Ника и. 381
 Никита и. 381, 382
 Никитёнок и. 381, 382
 Никитище и. 381
 Никитка и. 381
 Никиток и. 381
 Никитушка и. 381, 382
 Никола и. 378, 385
 Николай и. 378
 Никушка и. 381
 Нинель и. 383
 Новая Гута 389
 Новгород 379, 381
 Новгород-Великий 379
 Нови Сад (с.-х.) 389
 Новый Сад 389
 Нью-Йорк 389

 Одра р. 415
 Онего оз. 382
 Онегушко оз. 382
 Орель р. 436
 Орчик р. 436
 Острув 388

 Пахорка р. 436
 Пера и. (с.-х.) 385, 392
 Первомай 389
 Пески (всл.) 379
 Петар и. (с.-х.) 391
 Петр и. 391
 Петръ и. 392
 Петър и. (болг.) 389, 391
 Петьо и. (болг.) 392
 Петя и. 392, 393
 Пеџа и. (с.-х.) 393
 Пиперски бор (с.-х.) 370
 Планерское 383
 Подгорица 378
 Посолок р. 436
 Първомай (болг.) 389
 Първоцветка и. (болг.) 389

 Река р. (юсл.) 427
 Ремир и. 383, 384
 Риџанске рупе (с.-х.) 370
 Родина (болг.) 345-346
 Розтока р. (укр.) 278
 Россельмаш 384

 Ростов 378
 Ростов-Великий 379
 Ростов-на-Дону 379
 Рось р. 436
 Роська р. 436
 Руда р. (укр.) 278
 Рудинъ (болг.) 342
 *Ръша р. 415
 Рязань 380

 Самара р. 415
 Самбарай 408
 Сарајево 378
 Саша и. (с.-х.) 382
 Светозарево (с.-х.) 394
 Свинолуца р. 414
 Свинорыйка р. 414-415
 Свинский поток р. 414
 Свиной поток р. 414
 Свиноха р. 415
 Свиняча р. 414
 Северка р. 425, 435
 Северка Гнилуша р. 435
 Северские вершки, водоем 435
 Сербобран 390, 392
 Скопје 378
 Смедерево (с.-х.) 394
 Смерть, персонаж 271
 Сна р. 415
 Сновъ р. 415
 Соля р. 436
 Сосир и. (с.-х.) 393
 Сосна р. 419
 София 378
 Србобран (с.-х.) 390, 392
 Сремац и. (с.-х.) 385, 391
 Сула р. 415, 436
 Сулка р. 436
 Суоярви оз. 434
 Сухая Любинка р. 435
 Сѣтомль р. 415

 Тарнув 388
 Текстильщики 383
 Теребіж р. (укр.) 415
 Теребля р. (укр.) 415
 Теревна р. (укр.) 415
 Терентий, кличка 384
 Тернава р. (укр.) 415
 Тернавка р. (укр.) 415
 Тернівка р. (укр.) 415

Тес р. 426
 *Тесенка р. 426
 Тесловка р. 426
 Тесля р. 426
 Тесмень р. 426
 Тесмин р. 426
 Тесновка р. 426
 Тесь р. 426
 Трново (с.-х.) 390
 Троицкое 379
 Тудоръ и. (болг. диал.) 287
 Тула 380
 Търново (болг.) 390
 Търново 390

 Порави и. (с.-х.) 385

 Узун и. (юсл.) 185
 Узун Мирко и. (болг.) 186
 Узунангелов и. (болг.) 185
 Узуниванов и. (болг.) 185
 Узунница и. (юсл.) 185
 Узунка и. (юсл.) 185
 Узунув и. (болг.) 185
 Узунстойков и. (болг.) 185
 Узунтонеv и. (болг.) 186
 Узунче и. (болг.) 185
 Узунчев и. (болг.) 185
 УзССР 384
 УССР 384

 Федин и. 393
 Федот и. 380
 Федура и. 287
 Феђин и. (с.-х.) 393
 Фёкла, кличка 384
 Фриц и. 380

 Хава 379
 Харків (укр.) 388
 Харьков 388

 Целиноград 383
 Церква 389
 Цна р. 410, 411, 415, 418–424
 Цнянка р. 423
 Црничка река р. (юсл.) 427, 428
 ЦЧЗ 383
 Църква (болг.) 389
 Черемош р. (укр.) 278
 Черна р. (юсл.) 427
 Черная Места р. 430

Черни Искър р. (болг.) 430, 435
 Чернобог, теоним 278
 Чеча р. (укр.) 414
 Чечва р. (укр.) 414
 Чечора р. 415
 Чечуватый р. (укр.) 414
 Чечуга р. (укр.) 414
 Чорна Розтока р. (укр.) 278
 Чорна Руда р. (укр.) 278
 Чорний Черемош р. (укр.) 278
 Чръмница р. (юсл.) 427, 428

 Шаров, кличка (с.-х.) 384
 Шаца и. (с.-х.) 385
 Шувайка р. 425
 Шувойка р. 425
 Шуезеро оз. 434
 Шуенка р. 425
 Шуица р. 413
 Шуй р. 424
 Шуйка р. 425
 Шуйца р. 424, 425, 426
 Шујица р. (юсл.) 431
 Шулевка р. 427
 Шулешка р. 425
 Шуловка р. 425, 426
 Шульга, прозвище 326
 Шулячий р. 425, 427
 Шуоярви оз. 434
 Шуя р. 422, 423, 424, 434

 Ъглен и. (болг.) 389

 Южная Морава р. 428
 Юра и. 383
 Юрий и. 383
 Юрочка и. 383

 Ян и. 386
 Ян Вилюмович и. 386
 Ярило, персонаж 271

 André Mazon и. 386

 Benetke (слн.) 387
 Bratislava 378
 Breza, кличка (с.-х. диал.) 384
 Briza, кличка (с.-х. диал.) 384
 Brno 390
 Brückner и. 393
 Budyšin 378

- Celovec* (слн.) 387
Cognac 380
Čede, кличка (с.-х. диал.) 384
Černoboh, гора (луж.) 278
Delbrück и. 393
Desczna 411
Desna р. (чеш.) 411, 413, 415, 417, 421
Desnica р. (юсл.) 431
Dessni 411
Desstna 411
Destny 411
Dezne(t) р. 411
Drenovac (с.-х.) 379
Dunaj (слн.) 387
Goethe и. 393
Grahovo (с.-х.) 379
Havráněk и. (чеш.) 391
Hilja, кличка (с.-х. диал.) 384
Ivanje (с.-х.) 379
Izvor (с.-х.) 379
Kaireny ežeras оз. (лит.) 432
Kairių ežeras оз. (лит.) 432
Kairupis р. (лит.) 432
Karl Schuster и. 387
Klagenfurt 387
Kraków 388
Larinas и. (лит.) 387
Leipzig 387
Lemberg 392
Levica р. (юсл.) 431
Lipsk (польск.) 387
Lipsko (чеш., слн.) 387
Liška, кличка (с.-х. диал.) 384
Ljubljana 378
Lwów (польск.) 388, 392
Mikołaj и. 378
Mikuláš и. 378
New York 389
Nowa Huta 389
Nowy Jork (польск.) 389
Ostrów 388
Pesnica р. (юсл.) 431
Plafka, кличка (с.-х. диал.) 384
Praha 378
Rijafka, кличка (с.-х. диал.) 384
Rije, кличка (с.-х. диал.) 384
Roska, кличка (с.-х. диал.) 384
Rume, кличка (с.-х. диал.) 384
Rzeszów 388
Sandbakka-áss (др.-норм.) 408
Sandvad (др.-сев.) 408
Saussure и. 393
Šujca р. (юсл.) 431
Šujica р. (слн.) 431
Tarnów 388
Venezia 387
Vilnius 387
Warszawa 378
Wien 387
Zagreb 378
Δελσινόν 428
Πόντος Ἀξιεινός 413
Πόντος Εὐξεινός 413
Σαμβατάς 407–409

Первые издания публикуемых работ

- Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии // Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов (Прага, авг. 1968 г.). Доклады советской делегации. М., 1968. С. 339–365.
- Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. [I] // Вопросы языкознания. 1963. № 1. С. 29–45.
- Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. II // Вопросы языкознания. 1966. № 5. С. 16–36.
- Суффиксальное словообразование сквозь призму семантического микрополя (названия леса по породе деревьев в славянских языках) — В настоящем виде публикуется впервые; составлена на основе двух публикаций: 1) Суффиксальное словообразование сквозь призму семантического микрополя // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. Тезисы международного симпозиума. М., 1984. С. 67–70; 2) Опыт семантического анализа славянской географической терминологии. Автореферат докт. диссертации. ЛГУ, 1972. (С. 17–24).
- О некоторых возможностях лексико-семантической реконструкции праславянских диалектов // Проблемы лингво- и этногеографии и ареальной диалектологии. Тезисы докладов. М., 1964. С. 37–39.
- К проблеме значения слова в славянской исторической лексикологии и лексикографии // Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии. Тезисы докладов. М., 1975. Вып. 2. С. 47–51.
- Какой тип диалектного словаря нам нужен? // XII Республіканська діалектологічна нарада. Тез. доп. Київ, 1965. С. 37–39.
- Из географии славянских слов. 1. 'Дождь'. 2. 'Саламандра' // Вопросы славянского языкознания. 1962. Вып. 6. С. 140–155.
- Из географии славянских слов. 3. *правый* — *левый*; 4. *хорохориться*; 5. *класть* // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 1965. С. 133–147.

- Из географии славянских слов. 6. *сажа — чад*; 7. *пот — зной* // Карпатская диалектология и ономастика. М., 1972. С. 240–257.
- Из географии славянских слов. 8. 'радуга' // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1974. М., 1976. С. 22–76.
- Из географии славянских слов. 9. *Полено* // Л. А. Булаховский и современное языкознание. К 100-летию со дня рождения. Киев, 1987. С. 230–234.
- Некоторые вопросы соотношения лингво- и этногеографических исследований // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974. С. 16–33.
- Об изучении полесской лексики. — В настоящем виде публикуется впервые; составлена на основе трех публикаций: 1) О лингвистическом изучении Полесья (предисловие редактора) // Полесье (Лингвистика. Археология. Топонимика). М., 1968. С. 5–17; 2) Об изучении полесской лексики (предисловие редактора) // Лексика Полесья. Материалы для полесского диалектного словаря. М., 1968. С. 3–19; 3) *Н. И. и С. М. Толстые*. О задачах этнолингвистического изучения Полесья // Полесский этнолингвистический сборник. М., 1983. С. 3–21.
- Сербскохорватская лексика на общеславянском фоне. — На русском языке публикуется впервые. Перевод автора с сербскохорватского: *Н. И. Толстой*. Уз проблем словенских лексичких изоглоса. Српскохрватска лексика у општесловенском оквиру // Научни састанак слависта у Вукове дане. Књ. 6. Београд, 1977. Св. 1. С. 113–121.
- Южнослав. *црна земља, черна земя и Бели Бог, Бел Бог* в символично-мифологической перспективе // Время в пространстве Балкан. Свидетельства языка. М., 1994. С. 22–32.
- О болгаро- и македоно-русских изолексах. [I] // Совещание по Общеславянскому лингвистическому атласу (Гомель, 9–12 сент. 1975 г.). Тезисы докладов. М., 1975. С. 9–14.
- О болгарско- и македонско-русских изолексах. II — В первом издании: О болгаро-русских изолексах. II // Совещание по Общеславянскому лингвистическому атласу (Черновцы, 4–7 окт. 1976 г.). Тезисы докладов. М., 1977. С. 135–138.

- [Лексические балтизмы в белорусском языке (Ответы на вопросы анкеты)] // Лексічныя балтызмы ў беларускай мове (Матэрыялы для абмеркавання). Мінск, 1969. С. 45–49.
- [Белорусско-украинские изолексы (Ответы на вопросы анкеты)] // Беларуска-ўкраінскія ізалексы. (Матэрыялы для абмеркавання). Мінск, 1971. С. 74–80.
- [Белорусско-русские изолексы (Ответы на вопросы анкеты)] // Беларуска-рускія ізалексы. (Матэрыялы для абмеркавання). Мінск, 1973. С. 82–87.
- Об одном балтизме в восточнославянских диалектах — *пелька* // Этимология. 1967. М., 1969. С. 145–157.
- Из великорусской диалектной семантики // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. Сб. к 70-летию В. И. Борковского. М., 1971. С. 259–266.
- Этюды по семантике славянских географических терминов (*дрезга, рудина, раменьє*) // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии. М., 1983. С. 112–133.
- О славянских названиях деревьев: *сосна — хвоя — бор* // Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978. С. 115–127.
- Из славянской погребальной лексики // Сопровождение по Общеславянскому лингвистическому атласу (Ужгород, 25–28 сент. 1973 г.). Тезисы докладов. М., 1973. С. 76–79.
- Заметки о славянских именах собственных и их транскрипции // Топономастика и транскрипция. М., 1964. С. 103–121.
- Еще раз о «семантике» имени собственного // Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конф. Минск, 1970. С. 200–201.
- Из наблюдений над способом номинации в гидронимии («Семантический регистр» в апеллятивной и гидронимической лексике) // Русский язык. Языковые значения в функциональном и эстетическом аспектах. (Виноградовские чтения. XIV–XV). М., 1987. С. 23–32.
- Десна — 'dextra'? // Вопросы русского языкознания. М., 1984. Вып. 5. С. 189–223.

Никита Ильич Толстой

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

Том I

Славянская лексикология и семасиология

Издатель А. Кошелев

Редактор С. М. Толстая

Корректор М. Н. Толстая

**В подготовке тома к печати принимали участие
Т. И. Вендина, Н. В. Китаева, М. Н. Толстая, С. М. Толстая**

**Подписано в печать 15.05.97. Формат 70х100 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура «Школьная».
Усл. п. л. 32,5. Заказ № 1733 Тираж 2000.**

**Издательство «Языки русской культуры».
129345, Москва, Оборонная, 6-105; ЛР № 071304 от 03.07.96.
Тел. 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).
E-mail: sch-Lrc.msk.ru**

**Отпечатано с оригинал-макета во 2-й типографии РАН.
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.**

**Оптовая реализация — тел.: (095) 247-17-57.
Костюшин Павел Юрьевич.
Проезд: Метро «Парк Культуры», здание изд-ва «Прогресс».**

**Foreign customers may order the above titles
by E-mail: Lrc@koshelev.msk.su
or by fax: (095) 246-20-20 (for ab. M153).**

Том I

Н. И. ТОЛСТОЙ * ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ